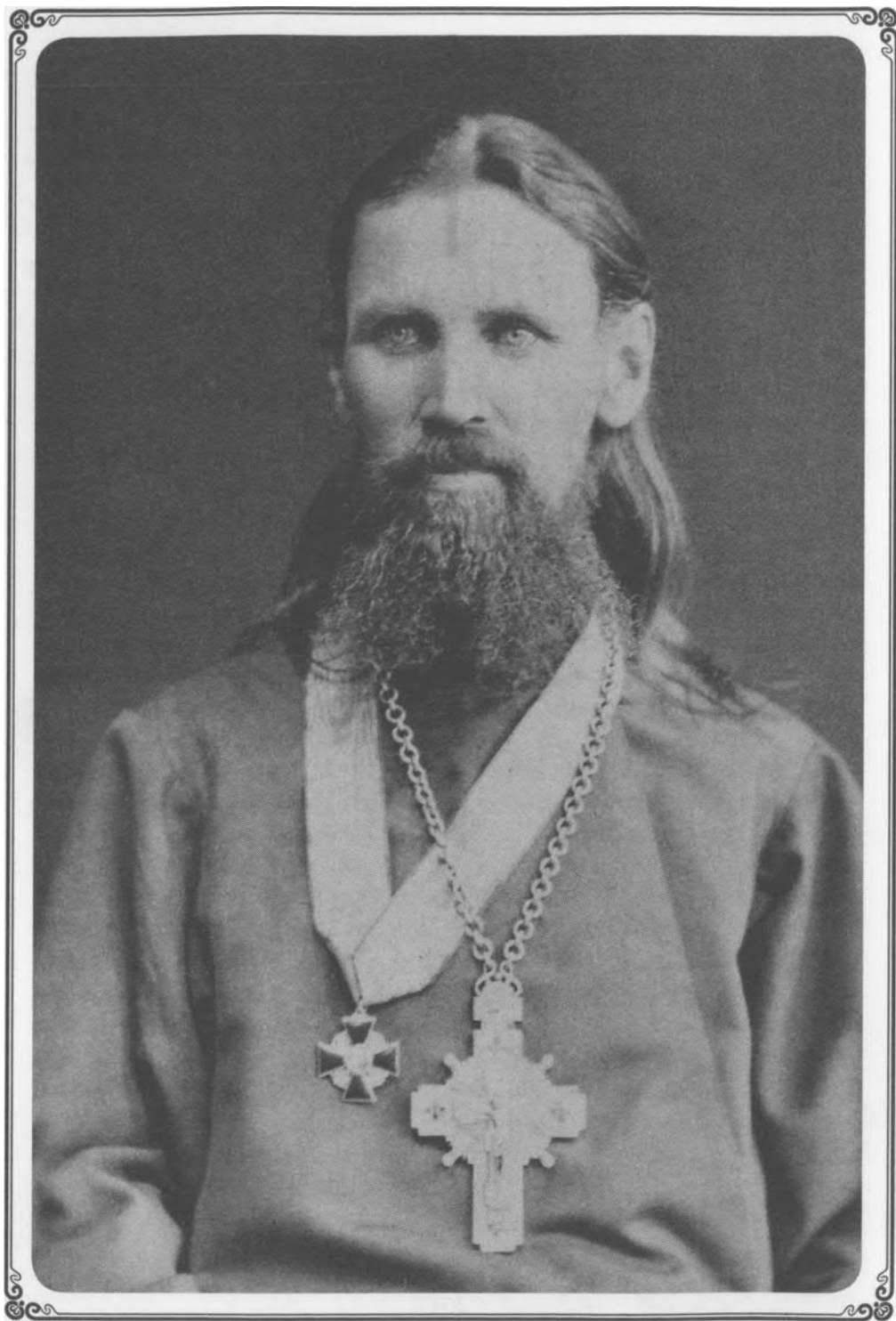

РЯДОМ С БАТЮШКОЙ

*Воспоминания духовных чад
о святом праведном отце
Иоанне Кронштадтском*

Москва
«Отчий дом»
2012

УДК 235.3
ББК 86.372
Р-98

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
(ИС 12-213-1217)*

Р-98 Рядом с Батюшкой: Воспоминания духовных чад о святом праведном отце Иоанне Кронштадтском. — М.: Отчий дом, 2012. — 488 с.

«Рядом с Батюшкой» — книга воспоминаний о святом праведном отце Иоанне Кронштадтском самых близких ему людей, духовных чад, общавшихся с великим пастырем в течение долгих лет. Благодаря этим свидетельствам современный читатель имеет возможность увидеть отца Иоанна не только во время служения Литургии и общения с тысячами людей, но и в обыденной, каждодневной жизни и приблизиться к Божьему чуду — личности святого человека.

УДК 235.3
ББК 86.372

Над изданием работали:
Ю. В. Балакшина, М. Ф. Земцова,
Т. И. Орнатская, М. Е. Шкатов

ISBN 5-87301-099-4

© Составление, примечания, макет,
оформление — издательство
«Отчий дом», 2012

От издателей

О святом праведном отце Иоанне Кронштадтском сохранилось большое количество воспоминаний, и это не удивительно — ведь он был истинным Пастырем всей России и круг людей, лично его знавших, был неимоверно широк. Он находился в постоянном общении с людьми, каждый день служа Литургию, исповедуя, причащая; он получал огромное количество писем и телеграмм, так что кронштадтская почта для его переписки должна была открыть особое отделение. Отец Иоанн часто совершал путешествия по России, и там, где становилось известно о его приезде, его ожидало множество народа, люди искали встречи с ним, уповали на его помощь. Для одних общение с отцом Иоанном ограничивалось короткой беседой, ответным письмом, общей молитвой. Другие удостаивались долгого духовного общения с ним. Именно таковы авторы текстов, представленных в настоящем издании. В него вошли произведения различных жанров: письма, дневники, записки, воспоминания, стихотворения, — написанные тремя духовными дочерьми отца Иоанна, тремя женщинами разной судьбы и разного характера, принадлежавших к разным сословиям русского общества.

Первая из них — игумения Леушинского монастыря Таисия (Солопова) — происходила из древнего дворянского рода. Более тридцати пяти лет она состояла, говоря ее словами, «в самых близких духовных отношениях» с отцом Иоанном Кронштадтским. Их связывала настоящая духовная дружба. Матушка Таисия была «соутешительницей» в беседах с отцом Иоанном о «предметах духовного, возвышенного характера» и все услышанное «тщательно записывала, стараясь упомянуть каждое слово». Будучи высокообразованным и литературно одаренным человеком, игумения Таисия сохраняла память об отце Иоанне в текстах различных жанров: стихах, летописях, воспоминаниях, духовных размышлениях, «беседах». «Беседы» игумении Таисии с отцом Иоанном особенно ценны тем, что Батюшка в свое время пожелал сам их «проверить, нашел правильными, сделал в некоторых местах поправки, где вписал своей рукой прибавления».

В книгу также включены воспоминания Александры Нарцизовой, жительницы Ярославля, родившейся в семье небогатого чиновника,

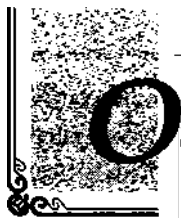
выходца из духовного звания. Нарцизова — возможно, один из самых необычных «мемуаристов» в истории: Александра Флегонтовна была глухой. Неизвестно, отважилась ли бы она на писательское дело, если бы сам отец Иоанн не благословил ее. «На мой вопрос, какой образ жизни мне избрать? — отец Иоанн между прочим сказал: “Ты имеешь пишущую руку, делись своим талантом!”» Лишенная слуха, Александра Нарцизова острее видела и глубже чувствовала; на все происходящее она смотрела радостно, открытыми глазами, стараясь не упустить ничего из того, что привлекало внимание ее духовного отца. Батюшка неоднократно приглашал ее в поездки на его родину — в Суру. С первого же путешествия Нарцизова начала записывать свои впечатления. Глухота не помешала ей с максимальной точностью донести до нас слово отца Иоанна: после проповеди она просила у Батюшки текст речи и тщательно переписывала его в свою тетрадку.

Третья часть книги — дневник Екатерины Духониной, жены прославленного генерала, героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг., защитника Шипки Михаила Лаврентьевича Духонина. Благочестивый читатель в ее дневнике увидит истинное чудо преображения человеческой души, произошедшее благодаря молитвенному участию отца Иоанна: «...как этот настоящий светильник на нашей помраченной земле спас мою жизнь, свел с ложного пути, на котором я могла совсем погибнуть, <...> как он взял меня под свое руководство как духовную дочь и поставил меня на истинный путь, сделав искреннею убежденною христианкой». Екатерина Духонина внимательно следила за политической жизнью страны. Благодаря ее дневнику до нас дошли драгоценные сведения, дающие представление об общественной позиции Кронштадтского Пастыря.

Господь даровал авторам публикуемых текстов возможность хорошо знать отца Иоанна: часто беседовать с ним, находиться рядом в моменты его общения с различными людьми, быть свидетелями его чудотворений — и потому они могли по-настоящему глубоко сохранить в памяти и донести до нас черты личности Батюшки, особенности его каждодневной жизни. Эти тексты, собранные под обложкой одной книги, дают возможность сегодняшнему читателю увидеть с разных сторон, глазами столь непохожих друг на друга людей, Божье чудо — личность святого человека, праведного отца Иоанна Кронштадтского, — услышать его слово, его наставление и ощутить то главное, что составляло истинную суть отца Иоанна, — любовь к Богу и человеку.

Часть I

**ВОСПОМИНАНИЯ
ИГУМЕНИИ
ТАИСИИ**

Отец протоиерей Иоанн Ильич Сергиев как пастырь

*Тако да просветится свет ваш
пред человеки, яко да видят ваша
добрая дела и прославят Отца
вашего, Иже на небесех.*

Мф. 5, 16

Кто в наше время не знает кронштадтского пастыря, отца протоиерея Иоанна Сергиева? Не только наша матушка Россия хвалится им, но и Европа знает имя этого русского пастыря, — имя, переходящее из уст в уста в различных о нем толках и суждениях, сообразно личным взглядам каждого. Говорят о нем в высших сферах и в кружках простолюдинов, в светлых палатах и в убогих хижинах, говорят и богатые и бедные, старые и малые, ученые и простецы, духовные и миряне, говорят много и различно: *овии глаголют, яко благ есть: инии же — ни, но льстит народы*¹⁾. Однако все толки, не исключая и последних, сводятся к одному заключению: «Удивительный человек!» Так восклицает и духовный проницательный ум, вникающий в силу благотворной деятельности достойного пастыря, то же скажет и чуждый духовного просвещения надменный мудрец, и невежда простец, видящие лишь внешнюю сторону благодатных действий его.

Кто не слышал, а может быть и не испытал на себе лично или на своих домашних чудодейственной силы молитв и благословений отца Иоанна, действующих не только лично, но и заочно, иногда далеко, за тысячеверстное пространство, везде, где только есть живая вера и теплое молитвенное обращение?

Да, действительно, «удивительным», незаурядным человеком является в наше время отец Иоанн! Его пастырская деятельность, по исключительному образу его жизни и по особенно благодатной силе молитв его, невольно переносит мысль нашу к временам первенствующей Церкви, когда святые апостолы обходили *грады и веси, уча и благовествуя Евангелие Царствия Божия, исцеляя недуги*²⁾, возбуждая к покаянию и обращению грешни-

¹⁾ Ср.: Ин. 7, 12. Цифрой и скобкой обозначены сноски, размещенные внизу страницы, цифрой — примечания в конце каждой части.

²⁾ Ср.: Лк. 8, 1; Лк. 9, 6; Мф. 9, 35.

ков. В те времена такой род действий был совершенно необходим для успешнейшего распространения и укрепления христианской веры в ее начатках; чудесные же знамения и силы, сопровождавшие проповедь, служили наилучшим доказательством благодатного могущества и величия веры.

В наше, скажем, позднее время, когда большинство христиан существует лишь по имени, а не по духу Христову, время, скудное верою и благочестием, когда, по слову Писания, *оскуде преподобный: умалишася истины от сынов человеческих*¹⁾, когда люди, добровольно уклонившись от истины, стали вымышлять и создавать себе какие-то новые, искаженные вероучения, когда они настолько увлеклись пристрастием к житейскому и суетному, что забыли свое Божеское происхождение и предназначение для вечности, забыли, что они *сожителе святым и приснии Богу*²⁾, а не *травя, днесь сущая, а заутре в пещь* вметаема³⁾, в наше, говорю, столь позднее время домостроительство Божие воздвигает мужа *по сердцу Своему*⁴⁾, — мужа веры и благочестия, обильно преисполненного дарами благодати, воздвигает как бы для того именно, чтобы уже не только словом Святого Писания, к которому люди стали так равнодушны, что и *слышаще* его, *не слышат*⁵⁾, а наглядно, живым примером изобразить пред ними тот нравственный образ христианина, который христианин утратил в себе и затем настолько отдалился от него, что стал считать его недоступно высоким, недосызаемым. Воздвигает же его в лице не простого христианина, а именно пастыря Церкви, не из среды сильных, славных или мощных мира, а из среды смиренных служителей Своих, безвестных, скромных, нередко презираемых тружеников на ниве Христовой. *В руце Господа власть над землею, и потребнаго воздвигает во время свое*, — говорит премудрый Сирах⁶⁾. Какой наглядный, живой урок пасомым — смотреть на пастырей своих как на ближайших *служителей Христовых и строителей таин Божиих*⁷⁾, по преимуществу исполненных дарами благодати, как на священных сосудов этой благодати, из которых она изливается неистошимо и щедро на всех верующих; с другой же стороны, какой высокий пример и самим пастырям — видеть воплощенным идеал своего служения, идеал, доступный каждому из них, по мере их усилий и расположений сердца.

¹⁾ Пс. 11, 2. — ²⁾ Еф. 2, 19. — ³⁾ Ср.: Лк. 12, 28. — ⁴⁾ Ср.: Деян. 13, 22. — ⁵⁾ Ср.: Мф. 13, 13; Ис. 6, 9. — ⁶⁾ Ср.: Сир. 10, 4. — ⁷⁾ Ср.: 1 Кор. 4, 1.

Что прежде всего и больше всего останавливает на отце Иоанне Сергиеве нашу мысль? Более глубокий, духовный ум прежде всего, конечно, обратит внимание на нравственную высоту этого духоносного мужа и на обилие присущей ему благодати, простирающейся до чудодейственности. Иной же, может быть, остановится на его популярности, на вопросе о том, каким путем он достиг ее, сделавшись тем, чем является теперь перед нами?

Смиренный служитель Божий, отец Иоанн, проходя свое подвижнически-пастырское служение в уединенном уголке Кронштадтского острова, очевидно, не только не гремел о своих великих делах, но, может быть, и не предполагал никогда, чтобы они привели его к такому исходу, — выдвинули из среды людей и поставили на свещник¹⁾ пред всем миром, что, конечно, составило для него тяжелый крест, который понести и могут лишь его мощные плечи, с помощью благодати Божией. Но *прославляющая Мя прославлю, — говорит Господь²⁾; и никтоже вжигает светильник, под спудом поставляет его, но на свещник... да входящие видят свет; и тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего Небесного³⁾*. Эти слова Евангелия яснее всякого человеческого слова отвечают на вопросы и о причине, и о цели популярности и деятельности отца Иоанна.

Если задача каждого христианина — своею жизнью служить, то есть способствовать прославлению имени Божия, то тем более это составляет обязанность пастырей Церкви, которых Сам Господь называет *светом мира, солью земли: Вы есте свет мира, вы есте соль земли: аще соль обуяет — что чим осолится?*⁴⁾ Соль благодати, присущая отцу Иоанну как пастырю, не обуяла в нем; он может дерзновенно сказать с апостолом: *благодать Божия, яже во мне, не тща бысть, но паче инех потрудихся*, и в силу этой всемогущей благодати — *есмь, еже есмь, не аз же, но благодать Божия, яже со мною⁵⁾*.

Биографические сведения о рождении и жизни отца Иоанна неоднократно печатались и в духовных журналах («Паломнике»), и отдельными брошюрами¹⁾; но мы хотим сказать здесь несколько слов о характере внутренней жизни его как мужа веры и благочестия, почему и упомянем лишь те немногие черты из его био-

¹⁾ Ср.: Лк. 8, 16. — ²⁾ 1 Цар. 2, 30. — ³⁾ Ср.: Лк. 8, 16; Мф. 5, 15, 16. — ⁴⁾ Ср.: Мф. 5, 14, 13. —

⁵⁾ Ср.: 1 Кор. 15, 10.

графии, которые могли бы несколько приблизить нас к понятию о его внутренней духовной жизни в наше назидание. Некоторые обстоятельства из жизни отца Иоанна служат доказательством того, что он как избранник Божий намечен был перстом Его промысла еще от самой колыбели.

Еще в младенчестве он сподоблялся лицезрения ангельского наяву: однажды ночью, зимою, лежа в постели, шестилетний младенец Иоанн увидел в комнате необычный свет; взглянув, он увидел стоящего среди его Ангела в его небесном прославленном виде; когда младенец Иоанн от необычности такового явления естественно пришел в недоумение, Ангел успокоил его, назвавшись его Ангелом хранителем, всегда присущим ему на его соблюдение, охранение и спасение от всякой опасности.

Потом, когда ему было около десяти лет, он видел еще одно видение, имевшее для него пророческий смысл: он, десятилетний младенец, видел себя священником, служащим в кронштадтском Андреевском соборе, который и был показан ему не в том своем виде, в каком находился в то время, а в том, как он поновлен десятки лет позже этого видения. Промыслу Божию благоугодно было еще в младенчестве показать своему избраннику и образ, и самое место служения его Господу. В этом-то именно храме и началась труженическая духовная жизнь отца Иоанна, не только в смысле пастырского его служения, но и в смысле строгой бдительности его над своим внутренним человеком, постоянных подвигов самоотвержения, чистоты, молитвы, любви к Богу и ближним и других добродетелей христианских, которые теперь, как драгоценный венец, выкованный многолетним трудом, украшают пастырскую главу его.

Сам отец Иоанн, как образец скромности и смирения, всегда умалчивает о своих духовных подвигах и добродетелях, но они говорят сами за себя, ибо плод без семени не вырастает. Впрочем, нам известны некоторые случайно им упомянутые обстоятельства. «Знаешь ли, — сказал он однажды в беседе с одной глубоко почитающей его особой, — что прежде всего положило начало моему обращению к Богу и еще в детстве согрело мое сердце любовью к Нему? Это Святое Евангелие. У родителя моего было Евангелие на славяно-русском языке; любил я читать эту чудную книгу, когда приезжал домой на вакационное время: и слог ее, и простота речи были доступны моему детскому разумению, я читал и услаждался ею, и находил в этом чтении высокое и неза-

менимое утешение. Это Евангелие было со мною и в духовном училище. Могу сказать, что Евангелие было спутником моего детства, моим наставником, руководителем, утешителем, с которым я сроднился с ранних лет».

При таких условиях от природы мягкое и доброе сердце отца Иоанна могло ли не согреваться любовью к Господу и не стремиться к Нему? Доброе семя падало *на добрую землю*¹⁾, которая должна была в свое время произрастить плод сторичный, достаточный к насыщению многих. *Царствие Божие*, — говорит Господь, — *подобно есть зерну горчичному, которое меньше всех зерен, а когда возрастет, то бывает больше всех злаков, и птицы небесныя ютятся под сению его*²⁾. Словами Святого Евангелия говорил с ним Сам Христос, оставляя в чистом детском сердце его глубокий след и как бы полагая печать Свою на Своего избранника. Ощущая на себе эту печать в теплой любви к Господу, отрок Иоанн естественно стремился излить эту любовь пред Ним непрестанною о Нем мыслию, то есть молитвою сердца и ума. С поступлением в училище он не только не оставил своего благочестивого обычая предаваться богомыслию и внутренней молитве, но ощутил еще большую в них потребность, ибо, быв отлучен от своей родной семьи, еще более чувствовал свое одиночество и беспомощность и еще более стал прилепляться сердцем к одному неразлучному с ним и любимому им Христу; в Нем одном он искал и находил себе и помощь, и утешение. «Молитва, — говорит отец Иоанн, — была для меня всегда как бы сокровищницею, в которой я находил все, чего желала душа моя: ею услаждалось мое сердце, просвещался ум, и воля почерпала силу уклоняться от всего богопротивного, коим боялся я прогневать, оскорбить Господа, а чрез это укреплялся во мне страх Божий. Чем глубже вникал я в смысл слов молитвы, тем сильнее пленялся высотой их».

Вот какими основами и началами зарождалась и крепла жизнь духовная в юном сердце будущего пастыря Святой Церкви!

Благодать Божия, предызбрав в нем достойный себе сосуд, сама охраняла и как бы воспитывала своего избранника с самого младенчества, ведя его *путем тесным*³⁾. И обучение книгам в начале нелегко давалось ему; только усиленным прилежани-

¹⁾ Ср.: Мф. 13, 23.

²⁾ Ср.: Мф. 13, 31–32.

³⁾ Ср.: Мф. 7, 14.

ем, а еще более усердною молитвою, подобно великому угоднику Божию Сергию Радонежскому, он привлек себе благодатное просвещение умственных способностей настолько, что впоследствии сделался одним из первых учеников². Благонравие же и кротость всегда были отличительными чертами его нрава³, снискавшими ему всеобщее уважение и любовь.

По окончании курса в Архангельской семинарии Иоанн Сергиев, как один из лучших учеников, был переведен в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, где в 1855 году и окончил курс со степенью кандидата богословия.

Время пребывания отца Иоанна в Академии почти неизвестно; сам он, по обычаю своему, о нем умалчивает, а товарищи его, из которых известны весьма немногие, говорят единогласно только то, что он всегда отличался удивительною скромностию, молчаливостію, тихостию нрава, не любил веселых обществ, от которых всегда уклонялся, предпочитая всему уединение, среди которого усердно предавался чтению; любил он музыку и особенно церковное пение. Один случай в период академической жизни отца Иоанна, переданный им самим, можем сообщить здесь, как не лишенный внимания: «Первые деньги, — говорит он, — заработанные моим личным трудом, дали мне возможность приобрести давно желанные книги святого Иоанна Златоуста — “Объяснение на Евангелие от Матфея” и “Беседы его к Антиохийскому народу”⁴. Какое наслаждение доставили мне эти книги! Я не мог оторваться от них, а иногда так увлекался, что, забывая все окружающее, готов был вслух высказывать, восклицать похвалы дивному Златоусту». Все это доказывает лишь то, насколько чисты и возвышенны были и образ мыслей, и стремления души юного студента Сергиева даже в тот период жизни, когда так естественно и обычно юношам, оканчивающим курс учебных заведений и начинающих уже вглядываться в открывающуюся пред ним самостоятельную и свободную жизнь, обширное поприще которой пред ними разворачивается, — увлекаться воображаемыми красотами этой жизни и надеждою поселиться на свободе после тяжелых трудов обучения.

Какие же мысли по поводу вопроса об устройстве дальнейшей судьбы своей (после окончания курса) занимали юного студента Иоанна Сергиева?

Любовь к Богу и ближним, с раннего возраста овладевшая его сердцем, успела возрастить и принести свой плод, который и обнаруживался в неизменном желании и твердом намерении

всеми силами души и тела служить любимому им Господу, способствовать прославлению святого Его имени, не только своею собственною жизнью, но и содействием всем своим ближним, что всего удобнее и приличнее исполнить пастырю Церкви.

Он решился принять сан священства, высота и святость которого давно уже были его идеалами. Он чувствовал свое к сему призвание и по стремлениям души, и по бывшему ему еще в отрочестве откровению.

Немало, однако, препятствий становится на пути к осуществлению наших и самых высоких намерений! Внешние условия — неизбежные спутники духовных стремлений; они не только стесняют нас, но иногда и вовсе поработщают, и блажен тот воин Христов, который не победится ими!

Пастырь с самого момента получения благодати священства становится как бы двояким человеком: «земным ангелом и небесным человеком»; не переставая быть плотяным, подобострастным¹⁾ человеком, он в то же время должен сохранять и в самом себе свет истины и чистоты богоподобия и проливать его на всех пасомых, так что разумно готовящиеся к принятию пастырского служения не могут не сознавать высоты и трудности его.

Возможно ли описать те возвышенные чувства души, которые овладели всем существом благочестивого и кроткого, юного возраста, но не духом иерея Божия Иоанна! «Радовалось сердце мое при мысли, что в силу своих пастырских обязанностей я делаюсь как бы *споспешником Божиим*²⁾ в деле спасения людей, но и трепетало страхом при сознании трудности и важности сего дела», — говорит он. Но *на кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливаго, трепещущаго словес Моих?* — говорит Господь³⁾. Видел Он преднамерения и стремления души избранного Своего служителя и ощущительно для него самого подавал ему Свою *благовременную помощь*⁴⁾, как сам отец Иоанн пишет в дневнике своем⁵⁾: «С самого начала моего священнического служения мне приходилось вести неравную, упорную и жестокую борьбу на живот и на смерть; с самого начала моего священнослужения я должен был усиленно молиться Господу сил, как и теперь молюсь, да *научит Он, Всеблагий, руки мои на ополчение, персты мои на брань*⁵⁾, невидимую, упорную, ожесточенную брань.

¹⁾ Подобострастный (церк.-слав.) — подобный страстями, подверженный таким же страстям.

²⁾ Ср.: 1 Кор. 3, 9. — ³⁾ Ис. 66, 2. — ⁴⁾ Евр. 4, 16. — ⁵⁾ Ср.: Пс. 143, 1.

И я не оставлен беспомощным в этой спасительной брани; я *возводил очи мои*, полные слез, к небу, *откуда всегда приходила мне помощь*¹⁾, хотя иногда и не вдруг и нескоро, по причине бывшей неопытности моей в искушениях на молитве»⁶. Сознание высоты своего призвания возбуждало в нем глубокое самовни-мание, чтобы и жизнь не менее слова служила назиданием для пасомых. Вот как сам отец Иоанн говорит об этом: «При непре-станных внутренних искушениях я должен был постоянно обра-щать душевное мое око внутрь себя, чтобы усматривать нападе-ния внутренних врагов, и таким образом я приучил себя почти к непрестанному духовному созерцанию и тайной молитве»⁷.

При таких условиях его жизни молитва, к которой с детства привыкло его сердце, становилась для него все большею и боль-шею потребностью, или, как он выражается, его «воздухом», без которого он не может дышать. Она не ограничивается для него ни временем, ни местом, но везде и всегда ум его настро-ен молитвенно. Не довольствуясь возможностью удовлетворять такой потребности духа в продолжении дня, часть которого безусловно отвоевывают себе различные обязанности и самая злоба дня²⁾, он уделял ей и часть ночного покоя, если только можно назвать «покоем» его ночное уединение. Сколько светлых мыслей, благодатных осенений озаряли тогда иерея-подвижника! *Слагая их в сердце своем*³⁾, втайне от всех он поверял их лишь бумаге, которая таким образом и послужила хранилищем таин-ственных сокровищ. «Господь сподоблял меня часто, — говорит отец Иоанн, — чудных внутренних озарений и светлых мыслей; я старался не пропускать их без внимания и записывал их в свой дневник»⁸. Подобные записи еще умножились, когда по воле начальства отец Иоанн определен был законоучителем сначала училища, а потом мужской гимназии⁹. Сам он говорит об этом: «Преподавая ученикам высокие истины по предметам веры и благочестия, я старался их разъяснять им как можно удобопонят-нее, чтобы они не зарождали в них недоумений или сомнений, но достигали цели — духовного просвещения и нравственного преуспевания. Для этого приходилось мне самому вдумываться и углубляться, причем нередко я ощущал какое-то просветле-ние мыслей и чувств; оно обнимало собою не только предметы,

¹⁾ Ср.: Пс. 120, 1.

²⁾ Ср.: Мф. 6, 34.

³⁾ Ср.: Лк. 2, 19.

преподаваемые ученикам, но и гораздо шире просвещало ум. Я записывал такие светлые мысли, и в течение многих лет из этих записей составлялись целые книги, которые изданы в настоящее время под заглавием: «Моя жизнь во Христе»».

Действительно, жизнь отца Иоанна была и есть жизнью во Христе; он никогда не жил в себе и для себя, но во Христе и для Христа, Которого непрестанно созерцал пред собою мысленно, молитвенно и видел Его в лице ближних своих, по слову великого апостола любви, святого Иоанна Богослова: *любяй Бога любит и брата своего*¹⁾. Для них он не щадил себя, *быв всем для всех, да всяко некия приобретае*²⁾. И теперь еще со слезами вспоминают кронштадтские жители о том незабвенном и счастливом для них времени, когда дорогой их Батюшка, отец Иоанн, не быв еще в такой степени обременен посторонними посетителями и собственными отлучками ради нужд страждущего человечества, — более принадлежал им, или, вернее сказать, отдавался им всецело. Часто сам, без предварительного приглашения, он посещал их, особенно когда где случалось какое-либо горе, или болезнь, или где душевное состояние человека требовало обличения, врачевания или подкрепления. Примеров сего нашлось бы много, если бы спросить жителей города Кронштадта; но здесь, без всяких предварительных вопросов, могу привести несколько из них, совершенно случайно слышанных мною от тех самых лиц, с которыми они случились.

Один кронштадтский торговец (купец или мещанин — мне неизвестно), и по настоящее время еще занимающийся своим делом, однажды в разговоре со мною об отце Иоанне рассказал мне следующее: «Быв еще очень молодым человеком, я лишился жены, оставившей на мои руки малолетнего и притом единственного сына. Сильно скорбел я, порою доходил до уныния; не только потеря горячо любимой подруги жизни мучила меня, но и мысль о дальнейшей моей судьбе. Я чувствовал и сознавал, что неспособен воспитать своего шестилетнего сына, который, как и надо было ожидать, без присмотра материнского, предоставленный самому себе, — стал баловаться, так что я справедливо мог опасаться за его нравственность; по торговле пошли опущения и убытки, да ее я стал считать бесцельною, — для кого и для чего,

¹⁾ 1 Ин. 4, 21.

²⁾ Ср.: 1 Кор. 9, 21–22.

думал я, торговать? Сынишка так еще мал, да и что еще из него выйдет?! Полное разочарование жизнью наполняло мою душу. Чтобы избавиться от гнетущей меня тоски, я стал искать утешения вне дома, с товарищами, в wine, и незаметно для себя самого, мало-помалу сделался пьяницей. Время проходило; сынишка рос по своей волюшке, торговлю я почти совсем не занимался, оставив лавку на приказчиков, и только выжидал случая совсем закончить ее. Однажды утром иду я по улице — вижу, навстречу идет отец Иоанн Сергиев, должно быть, прямо из собора от обедни; повстречался со мною, благословил меня да и говорит: “Я к тебе, брат, иду — надо бы с тобой побеседовать немножко”. Вот пришли мы в квартиру мою, сел Батюшка да и говорит: “Жаль мне тебя, раб Божий! Я давно наблюдаю за тобою, думал, не образумишься ли сам ты, но вот наконец вышел я на помощь тебе; послушай меня, сбрось с себя хандру, это враг силится ею уловить тебя, и если не исправишься, — смотри, худо будет. Перестань пить, не отлучайся из дома без особенной надобности, торговлю бросать и не думай, займись ею сам; помни, что ты не один — у тебя сынишка, не губи его и себя; учить его пора, — учи грамоте, бери с собой в лавку, приучай понемногу к делу; и тебе повеселее будет, да и он с помощью Божией приучится к делу — человеком будет, тебе помощником, а под старость кормильцем твоим, утешением твоим. Слышишь же, с сегодняшнего дня начинай, довольно по улицам-то бродить без дела; человеком ты был, человеком и оставайся!” С этими словами Батюшка встал, надел на себя епитрахиль и говорит: “Ну вот, на начин дела помолиться надобно; помолимся поусерднее Господу Богу, чтобы Он помог нам раскаяться — да в разум истины прийти”. И стал на молитву, да со слезами, родной наш, молился он за меня грешного. Потом благословил он нас с сыном, обещался навещать и молиться за нас и ушел. Словно проснулся я от долгого тяжелого сна; и квартирка-то наша словно милей мне стала. Со слезами раскаяния обнял я своего сына и только тут почувствовал, как виноват я перед ним, ведь чуть было я не сгубил его. С благословения Батюшки и принялся я за дело. Батюшка действительно навещал меня, иногда и подолгу беседовал, утешал, подкреплял меня, ласкал и наставлял сыночка; дело по торговле за год поправилось, и я стал “человеком”, за молитвы нашего ангела Батюшки. Так вот какой у нас отец Иоанн, — немного таких на свете!» — добавил торговец и тем закончил рассказ.

Действительно, как дорога своевременная помощь и поддержка человеку, находящемуся в горе и в искушении, она может спасти ему жизнь; особенно же, если эта поддержка является со стороны пастыря, в лице которого христианин видит нечто высшее, священное, и относится к нему сравнительно с большим доверием и почтением.

Другой пример: одна высокоблагородная девица Н. Т., лично мне известная, рассказала мне о себе следующее: «Судьба рано заставила меня страдать и томиться жизнью; с малолетства я не была любима в родной семье; от природы болезненная, неразвита, ни к чему не способная, но изнеженная, нервная, я была в тягость и другим, и самой себе. Отдали меня в институт, но и оттуда через три года выключили по неспособности к учению; трудно давалось мне ученье, да и желания к нему, как и никогда ни к чему, у меня не было; меня прозвали там “неудачником”, и это прозвище всю жизнь мою звучит в моих ушах, и не могу не сознать его справедливости. В то время, когда меня выключили из института, отца моего уже не было в живых; мать моя, слабая, болезненная женщина, не имела средств содержать меня так, как мы жили при отце; в лишениях, в скорбях проводили мы с нею дни; но вот наконец умирает и мать, оставляя меня без средств, без крова и даже без всякой возможности снискать себе пропитание каким бы то ни было трудом. Куда было мне приклонить мою голову? Вечно болезненная, скучная, недовольная, от всех отчужденная, или, как казалось мне, всеми пренебрегаемая, я гостила попеременно то у одних, то у других родственников или знакомых, но, видя или воображая, что нигде мне не рады, продолжала кочевать, не будучи в силах нигде приютиться. Одно из знакомых мне семейств (Карпинские) жило в Кронштадте, куда я с ними и отправилась. Пробыв у них несколько дней и не встретив, как мне казалось, искренности, я скоро соскучилась и стала подумывать об отъезде, но куда? Тем только хорошо мне было в Кронштадте, что там никто не знал меня, и, пользуясь летнею порою, я могла беспрепятственно уединяться от всех или где-нибудь на берегу, или на бульваре, ютясь на уединенной скамье, и предаваться своим грустным мыслям и слезам. Однажды мне было особенно тяжело: настолько безотрадным и безвыходным казалось мне мое положение, что я обдумывала план, как бы прекратить свое бесполезное и мучительное существование, хотя бы и насильственной смертью, так как иного исхода я не находила. Сидя в таком грустном

настроении, я и не заметила, как подошел ко мне священник и, приветливо поклонившись, молча сел на другой конец скамьи. Не зная его, как и никого в Кронштадте, и не желая ни с кем разделять своего тяжелого впечатления, я встала и хотела удалиться, но незнакомый батюшка остановил меня и, как бы извиняясь, сказал: “Я обеспокоил вас, кажется, извините, но, проходя тут мимо, я не мог не подметить тяжелого настроения вашей души, свидетельствующего о глубокой скорби, и как пастырь, хотя и незнакомый вам, но по сану пастырства и не чуждый, позволил себе подойти к вам и с чувством искреннего участия побеседовать с вами; не стесняйтесь — откройте мне вашу скорбь; может быть, чрез меня грешного и успокоит и утешит вас Господь”. Тронутая таким участием совершенно незнакомого мне человека, я горько заплакала, но ничего не могла сказать, как только: “Я несчастная, лишняя на свете!” — “Великий ум Творца не мог сотворить ничего лишнего!” — отвечал мне Батюшка и, указав на ползущую по песку букашку, продолжал: “Посмотри, что́ беспомощнее, ничтожнее этого насекомого? Но и оно не лишнее, и оно приносит долю пользы, и оно не забыто и не оставлено Творцом! А ты, будучи человеком, — этим любимым созданием Божиим, — отчаиваешься в Его милосердии! Поведай мне скорбь свою, скажи, что случилось с тобою”. Тут я излила всю свою душу перед добрым Батюшкою; мне казалось, что еще никто не говорил со мною с таким участием, никто так не утешал меня. Он казался мне ангелом, посланным Богом на спасение мое от гибели, до которой было мне уже так недалеко. С искреннею отеческою любовью беседовал он со мною, ободрял, утешал, указывал мне путь жизни, которым я и иду до сего времени и не перестаю благодарить его.

Имени своего он не открыл мне, назвавшись лишь одним из соборных священников. Когда же, вернувшись к своим знакомым, я объяснила им его внешний вид, то они признали в нем отца Иоанна Сергиева, добавив, что он дивный, святой человек».

Вот два примера из множества подобных в многосторонней пастырской деятельности отца Иоанна еще в начале его священнослужения: он не только откликался просящим его помощи, но и сам искал требующих ее, как истинный пастырь, как преемник и подражатель апостолов, дабы *всяко*, то есть каким бы то ни было способом, *спасти*¹⁾ беспомощных, заблудившихся овец

¹⁾ 1 Кор. 9, 22.

Христовых. И не только нравственное облегчение, но и материальную помощь приносил он страждущим, оказывая ее всем просящим без исключения, без различия, по слову Господа: *Прозящему у тебя дай, и хотящаго у тебя зяяти не отвори*¹⁾.

Куда ни простиралась рука милосердия отца Иоанна и явно, и тем еще более тайно? Всюду, как светлый ангел-утешитель, он проливал свет добра и милости, и не только делал это сам, но склонял к тому же и других, как частных лиц, так и общественных деятелей.

Он первый подал мысль построить в Кронштадте Дом трудолюбия¹⁰, где бы бездомный бедняк мог честным трудом заработать себе насущный хлеб и таким образом не служить бременем для своих сограждан. Он первый настаивал на необходимости и пользе (в чем весьма долго пришлось потрудиться ему) открыть при соборе попечительство о бедных¹¹. Он же является одним из первых советников, во увековечение памяти царя-освободителя, построить и еще Дом трудолюбия, и когда этот дом, не быв еще окончен, сгорел¹², то и тут отец Иоанн вместе со своими сотрудниками в деле общественной помощи простирает руку не только в построении нового, но даже и в обеспечении его неприкосновенным капиталом.

Все таковые заслуги отца Иоанна как общественного деятеля описаны были неоднократно и в журналах, и в отдельных изданиях; здесь же, говоря о нем как об истинном пастыре, упоминаем о них лишь кратко, чтобы не оставить без внимания и внешних его заслуг, как имеющих столь обширное и благодетельное значение для общества.

С течением времени деятельность отца Иоанна все более и более расширяется и наконец достигает таких размеров, что нельзя не удивляться тому, как достает сил и физических и нравственных у этого самоотверженного труженика, *доброго пастыря*²⁾ Христова стада. На нем исполняются слова апостола Павла, сказанные им о себе: *Кто изнемогает, и аз не изнемогаю*³⁾, но *вся могу о укрепляющем мя Христе*⁴⁾. Ежедневно с раннего утра отец Иоанн является в храме Божиим для совершения утрени и затем Божественной литургии. Задолго до начала утрени сотни и тысячи людей толпятся у входа того храма, где предположено его служение, и, несмотря ни на какую погоду, стоят под откры-

¹⁾ Ср.: Мф. 5, 42. – ²⁾ Ин. 10, 11. – ³⁾ 2 Кор. 11, 29. – ⁴⁾ Флп. 4, 13.

тым небом, ожидая открытия дверей. Все наперерыв спешат занять место ближе к решетке, то есть к солее, чтобы удобнее и ближе видеть и слышать дорогого и горячо любимого Батюшку, чтобы, если возможно, иметь случай и сказать с ним несколько слов, открыть свою совесть, передать свою просьбу или просто получить благословение. Некоторые из мужчин с этой целью стараются пробраться в алтарь. И любвеобильный Батюшка никого не оставляет без внимания и, насколько позволяет ему время, старается всех удовлетворить и утешить. Чтение шестопсалмия отец Иоанн выслушивает всегда с особенным вниманием, для чего во избежание разговоров с обращающимися к нему посетителями обыкновенно уединяется на это время к престолу или жертвеннику (когда служит утреню другой священник), или в какое-либо более уединенное место алтаря, где весь погружается в молитвенное сосредоточение. Каноны он читает всегда сам на клиросе, где помогает певчим и в пении ирмосов; чтение его всегда отличается особенною выразительностью и ясностью; видно, что душа его всецело проникается читаемым и он весь переносится в область небожителей, которых память Церковь ублажает словами канона.

«Божественная служба, — пишет он в дневнике своем, — есть для меня бесценное и величайшее благо в жизни; в богослужении — вся жизнь нашей души, все ее сокровище; тут ее родина, ее воспитание, врачевание, ее пища и питье, ее сила и слава, ее святыня и жизнь»¹³. Не раз, а многократно говорил отец Иоанн и мне лично, *от избытка сердца*¹⁾ своего, согретого любовью к Господу и святым Его: «Как велико милосердие Божие к нам грешным! Какое неоцененное небесное утешение оставил Он нам на земле во Святой Своей Церкви! И ведь каждый день дается нам эта радость и сладость духовная; мы здесь воспеваем святых угодников Божиих, — воспоминаем подвиги преподобных, страдания мучеников, доблести святителей, апостолов и наипаче преблагословенную нашу Заступницу, Матерь Божию, — переносимся мысленно во дни их земной жизни, видим высокие примеры для подражания, — ведь и они были такие же люди, как и мы, но любили Господа и сумели угодить Ему; мы здесь воспеваем их и ублажаем, а они, в свою очередь, как бы в воздаяние нам за любовь к ним, поминают нас пред Престолом

¹⁾ Мф. 12, 34.

Божиим на небе, молятся за нас, как за своих младших братьев, и мы это ведь чувствуем осязательно, ощутительно! Ты веришь этому?» — «Верю, Батюшка, — отвечала я, — как не верить!» — «Да, истинно, — продолжал он, — как не верить, а к сожалению ведь есть несчастные — неверующие, надобно молиться за них! А литургия-то Божественная, — какое дивное таинство! Это предвкушение будущего блаженства, это — тайна небесная, Ангелам непостижимая, а мы, люди грешные, совершаем, священнодействуем!» Однажды в таком разговоре я дерзнула сказать ему: «Вы, Батюшка, так сильно и глубоко чувствуете, как будто переживаете все совершаемое вами». — «Не переживаю, — отвечал он, — а перечувствываю, да и как же иначе? Ведь Тело и Кровь Христовы предлежат предо мною; Агнец Божий “присно закаляется, освящаяй причащающихся”¹⁾. *Бог во плоти является*²⁾, как сказано: *Слово плоть бысть и вселися в ны, и видехом славу Его*³⁾. Да! Действительно, мы и видим, и чувствуем все это!»

Кто видел, как совершает Божественную литургию отец Иоанн (не в сослужении других, а сам, лично), тот, думаю, не мог не приметить какой-то особенной свободы и величия духа, придающих его служению какую-то торжественность. Однажды я как-то высказала это самому отцу Иоанну, на что он ответил мне: «Не ты одна так говоришь, это и многие замечали мне; сам же я на это ничего не могу сказать». Прекрасно выражена его о сем молитва в дневнике его: «О святейшая, всемогущая, всеблагая Глава Церкви Своей, Господи Иисусе Христе, Альфа и Омега, Начало и Конец! Дай же мне недостойному благодать *совершить святыню*⁴⁾ Твою, то есть богослужение Твое, свято, мирно и твердо; очисти сердце мое от всякия страсти и от всякого навета вражия! Воспламеняй меня небесным огнем Твоим, и не меня только, но и всех предстоящих и молящихся Тебе со мною во время моего служения! Смирять сердца надменных века сего; покори умы их Твоей истине и сердца их Твоему Слову; воссозидай, обновляй люди Твоя, Господи! Я немощен, но Твоя *сила в немощех* моих *да совершится*⁵⁾!»¹⁴

Почти за каждой Литургией отца Иоанна бывают причастники; и желающих исповедаться у него и причаститься Святых Таин бывает всегда весьма много.

¹⁾ Тропарь 1-й, песнь 9-я, канон ко Святому Причащению.

²⁾ 1 Тим. 3, 16. — ³⁾ Ин. 1, 14. — ⁴⁾ 2 Кор. 7, 1. — ⁵⁾ Ср.: 2 Кор. 12, 9.

Вот отзыв об этой исповеди одного петербургского жителя, совершенно случайно высказанный им: выходя из Кронштадтского собора, мы встретились с ним в дверях; удивленная этою неожиданностью, я обратилась к нему: «И вы здесь, Д. Е.?» — «А как же, ведь и нам хочется, как говорится, *в разум истины прийти*¹⁾; вот как побудешь здесь да послушаешь Батюшкиных речей, так душа-то и смягчится, и поживешь поисправнее. Я со всей семьей здесь, и жена, и сын, они еще в церкви, остались позднюю обедню стоять». «А часто вы здесь бываете?» — спросила я. «Да, частенько теперь стали посещать Кронштадт, да и дома стали чаще говеть; вот Батюшка отец Иоанн велит как можно чаще говеть; когда и на квартиру к нам в Петербурге приезжает, все спрашивает: “Давно ли очищали совесть покаянием? Чаще, чаще говейте”, — говорит. Да, спасибо ему, переродил он нашу столицу», — добавил он. В этом рассказе нет не только ни тени вымысла, но и ни одного прибавленного слова; напротив, я старалась передать его более сжато для краткости.

Действительно, одна из особенностей отца Иоанна как пастыря заключается, между прочим, в том, что он всегда старается внушить всем необходимость наиболее частого говения и приобщения Святых Таин как единственного источника нашего душевного обновления и воссоединения с Богом.

«Бедные человеки! — восклицает он в своих записках, — если бы вы знали, если бы уразумели вполне, какого великого сокровища, какого дара вы лишаете себя, отдаляясь от Святой Чаши! Какого Божественного, бесценного, животворящего, бессмертного дарования Божия, какой помощи в ваших душевных нуждах и немощах! Вот отчего нет истинной жизни в христианах православных, жизни по духу Христову, — оттого, что они отдаляются Христа! Вот почему умножились в людях пороки и бедствия! Вот почему против нас вооружилась вся тварь — в месть врагам Божиим, отступившим от своего Творца! Вся природа, все стихии: воздух, вода, огонь, смерть во всех ее видах казнят отступившего от Источника жизни!»

«О, сколько благодеяний подает нам Бог ежедневно в Божественной литургии! А как христиане к ней относятся?

Холодно, равнодушно, невнимательно. Какая безграничная любовь Бога к нам грешным ежедневно сказуется в Божественной

¹⁾ 1 Тим. 2, 4.

литургии! Какая близость Бога к нам! Вот Он тут, — на престоле; *прииди и виждь*¹⁾! *Вкусите и видите*²⁾! Какое чудное общение! Какое счастье и блаженство нашей природы в этом принятии Христа внутрь себя — очищение, обновление, мир, величие, свобода, слава, жизнь и бессмертие! О, бедные, бедные люди, чего вы лишаете себя под пустыми предложениями суетных житейских попечений! Говоришь: «Я недостоин, грешен», — покайся, здесь очистилище, здесь Сын Божий, *пришедый в мир грешных спасти, а не праведных*!³⁾ Говоришь: «Я занят, не имею времени», — *шесть дней делай и твори в них дела твои*, а хотя один день в неделе — *седьмой* — удели Господу Богу твоему⁴⁾. *Воздадите кесарева кесареви, а Божия — Богови*⁵⁾. *Упразднитесь и уразумейте*⁶⁾. Для всего мы находим время: для пищи и питья, для отдыха и покоя, для дел житейской суеты, для забав, театров, игрищ, нередко вредных и греховных в угождении страстям нашим, — для всего есть время, а посетить храм Божий, отслушать с надлежащим вниманием Божественную литургию, тем более — поговорить и причаститься Святых Таин нам нет времени, нет досуга. Между тем мы знаем, что первых времен христиане *бяху выну в церкви, хваляще и благословяще Бога*⁷⁾; знаем, что они приступали к Святой Трапезе каждую неделю, каясь и исповедуя грехи свои вслух пред всею Церковью»¹⁵.

Так пишет отец Иоанн, так проповедует в церкви, так учит по домам, везде, где бывает, и собственным своим примером подтверждает свое учение — сам ежедневно приобщаясь Святых Таин. Этому ежедневному приобщению он и приписывает ту силу и крепость, которая поддерживает и ободряет его в его изумительных трудах среди обширной деятельности. «Господь подкрепляет меня, — говорит он, — Господь, с Которым ежедневно я соединяюсь чрез Святое Причащение, иначе где бы я мог почерпнуть силы для таких постоянных, усиленных трудов, которыми стараюсь служить во славу святого имени Его и во спасение ближних моих!»

Прямо из храма отец Иоанн едет по квартирам города Кронштадта, где ожидают его множество приехавших к нему людей. В каждой комнате он служит краткий молебен с водосвящением, а иногда и не один, а несколько. Вошед в комнату,

¹⁾ Ин. 1, 46. — ²⁾ Пс. 33, 9. — ³⁾ Ср.: 1 Тим. 1, 15. — ⁴⁾ Исх. 20, 9. — ⁵⁾ Мф. 22, 21. — ⁶⁾ Пс. 45, 11. — ⁷⁾ Лк. 24, 53.

отец Иоанн прежде всего приглашает всех присутствующих к молитве: «Помолимтсь, — говорит он. — Господь наш Иисус Христос сказал: *идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их*¹⁾. Вот и мы, собравшиеся здесь во имя Его, должны веровать, что и Он Сам с нами здесь присутствует, невидимо находясь *посреде* нас, приемлет молитвы наши, которые и будем воссылать к Нему с несомненною верою и с теплою любовью, как дети к Отцу своему Небесному». Затем начинают все молиться. По окончании молитвы отец Иоанн приветствует всех своим ласковым, любвеобильным взглядом; каждого он старается утешить, ободрить, удовлетворить; выслушивает и отдельно обращающихся к нему за советами или с нуждами своими; просящих от него материальной помощи оделяет по мере возможности, нередко подаваемые ему за молебны или для поминовения деньги — тут же он отдает просящим. Таким образом удовлетворив всех в одном доме, отправляется в другой, где повторяется то же.

Обойдя все частные квартиры и Дом трудолюбия, где останавливаются приезжие, — отец Иоанн спешит на пароходную пристань, а зимою в Ораниенбаум на поезд железной дороги, откуда отправляется в Петербург, где, в свою очередь, десятки и сотни семейств ждут его приезда, как светлого праздника: где отчаянно болящий, оставленный врачами, ждет облегчения от святых и мощных молитв Батюшки отца Иоанна; где затруднительный семейный вопрос ждет решения от благословения его; где недоумение в каком-либо важном деле ищет указания в совете отца Иоанна, в котором видят указание свыше. Да в сущности — так оно и бывает; нередко на вопрошения серьезные и более духовного характера, хотя бы, по мнению нашему, и не требующие отлагательства, отец Иоанн не тотчас отвечает, говоря: «Об этом надобно помолиться, — как Господь укажет», и затем, чрез некоторое время, отвечает уже решительно и твердо. Иные ждут отца Иоанна, как Ангела утешителя, считая посещение его великою милостию Божиею, вносящею в их жилища мир и благословение свыше; да и в обычае отца Иоанна при входе в каждую квартиру приветствовать хозяев ее словами Спасителя: *мир вам!*²⁾ — и что удивительного, если *мир* этот и ощущается *сынами мира* и

¹⁾ Мф. 18, 20.

²⁾ Ин. 20, 19, 21.

почивает на них, по неложному слову Спасителя: *еще будет ту сын мира, почиет на нем мир ваш*¹⁾. Какая радость, какой восторг ощущается в том семействе, которое посетил отец Иоанн; и не только сами хозяева, но и те посторонние, которым, благодаря счастливой случайности, удалось пробраться в квартиру, где он молился и беседовал, с восторгом передают своим знакомым: «Мы видели отца Иоанна, он был здесь», или: «Мы получили его благословение» и тому подобное. Отчего происходит это? От одной ли сложившейся в народе, иногда, может быть, и безотчетной веры к отцу Иоанну? Или же действительно есть в нем какая-то сила, привлекающая к нему сердца людей, и если есть она, то какая именно, и чем объяснить это влечение к нему сердец, это беззаветное к нему доверие и любовь? Однажды ему самому предложили подобный вопрос: «Батюшка, почему подле вас так легко чувствуется на душе, так хорошо, что и расстаться с вами не хотелось бы?» — «По вере вашей, — отвечал смиренный пастырь, — но кроме того и благодать Божия, преизобильно почивающая на служителях Божиих, иереях Его, сообщается верующим по мере собственной их готовности и способности принять ее. Мы, пастыри, должны только помогать действиям Божиим над сердцами человеческими, должны ловить их готовые расположения к усовершенствованию и стараться поддерживать и усиливать такие расположения. Мы, пастыри, должны быть в кругу своей паствы, в мире духовном то же, что в природе — солнце: как с солнцем неразлучны свет и теплота, так и с лицом пастыря должны быть неразлучны святость, учительность и любовь, сообщаемые им благодатию Божиею. Светло и тепло ближе к солнышку, — тепло и легко душе подле пастыря, благодатию Божиею украшаемого».

Так говорит отец Иоанн, поучая всех не отдаляться от своих пастырей, которым вверил Господь все дело спасения людей Своих, искупленных Им *Своею Святейшею Кровию*²⁾. Сам же он пользуется каждым наималейшим удобным случаем к вразумлению и подкреплению людей в деле спасения.

Проездив таким образом до позднего вечера по улицам столицы от одного дома к другому с целью подания духовной помощи страждущим и взаимной молитвы, отец Иоанн наконец отправ-

¹⁾ Лк. 10, 6.

²⁾ Ср.: Деян. 20, 28.

ляется на поезд, чтобы ехать обратно в Кронштадт, куда прибывает не ранее одиннадцатого часа ночи. И на пути, и у самого дома его встречают и сопровождают целые ряды нищих, которых он чрез какое-либо доверенное лицо оделяет милостынею. Ежедневно больше тысячи таких бедняков (1500 или 1700) являются за получением этой милостыни, как «неотъемлемой своей пенсии» от отца Иоанна на насущный хлеб, как они выражаются. Около полуночи, а нередко и за полночь, вступает наконец на порог своей квартиры отец Иоанн, утомленный до последней крайности. Но и тут сомнительно предположить, чтобы остающиеся четыре часа ночи он мог употребить всецело для своего успокоения сном. Сколько ежедневно привозит он с собою писем, которые едва ли не на всяком шагу суют ему в руки на пароходе, везде, где только ожидают его появления. Так проходит изю дня в день труженическая жизнь отца Иоанна.

А сколько ежедневно больных, увечных, одержимых духами привозятся к отцу Иоанну с разных местностей с просьбами его святых молитв об исцелении. Любвеобильное сердце его никому не может отказать, тем более страждущим; он охотно принимает на себя молитвенный труд, который считает не трудом, а лишь исполнением своего пастырского долга, — делом приятным, сладостным, «пищею его души». «Я стою, — говорит он, — у Источника жизни ежедневно, ежечасно, непрестанно: то есть я стою у Господа моего, как в храме у Его престола, так и дома, и на пути, и на улице и везде я предстою Ему умом и духом!»¹⁶ Вся жизнь его есть непрерывная нить молитвы, которую пересекают лишь обращающиеся к нему с устными просьбами и вопросами, но и при этом всегда молитвенно настроенная душа его, удовлетворив собеседника, снова возвращается к своему «внутреннему деланию» (монашеское выражение) — к тайной молитве. *И молитва веры* этого пастыря, по слову Евангелия, *спасает болящих*¹⁾ от недугов душевных и телесных. Он не задается горделивою мыслию о том, исцелится ли болящий по его молитве, или нет; он знает, что если на пользу болящему, — возвратит ему Господь здоровье, а если и не возвратит, то такова святая воля Его, чтобы временными страданиями искупить душу от вечных мучений. Он видит страждущего, слышит вопли его и не может не стремиться помочь ему. Он слышит в сердце своем

¹⁾ Ср.: Иак. 5, 15.

слова Господа: *Просите, и дастся вам*¹⁾, и *елика аще воспросите в молитве — верующе* — будет вам²⁾, слышит и на основании этих слов *просит, ничтоже сумняся*³⁾, но с твердою верою во Всемогущего, с несомненною надеждою на Милосердного и с беззаветною любовью к Источнику любви и всякого блага.

А какой успех имеет эта молитва — видно из отзывов благодарных просителей, издалека и из разных местностей приезжающих нарочно для того, чтобы «благодарить Батюшку» за полученное по молитвам его исцеление!

Сам отец Иоанн говорит всем так: «Великая милость Божия является на мне недостойном и паче всех грешнейшем, но не приписывайте ничего подобного моей силе или молитве, при чем же я тут? Я немощен, как и все, и еще немощнее других! Это сила благодати Божией, по вере вашей, а не по моим грешным молитвам».

Эти же самые слова повторяет он и в начале своей книги «Дневник»¹⁷⁾: «Сила Моя в немощи совершается, — говорит апостол Павел⁴⁾, эта сила и благодать Господня и во мне немощном и грешном воспреизбыточествовали во все дни жизни моей. Слава, Господи, силе Твоей и милосердию Твоему!»

Таково смирение великого молитвенника, самоотверженного труженика! Таковы свойства истинного смиренномудрия: *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу о милости Твоей и истине Твоей. Да не когда рекут языцы: где есть Бог их?*⁵⁾ (то есть чтобы не говорили маловерные, что ныне уже нет чудес, ныне не то, что было прежде).

От начала христианства и донныне Господь Бог не переставал и не перестает в подкрепление нашей слабой веры являть различные знамения и чудеса — и от чудотворных икон, и от святых мощей угодников Божиих, или каким-либо иным способом. Горделивый же, надменный, но вместе и слепой разум человеческий, или, как говорит апостол, *взимающийся на разум Божий*⁶⁾, ищет, как бы затмить славу Божию своею мнимою мудростию и свою *правду предположить правде Божией*⁷⁾, всегда старается объяснить подобные знамения и чудеса случайностию, обстоятельствами, предрасположением или чем бы то ни было, только бы не допустить торжества истины и могущества веры. Но вот

¹⁾ Мф. 7, 7. — ²⁾ Ср.: Мф. 21, 22. — ³⁾ Иак. 1, 6. — ⁴⁾ 2 Кор. 12, 9. — ⁵⁾ Пс. 113, 9–10. — ⁶⁾ 2 Кор. 10, 5. — ⁷⁾ Ср.: Рим. 10, 3.

среди самых людей нашего века является один из них, муж веры, в лице — пастыря Церкви. Он выражает эту веру одною смиренною, теплою молитвою к Богу, как дитя к отцу своему, говорит безыскусственно, доверчиво, простосердечно, искренно; и эта молитва веры приемлется Обещавшим послушати: *всех призывающих Его во истине, творить волю боящихся Его и слышать молитвы их*¹⁾. Не буи ли, то есть не простосердечных ли и смиренных, избрал Бог, чтобы премудрых века сего посрамить²⁾?

О вера святая! Ты наглядно доказываешь нам, что и теперь, как и прежде, *вся возможна суть верующим*³⁾ — и не изнеможет у Бога *всяк глагол*⁴⁾, но *речет*, — и не *пребудет ли?*⁵⁾ Ты воскресаешь пред нами в той силе, в какой ты сияла в первые времена христианства! Ты *двигаешь горы*⁶⁾ надменной современности и в море твоего величия потопляешь их!

«О вера святая! — пишет отец Иоанн в дневнике своем, — какими словами, какими песнями я прославлю тебя за бесчисленные блага, дарованные мне тобою, за все силы, которые ты совершала и совершаешь на мне самом и чрез меня грешного на людях Божиих! Слава Тебе, Богу, Благодателю нашему во веки веков! Познан буди, Господи, в вере Твоей, всем людям Твоим, и всем племенам земным, якоже мне недостойному познался еси! Познан буди, Господи, да вси прославят Тебя *едиными усты*⁷⁾ и едином сердцем от востока солнца и до запада. Буди, буди!»¹⁸

«Что для меня дороже всего, — пишет отец Иоанн в другом месте своего дневника, — что для меня выше всего на свете? Дороже всего и выше всего для меня — мой Бог, Создатель мой, Господь и слава имени Его! Он жизнь моя, и моя сила, Он свет души моей, *Свет истинный, просвещающий всякого человека*⁸⁾, «Христос — моя сила, мой Бог и Господь»⁹⁾. А после Бога драгоценнее всего для меня душа моего ближнего, моего собрата, за которого Господь мой умер и столь дорогою ценою *стяжал его Себе*¹⁰⁾. Я ли после сего пренебрегу моим собратом, которого Господь так возвеличил! Пожалее ли для него чего бы то ни было тленного, временного, да и не только чего-либо, но и самого себя!»

О святая, всеобъемлющая любовь! Во многих ли сердцах ты так всецело царишь, во многих ли душах таким пламенем све-

¹⁾ Ср.: Пс. 144, 18, 19. — ²⁾ Ср.: 1 Кор. 1, 27. — ³⁾ Мк. 9, 23. — ⁴⁾ Лк. 1, 37. — ⁵⁾ Чис. 23, 19. — ⁶⁾ Ср.: Мф. 21, 21. — ⁷⁾ Рим. 15, 6. — ⁸⁾ Ср.: Ин. 1, 9. — ⁹⁾ Ср.: Ирмос 4-й песни покаянного канона ко Господу, глас 6-й. — ¹⁰⁾ Ср.: Пс. 73, 2.

тишься? Да, — счастлив тот, кто может так сказать; а отец Иоанн оправдывает эти слова свои и самым делом: любовь к Богу и ближним в нем не разграничиваются одна от другой; они, как два крыла, — одно без другого не действуют, а вместе возносят его превыше земли и одухотворяют до забвения им своего внешнего человека. Ради ближних своих он не жалеет себя, не дает себе отдыха, не знает покоя, весь отдавшись нуждам ближних. «Священник, — пишет он, — есть апостол в своей пастве; он должен *благовествовать Царствие Божие, благовременно и безвременно*¹⁾: нерадивых, беспечных, живущих в страстях — возбуждать к покаянию и исправлению; невежд — вразумлять, благочестивых — ободрять и поощрять надеждою будущего воздаяния. Для сего он должен и по домам ходить — посещать своих пасомых, непосредственно наблюдать за их образом жизни, чтобы удобнее он мог руководить их в деле спасения, а не для того только, чтобы принимать от них угощение»¹⁹.

Что касается сего последнего, то и в этом отношении образ жизни отца Иоанна является исключительным.

У каждого из нас, имеющих свой уголок и домашний очаг, есть и определенный час для подкрепления себя пищею. Имеет ли таковое время и место отец Иоанн? Не добровольно ли он обрек себя на труды и лишения всякого рода, не исключая и сего последнего? Конечно, каждый приглашавший его к себе в квартиру считает величайшим счастьем угостить дорогого гостя, но не уклоняется ли от этого сам отец Иоанн, чего не может не заметить всякий внимательно относящийся к нему. Во-первых, он никогда не может назначить часа своего посещения, по причине множества просителей, между которыми встречаются не терпящие отлагательства, как например, тяжело больные или отъезжающие в путь и тому подобные. Желая удовлетворить по возможности каждого, отец Иоанн всегда спешит, и, исполнив свое пастырское молитвенное дело, хотя и вкушает немного предложенной ему трапезы, по большей части состоящей из чая, фрукта и рюмки вина, совершенно необходимой для подкрепления всегда напряженных и изнемогающих сил его, он поспешает продолжать свой путь далее. Нередко случается, что и в течение целого дня ему не приходится нигде надлежащим образом подкрепиться пищею, но он и не ищет сего, довольствуясь малым,

¹⁾ Лк. 4, 43; 2 Тим. 4, 2.

принимая все случаемое с ним как от руки Божией, водительство которой всецело предается, как покорный сын отцу своему, заботясь лишь о том, чтобы благоугодить Ему исполнением пастырского своего призвания: *брашно Мое есть*, — говорит он словами Спасителя, — *да сотворю волю Пославшаго мя и совершу дело Его. Се же есть воля Пославшаго Мя, да имут живот вечный*¹⁾. Однажды сказал отцу Иоанну один петербургский протоиерей: «Вы так утомляетесь, Батюшка, — совсем не даете себе покоя!» На это отец Иоанн отвечал ему: «На что мне покой, друг мой! Покой наш будет там (указал он на небо), если только заслужим его здесь. Да и может ли пастырь быть покоен, когда еще не все *овцы глас его слышат*²⁾, а некоторые и слышать не хотят; иные же стонут и сами умоляют о помощи, не должен ли пастырь спешить им на помощь? Сколько стонов, слез, нужд, скорбей, немощей, сколько грехов у овечек наших!.. Пастырю ли покоиться — дремать, когда *их погибель не дремлет*³⁾». Да, не дремлет, и не дремлет этот доблестный пастырь, отец Иоанн, — не дает себе покоя! Он словно задался мыслию принести себя всецело в жертву своему пастырскому служению, и не существует для него в сем никаких преград! О, если бы этот высокий пример отца Иоанна нашел себе побольше подражателей! О, если бы побольше было таких пастырей! Много бы утерлось слез, много бы стихло стонов и воплей! Много бы хладных душ было согрето любовью и в подавленных унынием сердцах затрепетала бы искра живительной веры!

Жатва убо многа, — говорит Иисус Христос пастырям в лице апостолов Своих: *жатва убо многа, делателей же мало: молитесь убо Господину жатвы, да изведет делатели на жатву Свою*⁴⁾.

¹⁾ Ин. 4, 34; 6, 40. — ²⁾ Ср.: Ин. 10, 27. — ³⁾ 2 Пет. 2, 3. — ⁴⁾ Мф. 9, 37–38.

Пребывание отца протоиерея Иоанна Сергиева в Леушинской обители в 1899 году

Июля 1, в одиннадцатом часу дня, получена была телеграмма от протоиерея Иоанна Сергиева из Кириллова в город Череповец на имя настоятельницы Леушинского монастыря, ожидавшей ее, следующего содержания: «Сегодня утром проехали Кириллов». Рассчитав по времени, игуменья Таисия ожидала прибытия дорогого гостя около трех часов пополудни, о чем объявила и представителям города, тоже заинтересованным приездом высокочтимого пастыря и желавшим попросить его почтить их город служением в городском соборном храме. По общему соглашению решено было взять отдельный пароход и выехать на встречу Батюшки всем усердствующим во главе с хозяином парохода г. Милютиным, соборным протоиереем и другими, и настоятельницей Леушинского монастыря с несколькими певчими сестрами, живущими при подворской церкви²⁰.

Игуменья Таисия отправилась прямо на пароходную пристань, а другие, в ожидании приготовления парохода, разошлись исправлять свои домашние дела. Вдруг, около 12 с половиной часов пополудни показался уже не遠деке пароходик небольшой, красивенький, весьма быстро подходивший к пристани. Все узнали в нем пароход отца Иоанна «Святой Николай Чудотворец». Вскоре и сам хозяин его, протоиерей Иоанн, показался на трапе, приветствовавший поклонами и благословлявший публику, бывшую на пристани и на берегу. Пароход пристал к городской пристани, и весть об этом моментально облетела весь город, представители коего, собиравшиеся выезжать навстречу, не замедлили прибыть, а за ними и другие граждане стекались на благословение к общему «дорогому Батюшке». Все усердно просили его остановиться в городе и отслужить на следующий день Литургию, но он утешил их обещанием исполнить эту просьбу обратным путем из Леушинского монастыря, где намеревался прогостить несколько дней. Около двух часов пополудни отчалил парохо-

дик «Святой Николай» от городской пристани; на нем поехали и настоятельница игумения Таисия с немногими певчими, которые тотчас же и огласили воздух радостным и торжественным пением Пасхального канона. Батюшка стоял на трапе и благословлял народ, который с берега продолжал кланяться и махать платками и шляпами, пока пароход удалился.

Около пяти часов вечера прибыли к пристани Леушинского монастыря «Борки»²¹, где находится и монастырский дом, вроде гостиницы для приезжих. Пока приготавливали лошадей, Батюшка посетил этот дом, посидел на балконе, выходящем в садик на берег Шексны, полюбовался местностью и вскоре отправился в монастырь.

Встреченный с колокольным звоном, отец Иоанн проследовал прямо в кельи настоятельницы, для него приготовленные, так как в соборном храме²² шло всенощное бдение и неудобно было нарушать богослужение встречей. Между тем в кельях настоятельницы собрались некоторые из гостей и из духовенства. Батюшка, поздоровавшись со всеми и преподав всем благословение, прошел на балкон, выходящий в сад; погода была прекрасная; вечерняя прохлада после жаркого дня давала отрадный покой утружденному неусыпной деятельностью путнику, и он расположился здесь кушать чай. Незаметно пробрались, по распоряжению игумении, сестры-певчие в сад, и неожиданно огласило воздух стройное пение любимых Батюшкою ирмосов канона Успению Богоматери киевского распева. Батюшка с видимым удовольствием выслушал пение, затем пропето было и еще несколько песнопений, после чего Батюшка, поблагодарив певиц, сказал им назидательное приветствие и отпустил с миром. Гости также не задерживали его и, приняв благословение, ушли, желая дать покой Батюшке. Впрочем, сам-то он не искал себе успокоения; после самой легкой умеренной закуски он спустился в сад, чтобы в уединении предаться молитве, и долго ходил по тенистым аллеям сада, весь углубленный в молитву.

На следующий день, 2 июля, отец Иоанн совершил утреню и Литургию, в конце которой сказал поучение о величии Богоматери, Ее небесной славе и предстательстве Ее за людей пред Предвечным Ее Сыном и Богом (так как в этот день Святая Церковь воспоминает «положение пояса Богоматери»¹⁾).

¹⁾ Имеется в виду положение честной ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне (V в.).

После Литургии, по желанию отца Иоанна, все прибывшие гости и священнослужители были приглашены к чаю и закуске, собранным в саду по причине крайней жары и стесненного воздуха в комнатах. Когда отец Иоанн проходил из собора в келью настоятельницы, то на крыльце последних, на скамье, была помещена больная женщина, которую, несмотря на все старания, ввести в церковь не могли, да и тут с трудом ее едва удерживали несколько человек. Она билась, сползала со скамьи, неистово кричала и рвалась. Когда входил на крыльцо отец Иоанн, она пришла в окончательное неистовство, перегибалась всем телом, так что головой почти касалась пола. Много усилий потребовалось, чтобы ее выпрямить хотя несколько или удержать от конвульсий. Батюшка, остановившись перед нею, осенил ее крестным знамением и ласково сказал ей: «Успокойся!» Вместо того она скотоподобно зарычала, забилась сильнее прежнего. Батюшка повторил снова: «Успокойся и взгляни на меня!» Но она крепко зажмурила глаза, рвала на себе волосы, лицо ее побагровело, и вообще вид ее был ужасен. С великим трудом сдерживали ее люди; наконец Батюшка взял ее обеими руками за голову и дунул ей в лицо, причем моментально крик ее обратился в стон. Батюшка перекрестил ее и снова три раза дунул ей в лицо, произнося: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Затем он долго молился над нею, держа ее голову обеими руками и часто знаменуя ее крестным знамением. Она видимо успокоилась и даже стала, хотя и нехотя, взглядывать на Батюшку по его приказанию, затем перекрестилась сама, чего до сего не хотела делать, и наконец лицо ее приняло обыкновенный вид: вместо багрового цвета стало спокойно — она уже без принуждения крестилась сама и довольно часто, произнося: «Слава Тебе, Господи!» Те же слова повторяли и сам великий молитвенник, отец Иоанн, и все, бывшие свидетелями чудесного исцеления. (Невольно припоминается Евангельское изречение: *кто сей есть, яко и дуси повинуются ему?*¹⁾)

Между тем в саду собрались приглашенные гости и духовенство. Несмотря на свое утомление, отец Иоанн, нимало не отдохнув, тотчас же вышел к ним и сам же начал их угощать чаем и закускою. Хвалил тенистый садик, говорил — как он скоро разросся, и вообще был очень благодушный и, как и всегда, ласко-

¹⁾ Ср.: Мф. 8, 27; Мк. 1, 27.

вый и общительный. Назначив час обеда не ранее двух часов, он еще погулял в саду, занимаясь то с одним, то с другим из подходивших к нему, подошел к калитке сада, где толпился народ и едва не перелезал через перила сада, чтобы добиться благословения дорогого пастыря. Тут он остановился и благословил каждого из них, многих выслушивал, на некоторых, по просьбе их, возлагал руки, иным оказывал материальную помощь и прочее. В 2 часа был предложен обед в зале училищного здания, соединенного с настоятельскими кельями коридором²³. Во время обеда пели сестры-певчие более любимые отцом Иоанном песнопения, или же по его личному указанию. Батюшка очень любит хорошее церковное пение, слушает его с наслаждением и точно весь уносится духом превыше земного. По окончании обеда Батюшка, встав из-за стола, запел своим приятным, звучным голосом: «Благодарим Тя, Христе Боже наш» и прочее; затем, поблагодарив певчих, вышел, и тотчас же с настоятельницею игумениею Таисиею поехали в коляске в «Пустыньку», излюбленное место как игумении, так и самого отца Иоанна. До сего года там был лишь уединенный домик среди соснового леса с часовнею в честь святого апостола Иоанна Богослова, а ныне по предложению самого архиепископа Новгородского пристроен алтарь и устроена маленькая церковь. Предполагалось, что отец Иоанн и совершит ныне ее освящение, что и назначил теперь он на 5 июля, понедельник, так как располагал пробыть в Леушинской обители не менее пяти дней. Здесь, в пустынной келье, смежной с новосооруженною церковью, отец Иоанн несколько отдохнул, затем, напившись чаю, уехал обратно в обитель, по пути покатавшись немного по полям и нивам ее; посетил и пасеку монастырскую и благословил ее, благословлял и поля, коими проезжал, и возвратился в обитель.

Вечером неутомимый труженик отец Иоанн вышел в сад с книгою пророка Исаии, которую и стал читать вслух собравшимся около него. Умилительное, приятное, но, к сожалению, ныне почти не встречаемое зрелище представляло это чтение: почтенный пастырь в беленьком бумажном подряснике, в соломенной шляпе на голове, сидит в саду за столом посредине, окруженный самую разнообразною публикою — и из монашествующих сестер, и из белого духовенства, и из мирских людей обоего пола: кто сидит тут же за столом, тесно сплотившись друг с другом, кто на траве, под ближайшими кустиками и тополями, все не сводят глаз

с читающего и объясняющего читаемое Батюшки; иные стоят позади его и ветками березок отгоняют назойливых комаров; а он сосредоточенно читает, прерывая свое чтение или восторженными восклицаниями о величии Бога Саваофа, о Его беспредельной любви к избранному народу израильскому и праведном гневе на его непокорность, о близости Его к пророкам, как бы к друзьям Своим, коим вверял Он великие тайны Своего домостроительства, искупления человечества; или же, заметив невнимание или расслабление слушателей, ласково улыбаясь, скажет: «Слушай, слушайте!» — и точно бы вдохнет новую бодрость своими словами. Так читает неутомимый труженик не час, а несколько часов подряд, под конец видимо превозмогая себя.

Каждый шаг, каждое действие его доказывают ясно, что всецело отдал он себя на служение ближним для их духовного преуспевания, что он не щадит себя для этого, ибо это и есть задача его жизни, его цель, его священный идеал. Окончив чтение, он благословил каждого из слушателей и отпустил на покой, так как было уже 9 часов вечера. Сам же он поспешил ли на покой? По убедительной просьбе игумении, он согласился принять легкую закуску, во время которой, узнав, что приехали общие знакомые г-да Поздеевы из Устюжны, тотчас же пригласил их к себе и попросил подать им ужин, которого, однако, с ними не разделял, а только утешал их беседою. Наконец часов в 10 он пошел в сад на молитву, по обычаю своему предаваться ей особенно на чистом воздухе, где сама чудная природа так гармонирует с его возвышенным настроением и свободнее уносит душу к Богу в молитвенной беседе с Ним. Уже было 11 часов ночи, когда Батюшка вернулся в свою келью, где был приготовлен для него ночлег. Но ненадолго. Ровно в полночь разразилась такая гроза, какой никто из видевших ее не припоминал, как утверждал и сам отец Иоанн, вышедший снова на балкон; раскаты грома раздавались беспрестанно и как бы над самую голову; блистания молнии были слишком продолжительны, дождь лил ливнем при сильном вихре, которым в соседней обители деревне сорвало крылья мельницы, разворотило некоторые соломенные крыши, в обители же не причинило ни малейшего вреда, хотя самая гроза стояла прямо над нею. Отец Иоанн все время любовался величием природы в ее грозной силе, называл это милостью Божиею, посылаемою в очищение воздуха, и прочее; впрочем, сказал он: «Эти громовые раскаты и блистания напоминают нам о последней гро-

мовой трубе, имеющей последовать перед Вторым Пришествием Христовым для Страшного Суда». По окончании грозы все снова мирно разошлись на покой и для молитвы, так как на следующий день назначена была общая исповедь отца Иоанна.

В субботу 3 июля отец Иоанн совершил утреню и позднюю Литургию тоже в соборе, так как все собравшиеся с разных мест посетители желали выслушать его всегда весьма трогательную, умилительную общую исповедь, каковую он и назначил в субботу. Собралось немало священников и из окрестных сел, и из города Череповца — настоятель собора отец протоиерей Приоров²⁴. Служение было соборное, весьма торжественное, во главе с отцом Иоанном, служившим в белой, шитой золотом митре и в таковом же облачении монастырской работы. В конце Литургии отец Иоанн, прежде чем приступить к общей исповеди, обратился к народу с поучением о необходимости покаяния и приготовления себя к загробной вечности и к ответу на Страшном Суде Божиим. «Горе нам, — сказал он между прочим, — если час Суда Божия застанет нас неготовыми! Что сотворим? О, кий страх тогда!» Затем он предложил прежде приведенное сравнение грозы и обратил на него внимание слушателей: «Вот все мы были свидетелями сегодня ночью ужасной, сильной грозы. *Возгремит, — и кто не вострепещет, —* восклицает пророк¹⁾. *Вострубит, —* говорит апостол, *— и мертвии встанут нетленни, и мы, то есть живые, изменимся*²⁾ для жизни вечной, нескончаемой, для вечной награды или вечного наказания, *да примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла*³⁾. Яко же молния исходит от востока и блистает до запада, тако будет в Пришествие Сына Человеческого, то есть в страшное Его Пришествие на Суд всей вселенной». Многие на эту тему говорил он, так что всех тронул до глубины души. Отовсюду послышались рыдания и слезы. Тогда Батюшка приступил к началу общей исповеди. Прочитав положенные перед исповедью молитвы, он снова стал убеждать к покаянию и исправлению жизни, стал перечислять грехи и различные страсти и пороки, помрачающие в человеке разум и сердце, отчуждающие его от Бога. Много и глубоко трогательно говорил еще Батюшка и наконец спросил всех: «Каетесь ли вы все от чистого сердца?» — «Каемся, каемся, Батюшка», — раздалось по

¹⁾ Ср.: 3 Езд. 16, 10, 18.

²⁾ 1 Кор. 15, 52.

³⁾ 2 Кор. 5, 10.

всему собору, сдержанные рыдания не умолкали, плакали и сами священнослужители, находившиеся в алтаре. Батюшка продолжал: «Нет греха, побеждающего человеколюбие Божие; оно всегда готово простить и помиловать кающихся грешников и даровать им силы к исправлению жизни и к избежанию греха, лишь бы было наше к тому желание и стремление». Затем прочел разрешительную молитву и стал причащать Святых Таин.

Между причастниками была и исцеленная им вчера бесноватая женщина, Екатерина; она подходила уже сама, совершенно тихо и разумно, с глубоким умилением и со слезами. Когда Батюшка выходил из алтаря, к нему подвели на солею несколько больных, из них троих одержимых злым духом, одного расслабленного мужчину и одного болящего грудью до невозможности нести какой-либо труд. Под руками великого молитвенника бесноватые все успокоились, а расслабленного мы своими глазами видели на следующий день идущим на пароход; о последнем же больном неизвестно пока ничего.

После Литургии, подобно вчерашнему, все приглашены были к чаю в сад, затем к обеду в зал, где пели монахини-певчие, а после обеда отец Иоанн снова отправился в «Пустыньку», куда вслед за ним прибыли и гости; оттуда все поехали на «Бугры», небольшие холмики, поросшие сосновым лесом, где наделаны скамейки и столики, на которых и расположились все. На этом месте растет много грибов и ягод – земляники и черники, которые крестьянки находили и подносили дорогому гостю, считая это великим утешением для себя. Батюшка тут гулял совершенно свободно, никто его не тревожил, хотя и много собралось народа, но все стояли поодаль, а если кто и подходил с каким-либо вопросом, то не иначе, как с его разрешения. Отсюда поехали все обратно в обитель, где опять весь вечер провел Батюшка в чтении Священного Писания, а затем уединился в садике для молитвы.

В воскресенье, 4 июля, отец Иоанн совершил утреню в домовый церкви²⁵, смежной с настоятельскими кельями, в коих он помещался, в 6 часов утра, в то время, когда в соборе совершалась ранняя Литургия. После утрени Батюшка исповедал некоторых, затем отправился в собор для служения поздней Литургии, тоже «соборне» со многими священнослужителями. В конце Литургии он говорил экспромтом поучение на дневное Евангелие об исцелении слуги сотника, по вере сего последнего, указав при этом на силу и могущество веры и на необходимость потому веры для

получения нами просимого от Господа. После Литургии был по обычаю предложен чай в саду.

Весть о прибытии в Леушинскую обитель отца Иоанна с быстротою молнии облетела всю окрестность. Пользуясь праздничным днем, народ собрался со всех ближайших сел и деревень, и все стремились получить благословение досточтимого пастыря, имя которого и в здешних краях, благодаря ежегодному посещению им Леушинской обители, уже успело приобрести уважение, доверие и всеобщую любовь.

Чтобы удовлетворить благочестивое желание народа, настоятельница предложила Батюшке благословить каждого из пришедших, поместившись у «святого колодца» таким образом, чтобы с одной стороны колодца все, установившись длинным рядом, по очереди подходили под благословение к отцу Иоанну и тотчас выходили бы с другой стороны. Чины полиции, во главе с приставом, занялись этою расстановкою и проводом народа, так что таким образом каждый из них получил благословение. При этом произошло следующее достойное замечания событие: один из крестьян, весьма чисто одетый, держа на руках девочку лет пяти, поклонился вместе с нею Батюшке в ноги; Батюшка, вообще не любящий, чтобы ему воздавали такие поклоны, остановил его, говоря, что он может таким образом уронить и ушибить малютку. На это мужчина отвечал во услышание всех: «Должны мы с нею, Батюшка, тебе кланяться, она тобою исцелена, — вот человеком стала», и затем, на дальнейшие вопросы, рассказал следующее. «В 1897 году, круг этой же поры, ты тоже пожаловал сюда, в Леушинский монастырь, Батюшка, и вот эту самую девочку, дочь мою, бывшую от рождения в расслаблении, ни ручками ни ножками не владевшую, я принес сюда к тебе, Батюшка, и просил помолиться о ней. Ты помолился да помочил ей и ручки и ножки святой водой; я принес ее домой, а она на другой день и ходить маленько стала и ручкой владеть, — вот теперь совсем здорова». Батюшка перекрестился и смиренно сказал: «Не я это сделал, слабый человек, а сила Божия, — Богу славу воздавайте за это чудесное исцеление. Зачем же ты ее на руках держишь, — продолжал он, — если она может ходить? Спусти ее!» И он спустил девочку, которая тотчас и пошла и подошла к Батюшке, и уже сама, по знаку своего отца, поклонилась ему в ноги. Когда все получили благословение, было уже 2 часа, и дорогого гостя-труженика пригласили откусать.

После обеда, в сопровождении настоятельницы, отец Иоанн поехал покататься в «Пустыньку», по возвращении откуда заехал в рощу, прилегающую к монастырской ограде, куда, с благословения настоятельницы, просили его клирошанки откусать с ними чая. Когда подъезжал экипаж отца Иоанна, они, числом около 80 человек, встретили его пением задостойника «Радуйся, Царице, матередевственная славо». Дорожку в рощу, по которой надлежало идти Батюшке, они усыпали полевыми цветами и зеленью. Батюшка приветствовал их словами: «Здравствуйте, певички Божии». Вот они подошли на благословение, затем Батюшка поместился на приготовленное для него место за столом, по сторонам разместились гости, народ стеною стоял поодаль, певчие пели, остальные молоденькие сестры подавали чай, ягоды или просто стояли около стола. Был в полном смысле «праздник».

Из рощи отец Иоанн, напутствованный пением утешенных его ласками послушниц-певчих, отправился к старшему монастырскому священнику, отцу Кл. Е., просившему Батюшку сделать ему честь и удовольствие быть восприемным отцом родившейся у него перед самым его приездом дочери Юлии; любвеобильный Батюшка не отказался и поехал воспринимать от купели Святого Крещения новорожденную. От отца К. он посетил второго священника, отца Н. Л., затем обоих диаконов и наконец вернулся в садик, где предался уединенной молитве.

На другой день, 5 июля, назначено было освящение церкви в «Пустыньке». Поэтому настоятельница предложила Батюшке ночевать в «Пустыньке», на что он и изъявил согласие и, по окончании молитвы, прямо из сада поехал туда, где и провел ночь в большой комнате, смежной с пристроенною к ней небольшою церковью.

Особенное украшение этой церкви составляет мозаичная икона, художественно писанная на стекле, изображающая святого Иоанна Богослова, внимающего Небесному гласу и мановению Божественной десницы, показывающей ему «Откровение», которое в то же время записывает ученик его Прохор, сидящий на скале. Эта икона запрестольная, находится в отверстии восточной стены, составляя как бы окно большое, высотой почти в четыре аршина и шириною более двух аршинов. Утром, когда свет солнца ударяет прямо в нее с наружной стороны, она, при своем золотистом фоне, — восхитительна. Долго любовался ею

на следующее утро отец Иоанн и сказал, что она составила бы драгоценное украшение любого столичного собора.

На следующее утро отец Иоанн сам прочитал каноны, положенные пред освящением храма, пока в обители совершалась ранняя Литургия, после которой назначен был крестный ход и из обители и из скита в новосооруженную церковь. Когда послышался трезвон в обители, возвещавший о том, что крестный ход уже оттуда вышел, тронулся таковой же и из скита, где тоже начался трезвон; и из «Богословской пустыньки» вышли с хоругвями и иконами, только без трезвона, потому что там еще нет колоколов. Описать это святое и чудное зрелище крестного хода, со множеством хоругвей, крестов, икон, среди зеленеющих полей и леса, по прямой как стрела дороге, при ярких лучах утреннего солнца, переливавшихся на золотистых облачениях священнослужителей, предшествуемых стройным пением монашествующих и сопровождаемых толпою народа, — невозможно. Участники и свидетели этого торжества могут лишь оценить его. Отец Иоанн тоже вышел из «Пустыньки» навстречу и, приняв от священника, несшего на голове святой антиминс, возложил его на свою голову и поставил на подобающем месте. Церковь, по причине малости, не могла вместить народа, потому стояли и в комнате, и на улице, где сквозь растворенные окна было слышно все богослужение, начавшееся обрядом освящения храма, совершаемого самим отцом Иоанном «соборне».

В конце Литургии отец Иоанн сказал слово, приличное событию, на текст: *храм Божий свят есть, иже есте вы*¹⁾. В этом слове отец Иоанн сперва изложил всю святость и важность храма Божия для верующих, которые в нем, как в духовном очистилище, почерпают себе очищение грехов, обновление духовных сил и полноту благодати в Святых Таинствах, по мере восприимлемости каждого. Затем пояснил, что и каждый христианин есть храм Божий, по слову апостола: *Не veste ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас?*²⁾; что Господь наш Иисус Христос всегда готов и ищет Сам поселиться в нашем сердце, лишь бы мы-то были готовы принять Его: *Се, стою при дверех (сердца) и толку: кто услышит глас Мой и отверзет двери, то есть сердце, — вниду к нему и вечеряю с ним*³⁾, то есть напитаю

¹⁾ 1 Кор. 3, 17.

²⁾ 1 Кор. 3, 16.

³⁾ Апок. 3, 20.

его Своею Божественною вечерею благодати и обилием дарованных духовных. Потому должно относиться всегда внимательно к своему сердцу, не допускать в нем гнездиться злу и неправде, а как скоро заметим что-либо подобное, тотчас же очищать его покаянием и исправлением, чтобы не помрачился грехом и нечистотою живой храм Живаго и Святаго Бога — наше сердце.

Литургия в этот день окончилась уже около 1 часа дня. Выкушав стакан чая и разделив легкую закусочку с духовенством и гостями, отец Иоанн поехал прокатиться с настоятельницею, а гости направились в обитель. Долго на этот раз катался отец Иоанн, и эта прогулка несколько подкрепила его усталые силы. На обратном пути встречались многие идущие из обители богомольцы; из числа их подбежали к отцу Иоанну две женщины и знаком руки просили остановить экипаж. Он приказал замедлить езду; тогда обе эти женщины, следуя рядом с экипажем, многократно повторяли слова благодарности: «Спасибо, Батюшка, спасибо, кормилец! На век ты меня осчастливил, — человеком сделал, что я несчастная, сгубла бы совсем» и прочее. Ни я, ни Батюшка не узнали говоривших это и весьма были тронуты, когда они объяснили, что одна из них — исцеленная им от беснования Екатерина, а другая — мать ее. Если бы не сама Екатерина объявила себя, то положительно невозможно было бы узнать в ней ту несчастную, неистово колотившуюся головой и корчившуюся больную. На вопрос Батюшки, сколько лет она хворала, она отвечала: «Одиннадцать с лишком лет», но что теперь она чувствует себя как бы совершенно переродившеюся и здоровою. Смирennemудрый молитвенник повторил и ей свои обычные при подобных случаях слова: «Не я это сделал, а сила Божия, — Бога благодарите, а не меня!» После обеда просили Батюшку хотя бы немного отдохнуть, но он отказался, сказав, что отдохнул во время прогулки в коляске, и снова предложил послушать его чтения в саду, чему, конечно, все были очень рады. В этот день и Батюшкою, и всеми чувствовалось как бы какое-то особенное духовное торжество, неземная радость наполняла сердца всех, и это Батюшка приписывал совершившемуся торжеству освящения храма во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова в «Пустыньке». «Великий апостол святой Иоанн, он — апостол любви, он — друг Христов, и объединяет и наши сердца взаимной радостью о Господе и единомудшием во Христе».

Долго читал в саду дорогой Батюшка, затем по просьбе игумении Таисии посетил монастырскую богадельню, лишь два года назад открытую²⁶ ею для своих престарелых и убогих монахинь, между коими находятся и четыре слепые. Живут они на всем готовом содержании при домово́й церкви, освященной в прошедшем 1898 году им же, отцом Иоанном. Старицы были несказанно утешены его посещением; он благословил каждую из них, пил с ними чай и каждую поил из своих рук. Он долго утешал их, особенно слепых, говоря, что узрят они свет небесный в Царствии Господа, каковой свет несравненно вожде́леннее здешнего солнечного света. Одна из слепых, еще молодая, умеющая прекрасно читать по своим книгам, принесла их и стала читать оцупью, что очень интересовало Батюшку, и он сказал: «Вот исполнение слов псалмопевца: *Господь умудряет слепцы*¹⁾!» Он особенно приласкал ее, поцеловал в голову и неоднократно благословлял. Старицы-богаделенки просили его отслужить в их церкви Божественную литургию и причастить их Святых Таин, что он и обещал исполнить на следующий день. От них он прошел в их церковь, которая ныне совершенно покончена отделкой, и удивлялся благолепию ее, что многократно высказывал игумении Таисии, хваля ее умение и распорядительность.

Из церкви Батюшка снова прошел в богадельню, еще раз благословил всех стариц и спустился вниз в сестринскую трапезу, которая поистине могла бы составить украшение богатой городской обители. Она (как и богадельня над нею) имеет в длину двенадцать сажений, в ширину — шесть; с обеих сторон окна, обильно наполняющие ее светом; потолок поддерживают четырнадцать колонн (по семь в ряд); на восточной стороне — иконостас в два яруса, с семью иконами в нижнем и пятью в верхнем. Посреди трапезы, между колоннами, — амвон с аналоем, на коем производится чтение при трапезовании сестер. Помолившись перед иконостасом, Батюшка стал на амвон и долго молча стоял перед раскрытою книгою Четьи-Минеи; читал ли он ее или так углубился в размышление, но потом, обратившись к игумении, сказал: «Устроит тебе Господь обитель, матушка, на Небеси за мудрое устройство врученной тебе обители на пользу сестер!» Из трапезы прошел в кухню, где уже готовили провизию на завтрашний день. Он отведал белой рубленой капусты, при-

¹⁾ Пс. 145, 8.

готовленной для щей, и она так ему понравилась, что он с удовольствием покушал ее. Из кухни прошел в квасную и вышел на улицу другим ходом, сел в коляску и, проехав вокруг монастыря, возвратился в свои кельи.

На следующий день, 6 июля, день последнего своего пребывания в Леушинской обители, отец Иоанн отслужил утреню и Литургию в надвратной, смежной с богадельнею, церкви, двухпрестольной, в приделе своего Ангела, преподобного Иоанна Рыльского, где и причастил Святых Таин всех богаделенских старцев, а также и других сестер и мирян. В конце Литургии, по заамвонной молитве, он произнес слово о чине монашеском, из коего воссияло так много преподобных обоюбого пола и разного сословия и возраста, упомянув, что и в наши времена, хотя и скудные благочестием, но все же встречаются, и даже нередко, великие подвижники и подвижницы, кои и составляют теперь опору и украшение современного монашества; но бывают и среди мира люди благочестивые, тайные рабы Божии, кои безвестно среди суеты мирской, как бы чуждые ее, живут, сокровенно работая Богу и содеявая свое спасение и служа добрым примером для своих собратий. Следовательно, во всяком положении и на всяком месте можно служить Господу и заслуживать вечное блаженство.

После обеда Батюшка, по обычаю, несколько прокатился с настоятельницею и, вернувшись, стал в саду читать книги вслух всем желающим послушать. Отъезд из Леушинской обители отца Иоанна был назначен вечером, часов около девяти, чтобы прибыть в Череповец лишь к утру, прямо ко времени служения утрени и Литургии. Пользуясь временем, матушка игуменья попросила Батюшку благословить всех сестер, коих в обители около четырехсот человек, а также и совершить освящение воды. Сестры собрались все в домово́й церкви, а на хорах ее (подле настоятельских келий) было приготовлено все для водоосвящения. Батюшка пришел на хоры и прежде всего приветствовал сестер словами: «Здравствуйте, дорогие сестры! Спасибо вам за ваш радушный прием и гостеприимство; вот сегодня я уже уезжаю из вашей богохранимой обители». Затем он говорил им много весьма назидательного о том, как они должны жить и содействовать свое спасение. Упомянул между прочим и о том, что они должны своею доброю жизнью и послушанием беречь и покоить свою матушку игуменью, положившую и полагающую для них

все свои силы и все свое здоровье, которое уже много изменяет ей. При этом он привел слова апостола: *Повинуйтесь наставником вашим и покаяйтесь, тии бо бдят о душах ваших, да с радостию сие творят, а не воздыхающе*¹⁾. В ответ на это все сестры в один голос высказывали свою благодарность и любовь к матушке игумении и просили его помолиться о ее здоровье и продлении дней жизни ее. Затем, освятив воду, Батюшка окропил ею сестер и, благословив их, удалился в свои кельи, а сестры не расходились, ожидая в слезах и в скорби проводить бесценного гостя, хотя до отъезда его оставалось часа два.

Между тем Батюшка с настоятельницею еще раз поехали в «Богословскую пустыньку», где накануне освятили церковь. В «Пустыньке» не было никого, кроме прислуживающей послушницы. Долго молился Батюшка в алтаре пред престолом Божиим на коленях, затем вышел в церковь, снова как бы все осматривая, присел в смежной с нею келье, потом прошел через террасу в сад, погулял немного. Видя его глубокое сосредоточение, игумения следовала за ним лишь поодаль, боясь нарушить его молитвенное настроение, пока наконец он сам подозвал ее к себе и стал беседовать. Незабвенна и высока была эта беседа! Потом они снова вошли в церковь, и Батюшка, помолившись, благословил старицу-игумению, скорбевшую о разлуке с ним, добрым своим отцом духовным, единственною для нее поддержкою и утешением духовным в ее многотрудной жизни.

Из «Пустыньки» они поехали в обитель через скит (Успенский)²⁷, где Батюшка хотя и неоднократно проезжал, но не заходил в церковь; на этот раз он зашел в церковь, где моментально собрались все сестры-скитянки, кроме ушедших уже в монастырь для того, чтобы проводить отца Иоанна. Здесь Батюшка особенно приласкал мать-схимницу Антонину, весьма духовную и благочестивую старицу. Когда вернулись в обитель, там уже собрались все, — и сестры, и духовенство, и гости, и весь народ, сплотившись у подъезда. Батюшка простился со всеми и снова вышел в сад, куда к задним воротам были поданы лошади, чтобы провезти его незаметно, во избежание толкотни и суеты. Проходя в последний раз садом, той самой аллею, которою ежедневно гулял Батюшка, совершая свои внутренние, тайные молитвы, он остановился и с чувством произнес: «Прощай, садик! — спаси-

¹⁾ Евр. 13, 17.

бо тебе за то духовное наслаждение, которое ты подавал мне!» С этими словами он благословил садик на обе стороны, сказав: «Прощитай, разрастайся, плодотвори на пользу святой обители!» Настоятельница провожала его садом, обливаясь слезами о разлуке с таким любвеобильным отцом. Наконец, на последней аллее он сел в коляску и тронулся в путь по-за ограде. Узнав это, вся толпа сестер и народа бросилась кратчайшим путем через святые ворота на дорогу, на которую должен был выехать отец Иоанн. Опередив его, они стройно установились по обеим сторонам дороги, все поклонились отъезжавшему дорогому пастырю-молитвеннику; певчие провожали его пением многолетия, но более рыданиями, ибо последние заграждали звуки голоса и не давали петь. Любвеобильный пастырь всех благословлял, кланяясь на обе стороны. Народ уже остался позади, а Батюшка все еще глядел на купола святой обители и благословлял ее, пока она совсем не скрылась из вида.

Светлой памяти отца Иоанна Кронштадтского

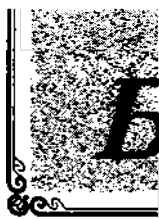
Любили Господа Его ученики
Любовью чистою, святою беззаветно,
И счастье и покой они в Нем обрели
И радостные дни шли быстро, незаметно.
Но вдруг постигла их ужасная утрата —
Учитель их, Господь, скончался на Кресте;
Погибло все для них, погибли без возврата
Надежды светлые и ожидания все.
Вот два из них, путем в селенье Эммаус,
События тех дней печально обсуждают;
И незаметно к ним подходит Иисус.
«Что так прискорбны вы?» — Он кротко вопрошает.
Учителя Христа они в Нем не узнали,
Но скорби тягостной, томившей их сердца,
Не скрыли от Него, охотно рассказали.
И Спутник им в ответ отверз Свои уста:
«О, неразумные, медлительные в вере!
Для Сына Божия, Мессии и Христа
Не так ли Моисей и все пророки древле
Предуказали путь страданий и Креста?»
В беседе сладостной дошли до Эммауса,
И тут, лишь только тут отверзлись очи их,
Лишь тут ученики познали Иисуса,
Когда, подав им хлеб, невидим стал для них.

Мы, братья-друзья, — все путники земные,
Идем дорогою печалей и скорбей;
И пастырь Иоанн шел с нами в дни былые,
И путь наш услаждал, был «Светоч» наших дней.
В беседе сладкой с ним забудешь все земное,
Забудешь скорби все, забудешь сам себя,
И только чистое, небесное, святое
И созерцает ум, и чувствует душа!..

Но он уже свершил свой путь многострадальный,
Каким шел Сам Христос и праведники шли.
Он отошел от нас в мир лучший, светозарный,
И, с памятью о нем, идем за ним и мы.
Ужель забудем мы его нам наставленья?
Ужель угасим огонь его святых словес?
О, нет!.. На то ль нам дан был Ангел утешенья,
Он, всех скорбящих друг и пастырь, и отец!
Помянем же его не словом лишь, но делом;
Его святой любви потщимся подражать,
По мере наших сил пойдем на подвиг смело,
И Бог, Отец щедрот, нам будет помогать.

Взаимная любовь, взаимные моления, —
Вот цепь священная меж Небом и землей;
У Бога мертвых нет, век живы во спасенье,
И пастырь Иоанн жив любящей душой.

Игуменья Таисия

Беседы с отцом Иоанном Кронштадтским

Имев счастье состоять в течение более тридцати пяти лет в самых близких духовных отношениях к незабвенному, в Бозе почившему отцу протоиерею Иоанну Сергиеву (Кронштадтскому)²⁸, я нередко беседовала с ним, иногда подолгу и обстоятельно, о предметах духовного, возвышенного характера. Пользуясь такими случаями, я старалась предлагать ему вопросы, относящиеся к моей лично духовной, иноческой многотрудной жизни, и, слагая в сердце своем все ответы Батюшки, уединяясь вечером в своей келье, тщательно записывала, стараясь упомянуть каждое его слово. Из таких записей составила целая тетрадь. За последние годы (в точности указать год — не могу) я сказала об этом Батюшке, и он пожелал сам проверить записи, нашел их правильными, сделал в некоторых местах поправки, где вписал своей рукой прибавления, а затем сказал мне: «Хорошо, что ты запоминаешь мои слова: *Хвалю вас, — говорит апостол, — яко слово мое помните и предания моя держите*¹⁾. Значит, семя падает на добрую землю и принесет плод, довольный к насыщению и других».

Вот эти записи, начиная с 1891 года, то есть с первого года, как отец Иоанн стал ездить на свою родину, в село Сура, для постройки в нем приходского каменного храма²⁹.

Когда Батюшка, обратным путем с родины по Марининской системе³⁰, вступил в реку Шексну для следования по ней до города Рыбинска, его ожидал в городе Череповце большой пассажирский пароход, арендованный г-ми Л., приглашавшими Батюшку в Рыбинск³¹. Я накануне этого дня, 17 июля, по своему монастырскому делу прибыла в Череповец, но о предстоящем посещении его отцом Иоанном ничего не знала и не помышляла. К вечеру, уже в Череповце, я узнала об этом, а поутру следующего дня стало известно, что Батюшка уже приехал и нахо-

¹⁾ Ср.: 1 Кор. 11, 2.

дится у соборного старосты купца Крохина³². Я направилась туда, едва пробираясь чрез огромную толпу народа, и стала убедительно просить Батюшку заехать в нашу обитель, находящуюся недалеко от берега реки Шексны. Батюшка отказывался за неудобством задерживать пароход, арендованный хозяевами для доставления его к ним, а не для заездов. При этом он прибавил: «Если хочешь побеседовать, так лучше поедem с нами на пароход и поговорим». И таким образом мы отправились. Но и тут я снова повторила ему свою просьбу, заручившись согласием на то хозяев парохода, и он согласился. На пристани (нашей монастырской) «Борки» мы сошли на берег и поехали в экипаже в обитель.

Первое слово Батюшки, обращенное ко мне, было:

Отец Иоанн. Что ты так просила меня заехать? Вот мы с тобой виделись, побеседовали — не довольно ли?

Игуменья Таисия. Оттого-то, Батюшка, я и прошу вас, что имела счастье побеседовать с вами и видеть вас. Получив это счастье для себя, я не могу не желать, чтобы и сестры мои удостоились того же. Если не употреблю для сего всех зависящих от меня мер, то это будет у меня на совести; если же сделаю все со своей стороны, но вы сами не соизволите на это, то я уже не подлежу ответу пред Богом за то, что сестры не получают сего блага.

Батюшка внимательно взглянул на меня и сказал: «Вот как ты говоришь! Ну, вот мы и едем».

На пути мы начали беседовать.

Игуменья Таисия. Желала бы я, Батюшка, открыть пред вами всю мою душу; я и всегда старалась это делать, чтобы вы видели ее, как внешнюю вещь, и могли указать, что ей на пользу, ибо это и есть цель моих с вами бесед. Ведь мы часто себя сами не познаем, снисходя к своим немощам. Впрочем, я вижу, что вы человек благодатствованный и сами видите, присущим вам Духом Святым.

Отец Иоанн. Нам, пастырям, дана благодать особенная на дело спасения вверенных нам душ, а благодать сообщает и ведение по мере надобности.

Игуменья Таисия. Да, Батюшка, но не всем одинаково; думаю — по мере личной способности воспринять ее. Вы-то особенно благодатствованы и Духом видите собеседника; я давно замечала это.

Отец Иоанн. А если замечала и понимаешь духовность в человеке, то нечего и сомневаться, а надобно верить. Это враг смущает нашу душу неверием и сомнением, чтобы не дать ей мира.

Игуменья Таисия. Много приходится вам, Батюшка, видеть людей, выслушивать их разнообразные нужды, грехи, недуги, и чего-чего вам не открывают, не поверяют люди!

Отец Иоанн. Да, родная, многое и многих приходится выслушивать! (И Батюшка тяжело вздохнул.)

Игуменья Таисия. И тяжело же вам, дорогой Батюшка?

Отец Иоанн. Не легко; но в том-то и заключается исполнение нами заповеди апостольской: *Мы, сильнии, должны есмы немощи немощных носить*¹⁾. Нелегка и широка эта заповедь; и относится она преимущественно к нам, пастырям.

Игуменья Таисия. А ведь встречаются души чистые, святые, совершенные?

Отец Иоанн. Совершенство наше там, — сказал Батюшка, указывая на небо, — и «един Свят, Господь Иисус Христос»²⁾.

Игуменья Таисия. Батюшка, доколе человек во плоти, он не может быть свободен от страстей и искушений и от соблазнов, которые отовсюду окружают его в мире?

Отец Иоанн. Разумеется, не свободен: потому-то и надобно глубоко и неослабно внимать себе. Человек в минуты искушений подобен лежащему на весах — куда его перетянет? Враг тянет его в гибель, а Ангел и сама совесть человека удерживают его. В это время следует вооружиться страхом Божиим, представив себе ужас адских мучений. Необходимо присоединить и тайную молитву сердца, ибо без помощи Божией мы не сильны бороться с искушениями.

Игуменья Таисия. Когда человек внимает себе и следит за собою, то и малейшее уклонение от Бога, волею или неволею допущенное, тяготит душу и нарушает ее мирное состояние (говоря, впрочем, из собственного опыта). С потерей мира рождается тревога, смущение, теснота. О, как тяжело бывает душе, и как трудно ей снова восстановиться!

Отец Иоанн. Потребно немедленное тайное покаяние: *воззови ко Мне, и услышу его*³⁾. Господь знает наши немощи. Он готов простить нам все, если мы каемся и просим прощения. Не

¹⁾ Рим. 15, 1.

²⁾ Песнопение Божественной литургии после возгласа священника «Святая святым».

³⁾ Ср.: Пс. 90, 15.

надобно коснеть, то есть останавливаться на мысли о совершенном грехе, а тотчас же каяться, памятуя милосердие Божие; тогда породится не тревога и рассеянность, а *сокрушение и смирение сердца*, которое *Бог не уничижит*, то есть *не презрит*¹⁾.

Игумения Таисия. Как сохранить в душе мир с Богом, восстановленный в ней чрез Таинства, или чрез тайное покаяние, или милосердием Божиим?

Отец Иоанн. Ничем так не сохранишь мир, состоящий в общении с Богом, как вниманием к себе. Вообще человек, проходящий жизнь духовную и ревнующий о спасении, должен неослабно внимать себе, то есть замечать все движения своего сердца и ума³³. За ними сильно назирает враг и ищет уловить их; и когда найдет скважинку, то есть минуту, не занятую вниманием самого домохозяина, тотчас же вторгается и сам начинает хозяйничать в его душе, и много может навредить ей.

Игумения Таисия. А как тяжело чувствует себя душа, когда, очистившись и восстановив свое общение с Богом, опять нарушит его!

Отец Иоанн. На чистом и белом виднее пятнышко и сама-лейшее; так и на душе чистой, а в черном и грязном они и незаметны за общею чернотой и грязью. Опять так и выходит, что надобно внимать себе и иметь непрестанное памятование о Боге и внутреннюю молитву.

Игумения Таисия. Да, Батюшка, невольно приходишь к сознанию, как трудно человеку, особенно поставленному жизнью среди суеты, хотя бы и невинной, например, начальственной, но хранящему самовнимание, — устоять на этом пути.

Отец Иоанн. Пожалуй, и трудно; но какое же доброе дело и дается без труда? А с другой стороны, ведь в труде-то и спасение наше, ведь *Царствие Божие нудится*²⁾, то есть самопринуждением, силою, старанием берется, и только усиленные искатели достигают его. Потребна молитва.

Игумения Таисия. Батюшка, научите меня молиться.

Отец Иоанн. Самое простое дело — молиться, а вместе и самое мудрое. Дитя малое умеет по-своему молить, просить своего отца или мать о том, чего ему хочется. Мы — дети Отца Небесного; неужели детям ухитряться просить отца? Как чувствуешь,

¹⁾ Ср.: Пс. 50, 19.

²⁾ Ср.: Мф. 11, 12.

так и говори Ему свои нужды, так и открывай свое сердце. *Близ Господь всем призывающим Его во истине... и молитвы их услышит*¹⁾. Еще глаголющу тебе, речет: «Се, приидох!» О, как велико милосердие Божие к нам! Но вместе и будь мудра и осторожна, береги ум от рассеянности и скитания или суетности.

Игуменния Таисия. Иногда, Батюшка, я действительно молюсь всем существом, точно бы я стояла пред лицом Самого Господа. Все существо мое исчезает в молитве, и сладка и горяча бывает молитва та. Но это бывает не часто, да я и не допускаю себе иногда такового состояния; боюсь, чтобы не прельстил меня враг такую молитвою, как неискусную, еще не могущую понести высоты ее; это — дело преуспевших более меня в духовной жизни. Ведь я почти все аскетические книги перечитала, и все подвижники предостерегают новоначальных, неискусных, таких как я, от созерцательной молитвы; то есть ее необходимо достигать, но с осторожностью, как высшего дара Божия.

Отец Иоанн. Что же и я тебе говорю: «Будь мудра, осторожна»; но избегать созерцательной молитвы не следует. Такая молитва есть посещение благодати Божией, ее надо усиленно просить и дорожить ею, а не избегать ни по какой причине. Враг не любит такой молитвы, вот он и пугает тебя, обманывает. Молитва умиряет душу, вселяет в нее тишину и спокойствие.

Игуменния Таисия. С принятием сана начальственного я мало молюсь²⁾, Батюшка: вечером не знаешь как до подушки добратся, — так умаешься от дневных дел и забот; а утром, прежде еще чем я встану, дела встанут, и лишь отворишь дверь, то едва ли вернешься для молитвы.

Отец Иоанн. Не *во многоглаголании*²⁾ молитва и спасение. Читай хотя и немного молитв, но с сознанием и с теплотою в сердце. А главное, в течение целого дня имей память о Боге, то есть тайную, внутреннюю молитву. Я и сам не имею времени выстаивать продолжительные монастырские службы; но везде и всегда: иду ли я, еду ли, сижу или лежу — мысль о Боге никогда не покидает меня, я молюсь Ему духом, мысленно предстою Ему и созерцаю Его пред собою. *Предзрех Господа предо мною выну, да не подвижуся*³⁾, мысль о близости Его ко мне никогда не покидает меня. Старайся и ты так поступать.

¹⁾ Пс. 144, 18, 19.

²⁾ Мф. 6, 7.

³⁾ Пс. 15, 8.

Игумения Таисия. А близким к себе вы Его ощущаете, Батюшка?

Отец Иоанн. Да, родная, близким, весьма близким: Он всегда со мною, по слову Его: *и вселюся в них, и похожду, и буду им Бог*¹⁾. Иначе как бы я мог так действовать по целым дням, если бы не благодать Божия?

Игумения Таисия. Да, Батюшка, трудитесь вы изумительно; вы всецело приносите себя в жертву на служение людям, забывая о себе.

Отец Иоанн. Пожалуй, ты и слишком уже сказала; но действительно, я стараюсь по мере сил моих, с помощью Божиею, служить спасению душ человеческих. Я готовил себя к этому с самого начала своего священствования²⁾. Пастыри, преемники апостолов, должны жить для паствы своей, а не для себя; мы — *соль земли, аще соль обуяет, чим осолится?*²⁾

Игумения Таисия. Ведь вы, Батюшка, давно священствуете, а открыто явились людям не так давно?³⁾

Отец Иоанн. То было время искуса. Можно ли исходить на брань, не приготовив себя и не искусившись?

Игумения Таисия. Да, нелегко вам было, Батюшка, но зато теперь вы стоите выше всех искушений и страстей; а что приразилось бы к вам — сокрушится о камень веры и благодати, присущей вам.

Перекрестился Батюшка и сказал, вздохнув:

Отец Иоанн. Много сказать — выше всех искушений и страстей; я не бесстрастен. Но *Божия благодать, яже во мне, не тща бысть*³⁾, всегда подкрепляла и ободряла меня. Наши ведь — одни немощи и грехи, а способность наша к служению — от Бога.

Игумения Таисия. Велика в вас вера, Батюшка, а во мне недостаточна — поделитесь со мною.

Батюшка улыбнулся и сказал:

Отец Иоанн. Бери сколько хочешь, сколько можешь понести. Господь богат милостью.

Игумения Таисия. Вы шутите, Батюшка, а я часто колеблюсь, не в вере, конечно, в Бога — о, нет! Я в Него верую всегда твердо и несомненно, — а вот, например, в том, могу ли я надеяться на спасение избранным мною путем? От Бога ли было мое призвание и все видения мои, о которых вы знаете?³⁾ Да и во мно-

¹⁾ Ср.: 2 Кор. 6, 16.

²⁾ Мф. 5, 13.

³⁾ 1 Кор. 15, 10.

гих других вопросах, которые мне хотелось бы проверить более духовным, облагодатствованным взглядом и укрепиться *верою и упованием*¹⁾.

Отец Иоанн. Напрасно смущаешься. Первое твое видение Спасителя было тебе еще в детстве, какая же прелесть могла тут быть? Он этим призвал тебя на служение Ему и дал тебе как бы залог спасения.

Игуменья Таисия. Он сказал мне в конце видения: «Прежде потрудись!» Я и тружусь изо всех сил; но так ли, как Ему угодно, тружусь, и примет ли Он мои труды, приятны ли они Ему, — я не могу быть уверена; ведь «ин суд Божий».

Отец Иоанн. Как не примет, когда уже венчал их успехом? Смотри, какой собор воздвигла ты без всяких средств и в какое короткое время³⁸; не Господь ли венчал твои труды таким успехом? А за всю-то обитель, за сестер-девственниц, которыми ты руководишь ко спасению, Господь воздаст тебе сторицею, потому что Он праведен и милостив.

Игуменья Таисия. Да ведь это все внешнее, родной мой Батюшка; ну, построила я собор чужими, то есть сборными, грошами, чужими руками; да и за это меня все хвалят — ну, вот и воздаяние внешнее за внешнее. А о душе своей говоря, — что я приобрела для нее в течение многолетней жизни в монастыре?

Отец Иоанн. Для души, говоришь, не приобрела ничего? Об этом судить Богу Сердцеведцу. Пока мы на земле, Таисия, душа неразрывно соединена сущностью, и труды, хотя и вещественные, подъемлемые ради Господа и во славу Его, бесспорно приемлются Им. Говоришь: «чужими грошами построила»; да своими-то легче гораздо было бы, чем путем тяжелых сборов добывать эти гроши. А что хвалят тебя за собор, то как же не хвалить за такое великое дело? Ведь тут до скончания века имя Божие будет славословиться тысячами уст, и твоя память как храмоздательницы не перестанет поминаться Церковью.

Игуменья Таисия. Я зато ныне с этими строительными и вообще начальственными заботами и трудами не имею ни молитвы, ни поста, ни подвигов монашеских.

Отец Иоанн. Подвиги твои не для твоей одной души, а для общего блага, потому они и велики, и выше частных, собственно для себя. Что же касается поста, ты лжешь сама на себя: ведь

¹⁾ 1 Пет. 1, 21.

пища твоя скудная, простая, а совсем не вкушать невозможно трудящемуся.

Игумения Таисия. А греха-то сколько в начальственной должности!

Отец Иоанн. А на что же *Агнец Божий, вземляй грехи мира*¹⁾? Проси у Бога *веры и упования*²⁾. *Совершенно уповайте на приносимую вам благодать*, — говорит апостол Петр³⁾.

Игумения Таисия. Помолитесь за меня, дорогой мой Батюшка, вашими многомогущими молитвами да поможет и мне Господь.

Отец Иоанн. Молюсь и буду молиться. И ты молись за меня, и твоя молитва имеет дерзновение.

Игумения Таисия. Какая моя молитва? Я молюсь за вас, отец мой, но только потому, с одной стороны, что хочется за вас помолиться, как за любимого отца, которому желаешь всякого блага, а с другой, стыдно мне и страшно молиться за вас, ибо кто я пред Богом сравнительно с вами?

Отец Иоанн. Что ты, Таисия, несправедливо возвышаешь меня? Я первый из грешников. Сам апостол просит верующих молиться о нем: *Молитесь о мне*⁴⁾. И другой апостол пишет: *Молитесь друг за друга*⁵⁾. Да и нам легче молиться за тех, кто за нас молится.

Игумения Таисия. Я однажды писала вам, Батюшка, просила помолиться об исцелении меня от болезни; получила лишь облегчение, а не совершенное исцеление.

Отец Иоанн. И не надобно, значит. Не ищи избавиться от болезней, надо же и поболеть, и потерпеть, все на пользу, на спасение наше.

Эта беседа наша с Батюшкою в первое наше с ним путешествие в 1891 году июля 18-го дня записана мною почти дословно вечером того же дня; продолжалась она на пути от пристани до монастыря, где Батюшка побыл весьма недолго, вследствие просьбы хозяев парохода не задерживать его, и на обратном пути из обители на пароход.

Когда уже оставалось недалеко до пристани и приближалась минута расстаться с дорогим отцом, мне стало грустно и я сказала ему:

Игумения Таисия. Вот мы сейчас и расстанемся с вами, дорогой Батюшка, а как сладко мне было с вами беседовать! А теперь, Бог знает, когда придется свидеться.

¹⁾ Ин. 1, 29. — ²⁾ 1 Пет. 1, 21. — ³⁾ 1 Пет. 1, 13. — ⁴⁾ Ср.: 1 Сол. 5, 25. — ⁵⁾ Иак. 5, 16.

Отец Иоанн. Будем благодарить Бога и за то, что получили. Сама ты говоришь, что все это устроилось неожиданно, непредвиденно для тебя, так вот и гляди сама; а разве Господь-то не такой же милостивый будет и всегда? *Иисус Христос вчера и днесь Тойже, и во веки*¹⁾. Что вперед заглядывать? — Будем надеяться!

Игуменья Таисия. Вы очень спешили, Батюшка, и даже не покушали ничего; мне очень совестно, что вы совсем голодны.

Отец Иоанн. Напротив, я сыт больше чем нужно. Я хотел бы быть голодным: когда голоден телом, то душа сытее, свободнее, легче может возноситься горé, а сытое тело и душу пригнетает, порабощает, да и *не о хлебе едином жив будет человек*²⁾.

Игуменья Таисия. Удивляться надобно, Батюшка, как это вы всякий и самый простой, заурядный случай и даже каждое слово обращаете в назидание, в урок. Вот хотя бы и из этого слова какой высокий смысл выносите!

Отец Иоанн. Христианин должен весьма осторожно относиться к каждому слову и стараться обратить его в пользу себе и собеседнику.

Игуменья Таисия. Ну вот, родной Батюшка, подъезжаем к пристани, сейчас разлучимся. (И я заплакала.)

Отец Иоанн. *Кто ны разлучит от любви Божия?*³⁾ И нас с тобой, матушка, любящих Господа, ничто не разлучит ни в сей жизни, ни в будущей, — веруй и надейся. *Держи, еже имаши, да никтоже возьмет венца твоего*⁴⁾.

Игуменья Таисия. Чем могу я выразить вам мою искреннюю, глубокую благодарность за посещение нашей обители? О, если бы я могла чем-нибудь послужить вам или угодить!

Отец Иоанн. Угождай Господу, больше мне ничего не надо, и ничто не может быть для меня более приятного.

Игуменья Таисия. Если бы за ваши святыя молитвы и помог мне Господь преуспевать в духовной жизни, то все-таки это будет не вам угождение, а прямая обязанность моя и польза для моей души; притом же как вы узнаете об этом, чтобы порадовалось ваше отеческое сердце? Ведь мы с вами не часто видимся и живем довольно далеко друг от друга.

Отец Иоанн. А я говорю тебе, что узнаю, — верь этому, и отныне мы будем часто видеться. Я ежегодно буду ездить на родину и обратным путем, может быть, буду заезжать в твою обитель.

¹⁾ Евр. 13, 8. — ²⁾ Мф. 4, 4. — ³⁾ Рим. 8, 35; Втор. 8, 3. — ⁴⁾ Откр. 3, 11.

С такую радостною надеждою оставил меня Батюшка, сев на пароход; а я, вернувшись в обитель, тотчас же записала всю эту нашу беседу.

Эти слова Батюшки отца Иоанна вполне сбылись. Хлопоты мои о приобретении места в Петербурге для постройки подворья³⁹ с целью материальной поддержки нашей обители, не имеющей ни капитала, ни обеспечения, начавшиеся еще при митрополите Исидоре, требовали иногда моего некрatkовременного пребывания в столице, где я нередко виделась с Батюшкою, хотя вести с ним духовную беседу никогда не приходилось; но зато во время заездов его к нам в монастырь летом, на обратном пути с родины, мы получали поистине неземное наслаждение, находясь в непрерывном общении с этим благодатным пастырем в течение нескольких дней и даже недель.

Он обыкновенно писал мне с родины, села Суры, или из Архангельска о том, куда предполагает заехать, сколько где пробыть и когда приблизительно быть у нас, и на своем ли пароходе или на арендованном⁴⁰, и мое дело было встретить его на назначенном месте. Вот тут-то начинался мой праздник, мой отдых, то есть буквально отдых душевный, обновление сил и подъем духа.

Едем с ним, бывало, от пристани нашей «Борки» до монастыря; дорога все идет лесом, а версты за три до монастыря, пересекая дорогу, проходит полоса монастырского леса; и станет Батюшка благословлять его на обе стороны: «Возрасти, сохрани, Господи, все сие на пользу обители Твоей, в ней же имя Твое святое славословится непрестанно». Дорогою расспрашивает о состоянии сестер, о здоровье их и тому подобное. Подъезжаем к деревне, расположенной за одну версту от обители и составляющей весь ее приход, а там по обеим сторонам пестреет народ, вышедший на благословение к великому гостю: мужички с обнаженными головами кланяются в пояс; женщины с младенцами на руках спешат на перерыв поднести своих деток, хоть бы ручкой-то коснулся их Батюшка; только и слышно: «Батюшка кормилец», «родимый ты наш», «красное солнышко». А Батюшка на обе стороны кланяется, благословляет, говоря: «Здравствуйте, братцы! Здравствуйте, матери! Здравствуйте, крошечки Божии! Да благословит вас всех Отец наш Небесный! Христос с вами! Христос с вами!»

А как только пойдут монастырские постройки — дома причта, гостиницы и прочее, тут встречают сестры с громким стройным

пением: «Благословен Грядый во имя Господне!»¹⁾ и далее с пением же провожают до самого соборного храма, где встречают священнослужители, а звон в большой колокол давно уже гудит. Похоже на что-то пасхальное, прерадостное: общий подъем духа, общее торжество!

После Литургии, за которую всегда бывает много причастников, Батюшка проходит прямо в сад, куда приглашаются и все сослужившие ему священнослужители, гости, приехавшие к нему; туда же является и самоварчик со всеми своими атрибутами, и дорогой Батюшка, зная, что всякому приятно получить чаек из его рук, старается всех утешить. Потом пойдет гулять по аллеям сада или один, или с собеседником, но никто не беспокоит его. Как только Батюшка проходит через террасу в дом — сад пустеет, так как все расходятся.

Но ведь Батюшка слишком любит чистый воздух: не только днем проводит все время или в саду, или катаясь со мною по полям и лесам, но иногда, в теплые, сухие ночи, и спит на террасе. Иногда в саду соберет более близких знакомых своих и некоторых сестер обители и, сам выбрав где-нибудь местечко, станет читать нам книгу, им же самим выбранную; но чаще всего читал Евангелие, Апокалипсис или книгу пророков и все читаемое тут же объяснял. Иногда чтение прерывалось и беседами на объясняемую тему.

Когда устанет сидеть или утомится чтением, скажет мне: «А что, матушка, не худо бы и прокатиться нам в “Пустыньку” твою». И конечно, это моментально исполняется, и мы едем. Катались мы всегда небыстро, медленно, потому что в это время Батюшка или молился тайно, или беседовал со мною, или просто дремал; да и нужды не было скоро ехать: народ, как бы много его ни было, никогда у нас не бросался к нему, не беспокоил его на дороге. О «Пустыньке», этом излюбленном местечке Батюшки, я сообщу после подробно, а теперь возвращусь к его назидательным беседам.

Как-то, между прочим, зашел разговор о вере, и я, с своей стороны, сказала, что вера наша не так темна и слепа, как иные выражаются: «вера слепая».

Игуменья Таисия. Я нахожу, что тайны веры доступны пониманию, не скажу — ума, а — души и сердца. Не слепо, не безотчет-

¹⁾ Мф. 21, 9.

но я верую, а сознательно, так сказать, осязательно, понимая — во что, почему и как верую.

Отец Иоанн. Так сказать могут только люди духовные, а мирские, не упражняющиеся в предметах веры, не могут так сознать таин веры. Да и во всяком случае, есть тайны вполне непостижимые, недоступные пониманию; например: тайна Святой Троицы — кто постигнет ее? Один — а Три. Три — а Один...

Игуменья Таисия. Это объясняется различием лишь свойств Троицы Божества. Богословие объясняет это так: Бог Отец — превечный Ум, Бог Сын — превечное Слово, Бог Дух — животворящая, умная, ипостасная, всемогущая Святыня, Живот от Живота¹⁾, и тому подобное. Вы сами подобно сему в «Дневнике» пишете: «Я мыслю Отцем, говорю Словом, дышу Духом Святым». Следовательно, эта непостижимость тайны упрощается, уясняется сближениями и подобиями, и непроницаемость ее сглаживается.

Отец Иоанн. Да, для верующих, просвещенных духовно, а все ли могут вместить это понятие? Впрочем, в том и состоит величие нашей веры, что она не так ясна, как познание; иначе она бы превратилась в знание и утратила бы свое величие. Могу ли я благоговеть пред тем, что, чрез мое всестороннее понимание, уступает моему знанию, становится как бы ниже меня? Нет; там, в будущем веке, познаем более полно, а теперь довольно нам *разуметь от части*, как апостол о вере пишет: *ныне разумеем от части, тогда же познаем, якоже познани быхом*²⁾.

Игуменья Таисия. *Ныне видим яко зеркалом в гадании, тогда же лицом к лицу*³⁾, — добавила я и продолжала: неужели, Батюшка, мы увидим Господа *лицем к лицу*? Уж кажется, и не выдержать человеческому брэнному естеству.

Отец Иоанн. Не выдержать, пока человек во плоти, пока живет на земле, вращается в земной суете. Помнишь, что Бог сказал Моисею: *лице же Мое не явится тебе, не бо узрит человек лице Мое, и жив будет*⁴⁾.

А в будущем веке, когда и сам человек одухотворится, Господь явит ему Себя, насколько он может вместить; уж это дело Божие. Чтобы не быть отверженными от Божественного Неба, от пресветлых селений святых, во веки неветшающих и всегда живых, светлых, благоухающих, всерадостных, надобно здесь приуго-

¹⁾ Ср.: Тропарь Троицы, песнь 7-я, Великий покаянный канон прп. Андрея Критского.

²⁾ Ср.: 1 Кор. 13, 12. — ³⁾ Там же. — ⁴⁾ Исх. 33, 23, 20.

товлять себя хранением заповедей Божиих, покаянием и упражнением в добрых делах, нужно ведать и посещать на земле дом Божий, знать великое его воспитательное назначение для душ христианских и заранее приучиться здесь дышать Небесным воздухом, облагоуханным духовными ароматами христианских добродетелей, коими благоухает все Небо, все собрание святых; ибо в храме непрестанно восхваляют добродетели и доблестные подвиги всех святых Христовой Церкви. Безмерно много дано людям благодати и милости Божией в воплощении Сына Божия; много требуется взаимно и от них: требуется непрестанное и внимательное размышление о делах домостроительства Божия, благодарность, выражающаяся исполнением заповедей Божиих, послушание, взаимная любовь и снисходительность друг к другу, правда, святость, а для этого необходимо внимание к самому себе, как сказано: *аще быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были*¹⁾. О, как враг двоит душу человека, отвращая ее от Бога пристрастиями и любовью к плоти и всему плотскому, к миру и его благам: славе земной, красоте плотской, к богатству и ко всяким земным удовольствиям, по большей части греховным! Любовь к Богу погашается греховною любовью, поэтому как зорко надобно следить за всеми изгибами своего сердца, чтобы оно не отпало от Бога, этого единственного Источника всякого блага!

Игуменья Таисия. Не знаю, родной Батюшка, может быть, я и ошибаюсь, но, часто проверяя свое сердце, я не нахожу в нем пристрастия ни к чему земному. Не могу не сознавать, не ощущать, что мне как бы отвлеченно от земного живется, лишь по обязанности принимаешь во всем участие и вращаешься всюду.

Отец Иоанн. Благодарю Господа, что Он даровал тебе это бесстрастие. Это — не твое. Только Его святая сила может держать так человека.

Игуменья Таисия. Главное подкрепление нахожу я в частом приобщении Святых Таин, в чтении Евангелия, которое, право, иногда отвечает на мои мысли и дает вразумление. А также прибегаю нередко и к вашему «Дневнику». Какие там светлые, чудные мысли! Например: «Как реки текут в море, так души людей к Богу». Или еще: «Я мыслю Отцем, говорю Словом, дышу Духом Святым». Какая высота!

¹⁾ 1 Кор. 11, 31.

Отец Иоанн. Это не мое, а озарение свыше. Я чувствовал на себе это озарение, и под влиянием его являвшиеся мысли считал грехом не записывать и не предавать памяти; десятки лет я вел эти записи, и составились целые книги.

Игумения Таисия. Они имеют, Батюшка, какой-то особый характер. Они невольно восторгают читателя и переносят его как бы в глубину чистого богословия и света. Не сумею я лишь высказать; на мой взгляд, вы как будто разрушаете ими средостение между Богом и человеком, объединяете их. Например: «Я живу Богом, в Боге и с Богом, а Бог живет во мне!» Что же может быть выше этого? Ведь это Иоанново Богословие: Бог *вселлся в ны и от исполнения Его мы вси прияхом благодать воз благодать*¹⁾! Только оборот речи другой. Если только смею я так выразиться, это есть по отношению ко всему нашему православному учению — как бы продолжение его, изъяснение непостигнутого еще, усовершенствование недоконченного. Вы как бы предвкушаете будущую блаженную жизнь Церкви торжествующей и непостижимость будущей тайны упрощаете до близости и объединения.

Отец Иоанн. Понимаю, что ты хочешь сказать. Однако не лишена и ты духовного разумения. Действительно, он с этой целью, для этого и писан. Какое средостение между образом и Первообразом? Это грех! Но грех разорен Богочеловеком, завеса греха — разодрана; кто мешает или что преграждает нам путь?!

Игумения Таисия. При такой мысли о близости единения Бога с человеком невольно прихожу к вопросу: к чему же такие наши подвиги, лишения, труды ради Царствия Небесного, если оно, как и дарующий его Бог, есть только любовь, мир и радость? Тысячи древних подвижников сияли подвигами; и нам, нынешним монахам, предписываются подвиги, а между тем Бог, эта вечная Любовь, для Своего воцарения в сердце человека требует лишь любви: *сыне, даждь Ми сердце твое*, — говорит Он²⁾. Подвиги изнуряют, убивают, гнетут; я иногда сравниваю их с буквою по отношению к закону: *писмя убивает, а дух животворит*³⁾.

Отец Иоанн. Ты смешиваешь одно с другим, между тем как всему свое время и место. Подвиги нужны и необходимы для воспитания своего внутреннего человека, для умерщвления в

¹⁾ Ин. 1, 14, 16.

²⁾ Притч. 23, 26.

³⁾ 2 Кор. 3, 6.

нем гнездящихся страстей, для выработки себя в ту меру *возраста исполнения Христова*¹⁾, когда сделаемся способными принять и носить в своем сердце Царствие Божие. Бог всегда с нами, у дверей сердца нашего, как сказано: *Се стою при дверех и толку*²⁾, да сердце-то всегда ли способно принять Его? Вот и указаны нам и книгами, и примерами подвиги как сила вспомогательная для нашего усовершенствования, чтобы путем их очистить свое сердце для принятия внутрь его Царствия Божия, то есть Самого Христа. Знаешь ты тропарь святому великомученику Феодору Тирону: «Яко хлеб сладкий Троице принесется»⁴¹⁾? Что это значит? Как ты понимаешь эти слова? Для того, чтобы хлеб был сладкий, приятный, надобно прежде всего хорошенько просеять муку, очистить ее от всякой примеси, от всего негодного, чтобы хлеб был чистый, вкусный. Так и сердце наше, чтобы было приятно Богу жертвой, надо прежде очистить от страстей, в нем находящихся, высеять их; тогда и будет оно приятно.

Игуменья Таисия. Дорогой Батюшка, как понимать заповедь о «добрых делах»? Их ведь необходимо утаивать?

Отец Иоанн. А я не так это понимаю: *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего Небеснаго*³⁾.

Пусть люди видят твои добрые дела и чрез то Господа славят, и для себя имеют живой пример, живое побуждение к деланию добра. Вот от кого надобно скрывать (и при этом Батюшка показал пальцем на свое сердце) добрые дела! От него утаивай все, *да не увестъ шуйца твоя, что творит десница твоя*⁴⁾. Шуйцей называется свое личное самомнение, тщеславие.

Как известно, Батюшка имел обыкновение читать канон, а вместе и седальны на кафизмах и антифоны. Был 3-й глас, и, прочитав антифоны: «В юг сеюции слезами Божественными, жнут класы радостию присноживотия», Батюшка, обратясь ко мне, сказал: «Вот это тебе на утешение, Таисия, — «сеюции слезами радостию пожнут в будущем веке». Как много утешения Господь возвещает скорбящим и труждающимся Его ради! Помни, что труды для Господа и скорби ради Его — выше всего».

На утрени Евангелие читалось о явлении Господа Марии Магдалине. По прочтении Евангелия Батюшка обратился ко мне и

¹⁾ Еф. 4, 13. — ²⁾ Откр. 3, 20. — ³⁾ Мф. 5, 16. — ⁴⁾ Мф. 6, 3.

сказал: «Слышала ты, матушка, как Господь-то утешил Марию Магдалину: «Марие, что плачешь, кого ищешь?»¹⁾ Вот и тебе Он говорит: «Таисия, что плачешь, кого ищешь?» Ищи, ищи Иисуса, и Он предстанет тебе. Много утешений у верующего! Вот, например, за Божественной литургиею бывает такое утешение, озарение души, откровение таин!

Игумения Таисия. Батюшка, вы во время литургисания точно сами переживаете все совершающееся, так возносите душою!

Отец Иоанн. Верно; действительно, я все совершаемое стараюсь почувствовать душой, переносясь мыслию и всею душою к совершаемому.

Игумения Таисия. Как я счастлива, Батюшка, что вы у нас совершаете Литургию!

Отец Иоанн. Легко и служить в твоём соборе. Дух сестер певчих дышит чистотою, усердием, благоговением; вообще у тебя хорошие сестры, хорошая обитель, и не оскудеет она милосердием Божиим.

Эти слова: «Легко здесь служить, чудный собор» Батюшка сказал мне еще и в алтаре, как только приобщился сам; он подошел ко мне и, видимо *от избытка сердца*²⁾, сказал: «Как хорошо здесь, легко служить! Чудный храм!» Мне это было тем более отрадно, что храм этот от первой и до последней копейки строился моими слезными трудами и сборами.

Игумения Таисия. Да и быть с вами, Батюшка, так легко; от вас, как от одушевленного храма Божия, веет миром, спокойствием и радостью. С вами все забудешь, кроме Бога. Да еще умоляю вас, напишите мне хотя словечко, когда вам Господь внушит. Не забудьте меня, грешную, ведь я ваша дочь духовная; не оставьте, не забудьте меня, родной мой.

Отец Иоанн. Вот как я тебе скажу на это. Господь сказал чрез пророка: *Если и забудет сих жена (мать), Аз не забуду тебе*³⁾. И я по силам буду помнить тебя и сестер твоих.

Однажды Батюшка сидел углубленный в свои мысли, а я думала о нем: «Господи, что это за человек?» и тому подобное. Вдруг он обратился ко мне, устремил на меня свои полные

¹⁾ Ин. 20, 13.

²⁾ Мф. 12, 34.

³⁾ Ис. 49, 15.

кротости и мира глаза и говорит: «Пытай!» Я, в свою очередь, не смутилась этим, ибо не новостью было для меня то, что он отвечает на мысли, и сказала ему, тоже глядя ему в глаза прямо: «Я не пытаю, Батюшка; могу смотреть в глаза вам прямо, потому что не фальшивлю перед вами; но не задуматься о вас не может человек мыслящий и имеющий духовное настроение жизни; вот и я часто о вас думаю, Батюшка: что вы за человек? И чем все это кончится?»

Отец Иоанн. Ишь ты, куда заглядываешь: «Чем кончится?» Начало и конец — милость Божия. Смотри и суди по плодам, как указано в Евангелии: *От плод их познаете их*¹⁾. И в себе ищи плодов, и в тебе они будут и быть должны. Помни, между тем, что мир от Бога; враг не может дать мира душевного; его дело — смущать, а не умирать.

Игуменья Таисия. Батюшка, я хотела бы и еще вас спросить: вот я все стараюсь отдаляться от своих родных: редко, очень редко пишу им; вот уже 14 лет, как не была у них²⁾; они всё зовут, всё стараются сблизиться со мною; и другие меня уговаривают, что и грех будто бы оставлять своих; если и посторонним делаешь добро, то своим и подавно надобно. А я все стараюсь отдаляться от них. Ведь сказано: *Врази человеку домашнии его*²⁾.

Да и что у нас общего? Они только отвлекут меня от моих обязанностей; да я и боюсь, греха с ними много. Как ваш взгляд на это?

Отец Иоанн. И прекрасно делаешь! Остерегайся, отдаляйся от них. Помни: нельзя *служить двум господам*³⁾. У тебя теперь другие родные — твои сестры о Христе, ты за них ответишь перед Богом, а родных раз уже оставила, не *озирайся вспять*⁴⁾. Нет сильнее войны духовному человеку, как с родными его: *Врази человеку домашнии его*. Так было при Христе, так и теперь, так и всегда будет.

Однажды я исповедовалась у Батюшки, говоря по порядку заповеди. Выслушав, он сказал:

Отец Иоанн. Все это грехи как бы неизбежные, вседневные, в коих мы должны непрестанно каяться мысленно и исправляться. А вот ты мне что скажи: каково твое сердце, нет ли в нем чего греховного — злобы, вражды, неприязни, ненависти, зависти, лести, мстительности, подозрительности, мнительности, недобро-

¹⁾ Мф. 7, 16. — ²⁾ Мф. 10, 36. — ³⁾ Мф. 6, 24. — ⁴⁾ Ср.: Лк. 9, 62.

желательства? Вот яд, от которого да избавит нас Господь! Вот что важно!

Я отвечала, что не ощущаю в себе ни злобы, ни вражды, ни мести, ничего подобного, а только могу обвинить себя в подозрительности, или вернее в недоверии к людям, образовавшемся во мне вследствие многих людских несправедливостей и неправд.

Батюшка отвечал:

Отец Иоанн. И в этом не оправдишься. Помни: *любви не мыслит зла*¹⁾, и доброе око не узрит зла даже и там, где оно есть. Покрывай все любовью, не останавливайся на земной грязи, достигай совершенства любви Христовой. Впрочем, и Христос *не вдаеше Себе в веру их, зане Сам ведаеше вся*²⁾.

Игуменья Таисия. Батюшка, как же доверять и верить вполне людям, когда так много от них приходилось терпеть незаслуженно, безвинно? Иногда, из предосторожности для будущего, относишься недоверчиво и подозрительно.

Отец Иоанн. Зачем нам заглядывать в будущее? — *Довлеет днєви злоба его*³⁾. Предадимся, как дети, Отцу нашему Небесному, Он *не оставит нас искушєтєся паче, нежели можем*⁴⁾.

Подозрительностью лишь себя измучишь, да и делу не поможешь, еще повредишь, заранее представив себе зло там, где может быть, его и не будет. Лишь бы мы не делали зла, а нам пусть делают, если попустит Господь.

Однажды я сказала Батюшке, что иногда подвергаюсь сильнейшему духовному искушению, которое изобразить словом не могу; это как бы уныние, но в самой ужасной степени, едва не отчаяние, — точно туча черная нависнет над головою, и точно нет из-под нее выхода; все представляется так мрачно, так тяжело на душе, что я называю это искушение «адским», и если бы оно было продолжительно, то причинило бы смерть или исступление.

Батюшка отвечал:

Отец Иоанн. Это искушение попускается более сильным, более опытным в духовной брани. Его наносит тебе враг, потому что видит, что подвиги твои подходят к концу, что тебе готовится воздаяние на Небе, и хочет сильным толчком сразить тебя и лишить тебя венца. Многих он губит унынием. Крепись и мужайся, борись против козней врага, не поддавайся. Неси со

¹⁾ 1 Кор. 13, 4, 5. — ²⁾ Ин. 2, 24. — ³⁾ Мф. 6, 34. — ⁴⁾ Ср.: 1 Кор. 10, 13.

смирением и в терпении и этот крест. Считай, что он послан тебе для твоего смирения, и Господь поможет тебе. Чья храмина души основана на камне, ту никакие ветры вражиих искушений, никакие бури не поколеблют, ибо твердо основание ее; а у кого нет в основании камня, Христа, и основана душевная храмина его на песке, та легко разрушается и малейшею бурей¹⁾. Восходи по лестнице духовной вверх, а не вниз. Возвышайся духом, возвышайся умом. Ты призвана пасти свое малое стадо девственниц, избранных Господом на житие иноческое; не считай это дело маловажным или меньшим тех добродетелей и подвигов, какие ты могла бы понести в уединении, спасая лишь свою душу. Ты теперь не имеешь покоя ради служения ближним; твои труды, заботы и скорби — скорби и страдания мученицы: ибо ты распинаешься за всех по любви к Богу и ближним, а что выше этого?

На следующее утро, когда мы с Батюшкой пошли в храм, в котором престол мраморный, Батюшка вдруг, указывая на него, спросил меня: «Это какой престол?» Я с удивлением посмотрела на него и отвечала: «Мраморный». Он продолжал: «Следовательно, каменный; да будет же твое сердце, как этот камень, — мужайся!»

Игуменья Таисия. Иногда, Батюшка, готовишься к принятию Святых Таин, а ночью совсем не можешь бодрствовать; или от дневных трудов утомишься до крайности, или от чего-либо другого, но так и клонит ко сну; потом и смущаешься этим в церкви.

Отец Иоанн. Неужели ты думаешь, что наше неспание или какие-либо подвиги сильны и достаточны дать нам дерзновение перед Святою Чашею? Помнишь разбойника?²⁾ Один вздох искреннего раскаяния, одна вера в заслуги Распятого — вот наше оправдание, а не мнимые наши подвиги. Конечно, надо и подвизаться, но не с тем, чтобы в этих подвигах видеть и полагать свое оправдание и достоинство. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*³⁾.

Я многократно просила Батюшку принять наш монастырь под его духовное водительство, его покров, отнюдь не разумея тут какой-либо материальной помощи, о чем решительно

¹⁾ См.: Мф. 7, 24–27.

²⁾ См.: Лк. 23, 32–43.

³⁾ Пс. 50, 19.

никогда не беспокоила Батюшку, а просила исключительно его духовного благодатного наблюдения над нашей обителью, веруя и по опыту зная, что ему Господь открывает состояние сердец человеческих.

Батюшка отвечал:

Отец Иоанн. Много ты мне, матушка, приписываешь, слишком высоко обо мне думаешь; если я что и имею, то лишь по благодати Божией. Конечно, *вся возможна суть верующим*¹⁾. По вере твоей, если будет на то Его святая воля, не отказываюсь содействовать вам в деле спасения, буду, как уже и говорил, молиться за вас; и сам я люблю вашу обитель.

Этот наш разговор происходил во время пребывания Батюшки в нашей обители. Дня через два или три после сего поехали мы с Батюшкой кататься и, по обычаю, прежде всего в «Пустыньку». Когда Батюшка располагал там уединиться для молитвы или для отдыха, он приказывал запереть входные ворота оградки, чтобы никто не входил, не беспокоил его. На этот раз он распорядился так же.

Не лишнее здесь пояснить, что все место, огражденное здесь деревянным забором (скиток «Пустынька»), представляет собою ровный квадрат, посредине которого расположен одноэтажный деревянный дом, на восточной половине коего — храм во имя святого апостола Иоанна Богослова. С этой стороны от ограды до храма — кельи сестер, а по ту сторону церковного домика — садик с аллеями, где и любил всегда прохаживаться отец Иоанн, совершая свои тайные молитвы.

Из предосторожности, чтобы кто не побеспокоил его, я во время таких его прогулок всегда почти сидела на ступеньках крыльца, и если Батюшке было что-либо нужно, он обращался ко мне. В описываемый мною случай Батюшка не долго погулял по садику, но, видимо, он молился, нередко останавливался, скрестив на груди руки и устремив взор на небо. Затем быстрым движением подошел к стоявшему на одной аллее стулу и потащил его за собою к алтарной стене с юго-востока. Я, от неожиданности такого поступка, растерялась, не успела да и не посмела помочь ему. Смотрю — Батюшка уже и второй стул тащит за собой подобно первому. Я поспешила к нему, но он уже поставил его рядом с первым и говорит мне:

¹⁾ Ср.: Мк. 9, 23.

«Садись, я почитаю тебе». С этими словами он достал из кармана довольно большую книгу, открыл ее, где было заложено, и стал читать.

Расскажу вкратце прочитанную историю: в Киево-Печерской Лавре (основателем коей, как известно, был преподобный Антоний) один из старцев, занимавший высокий пост и пользовавшийся всеобщим почтением, скончался. Авва, то есть настоятель, особенно сокрушался о нем, так как имел в нем себе ближайшего и верного помощника по управлению. К немалому его огорчению, усопший в первый же день своей кончины так разложился, что невозможно было ни читать по нем Евангелия, ни петь панихиды не только у гроба, но даже и в соседней келье; зловоние наполнило всю (тогда еще небольшую) обитель, и все считали это за наказание Божие. Когда авва в полночь стоял на своем правиле и молился о упокоении новопреставленного, он услышал от иконы Спасителя глас, возвещавший ему о том, что почивший имел многие тайные грехи, не раскаявшись в которых и умер, поэтому не может быть помилован от Правосудия Божия. Наутро авва собрал всю братию, объявил им извещение Спасителя о старце и предложил всем в течение сорока дней особенно усиленно молиться за него и поститься. Все с усердием стали подвизаться за душу собрата. На сороковой день авва, опять в полунощной молитве пред тою же иконою Спасителя, слышит глас: «Не ради ваших постов и молитв за связанного грехами брата, а ради раба Моего Антония, молившего Меня еще на земле, да не погибнут души подвизающихся в сей обители, созданной им, Я прощаю усопшего имярек»⁴³.

Прочитав это повествование, Батюшка сложил книгу, спрятал ее в боковой карман своего подрясника и, быстро встав, сказал: «Ну, пойдем, матушка!» И мы тотчас же тронулись. Долго сидели мы оба молча; зная, что Батюшка никогда и ничего не делает без цели, я раздумывала, чем бы объяснить этот его поступок. Наконец Батюшка начал сам: «Что ж ты, матушка, призадумалась?»

Игуменья Таисия. Да как не призадуматься, Батюшка! Ведь вы мне словно загадку задали. Ведь я понимаю, что вы не без цели это мне прочитали, так вот и хочу додуматься, найти эту цель. А может быть, вы сами мне скажете?

Отец Иоанн. Нет. Если нужно, Господь откроет тебе, а сам я ничего не скажу.

Игуменья Таисия. Я пришла только к одному заключению, а иного никакого мне на ум не приходит: как преподобный Антоний умолил Господа, чтобы все, подвизавшиеся в его обители, не были отринуты Им, а спаслись, — так и вашими святыми молитвами Господь спасет всех живущих в этой обители. Об этом ведь я вас и просила на днях, да и всегда прошу.

Отец Иоанн. Да, Господь даровал мне эту обитель твою, и я ваш молитвенник всегдашний.

От избытка сильных ощущений, вызванных этим событием, я не могла разобраться в мыслях; я сознавала, что сказанное мне Батюшкою после чтения было делом слишком большой важности, слишком радостным для меня и для всей обители; я сидела, углубившись в свои мысли, и даже забыла поблагодарить Батюшку за его такой духовный бесценный дар. Наконец я опомнилась и сказала ему: «Батюшка, конечно, я бессильна благодарить вас, да и какое слово благодарности может соответствовать такому великому дару».

Отец Иоанн. Богу благодарение, а не мне, недостойному. Помнишь слова апостола: *Лишше подобает нам внимати писаным, да не когда отпадем*¹⁾!

Игуменья Таисия. Помню, Батюшка, но этот текст мне не очень знаком, а вы нередко его повторяете; запишите мне его для памяти.

Отец Иоанн. Не хочется, Таисия, я устал. — Но, помолчав немного, он продолжал: — Ну, давай, напишу!

Игуменья Таисия. Нет, Батюшка, если устали, так зачем же утруждать себя? Я и так запомню, или сама запишу. — И я повторила текст.

Отец Иоанн. Давай, давай — напишу! Надо нудить себя; слышишь: надо нудить себя на пользу ближних во славу Божию.

Я поняла урок для себя. «Спаси вас, Господи, — отвечала я, — да, мне каждое ваше слово дорого; я внимательно слушаю ваши речи и после, дома, записываю все, о чем говорила с вами. Это служит и для меня самой утешением и пользою, да и как отрадно прочесть хотя речи ваши, когда, расставшись с вами, скучаешь о вас; кроме того, думаю, и другим полезно слышать (то есть прочитать) ваши благодатные беседы».

Отец Иоанн. Что ж? Можешь давать и другим, но прежде дай мне самому просмотреть, что ты там записала.

¹⁾ Ср.: Евр. 2, 1.

Я показала Батюшке эту самую тетрадку; он прочитал несколько страничек, кое-что поправил и, отдавая мне ее обратно, сказал:

Отец Иоанн. Я просмотрел бы ее в более свободное время, там после подашь мне. Хорошо, что ты запоминаешь мои слова. *Хвалю вас, — говорит апостол, — яко слово мое помните и предания моя держите*¹⁾. Значит, семя мое падает на добрую землю и приносит плод, довольный к насыщению и других.

Игуменья Таисия. Мне думается, Батюшка, что рассеянность, хотя сама по себе и не есть особый вид греха, но едва ли не более других грехов мешает присутствию благодати Божией и заглушает ее.

Отец Иоанн. А разве ты не считаешь рассеянность за грех? Она есть потеря внимания. О ней и Спаситель упоминал, когда говорил о семени, падшем при пути, и когда сказал апостолу Петру: *Симоне, Симоне, се, сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу*²⁾ (сеял, то есть рассеивал).

Игуменья Таисия. А разве это о рассеянности, Батюшка?

Отец Иоанн. Как же, о рассеянности.

Батюшка очень любил цветы и вообще природу: ему беспрестанно подносили цветы или из сада, или полевые. Бывало, возьмет в ручку розу или пион, какие расцветут к его приезду, и поцелует цветок, говоря: «Лобызаю Десницу, создавшую тебя столь дивно, столь прекрасно, благоуханно! О Творец, Творец! Сколь дивен Ты и в самомалейшей травке, в каждом лепестке!» Подержит, бывало, Батюшка в руке своей цветочек и отдаст кому-нибудь из присутствующих; и сколько радости получает с этим цветочком обладатель его! А Батюшка продолжает восхвалять Творца за Его благодеяния к людям. Подадут ли ему ягод из саду, какие поспеют, он говорит: «Какой Господь-то, Отец наш Небесный, Милостивый, Добрый, Щедрый, Всеблагый! Посмотрите, поймите — Он не только дает нам насущное, необходимое пропитание, а и услаждает нас, лакомит ягодками, фруктами, и какими разнообразными по вкусу, — одни лучше других! Заметьте, вот у каждого сорта ягод свой вкус, своя сладость, свой аромат».

¹⁾ Ср.: 1 Кор. 11, 2.

²⁾ Лк. 22, 31.

Кто-то из приезжих заметил при этом ему однажды, что ныне культура усовершенствована и дает лучшие сорта продуктов. Батюшка, не глядя на говорившего, а продолжая смотреть на ягоды, ответил: «Культура — культурой, а Творец — Творцом. На то и дан человеку разум, чтобы он работал им, возделывал, совершенствовал, или, как ныне выражаются, культивировал прежде всего самого себя, а затем и другие творения Божии, хотя бы и дерево, и плоды, и все, что предано в его руки Творцом. Из готового-то семени легко выращать, доводить до высшего качества; а семя-то самое создать, если его нет, одну каплю воды создать там, где ее нет, — попробуйте-ка с вашей культурой! Из готовой воды можно и водопады устраивать, из готовых веществ — земли, песка, глины — можно какие угодно громады воздвигать, а при отсутствии этих веществ что вы сделали бы? О Творче Всеблагий, Отче Небесный, доколе создание Твое не познаёт Тебя и не падет в прах пред величием Твоим?!»

Любил также Батюшка и сам собирать в саду ягоды и кушать их прямо с веточки. Бывало, заберется в кусты малины или в грядки клубники, кушает да и позовет: «Матушка, у тебя в садике-то воры. Что плохо следишь за своим добром?» Любил он наш садик и всякий раз перед отъездом из обители заходил в него и, как бы жалея его, прощался с ним: «Прощай, садик! Спасибо тебе за то удовольствие, которое ты доставляешь мне всегда! Сколько светлых минут проводил я в твоём уединении!» и тому подобное. Бывало, скажешь ему на это: «Родной наш Батюшка, да разве вы уже на будущий год к нам не приедете?» Он ответит: «Будущее в руках Божиих; жив буду — приеду».

Если случалось, что Батюшка приезжал к нам во время сенокоса, то мы с ним ездили и на покос к сестрам, всегда принаравливая к тому времени, когда они там пьют чай. Вот радость-то сестрам! Подъезжаем, бывало, и издали уже виднеются черные фигуры в белых фартуках и белых платочках. Поодаль дымятся и самоварчики; тут же на траве разостлана большая простая деревенская (бранная) скатерть, пригнетенная по краям камушками, чтобы не поднимало ее ветром; на ней около сотни чашек чайных, сахар; подле стоят мешки с кренделями (баранками). Как только подъедет Батюшка, певчие сестры грянут любимый Батюшкин задостойник: «Радуйся, Царице». Батюшка идет к приготовленному для него столу, но иногда прежде погуляет по покосу, посидит на сене, побеседует с сенокосницами, и затем

начинается чаепитие. Все собираются к кипящим кубам и самоварчикам, садятся на траву, и Батюшка сам раздает им из мешка баранки, многим дает чай из своего стакана и вообще старается всех утешить. Когда он уезжает с покоса, все бегут провожать его, певчие поют ему «Многолетие», пока экипаж не скроется из вида.

Вообще Батюшка любил наше пение и ежедневно призывал клирошанок петь, по большей части в саду, иногда и в «Пустыньке», а при дождливой погоде и в кельях. Ежедневно после обеда подходила к нему регентша, которой он назначал, какие пьесы петь ему. Иногда он слушал их молча, сосредоточенно, в молитвенном настроении; иногда стоял или даже ходил среди их и объяснял им смысл поемого, особенно ирмосов; иногда же с увлечением сам пел с ними и регентовал рукою. Когда случилось нам с ним кататься по Волге, по его благословению я брала с собою на пароход от четырех до шести певчих, которые пели ему на пароходе, а также и в побережных церквях, где он останавливался для совершения Литургии, без чего не мог провести ни одного дня.

Когда мы с ним катались по нашим лесам и полям, он всегда благословлял поля с молитвою о их плодоносии и изобильном урожае на пропитание обители. Бывало, когда увидит, что нет близко народа, велит остановить лошадей, снимет с себя рясу, положит на свое место и пойдет немножко пройтись в поле. По дорогам между монастырем и скитами у нас поставлено немало скамеечек, так как по этим уединенным дорожкам гуляют монашенки и садятся иногда со своим рукодельем или отдыхают, когда ходят в лес за ягодами или за грибами. Во время пребывания у нас Батюшки все таковые скамеечки служили местом для богомольцев, прибывавших к Батюшке. Зная, что мы с ним ежедневно, иногда и по несколько раз, проезжаем тут мимо, они поджидали нас и, завидев издали экипаж, тихо, в полном порядке подходили к Батюшке на благословение. Иные девушки подносили ему полевые цветы, особенно часто фиалки белые и лиловые, которые Батюшка очень любил. Так, однажды, приняв эти букеты, он держал в руках один из них и, рассматривая его, сказал Евангельское слово:

Отец Иоанн. Ни Соломон во всей славе своей не одевался так, как каждая из полевых лилий. Если Отец Небесный так одевает цветок, который сегодня есть, а завтра брошен будет в печь,

*то не тем ли более вас, маловерные*¹⁾. Как очевидна истина слова Божия: *Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, а все остальное приложится вам*²⁾. Это я испытываю на себе: с тех пор как я начал усиленно искать и исключительно заботиться о благоугождении Господу молитвою и делами милосердия ближним и другими, я почти не имею надобности заботиться о себе, то есть о своих внешних нуждах; меня, по милости Божией, одевают, обувают, угощают добрые люди и сочтут за обиду, если бы я не принял их усердия.

Я на это отвечала ему: «А если бы вы знали, Батюшка, как приятно что-либо сделать для вас, хотя чем-нибудь послужить вам! Да и поверите ли, Батюшка, что за все, что для вас сделаешь, так скоро воздается сторицею! Я это и на себе лично испытала, да и от многих слышала».

Отец Иоанн. Верю, и сам вижу на деле; да это и в порядке вещей; за все воздает нам Господь, даже за чашу холодной воды, поданную во имя Его.

Игуменья Таисия. А я в этом отношении часто припоминаю слова: *Приемляй праведника во имя праведниче, мзду праведнику приемлет*³⁾. Я знаю, что это сказано к апостолам и не в том отношении, о каком мы теперь говорим, а вообще о вере и усердии к праведникам, то есть к людям, всецело отдавшимся Богу.

Отец Иоанн. А помнишь апостольское слово: *Не обидлив есть Бог забыти дела вашего и труда любви, юже покажете во имя Его, послужившие святым*⁴⁾. Конечно, не святых, на Небесах живущих, надлежит разумеать, а служителей Его, которые трудятся для Него ради спасения людей. А строго же Он и судит тех, кто дерзает злословить их, особенно клеветать безвинно! Как Он чрез пророка Захарию говорит: *касаяйся вас* (то есть избранных Божиих), *яко касаяйся зеницы ока Его* (Божия)⁵⁾.

Видишь, Своим «оком» называет их Господь! Да и святые-то как любили Господа! Несмотря на немощное свое плотское естество, ужасающееся и мысли о мучениях и пытках, ради любви Христовой охотно шли на всякое страдание и смерть, лишь бы в вечности не быть отринутыми от Него. Вот, святой Игнатий Богоносец и лично просил, и писал в своем послании к римлянам-христианам, когда они хотели освободить его от пред-

¹⁾ Ср.: Мф. 6, 29–30. – ²⁾ Мф. 6, 33. – ³⁾ Ср.: Мф. 10, 41. – ⁴⁾ Евр. 6, 10. – ⁵⁾ Ср.: Зах. 2, 8.

стоявшей ему мученической смерти: «Не возбраняйте ми (то есть не мешайте мне прийти к Господу), хочу быти измолен (то есть измолот) зубами зверей, да буду в жертву благоприятну Господу моему!»⁴⁴ Вот высокая, святая любовь!

В 1903 году, в бытность свою у нас, отец протоиерей Иоанн совершил закладку зимнего Троицкого храма при громадном стечении народа, так как в этом году здесь были учительские курсы⁴⁵, в коих принимали участие свыше семидесяти учительниц.

Грешно было бы умолчать об одном слишком большой важности событии, совершившемся по молитвам отца Иоанна на глазах целой деревни и известном всей окрестности, о котором в свое время все говорили и писали, а теперь, уже после кончины Батюшки, упоминал в газетах случившийся в то время у нас в монастыре г-н М.А. Гольтисон⁴⁶. Это было также в 1903 г., еще в начале июня месяца. Во всей здешней местности появилась сибирская язва⁴⁷. Коровы и лошади падали ежедневно по нескольку голов. Со всех сторон были поставлены карантин, и я с ужасом помышляла о том, как выеду за Батюшкой и как привезу его в обитель, ибо всем приезжавшим к нам на пароходе из более отдаленных местностей приходилось идти пешком все 10 верст от пристани до нас. В монастыре собственно скот не падал, не было никакой эпизоотии; но из него-то, окруженного карантин, никуда нельзя было попасть иначе как пешком. Наконец, необходимо стало решить вопрос, то есть или предупредить Батюшку о невозможности посетить наше Леушино, или же, презрев опасность подвергнуть эпизоотии весь наш скот, решиться ехать; и я, помолившись с верою, избрала последнее. Со всякими предосторожностями, ночью, во избежание дневного жара, на легком простом тарантасе в одну лошадку, я поехала на пристань. Версты за две до нее, на карантине, мы едва пробрались, и то лишь потому, что все знали, что в обители пока все еще благополучно. Едва проехали эту заставу, как на беду нам пересекают дорогу двое дрог, везущие павших лошадей для заправки их в отведенном месте. Ужас мой и опасение удвоились, и я почти уверена была, что должна лишиться своей лошадки. Кое-как наконец добрались до пристани и, со всеми предосторожностями, опрыскав и окурив, убрали лошадь в конюшню. Утром я отправилась навстречу Батюшке и еще на

пароходе рассказала ему все. Выслушав меня молча, Батюшка встал со своего места и стал ходить по трапу парохода и молиться. Через полчаса времени он снова сел подле меня и сказал: «Какое сокровище — молитва! Ею все можно выпросить от Господа, все получить, всякое благо, победить всякое искушение, всякую беду, всякое горе». Я уже начинала смекать по этим словам, что и наша беда, сибирская язва, победится его молитвами, что и высказала ему. Батюшка ответил: «Что же, — *вся возможна верующим*¹⁾!»

Когда пароход подошел к пристани «Борки», то на ней уже собралась не одна сотня домохозяев и хозяек, намеревавшихся просить Батюшку помолиться об избавлении их от такого тяжелого наказания, как потеря скота. «Что мы будем делать без скотинки-то, кормилец? Ведь ни земли не вспахать, ничего, — хоть по миру иди! Уж и без того-то бедно, а тут еще такая беда». — «За грехи ваши Господь попустил на вас такую беду; ведь вы Бога-то забываете. Вот, например, праздники нам даны, чтобы в церковь сходить, Богу помолиться, а вы пьянствуете; а уж при пьянстве чего хорошего, сами знаете!» — «Вестимо, Батюшка кормилец, чего уж в пьянстве хорошего, одно зло». — «Так вы сознаетесь ли, друзья мои, что по грехам получаете возмездие?» — «Как не сознаваться, кормилец! Помолись за нас, за грешных!» И все пали в ноги. Батюшка приказал принести ушат и тут же из реки почерпнуть воды. Совершив краткое водоосвящение, он сказал: «Возьмите каждый домохозяин себе этой воды, покропите ею скотинку и с Богом поезжайте, работайте. Господь помиловал вас». Затем Батюшка вышел на берег, где уже стояли наши лошади, которых он сам окропил, равно и привезшую меня на пристань лошадку, и мы безбоязненно поехали в обитель. В тот же день все мужички поехали куда кому было надо, все карантинны были сняты, о язве осталось лишь одно воспоминание, соединенное с благоговейным удивлением к великому молитвеннику земли Русской. Хотя у нас в обители и не было падежа скота, но мы тем не менее просили Батюшку окропить его и помолиться о сохранении его на общую пользу. И бездонный наш молитвенник, совершив водоосвящение, приказал проводить мимо его весь рогатый скот поодиночке, причем каждого отдельно окроплял святою водою, также и лошадей.

¹⁾ Ср.: Мк. 9, 23.

Вообще Батюшка любил животных. В пример этому могу привести случай, коему и я и все бывшие на пароходе были очевидцами.

Однажды мы с Батюшкой ехали на пароходе по Волге вверх, против течения, около 5 часов по полудни, в сенокосное время. Все были на трапе, где Батюшка читал нам книгу, а мы окружали его, сидя кто на стульях, кто на скамьях, а кто и на полу. Прекратив чтение, Батюшка обратился к бывшему тут же капитану парохода А.А. М. и сказал: «Пойдем, друг, помедленнее: чудный вечер, а аромат-то какой от свежего сена — наслаждение!» Идя тихим ходом, мы подходили к большой, широко раскинувшейся по берегу Волги деревне, а на противоположном берегу находился покос, где еще убирали сено: иные метали стога, иные накладывали его на воза, чтобы увезти чрез реку в деревню на пароме, стоявшем у того берега. Вдруг одна лошадь с огромным возом сена, скативши его на паром, не могла остановиться и ринулась прямо в воду, увлекая за собою и воз, и державшего ее хозяина-крестьянина. На пароме произошел невообразимый переполох; и лошадь, и сено были обречены на верную гибель. Крестьянин, бросив вожжи в реку, моментально сел в лодочку и направился по течению, куда должно было нести и лошадь с возом. Наш пароход совсем остановился; в ужасе мы все смотрели на погибающее, как мы думали, животное. Но что же вышло? Батюшка, стоявший у самого борта на трапе, все время крестился, молился, произнося вслух: «Господи, пощади создание Твое, ни в чем не повинную лошадку! Господи, Ты создал ее на службу человеку: не погуби, пощади, Всеблагий Творец!» и тому подобное. Он часто изображал крестное знамение в воздухе по направлению к лошади, которая плыла с возом, как будто шла по дну. Когда она доплыла до самой середины реки, где очень глубоко, — просто сердце замерло, глядя на нее: вот-вот, думаешь, скроется под водою; но она продолжала плыть и вот уже была недалеко от другого берега. Крестьянин, плывши за нею в лодке, тоже подплывал к берегу; он подобрал волочившиеся по воде вожжи, опередил лошадь и помог ей поднять воз на берег. Из селения прибежали другие мужички и общими силами стали помогать потерпевшему. Сначала выпрягли лошадь, и она, почувствовав себя вне опасности, стала стряхиваться, кататься, то есть валяться по траве, и потом бодро встала на ноги. Сено подмокло, но и то не до самого верха, хотя нам и казалось, что уже только верхушка его не

в воде. Так как это было у всех на глазах и все видели, как отец Иоанн молился о спасении животного, то много народа собралось на берегу, во главе с хозяином лошади, чтобы благодарить дорогого молитвенника и общего отца-печальника, но он, избегая этого, тотчас же приказал капитану парохода идти дальше.

Много, весьма много назидательного и отрадного удостоил меня Господь видеть и слышать во время моего пребывания с отцом Иоанном. Он имел удивительный навык и совсемалейшие случаи, по-видимому и незаметные, заурядные, не стоящие и внимания, обращать в полезное назидание окружающим. Вот пример. Все мы однажды были с ним на трапе парохода, где, по обыкновению, Батюшка нам читал. Окончив чтение, он сидел молча, приказав лишь убрать столик, на котором лежали книги. Был сильный ветер; опасаясь, чтобы он не спалнул книги в реку, я стала собирать книги, чтобы снести их в каюту. Батюшка, пристально смотревший на пол, окликнул меня и говорит: «Матушка, смотри, как бьется бедная муха! Видишь, вот, вот она! Пришибло ее бедную к полу, не может подняться, а все-таки не теряет надежды, борется с ветром: он ее относит назад, а она опять поползет; экая ведь умница! Вот так и враг-диавол борет душу, относит ее как вихрь от пути спасительного, коим она идет, а она борется, не уступает ему. Вот и муха нас учит, урок нам дает».

Бывало, любуется на закат солнца в ясный летний вечер и скажет: «Как дивен Творец в Своем творении! Смотри хотя бы на это солнышко, какая дивная красота! А если творение так величественно, то что же Сам Творец, каков Он-то!»

Да и не счесть таких и подобных бесед и отрывочных фраз Батюшки, которыми он услаждал дух своих спутников. О том, сколько на глазах наших совершилось исцелений, поразительных, разнообразных, я не стану описывать, потому что они и бесчисленны, и всем известны; но не менее достойно предать памяти и случаи, говорящие о его проницательности и предвидении и вообще о близости его к миру духовному. Он во время своей тайной молитвы как бы созерцал Бога пред очами и беседовал с Ним, как с близким к себе Существом. Он как бы вопрошал Бога и получал от Него извещения. Пример сего могу привести следующий.

Однажды Батюшка сидел на трапе парохода один, читая свое дорожное маленькое Евангелие, которое держал в руках. Я тоже была на трапе, но далеко от него. Вдруг Батюшка, увидев меня,

сделал знак рукою, чтобы я подошла к нему, что, конечно, я охотно исполнила. «Послушай, матушка, — обратился он ко мне, усаживая меня подле себя, — какой неправильный перевод: *Аз рех во изступлении моем*¹⁾ переведено: “я сказал в безумии моем” — ведь это совсем не то?» Я ответила, что надлежало перевести: «я сказал в восхищении, в восторге чувств», с чем и дальнейшие слова согласуются: *Что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми?*²⁾ Батюшка одобрил мои слова и, опустив книжечку, сидел молча⁴⁸.

Пользуясь его спокойным настроением и досужими минутами, я решилась высказать ему свои тревожные мысли о загробной участи моей матери, которая, будучи вполне религиозной христианкой, в то же время сильно противилась моему уходу в монастырь и не хотела дать мне на это своего благословения⁴⁹. Меня тревожила мысль — не вменит ли ей Господь во грех это ее упорство. И вот я, в описанную минуту, спросила о сем Батюшку. Он сказал мне: «Молись за нее», — и, продолжая сидеть неподвижно с Евангелием в руках, сосредоточенно смотрел куда-то вдаль. Я уже более не повторяла вопроса, и мы сидели с ним молча около четверти часа. Вдруг Батюшка, обернувшись ко мне, произнес твердо: «Она помилована!» Я никак не дерзала понять эти слова, как ответ на мой вопрос, считая его уже поконченным, и, в недоумении взглянув на Батюшку, спросила: «Кто помилована? О ком вы это сказали?» — «Да ты о ком спрашивала меня? О своей матери? — возразил он. — Ну, так вот я и говорю тебе, что она помилована». — «Батюшка, дорогой, — продолжала я, — вы говорите, как получивший извещение свыше». — «А то как же иначе? Ведь о подобных вещах нельзя говорить без извещения — этим не шутят».

Могу привести примеры не только проницательности Батюшки, но и того, что он именем Божиим властно запрещал бесам, козни которых он, очевидно, видел. Приведу лишь немногие из них. Однажды мне довелось ехать с Батюшкой по Балтийской железной дороге, только вдвоем с ним, в отдельном купе. Мне хотелось поговорить с ним наедине о каком-то нужном деле. Началась беседа сердечная, духовная, откровенная. Вдруг Батюшка порывисто, быстро поднялся на ноги (не отходя от места, где

¹⁾ Пс. 115, 2.

²⁾ Пс. 115, 3.

сидел) и, подняв правую руку вверх, потряс ею в воздухе, как бы грозя кому-то, и, устремив взор вдаль прямо (не в сторону), громко произнес: «Да запретит вам Господь Бог!» Сказав эти слова, он перекрестился, сел на свое место и с обычной своей кроткой улыбкой посмотрел на меня и, положив свою руку на мое плечо, произнес: «Что, матушка, ты не испугалась ли?» — «Испугалась, Батюшка, — отвечала я, — но я сразу же поняла, что вы запрещали бесам; неужели вы их видите?» — «Да, матушка, да! Но что об этом говорить? Лучше продолжим нашу сладкую беседу». Таким образом в этой беседе мы доехали до Ораниенбаума; Батюшка направился на пароход, идущий в Кронштадт, а я с тем же поездом, не выходя из вагона, вернулась в Петербург, утешенная и ободренная беседою с великим человеком, имеющим власть на *духов злобы поднебесных*¹⁾.

Второй подобный сему случай могу привести следующий. В день храмового нашей подворской церкви праздника святого апостола Иоанна Богослова всегда служил у нас Батюшка; для этого он приезжал накануне ко всенощной, выходил на величание, сам читал акафист и канон. Затем оставался у нас ночевать и в самый праздник совершал соборне с другими священниками позднюю Литургию в 10 часов. Вставал он всегда рано, иногда часа в 4 или 5, писал проповедь или свои заметки, а часов около 7–8 ехал освежиться на воздух, причем брал всегда с собою меня. Ездили мы обычно на острова, где поутру бывает всегда пусто, уединенно, что, при чистом свежем воздухе, действительно составляло отдых и отраду пастырю, окруженному в течение целого дня людьми и суетою. Эти часы Батюшка употреблял для тайной созерцательной молитвы, и я, зная это, никогда не нарушала ее никакими разговорами, кроме тех случаев, когда он сам заговорит со мною. Однажды ехали мы по Николаевскому мосту, откуда заранее кучеру приказано было повернуть по набережной налево. Когда карета наша поравнялась с часовнею на мосту, мимо вдоль набережной, с левой стороны, везли покойника. Дроги с гробом везла одна лошадь, а провожавших было не более восьми или десяти человек, почему каждый из них был ясно видим. Батюшка вдруг изменился в лице; он пристально глядел на погребальное шествие и, так как оно шло по набережной параллельно с нашей каретой с моей (левой) стороны, то ему

¹⁾ Еф. 6, 12.

приходилось наклоняться на мою сторону, причем я не могла не видеть перемены в лице его. Наконец, шествие свернуло на 1-ю линию, а Батюшка, несколько успокоившись, стал креститься. Потом, обращаясь ко мне, произнес: «Как страшно умирать пьяницам!» Предположив, что Батюшка говорит о покойном потому, что узнал провожающих его гроб, я спросила: «А вы знаете его, Батюшка?» Он ответил мне: «Так же, как и ты». Все еще не понимая ничего, я пояснила ему свое предположение, прибавив, что я никого из провожающих не знаю. «И я тоже, — сказал он, — но вижу бесов, радующихся о гибели души пьяницы».

Не могу умолчать о времени пребывания этого праведника у нас в обители в минувшем 1908 году. Это было уже последнее его посещение. Он был уже очень слаб, почти ничего не мог кушать, мало разговаривал, все больше читал, уединялся, но служил ежедневно в соборном храме, который он всегда так хвалил и о котором говорил неоднократно, что ему легко в нем служить, о чем я уже упоминала. Пробыл он у нас в обители 9 дней, и в день отъезда спросил меня: «Сколько дней я пробыл у вас, матушка?» Когда я ответила, то он продолжал: «Девятины справил по себе, уже больше не бывать мне у тебя. Спасибо тебе, спасибо за все твое усердие, за любовь, за все!» Сестры провожали его, как и обычно, с пением и со слезами, — всем было ясно, что бесценный светильник догорает. Когда мы с ним выехали из обители и, миновав деревню Леушино, свернули налево в поля, Батюшка стал все оборачиваться назад и глядел на обитель. Предполагая, что он забыл что-нибудь или хочет сказать едущим позади нас, я спросила его об этом, но он отвечал: «Любуюсь еще раз на твою обитель: тихая, святая обитель! Да хранит ее Господь; поистине с вами Бог!» Теперь эти чудные, отрадные слова служат нам великим, высоким утешением.

С пристани «Борки» мы поехали на пароходе к Рыбинску и вниз по Волге на далекую Каму, куда приглашали Батюшку⁵⁰. С нами было пять сестер-певчих, которые по распоряжению Батюшки отправляли на пароходе богослужения и в течение дня пели ему по его желанию. Это оставалось уже единственным утешением из обычного препровождения времени на пароходе. Накануне того дня, когда мы должны были расстаться с Батюшкой, он попросил сестер-певчих пропеть все номера Херувимских песней, которые они знают. Таковых набралось очень много (так как ноты были с собою), и сестры, став подле Батюшки, начали петь.

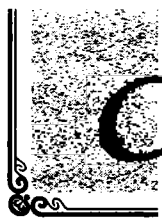
Когда дошла очередь до «Симоновской» Херувимской, Батюшка сказал: «Это моя любимая песнь, я сам ее пел, еще будучи мальчиком», и попросил ее повторить. Затем пропели по назначению же Батюшки: «О Тебе радуется» и «Высшую небес». Батюшка во все время пения сидел в кресле у борта парохода, закутанный в теплую рясу, и, сидя, регентовал правой рукой своей и подпевал. Когда пропели «Высшую небес», он заметил: «Это хорошо, но уже новый напев, а я певал иначе», и он своим мелодичным, но уже старческим, дрожащим голосом пропел всю эту песнь до конца, то есть до «во еже спастися нам». Все прослезилось, да и могло ли быть иначе? Пропев, Батюшка встал и, обратясь к певчим, произнес: «Ну, дай Бог и нам всем спастися! Спасибо вам, сестры, за ваше прекрасное сладкопение, которым вы и всегда утешали меня».

На следующий день мы с Батюшкой расстались: это было 6 июля 1908 года.

Заканчивая эти записи бесед моих с незабвенным Батюшкою отцом Иоанном, я считаю нелишним прибавить: 1) Цель издания настоящих записей — единственно поделиться с верующими людьми этим духовным сокровищем, так как и они могут почерпнуть из них немало назидательного. Я здесь открывала перед Батюшкой свою душу, что не стеснилась передать и читателям; но ведь и они — люди, на земле живущие и тоже обложенные немощами, потому будут снисходительны и к моим недостаткам. 2) Прошу верить всему здесь написанному, принимая во внимание, что у меня не могло быть никаких побуждений говорить неправду на усопшего, уже предстоящего лицу Божию. Если бы я написала¹⁾ это при жизни его, то еще можно бы заподозрить меня как сторонницу и почитательницу Батюшки; но и это было бы несообразно с моими воззрениями, ибо я не могу не понимать важности данного вопроса и в мои преклонные годы это было бы непростительно. Мне уже 70 лет, я готовлюсь последовать за Батюшкой в вечность.

О, дорогой Батюшка! Как много утешал ты меня при жизни, услаждал мне горечь житейского моря! Но и по отшествии твоём немало сладких воспоминаний оставил ты мне.

¹⁾ Вероятно, описка: издала.

Светлой памяти доброго Кронштадтского пастыря

Сообщаю одно из выдающихся событий моей жизни.

В первой половине декабря месяца минувшего 1911 года я сильно простудилась. По обычаю своему никогда не обращаться к докторам и медикаментам, я и на этот раз не изменила ему, хотя и чувствовала быстрый прогресс болезни, усиливавшей ежедневно мои страдания. Наконец около 20 декабря болезнь одолела и совсем уложила меня; у меня оказалось «катарральное воспаление части правого легкого и всей легочной плевры». Описать все болезненные и тяжкие страдания я не могу. При полном отсутствии сна и при моем с лишком семидесятилетнем возрасте надежды на выздоровление быть не могло. 1 и 2 января 1912 года ожидался самый кризис болезни, осложнившейся еще лихорадкой и бредом — временно бессознанием. И вот в этом-то состоянии видится мне во сне, или в забытии (так как я спать не могла), Батюшка следующим образом.

Нахожусь я в Богословском скиту Леушинского монастыря, в излюбленном месте отца Иоанна (так называемая «Пустынька»). Нахожусь совершенно одна: ни в церкви, ни в кельях, прилегающих к ней, нет никого. Я из своей кельи чрез галерейку, прилегающую к ней, прохожу в алтарь дверью с правой боковой стороны. Только переступила порог, так и замерла на месте от удивления, ибо увидела дорогого приснопамятного отца и друга своего духовного, протоиерея Иоанна (Кронштадтского). Он стоял против жертвенника, лицом к востоку, в руках у него была небольшая книжечка, вроде Служебника или Канонника, по которой он читал. На нем была шелковая светло-лиловая ряса, поверх нее белая парчовая епитрахиль с золотыми гасами, а на груди наперсный крест. Он стоит, читает и как бы не замечает меня, так что я думала — не призрак ли это? Наконец решаюсь спросить: «Батюшка дорогой, да вы ли это? Откуда вы взялись?» Он быстро обернулся, положил книжечку на жертвенник и со словами: «А, — здравствуй, Таисия», — направился ко мне между святым престолом и Царскими вратами. Подошел ко мне и бла-

гословив меня, он снова повторил: «Здравствуй, матушка, я — за тобой!» Я очень обрадовалась, предполагая, что он <зовет меня кататься>, как и при жизни нередко брал меня с собою покататься, причем свободно и удобно было открыть ему свое душевное состояние, ответила ему: «Очень рада, Батюшка, но с кем же вы приехали?» — «Ни с кем, один, — отвечает он, — говорю же я тебе, что за тобой приехал; но прежде всего скажи мне, есть ли какой-нибудь хуторок или дачка пустынная, или хотя келья пустынная, где бы нам с тобой можно жить?» Я решительно недоумеваю и говорю: «Ничего такого у меня нет, да и для чего нам это? Ведь я теперь очень стара, совсем немощна, слаба и мне ничего для вас ни приготовить, ни послужить». — «И не нужно ничего!» — отвечает он. «Батюшка, родной вы мой! Чего бы вожаденнее, как быть всегда с вами, но ведь я вас там с голода уморю, да и что мы будем там делать, чем заниматься, ведь уж я ни на что не способна?» — «Говорю я тебе, что там ничего не нужно, а занятие одно там — непрестанная молитва». Все еще не доверяя себе, то есть своему понятию, — что он говорит о загробной жизни, — я отклоняю этот разговор и перехожу к другому предмету и спрашиваю: «Батюшка, вы, вероятно, будете у нас сегодня служить здесь, в “Пустыньке”, и, конечно, приобщите и меня, а мне так хочется, я давно не приобщалась, даже плакала о лишении этого счастья». — «Отчего не приобщалась?» — «Нет духовного отца, — отвечаю я. — Я разумею не один только перечень грехов, что легко сделать перед каждым священником, а душа жаждет открыться, выплакаться, вздохнуть, облегчиться от тяжелого бремени, накопляющегося от несносной суеты житейской, от впечатлений нынешнего мира. Помните, Батюшка, при вас, бывало, — откроешь пред вами всю душу и легко станет; а теперь трудно без вас душе, очень трудно!» На это Батюшка сказал: «Ну что ж, пойдем в церковь, — побеседуем!» И мы разошлись; он пошел своим путем мимо престола в северные двери, а я — своим, чрез келью, и вошла дверью по правую сторону церкви. Когда я вошла, Батюшка сидел уже на стуле в уголке у левого окна, выходящего в сад, а спинка стула прислонялась к стене, отделявшей церковь от кельи. Я прямо подошла к Батюшке и опустилась на колени по правую его сторону; он положил свою правую руку мне на голову и произнес: «Ну, побеседуем, что тебя особенно беспокоит?!» И я стала говорить ему, хотя и во сне, или в забытии, и притом в болезненном полусознании, но именно то,

что более смущало меня, и получила от Батюшки самые полные определенные ответы и указания¹⁾. В заключение же всего он как бы решил: «Домостроительство Божие не неведает меры, до которой могут быть допустимы (или терпимы) неправды человеческие» и тому подобное.

Еще продолжалась наша беседа, вдруг приотворилась дверь на малую щёлочку и в ней показалась одна из дам, ездивших прежде с Батюшкою, В.И. Я., и, обращаясь ко мне, говорит: «Матушка, вы не очень задерживайте Батюшку!» Это была обычная их (каретниц) фраза. Батюшка сильно вознегодовал на нее за это, быстро встал со стула и, остановившись почти среди церкви, строго сказал: «Уж не думаете ли вы, что я снова стану ездить с вами, я сказал, что приехал к матушке и за матушкой». — «Я знаю, — отвечала она, — но мне жаль народа, который ищет вас». Батюшка обвел взглядом церковь, — и нигде никого, мы были с ним совершенно одни, но вдруг взор его остановился на окне, подле которого сидел, в него было видно множество народа, наполнившего садик, Батюшка уже не подошел к окну, а, глубоко вздохнув, произнес: «Овцы, не имущие пастырей!»

Затем, обращаясь опять ко мне, произнес: «Итак, матушка, ты не имеешь никакого хуторка, ни хатки?» — «Нет, родной мой, не имею ничего!» — «Ну, так я пойду похлопочу за тебя, а то куда же я возьму тебя. А ты пока готовься, чтобы в следующий раз, когда я приду за тобою, ты была бы готова!» И он стал для меня невидим, хотя из церкви никуда не выходил, а я по-прежнему осталась одна.

С этого времени я стала поправляться...

¹⁾ Все таковые ответы и указания я помню, и записаны они у меня для памяти, а объявить их для всех, тем более в печати, я не решаюсь. — *Авт.*

Малый скит «Пустынька», или «Крестик», с церковью во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова

Название «Пустынька», или «Крестик», носит небольшой скиток с церковью святого апостола Иоанна Богослова. Второе наименование его «Крестик» может показаться несоответствующим названию скита, но и самое происхождение его несколько необычное и тесно связано с именем досточтимого пастыря, отца протоиерея Иоанна Кронштадтского, для которого это было излюбленное местечко.

В 1892 году, на обратном пути с родины, он посетил нашу обитель 15 июня, предполагая погостить в ней несколько дней. Конечно, все пустынное гостеприимство обители было направлено к успокоению высокого гостя, но чем могла она выразить свое радушие? Между прочим, я предложила Батюшке покататься по полям и лесам монастырским и благословить их, на что он охотно согласился. В то время обитель еще не имела рессорных экипажей, не держала и кучера, обязанность которого исполняла одна из сестер. Долго ехали мы по лесу и не заметили, как колесная дорога стала прекращаться, сменяясь одной лишь тропинкой для пешеходов. Сестра, правившая лошадей, обратила на это наше внимание, сказав, что ехать дальше опасно, — можно заехать в такую чашу, что нельзя будет поворота сделать, что и теперь для того, чтобы повернуть, нам придется сойти с тарантаса и подождать, пока она повернет, выбрав для сего более удобное место.

Мы тотчас же вышли, и Батюшка сказал мне: «Поищем пока мы с тобой землянички». На это я ответила: «Какая земляничка, Батюшка, в такую пору! У нас она на Петров день редко поспевает, да еще в такой глуши: тут только сосны да мох». Батюшка ничего не ответил, а сам наклонился, как бы ища чего на земле. Через несколько минут монахиня, повернув лошадь, подъехала к этому месту, а Батюшка подходил ко мне с букетиком сорван-

ной со стебельками земляники и, подавая его, улыбаясь сказал: «Вот я и ягодок принес». Я и глазам своим не верила и, обратясь к монахине, сказала: «Надо заметить это место. Неужели здесь так рано поспевают земляники?» Монахиня тоже выразила сомнение. Впрочем, место мы заметили, и я решила, как только придем в монастырь, послать сюда сестер поискать земляники, что и было исполнено. Но конечно, никакой земляники по раннему времени и по характеру грунта земли не могли здесь найти. Тем не менее место это стало предметом всеобщего внимания, даже все приходящие считали как бы обязанностью побывать на нем, что и заставило вместо вбитого колышка поставить крест. Отсюда и ведет свое начало наименование этого скита «Крестик», так как вошло в употребление говорить: «были у крестика», «пойдем ко крестику».

Перед этим крестиком нередко читались акафисты и каноны, особенно людьми, имевшими какую-либо скорбь, которые потом заявляли, что, помолившись там, находили облегчение. Никакая непогода, даже в зимнее время, не мешала желающим посещать это место.

Это обстоятельство вынудило меня обратиться к бывшему тогда архиепископу Новгородскому Феогносту⁵¹ с просьбой разрешить поставить маленькую часовенку с кельей не для жительства там кого-либо, а часовню — для случайных посетителей, келью же — в качестве места отдыха для меня, утружденной начальственной суетой, где бы я могла предаться молитвенному средоточию и безмолвию среди лесной тишины. В 1893 году, к приезду отца Иоанна, были уже готовы часовня с кельей, куда досточтимый пастырь и уединялся для своих молитвенных подвигов, проводя иногда здесь большую часть дня.

В 1898 году архиепископ Феогност, обзревая Леушинскую обитель, посетил и эту часовенку. Вошед в келью, чуждую всякого даже скромного убранства, он сел в ней на простую деревянную скамью, перед таким же некрашеным столом, глубоко вздохнул, и слезы заблестели на его глазах. Затем он произнес: «Матушка, какое у тебя здесь блаженство! Как легко вздохнулось здесь!» На это я отвечала, что и у него есть близ Новгорода мыза архиерейская, в которой он может уединяться. Но он возразил: «Ах, ты не знаешь: я — на дачу, а дела вперед уж меня туда прибежали». Посидев несколько, он вдруг стал планировать: «Вот бы эти два окна превратить в арку, да пристроить маленький алта-

рек — вот бы и церковка была, блаженство-то какое!» Не веря своим ушам от радости, ибо это было и моею заветною мечтою, я ответила ему: «Владыка святой! Уж очень бы это было хорошо! Да я не смела и просить об этом; ведь для церкви надобен священник: штатному здесь нельзя быть, а заштатного старца вот и для скита с трудом подыскиваем». На это владыка сказал: «Зачем, зачем отдельного священника? Ведь в праздник ты всегда должна быть в монастырском храме с сестрами; а в будень, когда вздумаешь, может отслужить здесь и свободный священник из двух ваших. Если хочешь, подай прошение: я разрешу. Начерти хоть сама маленький планчик этой часовни и как предполагаешь пристроить к ней алтарь. Я сам вижу все на месте и на этом основании могу разрешить». Я не знала, как и благодарить владыку, и поспешила исполнить предложенное.

Это было в мае месяце. Когда в июле того же года, по обычаю, приехал отец Иоанн, я передала ему о результате посещения архиепископом Феогностом «Пустыньки». Отец Иоанн перекрестился и несколько раз повторил: «Слава Тебе, Господи!» Когда я спросила у него, почему он ранее никогда не выражал своего желания, чтобы была здесь церковь, он ответил: «Я положился на Господа, да будет воля Его, а не моя; и вот Он Сам благоволил осуществить Свою святую волю».

Вот как возникла «Пустынька» с храмом во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова!

В том же году стали запасать лес и весь нужный материал для пристройки алтаря и других приспособлений, необходимых для церкви. Так как дело было несложное, пристройка небольшая, то к следующему июлю месяцу, ко времени прибытия отца Иоанна, храм был уже готов и с благословения архиепископа освящен отцом Иоанном во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Одна близкая моя знакомая, институтская подруга, Елизавета Пасмурова поусердствовала сделать мраморный престол. Она же, равно и другие знакомые и благодетели доставили для храма всю нужную утварь, так что ничем не пришлось обременять монастырь, равно как и на все расходы по пристройке не пришлось тратить монастырские средства, так как петербургская купчиха У. Сорокина пожертвовала на этот предмет 500 рублей.

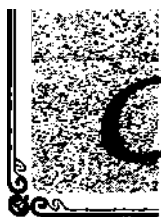
По сие время «Пустынька» эта составляет излюбленное местечко всей обители и ее богомольцев, а теперь, со времени кончи-

ны отца Иоанна, она делается еще дороже и приятнее для всех ценивших этого великого и незабвенного пастыря. Церковь в ней маленькая, смежная с такою же небольшою комнатою, где стоят богомольцы в зимнее время, а летом они размещаются вокруг ее на открытом воздухе, где при открытых окнах прекрасно слышно все богослужение. Колокольни нет, да не имеется и колоколов, кроме одного шестифунтового, за неимением средств.

Находится она с южной стороны от монастыря, на расстоянии около одной версты.

Туда теперь проложена прекрасная дорога.¹⁾

¹⁾ Печатается по изданиям: *Таисия, игуменья Леушинского монастыря*. Отец протоиерей Иоанн Ильич Сергиев как пастырь. СПб., 1893; *Таисия, игуменья*. Пребывание отца протоиерея Иоанна Сергиева в Леушинской обители в 1899 году // *Русский паломник*. 1899. № 35; *Таисия, игуменья*. Светлой памяти отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1909; Беседа отца протоиерея Иоанна с настоятельницею Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игумениею Таисиею. С присовокуплением описания некоторых особенных событий из жизни игумении Таисии. СПб., 1909; *Таисия, игуменья*. Светлой памяти доброго Кронштадтского пастыря // *Кронштадтский пастырь*. Б/г, № 18.

Собственноручные заметки отца Иоанна Кронштадтского на отдельных листках, хранящиеся у игуменнии Таисии

I

Я не напрасно упоминал и упоминаю Толстого. Этот новый, самозванный учитель и писатель унижает всех святых Православной Церкви, всех апостолов, мучеников, преподобных, вселенских учителей и витий неподражаемых — Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова и всех великих подвижников и учителей христианства, унижает всю Церковь, не признавая ее Божественного авторитета, истины и спасительности, одного себя и свой ум возвышая и возводя на недосязаемую высоту, приписывая себе одному непогрешимость. Но от *плодов дерева познается*¹⁾. Посмотрите, что породило в русских толстовское учение: разнузданность умов, сердец и волей, распущенность нравов, разрыв брачных священных уз, эпикурейское наслаждение жизнью, безверие и безбожие многих, поклонение своему разуму, самопрельщение, гордыню бесовскую и самоубийства. Разумные и богобоязливые люди, конечно, скоро познают нелепицу и пагубу толстовского учения; но многие и увлекаются им, потому что, как все ереси, так и толстовская, имеют в себе некоторую заманчивость для неокрепших.

Да сохранит Господь русских людей от таких и подобных пагубных учений и да утвердит нас в единомыслии и правой вере и страхе Божиим. Будем все стараться приносить Богу плоды покаяния и добрых дел, будем *распирать плоть со страстями и похотью*²⁾, как тленную и преходящую, и прилежать о душе бессмертной, о исправлении ее и украшении всякою добродетелию. Аминь.

Прот. И. Сергиев
18 окт. 1896

¹⁾ Ср.: Мф. 12, 33.

²⁾ Ср.: Гал. 5, 24.

II

Храм Божий — плавильня для переплавления проржавевшего всяким грехом естества человеческого; баня для омытия скверн плоти и духа; училище для поучения невежествующих и заблуждающих; солнце, просвещающее и оживотворяющее отемненных и умерщвленных грехами; лечебница, в которой врачуются раны душевные; святилище, в котором отъемлются скверны греховные и освящаются благодатию Духа Святого и таинственными службами души и тела наши; рай земной, в котором питаемся бессмертной, нетленной пищею — Телом и Кровию Христовою; таинственная гора Синай, с которой Истинный Законодатель Христос Бог возвещает нам непрестанно волю Свою; истинная Церковь Божия и Царство Небесное, в котором совокупляются таинственно, духовно все члены Тела Христова небесные, земные и преисподние; здесь вся Церковь первородных — здесь праотцы, патриархи, пророки, апостолы, святители, мученики, лики преподобных и все праведные ликуют и вместе с нами славословят Единого Бога, Спасителя и Жизнодавца.

Якоже не может Ефиоплянин пременить кожу свою, и рысь пестроты свои, тако и вы не можете добро творити, научившиеся злу¹⁾ (расположение, навык ко греху).

Храм Божий свят есть, иже есте вы²⁾... Не весте ли, яко храм Божий есте?³⁾

III

Все вы, братия мои возлюбленные, пришли в этот храм каяться, сбросить с себя бремя грехов, примириться с Богом и с своею совестью, получить мир душевный, свободу, легкость души, обновление, силу к жизни добродетельной. Но что же такое грех, всех нас омрачающий, туманящий, посрамляющий, губящий? Это — порождение диавола, злобного духа, утратившего свою первую доброту и светлость, чрез гордость и противление Богу, и полного невообразимого зла. Это — лютая язва, рана, покрывающая все человечество, струп гнойный, смердящий на всем человеческом роде, общая страшная тля, которая

¹⁾ Ср.: Иер. 13, 23.

²⁾ 1 Кор. 3, 17.

³⁾ 1 Кор. 3, 16.

тлит постепенно, а иногда и крайне быстро все человечество, как было при Ное, при Аврааме и Лоте, как это есть и ныне. Это — смерть в зародыше, грозящая превратиться в вечную смерть душ. Против этого недуга, против этой язвы, этого гнойного струпа, этой тли только одно средство — вера в Господа Иисуса Христа и искреннее покаяние. Люди самые мудрые, образованные, по положению сильные и великие мира, совершившие много великих дел, не могли победить в себе греха, — как и нынешние светски образованные и умные люди и великие мира не могут сами собою победить греха без веры во Христа.

На других двух записках приведены из Библии по синодальному русскому переводу подлинные слова Священного Писания: на одной — Пс. 31, 1–2⁵² и Пс. 17, 10–16⁵³; на другой — Деян. 17, 30–31⁵⁴, с добавлением двух слов: «Синайское законодательство».

Биография игумении Таисии

*И*гумения Таисия (в миру Мария Васильевна Солопова) родилась в 1842 г. в семье потомственного дворянина, помещика Боровичского уезда Новгородской губернии Василия Васильевича Солопова и Виктории Дмитриевны, урожденной Пушкиной. Отец Марии окончил Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге, плавал на корабле «Полтава», фрегате «Паллада», а 6 февраля 1835 г. был прикомандирован к Морскому кадетскому корпусу. 4 апреля 1851 г. Василий Солопов вышел в отставку в чине капитана 2-го ранга и поселился в родовом поместье Абакумово (Абаконово) близ Боровичей. Мать будущей игумении Таисии, «москвичка, из рода Пушкиных»¹⁾, была дочерью коллежского асессора Дмитрия Васильевича Пушкина и после смерти родителей воспитывалась дедом генералом Осипом Алек<сандровичем> Василевским. Виктория Дмитриевна получила образование в московском пансионе г-жи Десаль и в 1838 г. в пятнадцатилетнем возрасте была выдана замуж. Двое первых детей умерли в младенчестве. Позднее Виктория Дмитриевна рассказывала своей старшей дочери: «Много и горячо молилась я о том, чтобы Господь не лишал меня этого утешения, дал бы мне хотя одно дитя, оставив его в живых; особенно же молилась я об этом Матери Божией, нарочно ходила пешком в Ее храмы к Ее чудотворным иконам, пред которыми изливала свои слезные мольбы <...> И не посрамила меня Владычица, Надежда ненадежных. Она даровала мне дитя — дочь, которую я из чувства благодарности к Ней назвала Ее именем — Мария»²⁾. Виктория Дмитриевна воспитывала свою дочь в любви к Богу и ближним, приучала ее к молитве и благотворительности, много беседовала о событиях Священной истории и страданиях Спасителя.

9 декабря 1852 г. Мария Солопова была зачислена в Павловский институт в Петербурге, учебное заведение для детей-сирот воен-

¹⁾ Записки игумении Таисии, настоятельницы первоклассного Леушинского женского монастыря: Автобиография. Пг., 1916. С. 3.

²⁾ Там же. С. 4.

ных офицеров. В феврале 1853 г. она прибыла в институт, но вскоре заболела: «Сделались у меня сильнейшие головные боли, затем воспаление глаз, и я совсем ослепла»¹⁾. 27 мая 1854 г., после четырехмесячного пребывания в частной глазной клинике Денике, Мария была уволена в отпуск для излечения «на вольном воздухе». К концу года зрение стало возвращаться, и девочка смогла продолжить обучение в институте. 11 декабря 1861 г. в возрасте девятнадцати лет Мария Солопова окончила Павловский институт и получила от Министерства народного просвещения аттестат на звание домашней учительницы.

В годы учебы в институте будущая игумения Таисия имела два духовных видения, определивших ее дальнейшую судьбу. Первое посетило ее в Пасхальную ночь в институтском лазарете, во время эпидемии кори: «Открываю глаза и в удивлении вижу совершенно ясно и очевидно, среди полнейшей ночной темноты, какое-то существо солнцеобразно светлое, крылатое, летающее под потолком и повторяющее человеческим голосом слова: “Христос воскрес! Христос воскрес!”»²⁾. Второе — незадолго до окончания института, в ночь на 16 августа, после причащения Святых Таин Мария увидела Спасителя с сонмом святых, бросилась в ноги Христу, «простерла руки, чтобы обнять их и облобызать Его стопы» — но Спаситель «простер Свою десницу, бывшую опущенною, и, дотронувшись до темени моей головы, сказал: “Еще не время”»³⁾. Священник, которому Мария открыла бывшее ей видение, сказал: «Это твое призвание; храни эту тайну, а Господь Сам довершит Свое дело»⁴⁾. Сама игум. Таисия впоследствии оценивала это чудное видение как «решительный и окончательный переворот», определивший ее дальнейшую жизнь.

На выпускных экзаменах по Закону Божьему Мария Солопова поразила экзаменовавшего ее ректора Московской Духовной Академии архим. Иоанникия (Руднева) знанием наизусть всех евангельских текстов. Он прислал ей в подарок книгу со своей надписью и напутствовал словами: «Бог не оставит Своего дела! *Ихже избра* (Мк. 13, 20), тех и оправдает и направит на путь спасения вечного»⁵⁾. Однако желание Марии посвятить свою жизнь служению Богу и уйти в монастырь не встретило сочувствия со стороны ее родителей.

¹⁾ Записки игумении Таисии... С. 6. — ²⁾ Там же. С. 8. — ³⁾ Там же. С. 12. — ⁴⁾ Там же. С. 13. — ⁵⁾ Там же. С. 17.

В конце августа 1862 г., после нескольких месяцев, проведенных в усадьбе Абакумово, Мария Солопова поселилась с младшим братом Костей в Боровичах, в доме, доставшемся ей от умершего генерала Василевского. Она вела уроки для своего брата, которого готовила к поступлению в корпус, и еще четверых дворянских детей, ежедневно посещала богослужения, много молилась, читала, помогала нуждающимся. Иеромонаху Арсению, монаху-сборщику, прибывшему в Боровичи с афонскими святынями, она отдала собственные серьги. Мать, узнав о поступке Марии, потребовала, чтобы она нашла монаха и вернула серьги. Знаменательно, что в 1865 г. имя иеромонаха Арсения (Минина) встречается и в дневниках отца Иоанна Кронштадтского. В своих странствиях по России отец Арсений посетил множество городов, в том числе Боровичи и Кронштадт, оказавшись первой незримой нитью, связавшей двух подвижников.

Духовную поддержку Марии Солоповой в это время оказал архим. Вениамин (Поздняков), игумен Свято-Духова монастыря, в котором почивали мощи св. прав. Иакова Боровичского. Через него Мария познакомилась с архим. Лаврентием (Макаровым), настоятелем Иверского Валдайского монастыря, ставшим ее духовным отцом и руководителем. Именно по его благословению Мария Солопова выбрала для начала своего иноческого пути Тихвинский Введенский девичий монастырь. В феврале 1863 г. Виктория Дмитриевна Солопова, после посетившего ее видения, наконец дала свое благословение на монашеский путь дочери. 19 февраля, незадолго до начала Великого поста, Мария Солопова прибыла в Тихвин, а на Пасху того же года стала послушницей Тихвинского Введенского монастыря.

В первый год своей монастырской жизни Мария проходила монашеский «искус», исполняя общие послушания: мыла посуду, работала в огороде и на полевых работах, читала в церкви, пела на клиросе. Затем она занималась обучением вольноприходящих городских детей в монастырской школе. Исполняя заповедь своего духовного отца архим. Лаврентия, Мария безвыходно пребывала в обители в течение трех лет, никуда не отлучаясь «не только куда-либо подальше, но и за ворота на улицу». В Тихвинском Введенском монастыре 13 мая 1870 г. Мария была пострижена в рясофор с именем Аркадия.

В 1872 г. по благословению архим. Лаврентия инокиня Аркадия перешла в Новгородский Зверин-Покровский монастырь, где

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Фото 1901 года

Кронштадтский собор во имя святого апостола Андрея Первозванного

Андреевский собор
во время Литургии,
совершаемой
святым праведным
отцом Иоанном
Кронштадтским

Дом в Кронштадте на Посадской улице, где жил отец Иоанн

Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Фото не ранее 1903 года

Отец Иоанн и игуменья Таисия. Фото не ранее 1896 года

Отец Иоанн Кронштадтский и игумения Таисия среди пассажиров на палубе парохода «Святитель Николай» во время поездки по Волге

Пристань «Борки» на реке Шексне и гостиница, принадлежавшие Леушинскому монастырю

Игуменья Таисия

Иоанно-Предтеченский Леушинский первоклассный монастырь
Новгородской губернии. Фото после 1891 года

Иоанно-Предтеченский храм Леушинского монастыря.
Цветное фото С.М. Прокудина-Горского 1909 года

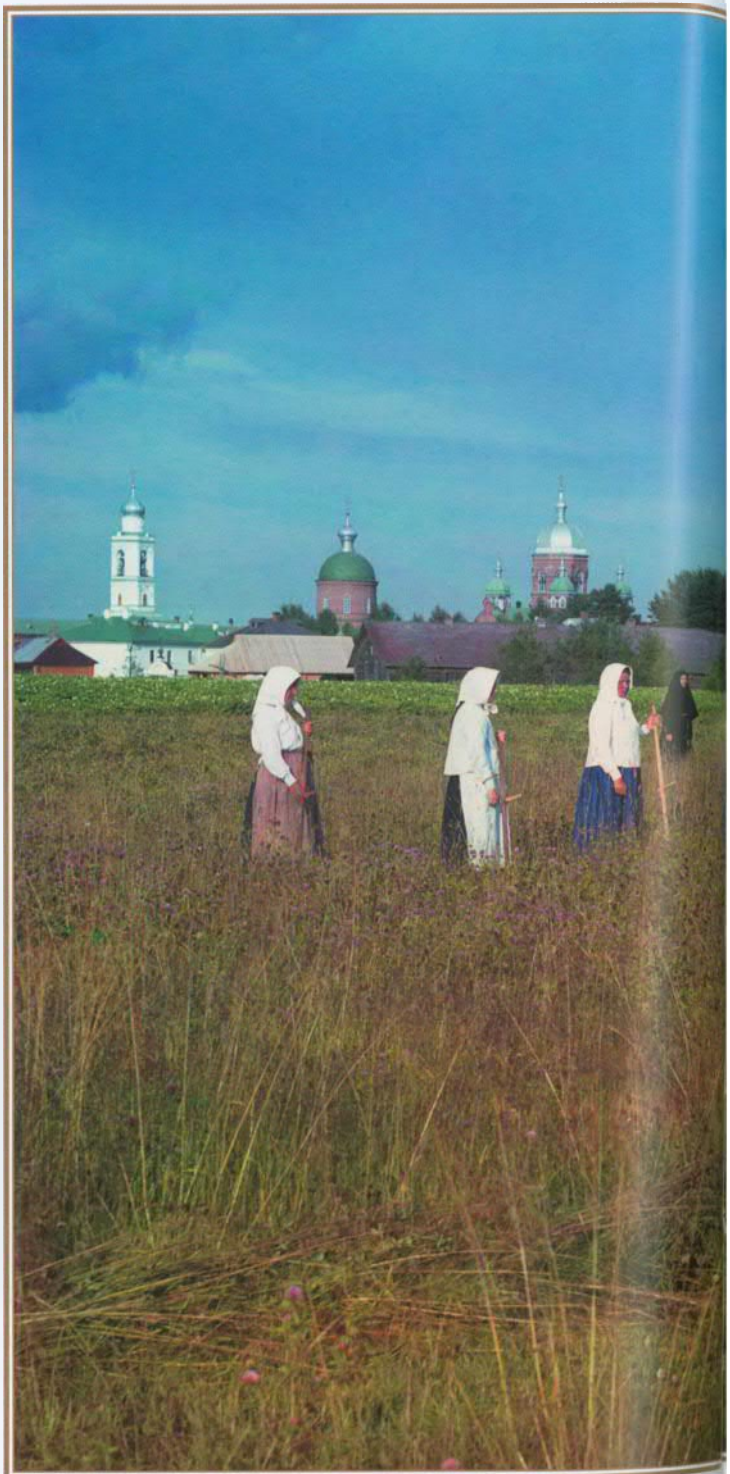

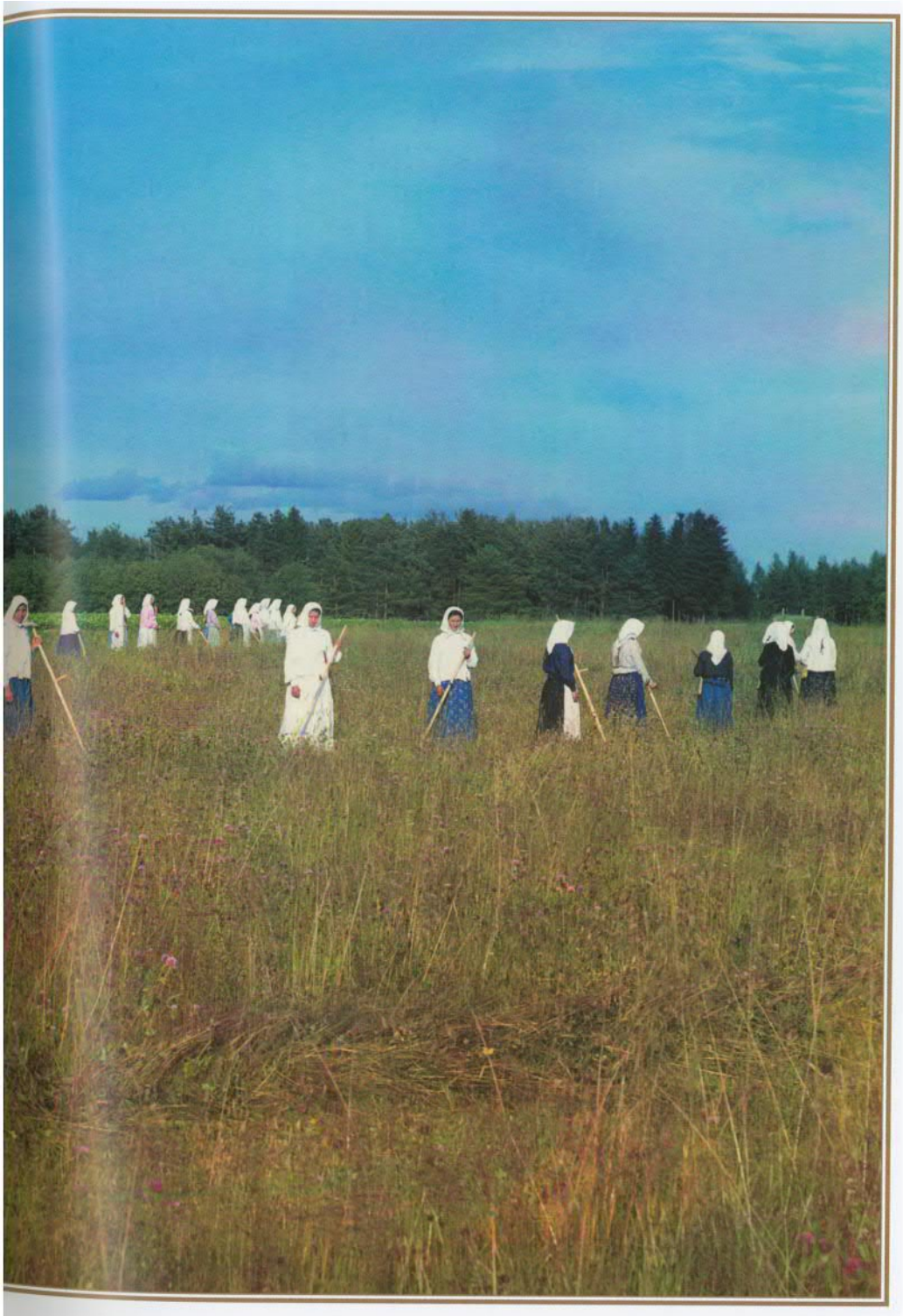
Чтение Евангелия в саду Леушинского монастыря

Успенский скит Леушинского монастыря.

Цветное фото С.М. Прокудина-Горского 1909 года

Насельницы
Леушинского
монастыря на покосе.
Цветное фото
С.М. Прокудина-
Горского
начала XX века

Игуменья Таисия на балконе настоятельских покоев Леушинского монастыря. Цветное фото С.М. Прокудина-Горского 1909 года

была регентшей, уставщицей правого клироса и письмоводительницей. В эти годы ею было составлено известное гимнографическое произведение — акафист св. Симеону Богоприимцу. 2 июля 1876 г. скончался духовный отец будущей игумении Таисии архим. Лаврентий. В поисках нового духовного наставника инокиня обращалась к известному святой жизнью старцу, настоятелю Валаамского монастыря игумену Дамаскину (Кононовичу): «Я сподоблялась неоднократно иметь с ним духовные беседы, и даже у него исповедоваться»¹⁾. Возможно, в те же годы происходит ее знакомство с отцом Иоанном Сергиевым. Публикуя беседы с ним в 1909 г., игумения Таисия указывала, что состояла «в течение более 35 лет в самых близких духовных отношениях к незабвенному, в Бозе почившему, о. прот. Иоанну Сергиеву (Кронштадтскому)»²⁾.

В 1878 г. инокиня Аркадия была переведена в Знаменский Званский Державин монастырь на Волхове в 70 верстах от Новгорода на должность казначей. В Званском монастыре она также была помощницей начальницы Державинского училища. В этой обители 10 мая 1879 г., во исполнение резолюции митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Исидора (Никольского), она была пострижена в мантию с наречением имени Таисия. Постриг совершал казначей Ионо-Отенского монастыря иеромонах Арсений. В Званском монастыре, бывшем имении Г.Р. Державина, монахиня Таисия написала несколько молитвенно-созерцательных стихотворений, впоследствии включенных ею в сборник «Духовные стихотворения» (1892).

В феврале 1881 г. митрополит Исидор вызвал монахиню Таисию в Петербург для назначения начальницей Леушинской женской общины. Неожиданное для монахини Таисии назначение было обусловлено тем, что в начале 1881 г. подала прошение об увольнении на покой старица Леонтия, третья с момента основания общины в 1875 г. леушинская начальница. Община находилась в тяжелом материальном положении, раздиралась внутренними нестроениями. Время прибытия монахини Таисии в общину «было едва ли не самое тяжелое, как для самой общины, так и для новой начальницы»³⁾. 19 марта 1881 года последовала

¹⁾ Записки игумении Таисии... С. 100.

²⁾ См. наст. изд. С. 50.

³⁾ Историческое описание Иоанно-Предтеченского первоклассного Леушинского женского монастыря Череповецкого уезда Новгородской губ. Изд. 3-е. СПб., 1907. С. 34.

резолюция Высокопреосвященнейшего митрополита Исидора об утверждении монахини Таисии начальницей Леушинской Иоанно-Предтеченской общины, с этого времени «начался для Леушинской общины новый и решительный период перерождения ее к лучшему»¹⁾.

Монахиня Таисия начала свою деятельность с постройки ограды вокруг общинных строений, приискания места для подворья в г. Череповце и устройства церковно-приходской школы. Затем в монастыре были построены гостиница для посетителей, дома для причта, келейный и рукодельный корпуса. 1 октября 1881 г. состоялось открытие школы для детей села Леушино. В 1883 г. была освящена часовня в честь иконы Божьей Матери «Достойно есть» при Леушинском подворье в Череповце. Икона для часовни была прислана из Пантелеймоновского монастыря на Афоне по личной просьбе монахини Таисии. В 1884 г. было положено начало Леушинской церковно-учительской школы, задолго до решения училищным Советом при Св. Синоде учредить подобного типа женские училища. В том же 1884 г. обитель впервые посетил епископ. Преосвященный Анастасий (Добрадин) произвел ревизию и счел возможным переименовать Леушинскую общину в общежительный монастырь. Определение Св. Синода о переименовании Леушинской общины в монастырь последовало 3 сентября 1885 г.

1 октября 1885 г. монахиня Таисия была возведена в сан игуменнии, а 8 ноября того же года состоялось первое пострижение в монашество сестер Леушинского Иоанно-Предтеченского монастыря.

Осенью 1886 г. игумения Таисия посетила Киев, где хотела «излить свои усердные молитвы о ниспослании благословения Пречистой на созидание храма в честь Ее» в Леушинском монастыре²⁾. После этой поездки и «многознаменательного видения» Самой Царицы Небесной игумения Таисия решила начать в обители строительство храма, несмотря на почти полное отсутствие необходимых средств. Собирая деньги на постройку, она «посетила все ближайшие к обители города: Устюжну, Весьегонск, Пошехонье, Мологу, Рыбинск, Ярославль, обходя всех благотворителей, могущих помочь ее делу»³⁾, неоднократно бывала в сто-

¹⁾ Там же.

²⁾ Там же. С. 73.

³⁾ Там же. С. 83.

лице. 8 сентября 1890 г. состоялось поднятие крестов на купола нового храма, а еще через год — его освящение.

Труды игумении Таисии по благоуукрашению и укреплению Леушинского Иоанно-Предтеченского монастыря не прекращались до конца ее жизни. Она выстроила три подворья Леушинского монастыря (в Санкт-Петербурге, Рыбинске и Череповце), несколько монастырских скитов, пристань на реке Шексне, колокольню, зимний собор во имя Живоначальной Троицы. В 1903 г. Леушинский монастырь, по прошению игум. Таисии, был возведен на степень «первоклассного монастыря». К началу 1907 г. монастырь имел: пять храмов, два храма в скитах, два храма в двух подворьях, три часовни, 16 жилых и 22 хозяйственных постройки. Характер внутренней жизни обители отличался миролюбием, усердием и любовью к делу и молитве¹⁾. Заботами и трудами игумении Таисии «незаметная и бедная Леушинская община превратилась в известный своей образцовой иноческой дисциплиной и примерным хозяйством первоклассный монастырь», который стал «рассадником духовного просвещения для северных уездов Новгородской епархии»²⁾.

Стремясь одухотворить жизнь устроенных ею учреждений, игумения Таисия приглашала в монастырь гостей, известных высотой своей духовной жизни. Так, в 1891 г. она буквально умолила заехать в Леушино о. Иоанна Кронштадтского: «Оттого-то, Батюшка, я и прошу Вас, что имела счастье побеседовать с Вами и видеть Вас. Получив это счастье для себя, я не могу не желать, чтобы и сестры мои удостоились того же»³⁾. С этого времени отец Иоанн бывал в обители ежегодно, чтобы «с великою радостью» увидеть старицу Таисию и сестер, «соутешиться взаимною беседою, общею верою и богослужением»⁴⁾. Охотно и часто он посещал также подворье Леушинского монастыря в Петербурге. С 1890 г. началась регулярная переписка игумении Таисии с отцом Иоанном Сергиевым, оборвавшаяся только со смертью Кронштадтского Батюшки (*Сергиев И.И.* Письма о. протоиерея Иоанна к настоятельнице Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игумении Таисии).

¹⁾ Историческое описание... С. 119.

²⁾ Памяти игумении Таисии: Некролог // Новгородские епархиальные ведомости. 1915. № 5. С. 186–187.

³⁾ См. наст. изд. С. 51.

⁴⁾ Письма отца протоиерея Иоанна к настоятельнице Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игумении Таисии. СПб., 1909. С. 18.

Прот. Александр Дернов отмечал, что причиной той близости, какой удостаивал игумению Таисию отец Иоанн Кронштадтский, была «особенная, духовная зрелость» Леушинской матушки: «Какие высокие и о каких высоких предметах беседы происходили между этими двумя высоко духовно настроенными и высоко духовно зрелыми личностями, можно отчасти видеть из той переписки, какую издала почившая по кончине отца Иоанна...»¹⁾

Игуменья Таисия была помощницей и советницей отца Иоанна при устройении Сурского (в Архангельской епархии) и Воронцовского (в Псковской епархии) монастырей. Ее трудами восстановлен древний Ферапонтов монастырь, устроены новые женские монастыри Парфеневский и Черноезерская пустынь. Общее число монастырей, в устройении которых принимала участие Леушинская игуменья, доходит до десяти, что позволяет называть ее «основательницей особой школы русского женского монашества».

Редкий дар управления и строительства сочетался в игуменнии Таисии с поэтическим талантом. В конце XIX и начале XX в. ее стихотворения публиковались в журналах «Душеполезный собеседник», «Русский паломник», «Кронштадтский пастырь» и др., выходили отдельными изданиями (Село Короцкое, родина святителя Тихона (СПб., 1892); Пред чудотворной иконой Казанской Богоматери в Казанском соборе (СПб., 1893); К первой годовщине кончины о. протоиерея Иоанна Кронштадтского (СПб., 1909) и др.).

В 1889 г. игуменья Таисия была награждена наперсным крестом, от Св. Синода выдаваемым. В 1892 г. она получила крест с золотыми украшениями, выдаваемый от Кабинета Его Императорского Величества. Впоследствии она была еще трижды удостоена благословения Св. Синода, а также награждена грамотами и благодарностями епархиального начальства.

В последние годы жизни игуменья Таисия семь раз представлялась Государю и Государыне. В 1910 г. она получила портрет Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, а в 1911 г. портрет Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича с собственноручными подписями. В 1913 г., к празднику Рождества Христова, она получила еще один высочайший подарок — аметистовые четки в золотой оправе.

¹⁾ Кронштадтский пастырь. 1915. № 4. С. 67–73.

27 апреля 1907 г. игумения Таисия составила духовное завещание — «последний мой завет, который должен быть прочитан у гроба моего в день моего погребения, как бы от меня лично»¹⁾. В нем она просила сестер: «Живите дружно, как дети с матерью, в простоте сердца, как жили со мною, и Ангел мира всегда будет с вами». Завещание было прочитано и одобрено ее духовным отцом протоиереем Иоанном Сергиевым.

После составления завещания игумения Таисия прожила еще восемь лет. 2 января 1912 г., ровно за три года до своей кончины, в тяжелой болезни, во сне или в забытии, она видела отца Иоанна в церкви любимой им леушинской «Пустыньки». В видении отец Иоанн сказал ей: «Ну, так я пойду похлопочу за тебя, а то куда же я возьму тебя. А ты пока готовься, чтобы в следующий раз, когда и приду за тобой, ты была бы готова!»²⁾

Игумения Таисия скончалась 2 января 1915 г. на 73-м году жизни. Склеп для покойной еще при ее жизни, с разрешения Высокопреосвященного Исидора, был устроен в большом соборе Леушинского монастыря, за правым клиросом, у южной стороны храма. В 1931 г. Леушинский монастырь был закрыт, а в 1941–1946 гг. — затоплен водами Рыбинского водохранилища.

¹⁾ Кронштадтский пастырь. 1915. № 4. С. 64.

²⁾ См. наст. изд. С. 86.

¹ *Биографические сведения о рождении и жизни отца Иоанна неоднократно печатались и в духовных журналах («Паломнике»), и отдельными брошюрами...* — Автобиография отца Иоанна была впервые напечатана в журнале «Север» в 1888 г. В начале 1890-х гг. отдельными брошюрами были опубликованы очерки Н.Н. Животова «Отец Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский), протоиерей Андреевского собора. Биографический очерк» (СПб., 1890), «Больные отца Иоанна Кронштадтского» (СПб., 1891), «Исповедники Иоанна Кронштадтского» (СПб., 1891), «Нищие о. Иоанна Кронштадтского» (СПб., 1891), «Биография отца И.И. Сергиева» (М., 1892) и др. Первое целостное жизнеописание отца Иоанна было составлено кронштадтским миссионером, впоследствии настоятелем церкви Пюхтицкого подворья в Ревеле, Александром Зыбиным (Зыбин А. Иоанн Ильич Сергиев, протоиерей, ключарь Кронштадтского Андреевского собора: Очерк жизни и деятельности. СПб., 1891). В журнале «Русский паломник» за 1891 г. был помещен биографический очерк Ф. Г-ва «О. Иоанн Кронштадтский. Его жизнь, слова и деяния» (№№ 4–29).

² *И обучение книгам в начале не легко давалось ему <...> впоследствии сделался одним из первых учеников.* — В автобиографии о начальных годах своего учения в архангельских духовных школах отец Иоанн писал: «Туго давалась мне грамота; руководителей ближайших не было; до всего должен был доходить сам» (*Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский: Воспоминания самовидцев.* (Далее — *Воспоминания.*) М.: Отчий дом, 2011. С. 9). Первую треть своего первого учебного года он закончил 28-м учеником в классе (*Кронштадтский пастырь.* Вып. 2. М., 2010. С. 41). Чувствуя свою беспомощность, юный Иван Сергиев «стал просить помощи и разума у Бога». В слове, произнесенном в 1899 г. в день памяти прп. Иоанна Рыльского, отец Иоанн так описал плоды этой молитвы: «Я озарился светом Божиим; грамота стала ясна для меня, и стал я успевать в соответствующих возрасту и воспитательной цели науках» (*Воспоминания.* С. 23). Второй класс приходского училища Иван Сергиев закончил в 1841 г. шестым учеником в классе, а курс наук в духовной семинарии в 1851 г. — первым учеником (*Кронштадтский пастырь.* Вып. 2. С. 42).

³ *Благонравие же и кротость всегда были отличительными чертами его нрава...* — Эти черты Ивана Сергиева не раз отмечались инспектором Архангельской духовной семинарии архим. Иларионом в ежемесячных списках поведения учащихся: «в поступках прост и вместе благороден» (июль 1847); «кроток, послушен» (декабрь 1847); «при тихом спокойном природном

расположении отличается честностью и добродушием» (июнь 1848); его отличает «усердие к делу, скромность в поступках, почтительность и религиозное направление ума и сердца» (апрель 1851) (См.: *Кронштадтский пастырь*. Вып. 2. С. 47).

⁴ *...книги святого Иоанна Златоуста — «Объяснение на Евангелие от Матфея» и «Беседы его к Антиохийскому народу».* — Имеются в виду книги: *Иоанн Златоуст, свят.* Беседы на евангелиста Матфея. Новый перевод с греческого: В 3 ч. М., 1839; *Иоанн Златоуст, свят.* Беседы к Антиохийскому народу, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной Академии: В 3 т. СПб., 1848–1850.

⁵ *...как сам отец Иоанн пишет в дневнике своем...* — Здесь и далее игуменья Таисия цитирует тексты из дневника отца Иоанна по журналу «Русский паломник» за 1891 и 1892 гг.

⁶ «<...> по причине бывшей неопытности моей в искушениях на молитве». — *Русский паломник*. 1891. № 1. С. 2.

⁷ «<...> почти к непрестанному духовному созерцанию и тайной молитве». — Там же.

⁸ «<...> я старался не пропускать их без внимания и записывал их в свой дневник». — Там же.

⁹ *...когда по воле начальства отец Иоанн определен был законоучителем сначала училища, а потом мужской гимназии.* — 22 февраля 1857 г. отец Иоанн был назначен законоучителем Кронштадтского уездного училища, а 20 сентября 1862 г. определен законоучителем Кронштадтской городской гимназии (ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 113, д. 2529, л. 1–2, об.). Место законоучителя во вновь открывшейся в Кронштадте гимназии было предложено отцу Иоанну директором Ларинской гимназии, статским советником А.В. Латышевым, которому была поручена подготовка нового учебного заведения к открытию. 2 сентября 1862 г., отвечая на письмо Латышева, отец Иоанн писал: «Много благодарен Вам за доброе внимание ко мне, которым Вы изволили почтить меня, предложив мне место законоучителя в имеющей открыться в Кронштадте гимназии. Охотно и с душевною признательностию принимаю Ваше предложение» (ГМИР, ф. 38, оп. 1, д. 22, л. 6–7).

¹⁰ *Он первый подал мысль построить в Кронштадте Дом трудолюбия...* — Идея строительства Дома трудолюбия в Кронштадте впервые была высказана отцом Иоанном в печати в начале 1870-х гг., но только в конце 1880 г. она получила поддержку многочисленных сторонников. Первоначально, ввиду недостатка средств, планировалось выстроить деревянный дом небольших размеров. После гибели императора Александра II (1 марта 1881 г.) возникла мысль посвятить Дом трудолюбия его памяти. Это решение позволило привлечь крупных жертвователей и благотворителей и значительно расширить масштабы задуманного предприятия.

¹¹ *Он первый настаивал на необходимости и пользе (в чем весьма долго пришлось потрудиться ему) открыть при соборе попечительство о*

бедных. — Вопрос об учреждении Приходского попечительства при Кронштадтском Андреевском соборе был впервые поставлен в 1870 г. 10 июля еп. Ладожский Павел (Лебедев) в резолюции на акте обзора собора написал: «Если, по справке в Консисторию, окажется, что попечительства при Соборе нет, то Консистории предписать Благочинному озаботиться открытием оного» (ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 62, д. 21, л. 3). 29 декабря 1871 г. отец Иоанн через газету «Кронштадтский вестник» обратился к жителям города с предложением: «Всему Кронштадтскому обществу, духовному, военному, чиновничьему, торговому, мещанскому образовать из себя попечительство, или братство, или несколько попечительств и братств при разных церквях, по примеру существующих попечительств и братств в некоторых городах, в том числе и в Петербурге, и соединенными силами заботиться о приискании для нищих общего жилья, рабочего дома и ремесленного училища» (*Кронштадтский вестник*. 1871. № 150, 29 декабря). 30 декабря 1873 г. решение об учреждении в Кронштадте Приходского попечительства было принято на собрании прихожан Андреевского собора. Указ Духовной консистории по этому вопросу последовал 4 июня 1874 г. В день открытия попечительства, 9 июня 1874 г., отец Иоанн сказал: «Наконец мы уполномочены церковною и гражданскою властью открыть при нашей церкви попечительство как о самом храме, так и преимущественно о бедных. Да будет благословенно от Господа это благодетельное учреждение! Во многих местностях вошли в действие попечительства о церквях; у нас только доселе замедлилось его учреждение: ныне же, по совершении всех формальностей, открытие его совершается» (*Кронштадтский вестник*. 1874. № 69, 14 июня).

¹² ...и когда этот дом, не быв еще окончен, сгорел... — Пожар, во время которого сгорело деревянное здание Андреевского попечительства и вновь построенное здание Дома трудолюбия, произошел в Кронштадте 7 декабря 1881 г. 11 декабря Андреевское попечительство обратилось через газету «Кронштадтский вестник» к жителям города с просьбой помочь погорельцам, а 13 декабря прошло экстренное собрание членов попечительства, специально посвященное вопросу о пособии погорельцам (*Кронштадтский вестник*. 1881. № 144, 11 декабря; № 145, 13 декабря). После пожара 1881 г. кронштадтский Дом трудолюбия был заново отстроен и освящен 10 октября 1882 г.

¹³ «Божественная служба, — пишет он в дневнике своем, — есть для меня бесценное и величайшее благо в жизни; в богослужении — вся жизнь нашей души, все ее сокровище; тут ее родина, ее воспитание, врачевание, ее пища и питье, ее сила и слава, ее святыня и жизнь». — Полностью дневниковая запись отца Иоанна звучит так: «Божественная служба, при всех борениях наших с грехами и противными злыми силами, удивительно обновляет, укрепляет, очищает, ободряет; и она есть для меня величайшее благо в жизни. Благодарю за сие Господа. Бесценное благо дано мне от Господа в богослужении. — В нем вся жизнь нашей души, все сокровище, тут ее родина, ее жизнь, ее святыня, ее воспитание, врачевание, пища и питье, ее сила, ее слава» (*Русский паломник*. 1892. № 33. С. 516. Запись вошла в кн.: Мысли о Церкви и

православном богослужении // *Прот. Иоанн Ильич Сергиев*. Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1994 (репр. 1905). Т. 6. С. 190).

¹⁴ *Прекрасно выражена его о сем молитва в дневнике его: «О святейшая, всемогущая, всеблагая, Глава Церкви Своей, Господи Иисусе Христе, Альфа и Омега, Начало и Конец! <...> Я немощен, но Твоя сила в немощех моих да совершится!»* — В книгу «Мысли о Церкви и Православном богослужении» эта дневниковая запись вошла в следующем виде: «Святейшая, всемогущая, всеблагая Глава Церкви Своей, Господи Иисусе, Альфа и Омега, Начало и Конец, даждь мне благодать всегда от начала до конца благополучно, свято, мирно, твердо, пламенно совершать всякое богослужение, при всяких обстоятельствах, при многом и малом народе, в праздники и будни, в храме и вне храма! Даждь мне, даждь благодать сию и очисти сердце от всякия страсти, скверны плоти и духа, избави от всякого навета вражия; воспламеняй небесным огнем во время моего служения и сердца всех предстоящих и молящихся; смиряй сердца богатых и знаменитых, ученых или мудрых века сего, обуяя их мудрость и покоряя умы и сердца их слову Твоему; смягчай сердца закосневших в страстях, воссозидай, обновляя люди Твоя! Аминь. Я немощен, но да совершается сила Твоя в немощах моих (ср.: 2 Кор. 12, 9). Я грешен и прегрешен; но идеже умножися грех, там преизбыточествова благодать (Рим. 5, 20): так и во мне да будет» (Мысли о Церкви и православном богослужении // *Прот. Иоанн Ильич Сергиев*. Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1994 (репр. 1905). Т. 6. С. 221–222. Впервые: *Русский паломник*. 1892. № 34. С. 531).

¹⁵ *«Бедные человеки! — восклицает он в своих записках <...>», «О, сколько благодетей подает нам Бог ежедневно в Божественной литургии! <...>»* — В журнале «Русский паломник» передаваемая игуменией Таисией дневниковая запись отца Иоанна опубликована в следующем виде: «О, сколько благодетей подается нам от Бога чрез Литургию! — как же к ней христиане относятся? С обыкновенною холодною, невниманием, равнодушием; причащаются Св. Таин весьма редко, как бы по необходимости и по заведенной привычке, раз в год. Чего же они лишают себя, какого Божественного Сокровища бесценного, какого бессмертного, животворящего дарования Божия! Какой помощи Божией! Вот отчего нет истинной жизни в христианах православных, жизни по духу Христову. Вот почему умножились пороки и бедствия. Вот почему против нас вооружилась вся тварь в месть врагам Божиим, все стихии: и вода, и огонь, и воздух, и смерть во всех видах» (*Русский паломник*. 1892. № 43. С. 675–676).

¹⁶ *«Я стою, — говорит он, — у Источника жизни ежедневно, ежечасно, непрестанно: то есть я стою у Господа моего, как в храме у Его престола, так и дома, и на пути, и на улице и везде я предстою Ему умом и духом!»* — В журнале «Русский паломник» приведена следующая дневниковая запись отца Иоанна: «Я стою у Источника жизни ежедневно и ежечасно, т. е. у Господа, как в храме у престола Его, так и дома, или на улице, на площади» (*Русский паломник*. 1892. № 27. С. 420).

¹⁷ *Эти же самые слова повторяет он и в начале своей книги «Дневник»...* — Авторское предисловие к выдержкам из дневника, изданным в журнале

«Русский паломник», начиналось следующими словами: «Сила Моя в немощи совершается, — говорит Господь, — и где умножился грех, там преизбыточествует благодать, — говорит великий апостол. Эта сила и эта благодать Господня и во мне немощном и грешном воспреизбыточествовали во все дни жизни моей, с ранней юности и до настоящих дней...» (*Русский паломник*. 1891. № 1. С. 2).

¹⁸ «О вера святая! — пишет отец Иоанн в «Дневнике» своем <...> Познан буди, Господи, да вси прославят Тебя едиными усты и единым сердцем от востока солнца и до запада. Буди, буди!» — Полностью запись, вошедшая во 2-ю часть «Моей жизни во Христе», звучит так: «О вера святая! Какими словами, какими песнями я прославлю тебя за бесчисленные блага для души и тела моего, дарованные мне тобою, за все силы, которые ты во мне совершила и совершаешь, за блага мира и отъятие смятения, за блага свободы с отъятием тесноты горькой, за блага света духовного и прогнание тьмы страстей, за благо дерзновения с отъятием малодушия и боязни, за благо духовной власти и духовного величия с отъятием рабства греховного и низости духа, за благо святости с отъятием греховной нечистоты, за отъятие злобы, зависти, своеволия и упрямства, любостяжания, блуда и всякого духовного растления? Слава Тебе, Богу, Благодателю моему, во веки веков! Познан буди, Господи, в вере Твоей, всем людям Твоим и всем племенам земным, да все прославят Тебя едиными усты и единым сердцем от востока солнца до запада. Буди, буди!» (*Прот. Иоанн Ильич Сергиев*. Полн. собр. соч.: В 6 т. СПб., 1994 (репр. 1894). Т. 4–5. С. 69).

¹⁹ «<...> чтобы удобнее он мог руководить их в деле спасения, а не для того только, чтобы принимать от них угощение». — Игуменья Таисия, вероятно, пересказывает следующую дневниковую запись отца Иоанна: «Каждый священник есть апостол в своем селе или приходе (или в церкви городской) и должен ходить по домам, благовествуя Царствие Божие, невежд наставляя, нерадивых, беспечных, в страхах и похотях живущих возбуждая к христианскому житию, благочестивых и трезвенных ободряя и поощряя будущими наградами, немилосердных подкрепляя и утешая. Крестные ходы по праздникам должны иметь особенно эту цель. Мы обыкновенно, ходя со крестом, пьем и едим. Это не дело. Надо благовествовать в руках со крестом, — о том, что "сего ради высокий Бог на землю сниде, да нас на небеса возведет", и что не должно привязываться ни к чему земному, что надо дорожить временем для приобретения вечности: очищать сердце свое от всякой скверны страстей и делать добрых дел как можно больше. *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшего и совершу дело Его* (Ин. 4, 34)» (*Русский паломник*. 1892. № 6. С. 84).

²⁰ «...живущими при подворской церкви. — Подворье Леушинского монастыря в Череповце было устроено стараниями игумении Таисии. В 1883 г. на участке земли, приобретенном у череповецкого мещанина за 600 руб., была освящена часовня в честь иконы Богоматери «Достойно есть». В 1898 г. на месте часовни была выстроена церковь в честь Сретения Господня. (*Историческое описание Иоанно-Предтеченского первоклассного Леушинского женского монастыря Череповецкого уезда, Новгородской губернии*. (Далее — *Историческое описание*.) СПб., 1907. Изд. 3-е доп. С. 38–40).

²¹ ...к пристани Леушинского монастыря «Борки»... — Пароходная пристань была устроена игуменией Таисией в 1890 г. в десяти верстах от Леушинского монастыря, на берегу р. Шексны в деревне Борки. Необходимость устройства особой монастырской пристани была вызвана тем, что сестрам и богомольцам приходилось добираться до берега на небольшой лодочке и ожидать парохода под открытым небом. «Чтобы предотвратить такие громадные неудобства, вследствие каковых и многие из желающих посетить обитель не могли исполнить этого, игум. Таисия вошла в соглашение с хозяевами пароходства по реке Шексне господами Милютинными и К^о об устройстве пароходной пристани, каковое взяла на средства и заботы монастыря, от них же заручилась обещанием «обязательно приставать пароходу во время каждого рейса к пристани и стоять тут для слушания молебного пения о плавающих и путешествующих, которое совершается нанятым от монастыря священником и монастырскими певчими». Рядом с пристанью были выстроены два дома: для монастырских сестер и для остальных богомольцев» (*Историческое описание*. С. 105–106).

²² ...в соборном храме... — Соборный каменный трехпрестольный храм Леушинского монастыря был освящен 8 сентября 1891 г. «До сего времени обитель <...> не имела отдельного храма, довольствуясь небольшою домовою церковью, не вмещавшей и четвертой доли посещавших ее богомольцев» (*Историческое описание*. С. 72).

²³ ...в зале училищного здания... — Каменное училищное здание, в котором располагалась Леушинская церковно-учительская школа, было построено в 1889–1890 гг. Оно находилось на одной линии с корпусом настоятельницы и соединялось с ним каменным коридором «для удобнейшего и более частого наблюдения в училище самой настоятельницы» (*Историческое описание*. С. 54).

²⁴ Свящ. Приоров Евлампий Николаевич (1853 – ?) занимал должность настоятеля Воскресенского собора города Череповца с 1888 по 1915 г.

²⁵ ...в домово́й церкви... — Домо́вая церковь в честь Нерукотворного образа Спасителя располагалась смежно с настоятельскими кельями в одном из монастырских корпусов, построенных игуменией Леонтией, и была освящена 15 сентября 1880 г. Это был «первый собственный храм общины», богослужение в котором совершалось ежедневно до построения игуменией Таисиею соборного храма (*Историческое описание*. С. 29–30).

²⁶ ...посетил монастырскую богадельню, лишь два года назад открытую. — Монастырская богадельня располагалась в корпусе, примыкавшем к колокольне, строительство которой началось после того, как «в девяностых годах <...> петербургский купец Д. Корсаков, посетив летом Леушинский монастырь, возымел желание пожертвовать колокол весом не менее 200 пудов». «По правую сторону колокольни с лицевой стороны был устроен большой в 27 сажен длины корпус, в нижнем этаже коего помещалась <...> сестринская трапезная в 11 сажен длины, небольшим коридорчиком соединенная с поварней в 6 сажен, а за нею две кельи для помещения поварок, трапезниц и др.

сестер <...>. В верхнем этаже над трапезною помещается богадельня для престарелых сестер и кельи для присматривающих за богадельней и трудящихся в ней сестер. По левую сторону устроена богаделенская церковь наверху, а внизу под нею — ризница, книжная и иконная лавочка и келья для привратницы (у св. ворот)» (*Историческое описание*. С. 114).

²⁷ *...поехали в обитель через скит (Успенский)...* — Имеется в виду скит Леушинского монастыря с церковью в честь Успения Богоматери, расположенный в полутора верстах от обители в сосновой роще. Скитская домовая церковь была освящена 1 октября 1891 г. «Кроме <...> церковного корпуса, в скиту имеются еще и другие кельи, построенные отдельными домиками, и несколько поодаль — домик для священника» (*Историческое описание*. С. 94). Скит основан при новом монастырском кладбище.

²⁸ *Имею счастье состоять в течение более тридцати пяти лет в самых близких духовных отношениях к незабвенному, в Бозе почившему отцу протоиерею Иоанну Сергиеву (Кронштадтскому)...* — Знакомство будущей игумении Таисии с отцом Иоанном Сергиевым произошло в первой половине 1870-х гг., в тот период времени (1872–1878 гг.), когда после пострига в рясофор с именем Аркадия она несла послушание регента в Новгородском Покровском Зверинском монастыре. Возможно, это знакомство было обусловлено поисками инокиней Аркадией нового духовного руководителя: 28 декабря 1873 г. был уволен на покой в связи с расстроенным здоровьем ее духовный отец, настоятель Иверского Богородицкого монастыря архим. Лаврентий (Макаров), скончавшийся 2 июля 1876 г.

²⁹ *...отец Иоанн стал ездить на свою родину, в село Сура, для постройки в нем приходского каменного храма.* — Точнее, о. Иоанн Кронштадтский стал ежегодно посещать свою родину начиная с 1888 г., когда в Суре была произведена торжественная закладка нового каменного трехпрестольного храма во имя Святителя и Чудотворца Николая. Две ранее существовавшие в Суре деревянные церкви: зимняя во имя свт. Николая XVII в. и летняя в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы XVI в. — совершенно обветшали. Новый кирпичный храм строился на пожертвования почитателей о. Иоанна, и в июне 1891 г. состоялось его торжественное освящение (см.: Хроника посещений отцом Иоанном с. Суры в 1888–1907 гг. // *Кронштадтский пастырь*. Вып. 1. М., 2002. С. 40–45). В советское время храм был разрушен, сейчас восстанавливается усилиями сестер возрождающегося Сурского Иоанно-Богословского монастыря.

³⁰ *...по Мариинской системе...* — Имеется в виду Мариинская водная система, важнейший из водных путей России, соединявший р. Волгу с Санкт-Петербургским портом. В Мариинскую систему входили р. Шексна, Белоозеро, р. Ковжа, искусственные соединения, р. Вытегра, оз. Онежское, р. Свирь, оз. Ладожское и р. Нева. Идея соединения рек Ковжи и Вытегры принадлежала Петру I. Замысел был в основном воплощен при Павле I; строительство окончено в 1808 г. при Александре I (см.: Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. *Энциклопедический словарь*. Т. XVIII А. СПб., 1896. С. 621–622).

³¹ *...арендованный 2-ми Л., приглашавшими Батюшку в Рыбинск.* — Отец Иоанн посетил Рыбинск по приглашению местной купчихи Липовской.

³² *...у соборного старосты купца Крохина.* — Купец Г.П. Крохин был старостой Череповецкого Воскресенского собора.

³³ *Вообще человек, проходящий жизнь духовную и ревнующий о спасении, должен неослабно внимать себе, то есть замечать все движения своего сердца и ума.* — С самого начала своего священнического служения отец Иоанн считал наблюдение за своей внутренней жизнью одной из главных духовных задач. В автобиографии 1888 г. он писал: «С первых же дней своего высокого служения Церкви я поставил себе за правило: сколь возможно искренне относиться к своему делу, к пастырству и священнослужению, и строго следить за собою, за своей внутренней жизнью. С этой целью я прежде всего принялся за чтение Святого Писания, Ветхого и Нового Заветов, извлекая из него назидание для себя как для человека, священника и члена общества. Потом я стал вести дневник, в котором записывал свою борьбу с помыслами и страстями, свои покаянные чувства, свои тайные молитвы ко Господу и всегдашнюю немощь и защищение от Него, и свои благородные чувства ко Господу за избавление от искушений, скорбей и напастей» (Автобиография // Воспоминания. С. 9).

³⁴ *С принятием сана начальственного я мало молюсь...* — Монахиня Таисия (Солопова) была назначена начальницей Леушинской обители в начале 1881 г. До этого она проходила послушания в различных монастырях: пела на клиросе, была регентшей и учительницей монастырских воспитанниц, писмоводительницей, казначеей.

³⁵ *Я готовил себя к этому с самого начала своего священствования.* — В беседе с сарапульскими пастырями отец Иоанн говорил, что желание спасти человеческие души возгорелось в нем при знакомстве с жизнью Кронштадта: «Город этот военный: здесь на каждом шагу встречаешь военных, матросов, мастеровых из гавани и проч. Матросы, большую часть времени проводящие в море, на своих судах, попав на берег, стараются использовать свое свободное время во всю ширь, получить как можно больше удовольствий. Поэтому здесь всегда можно было встретить на улицах пьяных и слышать о многих безобразиях. С первых же дней своего служения мое сердце стало болеть при виде такой нехорошей, греховной жизни, и естественно явилось твердое намерение как-нибудь исправить этот пьяный, но хороший по своей душе народ» (Беседа с сарапульскими пастырями // Воспоминания. С. 12).

³⁶ *Ведь вы, Батюшка, давно священствуете, а открыто явились людям не так давно?* — Имя отца Иоанна стало известно на всю Россию в середине 1880-х гг. 20 декабря 1883 г. в газете «Новое время» (№ 2807) было опубликовано «Благодарственное заявление» от людей, получивших исцеление по молитвам отца Иоанна. После этой публикации с просьбой о молитвенной помощи к отцу Иоанну стали обращаться люди со всех концов России и из-за границы.

³⁷ *...и все видения мои, о которых вы знаете?* — Свои духовные видения игум. Таисия описала в автобиографическом сочинении «Записки игумении

Таисии, настоятельницы Первоклассного Леушинского женского монастыря» (Пг., 1916). Одно из таких видений, бывшее юной Марии Солоповой во время ее учения в Павловском институте, положило «решительный и окончательный переворот» (С. 9) во всей ее жизни, указало ей будущее призвание. В чудном сне она «увидела себя в каком-то ином мире», лицом к лицу с целым сонмом святых. Мария «увидела подле себя по правую сторону обращенного <...> лицом Спасителя нашего Иисуса Христа» (С. 11), Который благословил ее, коснувшись главы десницей. Знаменательные видения игум. Таисия видела во все переломные моменты своей жизни.

³⁸ *Смотри, какой собор воздвигла ты без всяких средств и в какое короткое время...* — Имеется в виду каменный пятиглавый трехпрестольный собор в честь Похвалы Пресвятой Богородицы в Леушинском Иоанно-Предтеченском монастыре. В 1885 г. Леушинская женская община была переименована в Леушинский Иоанно-Предтеченский женский общежительный монастырь, а начальница обители монахиня Таисия была посвящена в сан игумении. 19 октября того же года игум. Таисии было «разрешено устройство во вверенной ей обители нового каменного соборного храма, на средства благотворителей и остаточную неокладную сумму» (*Новгородские ЕВ.* 1885. № 20, 30 октября. С. 280). Однако когда весной 1887 г. игум. Таисия обратилась к митр. Санкт-Петербургскому и Новгородскому Исидору с прошением о разрешении постройки храма в Леушинском монастыре, предоставив ему смету и количество имеющегося материала, митрополит затруднился дать ей свое благословение, ссылаясь на полное отсутствие у монастыря средств для постройки. Игум. Таисия попросила: «Вы только благословите нас; а мы готовы трудиться сколько силы позволяют; мы веруем, что за Ваше Архипастырское благословение и святые молитвы Господь поможет нам, во славу имени Своего!» (*Краткие сведения о сооружении каменного трехпрестольного Соборного Храма в Иоанно-Предтеченском Леушинском монастыре.* СПб., 1891. С. 4). 14 июня 1887 г. преосвященным Анастасием, викарием Новгородским, при восьмидесяти тысячах народа, была произведена закладка храма в честь Похвалы Богородицы с приделами во имя св. Архистратига Михаила и свт. Николая. Строительство велось на пожертвования, собранные по различным городам России сестрами монастыря и его настоятельницами. Игум. Таисия, кроме Петербурга, в котором бывала неоднократно, «посетила все ближайшие к обители города: Устюжну, Весьегонск, Пошехонье, Мологу, Рыбинск, Ярославль, обходя всех благотворителей, могущих помочь ее делу» (*Там же.* С. 9). Из семидесяти тысяч, потраченных на постройку храма, только четырнадцать тысяч были собраны крупными пожертвованиями (от 100 до 3000 руб.), остальная сумма была собрана мелкими подаяниями. 8 сентября 1890 г. было совершено поднятие крестов на купол храма, а 8 сентября 1891 г. — торжественное освящение храма. Этот храм стал самым большим храмом в России с таким посвящением.

³⁹ *Хлопоты мои о приобретении места в Петербурге для постройки подворья...* — Сбор средств и поиск места для построения Леушинского подворья в Петербурге игум. Таисия начала с благословения отца Иоанна в декабре

1891 г. Место на углу Бассейной и Знаменской улиц было приобретено в декабре 1891 г., разрешение на постройку подворья с церковью было получено 16 мая 1892 г. Освящение главного престола храма подворья во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова состоялось 21 ноября 1894 г. (*Историческое описание*. С. 108–113). В книге И.К. Сурского «Отец Иоанн Кронштадтский» приведен рассказ о благодатной помощи отца Иоанна в строительстве Петербургского подворья Леушинского монастыря: «Когда она надумала строить в Петербурге подворье Леушинского монастыря <...>, то обратилась к отцу Иоанну за благословением, надеясь получить от него и материальную помощь. Отец Иоанн благословил это начинание и дал игумении Таисии два гривенника. Благочестивая старица хотя и смутилась, однако с благоговением завернула два гривенника в платок, веруя, что Господь поможет ее начинанию, которое благословил отец Иоанн. И что же? Нашлось подходящее место для подворья на Бассейной улице в Петербурге; нашлись добрые люди, которые помогли ей приобрести место для подворья; нашлись подрядчики, которые взяли безвозмездно произвести кто каменные, кто штукатурные, кто малярные, кровельные, плотницкие и прочие работы. И скоро на Бассейной улице выросло трехэтажное здание, возглавляемое церковью с дивным резным иконостасом из грушевого дерева» (Сурский И.К. Отец Иоанн Кронштадтский. М., 2008. С. 80).

⁴⁰ Он обыкновенно писал мне с родины, села Суры, или из Архангельска о том, куда предполагает заехать, сколько где пробыть и когда приблизительно быть у нас, и на своем ли пароходе или на арендованном... — Так, например, в письме игум. Таисии от 15 июня 1903 г. из Архангельска отец Иоанн писал: «В Суре я пробыл только три дня; вода чрезвычайно упала; нынешний год пришлось ехать на лошадях 300 верст. В Архангельске пробуду двое суток; 17-го выезжаю из Архангельска в Холмогоры к сестре моей родной (состоящей в замужестве за священником) и в Холмогорский женский монастырь. Там — два дня. Оттуда 20 июня отправлюсь в Устюг, там — один день, буду там не ранее 24-го, оттуда — в Вологду, числа 27-го; 28-го — в Кубенское озеро и в шлюзы; 29-го, вероятно, попадем в Шексну. 30 июня и 1 июля — Шексной до вашей пристани. В это время и переговорим с тобою. Помоги нам, Боже, во всем. Поклон тебе от всего сердца и всем сестрам и братии» (*Письма отца протоиерея Иоанна к настоятельнице Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игумении Таисии*. СПб., 1909. С. 62–63).

⁴¹ ...тропарь святому великомученику Феодору Тирону: «Яко хлеб сладкий Троице принесется»... — Полностью тропарь вмч. Феодору Тирону звучит так: «Велия веры исправления во источнице пламене, яко на воде упокоения святыи мученик Феодор радовашеся, огнем бо всесожегся, яко хлеб сладкий Троице принесется. Того молитвами, Христе Боже, спаси души наша».

⁴² ...вот я все стараюсь отдаляться от своих родных: редко, очень редко пишу им; вот уже 14 лет, как не была у них... — После смерти родителей у

игум. Таисии остались младшие брат и сестра. Брат Константин Васильевич Солопов окончил кадетский корпус в Санкт-Петербурге, был женат и имел двух детей, Аполлинария и Анатолия. Константин стал владельцем родовой помещицкой усадьбы Солоповых Абакумово в Боровичском уезде Новгородской губ. Сестра Клавдия Васильевна Солопова окончила Павловский институт благородных девиц, вышла замуж и имела дочь Надежду. Игум. Таисия способствовала браку своей племянницы Надежды Миловской с выпускником Новгородской духовной семинарии псаломщиком Иоанно-Богословского храма с. Нагова Старорусского уезда Новгородской губернии Федором Окуневым. Вскоре после женитьбы Федор Окунев был рукоположен в диаконы к храму подворья Леушинского монастыря в Петербурге; в 1910-х гг. стал священником того же храма. Арестован 9 декабря 1937 г. в Петербурге в сане настоятеля Симеоновской церкви; расстрелян 15 января 1938 г.

⁴³ *С этими словами он достал из кармана довольно большую книгу <...>, «... Я прощаю усопшего имярек».* — Какую именно книгу читал отец Иоанн — неизвестно. Аналогичная история изложена, например, в Киево-Печерском патерике, изданном по древним рукописям в переложении на современный русский язык Марии Викторовой (Киев, 1893). В послании Симона, епископа Владимирского и Суздальского, к Поликарпу, Печерскому черноризцу, повествуется о кончине духовного сына блаженного Онисифора, который, притворяясь аскетом и постником, «в тайне <...> ел и пил, и худо препровождал лета своей жизни». «В один день, совсем здоровый, он умер без причины, и такой смрад был от тела, что никто не мог приблизиться к нему». Когда пресвитер Онисифор и игумен Пимен «решили насильно привести кого-нибудь (добровольно никто не мог приблизиться к той горе, где была пещера), чтобы, вытащив вон это тело, бросить его в воду», явился св. Антоний и сказал: «Смиловался я над душой этого брата, потому что не могу нарушить обета моего: я обещался вам, что всякий, положенный здесь, будет помилован, хотя бы и грешен был. <...> никто из монастыря сего не будет осужден на муку. Господь говорил ко мне, и я слышал голос Его: Я тот, Который сказал Аврааму: ради двадцати праведников Я не погублю города. Тем более ради тебя и тех, которые с тобою, помилую и спасу грешника: если в твоём монастыре постигнет его смерть, — он будет в покое» (*Киево-Печерский патерик по древним рукописям*: В переложении на современный русский язык Марии Викторовой. Киев, 1893. С. 27–29).

⁴⁴ *...св. Игнатий Богоносец и лично просил, и писал в своем послании к римлянам-христианам, когда они хотели освободить его от предстоявшей ему мученической смерти: «Не возбраняйте ми (то есть не мешайте мне прийти к Господу), хочу быти измолен (то есть измолот) зубами зверей, да буду в жертву благоприятну Господу моему!»* — Св. Игнатий, в 67–107 гг. бывший епископом Антиохийской церкви, был арестован по приказу императора Траяна, заключен в узы и отправлен в Рим, где был отдан в цирке на растерзание зверям. Послание к римским христианам было написано им по дороге из Антиохии в Рим. Поводом для написания послания было полученное св. Игнатием известие о том, что римские христиане вознамери-

лись ходатайствовать за него и просить об отмене императорского повеления. В четвертой части послания он писал: «Оставьте мне быть пищею зверей и достигнуть чрез них Бога. Я пшеница Божия, и пусть измелят меня зубы зверей, чтоб я соделался чистым хлебом Божиим» (*Послания святого Игнатия Богоносца*. Казань, 1855. С. 126–127).

⁴⁵ ...здесь были учительские курсы... — Речь идет о временных педагогических курсах для учительниц Череповецкого, Устюженского, Белозерского и Кирилловского уездов Новгородской епархии. Курсы проходили по благословению архиепископа Новгородского и Старорусского Гурия в Леушинском женском монастыре с 27 июня по 26 августа 1903 г. В программу курсов входили Закон Божий, русский язык, арифметика и пение. Игум. Таисия, попечительница курсов, предоставила в распоряжение курсисток помещение женского училища при Леушинском монастыре (*Новгородские Ев.* 1903. № 21. Ч. неоф. С. 1238).

⁴⁶ ...случившийся в то время у нас в монастыре г-н М.А. Гольтисон. — Михаил Александрович Гольтисон, выпускник императорской Петербургской консерватории, был приглашен игум. Таисией в Леушинский монастырь в качестве руководителя курсов пения для учительниц церковноприходских школ. К приезду отца Иоанна Гольтисон разучил с курсистками хоровую пьесу собственного сочинения на слова игумении «Как Петр, я в море утопаю...» По свидетельству очевидцев, исполнение пьесы чрезвычайно тронуло Батюшку (*Котлин.* 1903. № 162, 18 июля). В письме к отцу Иоанну от 10 ноября 1903 г. Гольтисон писал: «Я имел высокое счастье провести с Вами несколько дней. Этих дней я никогда не забуду. Осмеливаюсь представить на Ваш суд мои две музыкальные пьесы духовного содержания. Они написаны для школы народных чтений, религиозно-нравственных бесед и т. д.» (*ЦГИА СПб.*, ф. 2219, оп. 1, д. 28, л. 28–29).

⁴⁷ Во всей здешней местности появилась сибирская язва. — О появлении в Череповецком уезде Новгородской губ. летом 1903 г. сибирской язвы сообщал в журнале Новгородские епархиальные ведомости свящ. Запогостной церкви Череповецкого уезда Василий Рябинин: «Нынешним летом Череповецкий уезд постигла кара небесная — сибирская язва на домашний скот, составляющий самое дорогое богатство деревенского жителя. От этой незваной и страшной гостыи особенно пострадала северо-восточная часть уезда и в том числе деревни вверенного мне прихода. Между ними можно было видеть такие, в коих падало по целым десяткам лошадей <...>. И вообще нужно заметить, что рогатого скота меньше падало от сибирской язвы, чем лошадей. При появлении сибирской язвы, когда еще не было речи о медицинской помощи, страшная паника овладела населением моего прихода. Около 15-х чисел июня месяца народная паника достигла своего высшего апогея» (*Рябинин Василий, свящ.* Народное бедствие и обращение к Церкви раскольников // *Новгородские Ев.* 1903. № 16. Ч. неоф. С. 934).

⁴⁸ ...какой неправильный перевод: «Аз рек во изступлении моем» — переведено «я сказал в безумии моем» — ведь это совсем не то? — В русском сино-

дальном переводе 2-й стих 115 псалма переведен следующим образом: «Я сказал в опрометчивости моей».

⁴⁹ *...тревожные мысли о загробной участи моей матери, которая, будучи вполне религиозной христианкой, в то же время сильно противилась моему уходу в монастырь и не хотела дать мне на это своего благословения.* — История отношений игум. Таисии с матерью изложена ею самой в автобиографических записках. Виктория Дмитриевна Солопова (урожд. Пушкина) не отпускала свою старшую дочь в монастырь, не желая расстаться с нею; она несколько раз давала и забирала свое благословение. Окончательное решение она приняла благодаря видению Богородицы, о котором рассказала дочери следующее: «В ночь на 1 февраля <...> я была очень встревожена странным видением и голосом, порицающим меня за тебя, Машенька, то есть за то, что я не хочу отпустить тебя в монастырь. Едва дождалась я рассвета и тотчас приказала заложить лошадей, чтобы ехать в Иверский монастырь к отцу Лаврентию, думая поговорить с ним от души да помолиться Царице Небесной. Вот там, с благословения Владычицы, я и дала обещание не удерживать тебя более». (*Игуменья Таисия. Автобиографические записки. Беседы с отцом Иоанном Кронштадтским. М.: Отчий дом, 2007. С. 80.*)

⁵⁰ *С пристани «Борки» мы поехали на пароходе к Рыбинску и вниз по Волге на далекую Каму, куда приглашали Батюшку.* — В 1908 г. отец Иоанн путешествовал по Волге и Каме на пароходе «Талант», принадлежавшем елабужским купцам Стахеевым. 1 июля отец Иоанн совершил Литургию в имении Стахеевых «Святой ключ» (*Котлин. 1908. № 149, 3 июля*).

⁵¹ *...к бывшему тогда архиепископу Новгородскому Феогносту...* — Владыка Феогност (Лебедев; 1829–1903) — архиепископ Новгородский и Старорусский с ноября 1892 г.; с августа 1900 г. митрополит Киевский и Галицкий.

⁵² *Блажен, кому отпущены беззакония, и чьи грехи покрыты! Блажен человек, которому Господь не вменит греха, и в чьем духе нет лукавства.*

⁵³ *Наклонил Он небеса и сошел, — и мрак под ногами Его. И воссел на Херувимов и полетел, и понесся на крыльях ветра. И мрак сделал покровом Своим, сению вокруг Себя мрак вод, облаков воздушных. От блистания пред Ним бежали облака Его, град и угли огненные. Возгрел на небесах Господь, и Всевышний дал глас Свой, град и угли огненные. Пустил стрелы Свои и рассеял их, множество молний, и рассыпал их. И явились источники вод, и открылись основания вселенной от грозного гласа Твоего, Господи, от дуновения духа гнева Твоего.*

⁵⁴ *Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых.*

Часть II

**ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ
АЛЕКСАНДРЫ
НАРЦИЗОВОЙ**

Письма о путешествиях с отцом Иоанном Кронштадтским на его родину и в другие места

От автора

Никогда мне и мысли не приходило, чтобы мое имя могло появиться в печати; не получив основательного образования вследствие глухоты с десятилетнего возраста, постигшей меня, могла ли я когда-либо думать о литературных трудах?! Но, видно, каждое слово избранника Божия отца Иоанна должно сбываться... Много лет я горячо желала поговорить с ним и попросить его, чтобы он сам указал мне путь жизни, по которому я могла бы идти, но за массой народа, всегда его окружающей, я долгое время не имела возможности исполнить свое желание. В 1891 году Бог устроил мне поездку на родину отца Иоанна в Суру на освящение храма¹. Когда торжество освящения кончилось и гости разъехались, я с его благословения осталась с ним в Суре в числе очень немногих его спутников и могла спокойно с ним поговорить. На мой вопрос, какой образ жизни мне избрать, отец Иоанн между прочим сказал: «Ты имеешь пишущую руку, делись своим талантом!»

Я не знала, каким образом я могла делиться, когда раньше, кроме писем к родным и друзьям, никогда ничего не писала, но этот вопрос вскоре сам разрешился совершенно помимо моего ожидания. В числе новых знакомых, приобретенных мною во время путешествия в Суру, был и редактор журнала «Русский паломник», которому я, как и некоторым другим, описала свое путешествие с отцом Иоанном из Суры до Горицкого монастыря², нисколько не подозревая, чтобы мое письмо могло быть напечатано, — и немало была удивлена, когда почти целиком прочитала его в «Русском паломнике»³. Слава Богу, оно многим очень понравилось, что видно было по одобрительным письмам, полученным мною из разных мест России, но что всего дороже — от самого отца Иоанна я потом получила относительно этого письма самый теплый и лестный отзыв. Второй и третий

мои рассказы — поездка в Горицкие киноии и петербургские воспоминания — были написаны мною собственно для себя, — я записывала все, что видела и чувствовала для того, чтобы на всю жизнь сохранить воспоминание о самых светлых и счастливых днях моей жизни, вовсе не думая их издавать, и только по просьбе своих друзей, которые убедили меня поделиться своими воспоминаниями с почитателями отца Иоанна, и ввиду радушно принятых в печати моих писем, я решилась собрать свои рассказы в одно целое, чтобы по возможности ничто из жизни этого светоча любви, веры и молитвы не предалось забвению.

Не найдет благосклонный читатель в этих рассказах ни одного слова вымышленного, потому что все это писала не голова и рука, а поистине сердце, полное благоговения и беззаветной преданности и благодарности к мощному молитвеннику пред Богом за нас грешных — отцу Иоанну. Если кто осудит меня за излишние подробности, то пусть имеют в виду, что все это было писано не для читающей публики, а для самой себя, не подозревая даже, чтобы все это могло появиться в печати. Если же некоторые мысли или описание чего-либо понравится кому-нибудь, то опять прошу, пусть они не приписывают этого ни моему уму, ни познаниям, — все Господь вложил мне в сердце по молитве отца Иоанна, который, видно, недаром нередко возлагал мне на голову свою руку и как бы молился за меня, а его молитва пред Богом сильна и может сделать неразумных — мудрыми и безнадежно больных — здоровыми.

Александра Нарцизова

Из письма к редактору «Русского паломника»

Сама не знаю почему, но какое-то непреодолимое желание заставляет меня поделиться с вами мыслями, которые не оставляют меня ни на минуту.

Не подозревала я, что окажусь единственной представительницей от Ярославля на освящении храма отца Иоанна в Суре. 15 июля я рассталась (телом, но не духом) с ангелом хранителем каждого шага моей жизни, но и до сих пор нахожусь под сильным, неотразимым и самым благотворным впечатлением всего пережитого мною за последнее время. Не знаю, как и благодарить Бога, что Он привел меня к отцу Иоанну, мыслью о котором я только

и жила с лишком пять лет. Правду сказать, многие меня смущали относительно этой дороги, и я поехала до последней степени расстроенная и огорченная; но меня поддерживала крепкая вера, что так или иначе я увижу отца Иоанна, и надеялась, что он успокоит меня и покажет путь, по которому бы я могла идти. Господь видел мое искреннее желание и дал мне гораздо более, чем я ожидала. Вы сами были свидетелем, как принял меня отец Иоанн и с какою истинною отеческой любовью все время ко мне относился; и я вполне чувствовала, что и сотовой доли не стоила того внимания, каким он меня окружал; но когда вы все уехали, он стал ко мне еще в более близкое отношение, приняв меня в число духовных своих дочерей и удостоив меня принятия Святых Таин. Не могу выразить словами того чувства, с которым я принимала Святое Тело и Кровь Христовы из его рук. Его живая, горячая молитва меня, даже глухую, всецело так охватила и унесла куда-то далеко, далеко, в вышину, что я, по совести говорю, право не знаю, где тогда была, на земле или на небе. Да и каждое богослужение, совершаемое отцом Иоанном, уносило мою душу с земли.

Но недолго мне пришлось так блаженствовать. 4 июля во втором часу дня отец Иоанн покинул Суру, а с ним и мы все. Смерть не хотелось мне расставаться с этим благословенным уголком, где все, каждая былинка мне говорила о присутствии и трудах великого избранника Божия. Хозяевами парохода были г-жи Макаровы и г-жа Шольц. В 9 часов вечера остановились в Веркольском монастыре⁴. Отец Иоанн с пристани прямо поехал в собор; отслушав молебен и поклонившись мощам праведного Артемия, он зашел в настоятельские келии, где ему и нам всем предложен был ужин; за отсутствием настоятеля отца архимандрита Виталия⁵, отец Иоанн сам был радушным и внимательным хозяином. На другой день утром остановились в Пиринемском приходе, в восьмидесяти верстах от Веркольского монастыря, на левом берегу реки Пинеги. Высоко на горе стоит убогая деревянная церковь, под ней, говорит предание, погребено тело Параскевы, родной сестры святого праведного Артемия⁶. Отец Иоанн попросил отслужить по ней панихиду, после которой горячо припал головой к гробнице и несколько минут, видимо, всем своим существом был погружен в молитву. Глядя на его пламенную молитву, и мы горячо помолились пред этой убогой, простой, деревянной, самой грубой работы и даже неокра-

шенной гробницею, которой украшение составляла небольшая, самого скромного вида пелена, лежащая посредине. Когда мы поехали далее, то вскоре пароход сел на мель. Более часа все пассажиры из мужчин и рабочие бились, стараясь снять его с мели, но все было напрасно: пароход еще глубже ушел в песок. Видя это, отец Иоанн тоже взялся за багор и стал помогать трудящимся. Не прошло и десяти минут после этого, как пароход тронулся и пошел сначала тихо, а потом все свободнее и свободнее, и уже более не останавливался.

6 июля приехали в Архангельск, и Е.Е. Шольц пригласила нас всех у нее остановиться. Добрая душа г-жи Шольц сияла счастьем, что имеет опять возможность принимать у себя дорогого Батюшку. Устройство ее дома мне очень понравилось, а сад, по его живописности, я назвала архангельским Петергофом.

7 июля в 7 часов вечера отец Иоанн выехал из Архангельска. Весь берег был усеян народом, и два парохода с публикой долго его провожали. Счастливо было для меня путешествие в Суру; но обратный путь был поистине царским путем, потому что освящался личным присутствием великого светильника Божия, имя которого свято чтит вся православная Русь, что я видела своими глазами, на каждом шагу. Только горячо любимого Царя народ может так неподдельно и искренно встречать, как он встречал и провожал везде отца Иоанна. Где бы пароход ни приставал, везде, точно из земли, являлись мгновенно толпы народа и стремились к Батюшке за благословением. Но особенно, до глубины души, тронула меня встреча, устроенная отцу Иоанну в одном селении (Красноборск). Когда пароход в 10 часов вечера остановился у пристани, то все береговые жители, и здоровые и больные, спешили на рубку парохода к Батюшке. После первого свистка все удалились, и на берегу образовалась громадная масса народа. Вдруг вся толпа точно замерла, все сняли шапки: я спрашиваю окружающих, что это значит, и мне отвечают: весь народ хором поет «Слава в вышних Богу, и на земли мир»¹⁾. Взглянула я на отца Иоанна: он, стоя на рубке со шляпой в руке, был видимо погружен в молитву, а лицо его, озаренное вечерней зарей и одухотворенное молитвой, было поистине, как у Ангела Божия, дивно прекрасно. Никогда в жизни мне не забыть этого святого выражения его лица. Долго пели и, говорят, очень хорошо и стройно.

¹⁾ Лк. 2, 14. Начало великого славословия, из последования утрени.

Когда пароход тронулся, я в слезах горячо поцеловала его руку, а он точно понял мои мысли, улыбнулся и прижал мою голову к себе. 8 июля он пил у меня чай в каюте (в 1-м классе). Не умею выразить словами, как я была этому рада душой! Поговорила с ним. После чаю он вышел на рубку и, севши, начал вслух читать Евангелие. Все его обступили, а я села в ногах у Батюшки, и хотя голоса его не слышала, но не спускала глаз с его уст, и каждое произносимое им слово чутко отзывалось у меня в сердце. И как я тогда горячо желала, чтобы эти счастливые минуты продолжались как можно долее, хоть бы целую жизнь, — так дорого быть у ног отца Иоанна.

9 июля по причине мелей пароход то и дело останавливался; пришлось багаж и весь 3-й класс перевести на баржу. 10 июля приехали в Устюг: тут нам сказали, что пароходов дальше нет, надо ехать на лодке или на лошадях. Не зная, как поступить, я обратилась к Батюшке для разрешения этого вопроса, и что же? Он взял меня с собой, сказав, чтобы отец Геннадий ехал со мной⁷. Так мы и сделали, взяли вместе тройку, и пока отец Геннадий возился с лошадьми да багажом, Батюшка уже целый час, как укатил. Пришлось его догонять, но не легкое это было дело. Лошади долго шли шагом, а меня ямщик не слушался, когда я его просила ехать шибче. Между тем отец Иоанн мчался быстро, останавливаясь только для перемены лошадей, да с лишком на 6 часов и опередил нас, — и не остановись он в Тотьме для служения, так бы нам его и не поймать.

Он приехал в Тотьму 11 июля в 10 часов вечера, а мы явились только в 5 часов утра 12 числа. Прямо с дороги я побежала в монастырь: вхожу в церковь, а там отец Иоанн уже служит утрению. И как же я искренно благодарила Бога, что наконец-то его догнала.

После обедни мы уже все, на пяти тройках, с отцом Иоанном во главе, вихрем полетели далее. Я только и молила отца Геннадия не отставать, и, слава Богу, больше мы уже не отставали. Только тут отдохнула у меня душа: и я не могла видеть без слез радости катившуюся предо мной кибитку. Почти всю дорогу я не спускала с нее глаз. Что за чудные места мы проезжали! Глядя на окружавшие меня окрестности, я невольно удивлялась и думала, как премудр Господь в Своем творении и как Он щедро наделил природу матушки-Руси поистине дивной красотой, — не надо, право, и в Швейцарию ехать.

13 июля утром остановились в Кадникове. Отец Иоанн прямо с дороги поехал в церковь служить заутреню и обедню, следом за ним и я туда же отправилась. Затем в 3 часа мы были уже в Вологде и, промчавшись почти чрез весь город, остановились у Волковых⁸. Трудно описать, что тогда произошло. Весть, что отец Иоанн приехал, как молния облетела город, и в несколько минут вся улица перед домом была залита народом, не расходившимся до тех пор, пока Батюшка не уехал с визитами. Поздно вечером он вернулся утомленный и еще несколько раз молился за больных, которые до глубокой ночи не расходились из дому.

14 июля чем свет прилетела из Горицкого монастыря мать Иоанна, мой задушевный друг, которая привезла большой удобный экипаж для отца Иоанна (и меня с собой увлекла погостить в Горицы). После обедни Батюшка выехал из Вологды, и меня до слез тронула горячая преданность вологжан отцу Иоанну. Едва не вся Вологда стояла шпалерами по всем улицам следования отца Иоанна, а потом рекой текла за ним. И еще долго-долго целая вереница экипажей провожала его. По дороге мы заехали в Заоникиеву пустынь⁹ к архимандриту Серафиму, тоже моему старому знакомому; у него обедали и чай пили. Батюшка у него отдохнул. Вскоре по правой стороне дороги, вдали, открылось знаменитое в древности озеро Кубенское, которое тянется на целых шестьдесят верст; на противоположной стороне озера то и дело виднеются церкви и монастыри, в которых, как мне говорили, почти везде покоятся мощи святых русских отшельников, удалявшихся в древности от молвы и славы людской в непроходимые дебри лесные Вологодской и Новгородской губерний. Тут мы въехали в большое село, носящее название тоже Кубенское, которое скорее похоже на город, чем на село, с двумя великолепными старинными храмами; там отца Иоанна встретила несметная масса народа, все просили его благословения, и он, пока перекладывали лошадей, стоя на крыльце станции, под горячими лучами солнца более часу благословлял народ: многие плакали от радости, что Бог привел им получить благословение дорогого для всех отца Иоанна.

Поздно вечером остановились в небольшой деревеньке Гора: в одной крестьянской избе отец Иоанн несколько минут отдыхал и чай пил. Тут одна крестьянка привела к отцу Иоанну своего сына лет семи или восьми, совершенно безумного, так что данный ему сладкий сухарь он не умел в рот положить, и со слезами

на коленях умоляла помолиться и помочь ее сыну. Отец Иоанн, держа ребенка в коленях, обеими руками его обнял, и видимо всем сердцем горячо молился, прикинув своей головой к его голове, потом вдруг выпустил ребенка и только сказал: «Матери вы, матери!» Нужно было видеть, с каким глубоким состраданием и нежной любовью к несчастному мальчику были произнесены эти слова; мать еще больше стала просить, но он опять только и повторил слова, покачивая головой: «Матери вы, матери!» Видно, что по нелицеприятному правосудию Божию за грехи родителей наказание несут даже и дети их.

В 3 часа ночи приехали в Горицы. Еще за четыре версты раздался, точно в Пасху, звон монастырских колоколов, которым встречали монахини глубоко чтимого ими отца Иоанна. Когда же он въехал в монастырь, восторг и радость монахинь были неопишуты: все крестились, обнимались и плакали от радости, и напереерыв старались, если не поцеловать его руку, то хотя бы взглянуть на него. В 7 часов Батюшка служил утреню и обедню, после которой почти всех причастил. Исповедь была общая, за которой отец Иоанн долго говорил, и мне передавали, что каждое слово его, в его теплой, задушевной, проникнутой живою верою в Бога речи, глубоко врезалось в души всех, кто его слушал. Вся церковь (большой соборный храм был битком набит¹⁰) плакала. После обедни у доброй старушки-игуменьи был чай и обед, за которым она не знала, чем лучше и угостить дорогого гостя. Во время обеда пели вместе три хора монахинь. Потом отец Иоанн ездил с игуменьей в Кириллов монастырь¹¹ и Микулино¹². Тут мне пришлось расстаться с моим родимым Батюшкой, горько я заплакала... Легче бы, мне кажется, с жизнью расстаться, чем с ним... Несколько раз он меня обнял, благословил и в утешенье написал мне: «Увидимся через год» (этим словом я теперь только и живу).

В 7 часов вечера он выехал в Череповец, а я осталась в Горицах и думала погостить там до осени, так как с доброй игуменьей и ее келейными я была близко знакома, но 23 июля меня внезапно вызвали в Ярославль; я полетела домой и как раз попала на похороны.

Теперь, передумывая обо всем мною пережитом, я вполне сознаю и чувствую, что это были самые радостные и светлые дни во всей моей жизни. Недаром они с таким трудом мне и дались, и я могу только искренно, от души, сказать вместе с царем

Давидом: *Желание сердца дал еси мне...*¹⁾ и *Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне?*²⁾

Поездка в Горицкие киновии в 1892 году

Слава Богу, минувшим летом 1892 года мне Бог привел еще раз посетить малознакомые, а большинству читающих и совсем неизвестные уголки нашей обширной матушки-Руси.

Третий год я каждое лето езжу в Горицкий женский монастырь (Новгородской губернии Кирилловского уезда), этот рассадник общежительных женских монастырей в России¹³; он привлекает меня своею древностию, будучи основан в 1544 году дядей Иоанна Грозного, удельным князем Андреем Старицким и женой его Евфросинией, и есть предание, что Иоанн Грозный заточил в этот монастырь впоследствии основательницу его княгиню Евфросинию вместе с ее племянницей Иульянией, и через шесть лет после заточения приказал утопить их в мимотекущей реке Шексне; тела их потом были вынуты из воды и погребены под алтарем теплой церкви¹⁴. Устав Горицкого монастыря отличается строгим исполнением общежития, неопустительным и благоговейным исполнением всех церковных служб, а главное — чистою жизнью монахинь, этих истинных тружениц, тайных для мира и ведомых только Богу. Вглядываясь глубже в их слишком незатейливый, но исполненный страха Божия образ жизни, начиная от игуменьи и кончая последней послушницей, великий урок нахожу я для себя в их примере.

Но мне до сих пор не приходилось видеть так называемые «Горицкие киновии¹⁵», которых у Гориц три. В них-то в прошлое лето привелось мне побывать, да еще, в придачу, встретиться и провести в путешествии два дня с дорогим и глубокочтимым всем почти христианским миром отцом Иоанном Кронштадтским, за что я от всего сердца благодарю Бога.

30 июня мне телеграфировали из Архангельска, что отец Иоанн уже выехал оттуда. В тот же день я поехала в Москву по своим делам. Окончив эти дела, 2 июля утром я вернулась в Ярославль, и, не останавливаясь, прямо проехала с вокзала на пароход, а в 4 часа была уже в Рыбинске. Там, не теряя ни минуты, перебралась на Милютинский пароход и как раз попала к

¹³ Ср.: Пс. 20, 3.

²⁾ Пс. 115, 3.

самому отходу его на Шексну (следующей пароход пошел бы еще через два дня).

4 июля я приехала в Горицы, где встретили меня с искренним радушием. Через два дня, когда я достаточно отдохнула, мне предложили съездить на Фетиньино и на остров к преподобному Зосиме, Ворбозомскому чудотворцу¹⁶. С радостью я приняла это предложение. Добрая игуменья дала мне экипаж, а в провожаемые — мою неизменную спутницу во всех горицких путешествиях, мать Маврикию. Чудная эта старица, ребенком мать привела ее с собою в Горицы, и с тех пор она почти безвыходно живет уже 60 лет тут; с детской наивностью она меня иногда спрашивает: «Что такое мирская жизнь? Я ведь о ней и понятия не имею». 14 верст мы ехали туда точно непрерывным парком, который с трех сторон подходит к самому скиту, и только подъехавши почти к воротам, я увидела из-за невысокой деревянной ограды огромную церковь. Привратница, увидевши своих, сейчас отперла нам калитку. Не без особого чувства благоговения вступила я, в первый раз в жизни, в женский скит, где живет 60 монахинь, совершенно удаленных на несколько верст от всякого жилья человеческого. За оградой только и живут священник и сторож со своими семьями. Так как лодка была уже готова, то мы, пригласив с собой священника и захватив клирошанок, поехали к преподобному Зосиме.

Три версты ехали мы по гладкому как зеркало озеру, и как оно живописно! Широкое как море, оно расстилается бесконечною скатертью кругом, и на нем разбросаны, точно букеты из цветов, 14 островов, большею частию сенокосных. На главном острове стоит каменная небольшая церковь. Выйдя из лодки, мы прямо прошли в церковь, где по моей просьбе священник отслужил молебен преподобному Зосиме. Благоговейное служение скромного монастырского священника произвело на меня самое благотворное впечатление: горячо я помолилась у раки преподобного, но грустное чувство возбудила во мне бедность как самой раки, так и всей церкви¹⁷. В ней пять престолов и только на одном имеется утварь, и то оловянная, от древности истертая и даже изломанная (только в самое последнее время на собранные от разных лиц деньги там устроена полная на престольная утварь, вся серебряновызолоченная, прекрасной работы); стены голые, во всей церкви находится только несколько образов, и те темные, старинного письма, даже без окладов. Такого убожества я еще нигде не видывала. Главный престол в холодной

церкви посвящен Благовещению Божией Матери; правый придел — Иоанну Богослову, левый — преподобному Зосиме; тут же у амвона почивают его мощи под спудом. В трапезной церкви, отделяющейся от холодной только дверью, по правую сторону устроен придел Рождества Христова, а по левую — святителя Николая Чудотворца. Тут же на полу, у придела, мне показывали часть кости, толщиной в обхват человека и вышиной около аршина, какого-то морского животного, которую, говорит предание, принес сюда сам преподобный Зосима, бывши еще помором. Искренно я помолилась в этом древнем, но по своему малодоступному положению забытом храме.

Два года тому назад его приписали к Горицкому монастырю, и, благодаря неусыпным заботам игуменьи Нилы¹⁸, он приведен, насколько было возможно, несмотря на бедность, в более приличный вид. Выйдя из церкви, мы прошли в только еще отстраивающийся деревянный дом с келиями для будущих отшельниц; теперь же в нем живут три пожилые монахини, которые ходят за лошадью и телятами; последних привезли сюда с Фетиньино целое стадо.

Осмотревши дом, очень удобно и практично устроенный, я вышла на улицу, где увидела человек 30 монахинь, очень усердно занятых уборкой сена. Идя по берегу, я была изумлена множеством земляники, которой тут растет видимо-невидимо. Налакомившись и набравши с собою этих чудных ягод, мы в той же лодке возвратились в Фетиньино, где нас ждала прекрасная уха из язей (озеро Ворбозомское изобилует разной рыбой) и чай. Мне очень хотелось осмотреть тут церковь, и добрые монахини отперли ее: как я была рада, что они исполнили мое желание. Самое радостное и какое-то теплое впечатление произвел на меня этот скромный, но вполне благолепный храм Божий. Он невысок, но устроен так уютно, с хорами, и везде такая образцовая чистота и порядок, что невольно душа располагалась к молитве. В храме три придела. Главный находится как бы в глубине, чем напоминает расположение храма отца Иоанна в Суре во имя святого Николая Чудотворца; приделы же несколько выступают: правый — святого великомученика Феодора Стратилата, левый — святой Марии Магдалины: пред ее чудотворным образом теплится неугасимая лампада. Еще в 30-х годах¹⁾ тут стояла

¹⁾ XIX в.

только часовня (она и теперь цела) и маленький домик, в котором жило несколько отшельниц, в полном уединении обрабатывавших небольшой лоскут земли. Игуменья Маврикия, известная строгой и праведной своей жизнью, устроила на этом месте скит, ввела правильное общежитие и поставила деревянную церковь, которая, к несчастью, скоро сгорела¹⁹; несчастные монахини, застигнутые ночью пожаром, не только ничего не могли спасти, но едва и сами не сгорели. Оставшись без крова, они все-таки не желали расстаться со своим любимым уединением; кое-как, приютившись в одном уцелевшем домике, они только все молились и плакали, и Господь скоро услышал их молитвы. Одна петербургская дама приняла в Горицах пострижение²⁰ и устроила на Фетиньиной прекрасную каменную церковь, которая и теперь красуется во славу Божию на радость и утешение отшельниц, всецело посвятивших себя Богу и трудам. Из церкви я прошла на деревянную колокольню, где двенадцатилетняя девочка — клирошанка (она же и звонарь), внучка старшей монахини, — принялась трезвонить для меня (благо что на несколько верст кругом нет жилья человеческого, так что некого пугать неурочным звоном). Ловко перебирая руками веревки, она в то же время нажимала ногой доску, к которой также были привязаны веревки от языков, и колокола дружно и в такт повиновались маленькой командирше, которая управлялась с их пудовыми языками как с игрушками.

Тут я была поражена удивительным явлением: будучи совершенно глуха, я, одному Богу известно почему, во второй раз в жизни ясно чувствовала колокольный звон. Живо я тут вспомнила полуслепого звонаря Ивана Ивановича, который в счастливые для меня дни житья в Суре, настраивая колокола, с утра до ночи трезвонил. К нему я, с позволения отца Иоанна, взбиралась на колокольню, и хотя ушами ничего почти не слышала, но всем своим существом не только звон, но и переливы колоколов ясно чувствовала. И я была просто в восторге от этого истинного для меня дива — ведь с лишком 27 лет я ничего подобного не слышала. Теперь же, во второй раз, я ясно чувствовала звон, хотя здешние колокола и количеством и весом много уступают сурским.

Поблагодарив маленького управителя стольких языков, я сошла вниз и все келии посетила; везде чисто и просто, истинно по-иночески, и в каждой каморке висит карточка дорогого для всех батюшки отца Иоанна. Монахинь в ските в то время было

не много: одни в поле работали, другие рыбу ловили, третьи прошлогоднюю рожь тут же сушили. Свободных было мало, и я пошла было с ними в лес, находившийся тут же за оградой; в это время ударили к вечерне, и мои спутницы повернули назад, пришлось и мне последовать их примеру. Еще раз зашла я в церковь; все монахини чинно стояли по своим местам, клирос был полн клирошанок, но посторонних ни души не было. Помолившись, я вышла из церкви; тут нас с м. Маврикией ждали лошади, и мы отправились обратно в Горицы; на душе было так радостно и покойно от всего виденного. Ведь вот, и в наше время есть отшельницы, которые ради Бога все оставили в мире, ни во что вменивши земные радости...

Чудная была наша дорога, ехали точно непрерывным садом. По обеим сторонам дороги лес, рощи, лужайки, покрытые цветами; глядя на все это, я невольно задумалась: какой великий пример повиновения дает нам природа в своих произведениях! Каждому деревцу, травке, цветку Господь дал свою форму и начертал меру развития, и они в каком изумительном порядке, как стройно и прекрасно растут и развиваются, ни на одну иоту не уклоняясь от порядка, предначертанного для них Создателем. Один только человек, созданный *по образу и подобию Божию*¹⁾, одаренный разумом и свободной волей, по природе своей направленной к добру, своим своенравием и жестким бессердечием к ближнему, которого Христос велит каждому *любить, как самого себя*²⁾, исказил, обезобразил свой нравственный облик до неузнаваемости, так что над многими исполняются слова псалмопевца: *приложися скотом несмысленным и уподобися им*³⁾. Потому-то люди с благородной нравственностью и теплой бескорыстной любовью, которую они выражают не столько словом, сколько делом к ближнему, так дороги всем, и как звездочки сияют они на нашей грешной земле; дай только, Господи, чтобы их побольше было у нас! В таких думах я и не заметила, как пролетели 14 верст.

Поздно приехали мы в монастырь, где нас ждала мой дорогой друг м. Иоанна за чаем. До полуночи почти мы провели с ней время в тихой беседе о нашем дорогом светильнике Божиим отце Иоанне, которого со дня на день ждали в Горицах.

¹⁾ Ср.: Быт. 1, 26, 27.

²⁾ Ср.: Мф. 19, 19.

³⁾ Пс. 48, 13, 21.

На другой день, только что стали мы собираться ко всенощной, как ударили в набат. За стенами монастыря расположен маленький посад, и в нем вследствие неосторожности вспыхнул пожар. Добрая игуменья всех монахинь отправила на место бедствия с пожарной трубой. Точно птицы небесные полетели они туда, почти каждая с ведерком. Я тоже побежала и увидела горящие овины; почти все жители были в поле на работе, дома остались только старые да малые. Обезумевшие от испуга, они только плакали да молились. Пламя сильно разбушевалось, так как ветер дул прямо на посад, и у нескольких домов соломенные кровли начали уже дымиться. В это время из ворот монастыря вышло несколько монахинь с образами, в числе которых был и чудотворный образ — Смоленская икона Божией Матери. Неустрашимая монахиня, держа в руках образ, встала прямо против пламени и начала осенять пожарище иконой Богоматери... И дивное дело! Ветер вдруг рванул в противоположенную сторону, и огонь круто повернуло в поле... От изумления и радости совершившегося перед моими глазами чуда, я невольно перекрестилась, и слезы покатались из глаз... Так Царица Небесная Своим чудотворным образом дивно сохранила посад от совершенного истребления; ведь не поверни ветер в поле, от посада не осталось бы, пожалуй, и бревна. Долго еще работали монахини, заливая огонь, и нужно сказать, трудились с полным самоотвержением и изо всех сил. Измученные, они вернулись в монастырь, и несмотря на усталость, сейчас же пошли ко всенощной. Все кончилось благополучно: одному только моему сердечному другу, м. Маврикии, горе приключилось — нося из Шексны в гору воду своим новым, только что купленным железным ведром, она по неосторожности уронила его в огонь, и вместе с овином оно обгорело, но все-таки ей не хотелось расстаться со своей обновкой и потом, вытащив его из угольев, принесла домой в самом плачевном виде. Да еще со мной беда было случилась: таская вместе с другими к реке солому, сбрасываемую с крыш, в одном месте, когда я только что захватила охапку, на меня сверху рухнула целая копна дымившейся соломы и едва не задавила; с трудом выбралась из-под нее.

Раньше я бывала в третьей Горицкой киновии, Микулино, расположенной в двух верстах от монастыря, и мне она чудо как понравилась: на высокой горе стоит большой трехэтажный дом (пожертвованный Горицам рыбинскими благотворителя-

ми Тюменевыми) с прекрасной домовою церковью во имя святого Николая Чудотворца. Там живет 30 монахинь и устроены скотный двор и овчарня. В прошлом, 91 году¹⁾, отец Иоанн был в Микулине, и оно ему очень понравилось: долго он любовался с балкона на живописную холмистую окрестность, покрытую лугами, рощами и лесами на несколько верст, на сколько только может хватить глаз.

8 июля я только что собралась туда идти, как вдруг получена была телеграмма, что отец Иоанн уже едет. Все начали готовиться к Святому Причащению, и эти дни для Гориц были днями поста и молитвы, все приготавливались точно к светлому празднику. В ночь с 10 на 11 июля никто почти и спать не ложился, с минуты на минуту ожидая парохода. Наконец в 9 с половиной часов утра раздался торжественный звон столетних Горицких колоколов...

Весь монастырь точно воскрес от радости... Монахини стройно стали в два ряда от святых ворот до игуменского дома и собора, а я вышла на балкон с игуменьей из ее келий и увидела белый, как лебедь, приближавшийся пароход, а на рубке его, точно Ангел Божий, стоит отец Иоанн и всем радостно кланяется... Не могу выразить словами, что я тогда чувствовала. Слезы радости неудержимо лились из глаз: наконец-то я опять увидела его, мое солнышко, которое только одно освещает и согревает мою жизнь.

С пристани отец Иоанн прямо проехал в собор, где сейчас же и началась заутреня, за которою он, по обыкновению, читал и пел сам. За обедней мне случайно пришлось стоять у южных дверей алтаря, и таким образом мне выпала редкая, счастливая доля видеть служение отца Иоанна перед престолом Господа; что за счастливые и единственные во всей моей жизни минуты я переживала тогда! Видя пламенную, слезную молитву этого истинного служителя Божия пред престолом, его глубокое благоговение к совершаемым Таинствам, — невольно чувствуешь всем своим существом, что претворяемые хлеб и вино суть истинно Тело и Кровь Христовы. В эти минуты как-то отрешаешься от всего земного и видишь перед собою только святой престол и перед ним молящегося отца Иоанна; душа горячо молится, хотя телом в эти минуты и не пошевелишься; и как благотворно действует на

¹⁾ XIX в.

душу такая молитва! Точно воскреснешь после нее, и так молиться можно, кажется, только с отцом Иоанном. После обедни он нас почти всех причастил; исповедь была общая, за которой его задушевная, глубоко проникающая в душу каждого речь рекой текла: и мне передавали, что, слушая отца Иоанна, все плакали (народа было еще более прошлогоднего), но я, кроме говорящего отца Иоанна, никого и ничего не видала. Как я горько тут сожалела, что лишена счастья слышать его, каждое слово которого для меня, право, слаще меда и сота.

Во втором часу дня все кончилось, и отец Иоанн усталый вступил в келии игуменьи, напился чаю и сейчас же уехал, вместе с игуменьей, в Кириллов. Тут мне сказали, что отца Иоанна внезапно вызвали в Петербург и он после обеда уезжает обратно в Рыбинск. Когда он вернулся, я ему и говорю: «Батюшка, возьмите меня с собой на пароход, мне необходимо вернуться в Ярославль». Он обнял мою голову и, разумеется, взял меня, и как я была этому рада! Тут сели за стол, во время которого опять пели все три хора монахинь. Отец Иоанн сам выбрал песнопения, и первую пропета была умилительная молитва к Пресвятой Богородице: «Кто Тебе не ублажит...»²¹ Добрая игуменья, чуть живая, забыв свои недуги, сияла радостью, что Господь опять принес к ним отца Иоанна.

До глубины души тронули меня проводы Горицами отца Иоанна. Звон так торжественно гудел, что даже земля под ногами дрожала. Весь берег был залит народом и монахинями, и я дивилась, откуда в таком сравнительно пустынном месте явилась такая масса народа? Когда пароход тронулся, все почти монахини стеной двинулись по берегу за пароходом, так было всем дорого каждое лишнее мгновение видеть этого великого молитвенника перед Богом за нас грешных. И еще долго монахини бежали за пароходом. Как на грех, на дороге то и дело встречались изгороди, которые они быстро разбирали или перелезали. Отец Иоанн весело улыбался, глядя на их работу, и сначала шляпой, а потом белым флагом махал им крестообразно. Наконец и самые неутомимые отстали и до земли ему поклонились, отец Иоанн благословил их и тоже им поклонился. И еще долго он смотрел на удаляющийся монастырь, как бы молясь и внутренне призывая на него Божие благословение. Пароход был нанят специально для отца Иоанна, и поэтому, кроме спутников его, никаких других пассажиров на пароходе не было. И тут-то началось мое блаженство: я с ним разговаривала, высказав ему почти все, чем

душа была занята и болела, и на все получала ответ. И с какой истинной отеческой любовью и вниманием он относился ко мне! Каждая минута тут была для меня жизнью и дороже целых годов жизни без него. Наконец, получив от него благословение, со спокойной совестью и с душой, переполненной утешением, я ушла в каюту. Уснуть, однако, я не могла всю ночь: радостная мысль, что и отец Иоанн тут же за стенкой находится, прогоняла сон.

В 2 часа ночи пароход прибыл в Череповец, но чтобы не беспокоить Батюшку, остановился среди реки и только в шестом часу утра тихо подошел к пристани. Я скорей отправилась в церковь, куда и отец Иоанн приехал, но с трудом и только благодаря одному из спутников отца Иоанна мне удалось пробраться в церковь, которая была битком набита народом. После обедни отец Иоанн вернулся на пароход. Казалось, весь город собрался на берег провожать отца Иоанна, и все было залито яркими лучами солнца.

Череповец живописно расположен в зелени по горе; светло, радостно было смотреть на все это, и сам отец Иоанн весело и с видимым удовольствием любовался на эту праздничную живую картину. В жителях Череповца я заметила дорогую и прекрасную черту — это теплое участие делом к нуждающимся и больным.

Долго мы еще любовались этим живописным уголком; наконец через несколько поворотов реки город скрылся из глаз. Веселая река Шексна, кажется, и полуверсты не течет в прямом направлении, а все изгибается зигзагами, за каждым почти поворотом представляя новый ландшафт. Как весь этот день был для меня счастлив и радостен! Сидя на рубке, я почти все время была с отцом Иоанном, несколько раз он сам подходил ко мне. Подойдет бывало, посидит, приласкает меня, что спрошу, на все ответит и опять отойдет; а раз дал мне свой <дневник>, 4-й том²² (эта книга, по глубокому ее смыслу, неоценима, в ней на все вопросы жизни найдешь мудрый и ясный ответ и совет), и сделал на нем самую дорогую для меня надпись. Вечером отец Иоанн служил на палубе общий молебен с водосвятием; все служащие парохода горячо молились вместе с отцом Иоанном.

Тут чудное обстоятельство случилось со мной. С утра у меня почему-то разболелась правая нога, к вечеру боль усилилась, ступня распухла, как бревно. Испугавшись этой внезапной болезни, я сказала о ней одному из спутников отца Иоанна, но он только и мог посоветовать, чтобы я, приехавши в Ярославль, скорей

обратилась к доктору, потому что болезнь опасна. А я подумала: уж лучше я обращусь к своему безмездному¹⁾ врачу и с трудом от сильной боли поднялась на рубку. Там, показывая отцу Иоанну больную ногу, я говорю: «Батюшка, нога у меня сильно разболелась, что мне делать?» А он только слегка потрепал больное место и отошел. Представьте же мое удивление: боль мгновенно исчезла, так что мне даже самой не верилось, что сейчас у меня нога так сильно болела. Через несколько минут из ступни хлынула вода, тем все и кончилось. Только небольшой шрам, оставшийся до сих пор, свидетельствует, что нога действительно болела. Этот случай напомнил мне такой же почти случай, бывший со мной в прошлом году. Когда отец Иоанн возвращался из Архангельска, то от Устюга до Вологды нам пришлось трое суток ехать на почтовых²³. От постоянной тряски у меня страшно разболелась голова. Когда мы подъезжали к последней станции, то от нестерпимой боли я впала в какое-то полусознательное состояние и только думала: Господи, скоро ли приедем на станцию? Попрошу там Батюшку положить мне свою руку на голову. Подъехавши к станционному дому, отец Иоанн быстро вышел из кибитки, народ разом бросился к крыльцу, и я с трудом пробралась на станцию. Когда я вошла в комнату, отец Иоанн смотрел в окно. Не успела я рта раскрыть для просьбы, как он быстро обратился ко мне, взял мою голову и сильно потряс ее, — это меня так поразило, что я, забыв, зачем пришла, вместо просьбы говорю ему: «Батюшка, смерть меня растрясло», — а он опять потряс у меня голову, тут я вспомнила, зачем пришла, и сказала ему: «За тем я и пришла к вам, чтобы попросить вас свою руку положить мне на голову, сильно она разболелась». А он только на это улыбнулся. И что же? Боль сразу исчезла, так что, когда через три часа мы приехали в Вологду, то я не только боли, но даже и утомления почти не чувствовала. Так сильно одно прикосновение руки человека, всем своим существом преданного Богу, — к тем, однако, кто с искренним доверием к нему относится.

Рада я была, что моя нога выздоровела по молитве отца Иоанна, но поделиться своей радостью ни с кем уже не успела, так как пришлось проститься тут с отцом Иоанном. Залилась я слезами, горячо прикинувшись к его руке, и искренно, от души сказала ему: «Право же, Батюшка, легче с жизнью проститься, чем

¹⁾ Безмездный (*устар.*) — даровой, бесплатный.

с вами!» Обеими руками обнял он мою голову и как бы молился надо мной, а я одного желала, чтобы молитвами отца Иоанна Господь вразумил меня и дал мне возможность жить с пользой для людей. Не доезжая Рыбинска, встретил нас полицейский пароход. Отец Иоанн перешел на него, а потом его перевели на паровую шлюпку, которую конвоировало четыре парохода.

С того момента, как образ отца Иоанна скрылся из моих глаз, я сразу почувствовала себя осиротелой: никого и ничего я уже не видела, ушла на рубку и глаз не спускала с красного и синего огоньков шлюпки, которые, казалось, тонули в широком раздолье Волги, потому что у этих огоньков находилась вся моя жизнь. Вскоре шлюпка скрылась между барок, и на берегу, как потом мне рассказывали, из опасения, чтобы на пристани по причине темноты отца Иоанна не раздавили, ждала его карета. Через несколько минут остановились у пристани и мы. Утром мне сказали, что отец Иоанн служит в женском монастыре²⁴, я скорей отправилась туда. Рыбинцы, видимо, не знали, где он служит, и потому в церковь свободно можно было пройти. Слава Богу, стоя у амвона, я близко и ясно видела служение отца Иоанна и всей душой молилась, чтобы Господь хранил на всех путях от врагов видимых и невидимых этого воистину избранника Божия и молитвенника за нас грешных.

После обедни отец Иоанн заехал к игуменье. Узнав, где находится отец Иоанн, рыбинцы рекой потекли к монастырю; кто бежал, кто ехал, чтобы получить хотя общее благословение от дорогого для всех Батюшки отца Иоанна. Когда я возвратилась на пароход, то мне нужно было перебраться на Самолетскую пристань, и я стала искать глазами, кого бы попросить перенести мне вещи; заметив это, двое рабочих (что колеса на рубке ворочают, они видели, как внимательно отец Иоанн относился ко мне) вызвались перенести их; я им заметила, что мне и одного рабочего довольно, так как багаж у меня невелик, но они непременно оба хотели нести. Перенеся мои вещи и устроив мне все в каюте, они стали уходить; я хотела дать им на чай, но они наотрез отказались, а только поклонились мне да перекрестились, как бы давая этим понять, что им дорого послужить и тем, кому отец Иоанн оказывал свое внимание. Глядя вслед этим добрым рабочим, маленьким в глазах людей, но большим у Бога, я подумала как бы было хорошо на Руси, если бы хоть пятая часть почитателей отца Иоанна языком, почитали бы его и делом, беря с него живой при-

мер теплой любви к ближнему и обоюдной помощи друг другу! Тогда меньше было бы около нас столь возмутительной нищеты, а вместе с тем и преступлений. Этим только путем, мне кажется, легче и скорее можно достигнуть Царства Небесного, по словам Самого Спасителя, Который говорит: *Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут*¹⁾.

Так кончилось мое нынешнее путешествие с отцом Иоанном, за которое не знаю как благодарить Господа Бога. Светло и радостно было на сердце, когда я возвращалась домой; душа была наполнена каким-то безотчетным миром и покоем: чего она хотела, то сполна и получила. Вот и исполнились слова отца Иоанна. В прошлом году, он, уезжая из Гориц, написал мне в утешение: «Увидимся через год», — и ровно через год мне Бог привел увидаться с ним в тех же самых Горицах. Да и каждое слово отца Иоанна всегда буквально исполняется. Дай только, Господи, чтобы это путешествие мое с ним было не последним для меня.

Петербургские воспоминания

Приехавши в Ярославль из этой счастливой поездки, я с первого же дня по уши ушла в самые разнообразные хлопоты, которые к концу октября Бог помог мне все окончить очень благополучно, и не успела я привести себя в порядок, как 18 ноября получаю из Петербурга от своего искреннего знакомого священника о. М. К. (он, как земляк отца Иоанна, ездил к нему на освящение храма в Суру, и еще на пароходе из Архангельска я с ним познакомилась, и в Суре все вместе были)²⁵ письмо с убедительной просьбой приехать к нему на освящение нового храма при Александро-Невской ремесленной школе²⁶, где он состоит настоятелем. В тот же день я выехала из Ярославля, и 20 ноября была уже у о. М., где вся семья, спасибо — встретила меня с родственным радушием.

21-го числа отправилась ко всенощной в новый храм. При входе в него я была поражена его благолепием, точно невеста Христова он украшен: высокий, светлый, просторный; амвон устроен на целый аршин выше пола всей церкви, и со всех пунктов храма видно священнодействие, что очень важно для молящихся. Иконостас белый, весь покрыт изящной золотой резьбой, иконы живописные, и только местные Спасителя и Божией Матери — в серебряных ризах; особенно замечательна изяществом и кра-

¹⁾ Мф. 5, 7.

сотой корона на голове Богоматери, очертание короны сделано из сплошной бриллиантовой нити, которая рельефно видна и льет целое море огней. Вся церковь с хорами произвела на меня самое радостное и светлое впечатление, действительно, точно невеста она предстоит Христу *в ризах позлащенных*¹⁾. Особенно теплое и благотворное впечатление производит на душу надпись, помещенная в алтаре во всю восточную сторону, — изречение из Евангелия: *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы: возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим...*²⁾ Не могла я налюбоваться на нее. Все принадлежности к освящению престола помещались на столе, который был поставлен среди церкви, перед ним и совершали богослужение. На клиросе поместился хор в 65 человек мальчиков и девочек — питомцев школы. Началась всенощная, и новый храм впервые огласился чистыми детскими голосами... Дети пели с видимым усердием, и некоторые из них были так малы, что почти буквально к ним подходили слова псалма: *Из уст младенцев совершил еси хвалу*³⁾! Всенощную служило несколько священников, и она кончилась в десятом часу. Всю ночь я не могла и минуты уснуть от радостной мысли, что скоро увижу служение отца Иоанна.

22 ноября в 6 часов утра мы отправились в новый храм, куда и отец Иоанн сейчас же приехал; мне Бог привел стать на клиросе, и отец Иоанн, выйдя из алтаря, случайно встал рядом со мной и, раскрыв книги перед моими глазами, стал читать и петь, так что мне в первый раз в жизни совершенно неожиданно пришлось читать каноны заутрени, которые меня поразили своим глубоким и трогательным смыслом; я подумала, как чудно-умилительны песнопения нашей Православной Церкви; и в первый-то раз мне пришлось их узнать из-под руки отца Иоанна! (Он всегда держит палец над теми словами, которые читает.) Господи, и не выразить мне той радости, которую я тогда испытала. После заутрени отец Иоанн, уезжая из школы, случайно зашел в столовую, где все питомцы собрались чай пить; увидя в дверях отца Иоанна, все дети разом ему в ноги поклонились, а отец Иоанн улыбнулся на их искреннее детское усердие и ласково сказал: «Здравствуйте, деточки, здравствуйте, милые!»

¹⁾ Ср.: Пс. 44, 10.

²⁾ Мф. 11, 28, 29.

³⁾ Пс. 8, 3.

А детки ему завопили: «Здравствуйте, Батюшка, благословите!» Благословив их, он уехал, но к девяти часам опять вернулся. Ровно в 9 часов приехал епископ Никандр (викарий Нарвский)²⁷ и началось торжественное освящение храма. Кто не знает этого до глубины души умилительного и трогательного обряда — сердце трепещет от радости, глядя на всю эту чудную церемонию. Пока омывали престол, мы, женщины, стояли в алтаре, и я, стоя подле отца Иоанна, все близко и хорошо видела, что меня несказанно радовало. После коленопреклонной молитвы женщины удалились, и архиерей стал престол святым миром помазывать; потом, засветив из кадила свечу, он ею засветил все свечи и лампы в алтаре, и тут все духовенство и народ с зажженными свечами в руках пошли крестным ходом, в котором отец Иоанн нес храмовую икону святого благоверного князя Александра Невского, в старую церковь, где архиерей взял на дискосе святые мощи, и отправились кругом храма. Когда возвратились на паперть, то перед затворенными дверями храма (куда заранее прошли певчие) архиерей, поставив на приготовленный стол святой дискос с мощами, при пении 23-го псалма, окадив святые мощи, возгласил: *Возмите врата князи ваша, и возмимся врата вечная: и внидет Царь славы!* А певчие из церкви как бы из другого мира, спросили: *Кто есть Царь славы?* Владыко при словах: *Господь сил, Той есть Царь славы!*¹⁾ высоко поднял святой дискос с мощами и осенил им крестообразно храм; в эту минуту двери распахнулись, и все с пением вошли в церковь, которая уже вся была залита огнями. Господи, как было светло и радостно тогда! Потом стали храм крестообразно миром помазывать и окроплять святой водой, после чего началась первая в новом храме Литургия, которую совершал архиерей с отцом Иоанном, архимандритом и целым собором священников и диаконов. В конце обедни о. М. произнес проповедь на слова псалма: *Господь воцарися, в лепоту облечется...*²⁾ Он говорил с видимым воодушевлением, доказав, как крайне необходим был этот храм, и от лица Церкви искренно, горячо благодарил всех, кто так или иначе способствовал к его устройению; после него сказал прекрасное поучение архиерей на слова апостола: «*Вы есте храм Божий, и Дух Божий живет в вас*»³⁾. После благодарственного молебна

¹⁾ Пс. 23, 7–8, 10.

²⁾ Пс. 92, 1; прокимен из последования вечерни.

³⁾ 1 Кор. 3, 16.

все направились к обеденному столу, который был устроен в трех залах на 500 человек. Мне пришлось поместиться недалеко от отца Иоанна, и я душой была рада, что Бог опять привел мне быть с ним. За обедом много было тостов и произнесено речей, но отец Иоанн куда-то спешил и, пробыв только до половины обеда, уехал. Без него и мы вскоре отправились к о. М. в дом. Но не долго пришлось отдохнуть: в 6 часов мы опять собрались все в храм ко всенощной, так как 23 ноября был храмовой праздник святого благоверного князя Александра Невского. Так совершилось полное радости и утешения освящение главного престола в храме.

Придел же был еще не готов, и его предполагали освятить в недалеком будущем. Отцу Иоанну очень, говорят, понравился этот храм, и он тогда уже сказал: «Буду и на освящении придела в этом храме». Целую неделю в нем совершали богослужение, и я не могла налюбоваться на этот чудный храм, жаль было и из церкви уйти, когда служба вечером кончалась и последние отблески свечей и лампад замирали в изящной позолоте иконостаса. 11 декабря назначено было упразднение святого престола в старой домово́й церкви. В девятом часу вечера, без народа, о. М. с причтом в полном облачении прошел в алтарь старой церкви, которая была вся погружена в глубокий мрак, и только святой престол был освещен свечами; там был отслужен молебен, после него священник (а за ним и мы все) в последний раз на коленях горячо помолились перед святым престолом, на котором 20 лет приносилась Бескровная Жертва. Потом на дискосе поднял святой антиминс со святыми мощами на голову и при пении тропаря: «Иже во всем мире мученик Твоих...»²⁸ торжественно перенес в новый храм (на другой день он их увез в Александро-Невскую Лавру), который с раскрытыми Царскими вратами был заранее освящен, и положил их на престоле. Потом, вернувшись, своими руками снял одежды с престола и жертвенника и также перенес их в новую церковь, поместив на месте будущего придела; на место, уже где был святой престол, сейчас поставили образ двенадцатых праздников в большом киоте. В первый раз в жизни я видела церемонию упразднения престола, которая произвела на меня глубокое и неизгладимое впечатление: живо мне представилась заутреня Великой Субботы — когда мы совершаем воспоминание погребения Спасителя, с тем, чтобы завтра светло праздновать Его воскресение.

13 декабря мне опять пришлось быть на обеде с отцом Иоанном у одних знакомых. Два часа я с ним провела, и как мне дороги были эти часы: он весело слушал, что ему говорили, но сам очень мало говорил, видно, что его вдохновенная речь только в храме Божиим рекой льется, зато сколько горячей любви к ближнему светилось в его ясном и пронизательном взоре, и как он резко отличался от всех присутствующих: глядя на него, как-то невольно убеждаешься, что между нами находится действительно *не от мира сего*¹⁾ человек. Я его спросила, можно ли мне ехать в Кронштадт говеть? Он ответил: «Когда угодно приезжай». 15 декабря я уже летела в Ораниенбаум, там нас встретило более сотни извозчиков, большею частию чухонцев; нанявши одного вейку²⁾, я отправилась в Кронштадт морем; еду да крещусь, глядя на невиданное мною сроду зрелище: ехало нас богомольцев бесконечная вереница самых разношерстных, начиная от богачей на рысаках, с меховыми одеялами, до чухонцев с бедняками на чуть живой лошаденке, и всем нам одинаково служил путеводной звездой высокий шпиг с крестом Андреевского собора в Кронштадте. А к нам навстречу двигался такой же непрерывный и разнокалиберный поезд уже возвращавшихся из Кронштадта богомольцев. В первый раз в жизни мне пришлось видеть этот воистину морской крестный ход (который здесь почти каждый день повторяется уже много лет). Вдруг вижу, навстречу нам, поспешая к поезду в Петербург, отец Иоанн летит как стрела в открытой кибитке в две лошади. И каждый-то день несмотря ни на какую погоду, спеша на помощь к страждущим и больным, ездит так этот великий труженик.

На другой день в пятом часу утра я отправилась в собор. Ночь была темная, все небо было усеяно звездами и морозило... Когда я вышла на площадь, то сердце у меня дрогнуло: изо всех улиц, по всем направлениям народ непрерывно бежал к собору и целой массой стоял около часу у запертых дверей. Когда собор отперли, все ринулись в него, и в несколько минут этот громадный храм наполнился молящимися (с грустью замечу, что нас, приезжих, иногда за тысячи верст, жительницы Кронштадта низшего класса бесцеремонно отталкивают назад и тем многих лишают единственного случая видеть отца Иоанна). В 6 часов началась заутреня, и отец Иоанн вышел на клирос, но на мое горе, меня,

¹⁾ Ин. 8, 23.

маленькую и глухую, никто не хотел пропустить вперед к решетке, и я, сжатая со всех сторон, ничего не видела и не слыхала.

18 декабря мне Бог помог пробраться к решетке перед Царскими дверями и видеть служение отца Иоанна... Как я была этому рада. После обедни была общая исповедь: отец Иоанн, прочитав молитвы к исповеди, стал говорить к народу. Что тут было — я не знаю, потому что видела только говорящего отца Иоанна, лицо которого, да и вся внешность, были озарены каким-то неземным и невыразимым величием и вместе светлым и радостным одушевлением. Но невольно обратили мое внимание на себя два господина, стоявшие за решеткой предо мной: один седой, другой молодой, оба изысканно и щегольски одетые; сначала старый отца Иоанна слушал со снисходительным видом, а молодой просто с улыбкой, но по мере продолжения речи отцом Иоанном выражение лиц их делалось серьезным и сосредоточенным, — кончилось тем, что оба они не встали, а прямо упали на колена и навзрыд заплакали, закрывши лицо руками... Так сила слова убеждения отца Иоанна пробудила их совесть. Еще видела, как отец Иоанн, глядя на горячее раскаяние более чем двухтысячной толпы, сам заплакал и со слезами молился...

Потом поднял епитрахиль и ею крестообразно назнаменовал всех. Все упали на колени и заливались слезами. Зрелище было поистине умирительное и потрясающее.

Вот, между прочим, как мне передавали, в каких словах приблизительно отец Иоанн обращается к кающимся и объясняет покаянные молитвы:

«Грешники и грешницы, желающие приступить ко Святым Тайнам, братия и сестры! Приготовились ли вы к восприятию столь великого Таинства? Знаете, что великий ответ несу я пред Престолом Всевышнего, если вы приступите не подготовившись. Знайте, что вы каетесь не мне, а Самому Господу, Который невидимо присутствует здесь, Тело и Кровь Которого находятся в настоящую минуту на жертвеннике. Слушайте же, братия и сестры, молитву.

(Читается первая покаянная молитва.)

В этой молитве к Богу Отцу, Первому Лицу Пресвятой Троицы, Господу Всеблагому, Всесвятому, Вездесущему, Премудрому, Всесоздавшему, Всемогущему, Всеправляющему, Страшному всякой твари, Святая Церковь молит Господа, чтобы Он даровал помилование кающимся грешникам и грешницам, простил бы

им прегрешения, всякие беззакония, совершенные или по легкомыслию, или по необдуманности, вольно или невольно, простил бы и помиловал бы, как некогда помиловал пророка и царя Давида, тяжко согрешившего пред Богом. Прогуливаясь однажды на террасе своего дворца, он увидел купающуюся очень красивую молодую еврейку, пленился ее красотой, вспылал к ней страстью и пожелал сделать ее своею женою, для чего мужа ее послал на войну и приказал военачальникам поставить его на опасном месте, где его и убили. Но посланный от Бога пророк Нафан стал усиленно и твердо обличать царя Давида в беззаконии, убеждая его раскаяться. Давид наконец сознал свой тяжкий грех, стал искренне и горячо каяться пред Господом и молиться, проливал горькие слезы о своем грехе; тогда Господь услышал вопль сердца его и простил ему грех его¹⁾. Давид до греха имел Святого Духа, Который отступил от него после согрешения, но когда он раскаялся, Дух Божий снова вселился в него и не покидал его до конца дней его. Царь Давид свое сердечное и искреннее сокрушение о грехах выразил в псалмах, в которых благодарил и прославлял Господа. Он оставил после себя книгу — Псалтирь, употребительнейшую в Православной Церкви, а общеизвестный псалом 50-й "Помилуй мя, Боже!" представляет собою прекрасный и незаменимый образец сердечного покаяния. Братия! Царь Давид был человек благочестивый, кроткий, незлобивый, мудрый, имевший дар пророчества, и то согрешил, не уследил за собою. О, как легко согрешить человеку! Нужно быть бдительным к своей душе, нужно всегда следить за собою, обуздывать свои чувства.

Другой царь, Манассия, отпал от Бога и впал в идолопоклонство, занимался волхвованиями, вызыванием духов, был спирит, по-нынешнему, и детей своих учил тому же. Неблагодарный, гордый, презирал народ, любящий Бога, а себялюбивых, подобных себе, ласкал и приближал. Своими беззакониями он прогневал Господа, долготерпение Господне истощилось: во время войны иудеев с ассириянами Манассия был взят в плен, руки и ноги его были закованы в колодки, а в ноздри было продето медное кольцо; в таком позорном виде его провели по Вавилону и бросили в мрачную темницу, где и держали три месяца. И вот, находясь в таком тяжком плену, он опомнился, сознал свои грехи пред

¹⁾ См.: 2 Цар. 11, 2–12, 25.

Господом и свое ничтожество, понял, что он червь, что гордиться ему нечего, потому что пред Господом все равны: всех Бог создал одинаково, создал из одной персти и в персть всех обратит. Манассия начал усердно молиться, каяться, плакать день и ночь о своих заблуждениях; Господь услышал его мольбы и простил его¹⁾. Царь Манассия оставил покаянную молитву²⁾, которая читается Великим постом, на повечерии.

В лице этих двух царей, Давида и Манассии, тяжело согрешивших, Святая Церковь представляет образцы искреннего и сердечно-глубокого покаяния. Господь Бог — Страшный Судия всей земли. Он не посмотрит ни на чье лицо: мужчина или женщина, отрок или отроковица, царь или простолюдин, барин или мужик, генерал или солдат, богатый или бедняк — перед Ним все равны, а смотрит каково упование, какова вера, каковы дела, смотрит на сердце. С людей высоко стоящих, образованных Господь больше взыщет, чем с простолюдинов, хотя не спускает и последним, когда они грешат, пьянствуют или прелюбодействуют. Слушайте, братия и сестры, вторую молитву к Иисусу Христу, Сыну Божию:

(Читается вторая покаянная молитва.)

В этой молитве Святая Церковь молит Первопастыря, чтобы Он, Многомилостивый, простил наши неправды, молит помиловать, избавить нас от вечной муки и простить незаконные намерения, мысли наши и незаконные поступки. Святая Церковь молит Иисуса Христа, Сына Божия, взявшего на Себя грехи всего мира и грядущего со страшною славою судить живых и мертвых, помиловать нас, как двух евангельских должников, которым нечем было заплатить большой долг заимодавцам; как блудницу, которая своими слезами омывала ноги Христа и отирала их своими волосами³⁾. Господь Бог видел ее истинное раскаяние, желание загладить свои грехи и отпустил ее с миром. Так же всем кающимся будет прощение и избавление от вечной муки. Нам дано в жизни очень много времени одуматься, чтобы мы поскорбели, погоревали, поплакали, но люди ленятся, не хотят заботиться о своей душе, не хотят бороться с грехами, которые, как тати и разбойники, врываются в их души, не хотят воевать с ними, отгонять их. Господь Бог делает все для любя-

¹⁾ См.: 4 Цар. 21, 1–18; 2 Пар. 33, 10–13.

²⁾ См.: 2 Пар. 36, 24.

³⁾ См.: Лк. 7, 36–50.

щих Его, а которые дерзко отталкивают десницу Божию — не желают сами себе добра, сами идут на погибель. Без Бога мы и одной секунды существовать не можем: своею жизнью, дыханием, воздухом, которым дышим, светом солнечным, пищею, питием — всем обязаны Христу; мы должны Ему без конца, мы Его неоплатные должники. Господь Бог — Страшный, Праведный Судия, Он не помиловал падших ангелов, возгордившихся против Самого Бога, но осудил их на вечную муку. Мы, грешники, грешим каждую минуту и прогневаем Господа своими грехами. Отчего же нам такое снисхождение? Бог Отец послал в мир Сына Своего возлюбленного, Который принял на Себя грехи всего мира, пострадал за грехи людей, снял с людей проклятие, тяготевшее над ними со времени грехопадения первых человеков, и, вместо сего, даровал благословение. Господь Иисус Христос чрез Свои Крестные страдания избавил нас от вечной муки и таким образом удовлетворил Божественной правде и исполнил всю правду Божию, а это мог сделать только Сын Божий, а не человек. Бог Отец отдал всю власть суда над людьми Иисусу Христу, Господь Иисус Христос дал власть апостолам, а те архиереям и священникам, следовательно, в том числе, и мне, грешному иерею Иоанну, — разрешать кающимся, прощать или не прощать, смотря по тому, искренне каются или нет. Если человек кается искренне, с сокрушением сердечным, то священник разрешает от грехов; наоборот, если человек кается не искренне, бессознательно, то священник не отпускает ему грехи, чтобы он опомнился. Итак, чтобы получить прощение грехов, необходимо каяться горячо, искреннее, сердечно. Что же такое покаяние? Покаяние есть дар Божий, дарованный Богом ради заслуг Сына Своего возлюбленного, исполнившего всю правду Божию. Покаяние есть дар, данный для самоосуждения, самообличения, самоукорения. Покаяние есть твердое и неуклонное намерение оставить прежнюю греховную жизнь, исправиться, обновиться, возлюбить Господа всею душою, примириться с Богом, со своею совестью. Покаяние есть твердое упование, надежда, что Милосердный Господь простит все наши прегрешения. Кто не кается, тот делается врагом Церкви; как гнилые сучки или ветки отпадают от дерева, так и грешники нераскаянные отпадают от Главы Церкви — Христа. Сам Христос есть лоза виноградная, а мы веточки, питающиеся жизнью, соками этой лозы. Раскольники погибают в заблуждении, пашковцы тоже

погибают, погибают и толстовцы, все они грешники нераскаянные: сами гибнут и других влекут на погибель.

Братия и сестры, каетесь ли вы?

Желаете ли исправить свою жизнь?

Сознаете ли свои грехи?

Ленились Богу молиться? пьянствовали? прелюбодействовали? обманывали? клятвопреступничали? богохульствовали? завидовали? хитрили? злобствовали? злословили? воровали?

Да, много, много грехов у вас, братия и сестры, всех их и не перечесать».

(Читается разрешительная молитва.)

После этого отец Иоанн вышел из Царских врат со Святою Чашею в руках и начал почти всех причащать. В этот день я просила, чтобы отца Иоанна попросили ко мне в номер, но он весь день был в Петербурге. 19 декабря была страшная метель, и я не могла даже идти ко всенощной; в девятом часу вечера мне вдруг говорят: «Батюшка приехал!» И не успела я выбежать его встретить, он как Ангел Божий явился ко мне: отслужил молебен, посидел, немного написал — что нужно мне было и, обласкав, уехал. Не выразить словами, как он меня тронул и с каким благоговением я его проводила: ехать к просящим; его не задерживают ни холод, ни вьюга, лишь бы была у него свободная минута.

В тот же вечер приехала из Петербурга моя добрая знакомая О. и остановилась в одном со мной номере. 20 декабря она причащалась; после обедни отец Иоанн посетил ее, отслужил молебен и, по ее просьбе, остался обедать; обе мы всем сердцем были этому рады и, проводив его, отправились на вокзал. Бог привел нас ехать в одном вагоне с отцом Иоанном, и я искренно благодарю за это Бога, и подумала, как ведь Господь близок к нам и видит наши желания: Он видел, как мне в церкви горько было, что народ не пускает меня вперед к решетке и этим лишает меня единственного утешения видеть служение отца Иоанна, вот и дал мне возможность так близко и долго видеть и говорить с ним, и тем воистину оживил мою душу.

Праздник Рождества Христова я провела радостно и покойно в доброй и искренней семье о. М. 31 декабря о. М. говорит мне: «Сегодня к 12 часам пойдем в церковь встретить новый год молебном». Я недоверчиво ему заметила, что едва ли кто пойдет ночью слушать молебен, у всех сегодня гости или сами в гостях, он мне ответил: «А вот мы увидим, этот молебен будет у нас пер-

вый, раньше нельзя было, потому что старая церковь примыкала к спальные воспитанников школы; но в Александро-Невской Лавре и в некоторых церквях Петербурга эти молебны под новый год уже давно существуют». В двенадцатом часу ночи мы отправились в церковь. Представьте же мое удивление, когда, подходя к ней, я увидела, что народ со всех сторон спешит, точно в Пасху, к храму Божию. Вся церковь была залита огнями, и народу столько было, что мы с трудом пробрались на амвон. Смотрю, о. М. стоит на амвоне и говорит поучение на тему: зачем мы, поздравляя друг друга с новым годом, привыкли прибавлять пожелание и нового счастья, и в чем заключается это счастье? И объяснив, что истинное счастье состоит в том, чтобы быть довольными тем, что Бог дал в удел каждому из нас. Его импровизированная речь рекой текла, и нужно было видеть, с каким глубоким вниманием и интересом слушал его народ; без пяти минут в 12 часов кончилось поучение, раскрылись Царские врата, и священник с дьяконом в полном праздничном облачении вышли на амвон, и начался молебен с коленопреклонением. Вся церковь горячо молилась. Во втором часу ночи кончился молебен, и народ начал расходиться; все радостно крестились и поздравляли друг друга с новым годом. Глядя на полное освещение храма, на блестящие облачения священнослужителей и на целое море горячо молящегося народа, я радостно и до глубины души была тронута всем этим зрелищем и от всего сердца благодарила Бога за того, кто дал первую мысль ввести эти молебны³⁰; он своим истинно чутким и благочестивым сердцем очень метко понял благозвучную струну в сердце истинно русского православного человека и дал ей возможность вырваться наружу на этом полуночном молебне. Всякий из нас, начиная какое-либо дело, невольно скажет в душе: «Господи, благослови!» Каждому хочется, чтобы его дело кончилось благополучно, и потому при начале просят благословения Божия. Как же не просить этого благословения в такой важный момент, как начало новолетия? Само Священное Писание учит нас этому, говоря: *Благословиши венец лета благости Твоея*¹⁾, Господи! А так ли мы поступаем большею частию? Именно в этот-то момент у нас и идет, как говорится, столпотворение вавилонское: вино, карты, танцы — вот обычная встреча нового года, с небольшими исключениями. Правда, многие из

¹⁾ Пс. 64, 12.

веселящихся при ударе часов, в глубине души скажут: «Господи, благослови нас на новый год!»

Вот этот-то молитвенный вопль души услышал и понял тот воистину добрый и проницательный человек, и дал возможность всем, кто искренно желает освятить эти важные минуты молитвой, и, слава Богу, этих желающих оказывается масса, которая, говорят в Петербурге, с каждым годом увеличивается. Дай только, Господи, чтобы эти истинно благотворные молебны в 12 часов ночи под новый год скорей распространились и по всей России. Сколько грехов и соблазнов мы избегнем и преклоним Господа на милость к нам грешным, если будем встречать новый год не грешными пирушками, а молитвой в храме Божиим. Правда, я знаю, что церковный день начинается с вечерни предшествующего дня, и новолетие считается не с 1 января, а с 1 сентября, тогда бы по-видимому и надо служить новолетний молебен, но ведь мы, грешные, мирские люди, по указу царя Петра Великого — обязаны справлять гражданский новый год 1 января, и искони русский человек привык встречать его именно накануне в 12 часов ночи. Этот коренной, древний обычай трудно изменить. Правда, многие не прочь, пожалуй, с вечера сходить к вечерне или всенощной, но у них все-таки остается целый свободный вечер, который они отдают встрече нового года, а многие, не зная как бы убить время, предаются неизвинительному разгулу. Поэтому, смотря с нравственной точки зрения русского народа, повторяю, так горячо желательно, чтобы эти полуночные молебны как можно скорей распространились в городах и по всей России (смотря по обоюдному желанию церковного причта и прихожан) и не встретили бы ввиду неуместного по-видимому времени какого-либо препятствия. Уж если поступать по букве церковного устава, то надо и нашу полунощницу совершать не перед заутреней, как ее у нас обыкновенно совершают, в 6 часов утра, а в полночь. Думаю, что все, кому действительно дорога и близка сердцу добрая нравственность русского православного человека, ясно поймут, как много благотворного добра могут принести и вышеозначенные молебны; видно, что это-то именно и имел в виду тот поистине просвещенный человек, по инициативе которого введены в Петербурге эти душеполезные молебны...

21 января у меня опять была радость: мне сказали, что в этот день новый митрополит Палладий³¹ будет служить обедню в Воскресенском женском монастыре, и я отправилась туда; очень

я радовалась, что увижу служение митрополита. Вдруг открываются Царские двери, священники в полном облачении выходят на средину храма, гляжу — между ними идет и отец Иоанн. Тут уж я все и всех забыла, слезы радости градом покатились... Горячо у меня душа с ним помолилась и опять на несколько дней ожила духом...

В феврале предполагалось было освящение придела, но так как писание икон не было еще готово, то его и отложили до 2 мая. Я было собралась домой в Ярославль ехать, но добрые о. М. и его жена уговорили меня остаться до освящения, и я с радостью согласилась, еще тем более, что иногда имела возможность видеть служение отца Иоанна. Всю третью неделю Великого поста я провела в Кронштадте и каждый день присутствовала при служении обедни отцом Иоанном, и хотя не всегда его видела, но зато отец Иоанн часто бывал у нас в номере, и я имела счастье пользоваться его лаской и вниманием и утешалась этим, когда не могла его служение видеть в церкви. Всю неделю народу было страшно много; в субботу причастников было пять тысяч, и я боялась, чтобы меня в народе совсем не раздавили, так как за решетку меня не пустили, — не решилась причаститься, и только в воскресенье, по собственноручной записке отца Иоанна, я попала за решетку, и Господь сподобил меня принятия Святых Своих Таин, и я, счастливая и радостная, в тот же день уехала в Петербург в одном поезде с Батюшкой.

Еще задолго до 2 мая шли деятельные приготовления к освящению придела в память 17 октября 1888 года³². Придел устроили в правой стороне в уровень с главным алтарем. Иконостас такой же белый, весь в изящной золотой резьбе. На храмовой иконе изображены святые, имена которых носит Богом сохраненная Царская Семья, а наверху помещены все святые, память которых Церковь празднует 17 октября. 1 мая все приготовления были окончены, и в 6 часов мы собрались ко всенощной; после же, поздно вечером, отец Иоанн посетил о. М. у него в квартире, чем всю семью несказанно обрадовал; хотя усталый, но веселый и радостный, он вступил в дом и сейчас же начал служить молебен. Тут меня поразило одно явление, — как молитва отца Иоанна сильно действует не только на взрослых, но даже и на младенцев. Трехлетний малютка, сын о. М., глядя на молящегося отца Иоанна, так горячо стал на коленях молиться, что ему мог бы позавидовать любой и взрослый богомолец. 2 мая в 7 часов

утра отец Иоанн служил заутреню в новом храме; мне опять Бог привел стоять рядом с ним на клиросе. Долго он служил заутреню и после нее остался в церкви до обедни; со многими говорил и утешал, кому советы давал. В девятом часу приехал епископ Никандр, и началось торжественное освящение придела, тем же порядком, как и главного престола. Как во время крестного хода, так и внутри храма отец Иоанн окроплял святой водой. Во время Литургии, после причастного, о. М. сказал следующую проповедь:

«И Христос воскрес!»

Так недавно еще, братия, меньше полугода назад, светло праздновали мы духовное торжество благодатного освящения нашего нового храма. А вот сегодня у нас опять радостный праздник! Благодатию Святого Духа, чрез благословение епископское, при совместной молитве собора священнослужителей и вас, братия — христиане православные, освятился сегодня второй алтарь, придельный в нашем храме, и на новоосвященном святом престоле сегодня в первый раз принесена Богу за всех нас и за весь мир христианский бескровная спасительная Жертва Тела и Крови Христа Спасителя! Открылся, значит, в нашем храме новый неиссякаемый источник благодати Божией, обильно изливающийся на всех, с верою и благоговением, в простоте смиренного и сокрушенного сердца прибегающих к нему; явилась, значит, в нашем храме еще новая нить, связующая землю с небом, соединяющая тварь с ее Творцом, и человека с Богом... Слава и благодарение Господу, Щедрому и Милостивому, Долготерпеливому и Многомилостивому к нам грешным!.. Новоосвященный храм посвящается великому имени святителя Христова Николая Чудотворца... Велика известность его в мире христианском: его знает Восток и Запад, видят и все концы чудотворения его... Но в судьбе наших благотворительных заведений священное имя великого угодника имеет и особое значение. С празднованием дня памяти его связывается день первоначального открытия — много лет тому назад — нашего общественного дома милосердия. А посему и живущими в заведениях память угодника Божия особенно чтится.

Теперь же, когда мы имеем храм во имя его, он — святитель Христов — будет еще ближе к нам своим молитвенным представительством пред Богом за нас грешных... Отныне он вместе с благоверным князем Александром Невским, имени которого посвя-

щен наш главный храм, — наши особенные, самые близкие нам небесные покровители наши! Их-то и будем отныне, братия, призывать чаще и чаще, усерднее и усерднее в молитвах своих.

Устройство второго святого алтаря или придела для церкви домово́й не представляет, по-видимому, необходимости. Верно! Но устройство это, братия, явилось как осязательная жертва благодарных сердец Санкт-Петербургского ремесленного общества Господу Богу за великое чудо дивной милости Божией к нашему дорогому отечеству, явленной в чудесном спасении благочестивейшего Государя Императора нашего, Государыни Императрицы с их Августейшей Семьей в семнадцатый день октября 1888 года. Новый храм наш, значит, благодарная жертва Господу Богу, *благодаряемому* нам¹⁾. Он всегдашняя память о верноподданнической любви нашей к Государю. Да живут эти святые чувства в наших сердцах всегда, ныне и присно и во веки веков! А существование в нашем храме освященного ныне второго святого престола да напоминает нам всегда о необходимости этих чувств, то есть благодарной молитвы к Господу и сыновней верноподданнической любви к нашему Монарху.

Итак, братия, теперь у нас в храме два источника единой благодати — два святых престола, как будто два храма, и, слава Богу, оба благолепные, оба благоукрашены. А это, братия, да служит для нас всегдашним напоминанием о том, что есть у нас и еще храм, более близкий к нам — храм внутренний, духовный, нерукотворный... Это мы сами: наша душа, созданная по образу и подобию Божию, наше сердце и даже наше тело... *Разве вы не знаете*, — говорит святой апостол, — *что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?*²⁾ И этот храм наш нерукотворный должен быть столь же чист, благолепен, благоукрашен и светел, как все это присуще нашему новому храму рукотворному. А чтобы видеть, что нужно для этого, обратим внимание на то, что составляет неотъемлемую принадлежность храмов вещественных как мест особенного присутствия Божия, например, хотя бы нашего храма. Первое. Прежде всего видим священные изображения, иконы, которые наглядно представляют нам, что сделал Бог для спасения людей и чем святые люди угодили Ему. Заглянем в свой внутренний храм — в свою душу — и посмотрим:

¹⁾ Ср.: Пс. 12, 7; 56, 3.

²⁾ 1 Кор. 3, 16.

есть ли в нашем уме и в нашей памяти эти образы дел Божиих и святых Его, и на видном ли месте они у нас, то есть часто ли они обращают на себя внимание и производят ли они на нас благотворное влияние; возбуждают ли нас к подражанию им?.. Второе. Перед иконами в храме мы видим зажженными свечи и лампы как образы духовного света и благодати Божией... Горит ли в наших душах светильник веры и добрых дел как выражение нашего благоговения к Богу и любви к Нему? Светится ли этот свет духовный так, чтобы другие видели наши добрые дела и прославляли Отца Небесного?.. Третье. В храме неоднократно совершаются каждения фимиама как знак почтения к изображенным на иконах лицам Бога и святых Его...

Приносим ли мы в жертву Богу, как благовонное кадило, наши молитвы, наши мысли, наши желания и наши чувствования? Распространяют ли они от себя благоухания святости, или издают запах гари и дыма греховных страстей?.. Четвертое. В храме постоянно возвещается слово Божие. Слышится ли хотя изредка, но явственно, наподобие грома в нашей душе голос совести, голос Бога и его закона? Пятое. Храм оглашается пением просительных, благодарственных и хвалебных гимнов... Возбуждается ли когда-нибудь религиозное чувство в нас до такой степени, чтобы мы воспевали в сердцах наших Господеви?.. Если все наблюдаемое нами в храме — в вещественных образах — есть и в нашей душе в образах духовных, то она уготована в храм для Бога, в достойное жилище Его.

Если же кто не замечает в своей душе соответствия с тем, что замечается в храмах Божиих рукотворных, то он должен исправить себя, обновить, по образу последних, пока есть еще, братия, время и возможность, пока мы еще живем на земле; постараемся наполнить свой ум и память образами великих дел Божиих и святых Его, возжжем в сердце своем огонь любви к Богу так, чтобы он распространял вокруг себя свет веры; пусть молитва наша возносится, как благовонное кадило перед Богом, а слово Божие вселяется в нас обильно, чрез чтение и размышление. Пусть в сердцах раздастся песнь любви к Богу, — тогда души наши будут живыми храмами Бога и Он изберет их во всегдашнее жилище для Себя, и в этой земной жизни, и в жизни будущей; и тогда наш храм внутренний будет в полном соответствии с нашим рукотворенным храмом, “два престола имущим”, а этот последний да напоминает нам всегда о первом. Аминь».

Это поучение видимо запало в душу многим и произвело глубокое впечатление. После обедни отец Иоанн, спеша в Думу, не остался на молебен и, разоблачившись, вышел в приемный зал. Мы точно предчувствовали это и еще раньше туда отправились, и, встретив его, могли не торопясь с ним побеседовать, пока он чай кушал. Вскоре он уехал, а мы с сердцем, полным радости от посещения отцом Иоанном и от всего виденного нами, отправились домой к о. М. Весь день был у нас чистым светлым праздником. Так благополучно и радостно совершилось полное освящение храма при благотворительных заведениях Санкт-Петербургского ремесленного общества, которое будет надолго памятно для всех участвующих в нем как самое радостное и светлое событие. Вот и опять слово отца Иоанна исполнилось: еще в Суре на освящении сурского храма он обещал о. М. быть у него на освящении храма, что теперь буквально и исполнил. Дай только Бог, чтобы в этом прекрасном храме, смотря на стройное и благоговейное служение священнослужащих, всякий находил бы себе отраду и утешение для души.

Путешествие с отцом Иоанном Кронштадтским на его родину в 1893 году

Не знаю, как и благодарить мне Господа Бога за Его ко мне милости. В третий раз начинаю записывать воспоминания о своем путешествии с отцом Иоанном Кронштадтским, но душа до сих пор так переполнена этими самыми дорогими и радостными воспоминаниями, что не знаю с чего и начать. Господь близок ко всем, искренно Его просящим, слышит и исполняет их желания. Он видел, как горячо душа моя желала только одного — видеть служение отца Иоанна и помолиться с ним подольше на просторе, и сразу соединил меня с этим великим Своим светильником, который так осветил мою душу, что я все эти 22 дня неразлучного с ним пребывания, право, не знаю, где находилась, на небе или на земле.

Еще в апреле месяце, в бытность мою в Петербурге, отец Иоанн сказал мне: «Поедем в Суру!» И эти слова меня так обрадовали, что едва ли бы я так же обрадовалась, если бы кто дал мне тогда три миллиона денег. В конце мая я уехала в Ярославль, чтобы подготовиться в дальнюю дорогу. 6 июня, получив из Петербурга известие, что отец Иоанн уже выехал, я на другой

день полетела в Вологду и, приехав туда 8 июня утром, отправилась к Волковым³³, где в 1891 году я с отцом Иоанном останавливалась. Через них я получила билет на пароход Кострова и сейчас же перебралась на него. С четырех часов народ начал приливать, и к восьми часам вся набережная пристань, балконы, барки, лодки — все было залито морем голов. В 9 часов вечера отец Иоанн подъехал на маленьком пароходе и взошел на рубку костровского парохода. Увидя отца Иоанна, многотысячная масса народа взмолилась ему: «Батюшка! Помолись за нас грешных!» А он им ответил: «Молюсь, молюсь!» Снял шляпу и начал на близ стоящую церковь молиться, потом на все стороны благословил народ и поклонился; все начали кланяться и креститься, многие плакали... Чудная была картина! Когда пароход пошел и все успокоилось, я подошла к отцу Иоанну, припала к его коленам и от радости залилась слезами. Он весело обнял мою голову, но я от избытка радости ничего не могла говорить, и только сказала: «У меня, Батюшка, от радости того и гляди сердце выскочит из тела». Он улыбнулся и еще крепче прижал мою голову. С этой минуты начались, в полном смысле слова, счастливые и ни с чем не сравнимые дни моей жизни.

9 июня приехали в Тотьму, и отец Иоанн прямо отправился в монастырь, там никто не знал о приезде отца Иоанна, и мы свободно за ним проехали в монастырь к преподобному Феодосию Чудотворцу. Для отца Иоанна церковь сейчас отперли, и в ней у раки преподобного архимандрит соборне отслужил молебен. Душой я радовалась и благодарила Бога, что Он опять привел мне вместе с отцом Иоанном поклониться открытым мощам святого Феодосия Тотемского. Самое радостное и благотворное впечатление произвел на меня этот высокий, светлый просторный храм; при входе в него как-то невольно сорвалось с языка: *вниду в дом Твой и поклонюся ко храму святому Твоему*¹⁾! Помолилась и полюбовалась на него, и на память приобрела образ преподобного Феодосия и вид его монастыря. Когда же мы вернулись на пристань, то на пароход было уже мудрено пробраться: толпы народа со всех сторон рекой текли. Проводить отца Иоанна на пароход приехал живущий на покое бывший архангельский архиерей³⁴. Вид этого как лунь седого старца с умным покойным лицом и глубоким взглядом произвел на меня

¹⁾ Пс. 5, 8.

благоговейное впечатление; я подумала: какую боголепную красоту лица Господь дает свято и праведно живущим старцам.

10 июня рано утром приехали в Устюг, и отец Иоанн ненадолго ездил в город, но из спутников его не все решились сойти на берег³⁵, рискуя совсем не попасть на пароход по причине массы народа, которая с каждой минутой все увеличивалась. Тут меня случайно встретила мой горицкий друг — мать Иоанна, которая послана теперь за сбором; она поехала с нами в Архангельск, чему я душой была рада; ее отец Иоанн давно знает и с вниманием и ласкою с ней обошелся, ободрив и утешив ее, и она, успокоенная, уехала потом в другие губернии. 11 июня днем в селении Красноборск отца Иоанна поселяне опять встретили и проводили пением: «Слава в вышних Богу...» и «Достойно есть». Живо я вспомнила, как два года тому назад они же при чудной вечерней заре провожали отца Иоанна этой же дивной песнью и как меня тогда поразило святое и одухотворенное молитвой выражение лица отца Иоанна. В 11 часов ночи приехали в Архангельск и остановились опять у Шольц. Эти добрые люди, душой преданные отцу Иоанну, и меня, как родную, приняли.

12 июня отец Иоанн служил утреню и обедню в церкви Успения, а 13-го в воскресенье в Троицком соборе — с новым архиереем³⁶. В конце обедни отец Иоанн сказал поучение на слова Евангелия:

И рече Иисус сотнику: иди, и якоже веровал еси, буди тебе. И изцеле отрок его...

Мф. 8, 13

О силе веры, и какие должны быть качества богоугодной веры, и отчего неверие и лукавство противны Богу?

«С благословения преосвященного владыки, обращаю к вам сегодня, братия архангельские — родные земляки, немощное слово мое; с чего же начну его, что сделаю предметом слова? Началом будет нынешнее Евангелие, или слово о вере римского сотника, язычника, силою которой он испросил у Господа исцеление слуги своего. Господь похвалил веру сотника и поставил ее в пример всем евреям, воспитанным искони в вере и бесчисленных чудесах и благодеяниях веры и не имевших ее настолько, насколько имел язычник, не наученный вере. *Истинно гово-*

рю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры, — сказал Господь стоявшему народу. В чем же секрет, достоинство, превосходство веры сотника, столь угодной Господу, что Он Сам удивился ей и тотчас исполнил желание и просьбу сотника, сказав ему: *иди, и, как ты веровал, да будет тебе. И слуга его выздоровел в тот час*¹⁾. Секрет — сила благоприятной веры в смирении, простосердечии, добросердечии, сострадательности, твердой, непоколебимой и разумной веры сотника. Примечайте! Господин сам приходит к Господу и просит за своего слугу, усердно, неотступно, с верою в неисследимую благодать и силу Господа; он как бы говорит Ему: если люди исполняют то, о чем мы их просим или приказываем им сделать, по природе злые и малосильные, то Ты ли, сущая благодать и сущее всемогущество, Коего мановению все повинует, Ты ли не исполнишь моей просьбы, хотя я и недостоин; ибо Ты Сам сказал: *если вы, будучи злы, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него*²⁾! Вот в чем секрет, вот в чем благозвучная струна сердца сотника, тронувшая сострадательное сердце Господа, испытующего сердца и утробы наши. Недаром ее Господь поставил в пример всем будущим родам до скончания мира. Будем и мы с такою верою просить Господа, с таким смирением, покаянием и с такою искренностью, твердостью, с таким состраданием и милосердием к ближнему, и мы непременно получим, да и получаем всегда, если так просим, ибо верен Господь в словах Своих, сказав: *Просите, и дастся вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам*³⁾. Отчего же вере или верующим и просящим таким образом предоставлено получить милость и помощь Божию, а сомневающимся и неверующим не дано этого? Причина простая: подобное соединяется с подобным, то есть с Господом, праведное с праведным или ищущим правды, чистое с чистым, или искренно желающим чистоты. Сосуд нечистый и закрытый не может очиститься, если он не раскроется и не вытечет из него нечистота.

Так сердце человека, открытое верою и покаянием, сердце сокрушенное, источающее слезы покаяния, сподобляется очищения и святости, а тело — исцеления; а сердце, закрытое сомнением и неверием, ожесточенное, остается нечистым и недо-

¹⁾ См.: Мф. 8, 5–13.

²⁾ Ср.: Мф. 7, 11.

³⁾ Ср.: Мф. 7, 7.

ступным благодати Святого Духа, *ибо кое общение света ко тьме, правды к беззаконию, или кая часть верну с неверным?*¹⁾ И человек-грешник понимает теперь, отчего так сильна вера с молитвой и покаянием и преклоняет Господа на милость к нам. Оттого, что мы, произвольно удалявшиеся от Господа грехами своими, через молитву веры приближаемся к Нему, и Он, как Всеблагий, также приближается к нам; очищает от нечистоты греха, освящает, исцеляет, укрепляет, изменяет на лучшее; потому что Он сотворил нас свободными и добровольно обращающихся принимает в Свое общение и подает блага, а коснеющих в грехах, лукавых и неверных отвращает и лишает благодати как недостойных. Чрез искреннюю веру и молитву с покаянием человек может все получить от Господа, всякую благодать и милость: хочешь ли получить от Бога дар слова во спасение свое и других? Получишь, ибо сказано в Писании: *веруй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы*²⁾. Хочешь ли исцелиться от болезни или получить дар исцелять других? Молитва веры спасет болящего, чему мы видим бесчисленные примеры и ныне. Хочешь ли победить свои страсти, борющиеся тебя? Молись с верою, борись, противустой, не поддавайся и победишь: "...мнози борют мя страсти, но Сам мя заступи и спаси, Спасе мой!"³⁾ Так святые были подобострастные нам люди, но молитвой веры, постом, бдением, смирением, терпением победили в себе страсти и достигли бесстрастия и святости и вечной блаженной жизни: ибо они твердо веровали в жизнь будущего века и в Праведного Судию и Мздовоздаятеля и подвизались неослабно, и нас примером своим поучают не ослабевать в подвигах земной жизни, краткой, как дым исчезающей и данной для приготовления к будущей жизни, бесконечной. Таким образом, с покаянием вера соделала грешников праведниками, блудных целомудренными, пьяниц трезвыми и трудолюбивыми, злых добрыми, завистливых искренно доброжелательными ко всем, малодушных мужественными, слабых сильными; с молитвой да покаянием искренняя вера в Бога всегда творила чудеса в людях, делая в них спасительную перемену в душах и телах их: так будем веровать и так будем угождать Богу своею верою. На конце моего слова позволю себе приветствовать вас, добрые

¹⁾ Ср.: 2 Кор. 6, 14, 15.

²⁾ Ин. 7, 38.

³⁾ Антифон, глас 4-й, из последования утрени.

архангелогородцы, с новым архипастырем; будем молить за него Верховного Пастыреначальника, да дарует его, ангела церкви Архангельской, цела, здрава, благоденствующа, правоправяща слово истины. Аминь».

Кто не знает, кому хотя раз пришлось присутствовать при произнесении отцом Иоанном поучения, как неотразимо благотворно действует на душу каждого не только его голос, который, говорят, проникает в самую глубину сердца, но и вся его вдохновляющаяся при этом внешность, тот легко поймет, с каким глубоким вниманием и благоговением архангельцы слушали своего родного и великого проповедника: куда ни взглянешь — везде плакали, даже городовые, эти невозмутимые блюстители порядка, и они украдкой утирали рукавами катившиеся у них слезы. После обедни все священники собором, с архипастырем во главе, вышли на амвон. Один из священников держал в руках старинный образ Святой Троицы в серебряной ризе. Владыка обратился к отцу Иоанну с речью, в которой, как мне потом передавали, просил его принять святую икону от лица всего духовенства в знак их благодарности за все его заботы и попечения о них; отец Иоанн благоговейно поклонился в землю святой иконе и приложился к ней. В тот же день 13 июня, в 4 часа, к Шольц приехали проститься с отцом Иоанном архиерей и бывший архангельский губернатор князь Голицын, он еще на освящении храма был у отца Иоанна в Суре.

В 6 часов вечера архангельцы проводили отца Иоанна в его дальнейший путь. Пароход Макаровых был, по причине мелководья в Пинеге, маленький, и нам пришлось поместиться в одной каюте с отцом Иоанном; его помещение в передней части каюты отделено было только драпировкой. К ночи все стали устраиваться на ночлег: я было поместилась на лавке, как и все, но вскоре встала, совесть и рассудок не дали мне уснуть, да и действительно, могла ли я недостойная и грешная ложиться наравне с таким великим избранником Божиим. На другую ночь я ничего не придумала лучшего, как под предлогом, чтобы другим дать место, забралась под стол, чем всех насмешила, тут оказалось очень удобно, и я уснула как убитая.

Когда на следующий день утром мы стали с отцом Иоанном все чай пить, я ему и говорю: мне, Батюшка, и под столом чудно как хорошо было спать, он улыбнулся и сказал, как мне передали, тебе маленькой везде хорошо. 14-го утром мы приехали в

Матигоры (в семидесяти верстах от Архангельска) к сестре отца Иоанна А.И.; добрая старушка и ее муж, как лунь седой священник³⁷, приняли вместе с отцом Иоанном и нас всех с истинно родственным радушием, у них отец Иоанн служил заутреню и обедню. После обеда он долго гулял и любовался поистине чудной картиной, расстилавшейся внизу, на сколько только мог хватить глаз. Село Матигоры очень метко носит свое название; оно расположено на высокой горе, с него дивный вид на Северную Двину с ее бесчисленными островами и рукавами. Благословенная река — эта Северная Двина, по которой мы ехали от Устья до Матигор, она широка как море, и мне говорил один коренной архангелец, спутник отца Иоанна, что от Матигор до Вавчуги Северная Двина имеет ширины 12 верст. Тут она разделяется на четыре рукава, и все острова покрыты лесами и лугами, на некоторых стоят села и деревни.

Четверо суток мы ехали от Архангельска до Суры, — и что это за приснопамятные и дорогие были дни! Отца Иоанна никто не беспокоил, и он или читал, или весь был сосредоточен сам в себе, и только во время принятия пищи он был весел и разговорчив с нами. Глядя на него и мы все смирно сидели, и часто какута у нас имела вид как бы домашней церкви: одни молились, другие читали святыя книги, третьи писали, к последним и я присоединилась. Меня очень заинтересовала проповедь, произнесенная отцом Иоанном в Архангельске, и я попросила у него позволения списать ее, он охотно позволил; с радостью я принялась за эту работу. Проповедь была писана отцом Иоанном собственноручно, и я, некоторые слова не умея разобрать, обращалась к нему за разъяснением, и каждый-то раз он ласково сам писал мне непонятные для меня слова, становясь иногда при этом на колени, так как я, за неимением другого места, писала на лавке. Вот до чего смирен и прост этот дивный человек! И этим-то именно он «стяжал себе смирением высокая и нищетою богатая»¹⁾. Ведь было время, когда и он испытывал нищету, которая, однако, не мешала ему делиться с бедняками последним. В дороге отец Иоанн ничего мне не указывал, не наставлял и даже очень мало говорил со мной; но между тем живым примером на каждом шагу учил меня истинному посту, молитве, смирению и воздержанию во всем. Действительно, если в нас есть хотя сколько-нибудь твер-

¹⁾ Ср.: Общий тропарь святителям, глас 4-й.

дости духа, искреннего желания по мере сил подражать отцу Иоанну, то и среди мира и его суеты мы можем угодить Богу; для этого только одно и нужно — здравый разум, соединенный с добрым, любящим Бога и ближнего сердцем, — остальное, право же, все само приложится нам.

15 июня мне очень хотелось Батюшку чаем угостить, и я решила просить его об этом; он охотно согласился, и спасибо ему от Бога и меня грешной. Он первый понял мою искреннюю любовь угощать всех, чем мне Бог пошлет, и давай у меня сам всех спутников по очереди чаем поить. Я была просто в восторге, что в первый-то раз мне Бог послал такого дорогого и щедрого хозяина. Ведь не мог же до сих пор меня никто понять! 16 июня остановились у Усть-Покшеньги: отцу Иоанну надо было побывать там у благочинного и посетить одного священника — своего товарища по семинарии³⁸; а пароходу он велел ехать дальше и принять его у известного места. Мы поехали да и потеряли его. На Пинеге в этом месте идут острова. Часа три или четыре мы взад и вперед гуляли; пароход то и дело давал свистки. Наконец издали увидели его, идущего в сопровождении целой толпы поселян. Все мы несказанно обрадовались; живо пароход причалили, соскочили на берег и все побежали к нему; отец Иоанн весело нас встретил.

17 июня в 5 часов утра приехали в Веркольский монастырь. Архимандрит с братией встретили отца Иоанна на пристани и направились в церковь, где сейчас же и началась заутреня. Рада я была всем сердцем, что Господь в третий раз мне приводит вместе с отцом Иоанном помолиться пред мощами праведного отрока Артемия, жизнь которого хотя и коротка была, но полна назидания. После заутрени отец Иоанн осматривал вновь строящийся собор и всходил высоко на подмости, куда рабочие в то время носили кирпичи; глядя на них, и мы принялись на память таскать на верх кирпичи. После обедни архимандрит с отцом Иоанном и нас всех пригласил к себе, у него чай пили и обедали.

Когда пароход пошел, я уже и в каюту не заглядывала: все смотрела вдаль, — ведь сегодня мы должны приехать в Суру! Сильно у меня сердце билось... Отец Иоанн тоже все был на палубе; к четырем часам все собрались около него. Вот проехали последнее село с деревянною церковью; вот миновали Засурье; пароход круто повернул направо, и Сура как на ладони открылась перед нами. В эту минуту раздался торжественный, точно в Пасху,

колокольный звон в Суре. Отец Иоанн радостно снял шляпу и стал молиться на три почти рядом стоящие храма: два от древности совсем почерневшие и третий, посреди них стоящий, как снег белый, величественный храм. Потом обратился к нам и сказал: «Покорно прошу ко мне в Суру!» — и всем подал руку. Не выразить словами, что я тогда чувствовала при виде этой поистине для меня земли обетованной и с радостными слезами поцеловала дорогу для меня землю. Все суряне высыпали с духовенством во главе встречать своего великого земляка. С парохода отец Иоанн проехал прямо в новую церковь. Господи, как она величественно чудно хороша. При входе в нее невольно радостно в душе скажешь слова Приснодевы Марии: *величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе — Спасе Моем*¹⁾! И живо мне напомнила храм святого Тихона Задонского в Задонске. Помолившись в церкви, отец Иоанн, нисколько не отдохнув, прошел в только что выстроенную церковно-приходскую школу³⁹ и, осмотрев ее во всех подробностях, отправился в другие места по своим делам, которых у него в Суре оказалось «по горло», да и во все время, проведенное им в Суре, он с утра до ночи был в хлопотах; во все он входит сам непосредственно, ничто не ускользнет от его внимания; вся Сура для него как бы один его дом, все и всё ему там дорого и близко сердцу. Только к вечеру он вступил в приготовленный для него дом, куда и нас забрал с собой. Я душой была рада, что Бог привел меня наконец под одну кровлю с отцом Иоанном, да еще в придачу в его благословенной Суре! Хозяин он самый радушный, какого я, право, на своем веку и не видывала; обо всем сам позаботится, везде сам хлопочет, и все время был веселый и радостный, и для нас всех все четыре дня в Суре были как первый день светлого праздника, поистине была точно Пасха. Поселяне, которых отец Иоанн щедро оделял деньгами, толпами ходили в праздничных нарядах.

18 июня да и во все следующие дни отец Иоанн сам служил Литургию, а на утрени читал и пел на клиросе. Господи, что за дорогие и незабвенные были для меня эти дни! Я только и дожидалась, когда отец Иоанн пойдет в церковь: как увидишь его стоящего на клиросе или служащего перед престолом, все земное забудешь, точно он тебя оторвет от земли и, слившись своей пламенной молитвой с твоей слабой и немощной, унесет тебя куда-

¹⁾ Лк. 1, 46–47.

то выше всего земного. Истину говорю: во всю мою жизнь я не пролила столько слез истинной радости, сколько за эти три дня в этом дивном храме. 19 июня, после обедни, отец Иоанн совершил панихиду в только что устроенной часовне над могилой своего отца и литию на могиле своего деда — священника отца Михаила. Весь этот день в школе шла кипучая работа: учитель и вновь прибывшая учительница разбирали и приводили в порядок книги и учебные пособия, писали, принимали и записывали мальчиков и девочек, которых в первый же день поступило, как мне сказали, 60 человек. Не могла я налюбоваться на эту школу: комнаты большие, высокие, светлые, и вся она так просто, удобно и практично устроена, что сделала бы честь любому городу. После обедни многочисленные иконы торжественно были перенесены в школу, там отец Иоанн сам указывал, куда и какой образ поместить. Последнюю ночь в Суре мы почти и не спали; все мы — его спутники — готовились к принятию Святых Таин. В 5 часов утра все поднялись. За Литургией отец Иоанн сделал нас всех причастниками Святых Тела и Крови Христовых. Как я горячо благодарила Бога, что Он сподобил меня опять исповедаться у отца Иоанна и причаститься в дорогом для меня сурском храме. В конце обедни отец Иоанн сказал поучение на слова Евангелия: *оставьте детей приходить ко Мне*¹⁾.

«Когда Господь наш Иисус Христос ходил по земле во плоти, тогда приносили к Нему родители и сродники детей, чтобы он прикоснулся к ним, а ученики Его иногда не допускали приносящих.

Увидев это, Господь вознегодовал и сказал: *оставьте детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царство Небесное*. Видите, как приятны Ему дети по их невинности, простосердечию, незлобию и послушанию. Господь поставлял иногда детей в пример взрослым и говорил: *если вы не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное*²⁾; то есть если не сделаетесь смиренными, простыми, незлобивыми, послушными, добрыми в глубине души, то не войдете в Царство Небесное. Поэтому я радуюсь, что при моем служении подносят детей к причащению Святых Таин, ибо приносящие исполняют волю и желание Самого Спасителя. Приносите

¹⁾ Мк. 10, 14.

²⁾ Мф. 18, 3.

же, отцы и матери, и впредь ваших детей к Причастию! Через причащение ваши дети освящаются, просвещаются Божиим светом, приближаются и присвояются Богу, ограждаются от греха, укрепляются и делаются причастниками Царствия Божия.

Вот в вашем селении устроена и учреждена ныне для детей церковно-приходская школа для обучения грамоте и рукоделию, с содержанием бедных отдаленных детей в зимние месяцы на счет сумм, положенных на школу. Эго великая милость Божия в таком темном, удаленном от места просвещения углу России, где невежество и раскол свили себе широкое гнездо и где бедность увеличивается с каждым годом. Благодарите же Бога Промыслителя за милость Его к вам, суряне. Ваши учащиеся дети принесут вам со временем великую отраду и радость своею грамотностью и рукоделием, своим благочестием и преданностью Церкви Божией, верной руководительнице к Богу и вечному спасению.

Пусть же дети ваши приходят к Богу и будут впредь отрадою, опорой и утешением ваших семейств. А за меня, устроившего и обеспечившего в будущем содержанием ваше училище, молитесь Богу, да продлит дни мои во здравии и во всяком благоспении на лета и лета. Аминь».

При последних словах вся церковь заволновалась, все начали горячо на коленях молиться. После обедни, при колокольном звоне, отец Иоанн с крестом в руках и все духовенство в полном облачении и с пением направились в школу. Там в главной комнате перед большим образом всех святых был отслужен водосвятный молебен, и отец Иоанн окропил сам весь дом. Потом он произнес теплое душевное поучение учителю и учительнице, прося их усердно заниматься с вверенными их попечению детьми. После чего Е.О. Корелин, как уполномоченный от епархиального начальства, произнес речь⁴⁰; он говорил искренно и горячо, и отец Иоанн сердечно его поблагодарил. Потом стали по списку вызывать поступивших в школу детей; отец Иоанн возлагал на голову каждого свою руку, как бы в свои руки их принимая; всем детям и народу были розданы Евангелия и Псалтири, и разные религиозные книжки. Когда все кончилось, отец Иоанн вступил в свой дом и, открыв окно, перекрестился. Я выглянула в окно; сердце у меня замерло. Вся площадь была залита народом, сошедшимся со всех сторон. Увидя отца Иоанна в окне, все упали на колени и со слезами благодарили его за школу. В народе, гово-

рят, только и были слышны слова: «Спасибо тебе, Батюшка! Спаси тебя, Господи! Помилуй тебя Бог!» А он им отвечал: «Зачем мне кланяетесь, Бога благодарите!» Благословлял их, кланялся и сам крестился. По загорелым грубым щекам мужиков слезы ручьем катились... Отец Иоанн видимо до глубины души был тронут этой искренней горячей благодарностью сурян, и действительно, это неподдельное выражение искренней благодарности не поддается описанию, и ее без слез невозможно было видеть. Много мне приходилось слышать о том, что серый мужик не умеет ни чувствовать, ни выражать благодарности, — большая несправедливость. Если ему сделать действительную пользу или помочь в нужное для него время, то он гораздо глубже умеет чувствовать, ценить и высказывать свою благодарность, чем любой привилегированный умник, чему живое доказательство было тогда у меня перед глазами: от поклонов вся площадь, как море, волновалась. Гостей у отца Иоанна набралось много, и он всех радушно угощал чаем и завтраком. После чего все разошлись, а мы стали собираться в дорогу.

В 6 часов вечера мы с отцом Иоанном, помолясь, отправились на пароход; вся масса народу побежала к берегу; многие чуть не в воде кланялись ему в ноги. Отец Иоанн со всеми прощался, всех благословлял и еще долго, говорят, на удалявшемся пароходе был слышен прощальный звон звучных сурских колоколов. Отец Иоанн не мог оторваться глазами от его дорогой родной Суры, и долго, долго он все еще смотрел в ту сторону как бы молясь, чтобы Господь рассеял мрак этой темной стороны и просветил бы светом Своего просвещения. И я искренно верю, что недалеко уже то время, когда не останется ни одного раскольника, и от разумно принятых мер народ будет жить в довольстве своим трудом.

Часа три мы ехали благополучно, но тут пароход сел на мель. Все мы перебрались на берег и стали на канате тащить пароход, а отец Иоанн на нем работал багром. Часа два бились и стащили-таки его, но к ночи — опять врезались в песок. (Перед этим стояли жаркие дни и вода сильно сбывала.) Отец Иоанн почти и спать не ложился, всю ночь молился; и вымолил же у Бога дождь! Утром добрались до Веркольского монастыря, там отец Иоанн отслужил заутреню и обедню. И что же? Ветер поднялся резкий, холодный против течения реки, нагнало туч, и едва мы вернулись на пароход, дождь как из ведра полил,

почти весь день он шел: вода поднялась, и пароход сначала хотя и часто еще останавливался, но потом свободно шел. Глядя на дождь, я живо вспомнила слова святого апостола Иакова: *Илия был человек подобострастный нам, но с верою помолился, и небо дождь дало*¹⁾. Вот и ныне между нами явился человек, по-видимому подобострастный нам, но силою своей молитвы и веры подходит к силе молитвы Илии... Что это для меня был за приснопамятный день; сидя целый день вместе с отцом Иоанном закупоренные в каюте, мы были точно в раю. Сначала отец Иоанн все читал, и мы тихо все сидели, каждый за своим делом; к вечеру Батюшка оставил чтение и стал по каюте ходить; он был весел и со всеми разговорчив, много рассказывал, и мне передавали, что каждое его слово было глубоко назидательно. А я, ничего не слыша, только глядела на него и от всей души желала, чтобы этот блаженный вечер продолжался бы хоть целую вечность.

Никогда мне не забыть 21 июня! 22 июня погода была хорошая. Надо заметить, что пароходы там часто останавливаются в деревнях, или просто у берега для приема дров. Обыкновенно дрова носят поселяне, с которыми собирается толпа детей. Отец Иоанн всегда щедро и ласково всех их оделяет деньгами, с иными разговаривает. Глядя на то и дело повторяющиеся передо мной эти сцены, я с грустью вспомнила, как некоторые люди мне говорили, что отец Иоанн предпочитает только богатых, — какая это возмутительная несправедливость: шестой год вижу совершенно противоположное. Правда, и к богатым часто он с искренней любовью и вниманием относится, но ведь всякий знает, что и среди миллионеров есть своего рода бедняки, вот к этим-то несчастным он сердечно и относится. Но в действительности, бедный люд ближе к его сердцу, — это его поистине родимые детки; везде он с ними прост и добр, так и тут при каждой почти остановке с ними поговорит; но иногда пароход останавливается у совсем пустынного берега, где ни души нет, тогда мы, чтобы не томить Батюшку напрасным стояньем на одном месте, пока рабочие парохода наносят дров, отправляемся все на берег и в несколько минут целую гору натащаем дров. Хорошо мне было, почти все спутники отца Иоанна были земляки его, все добрые, необидчивые северяне.

¹⁾ Ср.: Иак. 5, 17.

Ночь с 22 на 23 июня была последней для нас на берегах Пинеги; почти никто и спать не ложился, с отцом Иоанном наблюдали закат и восход солнца. Проезжали сначала мимо громадных гор железной руды, совсем красного цвета, потом мимо ослепительно белых алебастровых и гипсовых. Боже мой, что это за горы! То они идут на целую версту неприступными крепостями и вдруг обрываются глубокими ущельями, покрытыми густой зеленью, то громадными утесами, которые того и гляди, кажется, готовы рухнуть над нашими головами; у подошвы их понаделаны природой причудливые пещеры; то высятся прямо в небо колоссальные замки самых фантастических форм и очертаний, и надо всем этим волшебным миром высоко на верху стоит дремучий лес, а еще выше светлое, синее северное небо. Никакой художник в мире не в силах начертать этой дивной картины, которую Господь создал единым словом Своим. Да будут горы! Какого бы бесчувственного материалиста — невера — ни поставили бы тогда на наше место, и у того, мне кажется, глядя на эти горы, душа прониклась бы благоговением к дивному творчеству Божию. Отец Иоанн в благоговейном восторге смотрел на эту чудную, ни с чем несравнимую, неописуемую живую панораму убегающих гор и только изредка крестился. Потом обратился ко мне и весело сказал: «Опиши это». А я до того была очарована никогда не виденным мною чудным зрелищем, что и слова не могла сказать и только произнесла: «Вразумите». Он посмотрел на меня и положил свою руку мне на голову. Глядя на все это, только и можно было вместе с Давидом повторять 103-й псалом, который как нельзя более шел к этому щедрому творению Божию⁴¹.

Когда солнце взошло уже высоко, мы легли отдохнуть, но не надолго, потому что подъезжали уже к Холмогорам; там отец Иоанн сейчас же отправился в Успенский женский монастырь, где совершил заутреню и обедню; после нее старушка-игуменья с искренним радушием пригласила с отцом Иоанном и нас всех обедать⁴². Самое хорошее и радостное впечатление произвели на меня на таком дальнем севере и теплое радушие доброй игуменьи, и ее келии простые, чистые, светлые. После обеда отец Иоанн поехал проститься к своей сестре А.И. в Матигоры, а мы с Е.О. Корелиным и учительницей из Суры отправились осматривать собор Преображенский, который замечателен тем, что в нем хоронят архангельских архиереев⁴³, начиная с первого Афанасия,

основателя женского Успенского монастыря в Холмогорах⁴⁴. Теперь там положено уже одиннадцать архиереев и над каждой гробницей помещен портрет почившего и икона святого, имя которого носил покойный. Мысль эта мне очень понравилась. Все архиереи как бы живые стоят вдоль северной и южной сторон храма, а посредине помещается их архиерейская кафедра; еще в этом храме замечательны хоры, которые помещаются не на западной, как обыкновенно, а на восточной стороне, над алтарем. В теплой церкви во имя двенадцати апостолов меня удивил иконостас: он весь состоит из сквозной резьбы, и только иконы составляют собою единственные глухие места. Оригинальность этого иконостаса мне очень понравилась.

Потом мы пошли гулять, и я с высокого берега любовалась на Денисовку, которая как раз расположена против Холмогор, — родину нашего бессмертного Ломоносова; очень мне хотелось побывать в ней, но времени было мало, а Северная Двина в этом месте очень широка, и я удовлетворилась тем, что полюбовалась на знаменитых холмогорских коров да запаслась лепешками, которые носят название «холмогорские тетерьки», и вернулась на пароход. Тут к нам поступил новый пассажир, еще не старый господин. Вскоре отец Иоанн приехал, и пароход пошел. Вдруг кто-то приходит в каюту и говорит мне: новый пассажир совсем помирает, дайте святой воды, освященной отцом Иоанном. Я налила в чашку и пошла наверх: вижу — больной сидит у борта парохода и у него сильно идет горлом кровь, а потом и носом, он был в каком-то исступлении и бессознательно водил руками. Позвали отца Иоанна. Он подошел, сначала больного напоил простой водой, потом три раза крестообразно дунул ему в лицо, положил ему на голову свою руку и, помолившись, напоил его святой водой: кровь сразу перестала идти, больной успокоился и к вечеру видимо поправился. Когда я потом увидела его в вагоне между Вологдой и Ярославлем, то спросила, как он себя чувствует. Он мне написал: «По молитве отца Иоанна, я теперь здоров; но попросите Батюшку, чтобы он помолился о многогрешном Артемии, — я неудачник в жизни». Я успокоила его. Так этот случай, происшедший на моих глазах, меня поразил!

В тот же день к ночи мы приехали в Архангельск. В Суру из Архангельска сопровождали отца Иоанна сын и дочь хозяйина парохода — Макаровы; они просили Батюшку остановиться у них, на что он согласился, и пароход въехал прямо к ним во

двор (дом расположен у самого берега Северной Двины, так что у реки и забора нет). Они были глубоко обрадованы, что отец Иоанн у них остановился, меня тронула их простота и радушие, с которым они и меня приняли. 24 июня отец Иоанн у них в Соломбале⁴⁵ служил на кладбище заутреню и обедню. Потом поехал в город, а мы стали собираться на пароход. В 6 часов вечера при громадном стечении народа, провожавшего отца Иоанна, он оставил Архангельск, и еще долго он любовался на этот большой почти приморский красивый город с целым лесом мачт на широком раздолье Северной Двины.

Почти 6 дней ехали мы до Вологды, и что это за счастливые дни были для меня; у нас с одной девушкой из Ростова была отдельная каюта, которую я всю убрала иконами, видами монастырей и портретами отца Иоанна и пригласила его к себе чай пить. Подивился и полюбовался он на убранство моего уголка и три раза пил у меня чай; сколько невыразимой радости доставляло мне каждое его посещение, точно Ангела Божия я его встречала, это может понять только тот, кто сам искренно, от всего сердца удостаивался его принимать. Тут я могла обо всем, что нужно было, с ним поговорить и на все получала ответ. Много он мне написал слов утешения, которые поистине воскресили мою душу. Еще раньше я его спросила, не надоела ли я ему. И он мне ответил на это: «Твое искреннее расположение никогда не надоест». После него и все спутники у меня угощались, и для меня эти дни были чистым, светлым праздником. А обедать я ходила в каюту к Батюшке. В Устюге на пароход прибыл вологодский архиерей⁴⁶ со своей свитой, возвращающийся из своей поездки по епархии. Скромный святитель по целым часам, как свеча, стоял на рубке, впереди всех, и ни с кем почти не говорил.

От Устюга до Тотьмы меня поразили своей живописностью берега красавицы Сухоны, с обеих сторон ее почти непрерывно идут высокие горы самых разнообразных видов и форм, покрытые роскошной и густой растительностью, то и дело виднеются высоко на горах, все в зелени, живописно уютящиеся села с красивыми белыми каменными церквями. В иных местах горы так высоки и тесно сдвинуты над рекой, что, кажется, едешь по колоссальному коридору с живыми стенами из земли, а над головой вместо потолка — небо голубое. При взгляде на эту чудную панораму невольно вырвутся из груди слова: *Господи Господь*

*наш, яко чудно имя Твое по всей земли*¹⁾! Накануне Петрова дня (28 июня) меня удивляли по дороге невиданные мною никогда сцены: где мы ни проезжали мимо селений, везде вдоль берега у самой воды были наставлены целыми десятками костры с висящими над ними котлами с водой, и все женщины сутились около них; оказалось: чтобы не делать в избах беспорядка и не тратить время на тасканье воды в гору, крестьянки забирают все белье с корытами и отправляются с ними, ставят у самой реки свой нехитрый костер (как у пастухов в поле) и тут стирают, полощут и сушат на солнышке свои доспехи. Подивилась я оригинальной практичности тотемских поселянок и живо вспомнила исландские типы, как исландские женщины, тоже ради порядка, готовят кушанье своим семьям на горячих источниках под открытым небом.

День 29 июня прошел чудо как хорошо: утром у меня Батюшка долго сидел, кушал и разговаривал, я до слез была тронута его вниманием; он дал мне 5-й том своей книги «Моя жизнь во Христе»⁴⁷, и я много ее с ним читала. Чудная и неоценимая эта книга, — и мне дорого было ее читать вместе с отцом Иоанном, потому что он один только мог понять мой искренний восторг от глубокого смысла и значения каждого почти слова в ней. Все пассажиры, видя внимание ко мне отца Иоанна, высказывали и свое ко мне расположение: с одного конца парохода до другого я была общим баловнем, как и на макаровском... Легко и радостно у меня было на сердце; но и все мое путешествие с отцом Иоанном было как один светлый радостный день, без малейшей тени ночи (да и в действительности, с 10 до 27 июня я буквально не видала ночи, потому что в это время года в Архангельской губернии ночи совершенно не бывает: там и в 12 часов ночи так же светло, как в 12 дня), я только от всего сердца благодарила Бога за все. Но перед грозой всегда бывает хорошая погода. То же и со мной случилось: 30 июня в 3 часа утра приехали в Вологду, и несмотря на ранний час, отца Иоанна встретила масса народа; многие, говорят, с вечера сидели на пристани. Батюшка сейчас же уехал в город, а мы остались на пароходе, чтобы раньше народа перебраться на вокзал и устроиться с багажом. На вокзале отца Иоанна провожала тьма народа, да и на каждой станции его дожидали целые массы; отец Иоанн почти везде бла-

¹⁾ Пс. 8, 10.

гословлял людей из окна вагона. Особенно меня тронула встреча отца Иоанна в Данилове: людей было целый поток, когда поезд тронулся, все ринулись за ним, и никакая полиция не могла их сдержать, так что поезду долго пришлось идти тихо; глядя в окно, я только крестилась и думала: вот искренняя-то любовь и вера бежит!

Не доезжая последней станции Уткино, отец Иоанн подозвал меня и, прощаясь, сказал опять: «Поедем в Горицы», — и вышел в Уткино, чтобы ехать на лошадях недалеко куда-то; а мы, его спутники, приехав в Ярославль (там Батюшку тоже дожидалась масса народа с губернатором во главе) и поместившись на лодке, направились к пароходу, который был нанят для отца Иоанна двумя купчихами, проживающими в Петербурге, Л-й и З-й⁴⁸. Представьте же мое горе: когда подъехали к пароходу, то Л-я и З-я грубо отказали мне, говоря что нет места (пароход был пустой, без пассажиров). Я их просила и заметила, что если в каюте нет места, то я не только на палубе, но даже и в машине у топки с радостью помещусь, для отца Иоанна все готова перенести, лишь бы ехать с ним, потому что он сам мне сейчас сказал: «Поедем в Горицы»; но они насмешкой мне на это ответили. Заступиться за меня было некому; спутницы мои по лодке — племянница отца Иоанна и женщина, ему служащая, — хотя и искренно были ко мне расположены, но не смели заступиться, и я, точно ягненок, оторванный от матери, очутилась одна; их презрение, с которым они отнеслись к переданным мною словам отца Иоанна, меня просто ошеломило.

Горю моему не было конца, да и понятно: вся жизнь моя с колыбели прошла одним рядом горя и потерь; но еще ничто в жизни меня так глубоко и больно не огорчало, как этот отказ бессердечных женщин, и только один отец Иоанн, который хорошо знает мою жизнь, вполне поймет мое горе. Так совершенно внезапно и помимо воли отца Иоанна прекратилось мое с ним путешествие, и все только благодаря слепой ненависти, прикрытой благовидным предлогом. Но мне еще то было жаль (да и не мне одной, говорят, жаль этого), что я была лишена возможности описать, как Горицы светло встречали в третий раз свое дорогое солнце, которое только одно согревает и радует их в этой жизни. Но, видно, бесу завидно стало моему счастью.

Целую неделю я не могла успокоиться. 8 июля моя добрая знакомая Ч. предложила мне ехать с ней в Толгский монастырь (в вось-

ми верстах от Ярославля). С радостью я приняла ее предложение. 10 июля в пятом часу вечера Ч. вдруг говорит мне: «Посмотрите, какой-то пароход свистит»; я взглянула и едва успела ей рукой махнуть, как стрелой полетела на пристань. Пароход тихо подходит, и на палубе стоит отец Иоанн... Один Господь знает, что я тогда чувствовала, едва на ногах стояла, но не плакала, за неделю все слезы выплакала. Сойдя на пристань, отец Иоанн обнял меня, я ему и говорю: «Вот горе-то мое, Батюшка, не пустили меня на пароход, как я ни просила». Он, как мне потом передали, с видимым сожалением произнес: «Как же это так? А я-то, за хлопотами, и не позаботился, чтобы ее посадили на пароход», — и еще раз мою голову обнял. С пристани он отправился в монастырь к архиепископу Ионафану, за ним и я туда же. Добрый владыка, зная раньше из моих рассказов о моем горе, дал мне полную возможность видеть отца Иоанна у себя, за что я ему от всей души благодарна, и вправду, ничем бы он в жизни не мог мне доставить большей радости, как этим позволением. Никогда за это я не забуду добрую, отзывчивую душу нашего владыки.

У владыки отец Иоанн успокоил и утешил меня, и я от радости, что опять его вижу, забыла свое горе. Потом все пошли гулять в чудную кедровую рощу, едва ли не единственную в этой части России. Отец Иоанн приехал так неожиданно, что и народу почти не было. При входе в рощу он снял шляпу и перекрестился, сказав: *кедры Ливанские, ихже еси насадил*¹⁾! После всенощной, за которой, по обыкновению, он читал и пел на клиросе, он опять с владыкой гулял в роще и саду. 11 июля перед обедней отец Иоанн в третий раз посетил рощу, так она ему понравилась. За обедней, причащая младенцев, он и меня причастил... Боже мой, что я тогда испытала, принимая Святые Тайны... Точно небо над мной раскрылось, слезы градом покатились. Горячо я повторяла слова послепричастной молитвы: «Попали терние всех моих прегрешений. Душу очисти, освяти помышления...»²⁾ Действительно, как я глубоко ни была огорчена, с принятием Святых Таин вся горечь исчезла, опять светло и радостно стало на сердце, и я долго только и могла повторять: «Слава Тебе, Боже», — от всей души. В конце обедни отец Иоанн произнес проповедь на слова читанного в тот день Евангелия:

¹⁾ Ср.: Пс. 103, 16.

²⁾ Молитва 3-я, Симеона Метафраста.

И повелев (Иисус) народом возлещи на траве, и приемь пять хлеб и обе рыбы, воззрев на небо, благослови и преломив даде учеником хлебы, ученицы же народом. И ядоша вси и насытишася.

Мф. 14, 19–20

«С благословения преосвященного владыки, призвав в помощь Господа, хочу предложить вам, возлюбленные братья и сестры, несколько слов для общего назидания.

В основание слова возьму ныне читанное Евангелие о чудесном исцелении Иисусом Христом недужных и также чудесном насыщении Им в пустыне пяти тысяч народа пятью малыми хлебами и двумя рыбами. Евангелие начинается словами: *Во время оно, виде Иисус мног народ, и милосердова о них.* Все Евангелие, возлюбленные братья, в главных чертах есть священная повесть о бесчисленных делах милосердия Господа Иисуса Христа к людям. Ради крайнего милосердия Он сошел с небес на землю, облекся в плоть нашу и сделался человеком, по всему нам подобным кроме греха, не переставая быть Богом, чтобы у врачевать подобное подобным, чтобы исцелить злокачественный струп греха — всего человеческого рода; жил с людьми, не гнушался ни единого искренно кающегося грешника, всех наставлял словом, указуя пути ко спасению, сотворил бесчисленные благотворные чудеса, являвшие Его безмерную благодать и Божественное всемогущество, трудил путешествиями Свои пречистые ноги, претерпевал клеветы, поношения, гонения, биения, Крестные страдания и смерть и — воскрес как Бог. Столь велико, необъятно всеобъемлющее милосердие Господа Иисуса Христа. Он, как Творец, Промыслитель, Искупитель и Врач человечества, о всех болезновал, всех призывал ко спасению и радовался о всех обращавшихся.

Но обратимся к священной повести о чудесном насыщении народа. Милосердие Господа к пятитысячной толпе народа, который из-за жажды слышать слово Его удалился с Ним в пустыню и почувствовал голод, — крайне поучительно и назидательно. Оно показывает, что Иисус Христос есть Творец всего, Спаситель и Питатель рода человеческого. Довольно поучив народ словом и напитав души их нетленную пищую, Он питает и тела их вещественным хлебом и рыбами, но питает не как человек, а как Бог Всемогущий. Ученики Христовы, еще несовершенные и

маловерные, просят Его отпустить народ в селения для покупки хлеба, а Он говорит им, что это не нужно, и, повелев всему народу возлечь на траве, берет имевшиеся у учеников пять хлебов и две рыбы, взводит очи на небо к Отцу Своему, благословляет их, преломляет и дает ученикам для раздачи, а ученики раздают народу. И дивное чудо! Сколько ни раздают хлебы — они не убывают, как и рыбы, доколе не получают все по довольному количеству. Все насытились, сколько ни были голодны, и оставшиеся по насыщении куски далеко превышают бывшее в начале количество пищи, ибо оставшимися кусками наполнили двенадцать корзин. Чудное творчество, чудное благословение! Чудные руки! Ибо это те Божественные Руки, которые в начале сотворили небо — и землю, и твердо держат их в стройном чине многие тысячи лет. Это — те Руки, которые производят благодетельные громы в круге небесном и осиявают землю страшною молнией, как это слышали и видели не спавшие прошедшею ночью¹⁾, — громы и молнии, от коих содрогается все дышащее. Это — те Руки, которые привели из небытия в бытие бесчисленное множество огненных слуг небесных, Ангелов, ликующих на небесах в стройном иерархическом чине, непрестанно славящих Господа и наслаждающихся неизреченным блаженством от лицезрения Божия. Это — те Руки, которые создали бесчисленное множество одушевленных и неодушевленных тварей земных и размножили и размножают от одной крови весь род человеческий. Это — те Руки, которые разрушили ад, связали сатану, восхитили много-человечное богатство его и извели из ада души, им содержимые. Это — те Руки, которые произращают все плоды земные и дают пищу всякой плоти, которые изобильно произращают для человеков хлеб на полях и траву для скотов. Это — скажу наконец — те Руки, которые на Тайной Вечери благословили хлеб и вино, растворенное водою, со словами Дающего: *«Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое»* и: *«Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов»*²⁾. Да, чудесно насыщение пятью хлебами, но безмерно чудеснее питание нас Пречистым Телом

¹⁾ В эту ночь над Толгою и Ярославлем разразилась страшная гроза, от ударов грома, говорили, дома дрожали. — *Авт.*

²⁾ Ср.: Мф. 26, 26, 27–28; 1 Кор. 11, 24; ср.: возгласы священника после тайной молитвы во время Евхаристического канона «С сими и мы блаженными Силами...», из последования Литургии; .

и Кровию Богочеловека, которых мы, недостойные, сподобляемся так часто по милости Его. Поучительно, трогательно — умиленное зрелище чудесного насыщения народа хлебами и двумя рыбами, но безмерно поучительнее питание верных христиан Собственной Плотию и Кровию Господа, обновляющею растлившее грехами естество наше и обожающею достойно причащающихся.

Будем же, возлюбленные братия и сестры, любить, благодарить и прославлять Господа Щедрого и Многомилостивого, питающего нас всякий день хлебом и всякими плодами и сладостями земными; но особенно будем любить и благодарить Его за то, что Он дает нам в пищу и питье Пречистое Тело Свое и Божественную Животворящую Кровь, и будем любить друг друга и творить милосердие ближним, как Он заповедал нам. Аминь».

Он говорил с видимым увлечением и горячо. Ярославцы еще в первый раз слышали отца Иоанна у себя дома, и нечего говорить, с каким благоговением ловили каждое слово горячо любимого и чтимого ими отца Иоанна. Кажется, никогда еще в этом древнем обширном храме Толгского монастыря столько слез умиления не было пролито, сколько теперь во время проповеди, говоренной отцом Иоанном. Весь собор, битком набитый, плакал. Вскоре после обедни отец Иоанн с владыкой уехали в Николо-Бабаевский монастырь, а я отправилась в Ярославль⁴⁹. Вечером пошла на машину провожать Батюшку; на дороге встретилась с племянником отца Иоанна И.В. Фиделиным, который любезно пригласил меня и привез на вокзал. Благодаря его доброй душе, я имела возможность проститься с отцом Иоанном у него в вагоне; и только когда поезд умчался, я почувствовала себя опять страшно осиротелой и залилась слезами...

Поездка в Суру и возвращение оттуда с отцом Иоанном Кронштадтским

Не думала я, что мне Господь приведет и в нынешнем 1894 году увидеть благословенную Суру! В бытность нашу в прошлом году в Суре меня очень беспокоило и интересовало, как отец Иоанн был озабочен (как мне тогда говорили) относительно обсеменения лугов! Всякий знает, кто бывал на севере, как он беден растительностью: кроме дремучих лесов из сосны и елей да всевозможных видов мха ничего почти нет, — и я нигде в России не видывала такой жалкой и редкой травы, какая растет в Пинежском уезде. И там говорят, что от недостатка корма нередко бывает падеж скота. Отец Иоанн все заботится, как бы оплодотворить песчаную почву, на которой так плохо все растет. В сентябре прошлого года мне случайно в газетах попала статья о новом кормовом растении для скота, которое, как гласила газета, отлично растет на всякой почве и во всяком климате. Я обрадовалась и показала эту статью отцу Иоанну. Он вполне одобрил ее, и эту-то траву он благословил мне свезти в Суру на пробу, и если она действительно полезна, развести ее и в других местах. Бог помог мне найти в Петербурге эти корни, и, получив 26 апреля из Вологды телеграмму, что первый пароход в Пинегу пойдет 3 мая, я с благословением отца Иоанна полетела в дальнюю дорогу, везя с собой и корни. Правду сказать, жутко было мне ехать одной, потому что несколько раз приходилось пересаживаться на пароходах, а в Архангельске и Пинеге по несколько дней ждать их. Но Бог, видимо, благословил мне эту дорогу: в Вологде, Архангельске, Пинеге и в других местах добрые знакомые, узнав, с какой я целью еду, всячески содействовали моему путешествию, а в Усть-Пинеге на пароходе Володиных предложили даже бесплатный проезд в 1-м классе до Веркольского монастыря (четверо суток). Наконец, 16 мая я добралась до дорогой мне Суры и здесь была радушно встречена старыми приятелями и сурянами. Не могу выразить словами, что я чувствовала, опять увидя самый дорогой для меня уголок на земле: дорого

мне было дышать тем воздухом, ходить по той земле и видеть те места, где родился и провел детство наш великий молитвенник пред Богом.

С первых минут приезда я ушла в самые разнообразные хлопоты. Сейчас же посадили корни, которые к приезду отца Иоанна (через две недели) успели отрасти. Стали совещаться со священником и учительницей, как бы лучше и торжественнее встретить дорогого Батюшку, с которым, как носились слухи, может быть, приедет и архангельский владыка Никанор. Убирались в церкви, приводили в порядок ризницу; в школе — в этом любимом детище отца Иоанна, составляющем главную его заботу, — приготавливались к экзаменам. Надо отдать полную справедливость и искреннюю признательность священнику с диаконом и учительнице с учителем за их безукоризненно добросовестное отношение к своему долгу⁵⁰, а равно и питомцам школы: с 1 октября минувшего 1893 года началось ученье, и дети, поступившие в школу совершенными дикарями, едва умевшие говорить, теперь, к концу мая 1894 года, отлично читали, знали много молитв, учили закон Божий, русский язык, арифметику, а писали так правильно и красиво по-русски и славянски, что я, по совести признаюсь, и во втором классе гимназии не видывала у учащихся такого правильного и красивого почерка. Все мальчики и девочки хорошо шьют и вяжут и сами себе сшили рубашки; все учащиеся в школе, 60 человек, говорят, прекрасно поют по нотам. И не верилось, что все это было достигнуто в восемь месяцев учения; видно, что и учащие, и учащиеся положили в ученье всю душу, — и дай Бог, чтоб эта школа на родине отца Иоанна, в самом глухом и отдаленном уголке России, так же, как и сам основатель ее, была образцом для всей России...

Везде в Суре шла кипучая работа; все точно к светлому празднику готовились... В свободное время я каждый почти день ходила гулять в два самые заветные для меня места: на место рождения отца Иоанна и на Поклонную гору. Первое — на противоположном от храмов конце села, совсем в поле, вблизи чуть живой старинной деревянной часовни, среди сыпучего песка; еще в прошлом году были видны только обломки (их я тщательно собрала тогда и храню, как вещественных свидетелей рождения отца Иоанна) полусгнивших бревен от той избушки, в которой в благодатную ночь на 19 октября 1829 года родился дивный избранник Божий... Боже мой! Какими думами у меня тогда на этом месте

бывала переполнена голова и сердце: вот тут, почти среди поля, в полуразвалившейся избышке, засветилась современная нам звезда земли русской и с годами все выше и выше, ярче и ярче стала подниматься и светить, и теперь далеко за пределами Руси ее видно, — и всем она светит живой крепкой верой в Бога, и всех она греет искренней горячей любовью к людям... Вот больной, приговоренный докторами к смерти; горький ли пьяница или распутный, но желающий исправиться; супруги ли, измученные семейными разладами; неудачник ли в жизни или невинно опороченный и приведенный в отчаяние, и тем подобные несчастные, — к кому им обратиться? Кто их поддержит и утешит? И они, слыша о теплом молитвеннике отце Иоанне, стремятся к нему как ближайшей звезде спасения их... И он всех их с любовью принимает, о всех горячо молится, и по вере их Господь многим из них дает просимое. Искренно признаюсь, меня не так удивляют многочисленные исцеления, бываемые по молитве отца Иоанна (и искусный доктор может вылечить больного), как поражает тот благодатный нравственный подъем духа, совершающийся при содействии молитвы отца Иоанна над несчастными, заживо умершими душой (всякий испытанный знает, что нравственная болезнь гораздо опаснее телесной). Сколько приходится слышать и видеть нам примеров, как совсем нравственно погибшие люди, попавшие на общую исповедь и слышавшие горячую, проникающую в душу каждого, боговдохновенную речь отца Иоанна или имевшие счастье беседовать с ним, как бы отрезвляясь, приходили в себя, бросали прежний образ жизни и делались добрыми семьянинами, честными и полезными тружениками. Удивительно ли после этого, что с каждым годом народная масса все растет и плотнее окружает отца Иоанна! Его всех объемлющая любовь, как лучи солнца, всех греет и всех привлекает к себе... И на этом-то с виду убогом месте, где явился на свет этот великий светильник Божий, мне Бог приводил целые часы проводить в глубоких думках. И невольно иногда и телом, и душой поклонись на этом месте и крепко прильнешь головой к камню... Теперь тут строят каменную часовню, и уже выведен фундамент.

Другое место для моих дум была гора Поклонная, любимое место прогулок отца Иоанна, в двух верстах от Суры, за речкой Сурой. Пройдя луг, потом, по краю леса в гору, маленькую деревеньку, местность все выше и выше поднимается в гору, покрытую лесом. Отклоняясь по горе немного влево, очутишься прямо у

обрыва горы и невольно перекрестишься: вся Сура со своими храмами сразу открывается перед глазами. Лес тут несколько редееет и идет под гору; прямо внизу речка Сура вьется среди луга широкой лентой; влево река Пинега; прямо село Сура, а дальше и вширь тянутся лес и холмы, насколько только может охватить глаз.

Отец Иоанн, говорят, в свободное время любит целые часы проводить тут в молитве. Действительно, глядя на окружающую живописную природу, среди зелени которой возвышается белый чудный храм Божий, невольно приходишь в молитвенное и благодарное настроение к Творцу всего видимого чудного творения — Богу. В подобных прогулках и хлопотах я и не заметила, как две недели прожила в Суре у своей дорогой подруги, учительницы школы А.А. Сосиной, с которой большею частью и делила свои прогулки.

21 мая, в субботу, было получено разрешение за ветхостью разобрать старую деревянную теплую церковь⁵¹, во имя святого Николая Чудотворца, перенести на кладбище и там вновь поставить ее. В этот же день была совершена в ней всенощная, а 22 мая — Литургия. Еще в первый раз я была в этом убогом, бревенчатом, закоптелом храме на богослужении, и благоговейное умиление охватило мою душу: живо я себе представила, как в былое время в эту низенькую дверь храма с высоким порогом, через который, вероятно, еще перелезал маленький тогда, но в настоящее время великий — Иоанн, как он, стоя таким же, может быть, босоногим, как и все его сверстники, с благоговением и вниманием слушал, что поют и читают на клиросе; и как благоговорно действовали на его чуткую впечатлительную детскую душу все наши дивные церковные песнопения; на какую благодатную почву они пали и какой богатый и обильный плод принесли! Невольно пожелалось, чтобы и наши современные дети учились стоять в церкви с благоговением и вниманием, беря в ней уроки благочестивой жизни.

23 мая утром духовенство и вся школа отправились в названную церковь. Священник с диаконом в полном облачении, раздав нам иконы, какие находились в церкви, последний раз помолившись перед святым престолом, подняв святой антиминос и мощи на дискоме на голову, при пении сначала тропаря: «Правило веры и образ кротости...»¹⁾, а потом пасхальных стихир, при торже-

¹⁾ Тропарь святителю, глас 4-й.

ственным колокольным звоне, с крестным ходом направились в старый холодный храм, в котором положив святой антиминс и иконы, вернулись обратно, сняли святой престол (столбы которого глубоко были вделаны в пол, так что пришлось вырубать пол, дабы вынуть их в целости), оставшиеся иконы и Царские двери и тем же порядком перенесли туда же. Сейчас начали ломать изящный старинный чешуйчатый пятиглавый купол, причем громадные глыбы чешуи, наподобие лодок, говорят, со свистом слетели по блоку на землю; но кресты с глав сохранили в целости (что вполне удалось, благодаря благоразумной распорядительности священника). Крест на главной главе обвязали веревкой и осторожно потянули блок: крест двинулся с места... В эту минуту раздался пасхальный колокольный звон. Крест тихо, торжественно стал опускаться в вертикальном положении и прямо встал на землю. Невозможно было видеть без слез это зрелище: высоко сверху, точно с неба, спускался на наши головы крест животворящий, простой, деревянный, от времени весь потемневший и покрытый белым мхом. Так же осторожно были сняты и остальные четыре креста. Занумеровавши все бревна, живо стали разбирать всю церковь. Труднее всего было разобрать громадную старинную печь, которая занимала чуть не треть церковной трапезы. В неделю все разобрали, землю выровняли, и на место, где помещался святой престол, поставили тумбу.

29 мая получилось известие, что отец Иоанн уже едет в Суру⁵². Все встрепнулись... Я наняла почтовых лошадей (удивительная порода северных лошадок: они с виду неказисты, лохматые, на коротких ногах, но, почуяв упряжь, дружно подхватывают тарантас и ровной рысью вихрем мчатся, так что дух захватывает (отлично на них ездить!)), и — марш в Веркольский монастырь: встречать Батюшку. Там мне сказали, что отец Иоанн с архангельским владыкой приедут вечером 1 июня и что архимандрит едет их встречать в Карпову гору (в сорока верстах от монастыря).

1 июня, часа в два, я случайно вышла на берег. Вдруг показался пароход; все ближе и ближе подходит к пристани: смотрю, на рубке стоят архиерей и отец Иоанн. Архимандрит сошел на пристань, а пароход стал отчаливать. От удивления, что владыка и отец Иоанн не сошли на берег (мне говорили, что они будут ночевать в монастыре), я руками развела и спрашиваю отца Иоанна: «А мне как же быть?» Он наклонился ко мне и махнул к себе рукой, а матросам велел трап спустить. Живо они это сде-

лали, внизу меня архимандрит поддержал, а сверху — матросы подхватили, и я в одну минуту очутилась подле отца Иоанна: вот радость-то мне была! Пароход был казенный, военный⁵³, так что, кроме жены командира с родственницей да спутников отца Иоанна, пассажиров никого не было. После обеда мы все с отцом Иоанном находились на рубке, с нетерпением дожидаясь, когда покажется Сура; наконец, в 9 с половиной часов вечера, при последнем повороте парохода налево, Сура сразу открылась перед нами, и в то же время там раздался торжественный звон. Отец Иоанн радостно снял шляпу и со словами: *«Слава в вышних Богу, и на земли мир»*, — перекрестился. Владыка, как мне сказали, обратился к отцу Иоанну и сказал: «Поздравляю вас, дорогой Батюшка, с приездом на родину». — «А вас, владыка, — с прибытием ко мне в Суру», — весело ответил ему отец Иоанн, и оба сердечно обнялись.

Все ближе подходил пароход. Отец Иоанн, владыка да и все находившиеся на пароходе были приятно удивлены открывшейся картиной: по случаю мелководья мостки шли чуть не на треть реки; на конце их была устроена триумфальная арка, вся убранная красной материей, флагами и венками из живых цветов. На мостках в порядке стояли питомцы школы: девочки — в форме, мальчики — в красных ими самими сшитых рубашках. Под аркой помещался хор певчих, с духовенством, учителем и учительницей во главе, и все стройно пели: *«Слава в вышних Богу и на земли мир!»* Весь берег был покрыт народом, иные забрались по колени в воду. Нужно было видеть, с какой радостью и удовольствием смотрел на все это отец Иоанн. Эта радость так и светилась в его глазах.

Когда пение кончилось, он всем поклонился, сказав: «Здравствуйте, суряне, сестра и племянники⁵⁴!», а они отвечали ему низкими поклонами, утирая глаза рукавами, и все побежали за пролеткой, в которой он с владыкой поехал в церковь. Туда еще ранее духовенство и певчие проехали и встретили их на паперти: духовенство в полном облачении со святым крестом и святой водой, а певчие — пением: «Вознеслся еси во славе, Христе Боже наш¹⁾!» Архиерей с отцом Иоанном вошли в храм и видимо залюбовались им, да и было чем: вся церковь была устлана великолепными коврами (главный из них вышит по

¹⁾ Тропарь Вознесения Господня, глас 4-й.

канве нами, ярославскими женщинами), все Царские двери трех алтарей были открыты, и весь храм был залит огнями и лучами заходящего солнца, от которого богато вызолоченный иконостас ослепительно горел и казался каким-то неземным чертогом. Невольно, идя за отцом Иоанном, приходили на мысль чудные слова молитвы: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам...»¹⁾

После вечерни владыка произнес горячую, но простую речь сурьянам, как мне передали, указав на отца Иоанна, что Господь из среды их воздвиг им такого чудного покровителя и благодетеля, и доказал, как необходимо учить детей страху Божию и благочестию. Кончив речь, владыка стал всех благословлять. Потом он с отцом Иоанном пошел планировать новую каменную школу, которую хотят поставить между теперешней школой (она далеко не вмещает в себя всех нуждающихся в ученье детей) и церковью. Все это место было загромождено грудями камней, приготовленных для закладки. Распланировав место, отец Иоанн обратился к рабочим с просьбой убрать к утру с этого места камни и окопать его, обещая щедро наградить их за это. И тут-то началась кипучая работа (я всю ночь не спала, любуясь всем, да в эту яркую, как день, ночь в Суре, кажется, никто не спал). К девяти часам утра 2 июня все было готово к закладке. После обедни, совершенной архиереем с отцом Иоанном и другими священниками, крестным ходом с колокольным звоном все направились на место закладки. Там был совершен водосвятный молебен, после которого архиерей вложил в приготовленное место жестяную доску с выбитой на ней надписью: когда, кем и какое здание закладывается. На эту доску тотчас посыпались серебряные монетки, и она закрыта была плитой и заделана. На остальных углах первые камни закладывали просто владыка, отец Иоанн и другие, и потом тем же порядком вернулись в церковь. Я в первый раз в жизни присутствовала на закладке здания, и эта церемония меня очень заинтересовала.

После чаю все пошли на экзамен в церковно-приходскую школу. Владыка первых начал экзаменовать девочек, но вызванные им девочки, в первый раз в жизни после серой всегдашней обстановки увидав перед собой, по их выражению «набольших» в крестах и орденах, перетрусили и переконфузились (в

¹⁾ Ексапостиларий (светилен) в Страстную седмицу.

Суре я заметила, что девочки удивительно застенчивы и этим резко отличаются от мальчиков). Но чисто отеческая ласка отца Иоанна скоро их ободрила, и они отвечали толково и вполне удовлетворительно. Мальчики выглядели и отвечали бойко. Архиерей всем раздавал привезенные им своего сочинения брошюры. После экзаменов общеобразовательных перешли в рукодельный класс, в котором лежала целая гора белья, сшитого детьми. Здесь две маленькие девочки поднесли владыке и отцу Иоанну ими самими вязанные салфетки. Кончились экзамены певческим классом, образованным старанием нового священника — отца Ф. Цветкова. В Суре с осени прошлого года составился небольшой, но, говорят, прекрасный хор, впрочем, теперь уже вся школа отлично поет.

После экзаменов осматривали старинную холодную церковь. День был красный, солнце так и жгло чисто по-южному. Пока бегали отыскивать сторожа с ключами, отец Иоанн с владыкой, видимо, утомившиеся от жары, сели на одном полене, случайно попавшемся тут. Дорого было видеть, как два светильника церкви Божией, проповедующие слово Божие с церковной кафедры, скромно сидели на одном полence на крылечке убогого деревянного храма! Наконец ключи принесли, и все вошли в церковь. Все в ней дышит глубокой стариной, хотя ее немного и подновили. Вся напрестольная утварь оловянная, но украшена старинной изящной резной работой; в ризнице особенно замечателен китайчатый стихарь с нарисованными на оплечье цветами и китайцами; ему, говорят, около четырехсот лет.

Отец Иоанн показывал нам еще большой образ святого праведного Артемия Веркольского, древнего письма; да и других немало там старинных вещей. Так меня этот храм заинтересовал, что не хотелось и выходить из него. После церкви прошли в часовню над могилой родителя отца Иоанна и затем на могилу деда его. Как тут, так и там владыка и отец Иоанн при участии почти всех присутствующих хором пели литию и «вечную память». Наконец, усталые, они вернулись в приготовленный для них дом. Батюшка всех гостей радушно пригласил к себе на обед.

Нужно сказать, что за казенным пароходом, на котором мы ехали, шел из Архангельска пассажирский пароход, полный богомольцев, поэтому не удивительно, что у Батюшки набралось гостей полон дом. За обедом первый тост был за Государя; все встали и хором пропели: «Боже, Царя храни!» Дорого было пить

за здоровье искренно всеми любимого Государя, и где же? — на далеком севере, в беспросветной глуши, в гостях у самого отца Иоанна. Во время пения отец Иоанн несколько раз перекрестился, точно молился, чтобы Господь хранил Своего Помазанника на всех путях его жизни. Все были радостные, счастливые от переживаемых часов под кровом Батюшки; время шло весело и незаметно.

После обеда владыка стал собираться ехать в Веркольский монастырь. Еще раньше своей добротой и искренней простотой владыка всех нас расположил к себе; и тут я, как сидела за столом, в одном платье и накидке пошла его провожать на пароход. Отец Иоанн пожелал проводить владыку до Веркольска, чтобы тотчас же вернуться назад, причем захватил и меня с собой. К ночи приехали в Веркольский монастырь и прямо направились в собор, где собором иеромонахов был отслужен молебен, и за поздним временем все разошлись на отдых.

3 июня утром мы вместе с учительницей из Суры пошли было в собор, но узнав, что в келиях у архиерея идет заутреня, направились туда. Вдруг кто-то приходит с парохода и докладывает отцу Иоанну. Он озабоченно покачал головой и что-то стал говорить. Я спрашиваю учительницу, что это значит? Она мне отвечает: «Сейчас донесли Батюшке, что вода в реке совсем упала: пароход не может вернуться назад, и Батюшка решил после обедни немедленно ехать в Архангельск». Как кипятком обварило меня это известие.

Когда кончилась заутреня, я и спрашиваю Батюшку: как мне быть? «Поедем со мной!» — был мне от него ответ. Господи! Не могу выразить, как меня обрадовали эти слова, — точно камень свалился с души. Я ни на минуту не смутилась, что придется проехать почти две тысячи верст в одном платье; у меня одна была мысль: «Пусть у меня все пропадет, лишь бы не потерять отца Иоанна, который для меня дороже всего земного».

После обедни, которую служил архиерей с отцом Иоанном, архимандритом и многими иеромонахами, был совершен торжественный молебен святому праведному Артемию, во время которого отец Иоанн, взглядывая на раку, горячо и со слезами молился... и действительно, много мне Бог привел на Руси объехать и поклониться мощам святых угодников Божиих, просиявших подвигами и святостию своей жизни, но нигде я такого глубоко благоговейного чувства не испытываю, как тут, при взгляде

на небольшую раку с мощами святого отрока Артемия: не отличался он особенными подвигами, работал в поле и дома с отцом; но святым и праведным его сделала постоянная память о Боге и страх Божий, руководившие с младенчества каждым его шагом, посеянные в сердце его родителями, хотя простыми, неучеными земледельцами, но глубоко мудрыми своим благочестием, и у которых многому могли бы поучиться нынешние просвещенные, образованные родители, дающие своим детям блестящее образование, но не умеющие посеять в их душах самого главного — *благочестия*, которое, по словам святого апостола, *на все полезно*¹⁾.

После молебна архимандрит всех нас радушно пригласил к обеду. Гостей и здесь было пропасть. Первый тост тоже был за Государя и опять, как у Батюшки в Суре, все пели хором: «Боже, Царя храни!» Потом был тост за владыку. Когда стали пить за здоровье отца Иоанна, добрый владыка сказал прекрасную речь, видимо вылившуюся прямо из сердца, которая всех до слез тронула. Отец Иоанн горячо его благодарил. Тут одно обстоятельство всех удивило и порадовало: когда я подошла к отцу Иоанну с бокалом обыкновенной величины чокнуться, то он, долив его красным вином из своего бокала, показал, чтобы я всех им напоила; я обошла весь стол, все из него отпили, и всем гостям, которых было до пятидесяти человек, хватило вина. Наконец был тост за всех истинных почитателей отца Иоанна (и я от души попросила Бога, чтобы Он вложил в сердца людей, его окружающих, почитать Батюшку не языком, а душой, беря с него на деле живой пример любви ко всем, кротости и полного бескорыстия). Тут принесли из ризницы большой старинный ковш-братину²⁾, серебряный, весь украшенный орлами и надписями, который, как гласит надпись, в 1692 году пожертвован Веркольскому монастырю жителем Верколы Никитой Пестовым «на помин душ своих родителей» и полученный им от царского воеводы. Владыка налил в него красного вина, и ковш из рук в руки обошел весь стол, все из него пили и всем достало. Этот обед также прошел очень оживленно, говорили про старину, которой в Верколе много. Потом мы с доброй Е.С. Рыниной (из Архангельска) успели еще съездить за две версты на место, где праведный Артемий был убит молни-

¹⁾ 1 Тим. 4, 8.

²⁾ Братина — старинный большой шаровидный сосуд, в котором подавались напитки для разливания по чашам или питья вкруговую.

ей; там стоит крошечная деревянная церковь, без всяких украшений, но для верующих это место особенно дорого.

В 4 часа вечера при колокольном звоне архиерей и отец Иоанн оставили монастырь. Народу набралось множество неведомо откуда в одну ночь и заполонило собой весь монастырь. На пароходе мне было отлично: добрый командир парохода И.И. Зеленкович с женой, душой преданные отцу Иоанну, тепло и спокойно меня устроили в каюте 1-го класса. В 11 часов утра 4 июня остановились в Пинеге — это самый маленький (но для нас, почитателей отца Иоанна, и дорогой) городок. В нем одна церковь, собор белый каменный в два этажа⁵⁵. В нижнем помещается теплая церковь, в верхнем — холодная, — обе очень благолепны и безукоризненно чисто содержатся. Владыка и отец Иоанн ненадолго ездили в город и вскоре вернулись. Все пинегжане высыпали на берег и с колокольным звоном проводили дорогих гостей. В 5 часов вечера приехали в Усть-Пинегу. Там купили восковых свечей, с пассажирского парохода перевели архиерейских певчих; в передней части рубки устроили подобие престола, расставили на нем образа, какие только нашлись на пароходе, наставили свечей и началась всенощная.

Господи, что это была за чудная всенощная, едва ли не единственная во всей моей жизни!

Пароход как птица летел по могучим волнам Северной Двины, а с него неслись чудные прославления Троицы Святой... Я раз спрашиваю: «Что поют?» И мне отвечают: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй!» И действительно, вода, небо и видневшиеся по сторонам леса и горы были наполнены этим дивным песнопением! Казалось, все славило вместе с нами в Троице Бога Единого!.. Никогда еще, кажется, не производила на меня служба такого благотворного впечатления, как эта всенощная среди двинских волн. Отец Иоанн стоял передо мной и, видимо, всем существом своим молился, что я инстинктивно чувствовала.

В десятом часу кончилась всенощная, и все мы, точно после светлой заутрени, радостно поздравляли друг друга, и еще долго все, начиная от владыки до последнего матроса, находились в каком-то торжественном настроении и, видимо, были под влиянием кончившейся службы. Все точно чувствовали и сознавали, что последние минуты мы находимся в таком близком, тесном молитвенном общении с отцом Иоанном, и всем были дороги

эти минуты и едва ли у кого из нас они изглядятся из памяти. Потом в каюте подан был чай и ужин. Все мы дружно, как бы одна родная семья, поместились около владыки и отца Иоанна. Это была поистине, как во времена апостолов, *вечеря любви*¹⁾. Все были веселы и счастливы. Отец Иоанн тоже был весел и разговорчив.

Вскоре показался и Архангельск! Когда в первом часу ночи остановились, несмотря на то, что даже и свистка не было, народу на пристани было много. Для отца Иоанна квартира была приготовлена у пароходовладельца Булычева, но по просьбе Батюшка переночевал у владыки. Тут мне пришлось проститься с добрым архангельским архиереем, который всю дорогу всех нас более и более удивлял своими душевными качествами, и, прощаясь, я ему искренно сказала: «Право же, владыка, вы не только саном, но и душой настоящий архиерей Божий!» И действительно он, кажется, с дерзновением может сказать вместе с апостолом своей архангельской пастве: *подрожайте мне, как я Христу*²⁾. А в чем подражать? На это архангельцы, а главное — духовенство Архангельской епархии (которое мне о нем рассказывало и искренно его любит) — сами ответят: «В сердечной доброте, терпении и любви ко всем».

5 июня, в День Святой Троицы, в Архангельском соборе был храмовой праздник. Архиерей, в сослужении отца Иоанна и целого собора священников, совершил торжественное богослужение. После обедни, когда прикладывались ко кресту, владыка многим давал цветы. Весь этот день отец Иоанн провел в визитах, но ночевать приехал к Булычевым. На другой день, 6 июня, Батюшка служил заутреню в семинарии, мы с ним туда приехали рано: на дворе никого не было, и церковь была еще заперта. Батюшка там оживился, быстро, как свой человек, вбежал по лестнице, повернул направо и позвонил у дверей ректора⁵⁶. Пока отпирали церковь, собирались семинаристы да приводили все в порядок, прошло добрых полчаса. Наконец все было готово. Отец Иоанн с ректором, радостный, вошел в церковь, помолился иконам (которым, вероятно, он молился будучи еще семинаристом) и весело поздоровался с учениками. Те ему ответили поклоном, и началась заутреня. Певчие пели на оба клироса. Отец

¹⁾ Иуд. 1, 12.

²⁾ 1 Кор. 4, 16.

Иоанн почти все время стоял на клиросе, читал и пел с ними. В церкви по левую сторону стройными рядами стояли остальные семинаристы; все они и певчие всю почти службу не сводили с него глаз. Какие мысли роились в их молодых головах? Думаю, что не один из них искренно пожелал в душе быть хотя немного похожим на своего великого предшественника; ведь одна и та же семинария, как его в былое время, так и их теперь учит и воспитывает. Дай-то, Господи, молилась я тогда, чтобы эта благословенная семинария дала нам еще хотя одного подобного светильника Божия. После заутрени отец Иоанн обратился к семинаристам с речью. К сожалению, около меня не было никого, кто бы мог, хотя вкратце, передать мне его слова, а сама я ничего не слышу; но заметила, что он говорил горячо, и с каким вниманием слушали его ученики: все точно замерли, у многих были слезы на глазах. После речи все они спешили поцеловать его руку, и он, благословив их всех, удалился из церкви. Позднюю обедню отец Иоанн служил с владыкой в Архангельском монастыре. Высокий светлый большой храм произвел на меня радостное впечатление. На левом клиросе пели архиерейские певчие, а на правом — воспитанницы епархиального училища. Перед обедней Батюшка подошел к ним, ласково поздоровался и поговорил с ними; их почти детские розовые личики так и сияли радостью.

С прошлого года храм этот все ремонтировался; в этот день было торжественное поднятие креста на главный купол. После обедни владыка, отец Иоанн и многочисленное духовенство вышли из церкви и перед западными дверями владыкой был отслужен водосвятный молебен. Приготовленный громадный крест, весь обвязанный веревками, троекратно был окроплен святой водой и с колокольным звоном при пении: «Спаси, Господи, люди Твоя», — тихо стал подниматься все выше и выше. Вспомнила я тут, как две недели назад также тихо, торжественно в Суре спускался на нас святой крест, и невольно пришли на память слова из канона Святому Кресту: «Крест воздвигется, и падают духов воздушных чинове. Крест снисходит, и нечестивии вси ужасаются, яко молнию видяще крестную силу»¹⁾. В этот день отец Иоанн в 4 часа дня выехал в Матигору к своей сестре А.И.⁵⁷ Со всех сторон архангельцы слетелись проводить своего дорогого земляка. Отец Иоанн приехал на пароходе с архиереем, и тут

¹⁾ Тропарь 4-й, песнь 6-я, канон Честному Кресту, глас 4-й.

мы совсем простились с добрым владыкой, который оставил во мне самое доброе воспоминание. Когда отъехали от пристани, Батюшка с видимым удовольствием перекрестился и полюбовался на только что поднятый сегодня крест, который, весь резной и вызолоченный, как жар блестел высоко в воздухе под яркими лучами солнца, и еще долго он, точно звезда, провожал нас. Пароход опять был Макаровых; он так дорог мне по воспоминаниям прошлогоднего на нем путешествия.

Кроме сына и дочери Макарова с Батюшкой еще поехало несколько архангельцев до Холмогор; всю почти дорогу отец Иоанн с ними беседовал, и сколько радости и душевного здоровья принес им своей беседой! К полночи, которая была так же ярко светла, как полдень, мы стали подъезжать к Холмогорам, и нас первые приветствовали знаменитые и коренные обитатели этого уезда — холмогорские коровы, которые, точно желая показаться, преважно выступили к берегу реки. Батюшка весело любовался на эту крупную красивую породу, какой у нас, внутри России, кажется, редко очень встретить можно. Более двух часов пароход в виду Матигоры ходил взад и вперед, стараясь пристать к берегу, и все безуспешно; чуть не до половины реки вода была почти по пояс. Наконец спустили лодку, и мы с Батюшкой, оставив всех сопутствующих на пароходе, благополучно подплыли к берегу, где отца Иоанна давно ждала лошадь. В 3 часа утра добрались до Матигоры. Нечего и говорить, с какой сердечной радостью добрая старушка с мужем встретила своего дорогого великого «Братца». Свое радушие они выражали так незатейливо, патриархально и вместе искренно, что я три дня, проведенные у них, чувствовала себя как дома, под родной кровлей. В 6 часов утра отец Иоанн поднялся служить заутреню и обедню, за которой удостоил меня причаститься Святых Таин, за что я от всей души благодарила Бога.

Храм в Матигоре, в честь Воскресения Христова, очень интересен: 10 июля в минувшем 1894 году ему исполнилось двести лет⁵⁸. Он высокий, светлый; иконостас пятиярусный; иконы в нем гораздо древнее храма и перенесены сюда из старой церкви села Шильцова, отличаются древностью письма. Особенно замечателен по живописи местный образ Божией Матери «Неопалимая Купина». Колокола тоже перенесены из той же церкви; главный из них в 50 пудов — с греческой надписью, другой в 17 пудов — разбитый и от старости совсем почерневший. В прошлом году

отец Иоанн взбирался на колокольню и в каждый колокол ударял сам, пробуя звон. После обеда, к которому собралось немало родных отца Иоанна, он куда-то ездил и, отдохнув, опять уехал кататься. Подивилась я, увидав дорогого своего Батюшку на какой-то непонятной для меня двухколесной колымаге, в которой приходится сидеть, держа колени почти у груди, потому что вместо сиденья наложена грудa сена и подушка, и подумала, что бы сказали петербургские почитатели, катающие Батюшку в тысячных каретах, увидавши его в такой библейской колеснице, смахивающей немного, судя по картинам, на колесницу Илии пророка, в которой он взят был на небо; только та колесница была огненная, а эта самая заурядная, деревянная. Но правду надо сказать: Батюшка садился в этот экипаж заметно с бóльшим удовольствием, чем в петербургскую карету. Там он находится вечно под конвоем целой толпы народа, которая его с утра до ночи теснит и жмет; тут же он был вполне на просторе и, видимо, наслаждался этой свободой.

Нигде я его не вижу таким веселым и спокойным, как в архангельских палестинах: там ему все свое.

Накатавшись, он еще долго гулял около дома; никто его не беспокоил. Отправилась и я гулять на погост и живо вспомнила нашу прошлогоднюю с отцом Иоанном на этом месте прогулку. Тогда среди могил особенное внимание его было обращено на плиту, надпись которой гласит следующее: «Под камнем сим лежит прах священника, Алексия Поромова, скончавшагося в 1826 году июля 27 числа; священствовал в Матигоре 16 лет; совершил два похода на кораблях из Архангельска в Кронштадт; за 1812 год получил наперсный крест». Теперь, подумала я, Бог воздвиг другого священника, который ежегодно совершает походы из Кронштадта в Архангельск, и как благотворны и благодетельны бывают эти походы для Архангельской губернии!

На другой день, 8 июня, игуменья Холмогорского монастыря Серафима прислала за Батюшкой лошадей, и мы отправились туда (пять верст от Матигоры). Отец Иоанн служил в монастыре во вновь отделанном храме заутреню и обедню. К концу обедни я вспомнила, что у нас в Ярославле сегодня происходит светлое празднование Ярославской иконы Божией Матери и память святых благоверных князей Василия и Константина, Ярославских чудотворцев, мощи которых покоятся в соборе. Отец Иоанн точно угадал мои мысли, вышел из алтаря и с ласковым видом

подал мне большую просфору, точно ради праздника одарил меня ею. Потом старушка-игуменья пригласила Батюшку к себе в келию; у нее он обедал и отдохнул. Матушка просила было меня у нее переночевать, говоря, что отец Иоанн завтра в соборе будет служить; но у меня духу не хватило расстаться с ним, и я следом за ним укатила в Матигору. И отлично сделала: все домашние там уехали в гости, и мы весь вечер почти одни просидели. Батюшка был в таком спокойном настроении духа; собрал около себя маленьких ребяток, рассадил на диване и принялся из своих рук их чаем поить, любуясь, с каким они удовольствием пили сладкий чай.

В 6 часов утра за Батюшкой опять из Холмогор лошади приехали, на этот раз он отправился к заутрене и обедне в собор. В прошлогоднем описании я говорила, что в этом соборе хоронят архангельских архиереев; теперь, по окончании Литургии, отец Иоанн, в сослужении других священников, торжественно отслужил по ним панихиду, среди которой он сам обошел кругом внутри храм и все гробницы окадил. Трогательно было видеть эту панихиду: отец Иоанн с каким-то особенным благоговейным чувством служил, и, казалось, точно его душа вместе с пением возносилась к небу. Я, ничего не слыша, только смотрела на его уста и совсем не чувствовала, что нахожусь на земле; точно и мою душу он унес куда-то, выше всего земного...

После обедни Батюшка сделал несколько визитов, а обедать опять приехал к игуменье. Тут явились из Суры на карбасе¹⁾ с вещами остальные спутники отца Иоанна, и мы, сердечно простившись с доброй старушкой-игуменьей и ее монахинями, в 3 часа дня отправились на пароход. Через несколько часов нас встретил пароход Булычева «Вычегда». Когда отец Иоанн и мы переселись на него, сопровождавшие его на макаровском пароходе архангельцы плакали, расставаясь с дорогим Батюшкой. Много он влил в их души утешения и спокойствия в эти короткие дни! Тут же у Усть-Пинеги простились мы с рекой Пинегой, которая, вливаясь своими небесно-голубыми струями в Северную Двину с левой ее стороны, скромно пробирается около берега, точно боясь помешать величественным, но мутным двинским волнам. Булычев предоставил отцу Иоанну весь 1-й класс; и тут почти

¹⁾ Карбас — небольшое парусное судно для рыбного промысла и перевозки грузов у жителей Севера.

шесть дней мы были вместе с отцом Иоанном. Дóроги и незаменимы были эти дни! Говорят, на земле нет полного счастья, но, находясь вблизи отца Иоанна, можно с уверенностью сказать: «Есть!» Он своею близостью, через молитву к Богу, всех может приблизить к Нему и влить в их души глубокую веру в Господа, надежду на Его милосердие и любовь к Богу и ближнему; а в этом-то, по-моему, и заключается истинное счастье на земле!

Всю почти дорогу отец Иоанн просматривал и приводил в порядок свои сочинения. Я, глядя на солидные томы его произведений, не утерпела и простосердечно раз ему заметила: «И как вы, Батюшка, могли придумать столько книг, полных глубокого назидания!» На это он улыбнулся и так же просто ответил (как мне передали): «Помаленьку, да понемножку, — вот и набралось столько!»

Господи, подумала я, как велики, святы и вместе трудны обязанности священников. Им Самим Богом дано повеление: *проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием*¹⁾, и они, по мере сил и возможности, от лица Церкви, учат и просят нас, для нашего же спасения, жить по-христиански. А мы как их слушаем? Пока учат нас — слушаем, а кончат — и из головы вон, оправдывая себя тем, что мало ли, дескать, что они (то есть священники) там говорят или пишут, всего не переделаешь и не переслушаешь; и обращаемся, по выражению святого апостола Петра, *как пес на блевотину и вымытая свинья в грязь*²⁾, к своим бессердечию, лицемерию и другим страстям и порокам. Чего же нам ждать за наше равнодушие? На это Сам Господь в Святом Евангелии отвечает: *всякий, знающий волю Божию и не исполняющий ее, бит будет много*³⁾. Избави нас Бог от этого приговора! Будем крепче помнить слова апостола, что *не слушатели, но исполнители закона будут оправданы пред Богом*⁴⁾.

Пока я так раздумывала, отец Иоанн весь был сосредоточен в своем занятии. В полночь приблизились к Красноборску; там поселяне опять встретили Батюшку пением: «Достойно есть, яко воистинну...»; отец Иоанн слушал их с благоговейным видом, поклонился им и сказал: «Благодарю вас, братия и сестры, за ваше ко мне внимание и усердие!» Они ему отвечали поклонами и проводили стройным пением: «*Ныне отпущаеши раба Твоего,*

¹⁾ 2 Тим. 4, 2. — ²⁾ Ср.: 2 Пет. 2, 22; Притч. 26, 11. — ³⁾ Ср.: Лк. 12, 47. — ⁴⁾ Ср.: Рим. 2, 13.

*Владыко»*¹⁾. Тут повторились опять те чудные минуты, которые меня три года тому назад так поразили: заря была яркая, светлая, и вся наружность отца Иоанна (который видимо весь был сосредоточен в молитве) была озарена ею.

12 июня, в полдень, стали подъезжать к Устюгу Великому, и у меня радостно сердце забилося при виде этого чудного древнего города с многочисленными храмами старинной изящной архитектуры, которые как-то все сгруппированы на набережной, точно Кремль Москвы. Там отца Иоанна встретила масса народа, слетевшегося, точно птицы, к пристани, и сейчас же его увезли в город. Мы же с его племянницей⁵⁹ и, с его позволения, отправились в церковь, где под спудом покоятся мощи святого Прокопия, Христа ради юродивого, Устюжского чудотворца⁶⁰. Церковь старинная, но ее только что возобновили; высокая, светлая, с ярко вызолоченным иконостасом. Особенно оригинальна сень над гробницей. Она вызолоченная, на ней по всем углам сидят ангелы в натуральную величину, свесив ноги; так и ждешь, что они слетят на наши головы. Помолившись у святых мощей, мы вышли из церкви. Тут я невольно обратила внимание на серый в пять пудов камень, лежащий на тумбе перед входом в церковь. Он, говорит предание, один из тех камней, которые упали из грозовой тучи, которая в один день, еще при жизни святого Прокопия, собралась было над Устюгом, но по его молитве прошла мимо и за 20 верст разразилась страшным каменным градом, которым поломан был громадный лес. С искренним удовольствием я проехала по улицам города. Там все так и дышит дорогой стариной.

В 4 часа приехал отец Иоанн на пароход. Устюжане сердечно проводили его. К ночи мы любовались дивной панорамой гор, так называемого местечка Опоки. С одной стороны реки скала поднимается отвесно над водой сажен (говорят) на 50, верх ее покрыт густым лесом; а с другой стороны на вершине почти такой же вышины горы расположено село с белой красивой церковью. Тут горы идут то бесконечно удаляющимися вглубь грядами, покрытыми лесами, то какими-то причудливыми утесами, разрисованными руками природы под мрамор разных колеров, точь-в-точь как раскрашенная картинка китайской пагоды. Отец Иоанн не мог налюбоваться на эти дивные виды и сказал: «Как Господь все прекрасно создал! Какой архитектор построит

¹⁾ Молитва св. Симеона Богоприимца из последования вечерни; Лк. 2, 29.

что-либо подобное!» Действительно, дивно творчество Божие! Очень жаль, что многие русские с пренебрежением относятся к природе на Руси и ездят любоваться ею за границу, тогда как в России есть множество местностей чудной, невыразимой красоты. Такие русские, действительно, по пословице, «езды за семь верст киселя есть», когда этот «кисель» дома у нас гораздо лучше и вкусней заграничного, чему доказательством может служить хоть дорога от Вологды до Суры. В Устюге на пароход поступило много новых пассажиров; многие из них, видимо, ехали только для того, чтобы иметь возможность поговорить с отцом Иоанном, и он со всеми, обращающимися к нему, внимательно и подолгу говорил. Немало ехало бедняков; он их всю дорогу кормил и деньгами оделил; над больными молился, и с какой любовью и заботливостью он все это делал, — точно они все были его родные. Особенно одна «порченная» всех тронула: ее привели на пароход и положили на палубу, но едва отец Иоанн прошел мимо нее, ее начало сильно ломать и она стала страшно кричать. Отец Иоанн, выйдя из каюты, сильно охватил ее руками. Она еще сильнее начала биться и кричать: «Боюсь, боюсь!» — «Не ты боишься, а бес в тебе боится, — говорил отец Иоанн. — Кто испортил тебя?» Женщина стала выкликать имя. «Тебя Господь исцелит, а ее накажет», — сказал Батюшка и, взяв обеими руками ее голову, начал без слов, но горячо молиться, подняв глаза к небу. По мере его молитвы женщина делалась все тише и только изредка судорожно цеплялась за него руками. По окончании молитвы отец Иоанн, как мне передавали, каким-то особенно сильным, полновластным тоном произнес: «О, выходи, дух злобы! Именем Господа приказываю тебе, выходи!»

Женщина как мертвая упала на пол... а отец Иоанн ушел на рубку и стал читать Евангелие. Эта душу потрясающая сцена произвела на пассажиров сильное впечатление; многие плакали... В эту минуту мое внимание было отвлечено другой больной; но на следующий день и дальше я видела ту женщину хотя слабой, но здоровой и спокойной.

13 июля к вечеру остановились в Тотьме; Батюшка только на полчаса выходил на пристань. Опять приехал на пароход повидаться с отцом Иоанном маститый старец, преосвященный Нафанаил, бывший, говорят, два раза епископом Архангельским⁶¹. Но на пароходе и на пристани произошла такая давка в народе, горячо желавшем если не получить благословения, то хотя взгля-

нуть на отца Иоанна, что владыке и пяти минут не удалось поговорить с Батюшкой.

14 июня было последним днем нашего путешествия на пароходе. Каждый удар пароходных колес об воду (которых я хотя ушами не слышу, но ясно чувствую телом) больно отзывался у меня в сердце, потому что приближал меня к минуте разлуки с отцом Иоанном, что и высказала ему. Батюшка взял карандаш и написал мне: «В вере в Господа, в молитве, в богослужении, в добродетельной жизни все благо наше». В 9 часов вечера приехали в Вологду. Здесь отца Иоанна встретила несметная масса народа. Кажется, вся Вологда была налицо. Батюшка с рубки со всеми здоровался, махая шляпой. На пароход явились губернатор и городской голова⁶², которые сейчас же увезли его в город. Все спутники Батюшки разбежались к знакомым в гости. У меня тоже хотя и есть там хорошие знакомые, но мне с горя, что лишилась своего солнышка, и на свет-то белый глядеть было больно, — уткнулась в уголок, где раньше помещался отец Иоанн, и всю ночь проплакала. 15 июня утром перебрались на вокзал. Для отца Иоанна были отдельные два вагона и мы до его приезда всё там устроили. В 12 часов отец Иоанн приехал среди моря голов, и вскоре поезд тронулся. Долго добрые, сердечные вологжане следили за тихо удаляющимся поездом, в окне вагона которого они видели благословляющего их отца Иоанна. На всех станциях стояли толпы народа; но Батюшка первое время отдыхал, а потом при остановках всех благословлял из окна вагона. Особенно меня заинтересовала сцена на одной станции: два мальчика лет семи или восьми, босоногие, оборванные, не могли пробраться к окну отца Иоанна, отбежали подальше и, вскарабкавшись на какие-то доски, стали по очереди поднимать в охапке друг друга. До слез меня тронуло, с каким вниманием и благоговением смотрели их черномазые рожицы на заветное для них окно: видно, что их детские сердечки чувствовали, что они видят его, дорогого для всех отца Иоанна, о котором они, видимо, уже слышали. Подъезжая к Данилову, Батюшка простился с нами и, видя мое горе, сказал: «У Господа много милости, Он утешит тебя!» Это было последнее его ко мне слово: вскоре поезд остановился. В Данилове он, вышед из вагона среди массы народа, уехал куда-то на лошадях, а я вернулась в Ярославль.

18 июня в нашем Ярославском епархиальном Ионафановском училище был годичный акт⁶³. Наш владыка еще раньше пригла-

сил на это торжество отца Иоанна. В 9 часов утра в училище разнеслась радостная весть: отец Иоанн приехал! И действительно, с другого конца двора, так как парадное крыльцо осаждала толпа народа, явился отец Иоанн и вошел в квартиру законоучителя, священника О.М. Т.⁶⁴ (Он приехал с Толги на пароходе, а толпы народа и карета ждали его на вокзале за Волгой.) Через несколько минут, вышед отсюда, прошел в домовую церковь училища. Увидя его, все воспитанницы радостно встретили его словами (искреннее спасибо доброй начальнице М.А. Станиславовой: я хотя все время была подле отца Иоанна, но по своей глухоте ничего не слыхала; она очень любезно мне потом записала все слова отца Иоанна, которыми имею возможность поделиться с читателями): «Здравствуйте, Батюшка! Благодарим вас за посещение!» — «Здравствуйте, милые барышни! Рад вас видеть!» — услышали они в ответ от него на свое сердечное приветствие. «Вы — рассадник цветов духовных, живые цветы вертограда Христова, — лаская их, говорил отец Иоанн, — вот у вас сегодня, милые барышни, праздник, торжество, и я прибыл сюда, чтобы разделить его с вами, пойдемте, помолимтесь вместе Господу».

Все ученицы без исключения плакали от радости, получая благословение от него. «А вот и храм Господень!» — как-то торжественно произнес он. Действительно, эта церковь во имя Покрова Божией Матери поражает своей красотой: высокая, светлая; иконостас из американского кедра изящной резьбы; все иконы живописные. Тут присутствующие в церкви бросились к нему, и он, благословляя их, прошел на амвон и, приложившись к иконам, ушел в алтарь. Все кончившие курс воспитанницы, уже в светлых неформенных платьях, стали на правом клиросе. Вдруг из южных дверей вышел к ним на клирос отец Иоанн: «Вы будете петь?» — ласково спросил он их. «Мы, Батюшка», — ответили они. «Вот вы уподобляетесь теперь Ангелам, служащим у Престола Всевышнего», — сказал он, благословляя их. До слез меня тронуло, с какой сердечной радостью ловили воспитанницы благословляющую их руку. Решительно все плакали. Вскоре приехал преосвященный Ионафан. Его встретили пением «Достойно есть», и началась Литургия. Как-то особенно торжественно шла эта служба. Вместе с владыкой и отцом Иоанном служили архимандрит и целый собор священников⁶⁵. После обедни и молебна все направились в актовъй зал, где по пропетии «Царю Небесный» воспитанницы исполнили чудный гимн

святым Кириллу и Мефодию: «Славяне, песнию высокой почтим апостолов-славян», а затем начался и самый акт чтением отчетов. На столе, за которым сидели основатель училища высокопреосвященный Ионафан, отец Иоанн и губернатор, были разложены Евангелия, аттестаты и иконы, заранее выписанные владыкой из Троице-Сергиевой Лавры. После чтения владыка встал и, обращаясь к воспитанницам, сказал: «Ну, возлюбленные питомицы, вы вступаете теперь в новую жизнь, руководствуйтесь же примером той святой, имя которой каждая из вас носит!» — и стал по очереди благословлять их, и каждая получила из его рук икону Ангела своего имени. Тронула меня заботливая любовь доброго нашего владыки к своим питомицам: иконы небольшие, но прекрасной работы, все в серебряно-вызолоченной ризе. Вместе с архиереем отец Иоанн раздавал Евангелия в отличном переплете, а губернатор — аттестаты. Когда все было роздано, воспитанницы пропели актовую песнь «Светлой радостью горя, день торжественный встречайте!», и акт закончился гимном «Боже, Царя храни!» Владыка с гостями направился в комнаты начальницы, где им был предложен чай и завтрак. После чего мы все прошли в сад; народу было сравнительно немного, и владыка с отцом Иоанном свободно гуляли и сидели в беседке; все время воспитанницы, как пчелки, окружали их и пели. Между разговорами владыка спросил отца Иоанна: «Почему народ к вам так стремится; я думаю, нелегко вам достается?» На это отец Иоанн серьезно и с глубоким вздохом ответил: «Что делать! Я человек грешный, но это есть благодать Божия». Сказавши это, он задумался...

Вскоре был подан обед, и все пошли в столовую. Проходя мимо залы, где находились воспитанницы, отец Иоанн спросил их: «О чем сегодня читали Евангелие?» — «О Марфе и Марии», — ответили они. «Что делала Мария?» — «Слушала слово Божие и старалась исполнять его!» — «А что делала Марфа?» — снова спросил он. «Тоже слушала слово Божие и занималась хозяйством!» — отвечали они ему. «Так вот и вы подражайте им», — сказал Батюшка. По заведенному в училище порядку в этот день все кончившие курс ученицы обедали вместе с архиереем, начальницей и их гостями, так было и в этот раз. Обед был сервирован на четырех столах; первую ученицу посадили напротив архиерея, вблизи отца Иоанна, и он, заметя, что она ничего не ест, сказал: «Что же вы, милая барышня, ничего не кушаете?» — «Она готовится сказать стихи преосвященному, вот и волнуется»

ся», — ответила за нее начальница, сидевшая рядом с ним. Отец Иоанн обратился к архиерею и говорит: «Владыко, вот барышня озабочена, готовится вам стихи сказать и потому ничего не кушает!» На это владыка ответил: «Ну пусть она избавится от своей заботы и говорит теперь же!» Воспитанница С. встала и с чувством произнесла действительно прекрасное стихотворение:

Преосвященнейший владыко,
Наш пастырь добрый и отец!
Прими от нас привет прощальный,
Привет признательных сердец!

Настал последний день разлуки
С тобой, наш пастырь дорогой,
И близок час, когда предстанем
В последний раз мы пред тобой!

Тебе приносим благодарность
За все, что сделал ты для нас.
Ты дал нам всем образование,
От тьмы неведения спас!

Ты нас хранил под добрым кровом,
Сам часто лично посещал,
За нас молился пред престолом,
Чтоб Бог нам блага ниспослал!

Но если были и несчастья, —
Ты нас и в них не оставлял,
И в них ты принимал участие,
И нам советы подавал!

«Учитесь, дети, и трудитесь», —
Не раз ты здесь нам говорил,
И слово правды в наши души
Ты с кроткой лаской проводил.

Любовь святую к нам питая,
Ты нас и в вере наставлял,
Чтоб жили так, как Бог любви
Своим избранным завещал.

Вся наша жизнь в твоём приюте
Текла, как тихая волна,
Наш ум стремился здесь к науке,
А сердце — к знанию добра.

Любовь и кротость нам внушали
Порядки добрые во всем,
Ученьем ум наш озаряли,
Как светлым солнечным лучом!

Дай Бог, чтоб все, что здесь внушалось,
У нас осталось навсегда,
И в нашей жизни сохранялось
С обильной жатвою плода.

Промчалось время безвозвратно...
Минули мирные шесть лет.
Теперь все мы должны обратно
Идти, где ждет родных привет!

И в новой жизни, в новом мире
Бог нам все разное пошлет;
И каждая из нас по силе
Свой крест в сей жизни понесет.

Но мы без страха, а с надеждой
Взойдем в безбрежный сей простор:
Твоим, отец, благословеньем
Наш вход здесь будет осенен!

Нам вера в Бога и ученье
Здесь будет верный проводник,
А труд, молитва и смирение
Все могут в жизни уладить!

Итак, должны мы удалиться,
В иную жизнь должны вступить;
С тобой, отец, должны проститься;
Но нам тебя не позабыть!

Благодарим тебя, владыко,
За все о нас твои заботы,
Да ниспошлет за них Творец
И на тебя Свои щедроты!

А светлый Ангел, Ангел Божий,
Да соблюдет тебя всегда,
И жизнь твоя для блага ближних
Пусть длится многие года!

Нужно было видеть, с каким вниманием, наклонив голову, слушал отец Иоанн; он как будто боялся проронить хотя одно слово. По окончании чтения он обратился к говорившей и спросил: «Ну, милая барышня, вы сами сочинили эти стихи?» — «Сама», — ответила она. «Мне они очень понравились, — храните в вашей душе чувства, только что выраженные вами!»

При первом тосте за Государя все почти присутствующие хором пропели «Боже, Царя храни!» Во время тоста за отца Иоанна одна из воспитанниц от лица их всех искренно благодарила его, что он осчастливил их праздник своим присутствием, и желала ему многая лета. «И вам всем желаю многая лета и счастья в новой жизни!» — ответил он. После обеда Батюшка стал прощаться со всеми, тут и мне пришлось окончательно с ним проститься. Все ученицы окружили отца Иоанна, стараясь в последний раз получить его благословение, и усердно просили его помолиться за их родителей и любимого ими учителя пения, регента архиерейского хора, священника М.В., который уже две недели лежал в постели тяжело больной. Отец Иоанн обещал им сам навестить больного, что сейчас же и исполнил; из училища он проехал в соборный дом к больному; служа молебен, он молился о его выздоровлении словами: «Господи! Возставь служителя Твоего, священника, усердно поющего славу Твою!» После этого Батюшка сильно потрепал его больную грудь и, ободрив его, пожелал еще много лет петь славу Божию. При громадном стечении народа отец Иоанн уехал на пароходе, как мне говорили, сначала к Угличу, а потом в Саратов. 20 июня я навестила больного регента и нашла его хотя слабого, но на ногах уже; 25 июня случайно встретила я его на улице идущего пешком из архиерейского дома домой (расстояние около версты), бодрого и здорового; он мне раньше сам сказал: «Я искренно верил, что по молитве отца Иоанна Господь даст мне здоровья»; вот на нем и исполнились слова Спасителя: *по вере вашей и будет вам*¹⁾!

¹⁾ Мф. 9, 29.

Путешествие отца протоиерея Иоанна Ильича Сергиева, пастыря Кронштадтского, на свою родину в село Сура Архангельской губернии Пинежского уезда в 1897 году

Отправляясь в обычную поездку на свою родину в село Сура, глубокочтимый и дорогой наш Батюшка, достойнейший протоиерей отец Иоанн Кронштадтский, еще 16 мая сказал мне, чтобы я ранее его садилась на его пароход, что я и исполнила, искренне радуясь тому, что уже пятый раз Бог приводит мне сопровождать отцу Иоанну в дорогу для него Суру⁶⁶. 26 мая в 6 часов утра пришел из Кронштадта в Петербург только что выстроенный в Финляндии пароход «Св. Николай Чудотворец», предназначенный для Сурского церковно-приходского попечительства⁶⁷.

Разместив багаж и приведя все в порядок, мы стали дожидаться отца Иоанна. С трех часов на берегу и пристани, что на Шлиссельбургском проспекте, начала собираться масса народа, желавшего проводить дорогого для всех пастыря. В четыре часа отец Иоанн приехал на маленьком пароходе «Любезный» и, не сходя с него, благословил всех собравшихся и, раскланявшись с ними, поплыл далее; за ним последовал и пароход «Св. Николай Чудотворец». Наконец в 8 часов вечера Батюшка перебрался на свой пароход, чему мы были несказанно рады. Отец Иоанн был крайне утомлен от ежедневной, окружавшей его с утра до ночи сутолоки и, вступив на пароход с видимым удовольствием, сказал, как мне передали (я глухая): «Слава Богу; наконец-то я на своем пароходе!» — и очень был доволен и весел.

В 10 часов остановились на несколько минут в виду Шлиссельбурга, где в лодке к Батюшке приезжали священник и несколько офицеров. Тут, за Шлиссельбургской крепостью, влево, открылось необозримое Ладожское озеро, а вправо началась великая «Мариинская система» — первым Новолadoжским каналом, по

коему наш пароход и пошел. Давно меня чрезвычайно интересовала означенная система, и теперь я с истинным восторгом любовалась на этот великий водный путь, созданный тяжелым трудом рук человеческих, и на его берега, сплошь покрытые лесами, лугами и очень редко попадавшими поселениями. В 6 часов утра 27-го остановились мы у пристани «Шальдиха». С нее отец Иоанн отправился на лошадях за три версты служить утрению и обедню в село Путилово. Шел дождь, но он не помешал собраться там массе народа. Многие приехали туда из Петербурга. Вскоре «Св. Николай Чудотворец» пошел далее, а Батюшку пригласил прокатиться голова города Вытегры А.Ф. Лопарев на своем маленьком уютном пароходике «Шестовец», который от самого Петербурга все шел с нами. В 4 часа отец Иоанн снова пересел на свой пароход вместе с г-ном Лопаревым, оставшимся с Батюшкой до Вытегры. Он на мое счастье оказался очень добрым и приветливым. Все интересующие меня местности любезно мне объяснял.

В 8 часов вечера проехали город Новая Ладога. Берег был усыпан народом, который еще долго бежал за пароходом по берегу. Отец Иоанн с палубы всех приветствовал, снимая шляпу и благословляя. Здесь, проехав реку Волхов, мы направились по Сесьскому каналу. В 12 часов ночи у красиво приютившегося на углу берега села Сесь, миновав речку того же названия, вступили мы в Свирский канал, из коего в 4 часа утра 28-го вышли в широкую, очень похожую на Шексну, реку Свирь. Здесь кончается Петербургская губерния и селом Сермикса начинается наша, еще дикая, своеобразная Олонецкая губерния со своими почти непроходимыми болотами и лесами. Берега Свири большею частью покрыты лесами или мелким полесьем; реже видны поля и луга; берега в большинстве отлоги, но в некоторых местах поднимаются живописные горы, заросшие густым лесом. Зато села и деревни встречаются часто. К двум часам дня проезжали мимо небольшого городка Лодейное Поле, стоящего на плоскогорье вправо; в нем имеется только одна церковь скромного вида, стоящая среди городка. За Лодейным Полем начинаются известные свирские пороги; их всех десять, и главные из них — «Сигивец», «Пурховец», «Медведец» и «Говский», — говорят, очень опасны для судов. Они состоят из груд камней, идущих от берега к середине реки. Вода в порогах, крутясь, сильно бушует, отчего пароход трясет. В 4 часа миновали большое село Важины; в нем отца

Иоанна встречали колокольным звоном. Толпы жителей вышли на берег; на паперти отворенной церкви стояло духовенство в полном облачении. Батюшка с рубки помолился на церковь, и пароход, не останавливаясь, прошел мимо. В 5 часов утра 29 мая подошли мы к большому селу Вознесенье. На берегу никого почти не было, и отец Иоанн свободно пешком отправился в находящуюся недалеко от берега церковь служить утреню и обедню. Но когда жители узнали о его приезде, то разом нахлынули в церковь, и нам по окончании богослужения немалого труда стоило выбраться из нее. У села Вознесенье Свирь впадает в Онежское озеро, которое точно море расстилалось от нас влево; но пароход снова направился каналом, на этот раз Онежским, идущим несколько времени параллельно с озером.

С самого отъезда из Петербурга погода стояла холодная, ветреная, то и дело шел дождь; но это мало мешало Батюшке, и он, по обыкновению, большую часть дня и ночи проводил на палубе или в рубке. Каждый день к вечеру он собирал всех нас около себя и читал вслух Библию, подробно объясняя потом прочитанное. Горько сожалела я тогда, что совершенно лишена слуха. Каждое его слово, искренно от души произносимое, проникало прямо в душу слушающих, как они сами мне говорили, а я сама, смотря на его уста, только сердцем чувствовала читаемое им.

В 6 часов вечера того же 29 мая, выйдя из канала в реку Вытегру, стали подходить к самому городу Вытегра. Там отца Иоанна встретили очень торжественно: во всех церквях города шел колокольный звон, и по обоим берегам стояла масса народа. Отец Иоанн стоял на рубке и, благословляя на обе стороны, кланялся народу. Пароход тихо подошел к разукрашенной флагами и красной материей пристани. На ней встретили Батюшку многочисленное духовенство и власти города. Поздоровавшись со всеми, он вместе с Лопаревым поехал в его дом, находящийся в трех верстах от города. Подивилась я изящной, чисто русской архитектуре и убранству этого дома. Он — деревянный, бревенчатый, выстроен в виде древнерусского терема, и все в нем так уютно, в русском вкусе и изящно устроено, что редко можно где встретить что-либо подобное. В этом поместительном доме, приютившем всех съехавшихся гостей, встретил Батюшку приехавший несколько ранее нас олонецкий губернатор г-н Демидов, и немедленно все поехали в только что выстроенную Лопаревым церковь-школу в тут же находящемся селении Шестовец. Здание

двухэтажное, деревянное; в верхнем этаже помещается небольшая, но высокая, светлая церковь с изящным дубовым резным иконостасом; все в ней просто, и только лики святых прекрасной живописи ее украшают. Справа Царских дверей изображен Спаситель, благословляющий детей; за Ним храмовая икона святого благоверного великого князя Александра Невского и преподобного Александра Свирского; слева — икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость» и икона святых, имена коих носит семейство г-на Лопарева. За всенощной на литию и величание выходило 9 священников. Совершали ее среди церкви перед храмовой иконой и образом, пожертвованным г-ном обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым, — иконой Божией Матери «Знамение», помещенной на аналое. Тут же стоял и стол с напрестольными принадлежностями освящаемой церкви. Олонецкий владыка, по слабости здоровья, не мог сам присутствовать, и потому отец Иоанн, по его просьбе, в 9 часов утра 30 мая приступил к освящению храма. С ним участвовало двенадцать священников и пять диаконов. Нужно было видеть, с каким глубоким благоговением и вниманием совершал отец Иоанн освящение. И всегда этот обряд бывает трогательно умиротворен, когда святой престол одевают, как невесту, *в ризы белыя*¹⁾, но теперь эта церемония была как-то еще умиротвореннее и торжественнее, при виде пламенной молитвы отца Иоанна. Каждое слово читаемой им коленопреклоненной молитвы точно отрывалось у него от сердца, что неотразимо действовало на всех присутствующих.

По окончании освящения епархиальный наблюдатель священник отец Чуков⁶⁸, обратясь к отцу Иоанну, с видимой искренностью произнес следующее:

«Ваше Высокопреподобие!

Созданный усердием глубокочтимого А.Ф.²⁾ Лопарева храм сей ныне вами освящен. Дети первой в епархии второклассной церковно-приходской школы получили теперь новое, особенное, благодатное средство воспитываться *в мужей совершенных*³⁾, живя под постоянным кровом Церкви, под сению храма.

Слава и благодарение Господу!

¹⁾ Апок. 3, 5; 4, 4; 7, 13.

²⁾ Александра Федоровича.

³⁾ Еф. 4, 13.

Радуются за сие радостью неизреченною сердца всех нас, стоящих у школьного дела, заботящихся об истинном просвещении и христианском воспитании детей.

Несомненно, радуется радостью великою и сердце боголюбивого создателя святого храма сего, глубокочтимого А.Ф., столько усердия и любви положившего на пользу великого дела просвещения подрастающих поколений.

Радуются и сердца всех сознающих великое значение благодатного освящения в деле воспитания человека.

Радуются — говорю — сердца всех нас особенно потому, что храм сей (первый и в первой второклассной школе нашей епархии) освящен пастырем, поистине евангельски добрым пастырем, которого вся православная Русь (да и не Русь только!) считает своим молитвенником; пастырем, которого сердце влечется назвать «мужем благодати».

Пусть же эта радость наша засвидетельствует пред Вами, высокочтимый Пастырь Кронштадтский, нашу общую полную признательность Вам!

Теперь, по освящении храма и почти пред скорым расставанием, хочется высказать Вам, Ваше Высокопреподобие, одно желание-просьбу.

Некогда пророк Божий Елисей, расставаясь с учителем своим, пророком Илией, просил его: *да будет дух, иже в тебе, — сугуб во мне...* Эта просьба святого пророка, при настоящих обстоятельствах, невольно приходит на уста. Пусть же тот отличающий Вас дух глубокой веры, полной надежды, пламенной и всеобъемлющей любви, — пусть этот дух будет сугуб в воспитывающихся при сем храме в здешней школе детях, да будут они истинными христианами и честными и полезными гражданами.

Знаем, что, как и тогда Елисей, многого *мы просим*¹⁾. Но надемся, но верим, что молитва Ваша поможет им в этом.

Помолись же, глубокочтимый Пастырь, о питомцах здешней школы! Помолись и за все великое и трудное дело истинного просвещения! Помолись особенно за тех, кто, подобно боголюбивому создателю сего храма, с такою же ревностью, с таким же усердием приходит на помощь в этом великом деле!»

Вскоре началась первая в новоосвященной церкви Литургия, пел хор крестьянских детей — будущих питомцев школы, коих на

¹⁾ Ср.: 4 Цар. 2, 9–10.

первое время предположено было поместить в этой очень удобной и поместительной школе сорок человек в общежитии, но с приходящими она может поместить и до ста человек.

После причастного стиха отец Иоанн произнес проповедь на слова Евангелия:

Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном.

Мф. 18, 3–4

«Сегодня, Божиею милостию, с благословения архипастыря Олонецкого и Петрозаводского Павла, мы сподобились освятить новоустроенный храм-школу во славу Божию и во имя великих угодников Божиих — святого благоверного великого князя Александра Невского и преподобного и богоносного отца нашего Александра Свирского. Этот храм предназначается главным образом для детей, и именно для того, чтобы их обучение шло под всегдашним благодатным осенением и руководством Святой Церкви.

Обратим внимание на слова, сказанные Господом нашим Иисусом Христом, обращенные к взрослым о детях: *истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не пойдете в Царство Небесное*. Взрослые, старцы и дети! Возьмем все урок себе из слов Небесного нашего Учителя — Христа Господа. Он учит всех смирению, простоте, общительности, доверию к истине, правоте, незлобию и послушанию, свойственным детям. Люди в начале согрешили гордостью, лукавством, своеволием и непослушанием Творцу, захотели сами быть богами без Бога; как и теперь, многие мечтают, будто могут учиться и жить благополучно без Бога, без участия Святой Церкви в нашем образовании и воспитании, под руководством одной суетной, односторонней, мирской учености, которая научает юношество знать очень много, но не хочет знать и учить юношество тому, что важнее и главнее всего, что есть, по словам Господа, *едино на потребу*¹⁾ душам человеческим, именно — слову Божию, которое *на все полезно — для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности*, чтобы совершен был Божий человек, ко всякому доброму делу *приготовлен*²⁾. Вот эта церковь-школа и

¹⁾ Лк. 10, 42.

²⁾ 1 Тим. 4, 8; 2 Тим. 3, 16–17.

берет на себя обязанность исправить этот важный недостаток в наших школах и во всех образовательных заведениях, исправить в своем кружке, то есть научить детей, главным образом, быть добрыми христианами, добрыми покорными детьми, честными тружениками — гражданами и верноподданными своего природного Царя-Батюшки. Цель верная, правильная, благотворная! Дай Бог, чтобы она достигалась усердным, правильным и дружным обучением наставников и старанием и успехами детей. России и Церкви нужны именно такие питомцы, потому что только воспитанные в вере и благочестии — самые надежные — и подданные Царя, и верные чада Церкви, и опора России.

Земная мудрость и ученость нередко бывает лукава, горда, самонадеянна, превратна, ложна и идет против Творца, иногда не хочет знать Его, приписывая все существующее какой-то безличной причине и свою стихийную, только воображаемую, мудрость — только себе, уму человеческому; его превозносит, почти боготворит, кланяется ему, как кумиру и идолу, а Божие Писание и Откровение отвергает, унижает, считает неправильным. Те мирские писатели, которые пишут только о мирском и не говорят ничего о Боге или говорят превратно о Боге, о Церкви, — пользуются у многих мнимоученых и неверующих наибольшим почетом. За что? За то, что они говорят нечто новое, неслыханное, ими самими придуманное, задорное, а мы скажем — вздорное, нелепое, бессмысленное. О мудрецы земные, лишенные мудрости Божией! Давно Божие Слово произнесло о вас и вашей мудрости Свой праведный приговор: *погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну. Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?*¹⁾ *Исповедаюсь Тебе, Отче, — говорит Господь Иисус Христос, — Господи небесе и земли, яко утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем: ей, Отче, яко тако бысть благоволение пред Тобою*²⁾.

Итак, будем молить Господа, да научит Он всех нас возносящему смирению — и в жизни и в вере, и в добродетели и в науке: ибо смирение — основание и корень всякой благонамеренной науки. Мы, по словам апостола, неспособны сами по себе помыслить что о Боге, как от себя, но способность наша от Бога. Аминь».

¹⁾ 1 Кор. 1, 19–20: ср.: Ис. 29, 14; 33, 18.

²⁾ Ср.: Мф. 11, 25–26.

По окончании богослужения радушный хозяин города Лопарев всех гостей пригласил к себе на трапезу. Немало было провозглашено тостов и произнесено речей, но особенною задушевностью отличалась речь губернатора Михаила Денисовича Демидова, который от избытка благодарного чувства горячо благодарил отца Иоанна за его посещение Олонецкой губернии. Батюшка сердечно поблагодарил его за от души высказанные слова.

Для всех этот день был светлым праздником, все были радостны и счастливы: на улице перед домом с утра до ночи толпился народ. В этот же день отец Иоанн предполагал выехать далее, но тут ему объявили, что пароход «Св. Николай Чудотворец» при проверке оказался на целую почти сажень шире узких шлюзов, которые от селения Шестово то и дело встречаются на Мариинской системе почти вплоть до озера Кубенского. С сожалением отец Иоанн оставил этот красивый и удобный для него пароход по вине, как говорили, заказчика его, ездившего в прошлом году этим путем с отцом Иоанном и не обратившего внимания на узкость шлюзов. Пока телеграммами вызывались другие пароходы да переговаривались, пришлось нам с Батюшкой просидеть еще два дня у гостеприимного Лопарева, который со своей семьей, видимо, всей душою был рад такому дорогому гостю и предоставил ему полный покой.

31 мая отец Иоанн служил на Вытегрском погосте; церковь была битком набита простонародьем, принесшим во множестве своих младенцев к Святому Причастию. За всенощной, совершенной епархиальным наблюдателем, Батюшка был в новой церкви-школе и по своему обыкновению читал каноны и пел вместе с детьми на клиросе.

1 июня, в День Святой Троицы, богослужение он совершал в Вытегрском соборе. Самое отрадное впечатление произвел на меня этот храм, во имя Сретения Господня, высокий с хорами по обе стороны и амвоном, на несколько ступеней возвышающимся над церковным помостом. На левой стороне хоров пели воспитанницы прогимназии, и очень, говорят, стройно и хорошо. Перед великой вечерней всему народу, наполнявшему храм, были розданы большие ветви березок, и вся церковь в минуту обратилась в густую рошу. Светло, радостно и вместе умирительно было смотреть на все окружающее и полное благолепие храма и торжественное богослужение целого сонма священнослужащих, у коих облачения были из золотой парчи с зелеными листьями

(только один отец Иоанн был в белом облачении), и море голов среди целого леса душистых березок, от коих вместе с курением ладана был в церкви чудный аромат. Перед окончанием обедни отец Иоанн произнес слово, которое и помещается.

*Приидите, людие, Триипостасному
Божеству поклонимся.*

Стихира на «Господи, воззвах»

«Нынешний день Святая Православная Церковь во всем мире празднует и торжествует ниспослание от Небесного Бога Отца ученикам Господа нашего Иисуса Христа и всем бывшим с ними в Сионской горнице Духа Святого, Господа Животворящего, Единосущного и Соприсносущного Отцу и Сыну, просветившего и обновившего их и соделавшего их огненными и сильными проне-сти проповедь о Христе во все концы мира и просветить и обно-вить его Своим Божественным учением и чудесами спасительными и страшными. В этот день торжественно и действительно откры-лись миру все Лица Святой Троицы: Отец, ниспославший Духа Своего Святого, — Сын, умоливший Отца ниспослать Его, и — Дух, сошедший на апостолов в виде *огненных языков*¹⁾ и совершивший их чудесное возрождение, обновление, утверждение, освящение и обожение. Ниспосланием Духа Святого завершилось и запечат-лелось дело искупления человечества Сыном Божиим, — явилась верность всех глаголов и обетований Иисуса Христа, исполнив-шего Свое обещание, и выяснилось учение о Духе Святом как Истинном Боге, Единосущном и Соприсносущном Отцу и Сыну, Единосильном и Единославном и — только от Отца, но не и от Сына исходящем: ибо Сын умолил Отца — послать Его в мир и, если бы не отошел Сын к Отцу, Дух Святой не пришел бы. Троице Святая, тако благоволившая открыться верным, слава Тебе!

Теперь побеседуем о спасительных творческих и державных действиях Святого Духа и Святой Церкви и в мире вещественном и вместе — о величии и державе всей Святой Троицы.

Третье Лице Святой Троицы — Дух Святой — снизшел на землю продолжать и совершать дело спасения человеческого рода сово-купно с Богом Отцом и Сыном: ибо каждое Лицо равное участие принимает в нашем спасении, и когда, по благоволению Отца, Сын Божий совершил дело, которое дал Ему Отец, да сотворит, и вознесся на небо, не разлучаясь, однако, с нами, то Дух Святой

¹⁾ Ср.: Деян. 2, 3.

пришел в мир продолжать дело спасения, и Он возрождает нас в Таинстве Крещения, и каждая душа христианская есть дочь Духа Святого; в миропомазании Дух Святой освящает все наши силы и чувства душевные и телесные; в покаянии утешает и разрешает грешника от грехов и примиряет с Богом; в Таинстве Тела и Крови Христовой претворяет Своею живоначалною властью хлеб — в Тело Христово, а вино — в Кровь Христову; в браке освящает супружеский союз мужа и жены для естественного рождения и воспитания детей; в Елеосвящении разрешает грехи больного и врачует немощи телесные; в Священстве дарует благодать избранным лицам поучать народ Слову истины, совершать Таинства и богослужение и руководить духовно всех к святой жизни и вечному спасению.

Дух Святой хранит в истине и Православии всю Церковь Вселенскую. Дух Святой дает искреннюю молитву, и когда мы горячо молимся, мы делаем это Духом Святым. Дух Святой подает веру человеку, и мы не можем искренно уверовать в Господа Иисуса Христа без благодати Духа Святого: *никтоже может реши Господа Иисуса, точию Духом Святым*¹⁾, Дух Святой есть Живот, животворящий всех; Свет и света Податель; Самоблагий и Источник благодости; чрез Него Отец познается и Сын прославляется и от всех познается; Он — Дух премудрости, Дух разума — правый и умный; Бог и боготворит достойных; Огонь от Огня происходящий, глаголай, дейя, разделяя дарования людям.

В видимой природе Дух Святой производит благорастворение воздуха, подает животворную теплоту и всю поднебесную освещает и украшает светом солнечным, а ночь озаряет тихим светом луны и звезд; произращает из земли и украшает бесчисленными видами цветов все растения, сообщает им бесконечно разнообразное благоухание, а плодам — вкусы и неисчетные сладости; все животное царство украшает и дает животным разные силы, способности и искусства, удивляющие человека и приносящие великую пользу; умножает, украшает и обогащает разными природными дарами род человеческий; подает людям способность говорить разными языками и наречиями; сообщает им многоразличные дарования; научает искусствам и изобретениям, необходимым в общежитии; просвещает умы и сердца человеческие; собирает людей в благоустроенные общества, поставляет

¹⁾ 1 Кор. 12, 3.

над ними царей и владык и всякие начальства и содействует всякому правильному общежитию, спокойствию, тишине и вообще правильному течению жизни; располагает сердца людей к взаимной любви и сочувствию; все это и многое другое доброе и полезное без числа творит Дух Святой при содействии Бога Отца и Сына. Таким образом, всяким добром в вере, в жизни и в природе мы обязаны и посредственно и непосредственно Святому Духу — Богу, купно со Отцем и Сыном.

Дух Святой содействовал всем святым и теперь содействует произволяющим в достижении святости и нетления и вечной жизни, и Он почивает во всех святых. Такова благодать Святаго Духа в Церкви, в мире и в природе.

Теперь нечто скажем о величии, благодати, святости, премудрости и всемогуществе всей Святой Троицы. Бог во Святой Троице — Отец, Сын и Дух Святой — по единой благодати Своим хотением и повелением сотворил в начале небо и землю и Своею всеильною державою содержит всю тварь; всеобъемлющею горстью руки Своей держит непоколебимо небо со всеми светилами и землю с сушею и водами. Святой пророк Исаия так говорит о величии и силе Божией: *Все народы пред Ним — как капля из ведра, и считаются как пылинка на весах. Вот, острова как порошок поднимает Он. Все народы пред Ним как ничто, — менее ничтожества и пустоты считаются у Него*¹⁾. Создав весь мир из четырех стихий, Он ежегодно венчает круг годовой четырьмя временами — весной, летом, осенью и зимою — и производит все благотворные перемены в воздухе. Он заключил в недрах земли бесчисленные богатства и разнообразие царств — растительного и ископаемого и всяких жидких и твердых веществ, необходимых в общежитии человеческом; как Творец, Отец и Премудрый Хозяин и Строитель, Он не оставил в забвении ничего, что нужно было предвидеть, создать и дать людям и животным на пользу жизни, так что всякий ум изумляется премудрости, благодати, попечению и предведению Творца и Попечителя нашего.

Но особенно Триипостасный Творец и Бог наш прославился в создании человека и в промышленности о роде человеческом. Прежде сотворения человека был предвечный Совет в Троице, как возвестило нам Откровение Божие. Бог предвидел падение чело-

¹⁾Ср.: Ис. 40, 15, 17.

века, которого имел создать *по образу и по подобию Своему*¹⁾, как предвидел и падение многих ангелов, во главе с Денницей, и умыслил чудное средство ко спасению человеческого рода: это — чрезвычайное посольство на землю, по исполнении времен, Своего возлюбленного Сына во плоти Господа нашего Иисуса Христа, которое и совершено в свое время и исполнено в совершенстве, и принесло и непрестанно приносит прекрасные плоды спасения человеков, так как неисчетное множество мучеников и всяких святых чрез искупление Сына Божия уже наследовало обители райа, после борьбы и победы над грехом и бесовскими полчищами, и во все века, начиная с Рождества Христова и с Его славного жития на земле, страдания, смерти, воскресения и вознесения на небо и доселе спасаются многие Его чудною благодатию и — Духа Святаго; и наконец — все враги Божии и наши будут совершенно побеждены и погублены по непреложному слову Божию, и самая смерть будет уничтожена. Сыном Божиим насаждена на земле Святая Церковь, — это богоучрежденное и богоуправляемое общество спасаемых во Христе, и в ней непрестанно проявляется сила и слава Святой Троицы в постоянном возрождении, просвещении, утверждении и спасении верующих и подвижающихся для своего спасения — *и врата адова не одолеют ей*²⁾.

Пресвятая Троице, Боже наш, слава Тебе всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

В этот день Лопарев сделал большой прощальный обед отцу Иоанну. Много собралось гостей проститься с дорогим для всех молитвенником.

В 7 часов вечера Батюшка выехал, сопровождаемый Лопаревым, на лошадях в село Девятинное, отстоящее от города в двадцати одной версте. Предупредительный исправник Качалов любезно предложил мне ехать с ним на тройке. Вся местность, по которой мы проезжали, кругом была в высшей степени живописна; справа расстилалась низменность, покрытая лугами и порослями, среди которой лентой извивалась Мариинская система; слева большую частью высились горы из красной глины, прихотливо украшенные лесами и рощами; часто попадались деревни, уютившиеся у опушки их. Одно меня удивляло: во всех деревнях, кроме ребят, мы ни души не встретили. Но когда мы приехали в Девятинное

¹⁾ Быт. 1, 26.

²⁾ Мф. 16, 18.

раньше отца Иоанна, все объяснилось. Там в церкви, кругом нее и по дороге, все население деревень было налицо; громадная толпа народа красиво пестрела своей праздничной одеждой. На погосте шпалерами стояли питомцы школы: мальчики и девочки с букетами полевых цветов. В освещенной и вполне благолепной церкви, украшенной деревьями, ждало отца Иоанна духовенство. Но он почему-то не посетил храма и, остановившись на несколько минут в доме священника, поспешил к ожидавшим его двум маленьким пароходам, принадлежащим г-дам Лопареву и лесопромышленнику Неворотину. Оба они с вытегорским исправником и нами — четырьмя спутниками отца Иоанна — едва поместились на этих пароходиках-игрушках.

В 11 часов ночи мы тронулись по шлюзовой части канала, где едва не на каждой версте приходилось останавливаться в шлюзах, пока ворота в них для поднятия воды затворяют и открывают. Ночью покинули Онежский канал и с ним очень мне понравившуюся, по своим суровым красотам природы, Олонецкую губернию и вступили в реку Ковжу Новгородской губернии в 5 часов утра 2 июня. Остановились у обширного лесопильного завода г-на Неворотина с красивым домом, окруженным садом. Батюшка сейчас же уехал за девять верст, в село Вознесенье, служить Литургию; в 10 часов он вернулся. Молодые супруги Неворотины очень радушно встретили отца Иоанна, и во время обеда, вместо разговоров, пел хор учеников школы под аккомпанемент фортепиано разные гимны, что Батюшке видимо очень понравилось. Все, кажется, окрестное население собралось для получения благословения, и он более часу благословлял в порядке подходящий к нему народ.

В 12 часов дня поехали мы далее. Весь день погода стояла отличная, и вскоре из Ковжи снова вошли в канал — Белозерский. В 6 часов вечера проезжали древний, красивый, увенчанный многочисленными церквями город Белозерск — место ссылки многих именитых бояр времен Иоанна Грозного. Весь берег и пристань были усеяны приветствующими отца Иоанна белозерцами, но пароход здесь не останавливался, и масса народа долго за ним бежала по берегу, кланяясь отцу Иоанну. Он тоже с парохода всем кланялся и благословлял. В 8 часов вечера у Чайки⁶⁹, выйдя из канала в Шексну, встретили ожидавший там отца Иоанна пароход Милютиных «Оркан». В это время пошел проливной дождь, и Батюшка остался ночевать на пароходе Лопарева. В пол-

ночь проехали мимо Горицкого монастыря, в нем тоже ждали отца Иоанна, и ворота были открыты, но и здесь он не остановился. Пройдя же из реки Шексны в канал принца Ольденбургского в 5 часов утра 3 июня, пристали мы к открытому берегу. Тут Батюшку ожидали лошади, и он отправился служить обедню в село Георгиевское, находящееся в трех верстах от города Кириллова. Утро было чудное, и город со своим древним монастырем, основанным преподобным Кириллом Белозерским, современником преподобного Сергия Радонежского, резко выделялся силуэтами между безоблачным небом и озером Сиверским. Очень мы пожалели, что не было возможности, за неимением времени, побывать в монастыре и поклониться мощам преподобного Кирилла, тем более что 9 июня сего года праздновалось пятисотлетие преставления сего угодника Божия. В 9 часов отец Иоанн вернулся на пароход, и вскоре мы совсем покинули великую систему и, проехав небольшую реку Порозовицу, в 7 часов вечера вступили в славное в древности озеро Кубенское, простирающееся в длину на 60 верст и в ширину на 13. С обеих сторон, между небом и водой, словно белые лебеди, виднелись храмы и монастыри, во многих из них покоятся мощи святых подвижников, скрывавшихся в древние времена от мирской славы и молвы в непроходимые лесные дебри и болота, окружающие Кубенское озеро. Среди него, на громадном камне, точно маяк, выступает из воды древний Спасо-каменный монастырь.

В 8 часов вечера из озера вошли мы в давно мне известную красавицу-Сухону и вскоре остановились за селом Воскресенским у длинного, высоко над водой перекинутого тоже на высокие насыпи железного моста великой Архангельской железной дороги. Тут отца Иоанна должен был принять пароход г-на Кострова, и мы, дожидаясь его, остались здесь ночевать. Подивилась я на устройство этого моста, без устоя среди реки и с деревянными оконечностями; уж слишком живо и легко он выстроен, так что, глядя на него, невольно думается: сохрани, Господи, и помилуй от езды в поезде по такому мосту.

В 8-м часу утра 4 июня отец Иоанн служил утреню и обедню в селе Воскресенском, и несмотря на проливной дождь толпы народа ждали его на берегу и в церкви. В час дня пришел пароход «Крым», и мы с дорогим нашим Батюшкой немедленно перебрались на него. Костров весь 1-й класс предоставил в распоряжение отца Иоанна, и ему было здесь очень удобно и спокойно.

В 5 часов остановились на час в Вологде. Там никто почти не знал о приезде отца Иоанна, и его никто не беспокоил; а так как этот пароход был не очередной, то и пассажиров на нем было очень мало. 5 июня днем несколько минут стояли в Тотьме, а в 6 часов утра 6 июня остановились в Устюге Великом. Там Батюшка совершил в соборе утреню и Литургию. Высокий трехъярусный иконостас собора поражает взор своею оригинальностью и стариной. Он весь покрыт золотой резьбой и украшен статуями Ангелов в рост человека. Царские двери сверху донизу покрыты осколками зеркала; в золотой резьбе многие зеркальные части уже выпали. Ровно в 12 часов Батюшка выехал из Устюга. Тут уже пароход летел в широком раздолье Северной Двины, и ночная темнота исчезла: ночи здесь так же светлы, как день, и в этом ясно ощущалась близость Архангельской губернии.

Днем 7 июня останавливались в Березниках, и Батюшка на несколько минут выходил на берег, где его ждало много народу; с радостным чувством любовалась я отсюда на отдаленные берега Северной Двины. За последние 6 лет много изменилось здесь к лучшему: где в наш первый проезд в 1891 году стояли самые убогие, бревенчатые, покосившиеся от старости церкви, там теперь везде красуются уже стройные каменные или деревянные, и все это строится и обновляется всюду на Руси, и в Архангельской губернии в особенности, отцом Иоанном, который и сам с видимою радостью любит на плоды своей молитвы. Ведь только его живая и пламенная молитва о всех дает ему в руки десятки и сотни тысяч рублей для дел благотворения.

На 8 июня в два часа ночи остановились в Усть-Пинеге, где Батюшку уже ждал пароход Володиных, дорогой мне по воспоминаниям «Верколец»; на нем мы с архангельским преосвященным Александром ехали в 1891 году на освящение храма в Суру и впоследствии неоднократно путешествовали с Батюшкой.

Перебравшись на «Верколец», мы повернули направо и поплыли по светлой красивой Пинеге. Утром пристали у села Поленга, и Батюшка совершил богослужение в его маленьком, бревенчатом, только что обновленном храме. Было воскресенье. Все население собралось в церковь. Как-то особенно радостно, покойно было на сердце среди этой чисто сельской обстановки. Вся природа кругом была в полной красе и расцвете весны севера. Храм стоит на небольшом холме; кругом его широко раскинулись по холмам привольные луга, за ним леса сливались с горизонтом.

К вечеру остановились мы на два часа в г. Пинеге, где Батюшка навестил хозяина парохода Володина. Погода была отличная и все пинежане высыпали провожать своего дорогого земляка. Здесь к нам на пароход сели — исправник Пинегы Рогачев, неизменный и самый усердный охранитель Батюшки во всех поездках его по Пинежскому уезду, и чиновник по крестьянским делам Н.Ф. Знаменский. Очень я была рада этим прекрасным, добрым людям, сопровождавшим отца Иоанна в Суру и обратно. В эту ночь не хотелось и спать ложиться. Проезжали мимо дивных Пинежских гор, которые, как сказочные замки, высились то по одной, то по другой стороне реки целым лабиринтом самых фантастических форм и очертаний. О них я уже имела случай писать подробно (см. «Русский паломник» за 1893 год⁷⁰).

В 10 часов вечера прибыли в Веркольский монастырь. Все монашество с архимандритом во главе, с колокольным звоном, встретило отца Иоанна на пристани и проводило в монастырь, где он прямо прошел в старый собор и, поклонившись мощам святого Артемия, направился осмотреть только что построенный и приготовленный к освящению великолепный двухэтажный новый собор, снаружи очень сходный с храмом на месте Крещения святого благоверного великого князя Владимира в Херсонесе близ Севастополя. Вступая в собор, отец Иоанн остановился и, перекрестившись, сказал: «Это — великолепие, настоящая Лавра, и действительно рай земной!» Высокий пятиглавый в византийском стиле и как снег белый храм, украшенный снаружи и внутри живописью; середина его, отделяющая первый этаж от второго, как поясом окружена, на изящных, выдающихся из стен устоях, — красивой галереей. Над входом в храм, точно в воздухе, в золотом сиянии помещен образ Божией Матери «Знамение». С просторной паперти прямо находится дверь в нижнюю церковь во имя Рождества Христова. Она невысока, со сводами, но украшена великолепно: широкий трехярусный иконостас весь покрыт золотой резьбой по золотому фону. В первом ярусе иконы большого размера, в остальных двух — малого. Все своды расписаны ликами Ангелов, точно в облаках, самой светлой живописи. В верхнюю церковь во имя Успения Божией Матери ведут две, по обе стороны паперти устроенные, широкие лестницы. Войдя в нее, отец Иоанн видимо залюбовался внутренним величием этого храма. Большой, светлый, с высокими сводами, широкий, прямой, достигающий потолка, четырехярусный иконостас,

как и в нижней церкви, весь покрыт изящной золотой резьбой по таковому же фону. В первом ярусе, за местными иконами Спасителя и Божией Матери, находится целый ряд икон разных святых. Во втором ярусе помещены иконы двенадцатых праздников; в третьем — предстоят святые апостолы, а в четвертом — пророки Божии; и все писано прекрасной светлой живописью. Среди храма спускается с потолка большое, массивной работы, трехъярусное вызолоченное паникадило; на нем лучше всякого украшения красуется надпись: «Свет Христов просвещает всех!» Осмотревши весь храм, мы все с Батюшкой направились в гостеприимные кельи отца архимандрита Виталия⁷¹, где он радушно угостил нас ужином. В двенадцатом часу пароход тронулся уже прямо в Суру. Эту ночь тоже мало кто спал, и меньше всех сам отец Иоанн. Он почти всю ночь, светлую как день, просидел на рубке, с видимым наслаждением вглядываясь в горы и леса, тянувшиеся по обе стороны Пинеги. В 5 часов утра 10 числа все мы собрались около него. В исходе шестого часа, когда мы обошли с левой стороны мыс, первыми открылись перед нашими глазами сурские Божьи храмы, а за ними разом развернулась и вся Сура. Батюшка, сняв шляпу, радостно перекрестился; при этом, вспомнив свое детство, сказал: «Когда я девятилетним ребенком шел пешком из Архангельского училища домой⁷², то на этом мысе, увидев родную Суру, от радости со слезами, на коленях стал молиться».

Едва завидели в Суре пароход, как оттуда тотчас донесся до нас торжественный колокольный звон, и все суряне бросились бежать к пристани. На длинных мостках, далеко выступающих в реку и уставленных березками, устроена была площадка, устланная красной материей. Среди зелени березок и флагов красиво возвышалась арка, задрапированная тоже красной материей с металлическим венком наверху и с вензелем отца Иоанна под короной. Впереди стояло духовенство и школьный персонал со всеми учащимися в школе. Когда причаливался пароход к пристани, Батюшка, сняв шляпу, заговорил: «Здравствуйте, суряне: отцы, матери и дети!» Те в один голос ему ответили: «Здравствуй, Батюшка, отец протоиерей!» — «Вот, братцы! — снова заговорил он, — я был в прошлом году здесь, и опять Бог благословил мне приехать в Суру!» В это время духовенство и певчие запели: «Многая лета!» — и Батюшка, пройдя среди питомцев школы, поставленных шпалерами на мостках, поехал прямо в церковь,

где сейчас же и началась утренняя и за ней — обедня. После чая поехал он на пароходе за 60 верст дальше Суры в село Нюхчу для обозрения церкви. Чем далее ехали по Пинеге, тем берега ее становились живописней и более дикими (как и жители этих берегов). Леса и горы, обросшие тоже лесом, то сдвигались к самой воде, образуя таким образом настоящий бульвар, то, отодвигаясь, уступали место небольшим полянам с убогими деревеньками. В 6 часов вечера остановились у обрывистого берега, где стояла большая толпа крестьян, во все глаза смотревших на невиданную ими диковинку — пароход. Когда Батюшка сказал им: «Здравствуйте, ребята!», — они, стоя как вкопанные, слова не проронили. Он опять говорит: «Здравствуйте!» Тут один мужичок выскочил из толпы и закричал: «Что угодно, Батюшка?» Он в третий раз сказал: «Здравствуйте!» — и засмеялся. Всем нам забавно было смотреть на целую, точно стадо баранов, неподвижно стоящую толпу людей, не умеющих слова сказать и только с любопытством смотрящих на пароход. Здесь Батюшка ездил за три версты в село Сульцы, где недавно построена деревянная церковь взамен старой, которая за ветхостью уже за несколько лет пред тем была закрыта⁷³.

В 9 часов приехали в Нюхчу, тоже в трех верстах от берега расположенную. Здесь Батюшку встретил народ со священником во главе и с поклонами. В невозможных таратайках поехали мы в село по страшной грязи. Церковь во имя иконы Божией Матери «Одигитрия» крайне бедна и убога⁷⁴, но и ее теперь уже обновляют; новый, небольшой иконостас отделявают резьбой. Помолившись и приложившись к святым иконам, Батюшка, осмотрев всю церковь, зашел к священнику в дом. Здесь поразило нас убожество обстановки жилища служителя святого престола, обремененного громадной семьей. Оставив ему щедрую лепту, отец Иоанн поспешил к пароходу. Собравшийся во множестве народ ринулся за ним бежать, толкая и роняя друг друга, и все собрались на берегу. Благословляя их, Батюшка говорил: «Прощайте, нюхчане!» Они отвечали: «Прощай, Батюшка, спасибо тебе, что нас посетил». Он спрашивает: «Есть ли у вас школа?» — «Нет, есть она за 30 верст в Сульцах». — «Плохо же, братцы!» — сказал Батюшка. «Да мы бы и рады школе были, да средств нет», — ответили они. В это время на мысу противоположного берега, в высокой траве, собрался целый отряд детей, кланявшихся всеми чтимому, достойнейшему пастырю.

Благословляя их с парохода, Батюшка сказал: «Прощайте, дети, Господь Бог да благословит вас!»

К двум часам ночи вернулись мы в Суру. Я была очень довольна, что еще привелось видеть новый беспросветно-дикий уголок нашего обширного севера. В Суре Батюшка решил провести два дня и с утра до ночи хлопотал, распоряжался и осматривал все до последних мелочей, и был, видимо, всем доволен. Да и было чем! Благодаря добросовестной деятельности лиц, выбранных на служение в Суре, ее теперь и узнать трудно. Главные же здесь нововведения, которые особенно порадовали Батюшку, были: почта и общественная лавка⁷⁵. Последняя сделала истинное благодеяние, избавивши сурян от кулаков-лавочников, продававших всякую гниль втридорога. Церковь вся теперь расписана в русском стиле и украшена живописью, изображающей последние дни жизни Спасителя на земле. Почти рядом с церковной оградой выстроен большой двухэтажный дом. В первом этаже помещаются: класс, спальня девочек и комната учительницы. Вверху находится библиотека и помещение для отца Иоанна. Но более всего меня порадовало то, что древнюю деревянную церковь во имя святого Николая Чудотворца и домик, в котором отец Иоанн провел свое детство, три года лежавшие разобранными, ныне вновь собрали и поставили — первую на кладбище, а второй — на месте его рождения. Над домиком сделали для его сохранения от влияния непогоды, как бы футляр, очень похожий, как над домиком Петра Великого в Петербурге.

13 июня после обедни выехали из Суры, жители которой поголовно все стояли на берегу и, по колени забравшись в реку, провожали своего преобразователя и благодетеля усердными поклонами, криками «Ура!» и долго не смолкавшим колокольным звоном. В 4 часа Веркольский монастырь радостно встретил дорогого и с нетерпением ожидаемого отца Иоанна и вскоре по его приезде ударили ко всенощной в новом соборе. По случаю своего нездоровья архангельский преосвященный Иоанникий не мог прибыть на освящение храма и просил отца Иоанна и настоятеля Веркольского монастыря архимандрита Виталия освятить его. Всенощная была совершена в верхнем храме, так как его первым предполагалось освятить. Стол с принадлежностями освящаемого престола стоял на амвоне, перед ним, по обыкновению, и совершалось богослужение. На литию и величание выходили отец Иоанн и отец архимандрит с целым собором монашеству-

ющего и белого духовенства. Служба кончилась в 10-м часу и в 8 часов 14 июня начался благовест к освящению. Освящение храма совершал отец архимандрит с участием отца Иоанна и девяти священников. Крестный ход сначала направился в старый собор, где отец архимандрит, приняв на голову на святом дискосе антиминс со святыми мощами, возвратился в новый собор и с крестным ходом обошел его по галерее, точно между небом и землей, что очень было оригинально и красиво. По окончании освящения отец Иоанн произнес проповедь на слова апостольские:

Вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду им Богом... И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я прииму вас.
2 Кор. 6, 16–17

«Здесь апостол говорит о нашей обязанности устроить в себе, в своем сердце, храм Божий и очищать себя от всякой скверны плоти и духа, творя святую при содействии Божиим.

Ныне совершилось, с благословения преосвященнейшего Иоанникия, епископа Архангельского и Холмогорского, освящение величественного и благолепного вновь сооруженного храма сего. Благодарю Господа, сподобившего меня принять ближайшее участие в торжестве освящения. Дивны судьбы Божии касательно этой обители! Я помню ее крайнее убожество и бедность: деревянная, ветхая, низкая ограда окружала малую каменную церковь, в которой почивают мощи угодника Божия, праведного отрока Артемия; было в этой ограде еще два или три деревянных здания. Обитель была заштатною; начальником ее был строитель с пятью или шестью монахами, но он мало заботился о ее благоустройстве, и она клонилась к совершенному упадку. Сколько раз она была истребляема пламенем в прошедших столетиях и опять возобновляема!

Но вот, наконец, с половины нынешнего столетия и для нее наступает время возрождения и славы. Волею архипастырей архангельских стали назначаться в настоятели ее благочестивые и ревностные иеромонахи, которые начали заботиться о ее благосостоянии, а в пятидесятых годах сделан был настоятелем ее иеромонах Кожеозерского монастыря⁷⁶, впоследствии возведенный в звание игумена, Феодосий⁷⁷, муж образованный, благоче-

стивый, предприимчивый, ревнитель благолепия и всякого благочиния, который своими разумными, неусыпными стараниями соорудил около нее высокую каменную ограду, а в ней — величественную колокольню с благозвучным звоном и с храмом в сей последней; построил еще деревянный храм с братскою столовою и корпус для братии с деревянным большим помещением для настоятеля, украсил и обогатил обитель, и за свои ревностные труды и благочестивую жизнь возведен был в сан архимандрита. Вскоре эта обитель из заштатной Святейшим Синодом сделана первоклассной, по ходатайству епископа Нафанаила, и настоятели ее стали возводиться в сан архимандрита. Нынешний ее настоятель архимандрит Виталий, ревнитель благолепия, воздвиг сначала каменный корпус для настоятеля, а теперь настоящий величественный храм, и вот он сияет и красуется — во-первых, благодатиею Божиею, вселившеюся в него отныне по освящении Духом Святым, и потом внешним благолепием и красотою. Ныне этот храм — небо земное; это — дом Божий и сия врата небесная. Тут Промысл Божий и очи Господни день и ночь будут отверсты на храм сей и на входящих в него. Теперь ежедневно будет приноситься в нем страшная и спасительная Жертва Богу Отцу — Пречистое Тело Христово, за нас ломимое, и Животворящая Кровь, за нас и за многия изливаемая¹⁾ и нам преподаваемая в очищение грехов, в освящение, обновление и обожение. Еще одним святым местом спасительного жертвоприношения стало больше на земле; еще явилось место прибежища для душ христианских, ищущих примирения с Богом и соединения с Ним. Благодарение Господу, пекущемуся о спасении нашем и открывающему нам новые источники Своей благодати. Итак, новый храм готов, закончен, украшен, освящен, благоуухан кадильным фимиамом, освещен горящими светильниками; отныне Господь воссел на престоле Своем, но где “Царево пришествие, и чин приходит”²⁾, по выражению церковной песни, то есть главные и ближние Царские чины, Царская свита. И здесь, в этом доме Небесного Царя, водворились все Небесные чины, и во-первых, Превышшая всех тварей, Сама Царица Небеси и земли, Пресвятая Владычица наша Богородица, святые Архангелы и Ангелы, окружающие престол Божий при совершении Литургии и Таинства

¹⁾ Ср.: Евхаристический канон; ср.: 1 Кор. 11, 24; Мф. 26, 26, 27–28.

²⁾ Стихира на литии «Днесь тварь просвещается ...», гл. 4-й, из последования великой вечерни на праздник Крещения Господня.

Тела и Крови Христовых; святые патриархи, пророки, апостолы, святители, мученики, преподобные, бессребреники, праведные и все святые — вся Церковь Небесная, представляемая образно в святом иконостасе!

Но все ли тут? Все ли готово здесь для Небесного Царя, — что Он хотел бы непрестанно здесь видеть и слышать и обонять? Нет, — не все. Здесь недостает нашей внутренней душевной чистоты и благолепия, недостает нашего духовного, сердечного, святого соответствия святыне храма и святости Господа и святых, здесь благодатно пребывающих. Ведь для нас и для вас, братия, здесь подвижающиеся, и для всех посещающих храмы Божии создан и этот храм. Правда, мы по внешности украшаемся, но слава дщери Царевой, то есть души христианской, — внутрь, в ее внутренней святости и красоте; мы здесь присутствуем телом, но всегда ли присутствуем всем помышлением, всем сердцем, всем добрым произволением; всегда ли сердца наши горят верою и любовью ко Господу; всегда ли души наши благоухают смирением, кротостью, чистотою, целомудрием, милостию и правдою? Храмы рукотворенные созидаются и освящаются для нас, чтобы мы, *как живые камни, устроили из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы благоприятные Богу Иисусом Христом*¹⁾. Итак, возлюбленная братия, мы сами должны быть нерукотворенными, духовно благоукрашенными и благоуханными храмами Божиими. *Вы храмы Бога живаго, как сказал (Господь) Бог: вселюсь в них... и буду им Богом*. Какая любовь Творца к разумной своей твари! Какое снисхождение! Какое тесное общение! Господь готов вселиться в нас, в наши сердца. Но таковы ли наши сердца, чтоб мог войти и жить в них Господь?! К прискорбию, нет; ибо они не очищены от всякой скверны плоти и духа, от всяческих грехов и страстей. *Какое же общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Какое соучастие верного с неверным? Какая совместность храма Божия с идолами?*²⁾

Итак, мы должны уготовить, очистить и украсить свои внутренние храмы, свои души и тела, как уготовили себя к сошествию Святого Духа и принятию Его в День Пятидесятницы апостолы и бывшие с ними и чаявшие Его Пришествия.

¹⁾ 1 Пет. 2, 5.

²⁾ 2 Кор. 6, 14–16.

Поспешим же уготовить для Господа свои нерукотворенные храмы верою, горячею молитвою, покаянием, вниманием к себе, страхом Божиим, всегдашним хождением в присутствии Божиим, постоянным духовным бодрствованием над помыслами, чувствами, вожделениями, борьбою с возникающими в нас страстями, осторожностью в словах и делах, взаимною любовью, Господь всего более утешается нашею взаимною любовью, как Отец. Итак, скажу с апостолом Павлом: *Любовь наша к другу да будет непритворна; отвращайтесь от зла, прилепляйтесь к добру; будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте; в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; утешайтесь надеждою будущих нетленных благ, ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны; в нуждах ближнего принимайте участие; ревнуйте о странноприимстве. Благословляйте гонителей ваших, а не проклинайте. Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими. Будьте единомысленны между собою; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе; не воздавайте никому злом за зло, но пекитесь о добром пред всеми человеками. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром.*¹⁾ Аминь».

После Литургии все гости были приглашены к отцу архимандриту на обед и едва успели отдохнуть, как в 6 часов началась всенощная в нижнем, во имя Рождества Христова храме: она совершалась также среди церкви, перед столом с напрестольной утварью, целым собором священнослужащих. В условные 8 часов утра 15 июня раздался торжественный благовест к освящению; все поспешили на его призыв. Народу собралась такая масса, что не только была полна вся обширная церковь и паперть, но и на улице стояли толпы народа. Сегодня освящение совершал сам отец Иоанн с участием шести священников. Не выразить словами, с каким он вниманием, радостию и глубоким благоговением совершал чин освящения храма; эти чувства так

¹⁾ Ср.: Рим. 12, 9–19, 21; 1 Кор. 2, 9.

и светились во всей его наружности. Он весь был сосредоточен в действии. Тщательно омыв своими руками престол и приколов гвоздями верхнюю его кипарисовую доску, он полил его благовониями и, отерев, обратился к народу и стал читать в Царских вратах коленопреклоненно молитву. Тогда даже самое лицо его изменилось и приняло восторженно-вдохновенный вид. Видимо, все силы души и сердца его были в этой молитве. После нее стали одевать святой престол, и отец Иоанн как престол и жертвенник, так и всю церковь окропил святой водой. После сего с крестным ходом пошли снова в старый собор за святыми мощами и, взяв их оттуда, обошли, по обыкновению, кругом освящаемого храма среди массы народа, сошедшегося чуть ли не со всего уезда. Остановившись пред церковными дверями, закрытыми белою тканью, отец Иоанн поставил дискос со святым антиминсом на столик и, окадив святыню, произнес таинственно-пророчесственные слова 23-го псалма: *Возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная: и внидет Царь славы*. Затем, как бы отвечая на глас из глубины церкви: *Кто есть сей Царь славы*, подняв над головою дискос со святым антиминсом, возгласил: *Господь сил, Той есть Царь славы*¹⁾ и крестообразно осенил им двери. В это время белую ткань открыли и все с пением «Господь сил — Той есть Царь славы» вошли в церковь, освещенную тремя паникадилами и множеством наставленных народом свечей. Положив на престол святой антиминс, отец Иоанн с радостным лицом, обратившись к народу, сказал слово о святом долге христианина любить храм Божий.

*Коль возлюбленна селения Твоя,
Господи сил*²⁾!

«Вот и еще освящен храм благодатию Христовою в этом величественном, небоподобном соборе Веркольской обители: вчера — верхний, сегодня — нижний. Красота и благолепие того и другого одинаково приятны. Что-то родное, жизнерадостное, святое, привлекательное чувствуешь в христианском храме и невольно восклицаешь с царем-пророком: *Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил!* Храм есть дом Божий, селение Господне; тут жизнь, отрада, покой нашего сердца; тут защита наша от врагов види-

¹⁾ Пс. 23, 9–10.

²⁾ Пс. 83, 2.

мых и невидимых; тут изливаем мы душу свою пред Господом — Отцом нашим Небесным; тут главным образом совершается наше покаяние, примирение с Богом; тут преподается прощение и очищение наших грехов; в храме ежедневно читаем слово Божие, просвещающее и умудряющее нас во спасение; в храме преподаются нам Божественные, животворящие и страшные Тайны, Пречистое Тело и Кровь Христовы; в храме совершается наше возрождение и духовное воспитание для Царства Небесного.

Возлюбленные братья и сестры! Всякий человек, кто бы он ни был — в порфире или в рубище, высокого рода или низкого, ученый и неученый, богатый или бедный, мужской пол или женский, младенец, отрок, юноша, муж, старец — есть немощный, больной, грешный человек; ибо всякий с самым рождением на свет наследует от родителей душу расслабленную, омраченную и оскверненную грехом, и первый, кто с истинною Божией любовью встречает его появление на свет, — это Церковь, которая с самого рождения и до смерти берет его, по воле Божией, под свое духовное, благодатное руководство и во всю жизнь его заботится о его духовном воспитании, покаянии, исправлении и спасении, питая и укрепляя его духовно словом Божиим, богослужением и Таинствами. Она его первая, Богом данная ему наставница и руководительница, она его духовная мать, неизменно любящая его при жизни и по смерти. Она — его и врач духовный, врачующая его недуги душевные и телесные; а потому Церковь, или храм Божий, в котором мы пользуемся всеми ее попечениями, должен быть всегда искренне любим и почитаем нами.

*Человек, сотворенный по образу Божию*¹⁾, с душою разумною и бессмертною, есть глубоко и страшно падшее существо, состоящее во вражде с Творцом своим, и кроме Церкви никто не может примирить его с Богом, ибо только Церкви, то есть ее священнослужителям, и больше никому, — дана от Бога власть и благодать примирять человека с Богом. *Бог чрез Иисуса Христа примирил нас с Собою и дал нам служение примирения* — говорит святой апостол Павел²⁾. И это примирение совершается в храме посредством молитв и Таинств. Как же поэтому не любить дома Божия, селения славы Господней, где примиряется с нами Господь, непрестанно прогневаемый нами, преклоненный богоприятными молитвами и

¹⁾ Ср.: Быт. 1, 27.

²⁾ Ср.: 2 Кор. 5, 18–19.

Таинствами? Оттого-то в храме часто возносится покаянный вопль верных душ о помиловании: "Господи, помилуй!"

Только в Церкви заключается всякая истина, откровенная Богом для нашего блага и спасения, в мире же господствует всякая ложь и прелесть грехов и страстей, омрачающая и губящая человечество; прелесть похоти плотской, похоти очей и гордость житейская, и всякая книжная ложь, печатаемая некоторыми заблуждающимися писателями; только в Церкви, в храме, человек может избавиться от обаяния этой прелести и увидеть все вещи в истинном свете и ходить и жить в истине и правде. Как же не почитать и не любить храм, это небесное селение на земле, где мы познаем всякую истину и правду, и прелесть и обман греха!

Наконец, Церковь указывает каждому из нас истинную цель жизни, и в храме Божиим человеком постоянно слышит, что главная цель его жизни — подвизаться всеми силами против греха, стремиться ко всякой добродетели, чтобы достигнуть возможного подобия Первообразу своему — Отцу Небесному, от Которого удалили и отчуждили нас грехи; она указывает ему на Небесное отечество как конечную цель его земной жизни, между тем как мир совершенно извращает понятие человека о жизни и учит его искать цели жизни только на земле, в богатстве и собирании сокровищ, в наслаждении пищей и питием, в нарядных одеждах, в достижении земных отличий и преимуществ, в разных играх и увеселениях, в чтении исключительно светских, суетных, а иногда и разврату научающих книг. Многие, следуя этой мирской прелести и мечте, занимаются исключительно только своим телом и попечениями о его здравии и красоте, удовольствиях, о земной славе, снискании богатства всякими путями, нерадя совершенно о душе бессмертной, оставляя ее погибать в окаянстве, бедности, нищете, слепоте и наготе.

Итак, храм Божий или Церковь Божия есть наша мать, наша учительница, руководительница к животу вечному, наш врач душевный и телесный, наша питательница, просветительница, она одна указывает нам истинную цель жизни, она одна нас примиряет с Богом, спасает и приводит к Нему примиренными, уготованными, богоугодными, и кроме ее — никто. Как же не любить нам свою церковь, или храм Божий? О, коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! Сколь досточтим для меня ты, храм Божий! Все в тебе достолюбезно и досточтимое: и престол Божий, на котором невидимо восседит Господь; и жертвенник, или предложе-

ние, где уготовляются Святые Дары для священнодействия; и лики Господа, Богоматери и лики всех святых; приятен Твой фимиам — знамение благодати Духа Святаго; приятны Твои светильники — знамения всепросвещающего света Божия и Божественного огня и горящих в молитве сердец; достолюбезны священнослужители, совершающие в нем непрестанно службы Божественные и пречудную и животворящую Тайну Тела и Крови Христовых.

Дай Бог, чтобы все христиане тебя любили, к тебе стремились, как любил свой храм Давид, царь и пророк, и в тебе духовно веселились, как веселился он, когда говорили ему: *пойдем в дом Господень*¹⁾. Аминь».

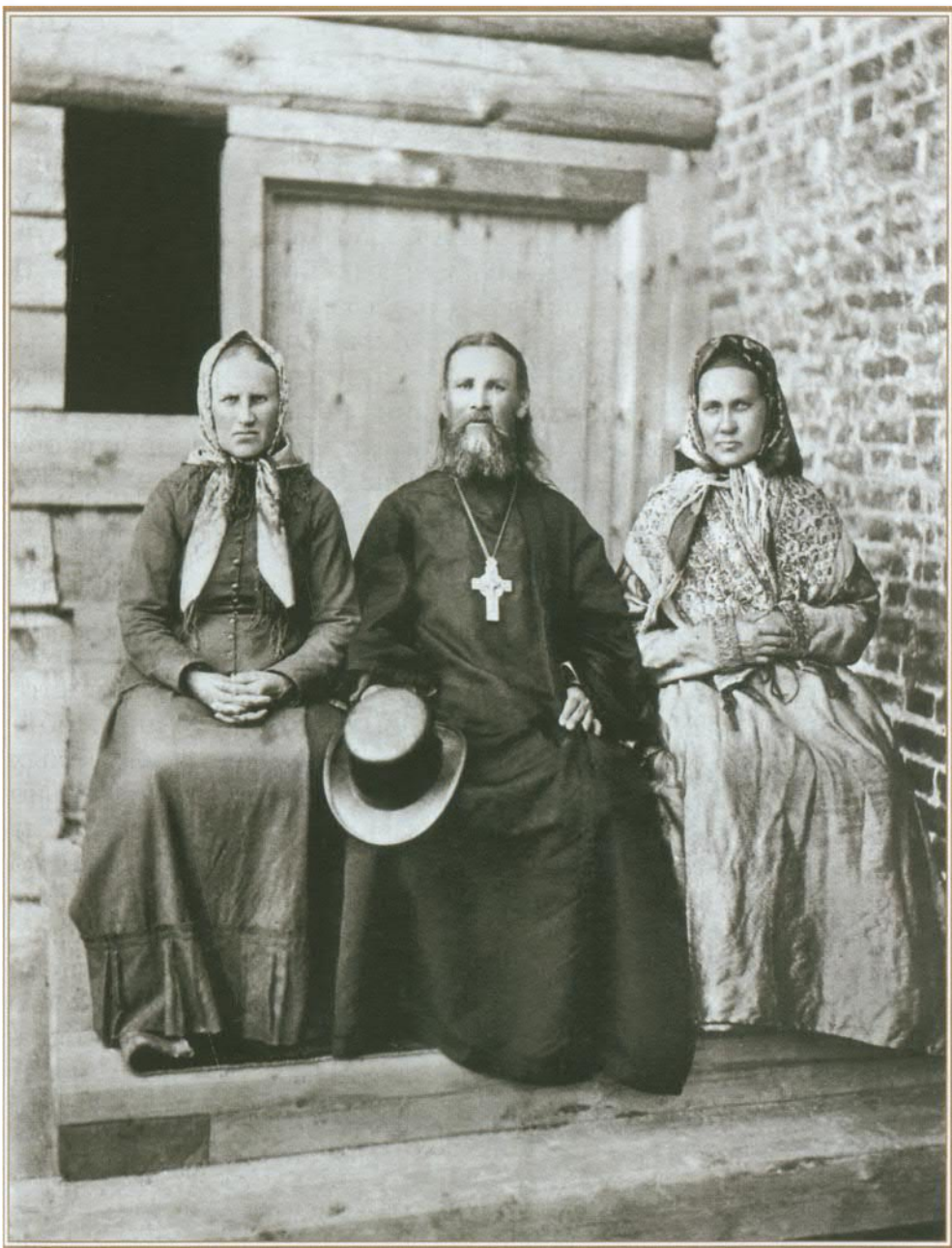
Во время слова отец Иоанн весь был проникнут радостью, и эта речь, как река, лилась из его уст. Вскоре стали читать часы, после которых началась Литургия. Точно в Пасху было светло и радостно: радостный вид отца Иоанна всех словно наэлектризовал, все выглядели веселыми и счастливыми. По окончании богослужения Батюшка, придя в келию отца архимандрита и поздравляя его, сказал: «У вас сегодня радость Соломона». На это отец архимандрит ему ответил: «Да, Батюшка, но не без скорбей». — «Без скорбей нет и радостей», — промолвил отец Иоанн. Действительно, заложив в 1891 году эту церковь, отец архимандрит Виталий много труда и огорчений перенес, созидавая ее, и только благодаря своей неутомимой энергии достиг желанного им результата, создав воистину «небеси подобный» храм, в коем так легко и радостно молиться.

Обед в этот день имел чисто семейный характер, все почти тосты Батюшка сам провозглашал. За первым тостом он сказал: «Друзья, выпьемте за здоровье первоверховного пастыря митрополита Палладия!» Все присутствующие хором пропели «многая лета» владыке митрополиту, но когда отец архимандрит произнес тост за здоровье самого Батюшки, то его все, поздравляя, горячо благодарили за освящение храма; при этом чиновник по крестьянским делам г-н Знаменский сказал речь, в коей выразил великую пользу для всего окружного населения в устройстве отцом Иоанном в Суре школы и общественной лавки и от лица всего населения искренно благодарил Батюшку за оказанное им истинное благодеяние всему округу.

¹⁾ Пс. 121, 1.

В 4 часа Батюшка, побывав за рекой, сел снова на «Верколец», и он, при сильном дожде и ветре, пошел далее. Вечером погода прояснилась, и к 12 часам мы остановились в трех верстах от села Усть-Покшенки, куда добрый старичок-священник Терентьев — товарищ отца Иоанна по семинарии⁷⁸, как его, так и нас упросил посетить их церковь и дом; и мы на ожидавших нас на берегу лихих северных лошадках, в крытых тарантасах полетели почти непрерывным болотом в село, в котором остановились у только что выстроенной деревянной трехпрестольной церкви. Вполне благоустроенный главный престол во имя Рождества Христова еще не освящен, но правый — во имя Грузинской иконы Божией Матери и левый — преподобного Иоанна Рыльского — уже освящены. Потом осматривали старую, самого убогого вида церковь во имя великомученика Георгия Победоносца; в ней замечателен древний большого формата образ великомученика Георгия, поражающего змия, резанный на дереве и помещенный с левой стороны клироса; вблизи его находится низенькая, грубо вытесанная дверь с высоким порогом, ведущая в крошечный придел — во имя праведного Артемия Веркольского. Трогательно видеть крайнюю бедность, но вместе и безукоризненную чистоту храмов Божиих, находящихся в беспросветной глуши необъятной нашей матушки-Руси, создающихся и поддерживаемых большей частью на грошовое подаяние доброхотов. Невольно мне здесь вспомнились виденные мною храмы и монастыри на святых местах Востока⁷⁹, куда десятки тысяч рублей ежегодно присылаются и приносятся русскими поклонниками, посещающими Иерусалим, а между тем все они, с самыми незначительными исключениями, содержатся греками в крайне возмутительно-грязном и убогом виде. Из церкви Батюшка прошел в дом своего товарища-священника, где сердечный прием всей семьи и образцовая чистота была во сто раз приятней раззолоченных палат гордых богачей. Во втором часу ночи, веселые и довольные, мы вернулись на пароход.

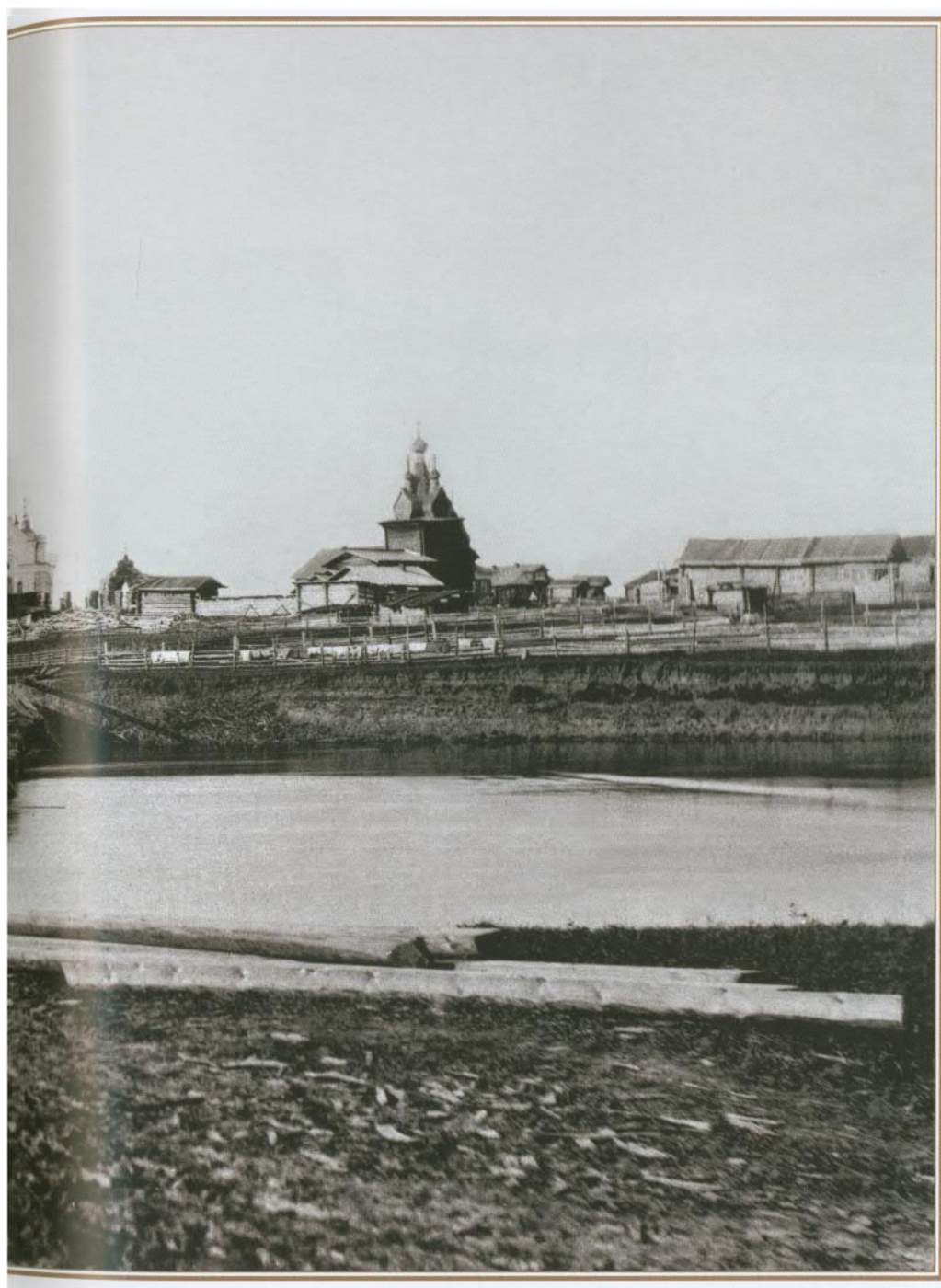
16-го числа, подъезжая в первом часу дня к Пинеге, встретили пароход «Св. Николай Чудотворец», который, по разборке колес, на бичеве провели через шлюзы, и теперь он на всех парах летел нам навстречу. Батюшка так был ему рад, что немедленно перебрался на него и решил снова ехать в Суру, чтобы показать его сурьянам, чему мы все были очень рады. 17 июня, остановившись на полчаса в Веркольском монастыре, отец Иоанн пригла-

Отец Иоанн с сестрами Анной Ильиничной и Дарьей Ильиничной.
Село Сура, 1880-е годы

Село Сура на реке Суре. Фото П.П. Шаумана 1891 года

Село Сура. Училище (слева) и дом сестры отца Иоанна Дарьи Ильиничны Малкиной (справа). Фото П.П. Шаумана 1891 года

Введенский храм, построенный в XVI веке, и храм во имя святителя Николая. Фото после 1891 года

Батюшка на прогулке в окрестностях родного села.
Фото П.П. Шаумана 1891 года

Артемиево-Веркольский мужской монастырь. Фото не позднее 1895 года

Погрузка дров на пароход «Святитель Николай»

Лес на Пинеге. Художник С. Животовский

Архангельская губерния. Холмогорский Успенский женский монастырь.
 Фото не позднее 1895 года

Вид Архангельска с Северной Двины. 1900-е годы

Архангельск. Общий вид. Открытка начала 1890-х годов

Архангельск. Кафедральный собор. Открытка начала 1890-х годов

Архангельск. Соломбальский Преображенский собор. Фото 1900-х годов

Великий Устюг. Фото 1900-х годов

Проводы отца Иоанна на пристани г. Великого Устюга

Тотемский Спасо-Суморин монастырь. *Открытка 1900-х годов*

Вологда. Соборная площадь и Софийский собор. Офорт 1860-х годов

Вологда. Соборная площадь и Софийский собор. Открытка конца XIX века

Воскресенский Горицкий женский монастырь Новгородской губернии.
Цветное фото С.М. Прокудина-Горского 1909 года

Ярославль. Берег р. Волги. Стрелка. Демидовский лицей.
Открытка конца XIX века

Ярославль. Спасский монастырь. Открытка конца XIX века

Ярославль

Толгский мужской монастырь.

Ярославль. Толгский мужской монастырь. Открытка конца XIX века

Толгский монастырь. Кедровая роща. Открытка конца XIX века

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

сил отца архимандрита, вышедшего его встречать, прокатиться до Суры. В 10 часов вечера показалась излюбленная нами Сура; в ней никто не ожидал такого внезапного возвращения отца Иоанна, но, увидев пароход, ударили в колокола. Народ стремглав бросился к пристани и словно мухи облепил ее в самом незатейливом и забавном беспорядке, радостно кланяясь Батюшке. Поздоровавшись со всеми и сойдя на берег, он сейчас же один отправился на пароходе по реке, а мы направились в дом устраиваться на ночлег. Вернувшись, Батюшка напился с нами чаю, и все разошлись на покой. 18 числа, отслужив утреню и обедню, отец Иоанн собрал общий совет, на коем постановили отдать пароход в собственность церковно-приходской школы под руководством Сурского попечительства, для перевозки продовольствия и материалов, и постановление это представить на утверждение местного архиерея. Окончив все дела, Батюшка в 3 часа покинул Суру при общих криках «ура» и «многая лета» собравшегося народа.

Теперь по течению пароход проходил 18 верст в час, вместо 10 против течения, и в 8 часов утра 19-го числа мы остановились в Пинеге, и Батюшка с парохода прямо проехал в собор. После отслуженных им утрени и обедни посетил еще раз Володина, и в час дня тронулись далее. В 4 часа утра 20 июня показался Архангельск со своим целым лесом мачт на всевозможных судах. Батюшка, по старой памяти и по убедительной просьбе, остановился в доме Шольц, где первые 6 лет своего посещения Архангельска постоянно останавливался, и сейчас же отправился служить Литургию в ближайшую к их дому Успенскую церковь. В городе еще почти никто не знал о его приезде, церковь была совершенно пустая, и Батюшка, с видимым удовольствием войдя в нее и помолившись, сам ставил пред иконами свечи. По окончании же богослужения мы с большим трудом, от массы народа, выбрались из церкви. Почти три дня провел отец Иоанн в Архангельске, но мы, спутники его, только по вечерам его и видели и каждый раз уже крайне усталого. Целые дни он был в разъезде; везде его просили побывать — то старые его знакомые, то больные, и он, по мере возможности, всех старался удовлетворить. 21 числа Батюшка служил в церкви Рождества Христова. В тот же вечер он за всенощной в соборе читал каноны, где и служил с целым собором священников на другой день в воскресенье, 22 июня, Литургию, за которой после причастного, обратившись к сплошной массе богомольцев,

сказал прочувствованное слово, взявши темой для него слова из читанного в тот день Евангелия:

*Светильник телу есть око. Аще убо
будет око твое просто, все тело
твое светло будет: аще око твое
лукаво будет, все тело твое темно
будет.*

Мф. 6, 22, 23

«Господи! Дай мне чистый смысл и целостность разумения Евангелия Твоего, чтенного ныне, чтобы преподать людям Твоим чистую пшеницу слова Твоего. В нынешнем чтении говорится о начале лукавства, которым заразилось и прониклось сердце человеческое и коим страдает и бедствует оно тайно и явно доселе, о той нелепой двойственности и лицемерии, о той суетности, коим подвержены в жизни сыны и дщери падшего Адама, о том жалостном потемнении духовного светильника, который дан был в начале Адаму и Еве и при свете которого они должны были достигать совершенной любви к Богу и утверждения своего на вечные времена к святине, словом, — о источнике и корне нашего греха.

С чего же началось лукавство человека и помрачение его чудного душевного светильника, при свете коего он проникал во все свойства подчиненных ему тварей, в их характеры и дал имена всем животным по их свойствам — так верно, что Сам Творец одобрил эти названия. Оно началось с беседы с древним змием, *иже есть диавол и сатана, льстяй всю вселенную*¹⁾, от доверия и послушания ему и недоверия и непослушания Творцу, от преступления ясной, удобоисполнимой заповеди Божией, от вкушения плодов запрещенного древа²⁾. Но неужели так преступно и губительно было для человека вкушение плода, что оно могло повлечь за собою проклятие благословенного Богом человека, все последовавшее растление греховное, все бесчисленные бедствия и болезни и самую смерть временную и вечную? Да, действительно так преступно губительно было это проклятое непослушание и вкушение, раз, потому, что это было преслушание святой, премудрой воли Творца, безмерно облагодетельствовавшего человека, во-вторых, потому, что, поверив искустителю и вышедши из послушания Творцу, первые люди перебежали

¹⁾ Апок. 20, 2; 12, 9.

²⁾ См.: Быт. 3, 1–19.

в стан врага и сделались его рабами; в-третьих, потому, что из этого непослушания и вкушения недозволенного плода развились, как из семени, все бесчисленные грехи первых человеков и их потомства, склонность ко всякому греху, вся неверность их Богу, самонадеяние, неблагодарность, злоба, высокоумие и гордыня, око лукавое, их удаление и отчуждение от него, хула на Бога, пристрастие к плотским, земным, скоропреходящим благам и пренебрежение своею бессмертною душою и вечными благами рая и Царства Небесного, для которого и сотворен был человек со всем потомством; из этого источника и корня греховного истекли и умножились до бесконечности все скорби, болезни и неисчислимые бедствия рода человеческого и самая *смерть* как *оброки греха*¹⁾. Вот отчего и как погас наш душевный светильник, вот откуда началось всякое лукавство человеческое, все нелепые страсти, наша страстная привязанность к своей грешной плоти и ко всему земному: излишнее попечение о пище и питье, одежде, о стяжании богатства, чести и славы и нерадение о любви к Богу и о вере и любви и милосердии к ближним.

Испытайте добросовестно каждый себя самого относительно своих ежедневных попечений, забот и пристрастий и скажите по совести: о душе ли бессмертной вы больше печетесь, о ее ли исправлении и спасении и исполнении Божиих заповедей, или больше о плоти и ее излишних требованиях и прихотях? Отчего пьянство и распутство господствуют в людях? Отчего лихорадочная страсть к наживе и обогащению до забвения о Боге, о душе? Не в пустых ли заботах и суетах наичаще проходит жизнь ваша? К Творцу ли прилепляются верою, молитвою, покаянием, любовью сердца ваши или только к тварям? К вечным ли благам или только к временным? Испытайте себя: по вере ли вы живете или без веры, только — по плоти? *Никто не может служить двум господам, — говорит Господь в нынешнем Евангелии, — ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне*²⁾, то есть богатству и плоти своей многострастной, ее похотям и страстям. Почему? Потому что душа наша есть дух, существо простое, — и разделение, двоякость, уклонение в лукавство есть болезнь и пагуба ее. Например: ты стоишь в

¹⁾ Ср.: Рим. 6, 23.

²⁾ Мф. 6, 24.

храме и думаешь о своих прибытках, процентах или об устройстве дома, или о мести ближнему, об обиде его; ты чрез то отпадаешь от Бога и служишь врагу, который учит тебя пренебрегать Богом и спасением души и служить ему, делать ему угодное. *Не заботьтесь*, — то есть чрезмерно, говорит Господь, — *что нам есть? или что пить? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам*¹⁾. Господь говорит о горячей, беспокойной, суетливой заботе людей только о теле и о пренебрежении потребностями духовными, покаянием, исправлением, любовью к Богу и к ближнему, молитвою, милостынею и прочим. Жизнь людей, вследствие сердечной греховной слепоты их, идет превратно, так сказать, наизнанку, или вверх ногами: прежде всего и везде стоят на первом плане телесные потребности и заботы, и в самой сильной степени, а уже потом слегка — некоторая забота, и то по временам, о душе, хотя для забот и работ для тела Бог дал человеку шесть дней в неделе, а для Бога и души день седьмой и другие праздники. А от этой превратности в заботах и вся жизнь духовная идет неправильно, или совсем не идет правильно, а душа закосневает во всяких грехах и часто совсем погибает, как, например, у пьяниц, развратных, корыстолюбивых, жестокосердых и других.

Последствия вкушения от запрещенного древа первыми людьми были так пагубны, что для уничтожения их правда Божия потребовала бесконечной жертвы — пригвождения к Древу Крестному Самого Богочеловека и искупительной самой мучительной смерти Его. Памятуя это твердо и желая сами чем-либо удовлетворить правде Божией, святые человеки твердо хранили воздержание и пост во всю жизнь свою и распинали свою плоть со страстями и похотями, а многие из них предались мучителям на страшные, нестерпимые муки, чтобы распяться Христу, Спасителю своему, распять в себе грех и заслужить благословение Господа и венцы нетления и святости.

Итак, будем, братия, беречь свои светильники духовные, души и сердца наши неугасающими. *Да будут чресла ваша препоясана, и светильницы горящи: и вы подобни человеком чающим Господа своего, чтобы Он, когда придет и постучит в двери*

¹⁾ Мф. 6, 31–33.

вашего сердца, вы *тотчас* отворили их Ему¹⁾, чтобы Ему войти и *вечерять*²⁾ с вами, освятить и спасти души ваши. *Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его* и спасения души, и все земные блага *приложатся вам*. Аминь».

Слово отца Иоанна видимо произвело на слушателей глубокое впечатление. Впоследствии мне один старец иеромонах из Соловецкого монастыря, случайно приехавший перед этим и служивший вместе с Батюшкой, признавался, что он в первый раз в жизни слышит так глубоко в душу проникающую и с неотразимым убеждением произносимую проповедь. В 4 часа архангелогородцы с губернатором во главе проводили отца Иоанна, который долго любовался с рубки парохода на свой родной Архангельск, где протекли его невеселые отрочество и юность. Последними с нами простились — златоглавый Архангельский монастырь и верхушки здания духовной семинарии.

В 10 часов вечера подошли к Холмогорам. Здесь встретили Батюшку колокольным звоном. Берег был покрыт народом, радостно приветствовавшим дорогого гостя. Здесь от женского монастыря подали отцу Иоанну экипаж, а нам — маленькие линейки с кучерами-послушницами на козлах, и мы быстро полетели в монастырь. В нем все монашествующие с новой игуменьей Евпраксией⁸⁰ приняли с истинной радостью давно желанного, дорогого гостя. Вскоре привели к Батюшке и престарелую, всеми горячо любимую, добрую игуменью Серафиму, 65 лет потрудившуюся в этом монастыре и от старости совершенно ослепшую. Трогательно было видеть, как из ее ослепших глаз катились слезы радости, когда она припала к руке глубоко ею любимого и почитаемого отца Иоанна, который в свою очередь видимо и ее любит и уважает. Переночевав здесь, Батюшка наутро 23 июня отслужил обедню.

К обеду у гостеприимной игуменьи набралось много гостей, среди коих находилась и родная сестра отца Иоанна А.И. с мужем-священником, с которым мы с Батюшкой сейчас же и уехали в Матигору. Добрые старички каждый раз при посещении их Батюшкой тщательно стараются доставить ему полный покой и простор, и он ныне вполне им воспользовался. Весь почти

¹⁾ Ср.: Лк. 12, 35–36.

²⁾ Ср.: Откр. 3, 20.

день отец Иоанн гулял, то сверху по обрыву крутой горы, густо заросшей сверху донизу густым лесом, то у подножия ее по берегу речки Матигорки, и с наслаждением любовался на дивно-живописные кругом виды. Все было пред глазами: красивые Холмогоры, величественная Северная Двина и целое море лесов, полей и лугов, а среди них виднелись села с белыми церквями, между которыми за Северной Двиной красовалась Денисовка, родина Ломоносова; позади на горе раскинулось село Нижняя Матигора. Любуясь всем этим, Батюшка с восторгом произнес: «Дивны дела Твои¹⁾, Господи! Как здесь хорошо!» Когда же я предложила ему пожить здесь с недельку, то он с грустной улыбкой ответил (как мне передавали): «Ты — птица Божия, свободна, а мы люди невольные». Гуляя на вершине горы, отец Иоанн сказал: «Матигора потому так называется, что она выше всех окружающих ее гор». Внизу у речки он смотрел, как рыбаки ловили сетями рыбу, ходя по пояс в воде. Когда же они, вытащив сети, принесли ему в корзинке немалое количество разной рыбы, то Батюшка, с живым интересом рассматривая ее, расспрашивал, как она называется; ему отвечали: окуни, щуки, налимы и прочие. Батюшка благословил их и щедро наградил за труд. После обедни, 24 июня, еще раз совершив прогулку около церкви, отец Иоанн всех собравшихся здесь гостей пригласил к обеду, после которого мы с сожалением расстались с этим благословенным уголком. Радушный лесничий г-н Кутепов с женою предложили мне ехать к ним в Холмогоры, так как Батюшка обещал к ним заехать. Чудные северные лошадки как ветер понесли нас в город. В городе отца Иоанна встретили снова колокольным звоном. Отслужив молебен в доме лесничего и благословив всю семью, он поспешил на пароход, и в три часа мы тронулись в дальнейший путь. В 7 часов на Усть-Пинеге мы простились со светлой рекой Пинегой и искренне добросердечной семьей сестры отца Иоанна — А.И.

Тут уже мы остались одни, Батюшка был совершенно свободен и был полным хозяином парохода. Веселый, приветливый, каждый день не один раз отец Иоанн собирал нас около себя и вслух читал Библию, объясняя прочитанное. Горько я тут сожалела, что лишена слуха. Следующая остановка была 26 числа в селе Верхние Тоймы, где в 6 часов утра Батюшка отслужил утреню и

¹⁾ Пс. 138, 14.

обедню. Точно светлый праздник был на душе, когда мы возвращались из церкви. Утро было великолепное, теплое; вся видимая окрестность была залита яркими лучами солнца. Село Верхние Тоймы расположено на высокой, почти отвесной, горе; церковь во имя святых апостолов Петра и Павла с пятиярусным, старинной живописи, иконостасом — очень хороша. В трапезной части церкви устроено два придела. 27 числа, по случаю чистки машины, пароход почти весь день стоял близ Устюга, мимо которого прошли вечером. 28 июня весь день любовались живописными в высшей степени берегами красавицы Сухоны.

Утром 29 июня в 8 часов пристали в Тотьме, и Батюшка сейчас же отправился в монастырь преподобного Феодосия, Тотемского чудотворца. Когда мы с ним туда приехали, то церковь еще была заперта и никого не было. Чудный, высокий и светлый соборный храм, где покоятся открыто святые мощи преподобного Феодосия, весь расписанный прекрасною живописью, производит самое радостное и благоговейное впечатление при входе в него. Особенно характерна своею жизненностью картина в алтаре, занимающая собой почти всю восточную стену и изображающая сошествие Святого Духа. Поклонившись святым мощам, отец Иоанн сейчас же стал читать и петь утрению. Отслужив Литургию и молебен святым апостолам Петру и Павлу, он зашел ненадолго к отцу архимандриту монастыря, а мы поспешили на пароход.

Под живым впечатлением прочтенного мной жития святого Феодосия, увидев влево от дороги за полем видневшиеся верхушки тянувшихся одноэтажных зданий-солеварен, где преподобный Феодосий работал при жизни, невольно пришло на память слово нашего русского Златоуста — преосвященного Иннокентия⁸¹, произнесенное им при случайном посещении солеварен. «Кто теперь, — восклицает он, обращаясь к рабочим, — преподобный Феодосий? Друг Божий, собеседник и сожитель Ангелов, украшение Церкви Православной и светило страны нашей. Но и он жил некогда на сем месте, трудился над тем же делом, над коим и вы; подобно вам, копал землю, рубил дрова, сидел у огня день и ночь; не помешали же ему все сии так называемые черные труды *убелиться* душою своею *паче снега*¹⁾, не воспрепятствовали же ему сии грубые плотские занятия сделаться сосудом благодати, духовною солью земли Тотемской. Как и чем он мог

¹⁾ Ср.: Пс. 50, 9.

совместить такой род жизни с такими совершенствами духовными? Тем, что среди всех занятий ограждал себя смирением и страхом Божиим. Тем, что на все вокруг себя смотрел чистыми очами веры и из всего умел извлекать назидание и пользу духовную. Чувственная соль, которую обрабатывал он, непрестанно напоминала ему слова Писания: *Слово ваше да будет солюю благодати растворено*¹⁾! — и понуждала его стараться о снискании тех благих качеств, кои выражают собою соль (чистоты, постоянства, благоприятности и прочего). Сидя у огня, на коем варилась соль, Феодосий всегда переносился мыслию к огню адскому и размышлял сам с собою так: если огонь, разведенный моими руками, так нестерпим и ужасен, то каков должен быть огонь, возженный десницею Всемогущего, для грешников? Если в этом, нашем, огне нельзя и полминуты пробыть без жестокого мучения, то каково должно быть мучение тех, кои ввержены будут в огонь вечный? Так размышлял сам с собою преподобный, и страхом вечных мук спасал себя от всякого поползновения на грех. Святой угодник Божий для того, конечно, и был на вашем месте, — заключает свое слово архипастырь, — дабы оставить вам пример: подражайте же ему, тогда огонь, почти неугасимо горящий у вас, будет производить сугубое действие; образуя соль в руках ваших, он будет содействовать к образованию духовной соли (чистоты и добрых качеств) внутри вас, в душах и сердцах ваших». Это прекрасное слово, прочитанное мною раньше, в данные минуты, при проезде и созерцании своими глазами места жизни и подвигов преподобного Феодосия, еще глубже запечатлелось в памяти.

В 12 часов под проливным дождем Батюшка вернулся на пароход. Весь этот день дорогой наш наставник просидел с нами; долго читал вслух Библию, все объясняя, и кончил праведным Иовом, как его Господь наградил за долготерпение. Потом вечером, до 12 часов ночи, все что-то рассказывал и был видимо в веселом настроении духа. И я опять горько сетовала на свою глухоту, так как окружающие ровно ничего мне не объяснили, о чем говорил Батюшка, каждое слово которого для меня дороже золота. 30 июня в два часа дня едва мы успели кончить обед, как отец Иоанн указал мне в окно на церковные купола приближающейся Вологды. Сердце больно сжалось при мысли, что кончи-

¹⁾ Ср.: Кол. 4, 6.

лось наше путешествие по северу с дорогим нашим молитвенником, где всегда мне так хорошо и привольно бывало с Батюшкой, среди добрых, простых, сердечных его земляков — северян. В Вологде на пристани отца Иоанна встретила масса народа; отсюда городской голова увез его в город, а мы стали укладывать багаж, чтобы наутро перебраться на вокзал. 1 июля Батюшка служил утрению и обедню в церкви Спасителя. В первый раз мне пришлось поклониться главной святыне Вологды — чудотворному образу Спасителя, изображенного во весь рост, — и я невольно залюбовалась на изящное убранство этого обширного храма. Весь почти иконостас и боковые иконы украшены искусственными цветами прекрасной работы. В час дня отец Иоанн, среди сплошной массы народа, прибыл к вагону, где мы его уже давно ждали. Поезд долго шел тихо; добрым вологжанам не хотелось так скоро расстаться с дорогим для всех Батюшкой, и долго они бежали за поездом, а отец Иоанн все время благословлял их из окна, да и на всех почти станциях собиравшийся во множестве народ он тоже благословлял из вагона. В 6 часов дня остановились в г. Данилове. Здесь отец Иоанн оставил поезд и среди непроницаемой народной толпы с трудом добрался до ожидавшей его тройки и в открытом экипаже куда-то отбыл. Возвращаясь в Ярославль, я от глубины души благодарила Бога, что Он привел мне и в 1897 году сопутствовать глубокочтимому наставнику и молитвеннику отцу Иоанну на север. Совместное путешествие с ним для меня было, есть и будет самым дорогим на земле утешением.

Благословен Господь Бог, дарующий нам столь высоких по жизни и великих по действующей благодати Божией пастырей, искренне ревностных и пламенных молитвенников, достойных служителей и совершителей спасительных Таин Божиих, учителей и руководителей спасения словесных овец стада Христова!¹⁾

¹⁾ Печатается по изданиям: *Нарцизова Александра*. Письма о путешествиях с отцом Иоанном Кронштадтским на его родину и в другие места. СПб, 1894; *Нарцизова Александра*. Поездка в Суру и возвращение оттуда с отцом Иоанном Кронштадтским. Ярославль, 1895; *Нарцизова Александра*. Путешествие отца протоиерея Иоанна Ильича Сергиева, пастыря Кронштадтского, на свою родину в село Сура Архангельской губернии Пинежского уезда в 1897 году. Ярославль, 1899.

Биография Александры Флегонтовны Нарцизовой

О личности и судьбе Александры Флегонтовны Нарцизовой известно немного. Родилась она в городе Ярославле в 1850 или 1851 гг. Ее отец Флегонт Иванович был титулярным советником. Вместе с тем фамилия Нарцизовы (Нарциссовы) входит в число так называемых «семинарских фамилий», дававшихся студентам семинарий в XVIII–XIX вв. «по церквам, по цветам, по камням, по скотам, и яко восхощет его преосвященство» (ср.: Гиацинтов, Розов, Ландышев, Фиалков и др.). Поэтому можно предположить, что в числе предков Александры Нарцизовой были представители духовенства. В семье Александра была младшим ребенком, сестра Вера была старше ее на шесть лет, брат Николай — на десять лет. В «Письмах о путешествиях с отцом Иоанном Кронштадтским...» Александра Флегонтовна пишет, что жизнь ее «с колыбели прошла одним рядом горя и потерь» (см. с. 168 наст. изд.). Когда девочке было восемь лет, умерла ее мать, Анна Алексеевна. За полгода до смерти по причине болезни А.А. Нарцизова составила духовное завещание, в котором доверила опеку над детьми родным сестрам, распоряжение имуществом в интересах детей — мужу одной из сестер, своему зятю, а супруга просила «как в имение, так и в распоряжение им не вступаться»¹⁾. Флегонт Иванович попытался оспорить завещание и начал тяжбу с зятем жены. Окончательное судебное решение было принято лишь спустя полтора года — в пользу зятя А.А. Нарцизовой. Из завещания также следует, что семья проживала в ветхом доме и была стеснена в средствах: «...я в наличности при себе денег ничего не имею», — писала Анна Алексеевна. В девять лет Александра заболела скарлатиной и в десятилетнем возрасте полностью потеряла слух.

¹⁾ ГАЯО, ф. 151, оп. 2, д. 30940. Издательство выражает благодарность директору Централизованной библиотечной системы Ярославля Светлане Юрьевне Ахметдиновой и главному библиотекаря Центральной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова Наталье Ивановне Фондо за помощь в поиске материалов об Александре Флегонтовне Нарцизовой.

Что касается дальнейшей жизни Александры Флегонтовны, то сама она сетовала, что не получила «основательного образования» вследствие глухоты, постигшей ее, но близко знавшие ее люди свидетельствовали о другом: «Ее духовная природа была одарена прекрасными свойствами, и она, несмотря на свой тяжкий недуг, не зарыла данных ей способностей, но продолжала учиться и развиваться и достигла наконец такого образования, какому позавидовали бы многие здоровые ее сверстницы»¹⁾. Написанные Александрой Флегонтовной воспоминания и письма свидетельствуют не только о ее образованности, но и о литературном таланте. Неслучайно близкие друзья просили ее описывать паломничества и путешествия, в которых она бывала, а отец Иоанн даже благословил посвятить свою жизнь литературному труду. «Ты имеешь пишущую руку, делись своим талантом!» (с. 117) — сказал он своей спутнице во время первого их совместного пребывания в Суре.

Несомненно, что Нарцизова была человеком глубоко верующим и церковным. В своих воспоминаниях она пишет о близком знакомстве с Ионафаном (Рудневым), архиепископом Ярославским и Ростовским. Когда в 1893 г. отец Иоанн прибыл в Ярославль, владыка Ионафан дал Александре «полную возможность видеть отца Иоанна у себя» (с. 169), что вызвало ее глубокую благодарность: «Никогда за это я не забуду добрую, отзывчивую душу нашего владыки» (там же). Архиепископ Ионафан благословил А.Ф. Нарцизову вести и публиковать заметки о своих путешествиях. В предисловии к «Запискам по Святым местам Востока» она сообщала, что «вела свои записки о путешествии, повинаясь воле и желанию глубокочтимого и доброго пресвященного архиепископа Ионафана, который, благословляя меня в путь, лично выразил свое о том желание»²⁾.

Александра Флегонтовна подолгу жила в разных монастырях, входя в дружественные отношения с их настоятельницами и настоятелями. Так, начиная с 1890 г. она несколько лет подряд летом посещала Горицкий женский монастырь Кирилловского уезда Новгородской губ. В своих воспоминаниях о поездках туда она писала, что встречали ее «с искренним радушием», «добрая

¹⁾ Поповицкий А.И. Из летних воспоминаний // Кронштадтский пастырь. Вып. 1. М., 2002. С. 106.

²⁾ Нарцизова А.Ф. Записки о путешествии по Святым местам Востока. Рязань, 1904. С. 3.

игуменя» давала ей «экипаж, а в провожатые — мою неизменную спутницу во всех горицких путешествиях, мать Маврикию» (с. 125). Из писем Нарцизовой к отцу Иоанну известно, что лето 1906 г. она провела в Донецком мужском монастыре близ Богучар, деятельно помогая его настоятелю: «Настоятель его, о. архимандрит, был смертельно болен, и доктор просил меня за ним ходить. И я не столько лекарствами, сколько св. водой, Вами освященной, его лечила, и при помощи Божьей о. архимандрит совершенно выздоровел, даже на удивление самого доктора»¹⁾.

В Ярославле Нарцизова занималась благоукрашением церквей. В одном из своих текстов она упоминает «великолепный ковер», «вышитый по канве нами, ярославскими женщинами» (с. 178–179).

Несмотря на свою глухоту, Александра Флегонтовна много путешествовала. Помимо многочисленных поездок по России (в Петербург, в Москву, в Горицкий монастырь, в Суру с отцом Иоанном, в Крым), она совершила путешествие в Святую Землю — посетила Иерусалим и поклонилась «священнейшему во всем мире месту: рождения, жизни, страданий, смерти, воскресения и вознесения на небо нашего Спасителя — Сына Божия — Иисуса Христа»²⁾. Ее паломничество началось 25 октября 1895 г. и продолжилось 11 месяцев. «Далекий и трудный путь» она совершила одна и «притом совсем глухая». Когда Александра Флегонтовна уезжала из Ярославля в Святую Землю, многие отговаривали ее от далекой и рискованной поездки, но, как и во многих других случаях, ее твердый характер, надежда на помощь Божию, а также благословения архиепископа Ионафана и отца Иоанна Кронштадтского помогли ей преодолеть внутреннюю робость и сомнения и отправиться в путь.

В 1885 или 1886 гг., вероятно, от кого-то из своих знакомых А.Ф. Нарцизова впервые услышала об отце Иоанне Сергиеве и возгорелась желанием лично познакомиться с ним: «Я горячо желала поговорить с ним и попросить его, чтобы он сам указал мне путь жизни, по которому я могла бы идти» (с. 117). Возможно, во время визита отца Иоанна в Ярославль в августе 1890 г. это знакомство состоялось, хотя и было очень кратким из-за многолюдной толпы, окружавшей Кронштадтского Батюшку. Александра Флегонтовна обратилась к отцу Иоанну «с просьбой помолить-

¹⁾ ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 11, л. 119–120.

²⁾ Нарцизова А.Ф. Записки о путешествии по Святым местам Востока. С. 5.

ся о ней и дать ей духовное утешение». Отец Иоанн «отечески отнесся к ее просьбе и написал ей несколько слов утешения»¹⁾. Эти слова Александра хранила в медальоне на груди как драгоценное сокровище. Желая продолжить едва начавшееся общение, Нарцизова летом 1891 г. отправилась в Суру, где происходили торжества освящения храма во имя свт. Николая Чудотворца, сооруженного на средства отца Иоанна. По свидетельству редактора журнала «Русский паломник» А.И. Поповицкого, в Суре «глухая девица средних лет» обратила на себя общее внимание. Она выделялась среди собравшихся сюда многочисленных почитателей отца Иоанна отнюдь не только своим физическим недостатком и необходимостью «говорить с ней на пальцах», но и особым «радостным чувством» и «живейшим интересом», с которым она расспрашивала всех о Суре и приготовляющемся торжестве. Когда храм был освящен и гости разъехались, Александра Флегонтовна с благословения отца Иоанна осталась в Суре в числе очень немногих его спутников и имела возможность спокойно с ним поговорить. В письме Поповицкому она сообщала: «Господь видел мое искреннее желание и дал мне гораздо более, чем я ожидала. Вы сами были свидетелем, как принял меня отец Иоанн и с какою истинною отеческой любовью все время ко мне относился; и я вполне чувствовала, что и сотой доли не стоила того внимания, каким он меня окружал; но когда вы все уехали, он стал ко мне еще в более близкое отношение, приняв меня в число духовных своих дочерей и удостоив меня принятия Святых Таин» (с. 119).

В дальнейшем Нарцизова сопровождала отца Иоанна в его поездках на родину еще несколько раз и поддерживала с ним постоянную переписку. В воспоминаниях о путешествии в Северный край 1897 г. она сообщала, что уже пятый раз «сопутствует отцу Иоанну в дорогу для него Суру». Из писем известно, что она собиралась в поездку на Север и в 1900 г., на что испрашивала благословения отца Иоанна: «Благословите мне весной ехать в Архангельск, и умоляю Вас, возьмите, возьмите меня оттуда с собой в Суру, где, как слышно, уже и женский монастырь Вы основали: вот радость-то и утешение великое для всего Северного края! Сердце рвется на свободе помолиться и укрепиться духом в молитвенном общении с Вами. Благоволите,

¹⁾ Поповицкий А.И. Указ. соч. С. 106.

родимый Батюшка, известить меня, возьмете ли Вы меня в Суру (что для меня будет дороже всех благ земных) и где я могу Вас встретить, чтобы вместе ехать?»¹⁾. Неизвестно, ответил ли отец Иоанн на просьбу своей духовной дочери, но среди лиц, присутствовавших в Суре на торжествах открытия женской общины, Нарцизова не упоминается.

В 1899 г. после путешествия в Святую Землю А.Ф. Нарцизова переехала жить в г. Богучар Воронежской губернии. Переезд был, видимо, обусловлен состоянием ее здоровья и необходимостью жить в более теплом климате. В письмах она часто просила благословения отца Иоанна на поездки в Крым для лечения морским воздухом: «Вы мне еще в мае благословили путь в Крым и прислали сто рублей <...> Эта поездка принесла мне великую пользу. В Богучаре я сильно болела, но выехав в Таганроге в открытое море, сразу ожила. Морской воздух чудно на меня подействовал, живя же в Крыму, я совсем поздоровела. Морской воздух и климат Крыма, а главное, Ваши святые молитвы чудо со мной творят»²⁾.

Своей семьи у Александры Флегонтовны, по всей видимости, не было, хотя она и просила Батюшку помянуть «болящего Семена», своего «зятя католика»³⁾ (речь, вероятно, идет о муже сестры или племянницы). Однако она, несмотря на свою глухоту, легко сходилась с людьми, подолгу гостила у тех, с кем знакомилась в своих многочисленных поездках. Так, на торжествах освящения Сурского храма Нарцизова познакомилась с петербургским священником о. Михаилом Калинниковым и в дальнейшем, во время своих приездов в Петербург, останавливалась у него в доме. Он напутствовал ее «молебным пением» и «со всей семьей»⁴⁾ проводил на вокзал Николаевской железной дороги, когда Александра отправлялась в паломничество в Святую Землю. Не будучи человеком состоятельным, Александра Флегонтовна щедро делилась главным сокровищем своей жизни — знакомством с отцом Иоанном: «В Богучаре только и живут Вашим именем, часто приходят ко мне с просьбой написать Вам имя на больных или несчастных и по молитве Вашей получают дивное облегчение в болезнях и скорбях.

¹⁾ ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 4, л. 13–14.

²⁾ ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 7а, л. 48–49.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Нарцизова А.Ф. Записки о путешествии по Святым местам Востока. С. 5.

Благословите, родимый Батюшка, меня, грешную, благословите и всех просящих Вашего благословения»¹⁾.

Последнее известное нам письмо А.Ф. Нарцизовой к отцу Иоанну было написано 10 октября 1906 г. В нем она поздравляла Батюшку с наступающим днем рождения и Ангела и молилась о том, чтобы у него хватило сил «в мире душевном вынести всю злобу слуг диавола, восставших на Вас как истинного охранника Церкви православной и последователя Иисуса»²⁾.

Если в начале 1890-х годов Александра Флегонтовна Нарцизова искала у отца Иоанна, прежде всего, душевного и духовного утешения для себя, называла его своей «земной жизнью и радостью», то последнее ее письмо, написанное во время гонений на Батюшку, преисполнено желания послужить своему духовному отцу, защитить его дорогое имя: «И воистину много еще тысяч людей на Руси, душой и сердцем Вам преданных, особенно в Области Войска Донского, среди которого мне все лето нынешнее пришлось провести: и я душой радовалась, что есть еще на Руси многое множество люда православного, горячо преданного царю-батюшке и Вас почитающего как крепкого молитвенника за нас грешных. Храни только, Господи, Вас в добром здоровье на пользу и утешение истинных чад Родины нашей; об этом я ежедневно слезно молю Бога»³⁾.

¹⁾ ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 4, л. 13–14.

²⁾ ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 11, л. 119–120.

³⁾ Там же.

¹ В 1891 году Бог устроил мне поездку на родину отца Иоанна в Суру на освящение храма. — Речь идет о новом каменном храме во имя свт. Николая Чудотворца, устроенном отцом Иоанном в с. Суре на собственные средства вместо ветхого деревянного. Новый храм был заложен 8 июля 1888 г. и освящен 27–29 июня 1891 г. На торжественное освящение храма прибыли многочисленные гости, в том числе архангельский губернатор князь Н.Д. Голицын, епископ Архангельский и Холмогорский Александр, редактор журнала «Русский паломник» А.И. Поповицкий (*Кронштадтский пастырь*. Вып. 1. М., 2002. С. 46–77).

² ...до Горицкого монастыря... — См. о Горицком монастыре далее рассказ «Поездка в Горицкие киновии в 1892 году» (с. 124).

³ ...почти целиком прочитала его в «Русском паломнике». — Письмо А.Ф. Нарцизовой было опубликовано в журнале «Русский паломник» без подписи в №№ 42–52 (19 октября – 28 декабря) за 1891 г.

⁴ ...в Веркольском монастыре. — Артемиево-Веркольский мужской монастырь находится в Пинежском районе Архангельской области. Обитель основана в первой половине XVII в. на месте обретения в 1577 г. мощей прав. отрока Артемия Веркольского (†1545; память 23 июня / 6 июля и 20 октября / 2 ноября). В XIX в. начался расцвет обители. В 1861 г. настоятелем был назначен монах из Кожезерской пустыни Феодосий, который ввел в монастыре строгий общежительный устав по образцу Коневской обители. Были построены широкая каменная стена вокруг обители, колокольня, новые братские корпуса, трапезная, сооружен водопровод. В 1890 г. Веркольский монастырь указом Святейшего Синода обращен в первоклассный общежительный монастырь. В 1891–1897 гг. был возведен двухэтажный каменный Успенский собор. В 1920 г. монастырь был закрыт. Братия успела спрятать мощи праведного Артемия. До сих пор мощи не обретенны, считается, что они находятся под спудом на территории монастыря. Возрождение монастыря началось в 1991 г.

⁵ ...отца архимандрита Виталия... — Настоятель Веркольского монастыря архим. Виталий (в миру — Вяземский Василий Иванович). В 1867 г. пострижен в монашество, в 1870 г. рукоположен в иеромонаха, в 1887 г. возведен в сан игумена, с 1888 г. определен настоятелем Веркольского монастыря, с 1891 г. — архимандрит. В 1900 г. по болезни уволен с должности настоятеля; проживал в скиту при Святом озере. Архим. Виталий был председателем комиссии, соз-

данной для наблюдения за постройкой в Суре нового каменного Никольского храма.

⁶ *...погребено тело Параскевы, родной сестры святого праведного Артемия.* — Прав. Параскева Пириминская, или Пиринемская (†XVI; память совершается вместе с Собором Новгородских святых в 3-ю Неделю по Пятидесятнице).

⁷ *Он взял меня с собой, сказав, чтобы отец Геннадий ехал со мной.* — В 1891 г. отца Иоанна в поездке на родину сопровождал иеромонах Задне-Никифоровской пустыни Олонецкой епархии Геннадий (Борисов). «В бытность свою в 1889 г. в г. Кронштадте для сбора подаяний в пользу Задне-Никифоровской пустыни иеромонах Геннадий обратил на себя внимание о. Иоанна своим неллицемерным смирением, кротостию своего характера, своей энергией в принятой им на себя миссии сборщика подаяний на устройство пустыни и истовым и благоговейным совершением богослужения. С этого времени иеромонах Геннадий делается лицом, близким к о. Иоанну, и вместе с ним несет усиленные труды на пользу Кронштадтского Андреевского попечительства» (*Олонецкие ЕВ.* 1899. № 2, 15 января. Ч. неоф. С. 36–38).

⁸ *...остановились у Волковых.* — Вологодский купец Николай Александрович Волков (1854 – после 1917) неоднократно принимал у себя отца Иоанна во время поездок Батюшки на родину. Так, в письме от 16 мая 1907 г. отец Иоанн сообщал: «После Литургии был довольствован обедом у бывшего городского головы Николая А. Волкова; а потом был у некоторых больных вологжан для молитвы» (*ГМИР*, ф. 38, оп. 1, д. 10, л. 34–36 об.).

⁹ *...в Заоникиеву пустынь...* — Заоникиевская Владимирская пустынь Вологодской епархии была основана прп. Иосифом Заоникиевским, Христа ради юродивым, в 1588 г. на месте явления ему Владимирской иконы Божией Матери, впоследствии названной Заоникиевской. Своего расцвета монастырь достиг во второй половине XIX в. При обители были мастерские, школа, богадельня. В советское время монастырь был разрушен.

¹⁰ *...большой соборный храм был битком набит...* — Речь идет о летнем каменном двухэтажном соборе в честь Воскресения Христова, устроенном в 1549 г. иждивением удельного белозерского князя Андрея Старицкого и супруги его Евфросинии, в иночестве Евдокии. Храм имел пять приделов в верхнем этаже и один в нижнем (см.: *Летопись Горицкого монастыря* // Кириллов: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. 1994. С. 320. Далее: *Летопись*).

¹¹ *...в Кириллов монастырь...* — Кирилло-Белозерский монастырь.

¹² *...Микулино.* — Микулинский (Никулинский) скит Горицкого монастыря, располагавшийся близ реки Шексны в двух верстах от обители. Бывшая усадьба рыбинского купца Н.И. Тюменева, пожертвованная монастырю.

¹³ *...рассадник общежительных женских монастырей в России...* — Горицкий женский монастырь был преобразован из особножитного в общежительный

при игумении Маврикии (Ходневой), ставшей настоятельницей монастыря в 1810 г. В летописи монастыря сообщалось: «С твердою верою и несомненною надеждою на Бога, вступив в отправление настоятельской должности, будучи 33 лет от роду, игумения Маврикия, прежде всего, с благословения своего духовного отца, великого старца Феофана Новоезерского и под его мудрым руководством, принялась за дело введения в своем монастыре полного общежития» (*Летопись*. С. 311).

¹⁴ *...тела их потом были вынуты из воды и погребены под алтарем теплой церкви.* — Каменный трехпрестольный теплый храм в честь Святой Троицы был устроен в 1821 г. игуменьей Маврикией (Ходневой) на месте деревянной часовни, воздвигнутой над могилой царских узниц княгинь-инокинь Евдокии и Александры (в миру — Евфросиния и Иульяния) (*Летопись*. С. 325).

¹⁵ *...Горицкие киновии...* — От греч. κοινόβιον — общежитие, обитель. В данном случае — скиты Горицкого монастыря.

¹⁶ *...съездить на Фетиньино и на остров к преподобному Зосиме, Ворбозомскому чудотворцу.* — Речь идет о двух скитах Горицкого монастыря: Фетиньинском и Зосимо-Ворбозомском. Первый находился в 12 верстах от Горицкой обители в пустоши Фетиньино, пожертвованной монастырю императором Павлом I в 1801 г.; второй — в трех верстах от Фетиньино, на живописном островке Ворбозомского озера, где ранее находилась обитель преподобного Зосимы, Ворбозомского чудотворца (*Летопись*. С. 338–341).

¹⁷ *...грустное чувство возбудила во мне бедность как самой раки, так и всей церкви.* — Зосимова пустынь была упразднена в 1764 г. В 1840-х гг. Благовещенская церковь бывшего Ворбозомского монастыря была приписана к ближайшей Воздвиженской церкви и из-за недостатка средств быстро пришла в ветхость: «Бедность и запустение сего храма производили грустное и тяжелое впечатление. Хранящаяся здесь святыня, в виде честных останков угодника Божия прп. Зосимы, была точно заброшенной, забытою всеми; алтари совершенно пусты — ничего в себе не имеют: ни образов на стенах, ни запрестольных икон; престолы и жертвенники в старинных ситцевых одеждах. Из пяти престолов только на одном была утварь церковная, и то оловянная, от времени истертая и даже поломанная; ризы набойчатые; стены голого камня. Полы, потолки, печи и вообще вся обстановка настолько ветхи, что угрожали опасностью» (*Летопись*. С. 350). Указом Новгородской духовной консистории от 9 октября 1890 г. Зосимова пустынь была присоединена к Горицкому монастырю. С этого времени началось ее восстановление и благоустройство.

¹⁸ *...благодаря неусыпным заботам игуменьи Нилы...* — Игуменья Нила (в миру — Елизавета Ускова) происходила из купеческого сословия г. Москвы. Поступила в Горицкий монастырь в 1856 г., пострижена в монашество в

1870 г., в 1878 г. стала казначеей обители. Вступила в должность настоятельницы в 1884 г., а в 1885 г. возведена в сан игумении. Управляла обителью до 1895 г., скончалась в 1897 г.

¹⁹ *...поставила деревянную церковь, которая, к несчастью, скоро сгорела...* — Согласно Летописи Горицкого монастыря, церковь и монастырский корпус Фетиньинской пустыни сгорели в 1858 г. (см.: *Летопись*. С. 339).

²⁰ *Одна петербургская дама приняла в Горицах пострижение...* — Речь идет об инокине Марии (Сяминой).

²¹ *...умилительная молитва к Пресвятой Богородице: «Кто Тебе не ублажит...»* — Имеется в виду песнопение, входящее в состав вечерни, Богородичен догматик 6-го гласа: «Кто Тебе не ублажит, Пресвятая Дево; кто ли не воспоет Твоего Пречистаго Рождества; безлетно бо от Отца возсиявый Сын Единородный, Тойже от Тебе, Чистыя, пройде, неизреченно воплоться, естеством Бог Сый, и естеством быв Человек нас ради; не во двою лицу разделяемый, но во двою естеству неслитно познаваемый. Того моли, Чистая Всеблаженная, помиловаться душам нашим».

²² *...а раз дал мне свой <дневник>, 4-й том...* — Речь идет о 4-м томе Полного собрания сочинений Иоанна Ильича Сергиева, включавшем в себя первую часть дневника отца Иоанна «Моя жизнь во Христе» (Кронштадт, 1892).

²³ *...от Устюга до Вологды нам пришлось трое суток ехать на почтовых.* — Об этом путешествии см.: Нарцизова А.Ф. Из письма к редактору «Русского паломника». Наст. изд. С. 118.

²⁴ *Утром мне сказали, что отец Иоанн служит в женском монастыре...* — Отец Иоанн служил Литургию в церкви Рыбинского Софийского женского монастыря, возглавляемого игуменьей Гавриилой.

²⁵ *...от своего искреннего знакомого священника о. М. К. (он, как земляк отца Иоанна, ездил к нему на освящение храма в Суру, и еще на пароходе из Архангельска я с ним познакомилась, и в Суре все вместе были)...* — Речь идет о петербургском священнике о. Михаиле Калининкове (1858–1906). Во время торжественной трапезы по случаю освящения в Суре нового Свято-Никольского храма о. Михаил произнес речь, посвященную отцу Иоанну: «Из разных стран, из близких и дальних и даже очень дальних, мы сошлись сюда в таком множестве, собрались сюда — в Суру, в маленькое, бедное село, в местность отдаленную, глухую и совсем неизвестную. Зачем? Что нас побудило? Кто нас собрал сюда? Ответ ясен. Нас собрал сюда благодатный строитель вновь освященного храма <...> Мы не обратили внимания ни на дальность расстояния, ни на трудность пути, а всей душой стремились к тому только, чтобы видеть его, чтобы слышать его душу трогающий голос, чтобы помолиться вместе с ним, нашим праведным молитвенником...» (*Кронштадтский пастырь*. Вып. 1. С. 75–76).

²⁶ *...освящение нового храма при Александро-Невской ремесленной школе...* — Александро-Невская школа-приют для осиротевших детей петербург-

ских ремесленников 3–14 лет была открыта при богадельне для престарелых и инвалидов ремесленного сословия. Первоначально школа располагалась в здании богадельни по адресу: Черниговская ул., д. 5. В 1892 г. школа была переведена в отдельное трехэтажное здание с окнами на Лиговку, построенное рядом архитектором В.А. Пруссаковым. Здесь 22 ноября 1892 г. была освящена новая церковь на тысячу человек.

²⁷ *...Ровно в 9 часов приехал епископ Никандр (викарий Нарвский)...* — Епископ Никандр (в миру — Николай Дмитриевич Молчанов; 1852–1910) был хиротонисан во епископа Нарвского, викария Санкт-Петербургской епархии, в 1891 г. В 1893 г. назначен ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии, с оставлением викарием той же епархии. С 1895 г. — епископ Симбирский и Сызранский, с 1904 г. — архиепископ Литовский и Виленский.

²⁸ *...при пении тропаря: «Иже во всем мире мученик Твоих...»* — Тропарь в Неделю Всех святых, глас 4-й.

²⁹ *...нанявши одного вейку...* — Вейками (от финск. *veikko* — друг, товарищ) в дореволюционном Петербурге назывались извозчики финского или эстонского происхождения.

³⁰ *...от всего сердца благодарила Бога за того, кто дал первую мысль ввести эти молебны.* — Традиция встречать новый год в храме на новогоднем молебне появилась в России в конце XIX века. Первыми пример подали московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович и его супруга Елизавета Федоровна, которые встречали новый год в домовом храме Александрийского дворца на Большой Калужской. С 1899 г. это богослужение стало проводиться во всех московских церквях, и главная служба совершалась в кремлевском Успенском соборе. В 1911 г. Святейший Синод рекомендовал полуночный новогодний молебен «ко всеобщему употреблению» по России.

³¹ *...новый митрополит Палладий...* — Епископ Палладий (в миру — Павел Иванович Раев-Писарев; 1827–1898) 18 октября 1892 г. был возведен в сан митрополита с титулом митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, священноархимандрита Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры и первенствующего члена Святейшего Синода.

³² *...в память 17 октября 1888 г.* — Имеется в виду крушение поезда императора Александра III близ станции Борки Курско-Харьково-Азовской железной дороги. Царская семья в результате катастрофы чудесным образом не пострадала.

³³ *...отправилась к Волковым...* — См. примеч. № 8 к настоящей части.

³⁴ *Проводить отца Иоанна на пароход приехал живущий на покое бывший архангельский архиерей.* — Имеется в виду епископ Нафанаил (в миру — Николай Иванович Соборов; 1824–1907), занимавший Архангельскую кафедру с 23 мая 1879 г. по 6 марта 1882 г. и с 16 февраля 1885 г. по 3 июня

1890 г. С 1890 г. епископ Нафанаил проживал на покое в Тотемском Спасо-Суморинском монастыре Вологодской епархии.

³⁵ *...но из спутников его не все решились сойти на берег...* — В поездке на родину в 1893 г. отца Иоанна сопровождали его племянник И.В. Фиделин, иеромонах Геннадий, инженер путей сообщения действительный статский советник М.Д. Сильванов, будущие сурские учителя А. Сосина и Ф. Красильников; в Архангельске к ним присоединился член Епархиального училищного совета Е.О. Корелин (см.: *Кронштадтский пастырь*. Вып. 1. С. 113–114).

³⁶ *...отец Иоанн служил <...> в Троицком соборе — с новым архиереем...* — С 16 апреля 1893 г. Архангельскую и Холмогорскую кафедру занимал епископ Никанор (в миру — Никифор Тимофеевич Каменский; 1847–1910). Архангельские епархиальные ведомости сообщали, что после Литургии в Троицком кафедральном соборе «соборным духовенством во главе с Преосвященным Никанором отцу Иоанну была торжественно поднесена старинная икона Святой Троицы в серебряной ризе» (*Кронштадтский пастырь*. Вып. 1. С. 113).

³⁷ *...к сестре отца Иоанна АИ.; добрая старушка и ее муж, как лунь седой священник...* — В Матигорах с 1879 г. жила младшая сестра отца Иоанна Анна Ильинична Фиделина (род. в 1836 г.). В 1852 г. она вышла замуж за дьячка Сурского прихода Василия Ивановича Фиделина, в браке с которым имела 12 детей. В.И. Фиделин (1832–1902) в 1889 г. был рукоположен во священника Верхне-Матигорского прихода Холмогорского уезда. Во время поездок на родину отец Иоанн регулярно навещал семью своей сестры. Сын Фиделиных Иоанн был личным секретарем отца Иоанна.

³⁸ *...отцу Иоанну надо было побывать там у благочинного и посетить одного священника — своего товарища по семинарии...* — Имеются в виду благочинный сурских церквей священник Филетер Афанасьевич Цветков и соученик отца Иоанна по Архангельской духовной семинарии, настоятель Покшеньгского прихода Кирилл Кириллович Терентьев (ок. 1832–1906). В 1897 г. о. Кирилл был перемещен на вакансию священника в Соломбальский собор Архангельска.

³⁹ *...только что выстроенную церковно-приходскую школу...* — Главной целью поездки отца Иоанна в Суру летом 1893 г. было открытие церковно-приходской школы, устроенной на его средства. Школа была рассчитана на 40 мальчиков и 40 девочек. Член Епархиального училищного совета Е.О. Корелин в своей речи на открытии сурской школы так охарактеризовал роль отца Иоанна в ее устройении: «Вы видите это прекрасное, поместительное, светлое и чистое здание; видите множество книг и учебных пособий, эти драгоценные святые иконы. Все это дано вам вашим благодетелем на всегдашнее ваше пользование. Жалование законоучителю, учителю, учительнице и мастерице; содержание здания, поддержание и улучшение учебных посо-

бий обеспечено большим неприкосновенным капиталом в 26 тысяч рублей. Жертва небывалая в нашей епархии! Новая школа по богатству средств — образцовая для всех наших церковных школ» (*Кронштадтский пастырь*. Вып. 1. С. 118).

⁴⁰ ...Е.О. Корелин, как уполномоченный от епархиального начальства, произнес речь... — Текст речи Е.О. Корелина см.: *Кронштадтский пастырь*. Вып. 1. С. 117–118.

⁴¹ *Глядя на все это, только и можно было вместе с Давидом повторять 103-й псалом, который как нельзя более шел к этому щедрому творению Божию.* — Вид реки Пинеги и ее окрестностей вызывал у самого отца Иоанна сходные чувства и мысли. Во время путешествия на родину в 1899 г. он написал игумении Таисии следующие строки: «Слово мое ко хвале Твоей благослови, Господи! Река Пинега и мир Божий в своей чудной красоте на 10 июня на пароходе «Святитель Николай». Незабвенная, восхитительная, славная ночь, виденная мною на севере, когда я на 10 июня следовал на своем пароходе «Святой Николай Чудотворец» по реке Пинеге! Это недалеко было от впадения ее в великую, размашистую как море широкую Северную Двину. Было 12 часов ночи, но ночи на самом деле не было, и сумерков даже не было; это был самый светлый, тихий вечер. На самом горизонте — лучезарные перистые облака; река — как стекло, не колыхнется; от светлой зари она вся — как огненная. Природа вся была необыкновенно прекрасна. По обеим сторонам реки берега окаймлены ровным хвойным лесом с зелеными лугами; вода, как зеркало, чудно отражала багровое небо. Тишина мертвая! Мысль и сердце уносятся к Богу, в такую велелепоту облакающего, одевающего светом, яко ризою, простирающего небо, яко кожу (ср.: Пс. 103, 1–2). Чувствуешь, что Он Сам тут, Вездесущий, все наполняющий, все украшающий, все содержащий, всему дающий жизнь и дыхание и всё (ср.: Деян. 17, 25). И эта Пинега — моя родная река, текущая близ моего родного села Сурского, около которой я столько раз бегал, бывши младенцем и отроком, которая так шумлива и восхищала меня своим величественным весенним ледоходом, своим обильным и широким, всеувлекающим разливом. Это та Пинега, по которой я так много плавал, бывши отроком — учеником духовного училища и семинарии, плавал с великими затруднениями на большой лодке, подвергаясь и ливню дождя, а иногда осыпaeмый снегом и градом, в конце августа или начале сентября. Сколько воспоминаний предносится моему уму и воображению! Сколько чувств пробуждается во мне — и отрадных и печальных! Родители мои были бедны; притом отец постоянно хворал, от тяжелых трудов сильно болев животом, в котором были не то грыжа, не то рак, от которого он и умер рано, только сорока шести лет; мать моя скончалась в Кронштадте в 1870 году от холеры. Сегодня, на 10 июня, я всю ночь не сплю — и вот дождался восхода солнца, ослепительно заблеставшего и чудно игравшего переливами света. Это было в первой четверти второго часа 1899 г., ночь на 10 июня» (*Письма отца про-*

тоиерея Иоанна к настоятельнице Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игумении Таисии. (Далее — Письма к игумении Таисии.) СПб., 1909. С. 23–25).

⁴² ...старушка-игуменья с искренним радушием пригласила с отцом Иоанном и нас всех обедать. — В 1893 г. игуменией Холмогорского Успенского монастыря была монахиня Серафима (в миру — Анна Петровна Варфоломеева). В 1878 г. она была единодушно выбрана настоятельницей обители, а в 1896 г. «по слабости здоровья» ушла на покой, проживая при монастыре до 1906 г.

⁴³ ...отправились осматривать собор Преображенский, который замечателен тем, что в нем хоронят архангельских архиереев... — Традиция хоронить архангельских архиереев в Спасо-Преображенском соборе связана с тем, что до 1731 г. епархия именовалась Холмогорской и Важской и имела административный центр в Холмогорах.

⁴⁴ ...начиная с первого Афанасия, основателя женского Успенского монастыря в Холмогорах. — Архиепископ Холмогорский и Важеский Афанасий (в миру — Алексей Артемьевич Любимов) возглавлял Холмогорскую кафедру с 1682 по 1702 г. 3 ноября 1687 г. архиепископ Афанасий «основал новую деревянную церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, на Курцеве, для нового монастыря женского». Церковь была освящена 4 августа 1688 г. Первой игуменей монастыря стала мать архиепископа Афанасия, Параскева (в монашестве — Марфа) (см.: Пащенко Е.В. Женские монастыри Архангельской губернии (XVII–XX в.). Архангельск, 1999. С. 39–40).

⁴⁵ Соломбала — район Архангельска.

⁴⁶ В Устюге на пароход прибыл Вологодский архиерей... — В 1893 г. епископом Вологодским и Тотемским был Израиль (в миру — Никулицкий Николай Евграфович; ум. 1894).

⁴⁷ ...он дал мне 5-й том своей книги «Моя жизнь во Христе»... — Имеется в виду 5-й том Полного собрания сочинений протоиерея Иоанна Ильича Сергиева, в который вошла вторая часть дневника «Моя жизнь во Христе» (Кронштадт, 1892).

⁴⁸ ...двумя купчихами, проживающими в Петербурге, Л-й и З-й... — Возможно, речь идет о рыбинской купчихе Липовской и петербургской купчихе второй гильдии Зайцевской. На пароходе, присланном Липовскими, отец Иоанн совершил путешествие в Рыбинск в 1891 г. (Ярославские ГВ. 1891. № 59, 30 июля). Александра Ивановна Зайцевская, почитательница и духовная дочь отца Иоанна, с 1893 г. была при нем «каретницей» (сопровождала Батюшку при посещении больных); имела дачу в Стрельне, где летом отдыхал отец Иоанн.

⁴⁹ Вскоре после обедни отец Иоанн с владыкой уехали в Николо-Бабаевский монастырь, а я отправилась в Ярославль. — Николо-Бабаевский мона-

стырь — мужская обитель в селе Некрасовское Ярославской области. Монастырь основан в XV в. в местности «Бабайки» (диалектное наименование весел для сплава леса), где была обретена икона Николая Чудотворца, приплывшая на одном из весел. Обитель быстро росла, однако в 1719 г. произошел пожар, в котором сгорела большая часть монастырского имущества, и в 1764 г. по указу Екатерины II монастырь был причислен к сверхштатным. В 1861–1867 гг. здесь жил на покое свт. Игнатий Брянчанинов, стараниями которого были изысканы средства на строительство храма в честь Иверской иконы Божией Матери. В XIX в. также был возведен Никольский собор. В 1919 г. обитель была закрыта. Возрождение монастыря началось в 1998 г.

⁵⁰ *...священнику с диаконом и учительнице с учителем за их безукоризненно добросовестное отношение к своему долгу...* — 5 июля 1893 г. настоятелем Сурского прихода был назначен священник Филетер Цветков. Законоучителем сурской церковноприходской школы в 1893–1895 гг. был дьякон Сурского прихода Георгий Маккавеев. Должность учителя занимал выпускник Тотемской учительской семинарии Федор Красильников, прибывший в Суру вместе с отцом Иоанном в 1893 г.; учительница — А.А. Сосина.

⁵¹ *...разобрать старую деревянную теплую церковь...* — Речь идет о старой деревянной церкви во имя свт. Николая Чудотворца, построенной в 1687 г. по указу архиепископа Холмогорского и Важеского Афанасия (Любимова) от 22 марта 1687 г.

⁵² *29 мая получилось известие, что отец Иоанн уже едет в Суру.* — Отъезд отца Иоанна из Кронштадта на родину был назначен на понедельник, 16 мая, но перенесен на воскресенье, 22 мая. 24 мая с вечерним поездом отец Иоанн прибыл из Москвы в Вологду. На следующий день после Литургии в церкви Всемилоственного Спаса он покинул город на пароходе (*Вологодские ГВ*. 1894. № 21, 27 мая. Ч. неоф.). 28 мая вечером пароход с отцом Иоанном прибыл в Архангельск. «В 8 часов вечера 30 мая путники выехали из Архангельска <...> и ровно через двое суток они были в Суре» (*Архангельские ЕВ*. 1894. № 11, 15 июня. Ч. неоф. С. 283).

⁵³ *Пароход был казенный, военный...* — Отец Иоанн и архангельский епархиальный архиерей Никанор (Каменский) совершили путешествие в Суру на казенном пароходе ведомства путей сообщения «Николай». Из-за маловодности реки Пинеги пароход «Николай» конвоировался пароходом Володина «Верколец», на котором ехала архиерейская свита и богомольцы, направлявшиеся в Веркольский монастырь (см.: *Кронштадтский пастырь*. Вып. 1. С. 121).

⁵⁴ *...сестра и племянники...* — В Суре проживала семья младшей сестры отца Иоанна Дарьи Ильиничны (1839–1911), вышедшей замуж за крестьянина д. Горская Сурского прихода Семена Прокопьевича Малкина. В семье Малкиных было шестеро детей.

⁵⁵ ...*собор белый каменный в два этажа.* — Каменный двухэтажный Свято-Троицкий храм г. Пинеги был построен в 1800–1817 гг. В верхнем этаже храма находился престол в честь Живоначальной Троицы, в нижнем этаже — главный престол во имя свт. Николая Чудотворца, боковой — во имя Илии Пророка.

⁵⁶ ...*позвонил у дверей ректора.* — Ректором Архангельской духовной семинарии с 11 мая 1887 г. был прот. Александр Ефимович Орлов.

⁵⁷ *А.И.* — Анна Ильинична Фиделина.

⁵⁸ *Храм в Матигоре, в честь Воскресения Христова, очень интересен: 10 июля в минувшем 1894 году ему исполнилось двести лет.* — Строительство каменной трехпрестольной церкви в с. Верхние Матигоры началось в 1686 г. по указу архиепископа Холмогорского и Важеского Афанасия (Любимова). Он же 10 июля 1694 г. совершил освящение главного престола храма в честь Воскресения Христова. Придельный храм в теплой трапезе во имя вмц. Параскевы был освящен 5 июня 1708 г., второй придел — во имя свт. Николая Чудотворца. Церковь одноэтажная, в одной связи с трехъярусной колокольней. На колокольне было 10 колоколов, наибольший из которых, весом 105 пудов, был отлит в 1517 г. Старинный пятиярусный иконостас имел 4,5 сажени в высоту и 5 сажени в ширину.

⁵⁹ ...*с его племянницей...* — Отца Иоанна в путешествии на родину сопровождала его племянница Анна Семеновна Малкина. В 1891 г. отец Иоанн забрал племянницу из Суры в Кронштадт, а затем поместил в Леушинский монастырь, поручив ее воспитание игумении Таисии (Солоповой). В 1894 г. Анна Малкина готовилась к вступлению в брак с будущим священником Иваном Николаевичем Орнатским. В письме к игумении Таисии от 4 мая 1894 г. отец Иоанн писал: «Я еду на родину после 17 мая, возьму с собой и Анюту не столько для гостыбы там, сколько на благословение матери на вступление в брак: это — дело великое!» (*Письма к игумении Таисии*. С. 6–7).

⁶⁰ ...*святого Прокопия, Христа ради юродивого, Устюжского чудотворца.* — Память прав. Прокопия (†1303) совершается 8/21 июля.

⁶¹ ...*маститый старец, преосвященный Нафанаил, бывший, говорят, два раза епископом Архангельским.* — См. примеч. № 34 к настоящей части.

⁶² *На пароход явились губернатор и городской голова...* — Имеются в виду ярославский губернатор, генерал-майор генерального штаба А.Я. Фриде и городской голова Ярославля И.Н. Соболев.

⁶³ ...*был годичный акт.* — Торжественный день выпуска воспитанниц, окончивших полный училищный курс. 18 июня 1894 г. в Ярославском епархиальном Иоанафановском женском училище состоялся пятый за 12 лет существования училища выпуск воспитанниц. Училище закончили 45 учениц, из них: 29 — дочерей священников, 9 — диаконов, 6 — псаломщиков, одна — учителя (*Ярославские ЕВ*. 1894. № 48. Ч. неоф. С. 755–756).

⁶⁴ ...явился отец Иоанн и вошел в квартиру законоучителя, священника О.М. Т. — Законоучителем IV и V классов, священником при училищной церкви и председателем Совета Ярославского епархиального Ионафановского училища был законоучитель Ярославской губернской гимназии священник Михаил Троицкий, кончивший курс в Московской Духовной Академии со степенью кандидата богословия (см.: *Ярославские ЕВ.* 1894. № 46. Ч. неоф. С. 723).

⁶⁵ *Вместе с владыкой и отцом Иоанном служили архимандрит и целый собор священников.* — Божественную литургию в домовая церкви Ионафановского епархиального женского училища совершил архиепископ Ярославский и Ростовский Ионафан в сослужении архимандрита Афанасьевского монастыря о. Владимира, о. Иоанна Ильича Сергиева, ректора местной духовной семинарии прот. Н.А. Барского и членов совета училища (см.: *Ярославские ГВ.* Ежедневное прибавление. 1894. № 47, 23 июня).

⁶⁶ *...уже пятый раз Бог приводит мне сопутствовать отцу Иоанну в дорожку для него Суру.* — А.Ф. Нарцизова сопровождала отца Иоанна в поездках на родину в 1891, 1892, 1893 и 1894 гг.

⁶⁷ *...только что выстроенный в Финляндии пароход «Св. Николай Чудотворец», предназначенный для Сурского церковно-приходского попечительства.* — Первый пароход «Св. Николай Чудотворец», опробованный летом 1897 г., оказался не пригодным для путешествия по узким шлюзам Мариинской водной системы и был продан, о чем свидетельствует дневниковая запись отца Иоанна: «24 авг<уста> 1897 <...>. Дать дозволение диакону Маккавееву продать мой пароход за 19 тысяч за № 250 (25 авг<уста>) бумаги». Сурский крестьянин Лукиян Ларюшев писал отцу Иоанну: «По письму Вашему на имя Вашего племянника Евдокима Семеновича Малкина о получении парохода «Св. Николай» был и я приглашен Малкиным служащим на пароходе. По приезду нашему в Архангельск оказалось другое. Пароход продан, и я потому остался без дела, домашние работы запустил» (*ЦГИА СПб.* ф. 2219, оп. 1, д. 4, л. 211–211 об.).

⁶⁸ *...епархиальный наблюдатель священник отец Чуков...* — В 1897 г. должность епархиального наблюдателя церковно-приходских школ и школ грамоты Олонецкой епархии исполнял свящ. Николай Чуков (1870–1955), впоследствии видный деятель Русской Православной Церкви, с 1945 г. — митрополит Ленинградский и Новгородский.

⁶⁹ *В 8 часов вечера у Чайки, выйдя из канала в Шексну...* — Чайка — деревня в Белозерском районе Вологодской области.

⁷⁰ *...(см. «Русский паломник» за 1893 год).* — См. наст. изд. С. 164.

⁷¹ *...отца архимандрита Виталия...* — Имеется в виду настоятель Веркольского монастыря архим. Виталий (см. о нем примеч. № 5 к настоящей части).

⁷² *...Когда я девятилетним ребенком шел пешком из Архангельского училища домой...* — Отец Иоанн поступил в Архангельское приходское духовное

училище в сентябре 1838 г. в возрасте 8 лет. Побывать в родной Суре он смог только летом 1839 г. во время летних каникул в архангельских духовных школах (см.: *Кронштадтский пастырь*. Вып. 2. М., 2010. С. 55–56).

⁷³ ...в село Сульцы, где недавно построена деревянная церковь взамен старой, которая за ветхостью уже за несколько лет пред тем была закрыта. — Сулецкий приход, расположенный в 30 верстах от Суры вверх по течению реки Пинеги, был одним из беднейших в Пинежском уезде. Селения сулецкого прихода до 1883 г. входили в состав сурского прихода, но были выделены в самостоятельный приход ввиду большого расстояния до приходского храма. 14 июня 1865 г. в Сульцах была освящена церковь в честь Преображения Господня, построенная на средства Святейшего Синода. Однако в 1890-х гг. церковь из-за ветхости была закрыта.

⁷⁴ Церковь во имя иконы Божией Матери «Одигитрия» крайне бедна и убога... — Церковь во имя иконы Божией Матери «Одигитрия» была построена по храмозданной грамоте епископа Георгия (Ящуржинского) от 5 декабря 1844 г. и освящена в 1848 г. Однако храмы в Нюхче существовали и ранее. Так, известно, что в 1792 г. в нюхченском приходе Пинежского уезда служил дьячком Харлампий Степанович Сергиев, возможно, дальний родственник отца Иоанна (см.: *Кронштадтский пастырь*. Вып. 2. С. 95).

⁷⁵ ...общественная лавка. — Общественная лавка была устроена отцом Иоанном в Суре в конце 1890-х гг. с целью противодействия местным торговцам. В ней крестьянам по умеренным ценам продавались товары первой необходимости. Отец Иоанн помогал закупать товары для лавки у знакомых купцов. Лавка имела почти десяти тысячный годовой оборот. В феврале–марте 1901 г. лавка была передана в собственность вновь устроенного Сурского женского монастыря (ГААО, ф. 310, оп. 1, д. 14, л. 12, 29).

⁷⁶ ...Кожеозерского монастыря... — Богоявленский Кожеозерский (Кожеозерский) мужской монастырь располагается в Архангельской области на берегу Кожозера. Основан преподобным Серапионом Кожеозерским в середине XVI в. В обители около трех лет жил прп. Леонид Устьнедумский (†1654), здесь подвизался прп. Никодим Хозьюгский (†1640). В 1630-х годах в обитель из Соловецкого монастыря перешел будущий патриарх Никон, в 1643–1646 гг. он был игуменом обители. В 1764 г. монастырь был упразднен, в 1853 — возобновлен. К концу XIX в. в монастыре было 25 монахов. После революции 1917 г. обитель была закрыта; ее возрождение началось в 1999 г.

⁷⁷ ...в пятидесятых годах сделан был настоятелем ее иеромонах Кожеозерского монастыря, впоследствии возведенный в звание игумена, Феодосий... — Игумен Феодосий (в миру — Феодор Васильевич Орехов; 1830–1885) пришел в Кожеозерскую обитель в 1856 г., пострижен в монашество в 1860 г. и через год рукоположен в иеромонахи. В 1861 г. иеромонах Феодосий был назначен строителем Артемиево-Веркольского мужского монастыря.

⁷⁸ ...добрый старичок-священник Терентьев — товарищ отца Иоанна по семинарии... — См. примеч. № 38 к настоящей части.

⁷⁹ Невольно мне здесь вспомнились виденные мною храмы и монастыри на святых местах Востока... — В 1895–1896 гг. А.Ф. Нарцизова совершила одиннадцатимесячное путешествие в Святую землю. Свои впечатления от паломничества он изложила в книге «Записки о путешествии по Святым местам Востока» (Рязань, 1904), изданной по благословению отца Иоанна.

⁸⁰ ...с новой игуменьей Евпраксией... — Монахиня Евпраксия (в миру — Параскева Зелянина; 1835–1906) стала настоятельницей Холмогорского Успенского монастыря в 1897 г. в возрасте 62 лет. С 1844 г. она была послушницей того же монастыря; позднее проходила в нем послушание казначеи (см.: Пашенко Е.В. Женские монастыри Архангельской губернии (XVII–XX века). Архангельск, 1999. С. 47).

⁸¹ ...слово нашего русского Златоуста — преосвященного Иннокентия... — Русским Златоустом называли свт. Иннокентия, архиепископа Херсонского (в миру — Ивана Алексеевича Борисова; †1857; память — 25 мая / 7 июня).

Часть III

**ДНЕВНИКОВЫЕ
ЗАПИСИ
ЕКАТЕРИНЫ
ДУХОНИНОЙ**

Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский

(Дневник духовной дочери)

Предисловие

Ревнуя о славе Божией, об укреплении веры в благодать Христову, подаваемую в Православной Церкви, я вознамерилась передать в печати мои воспоминания о Батюшке Иоанне Ильиче Сергиеве, этом глубоко чтимом и всеми уважаемом бесребренике и целителе, — я решилась передать здесь все, что по его молитвам совершилось со мною и моими близкими, передать одну чистую правду...

Как этот настоящий светильник на нашей помраченной земле спас мою жизнь, свел с ложного пути, на котором я могла совсем погибнуть, увлекшись своими занятиями спиритизмом, как он взял меня под свое руководство как духовную дочь и поставил меня на истинный путь, сделав искреннею убежденною христианкой.

Начинаю свой дневник с 1887 года, когда я жила с мужем и своею матерью в городе Выборге, где муж мой занимал должность выборгского коменданта...¹

Я всею душою любила свою мать и в этом году, лишившись ее, впала в страшное уныние. Так как в это время, благодаря чтению Ренана и Шопенгауэра², прежде твердая моя вера стала колебаться и я начала сильно сомневаться в существовании загробной жизни, то после похорон мамы мне стало невыносимо тяжело; мысль, что загробной жизни нет и, значит, моя дорогая мамочка бесследно истлеет и обратится в землю, — эта мысль прямо не давала мне покоя... И когда одна из моих приятельниц предложила мне заняться спиритизмом, уверяя, что будущая жизнь, жизнь за гробом существует, так как в противном случае, как она объясняла, духи умерших не могли бы приходить беседовать с нами и даже показываться нам, то я сначала смеялась в ответ на ее предложение, говоря, что это все вздор, что какие-нибудь фокусни-

ки морочат доверчивых людей... Но в один прекрасный день ей удалось-таки уговорить меня принять участие в спиритическом сеансе. Не успела я, как говорится, сесть к столу и положить руку на блюдечко, как у меня открылась медиумическая способность, со мной заговорил дух Скобелева и сообщил мне то, что никому на свете не было известно, кроме моего мужа³.

Это обстоятельство сразу заставило меня уверовать в спиритизм. С этого времени я предалась этим занятиям всей душой; целыми днями я беседовала с духами и написала целые тома таких интересных сообщений, что все восхищались и интересовались ими. Муж мой не верил в спиритизм и считал занятия им дьявольским наваждением; одного только он не мог себе объяснить: как злые духи могут так великолепно объяснять духовные и религиозные вопросы и как они стараются укрепить веру, а не расшатать... Это мешало ему запретить мне мои занятия спиритизмом, хотя он сильно был недоволен, боялся, что я сойду с ума или стану в конце концов ненормальной вследствие своего увлечения. И вот, чтобы как-нибудь развлечь и отвлечь меня от этих занятий, он стал просить, чтобы ему дали другое служебное назначение и перевели из Выборга.

Долго военный министр не соглашался⁴, находя, что мой муж здесь очень полезен, но наконец предложил ему принять дивизию в г. Орле, дивизию страшно расстроенную⁵, рассчитывая на отказ со стороны моего мужа от этого предложения; однако он был очень удивлен, когда мой муж выразил свое согласие и даже поблагодарил его.

Мы стали готовиться к переезду в Орел; духи мои хвалили это место, предсказывая, что там нам будет очень хорошо. Вдруг мой муж получает от министра предложение принять дивизию не в Орле, а в Вильно, одну из лучших. Мужа моего это предложение не обрадовало, так как он предпочитал попасть в русский город, а не в западный край, который он очень хорошо знал и всем сердцем недолюбливал, считая поляков за фальшивых людей и за ненавистников России. Я же, переговорив с духами, тоже советовала остаться при прежнем решении, на чем он и остановился.

Стали окончательно готовиться к отъезду в Орел. Тут-то и начались для нас мучения: все друзья и товарищи моего мужа стали нападать на него, говоря, что он, отказавшись от Вильно, испортил себе всю карьеру, что теперь на него будут смотреть не так, как прежде... Он стал раздумывать, волновался, нападал на меня,

говорил, что это все мой спиритизм виноват, что я послушалась духов и дала ему неверный совет; он сделался нервен, раздражителен и сильно горевал. Видя такое его настроение, я и сама стала унывать, стала сомневаться и думать, не обманывают ли меня духи; дошло до того, что я впала в отчаяние и решила покончить с жизнью, так как и вообще меня со времени смерти моей мамы уже ничто не интересовало, кроме разве спиритизма.

Моя приятельница, весьма ко мне расположенная, заметив, что со мною творится что-то недоброе, посоветовала мне хорошенько помолиться Господу и написать письмо к замечательному молитвеннику, священнику кронштадтского собора Иоанну Ильичу Сергиеву. Я написала отцу Иоанну письмо, прося его помолиться, чтобы Господь избавил нас от наших нравственных страданий, доведших меня до дурных мыслей. Не нахожу слов выразить того восторга, который охватил всю мою душу, когда я получила ответную телеграмму: «Молюсь, чтобы Господь успокоил и утешил Вас». Я побежала к мужу и встретила его, — он шел ко мне, и такой веселый, каким я его уже давно не видала. Я не успела еще показать ему телеграмму, как он, целуя меня, сказал: «Поздравь меня, я выздоровел и больше не хандрю, ровно в двенадцать часов мне вдруг стало как-то необыкновенно легко и радостно на душе, явилась мысль, что все слова товарищей — вздор, потому что ведь все делает Господь, а не люди; Им все предназначено человеку, и я думаю, что назначение мое в Орел есть святая воля Господня, а потому наверное все будет хорошо...» Тут я показала мужу телеграмму, он прочел ее и с убеждением произнес: «Так это по его молитвам мне стало так хорошо и я почувствовал себя таким довольным и счастливым... Кронштадтский Батюшка настоящий чудотворец». Мы послали за своим духовником, отслужили молебен и возблагодарили Господа за наше избавление и от греха, и от всех нравственных потрясений.

Переехав в Орел, мы прекрасно устроились, мужу удалось привести дивизию в блестящее состояние и все его там полюбили. После смерти моей мамы у нас остался внук ее, мой племянник, сын умершей сестры, которого мы взяли к себе, когда ему еще не было и двух месяцев; мы приложили все старания и заботы, чтобы вырастить его и воспитать. Этот двенадцатилетний уже мальчик заболел корью, которая осложнилась воспалением легких, так что доктора нашли его положение безнадежным;

когда доктор мне сказал, что мой любимый мальчик к вечеру должен умереть, я послала дорогому Батюшке телеграмму, прося помолиться об умирающем; в тот же день получился ответ: «Не горюйте, Бог милостив, молюсь!» Когда я отправляла телеграмму, Вася еле дышал и лицо у него было какого-то земляного цвета; доктор сидел при нем, ожидая конца. Но незадолго до получения ответной телеграммы от Батюшки лицо мальчика стало живее, и он крепко заснул; доктор удивился и заметил, что это очень хороший признак. После сна Васе стало лучше, и вскоре мальчик совсем выздоровел. Мы воскресли душой, от всего сердца возблагодарили Господа и помолились за дорогого Батюшку.

В 1890 году, когда мой муж был назначен начальником штаба Московского округа⁶, я случайно узнала, что Кронштадтский Батюшка, Иоанн Ильич Сергиев, часто бывает в Москве и пользуется такою же славой чудотворца и молитвенника, как и в Петербурге; я твердо решила во чтобы то ни стало повидать его. Скоро представился случай: в одном доме я познакомилась с С.Я. Бурхгард, которая всегда ездит с Батюшкой в Москве⁷; она, узнав о том, что свершилось с нами по его молитвам, обещала привезти его к нам. И вот, 19 февраля дорогой отец Иоанн посетил нас... Я была безмерно счастлива, что увидала, наконец, этого замечательного человека.

Мы устроили ему самую торжественную встречу, пригласили весь штаб, расставили певчих из писарей штаба по лестнице, и когда Батюшка подъехал, мы с мужем выбежали на улицу и встретили его; певчие пропели ему концерт. Батюшка, поднимаясь по лестнице, все время держал свои руки на моей голове, а у меня сердце прыгало от радости, что он верно угадал мое желание попросить его, чтобы Господь по его молитвам исцелил мои ужасные головные боли, которым я подвержена была с детства и которые в Москве еще усилились; мне верилось, что это прикосновение его рук к голове спасет меня от этих страданий. Поздоровавшись со всеми и преподав благословение, отец Иоанн стал служить молебен; горячо молился, все время стоя на коленях, и читал какие-то чудные молитвы; затем, освятив воду и дав всем приложиться ко кресту, прошел в столовую, помолившись, благословил трапезу, сел с моим мужем и стал говорить с ним о политике, о его служебном положении, и как-то особенно ласково и сердечно относился к нему. Я не спускала с Батюшки глаз и все удивлялась его простоте и необыкновенной доступно-

сти; видно было, что он всех любит и всем готов услужить, — я еще таких людей не встречала, и моя вера в него возросла еще больше. Поговорив еще с одним генералом, который давно искал случая повидать Батюшку, отец Иоанн спросил меня, чем я занимаюсь, и, узнав про мое увлечение спиритизмом, сказал, что это занятие очень вредное, так как сильно расстраивает все нервы. На мой ответ, что это так завлекательно, что со мной беседуют все духи, каких только я вызову, что я могу узнать таким образом все будущее, не только свое, но даже и других, хотя бы и мало знакомых людей. На это Батюшка очень мягко заметил: «А ведь эти занятия не хорошие, ведь с вами беседуют не добрые духи; я бы вам не советовал заниматься этим».

Я сказала, что мне тогда ничего не остается больше делать, так как светской жизни я терпеть не могу вообще, затем прибавила: «Дорогой Батюшка, моего мужа назначают корпусным командиром в Минск⁸, а мне ужасно не хочется туда ехать, так что я подумываю оставить все и пойти в монастырь, только жаль мужа, который любит меня больше всего на свете». Тут и муж мой поддержал меня, сказав: «Она у меня совсем не любит света, а в положении супруги командира корпуса она должна будет поневоле исполнять все, что требуется этим положением, — и прибавил: — Не благословите ли вы мне, дорогой Батюшка, отказаться и остаться здесь, в Москве, на занимаемом мною месте». Отец Иоанн выслушал все внимательно, обнял его и как-то особенно сердечно сказал ему: «Вы знаете, ваше превосходительство, что все делается по воле Божией, значит, Господь предназначил вам тот пост, не следует противиться Его воле. Мой совет вам — взять предлагаемое место; Господь знает, что вам нужно, и что полезно для вашего спасения, то и посылает... Впрочем, простите меня, ваше превосходительство, что я так вам высказал мое мнение, вы опытнее меня и сами лучше знаете, как вам поступить...»

Муж был очень тронут сердечностью Батюшки, поклонился ему в ноги и, поцеловав его руку, сказал: «Итак, благословите, Батюшка, на перемену моей жизни и на переезд в Минск». Отец Иоанн благословил его, обнял и крепко поцеловал, но лицо у него было грустное, как будто он в последний раз смотрел на моего мужа. Это обстоятельство произвело на меня сильное впечатление. Вскоре Батюшка стал прощаться, и я спросила его, что он скажет мне о моем желании пойти в монастырь; он серьезно посмотрел на меня и сказал: «Теперь вам нечего и думать об

этом, а под конец вашей жизни, кто знает, может быть вы и будете в монастыре; а спиритизмом-то поменьше занимайтесь и не увлекайтесь им...» Мы проводили Батюшку до кареты.

Еще, кажется, во всю нашу жизнь мы не чувствовали себя такими счастливыми и довольными, как теперь, после пребывания у нас отца Иоанна Кронштадтского; и мои головные боли совершенно прошли и вот уже двенадцать лет, как они меня не беспокоят.

22 декабря 1895 г.

Прожив 35 лет самую счастливую супружескую жизнь, я 17 декабря потеряла моего дорогого, горячо любимого мужа... И как потеряла... Ужасно! Он умер скоропостижно, и не дома, а в Москве, в Лоскутной гостинице. Я совершенно была убита горем и никак не думала, что перенесу свое несчастье. Тем, что осталась жива и в здравом уме, я обязана исключительно молитвам дорогого отца Иоанна Кронштадтского... С.Я. Бурхгард, как только узнала о постигшем меня горе, тотчас сообщила Батюшке срочной телеграммой о случившемся и просила его помолиться за моего умершего мужа и за меня. Отец Иоанн ответил, что приехать никак не может раньше 22-го⁹, а молиться будет... С.Я. Бурхгард взяла меня к себе и ухаживала за мной, как любящая мать.

Мужа моего отпевал и хоронил преосвященный Тихон¹⁰; он, сказав чудное надгробное слово, обратился ко мне и очень сердечно, но вместе с тем как-то строго, сказал: «Прошу вас, ваше превосходительство, не унывайте, не приходите в отчаяние от постигшего вас горя и в течение года не меняйте вашей жизни, не вздумайте поступить в монастырь; этого я вам ни под каким видом не благословляю».

Муж мой был настоящим христианином, глубоко верующим человеком; несмотря на то, что смерть его была неожиданная, о ней почему-то узнали в тот же день во всех частях войск, где он служил; везде были отслужены панихиды, и я получила столько внимания и сочувствия со всех сторон в своем несчастье, что трудно себе и представить.

На девятый день смерти к С.Я. Бурхгард, у которой я находилась, приехал отец Иоанн, обласкал меня, успокоил и утешил, отслужил панихиду по муже, благословил Иверской иконой

Божией Матери и долго со мной беседовал. Я исповедалась ему, рассказала всю мою жизнь и выразила желание идти в монастырь. Отец Иоанн внимательно выслушал меня и еще строже преосвященного Тихона запретил и думать об этом, а велел продолжать жить, как жила прежде, даже не лишая себя некоторых удобств, к которым привыкла, благословил съездить в Минск за моим племянником, продать там все лишнее и устроиться жить в Москве, причем сам попросил С.Я. Бурхгард приискать мне квартиру. Узнав, что я очень люблю лошадей, не велел их продавать сейчас, а подождать, если позволят средства и насколько; вообще первое время постараться вести прежний образ жизни. Тут же он очень энергично прибавил: «Об одном только прошу вас и даже умоляю — бросьте ваш спиритизм и с сегодняшнего дня не разговаривайте с вашим мужем, да и ни с кем... С мужем же говорить я вам строго запрещаю; лучше всего оставьте совсем эти занятия, забудьте о них, не читайте ничего, ни написанного духами, никаких спиритических сочинений, и лучше всего все ваши писанья предайте огню...» Это было для меня сильным ударом, которого я никак не ожидала, потому что я уже начала беседовать с мужем и это меня очень утешало и поддерживало, на что я сейчас же и сослалась отцу Иоанну. Он на это очень строго сказал: «Не поддержка это, а погибель; молитесь усерднее Господу, Он вас поддержит и привлечет к Себе, а если вы не оставите спиритизма, то смотрите, чтобы Господь не отвернулся от вас...» Я дала ему обещание исполнить его приказание, только попросила позволения не уничтожать написанного, сказав, что у меня более пятидесяти тетрадей; затем я попросила Батюшку позволить мне прислать ему хоть две тетрадки, чтобы он ознакомился с характером этих записей и прочел бы беседы с митрополитом Московским Филаретом и епископом Смоленским Иоанном¹¹. Батюшка выразил согласие их прочесть, но тут же прибавил: «А все же таки обещайтесь, что вы больше говорить ни с какими духами не будете». Я обещала исполнить это, но выразила уверенность в том, что Батюшка, по прочтении этих тетрадок, убедится сам, что там ничего нет дурного, а что, напротив, духи укрепляли меня в вере, и тогда сам снимет с меня это запрещение. Отец Иоанн улыбнулся своею чудною улыбкой и сказал: «Если даже я и не найду там ничего особенного, то все же разрешения-то своего говорить и писать и тогда не дам. Обещаю вам, что буду молиться за вас Богу и буду просить Его поддержать вас и дать вам сил

перенести ваше горе по-христиански...» Затем Батюшка благословил меня, пожелав счастливо съездить в Минск, простился и уехал. Я поклонилась ему в ноги и поблагодарила за всю его милость и внимание ко мне.

Пользуясь большим расположением глубоко всеми уважаемой игуменьи Орловского женского монастыря матушки Антонии, я, по ее приглашению, похоронив своего мужа и переехав на жительство в Москву, каждое лето проводила в Орловском Введенском монастыре, нанимая келию и пользуясь добрыми советами этой истинной монахини и христианки. У нее я многому научилась и много окрепла в вере. Она мне советовала отказаться от своей воли, а для этого избрать себе духовного отца и уже без его благословения не приниматься ни за какое дело, а во всем решительно руководствоваться его наставлениями и советами. Мне сначала казалось это абсолютно невозможным, я не могла себе представить, как это я буду поступать не по своему разуму, а по указаниям духовного отца, и где найти такого священника, которого я могла бы настолько уважать и любить, что решилась бы подчинить ему свою волю, когда я даже мужу не во всем подчинялась...

В Москве мне нашли квартиру в доме одной большой почтительницы Батюшки Иоанна Ильича, где он бывал каждый свой приезд в Москву. Моя хозяйка была так внимательна ко мне, что всякий раз приглашала меня на молебен. Благодаря сему я все более и более узнавала отца Иоанна и, наконец, всею душой расположившись к этому молитвеннику, решилась просить его взять меня в духовные дочери, чувствуя, что мое уважение к нему так велико, что я охотно откажусь от своей воли и устрою свою жизнь так, как он благословит. Однако я долго не решалась обратиться к Батюшке с этой просьбой, будучи почти уверена, что он не согласится на это, он — единственный светильник на всю Россию; меня сильно смущал вопрос, когда у него есть время для этого и чем я заслужила такое счастье, такое внимание к себе. В этих сомнениях и колебаниях я находилась до 16 сентября 1897 года, когда, наконец, все они закончились и я была осчастливлена в полном смысле этого слова.

Я только что переехала на новую квартиру; отец Иоанн, посетив меня, отслужил молебен с водосвятием, освятил всю мою квартиру и с только ему свойственной добротой и внимательностью относился ко мне; я подбодрилась, набралась храбрости,

бросилась перед ним на колени, поклонилась ему в ноги и стала просить взять меня в духовные дочери. Он милостиво посмотрел и спросил: «А ты будешь меня слушаться всегда и во всем?» Я отвечала на это, что дорогой Батюшка меня уже знает, так как по его приказанию два года тому назад я окончательно бросила свои занятия спиритизмом. Отец Иоанн сказал «да» и задумался. Я же продолжала просить, обещала во всем повиноваться и всю жизнь свою направить согласно его велениям. Он улыбнулся и сказал: «Ишь какая ты прыткая, — в духовные дочери я тебя беру, а о жизни — это слишком серьезно, дай мне подумать», — и поцеловал меня в голову. Я попросила его принять от меня на память связанное мною ему одеяло; он принял, поблагодарил и назвал меня рукодельницей; затем передал мне поклон от орловской игуменьи; сказал, что недавно был в Орле¹², узнал о ее нездоровье и послал ей сказать, чтоб она не смела болеть; затем выразил надежду, что она поправилась. Я подтвердила это и передала Батюшке благодарность за его молитвы от матери игуменьи, как она просила это сделать в полученной мною вчера от нее телеграмме. Отец Иоанн перекрестился, сказал: «Благодарю Тебя, Господи», благословил меня полным крестом и, сказав: «Ну, прощай, моя доченька», — уехал.

Затем дорогой отец Иоанн в течение этого года еще два раза приезжал в Москву, и я была на двух его обеднях, я видела его у В.Е. Чертовой, где после молебна он довольно долго посидел и побеседовал со старушкой и мною; на ее просьбу не пускать меня в монастырь отец Иоанн сказал, что теперь еще рано об этом думать; я спросила Батюшку, что он надумал насчет меня и моей жизни, он ответил: «В духовные дочери беру, а что касается жизни, то пока живи, как хочешь». Когда старушка стала просить его позволить мне взять попечительство над слепыми, он сказал, что это дело благое. Затем обласкал приехавшего из Сибири полковника, привезшего исцелившуюся по молитвам Батюшки дочку. Батюшка на благодарность полковника отвечал: «Велика ваша вера, потому Господь и услышал меня, ничтожного Его служителя, а потому и благодарите Господа». Я проводила отца Иоанна на станцию и там спросила, не благословит ли мне он вступить в «Белый Крест», куда меня зовут заведовать пансионом детей военных; он ласково мне заметил: «Ведь ты вся отдашься долгу и делу, — твои силы не выдержат, нет, живи, как живешь, молись Господу и больше ничего».

В следующий раз, когда Батюшка говорил слово, помню случай: когда он заговорил о грехах и наказаниях за них, одна барышня закричала страшно диким голосом, так что все испугались; Батюшка же стал говорить еще строже о последствиях греховной жизни, тогда она стала так кричать, что пришлось ее вывести из церкви. После обедни мне удалось повидать дорогого Батюшку, получить его благословение и поговорить; на мой вопрос, как он благословит мне проводить пост, так как мое здоровье не выносит постной пищи, он ответил: «Кушай то, к чему привыкла, но только соблюдай пост в количестве и качестве, отказывая себе в том, что больше нравится и в лишнем против того, что необходимо для питания». На второй мой вопрос, будут ли видеть друг друга в будущей загробной жизни все любящие здесь и живущие вполне по христианским заповедям, отец Иоанн, не задумываясь, произнес: «Непременно, если только своею жизнью угодят Господу». Затем я сказала Батюшке, что за мой уединенный образ жизни многие мои знакомые считают меня ненормальной. Он, как-то радостно улыбнувшись, сказал: «Вот как! Ну, что же, огорчаться нечего, ради Господа все нужно потерпеть, зато награда будет на небесах; смотри, не вздумай поддаться их разговорам и переменить свою жизнь, знай, что благотворить всегда и везде можно, для этого вовсе не нужно возвращаться в свет, гораздо больше можешь сделать добра так, как живешь. Ты стоишь на хорошем пути, и не сходи с него».

13 января 1898, г. Москва.

Все время с последнего свиданья с отцом Иоанном я молила Господа, чтобы Батюшка посетил меня и без моего напоминания назвал меня своею дочерью. Сегодня мое желание исполнилось: отец Иоанн навестил меня и при встрече сказал: «Здравствуй, дорогая моя доченька, как поживаешь, — кажется, не совсем-то ты здорова? Ну, помолимся». Отслужив молебен, Батюшка исповедал меня; я, открывая ему всю душу, высказала сильно смущавшую меня мысль, — правильно ли я живу, ничего не делаю; не нужно ли мне взять на себя какой-либо подвиг. Отец Иоанн сказал: «Ничего не нужно; как живешь, так и живи, только усерднее молись о муже, — и, узнав, что я это делаю, прибавил: — И больше ничего не нужно, а если найдешь возможность, то подавай бедным». Затем я сказала Батюшке, что, читая

с большим увлечением святых отцов, я нахожу у них все больше и больше требований, так что на меня нападает страх, могу ли я, такая грешница, и думать о спасении — *если и праведник едва спасется, то нечестивый и грешный где явится*¹⁾! — сказала, что на меня напало уныние, и воскликнула: «Один только вы, дорогой Батюшка, праведник, кто из нас в состоянии выполнить, хотя часть того, что вы выносите?» Отец Иоанн взволновался: «Ну, ну, не называй меня праведником! Какой я праведник? А ты, смотри, не думай предаться этому унынию, Боже тебя сохрани, Господь этого не любит; молись усерднее и живи, как живешь, и Господь тебя спасет, не сходи с пути, на котором Он тебя поставил, милая доченька, и да будет благословение Господне с тобою...» Затем, поцеловав меня в голову, Батюшка вышел в столовую, благословил и обласкал приглашенных мною гостей, простился со всеми и уехал. Мне до того стало хорошо, весело и отрадно на душе, что я от всего сердца со слезами возблагодарила Господа за Его милость, за то, что если Он взял у меня любимого мужа, то и не оставил меня и послал такого мудрого наставника и духовного отца.

25 февраля 1898 г.

Отец Иоанн приезжал и 17 февраля, служил обедню; мне удалось получить его благословение и наставление, как провести по-христиански наступающий Великий пост. Батюшка сказал: «Смотри, поступай с разумом, не насилуй слишком плоть, а береги ее, насколько требует рассудок, вообще не утрируй и не делай ничего выше сил и больше того, что позволяет здоровье». Сегодня Батюшка служил у слепых¹³, и я, несмотря на то, что мне все время сильно нездоровится, прекрасно отстояла обедню и усердно помолилась; по окончании обедни Батюшка зашел к начальнице и, поздоровавшись со всеми, обратился ко мне, поздравил меня с благополучным окончанием говения и спросил, пощусь ли и как выносит пост мое слабое здоровье; узнав, что у меня бывают сильные спазмы в груди, сказал: «Береги здоровье; если почувствуешь себя нехорошо, дай передышку, а потом, как пройдет, начинай снова поститься».

Так как мне не удалось тут передать отцу Иоанну очень нужное письмо от орловской игуменьи, то я поехала на станцию, захватив с собою одну больную и сильно нуждающуюся ста-

¹⁾ 1 Пет. 4, 18.

рушку, которая уже давно просила меня доставить ей возможность повидать Батюшку. Отец Иоанн, ласково поздоровавшись и благословив нас, прошел с нами в отдельную комнату, прочел поданное мной письмо и, посмотрев на меня внимательно, как-то радостно произнес: «Слава Богу, что это так», нагнулся и поцеловал меня в голову (я стояла на коленях) и прибавил: «Ну, большое спасибо матушке Антонии за такое хорошее письмо; передай ей мое благословение и благодарность за ее любовь ко мне и за все то, о чем она мне написала». Затем обласкал старушку, спросил, чем больна, потер ее больную руку и, узнав, что она сильно нуждается в средствах, дал ей 30 рублей; старушка была, что называется, на седьмом небе, не знала, как и чем выразить свою глубокую благодарность; я же еще больше нее обрадовалась, так как усмотрела в этом, что дорогой Батюшка прочел мои мысли и исполнил мое желание; я и повезла с собой эту старушку в твердой надежде, что он поможет ей, и сама положила в конверт именно ту сумму, которую он ей дал... Пусть люди говорят, что нет чудес... А что же это такое? На мой взгляд, нельзя все это объяснить простым совпадением: в тот раз я жаждала, чтобы он назвал меня своей дочкой, — Батюшка выполнил мое желание; теперь мне захотелось, чтобы он помог старушке, — и это исполнилось.

30 апреля 1898 г.

За это время дорогой отец Иоанн три раза побывал в Москве и мне удалось видеть его и побеседовать с ним. Мысль о том, что, живя так и ничего не делая, я не могу спастись, опять стала одолевать меня и мне сильно захотелось вступить в общину сестер милосердия; и вот только что я, хорошенько помолвившись и прося Господа открыть мне Свою волю, стала писать письмо Батюшке, как получила известие, что он тут, в Москве, и что я могу его видеть на станции в 11 часов вечера. Когда я приехала туда, отец Иоанн по своему обыкновению очень ласково отнесся ко мне, спросил о здоровье, о том, как на мне отзывается пост. Я ответила, что благодаря его святым молитвам все время пощусь и даже ем постное с гораздо большим удовольствием, чем скоромное. Батюшка, видимо, остался очень доволен моим ответом и улыбнулся мне. Когда я стала просить у него благословения поступить в общину сестер милосердия, он спросил:

«А тебе очень этого хочется? — и лицо у него стало серьезное и невеселое, и добавил: — Что же, это подвиг, дело хорошее», и сейчас же перевел разговор на другое: «Вот я все перечитываю письмо твоей любимой игуменьи орловской и все более радуюсь ею, какое у нее чудное сердце и как она тебя любит; поезжай-ка ты к ней на лето, я тебя с радостью благословляю, ты там на чистом воздухе поправишься, да и тебе будет очень хорошо с нею, поезжай с Богом», — сказал Батюшка, благословил, поцеловал меня в голову, сел в вагон и уехал.

10 апреля я получила от отца Иоанна письмо, в котором он пишет, что прочитал мое письмо и вознес глубокую благодарность Господу за то, что Он так исправил и укрепил меня, и нравственно, и физически; пишет, что молил и будет молить Господа, чтобы и впредь это так было; подписался дорогой Батюшка так: «Уважающий и любящий тебя о Господе Иоанн Кронштадтский».

Затем Батюшка 30 апреля был в Москве и служил обедню в Филаретовском училище¹⁴. Я помолилась и причастилась у него Святых Таин. Перед малым входом отец Иоанн нечаянно задел большой подсвечник, стоявший с правой стороны алтаря, и на него упала толстая свеча и обожгла ему лицо у самого глаза и, должно быть, крепко ушибла, потому что на щеке показалась кровь; но Батюшка сейчас же вышел в малом входе, как будто с ним ничего не случилось, всех сам причастил и даже дал всем приложиться ко кресту. По окончании службы посетил начальницу, благословил всех девочек и сел к столу, посадив меня рядом. На мой вопрос, не сильно ли он обжег щеку, Батюшка ответил: «Ну, конечно, горит и щиплет, да благодарение Господу, что не в глаз попало; это все экономия причиной: будь целая свеча, а не надставленные куски, ничего не случилось бы». Затем заговорили по поводу одной статьи в «Московских ведомостях», о том, что мало стало верующих людей; отец Иоанн сказал: «Да, тяжелое время переживаем, больно видеть, как люди, сами того не замечая, готовят себе вечные муки». Я пожаловалась Батюшке на то, что у меня сильно болят руки и спина, а доктор, добавила, нашел, что и сердце не в порядке. Батюшка участливо отнесся ко мне, взял обе мои руки и потер их; узнав же, что я через два дня еду в Орел, радостно благословил меня полным крестом, обеими руками, по-архиерейски, и сказал: «Поезжай с Богом, там поправишься, побудь там два месяца и возвращайся назад; передай

матушке игуменье Антонии мой глубокий поклон и благословение», затем налил из своего стакана на блюдечко и подал мне со словами: «Выпей-ка на здоровье»; стал прощаться, благословил всех и уехал. Я после этого свидания почувствовала себя совсем здоровой и такой счастливой, что и высказать не умею.

2 августа 1898 г.

Я прекрасно провела лето, вернулась в Москву, и сегодня Батюшка посетил меня. Он служил раннюю обедню у слепых и сказал там хорошее слово на сегодняшнее Евангелие — об исцелении бесноватого¹⁾¹⁵. Он говорил о том, как строго мы должны следить за собой и не давать демонам в виде разных страстей одолевать нами, и перечислил все страсти, так что каждый из слушавших мог найти в себе какое-нибудь зло и, вняв совету Батюшки, заняться удалением его. Я причастилась, и отец Иоанн, давая приложиться ко кресту, поздравил меня. По окончании обедни Батюшка, посетив нескольких больных, приехал ко мне и, по моей просьбе, прошел в мой кабинет; там я отдала ему точный отчет о том, как провела лето и сколько нагрешила за все это время; затем сказала, что присматривалась к монастырской жизни и нашла, что моя дорогая матушка Антония уже слишком себя изводит усиленными своими подвигами.

Батюшка благосклонно выслушал меня и сказал, что монашеский обет требует подвигов, но все же не надо так изнурять себя, тем более настоятельнице, которой силы нужны для управления монастырем; затем велел мне по праздникам непременно бывать у обедни; велел написать матушке Антонии, что благодарит ее за память и за ее расположение ко мне, отслужил молебен, утешил всех присутствовавших ласковым словом и вниманием своим, благословил всех и уехал.

4 октября 1898 г.

В течение этого времени отец Иоанн был еще в Москве три раза и мне всякий раз удавалось повидать его, помолиться и получить его благословение; я поднесла ему пелену своей работы, которую Батюшка очень похвалил и велел отдать ее в ту церковь, где он служил, с тем, чтобы всегда при его служении ее пости-

¹⁾ См.: Мф. 17, 14–21.

лали. Матушке Антонии, в ответ на ее просьбу благословить ее приехать в Москву для операции глаз, велел передать, чтобы она никуда не ездила, а положилась бы вполне на волю Божию и не употребляла никаких лекарств, кроме промывания глаз святою водою. У моей знакомой отец Иоанн служил молебен и искренно помолился о моем больном брате, но благословения поехать к нему в Житомир не дал; с радостью же благословил ехать в Петербург и хлопотать там у военного министра о продлении мне аренды¹⁶, и добавил: «Твое дело правое, и Господь тебе поможет», — причем произнес эти слова таким убежденным тоном, что я сразу уверовала в успех своего дела. На мое заявление, что его книжка «Моя жизнь во Христе» разгоняет уныние и благотворно действует на душу, отец Иоанн ответил: «Тут я весь вылился, мне помогла благодать Господня». Сегодня Батюшка служил в Лепехинской лечебнице¹⁷ и сказал прекрасное слово на Послание к Коринфянам, где апостол Павел говорит о своем восхищении до третьего неба¹⁾; описал первое и второе, а о третьем, как о месте пребывания Самого Господа нашего Иисуса Христа, говорил с таким жаром и увлечением, с такою уверенностью во все то блаженство, какое ожидает нас за гробом, что я невольно подумала, не испытал ли и Батюшка того же, что и апостол Павел.

Так как мне редко удавалось хорошо поговорить с Батюшкой, то я написала ему письмо о волновавших меня вопросах, которое и передала чрез моего духовника отцу Иоанну, как только он приехал. И когда отец Иоанн после обедни увидел меня в одном доме, то, ласково поздоровавшись, сказал: «Что это ты, какую мне задачу задала — прочесть твое письмо до обедни — прости, дорогая моя, при всем желании не мог этого сделать, прочел только начало и хорошо помолился о тебе; большое тебе спасибо за доверие ко мне». Затем мы заговорили о произнесенной им проповеди; Батюшка говорил, что теперь, как и прежде, всякий, если только искренно захочет, может спастись и достичь того совершенства, какого достиг апостол Павел; мешает этому, говорил отец Иоанн, то, что теперь мы сильно испортились и нет в нас веры, которая способна передвигать горы... Я попросила Батюшку наложить на меня епитимию, так как считаю себя великой грешницей и боюсь, что не могу надеяться на спасение. Отец Иоанн, добро и ласково посмотрев на меня, обнял меня и

¹⁾ См.: 2 Кор. 12, 2–4.

сказал: «Какую тебе епитимию, когда ты послушная», — и благословил меня; мне сразу стало как-то необыкновенно легко и радостно на душе. «А ты здорова?» — внезапно спросил он (у меня действительно страшно болела рука) и, не дожидаясь ответа, взял мою руку и стал ее крепко тереть. После этого начал служить молебен. Весь молебен простоял Батюшка на коленях, молился со слезами, освятил воду, окропил ею, по обыкновению своему обласкал всех, благословил и уехал. У меня рука совсем перестала болеть, и я вернулась домой, проводив отца Иоанна на станцию, счастливейшею из смертных и от всего сердца возблагодарила Господа.

11 января 1899 г.

Сегодня Батюшка посетил меня; за это время он несколько раз приезжал в Москву, и я опять всякий раз была на его службах. Совершая обедню в лицейской церкви¹⁸, отец Иоанн сказал слово о Божественно-чудодейственной силе Христовой, исцеляющей всех с верою притекающих к ней и доселе обильно изливающейся в Святой Православной Церкви чрез Священные Таинства, особенно через Причащение. «Христос, — говорил отец Иоанн, — теперь, как и всегда, близок к каждому из нас, ближе отца и матери, ближе воздуха, ближе всего видимого; Он в сердце всякого верующего, лишь бы мы сами не изгоняли Его от себя своею гордостью и всякими другими страстями». Затем, обращаясь к начальствующим, учащим и учащимся, продолжал: «Как всякое дело, так и ваше тогда будет успешно и плодотворно, когда оно будет утверждаться на вере во Христа, когда в основе своей будет иметь Его Божественное учение и будет совершаться под покровом и водительством Святой Церкви... Итак, устройте дом души вашей на камне веры, а камень веры — Христос, и тогда никакие бури страстей и реки бед не будут вам страшны и дом ваш устоит...» Когда отец Иоанн вышел и благословлял, его до того стиснули, что он даже изменился в лице; я так сильно испугалась за него, что у меня разболелась голова. Вероятно, Батюшка заметил это, так как у моей знакомой, куда он поехал и где я его и встретила, он, повидавшись со мной и внимательно посмотрев на меня, положил обе свои руки мне на голову и довольно долго держал их так. Сам он выглядел страшно измученным, но, когда я ему заметила об этом, он сказал: «Перестань, — этого не надо

замечать». Я поблагодарила Батюшку за проповедь, попросила помолиться за меня и заметила ему, что очень люблю вглядываться и разбирать поступки людские; он на это ответил: «Нужно во все вглядываться и все испытывать, только не надо преувеличивать, а надо смотреть на все правильно, стараться ловить и себя, следить за собою». На мое заявление, что я теперь ничего больше не желаю, как бы только спастись, и ничего не прошу у Господа, кроме мирной кончины, Батюшка сказал: «И прекрасно делаешь, — это единственно чего и должен желать настоящий христианин; по кончине можно судить, что ожидает нас за гробом; мирная кончина есть залог будущего блаженства». Затем, по моей просьбе, благословил меня провести день моего Ангела у матушки игумении в Орле и спросил, почему я так ее люблю: «Что она тебе сделала и давно ли ты ее знаешь?» И когда я сказала, что она обратила меня на путь истинный, вывела меня из заблуждений, сделав меня глубоко верующей, — Батюшка так и просиял весь: «Вот это — так настоящая заслуга, — сказал он, — Господь ее вознаградит за это, а от меня передай ей большое спасибо и глубокий поклон».

В декабре я видела отца Иоанна на станции; он тогда мало обратил на меня внимания и даже не преподал благословения; а когда я попросила его помолиться обо мне, он каким-то недовольным тоном ответил: «Молись сама хорошенько», — и уехал. Я вернулась домой в слезах и всячески разбирала, чем я могла огорчить Батюшку, за что он так меня наказал... Зато в следующий свой приезд отец Иоанн утешил меня; перед началом обедни благословил меня причаститься (я знала о его приезде и приготовилась) и, давая приложиться ко кресту, сказал: «Поздравляю тебя с принятием Святых Таин, дорогая моя Е.В.¹⁾»; затем у одной моей знакомой довольно долго побеседовал со мною, похвалил мой выбор газеты, которую я читаю, сказав, что «Московские ведомости» — правдивый и здраво рассуждающий орган, потер мои больные руки и обещал помолиться о моем здоровье; за молебном помянул также и мое имя, окропил святою водою, благословил всех, пожелал здоровья и уехал. Я чувствовала себя вполне успокоенной и счастливой.

Сегодня Батюшка приехал ко мне прямо от обедни, на которую я не попала по случаю сильной зубной боли, сейчас же прошел со

¹⁾Екатерина Васильевна.

мною в мой кабинет, приветливо благословил меня и преподавал мне свои наставления; позволил поехать на лето к моей знакомой и сказал, что ей будет очень полезно мое общество. Когда я призналась ему, что поддавалась как-то уговариваниям своей приятельницы и занялась раз спиритизмом, желая поговорить с моим мужем, отец Иоанн нахмурился и строго сказал: «Смотри, чтобы это было в последний раз». На мою просьбу благословить меня на принятие должности начальницы Александро-Мариинского института¹⁹, Батюшка решительно заявил, что не благословляет. После молебна я упросила его взять от меня на память маленький складень с изображением Иверской иконы Царицы Небесной, святой великомученицы Екатерины и Михаила Архангела; отец Иоанн приложился к ней, помолился и, должно быть, чтобы утешить меня, поблагодарил и сказал, что я точно угадала его желание иметь эти иконы; затем поцеловал меня в голову и уехал, оставив меня в самом радостном настроении.

18 февраля 1899 г.

Сегодня видела дорогого отца Иоанна у своей знакомой М.; Батюшка поздоровался со мной, благословил и был очень ласков ко мне. Когда он услышал от меня, что владыка митрополит Петербургский Антоний²⁰ не советовал мне идти в монастырь, находя, что у меня нет послушания, отец Иоанн сейчас же взял стакан чаю и сказал: «Вот тебе послушание: сходи вниз, да разбавь мне чай, а то очень сладко»; я с радостью исполнила его просьбу; но он попробовал чай и еще два раза заставил меня подняться по лестнице, пока я не угодила ему. Затем напоил всех своим чаем, благословил и уехал. Сегодня за обедней Батюшка сказал хорошее слово о том, что нужно поменьше думать о развлечениях, а побольше о Церкви и не заниматься пустой литературой, а читать побольше Евангелие, которое и должно быть у всех настольной книгой; сказал о молитве, что она должна быть неустанная, сердечная, порицал пороки и особенно нападал на пьянство. На мой вопрос, правильно ли я поступила, что привезла еврейку в церковь на его службу, ответил: «А ты помнишь, как святые отцы пускали язычников на свои богослужения и сколько из них тогда обращалось?» Когда же я спросила, что лучше, — принять ли католичество или остаться еврейкой, — отец Иоанн сказал: «Конечно, католичество неправильное христианство, а

все же — христианство, и через него она все же ближе будет ко Христу, чем оставаясь еврейкой».

17 марта 1899 г.

Отслужив обедню у слепых, дорогой Батюшка ровно в четыре часа навестил меня, поздоровался, назвал меня дорогой дочкой, спросил о здоровье и исповедал меня; вполне одобрил мой настоящий образ жизни, велел при совершении домашних молитв молиться и своими словами, а при поклонах всякий раз просить Господа, чтобы Он избавил от какого-нибудь греха; все посты велел непременно поститься, а также приказал совсем бросить игру на рояле. Не велел вступать ни в какую деятельность, ни принимать на себя никаких начальствований, благословил поехать летом в Варшаву к моей приятельнице, но велел отказаться от предлагаемой мне там общины сестер милосердия, велел возвращаться назад в Москву и жить здесь по-прежнему, под его руководством. Отслужил дорогой отец Иоанн у меня молебен, обласкал всех, пожелал мне благополучного пути и возвращения и уехал.

6 сентября 1899 г.

Половину лета я провела в Варшавской губернии, в деревне, а другую в Орле, у моей любимой игуменьи Орловского монастыря матушки Антонии, и вчера благополучно вернулась домой. Сегодня же дорогой отец Иоанн, отслужив обедню в Вознесенском женском монастыре²¹, посетил меня. У меня собралось очень много желающих повидать его, и Батюшка ко всем отнесся крайне симпатично: с кем поговорил о делах, кого полегчил прикосновением руки и молитвою, кого наградил благим советом; затем прошел в мой кабинет и выслушал там подробно, как я провела лето; узнав, что я охладела к своей приятельнице, так как она очень не сочувственно отнеслась к моему образу жизни и назвала даже его юродством, отец Иоанн сказал, что это все пустяки: «Пусть говорят, что хотят, — и добавил: — А ее-то жаль, лучше бы она тоже разлюбила мир». На мой вопрос, не пора ли мне поступить в монастырь, он сказал: «Тебе не только поступать, но и жить-то при монастыре еще рано, — спасайся в миру, — для тебя нового закона не издадут, чтобы тебе сохранили пенсию при постриге, а отказываться от нее не следует».

Благословил меня жить по-прежнему, стал служить молебен и окропил святою водою мою сильно болевшую руку, что доставило мне заметное облегчение.

Садясь за стол, Батюшка издали увидал мою кухарку, подзвал ее к себе, два раза наливал чай на блюдечко и, благословляя, давал ей, говоря: «Выпей на здоровье»; напоил чаем и меня, и многих других, благословил всех и уехал. Я проводила его до кареты, в которую дорогой отец Иоанн едва мог попасть, — такая собралась толпа народа, — все желали получить его благословение, — и все были утешены им. Сев в карету, отец Иоанн благословил меня и протянул руку, которую я от всего сердца поцеловала, благодарая за посещение его. Только проводив Батюшку, я узнала, что моя кухарка перед самым его приездом, спускаясь с чердака, упала с лестницы и так расшибла себе бок и руку, что с трудом могла двигаться; после Батюшкиного чая она совсем ободрилась и боли уже прошли.

3 ноября 1899 г.

Сегодня отец Иоанн служил в Лепехинской богадельне, где я и причастилась Святых Таин; узнав, что я все хвораю, он посетил меня. Перед этим я видела Батюшку у своей знакомой 28 сентября, тогда он облегчил мне боль руки, потеряв ее и помочив святой водою; в тот же раз, помню, во время молебна к нему подводили молодую девушку с чудными открытыми глазами, но совсем слепую, — он, усердно помолившись, промыл ей глаза святою водою (я потом видела ее совершенно зрячей), и многих других обласкал он тогда и утешил. Я встретила Батюшку сегодня на дворе у себя; он, узнав, что я вся расхворалась, очень ласково и сочувственно отнесся ко мне. «Ну, пойдем помолимся Господу хорошенько», — сказал он; тут к нему подошла молоденькая барышня и пожаловалась на сильнейшую боль в боку, сказала, что сильно идет кровь. «Я очень боюсь смерти», — добавила она. Батюшка обласкал ее и стал успокаивать: «Да и смерти бояться нечего, — сказал он, — она есть радость, потому что переводит человека в другую, настоящую жизнь, где мы будем блаженствовать. А что здешняя жизнь! Что ее жалеть... кроме горя и страданий нет ничего», — просил и убеждал девушку не унывать, хорошенько молиться и вполне положиться на волю Божию; записал ее имя и дал обещание молиться за нее. Затем

к нему подвели одного пьяницу, но по душе-то хорошего человека. Батюшка и к нему также сердечно отнесся, уговаривал не пить, доказывал, что пьянство прогневляет Господа. «Да и себе портишь всю жизнь, потому что теряешь свой образ», — говорил он. Слова отца Иоанна растрогали этого человека до слез, и он дал положительное обещание бросить пить. Служа молебен, Батюшка все время молился на коленях и со слезами просил у Господа всем нам исцеления и прощения всех наших грехов. Отслужив молебен, отец Иоанн сел к столу, усадил меня возле себя и стал расспрашивать про мою поездку в Петербург; я сказала, что все по его благословению удалось и аренду мне оставили²², Батюшка перекрестился и произнес: «Благодарю Тебя, Господи»; затем, спросив участливо, что у меня особенно болит и почему это я все хвораю, и, после некоторого молчания, сказал: «Теперь, пока ты нездорова, приобщайся-ка почаще, вот всякий раз, когда я служу здесь». Я поцеловала его руку, поблагодарила за эту милость и обещала непременно, с большою радостью выполнять его приказание. Батюшка благословил меня, поцеловал в голову и уехал.

17 декабря 1899 г.

Сегодня исполнилась четвертая годовщина со дня смерти моего мужа; дорогой отец Иоанн утешил меня, отслужил по нем заупокойную обедню, причастил меня и в четыре часа приехал ко мне; здесь помолился с нами, милостиво принял от меня пелену моей работы, назвав за это меня труженицей и доброй христианкой! Когда отец Иоанн пил чай, я все время стояла возле него на коленях и от избытка благодарности, что Батюшка в такой памятный для меня день не забыл меня и помолился за моего мужа, все время целовала его руку; он был так добр, что не отнимал ее, понимая, очевидно, вполне мое душевное состояние. Я была в эти минуты совершенно счастлива и внутренне благодарила от всей души Господа, что послал мне такого духовного отца, такого молитвенника, как отец Иоанн Кронштадтский. Когда я попросила благословения подать прошение о том, чтобы меня сделали начальницей института, Батюшка призадумался, но все-таки сказал, что не даст благословения... «Живи, как живешь, твой путь настоящий», — проговорил он; затем дал мне выпить из своего стака-

на чая, благословил, пожелал здоровья и уехал, оставив меня на весь день счастливейшим человеком.

7 января 1900 г.

Сегодня я исповедалась у своего постоянного духовника, который преподавал мне несколько хороших советов, велел вооружиться терпением и принимать всякое искушение как урок для познания самой себя и исправления своих недостатков. Причастилась я у дорогого отца Иоанна. Он сказал за обедней прекрасное слово о значении Агнца Божия. «Господь, — говорил он, — так возлюбил род человеческий, что принес Себя в жертву за наши грехи, — и убежденно продолжал: — Никто не должен сомневаться в спасении! Как бы кто грешен ни был, только покайся чистосердечно, и Господь простит, даже разбойника, убийцу, и тех простит, как только покаются от души. Прощения не будет только неверующим, самоубийцам и Иуде». Затем сказал еще, что не только молитва священника, но и молитва мирян друг за друга сильна испросить у Господа прощение, смягчение и помилование, как и молитва за усопших... Я слушала с большим вниманием и дивилась, что этой проповедью Батюшка разрешил все мои вопросы, сделанные мною на исповеди. Благословение от отца Иоанна я получила в квартире моей приятельницы, где и была свидетельницей того, как Батюшка исцелил двоих, старушку и девушку, одержимых, как говорили, бесом. Когда их подводили к отцу Иоанну, у них лица были страшные, зверские какие-то, исступленные, казалось, вот сейчас бросятся на него и задушат; но Батюшка был спокоен и только повторял: «Именем Господа Иисуса Христа выйди из нее». Сначала он обращался к старушке, та упорствовала вначале и молчала; наконец после третьего повеления она стала как-то странно корчиться и дико закричала что-то бессмысленное: «Меня зовут рыбак». Отец Иоанн стал требовать, чтобы она назвала настоящее свое имя; наконец, она проговорила: «Екатерина»; тогда, помолившись, Батюшка сказал: «Именем Господа Иисуса Христа приказываю тебе, выйди из нее», — она стала еще усиленнее биться и в исступлении кричать: «Не выйду, не выйду!» Батюшка еще повелительнее повторил свое приказание: она постепенно опустилась на колени, стала обнимать батюшкины ноги, говоря: «Слава Богу, он вышел», — и успокоилась. Точно так же отец Иоанн поступил с девушкой, —

та оказалась более послушной и успокоилась, он дал им приложиться ко кресту, причастив их запасными Дарами. После этого отец Иоанн, помолившись, сел к столу, побеседовал с хозяйкой и сказал, что это морозы так худо повлияли на ее здоровье. Я выразила Батюшке свое удивление и радость, что в его проповеди как раз нашла ответы на сильно занимавшие меня вопросы. Он, видимо, был очень обрадован этим и сказал: «Слава Богу, что так случилось, — душа душе весть подает»; затем стал прощаться, благословил нас и уехал.

22 февраля 1900 г.

Сегодня дорогой Батюшка снова был в Москве; он служил в лицейской церкви и произнес там хорошее слово о том, что христианское учение одним пошло во спасение, других же погубило, — в зависимости от нашего отношения к нему. «Далеко не всегда, — говорил отец Иоанн, — относятся к нему с полною верой, чаще с рассуждениями и критикой, которые, — как явления не Божеские, а только проявления ума человеческого, — почти всегда приводят к ошибкам и заблуждениям; все же те, кои слушают этих критиков и философов, впадают в обман и отклоняются от истинного учения Христова и, конечно, не спасутся, а погибнут, если вовремя не спохватятся и молитвою и чистосердечным покаянием не вымолят себе у Господа прощения». От обедни отец Иоанн приехал ко мне, где его встретило большое общество его почитателей, с нетерпением ожидавшее Батюшку; отец Иоанн благословил всех и довольно долго побеседовал с одним чахоточным дьяконом, сильно приунывшим вследствие своей болезни, и ободрил его, сказав: «Бог милостив, не унывай, а веруй и молись — и будешь здоров...» Так же внимательно отнесся к одной больной, страдавшей сильной подагрой, похлопал ее по плечу и спине со словами: «Успокойся, — поправишься и все пройдет».

Затем дорогой отец Иоанн исповедал меня; я сказала отцу Иоанну, что чем более я приглядываюсь к монастырской жизни, то все более поражаюсь тем, что почти везде ложь и лесть преобладают над правдой и что это вызывает во мне охлаждение к монашеской жизни, и прибавила: «Не от врага ли это?» Он внимательно выслушал меня и сказал: «Конечно, тут и не без него, хотя в монастырях оно так и бывает; но все же их за это не сле-

дует отрицать, они нужны и приносят большую пользу...» После этого Батюшка прочел поданное мною письмо от орловской игуменьи, в котором она жаловалась на нездоровье и просила у него благословения оставить игуменство²³, писала, что ей хочется умереть, и просила отца Иоанна помолиться за нее Господу. Отец Иоанн сказал, что отказываться от игуменства он не благословляет: «Незачем, ведь уже теперь недолго, пусть потерпит до конца»²⁴, — добавил он. Затем отслужил молебен и сам попросил налить ему чаю, и когда я подала, нашел, что крепко, велел разбавить, выпил немножко и подал мне со словами: «Выпей-ка на здоровье, дорогая доченька». Это обращение ко мне — «дорогая доченька» — несказанно меня обрадовало, я поцеловала у него руку и попросила принять от меня вышитые воздухи и послужить с ними. Батюшка их охотно взял, сказав: «Да ведь ты по своим работам и по жизни настоящая монахиня, с удовольствием исполню твою просьбу и возьму их в Кронштадт», поцеловал меня в голову, поговорил еще с присутствующими и, проходя через гостиную, вдруг спросил меня: «А ты читаешь духовные книги?» (тут на столе лежал том Златоуста) и на мой ответ, что прямо зачитываюсь Златоустом, так и просиял весь и так весело сказал: «Лучше этого ничего и желать нельзя», — подошел к столу, взял книгу, раскрыл и в трех местах поцеловал ее. На мое заявление, что у Златоуста много общего с Батюшкой, он отвечал: «Это мой самый любимый учитель, и действительно я его вполне разделяю и из него черпаю», — поцеловал еще раз меня в голову, перекрестил и уехал, оставив меня в самом радужном настроении.

17 апреля 1900 г.

За это время отец Иоанн приезжал три раза. Один раз я видела его на станции и получила благословение, но возможности побеседовать с ним не представилось; потом, 22 марта, он служил в Никитском монастыре²⁵, и мне удалось повидать его у никитской игуменьи, где он очень ласково отнесся ко мне, благословил и, когда я пожаловалась на головную боль, положил руки мне на голову, крепко прижал их и сказал: «Не тревожься, пройдет, по вере и дастся тебе». Я передала отцу Иоанну просьбу одной женщины помолиться за пропавшую у нее девочку; Батюшка с большим сожалением произнес: «Теперь часто случа-

ется, что ими эксплуатируют», — очень пожалел бедную, обещал помолиться, но в утешение ничего не сказал. Про себя Батюшка сообщил, что поболел, так как, поскользнувшись, расшиб себе колено и не мог служить обедню²⁶, а должен был вернуться домой; сказал, что в Кронштадте ему приходится приобщать до пяти тысяч человек. На вопрос одного священника, кому Батюшка сочувствует, — бурам или англичанам²⁷, — ответил: «Конечно, я за буров и очень рад, что англичан бьют». Сегодня я встретила отца Иоанна на станции, получила благословение и передала ему несколько писем; затем отстояла обедню в Мещанской богадельне и причастилась. Батюшка сказал слово на Евангелие о браке в Кане Галилейской¹⁾. «Господь Своим присутствием, — говорил отец Иоанн, — освятил нам Брак и положил начало этому Таинству...» Далее отец Иоанн советовал снисходительно относиться к человеческим слабостям, вспоминая, как Господь в Кане Галилейской, не желая творить чудеса, послушался Богородицы и положил начало чудесам Своим, претворив воду в вино... После обедни посетил мою знакомую, благословил всех и похристосовался; затем поговорил с приехавшими из Орла двумя больными монахинями, расспросил, чем страдают, одной положил руку на голову, другой потер горло и не велел обращаться к докторам и лечиться. «Бог милостив, — произнес отец Иоанн, — попросите вашего духовника разрешить вам почаще приобщаться Святых Таин, конечно, с самою строгою подготовкой, и Господь пошлет вам облегчение». Я передала Батюшке благодарность за его молитвы от матери пропавшей девочки, сказав, что она теперь более спокойна, уже не мучится неизвестностью и предположениями самого мучительного свойства и опасениями всего худшего: река Москва выкинула труп ее девочки... Отец Иоанн перекрестился и сказал: «Царство ей Небесное», — а за молебном особенно горячо помолился о бедной матери и ее безвременно погибшей дочке, затем благословил нас и уехал.

19 мая 1900 г.

Наконец-то я дождалась дорогого Батюшки; это время я сильно прихварывала, обращалась даже к доктору, который и нашел у меня сильный подагрический ревматизм вместе со страданием почек и велел серьезно лечиться; но я без благослове-

¹⁾ См.: Ин. 2, 1–11.

ния отца Иоанна не решилась на это; узнав вчера, что приезжает Батюшка и будет у меня, я объездила всю Москву, отыскивая что-нибудь, чем могла бы его угостить, и вернулась опечаленная, ничего такого не найдя, и стала готовиться к Святому Причащению. Отец Иоанн служил в богадельне слепых старух и произнес там слово на Вознесение Господне. Он говорил: «Когда Господь вознесся на небо, то послал вместо Себя Духа Святаго, Который тоже должен был принять участие в спасении рода человеческого; Бог Отец сотворил мир, Иисус Христос разрушил ад и открыл нам двери Царствия Небесного, а Дух Святой должен закончить дело спасения и помочь нам избавиться от греха...» Обращаясь к нам, отец Иоанн прибавил: «Надо всеми силами стараться не угашать в себе Духа Святаго». В два часа дорогой отец Иоанн приехал ко мне, и я его встретила еще на дворе. Поздоровавшись и поздравив меня с принятием Святых Таин, он благословил меня и, положив мне руку на плечо, поднялся по лестнице; тут его окружила целая толпа ожидавших его благословения; преподав всем свое благословение, отец Иоанн прошел ко мне в кабинет и там очень мягко поговорил со мной, ответил на все мои вопросы, указал мне, как познавать волю Господню: «Посредством молитвы, руководствуясь сердцем и совестью», — сказал он; благословил девочке покровительствуемой мною семьи поместиться у монахини и посещать ей монастырскую школу. Узнав о моей болезни, очень пожалел и сказал: «Гомеопатию принимай, но особенного какого-нибудь лечения не нужно, усердно молись Господу, да почаще приобщайся, Господь милостив».

Про себя отец Иоанн сказал, что теперь он, слава Богу, совсем поправился, но сильно утомлен и опечален тем, что за его службой в Кронштадте во время сильной толкотни и давки одну женщину раздавили насмерть²⁸; этот случай страшно его мучает и не дает покоя. Когда я спросила: «Не пора ли мне, дорогой Батюшка, в монастырь», — он как-то радостно выслушал это, даже поцеловал в голову меня, но сказал: «Нет еще, погоди, поживи у матушки Антонии, хорошенько испытай себя, а там Сам Господь укажет время... благодарю тебя, что ты так мне доверяешь и так слушаешься во всем», благословил и вышел служить молебен; по окончании сказал: «Ну-ка напои меня чайком, я страшно устал», — и с большим удовольствием выпил половину стакана, поблагодарил и подал мне вторую половину со словами: «На, выпей на

здоровье, дорогая моя доченька»; приветливо поговорил с моим доктором-гомеопатом, выразил свое глубокое сочувствие гомеопатии и затем сказал, что у него на родине в Суре устроился общежительный монастырь, а теперь строится для него подворье в Петербурге, которое тоже скоро будет готово²⁹. При этом, добро так и ласково посмотрев на меня, прибавил: «Вот буду рад-то, когда ты поступишь туда, через год оно будет готово». Расставаясь, дорогой отец Иоанн благословил меня, поцеловал в голову и несказанно обрадовал своими прощальными словами: «Хорошая моя, дорогая доченька, чистая открытая душа». Я проводила его до кареты, рассталась с Батюшкой такой невыразимо счастливой, что и сказать невозможно; все бывшие у меня гости были очень признательны мне за случай повидать дорогого отца Иоанна, побеседовать с ним о своих нуждах и получить от него утешение в своих скорбях...

Третьего июня, уезжая по Батюшкиному благословению в Орел во Введенский женский монастырь на лето и намереваясь проводить время вполне по-монашески, я решила написать отцу Иоанну письмо, в котором спрашивала его наставлений, в ответ я получила от Батюшки письмо следующего содержания:

«Спасибо, дорогая духовная дочь моя, за твое духовное мне подчинение; итак, слушай: ради Господа в это лето говей в оба поста, — Петровский и Успенский, — по средам и пятницам кушай постное, поблажку плоти гони прочь от себя, плоть порабощай, самоугодия отвергайся, будь рабой Господа, а не плоти и похотей ее.

*Грешнейший паче всех
Иоанн Кронштадтский».*

25 августа 1900 г.

Прекрасно прожив лето у матушки Антонии, я вчера только вернулась и сегодня уже принимала у себя дорогого Батюшку, встретила его на станции, получила благословение, поблагодарила за молитвы, которые помогли мне так хорошо, по-монашески провести все лето и просила его посетить меня. Отец Иоанн приехал, по обыкновению благословил всех и стал читать переданное мною письмо ему от матушки Антонии; сейчас же по прочтении, обращаясь ко мне, он сказал: «А все же я не советую ей уходить, пусть несет крест свой до конца; что же касается ее взгляда на крест, подаренный ей как на предвест-

ник несчастья или мучений, то в этом она ошибается — Крест есть орудие спасения, Крестом нам открыто Царствие Небесное, на получение креста нужно смотреть как на великую милость Божию и уповать на то, что он-то именно и поможет перенести все испытания с полной покорностью воле Божией; я всегда радуюсь Кресту и благодарю Господа». Затем, отслужив молебен, Батюшка расспросил меня, как я провела лето; услышав мой ответ, что провела я вполне по-монашески, рассмеялся на это и сказал: «Ну, не хвастайся», — обнял меня и долго гладил по голове. Я передала Батюшке, что один слепой просит его благословения на операцию; отец Иоанн сказал: «Если доктора настоятельно не требуют, то не нужно, — а потом, внутренне помолившись, добавил: — Да и вообще не надо». После этого спросил меня, где я останусь жить, и, узнав, что здесь же, в Москве, перекрестил меня и уехал.

29 августа 1900 г.

Видела сегодня дорогого отца Иоанна на станции; там, в инспекторских комнатах, мне удалось немного побеседовать с ним. Когда Батюшка узнал, что благодаря стараниям военного министра мне оставили аренду еще на три года, он велел мне непременно поехать в Петербург лично поблагодарить министра и охотно дал мне благословение в следующий его приезд сопровождать Батюшку в Петербург; затем простился со мной и ушел в свой вагон.

27 сентября 1900 г.

Сегодня отец Иоанн служил обедню в Кремле в Вознесенском женском монастыре (мне сегодня сильно нездоровилось и я, ожидая Батюшку дома, хорошо приготовилась к принятию Святых Таин). Отец Иоанн приехал и, давая мне причастие, как-то пристально посмотрел на меня и сказал: «Спаси и исцели, Господи, рабу Божию Екатерину...» Мне сейчас же стало легко и хорошо на душе. Перед тем как начать причащать, отец Иоанн с каким-то особенно вдохновенным взглядом обратился к нам с речью, в которой указал на великое значение приобщения Святых Христовых Таин, подчеркнул также великое и важное значение священнослужителей — архиепископов, епископов и иереев, — сказав, что только одна наша Православная Церковь и

обладает епископами, поставленными самими апостолами, которым Самим Господом дарована благодать как дар Святого Духа; другие же все религии и вероисповедания, говорил Батюшка, кроме католической, не могут считаться и религиями, так как у них нет такого облагодатствованного священства, и прибавил: «Потому священнослужители совершенно правильно и вполне заслуженно должны пользоваться любовью своих пасомых, а пасомые должны быть послушными и покорными им, и тогда только Церковь будет процветать».

Вечером я побеседовала с Батюшкой у моей знакомой, которая страдает сухоткою спинного мозга и уже двенадцать лет, приговоренная к смерти всеми врачами, только и живет молитвами отца Иоанна; он по обыкновению ласково отнесся ко мне, узнав, что мне нездоровится, потер больное плечо и довольно долго подержал на нем руку, говоря: «Полно тебе хворать», — обладал хозяйку, благословил всех и отслужил молебен. Сев к столу, посадил меня рядом, рассказал о своей поездке в Гродненскую губернию, в Сувалки, и о том, какое чудное впечатление произвело на него посещение им женской обители³⁰, о которой он и теперь с восторгом вспоминает; и вообще с большой похвалой отозвался отец Иоанн о женских монастырях, сказал, что монашенки трудятся как пчелки, что монастыри громадную пользу приносят Православию, и прибавил: «Чем больше познаю их, тем более убеждаюсь в их необходимости». — «А когда же мне-то, Батюшка, прикажете идти в монастырь?» — спросила я. Он так добро улыбнулся и сказал: «А желание-то у тебя есть?» — «Я жду только вашего приказанья, — если благословите, то хоть сейчас!» — ответила я. Он еще ласковее улыбнулся и заметил: «Погоди немножко, — приготовься, и как только будет готово мое подворье, я тебя непременно возьму». Затем отец Иоанн простился со всеми, преподал всем советы, благословил и уехал на станцию; я проводила Батюшку и вернулась домой, чувствуя себя вполне счастливой.

12 октября 1900 г.

С благословения отца Иоанна я выехала ему навстречу, в город Клин, и вместе с ним проследовала до Москвы. Встретил меня Батюшка очень приветливо, сказал, что письмо мое получил и рад повидать меня, сказал, что одобряет

мое желание поступить в монастырь, но необходимо до этого похлопотать о сохранении моей пенсии, потому что без нее и в монастыре мне будет трудно. «Готовься понемногу, распродавай и раздавай все лишнее», — добавил он. Затем по моей просьбе исповедал меня, сказав: «Начну с того, что я тебя исповедую как посредник между Господом и тобой и как любящий отец»; выслушав меня, продолжал: «Старайся смотреть внутрь себя, там всегда найдешь много грехов, заглядывай почаще в свое сердце и старайся очищать его, а других судить предоставь им самим и Господу: работай больше над собой, этим и себя исправишь, и Господу угодишь», — и отпустил все мои грехи. Я почувствовала себя легко и хорошо; сердце мое переполнилось благодарностью к Батюшке, и я поклонилась ему в ноги, говоря: «Не знаю, как и чем я отблагодарю вас, дорогой Батюшка, за все, что сделали мне; вы спасли меня от моего пагубного увлечения и поставили прочно на настоящий путь; я твердо верю, что по вашим молитвам Господь поможет мне совсем исправиться». Он, углубившись в себя, стал молиться, на глазах его показались слезы; видно было, что его душа, полная благодарности, возносила к Господу. Мне в это время было так отрадно, что явилась невольная мысль о том, как хорошо было бы в этот момент и умереть... Затем отец Иоанн громко произнес: «Всем сердцем благодарю Тебя за нее, Господи, — и, обращаясь ко мне, ласково прибавил, — это все Господь делает, я тут ни при чем, Его и благодари». Тут к нему стали все время подходить за благословением, и так мы доехали до Москвы.

За обедней, где он служил (в приюте цесаревны Марии), отец Иоанн сказал слово на Евангелие об исцелении слуги сотника¹⁾; он восхищался необыкновенной простотой и силой веры у язычника, сопоставляя с ним иудеев, которые не верили и которых Господь лишил Царствия Небесного, тогда как просьбу сотника сейчас же удовлетворил; затем Батюшка продолжал: «Что может быть проще учения Евангелия Господня, которое необходимо постоянно читать, но отнюдь не мудрствовать по-своему, а принимать так, как объясняют святые отцы и как написано; не поступать так, как теперь часто поступают: что нам нравится, то принимаем, а что не по нас, то отвергаем, на что не имеем никакого права. Мы живем теперь в такое время, когда многие поте-

¹⁾ См.: Мф. 8, 5–13.

ряли веру совсем; наши интеллигенты, — говорил Батюшка, — или веруют по-своему, или совсем не веруют: и здесь, в Москве, нередко является ученый, образованный писатель, извративший все христианские понятия и толкующий Евангелие на свой лад³¹. Господь ему не простит этого, хотя бы он и покался, потому что он уже многих соблазнил и все еще продолжает соблазнять; а в Евангелии сказано: *горе тому*, кто прельстит хотя *одного из малых сих*¹⁾; итак, ему не миновать вечных мук, потому что ни одно слово в Евангелии не останется неисполненным».

По окончании службы начальница пригласила отца Иоанна к себе, но напустила такую массу народа, что и пошевеливаться Батюшке нельзя было, и он поскорее выбрался в коридор, где его опять окружили уже новые толпы. Как он смог добраться до кареты, я уже не видела; я вышла другим ходом и направилась к своей знакомой, где и дождалась Батюшки. Он выглядел бодрым и веселым, почти бегом поднялся по лестнице и весело поздоровался со всеми нами; на мой вопрос, как он себя чувствует после такой страшной давки, какую ему пришлось вынести, он отвечал: «Как видишь! Ничего, все хорошо». Отслужив молебен, он присел к столу, но сам ни до чего не коснулся, а только угощал других. Уходя, отец Иоанн, уже на лестнице, обернулся ко мне и сказал: «Я сегодня, совсем не приготавливаясь, сказал слово, а, кажется, хорошо вышло; многим оно может послужить на пользу», — и уехал.

30 октября 1900 г.

Батюшка посетил сегодня 90-летнюю старушку, генеральшу Черепову, и отслужил у нее молебен; я была сильно обрадована и утешена его сообщением: «Я твои письма все сохраняю и перечитываю их», — сказал мне он; в порыве благодарности я горячо поцеловала руку Батюшки. У другой знакомой он отслужил всенощную, я передала ему глубокую благодарность от генеральши Барановой, которая, будучи приговорена к смерти врачами, по молитвам отца Иоанна совершенно исцелилась.

28 ноября 1900 г.

Отец Иоанн за обедней (он служил в лицейской церкви) произнес слово на Евангелие: *Не бойся, малое стадо*,

¹⁾ Ср.: Мф. 18, 6, 7.

*ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство*¹⁾. «Как ни велика надобность в науке в этой жизни, но духовная подготовка к Царству Небесному, — говорил отец Иоанн, — нужнее; продавая имения, раздавая милостыню, совершенствуясь таким образом нравственно и думая больше о ближнем, нежели о себе, мы должны памятовать, что мы здесь, на земле, — странники, что все, что только тут есть, — все это преходящее, а потому и не следует ни к чему чрезмерно привязываться».

Из церкви Батюшка, дав всем приложиться ко кресту, проехал прямо ко мне, где его ожидала целая семья сибиряков, нарочно прибывших в Москву повидать его. Как только он вошел, поздоровался со мною и дал мне благословение, к нему сейчас же подошел сибиряк, прося поговорить с ним наедине, что отец Иоанн и исполнил. Побеседовав с ним, Батюшка прошел ко мне, сел на кресло и сказал: «На твое письмо, в котором ты пишешь, что приносишь себя в жертву мне и просишь делать с тобою и твоею жизнью, что мне угодно, я скажу тебе, — не мне ты приносишь себя в жертву, а Богу»; затем спросил меня, как обстоит дело с вопросом о сохранении пенсии, и узнав, что она будет сохранена только при тайном постриге, стал грустен, задумался и сказал: «А без денег тяжело тебе в монастыре; поговори с Его Высокопреосвященством митрополитом Антонием, и как он благословит, так и поступай». Благословил поехать в Петербург, но останавливаться там велел где-нибудь на подворье, в гостиницах же запретил.

После молебна, за которым Батюшка молился со слезами, сибиряк стал просить его принять от него трехтысячную акцию и вступить в члены какого-то вновь устраиваемого общества, но отец Иоанн и от того и от другого решительно отказался; когда же я попросила его принять вышитую мною пелену, он милостиво принял и, рассматривая работу, сказал, что во мне видна очень хорошая мастерица. Я поинтересовалась узнать, какое впечатление произвела на Батюшку проповедь архиепископа Харьковского Амвросия, в которой он нас, христиан, живущих ныне, называет язычниками³². Отец Иоанн оживился и сказал: «Да ведь он прав, действительно мы стали язычниками», — похвалил Златоуста и советовал мне читать его объяснения Евангелия от Матфея. Затем благословил всех, поцеловал меня в голову и уехал.

¹⁾ Лк. 12, 32.

29 декабря 1900 г.

Сегодня Батюшка был в Москве и благословил мне ехать в одном вагоне с ним в Петербург. За обедней он сказал небольшое слово о борьбе со страстями, о том, как они сильно овладевают человеком, вкрадываясь в него совсем незаметно, и совершенно поглощают его. Я причастилась и только благодаря вниманию Батюшки могла приложиться ко кресту: он протянул мне крест через головы других, так как вследствие сильной толкотни я не могла никак приблизиться к нему. Мне посчастливилось достать билет в одном вагоне с Батюшкой и он, по прибытии своем в поезд, пригласил меня к себе. Когда поезд тронулся, мы остались одни, и таким образом я имела случай хорошенько побеседовать с Батюшкой. Отец Иоанн дал мне совет, как бороться со страстями, которые никогда совсем не покидают человека, почему и должно всегда быть во всеоружии и наготове к отражению их; выразил неодобрение мне по поводу того, что я держала у себя лютеранку, и похвалил, когда узнал, что нашла ей другое место. «Им никогда нельзя верить, они не сочувствуют нашей вере, нет в них этого сочувствия, совсем нет», — сказал он. На мой вопрос: «Правда ли, что вы собираетесь на покой?» — Батюшка отвечал: «Нет, ни за что, я с Божией помощью желаю оставаться на своем поприще до конца»; потом прибавил: «Разве пойду на отдых в свое подворье в Петербурге, но никуда не уеду...»

Я спросила: «Действительно ли в монашестве лучше спасешься?» Отец Иоанн отвечал, что подвиг, конечно, больше, но можно спастись и в миру; при этом все же благословил опять просить Его Высокопреосвященство, чтобы он помог устроить возможным пострижение с сохранением моей пенсии, сказав убежденно: «Нельзя расставаться с тем, что с таким трудом, совершенно правильно и честно заслужено, и я не советую тебе отказываться от того, что тебе по всем правилам и законам принадлежит. Если нельзя будет сохранить пенсию, то живи, как живешь, а как будет готово подворье, я тебя возьму к себе жить при нем». Я простилась с Батюшкой, получила благословение и, пожелав ему спокойной ночи, ушла к себе. Наш вагон так подбрасывало, что ни лежать, ни сидеть не было возможности; не будь в поезде Батюшки, я, кажется, с одного страха расхворалась бы, но теперь я была покойна, твердо веря, что по его молитвам ничего не случится; мне только было жаль, что ему,

такому усталому и измученному, не придется и отдохнуть-то совсем.

Попутру отец Иоанн, как встал, опять прислал за мной, и мы снова с ним много говорили. Он относится ко мне, как родной любящий отец, видимо беспокоится, как бы мне не была особенно тяжела моя жизнь; опять повторял, что с пенсией расставаться не следует, что и тайный постриг может быть вполне достаточен. Говоря об орловской игуменье, для которой я просила у него благословения, он сказал: «Вот у кого тебе поучиться надобно, она уже совсем приготовилась, и ее смерть будет легкая и хорошая; попроси, чтобы она тебя поруководствовала до перехода ко мне». «Я думаю, что из моего подворья будет со временем большой монастырь», — добавил Батюшка. Так мы доехали до Петербурга; Батюшка, прощаясь, благословил меня на мои дела и возвращение в Москву, обещал сам приехать через три недели, сел в карету и уехал; меня же встретила моя знакомая генеральша Шатилова и увезла к себе.

1901 г.

Пробыв целую неделю в Петербурге, я была осчастливлена вниманием Его Высокопреосвященства и военного министра, которые отнеслись ко мне очень сердечно и сочувственно, но оба подтвердили, что нет закона на сохранение пенсии при постриге, так что я вернулась домой неудовлетворенная. Митрополит сказал, что он ни в каком случае не благословляет меня на монашеский подвиг, а Алексей Николаевич Куропаткин так выразился даже, что он никак не может допустить мысли, чтобы я решилась сделать такую великую ошибку, — пожертвовать пенсией, которая такими трудами и такую доблестною службой доставлена мне моим мужем. Итак, моя поездка принесла мне полное разочарование в моих надеждах на поступление в монастырь.

Сегодня отец Иоанн служил в Лепехинской лечебнице и с каким-то особенным воодушевлением и дерзновением сказал слово о важности приобщения Святых Таин; строго порицал тех, кои позволяют себе приступать к оным без надлежащей подготовки, без твердого обещания исправиться в своих недостатках. Он так строго это говорил, что я заметила, как некоторые из исповедавшихся не подошли к Причастию. После обедни

меня пригласила к себе одна знакомая, у которой я и повидалась с Батюшкой. После молебна отец Иоанн, побеседовав с хозяйкой, поговорил со мною; я рассказала ему о своем пребывании в Петербурге и о том, что владыка митрополит не дает благословения мне на поступление в монашество. Отец Иоанн как-то особенно улыбнулся, он как будто ожидал именно этого решения, и сказал: «Ну что же, живи пока, как живешь, и приготовляйся», — дал мне благословение съездить в Орел, простился со всеми и уехал.

3 февраля 1901 г.

Я отлично съездила в Орел, вчера вернулась и сегодня пошла в Ермоловское училище, где служил обедню дорогой отец Иоанн³³. Там Батюшка произнес чудное слово на слова Евангелия от Матфея: *кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном*¹⁾. Я не понимала, что значат слова этого Евангелия, — *сотворит и научит*, — и хотела попросить отца Иоанна объяснить их мне, как вдруг получила полное объяснение в сказанной им проповеди.

«Заповеди даны нам Самим Богом и должны быть исполняемы все без всяких рассуждений; кто нарушит или не исполнит их, или же по-своему перетолкует, тот лишается Царствия Небесного; а кто и сам твердо выполнит, да еще и других научит, тот великим наречется в Царствии Божием. Хотя нам и кажется, что трудно исполнять заповеди, но если бы мы проверили себя, то заметили бы, что при исполнении заповедей мы имеем душевный мир, и сердце, и совесть покойны; когда же мы позволяем себе мудрствовать, объясняя заповеди и Евангелие по-своему, — то душа наша, вместо нравственного удовлетворения, смущается, волнуется и делается беспокойною; таким образом, мы уже здесь, на земле, терпим за то, что уклонились от начертаний воли Божией. Природе нашей свойственно падать и грешить, но также свойственно и каждый раз после падения подниматься и каяться и всегда получать прощение от Милосердного Господа. Господь дал нам разум и сердце, — разумом мы можем познавать истину, а сердцем предаваться ей вполне. В нашей воле не предаваться во власть греха, а каждый раз, согрешив, снова восставать и тем самым иметь силу

¹⁾ Мф. 5, 19.

над грехом и не подпадать под его власть; для этого постоянно нужно быть настороже и не иметь пристрастия ни к чему, — ни к деньгам, ни к славе, ни к почестям, всего избегать и строго помнить заповеди, которые нарочно даны на камне, чтобы их ничто не могло изгладить из памяти человека. Человек не должен унывать, когда упал, но должен воспрянуть, всем сердцем покаяться, попросить у Господа прощения, и Господь Своею благодатью поднимет упавшего и снова поставит на путь заповедей. И совсем это не трудно, нужно только следить за собой, за своим “я”, за своею внутреннею жизнью и обращать внимание на помыслы».

После обедни дорогой Батюшка зашел к начальнице, там благословил меня, расспросил о моей поездке в Орел и благословил провести как следует пост. Я показала Батюшке книжку священника Петрова «Евангелие как основа жизни»³⁴ и сказала: «Я нахожу, что она написана в лютеранском духе», — и дала ему прочесть подчеркнутые мною места. Отец Иоанн очень внимательно просмотрел их и сказал: «Ты права, это неправильное толкование». Затем поговорил с начальницею и со всеми присутствующими, выпил несколько глотков чаю и простился со всеми. Прощаясь со мною, отец Иоанн взял у меня эту книжку, чтобы хорошенько ее проверить, благословил меня и уехал.

26 февраля 1901 г.

Сегодня дорогой отец Иоанн посетил меня. Я просила Батюшку помолиться, так как у меня сильно развился ревматизм; он благословил меня, взял обе мои руки и крепко потер их, сказав уверенно: «Успокойся, дорогая моя, Бог милостив, эти боли пройдут, и ты не перестанешь действовать своими руками». Я пожаловалась отцу Иоанну, что страшно возмущаюсь студенческими беспорядками³⁵ и горько плачу, что на свете все стало так плохо и я ничего не могу понять из того, что творится; одно только порадовало меня, сказала я, — это отлучение Святейшим Синодом Льва Толстого от Церкви³⁶. Отец Иоанн сказал, что и он этому от души порадовался и всем сердцем возблагодарил Господа и добавил, что давно этого ожидал. За молебном усердно молился, все время стоя на коленях, и со слезами просил у Господа исцеления мне и другим. Освятив воду, окропил обильно мои больные руки, дал всем приложиться ко кресту и прошел в столовую, где поговорил со всеми присутствовавшими и обла-

скал их. По моей просьбе Батюшка принял от меня подризник, сказав, что он ему очень нравится по легкости своей. Прощаясь с Батюшкой, я поклонилась ему в ноги, благодаря его за посещение, и от всего сердца поцеловала его благословляющую руку. Мучительные боли рук у меня прошли, и я возблагодарила Господа за Его милость ко мне.

10 марта 1901 г.

Сегодня Батюшка служил в Сокольниках обедню и говорил такое слово: «Жестоко ошибаются все те, кои думают, что верят в Господа, считая Его не Сыном Божиим, воплотившимся и пришедшим спасти нас, а необыкновенным человеком, и восхваляют Его добродетели, не признавая в Нем Божества. Они жестоко будут наказаны и подвергнутся вечным мучениям... И как только они не хотят понять, какие страшные муки претерпел Сын Божий за нас! Кроме страшной Крестной смерти, сколько Он внутренне перестрадал, мучаясь за грехи наши, и как болел душою, видя такое упорство и нежелание исправиться! Как бы Он мог все вынести, что вынес, если бы Он был простым человеком? Какие готовят себе муки неверующие... Не слушайте вы ложных учителей, взявших на себя почему-то право учительствовать, таковые уже погибли, в особенности же один самозванный проповедник³⁷. Больно и тяжело видеть, как сильно упала наша вера и развелось столько сект. Умоляю вас, не слушайте никого, оставайтесь приверженцами православной веры и Церкви, устроенной Самим Господом Иисусом Христом и распространенной чрез святых апостолов. Знайте и верьте, что все оставившие ее строго будут наказаны Правосудным Богом и подвергнутся таким мукам, о каковых и понятия-то никто не может иметь. Душа бессмертна, ей предстоит вечная жизнь; если она верует, то какое блаженство, какая награда ожидает ее за добродетельно прожитую жизнь; если же она заблуждалась, то какие ни с чем не сравнимые муки, вечные, от которых уже нет избавления! Умоляю вас, удаляйтесь от всяких сект, коих развелось такое множество! Верьте в Сына Божия Иисуса Христа, любите Церковь, исполняйте ее веления, и Господь вас наградит...»

Я насилу выстояла обедню: у меня очень разболелся глаз от попавшего в него комка снега. Я причастилась, приложились ко кресту и поскорей поехала домой, чтобы встретить у себя доро-

гого отца Иоанна, который обещал навестить меня. Отец Иоанн прибыл и очень участливо отнесся ко мне; когда я пожаловалась на боль в глазу: «Не тревожься, это пустяки и пройдет», — сказал он. За молебном горячо молился и, освятив воду, промыл ею мне глаза и сам вытер полотенцем, повторяя: «Не бойся, — маленькое воспаление, все пройдет». Затем прошел в мой кабинет и там побеседовал со мной. Я сказала дорогому Батюшке, что все эти забастовки, эти волнения и недовольства всем — прямо измучили меня, я нахожу все это ненормальным и незаконным, что настроение мое близко к отчаянию и я до того одинока в моих взглядах и мыслях, что мне начинает казаться, не схожу ли я с ума. Отец Иоанн на это сказал: «Волноваться и возмущаться неправдами — это твой крест, и нужно его нести с полной покорностью воле Божией, — и в утешение прибавил: — Не думай, что ты одна так волнуешься, знай и верь, что есть еще люди, преданные Господу, которые усердно молятся, чтобы Господь послал просветление умов и успокоил все мятущееся».

Я передала Батюшке, что Его Высокопреосвященство митрополит Антоний тоже нашел верным мой взгляд на книгу священника Петрова и сказал, что она написана не в православном духе. Отец Иоанн благословил мне провести лето у матушки Антонии в Орле и прибавил: «А тосковать не нужно». Затем прошел в столовую, присел к столу и побеседовал с присутствующими. Разговор зашел о Льве Толстом. Батюшка произнес: «Какая страшная ересь — толстовщина, сколько она уже принесла неправд и вреда и что всего грустнее, — он сам так обольщен поклонением своих почитателей, что даже нет надежды на то, чтобы он когда-нибудь образумился и покался; Господь его не простит и не миновать ему вечных мук». Затем отец Иоанн прибавил: «Но, слава Богу, есть еще защитники православной веры, которые борются с этим ложным учением». Пока Батюшка был у меня, глаз мой совсем прошел, и я от всего сердца поблагодарила отца Иоанна. Он сказал: «Смотри только, не тоскуй и не вздумай унывать, положишься на волю Господню», — поднял меня с колен, благословил полным крестом и уехал.

17 апреля 1901 г.

Побывав у Троицы и познакомившись с делом, которое мне предлагают, я решила, что нужно хорошенько переговорить с Батюшкой и потому попросила у него телеграммой благо-

словения выехать ему навстречу в Клин. Батюшка благословил, и я в условленное время, в Клину, села в поезд и вошла в вагон отца Иоанна. Он встретил меня радостно и сказал: «Здравствуй, моя дорогая, очень рад тебя видеть, как поживаешь? Садись-ка возле меня и поговорим». Я сказала, что очень много терплю неприятностей за это время и много нагрешила, что мне ужасно хочется исповедаться у Батюшки и причаститься Святых Таин. Он отвечал: «Если ты хорошо приготовилась, сознала свою вину и раскаялась, то я с удовольствием тебя исповедую». Сейчас же надел епитрахиль и, положив крест и Евангелие, продолжал: «Ты знаешь, какое великое дело исповедь? Видишь крест и Евангелие? Помни, что ты предстоишь пред лицом Самого Господа, открой всю твою душу без малейшей утайки, и Господь по Своему неизмеримому милосердию простит тебе все; но ты должна исправиться, в чем погрешила, и больше к этому греху не возвращаться». Затем отец Иоанн положил мне свою руку на плечо и предлагал разные вопросы, говорил со мною так ласково и добро, что я всю душу свою излила ему; произнес: «Прощаются тебе все твои грехи, — накрыл епитрахилью со словами: — Я, недостойный иерей, властью, мне Господом данной, разрешаю», — и дал приложиться ко кресту и Евангелию. Потом посадил рядом и стал продолжать разговор. «Как мне жаль, что ты терпишь такие огорчения; но, что делать, — это крест твой, надо его нести спокойно и стараться почаще проверять себя и каяться... Молишься ли ты? И хорошо ли молишься?» — говорил отец Иоанн. Я отвечала, что Господь почти каждый день посылает мне молитвенное настроение и слезы покаяния и благодарности. Батюшка так и просиял весь; видно было, что он сейчас внутренне благодарит за меня Господа. Я подала Батюшке письмо и попросила его помолиться за моего племянника. Отец Иоанн прочел письмо и сказал: «Хорошо, помолюсь, а ты выйди на минутку и позволь мне помолиться», — благословил меня и поцеловал в голову; я вышла совершенно успокоенная, довольная и счастливая, что видела Батюшку таким чудным и милостивым.

Немного погодя вышел псаломщик отца Иоанна и, притворив дверь Батюшкиного купе, предложил мне посмотреть, как Батюшка молится; я увидела, как отец Иоанн, стоя перед окном и возведя очи к небу, молился со слезами, внутренне, без слов, и я всем своим существом почувствовала, что он молится обо мне и о Васе; мне было так хорошо, что я желала бы, чтобы его молит-

ва не прекращалась, и хотела бы с этим блаженным чувством умереть... Батюшка окончил молитву, обернулся и, заметив меня, ласково опять пригласил сесть к нему и спросил, когда я поеду в Орел. Я отвечала, что если он благословит, то отправлюсь завтра же; затем спросила, как он прикажет мне проводить лето, как прежде, или нужно исполнять какие-нибудь монашеские правила? Отец Иоанн сказал: «Нет, живи по-прежнему, присматривайся, приглядывайся, но сама на себя ничего не налагай». На мой вопрос, благословляет ли мне принять на себя предлагаемое мне попечительство у Троицы, отец Иоанн уклонился от прямого ответа и сказал: «Теперь поживи лето у твоей матушки, а там увидим; я боюсь, что ты не выдержишь, слишком ретиво возьмешься за дело, — ну, да там увидим». Подъезжая к Москве, Батюшка благословил меня, сказав, что едет служить обедню у слепых, и попросил меня взять с собою одну особу, которая сопровождала его в Москву; я с удовольствием исполнила эту просьбу и нашла в лице своей неожиданной спутницы такую же искреннюю почитательницу Батюшки. Перед причащением отец Иоанн произнес небольшое слово, в котором коснулся и Толстого; он сказал, что должно считать Толстого еретиком, за которого и молиться не следует, так как он все равно никогда не образумится, и можно думать, что его постигнет страшная и лютая кончина, какой еще никто не видал... Я причастилась у Батюшки Святых Таин и, когда прикладывалась ко кресту, получила от него поздравление с принятием Святых Таин; затем проводила Батюшку на станцию, он сел в вагон и сказал на прощание: «Так ты завтра едешь в Орел! Да благословит Господь твою поездку, ты там пробудь до августа», — благословил меня и уехал.

9 августа 1901 г.

Я провела все лето в Орле, приобрела много полезного там для своего самоисправления и к 1 августа благополучно вернулась. Сегодня же по благословению Батюшки выехала навстречу ему в Клин и дорогой рассказала ему все, что вынесла из наблюдений монастырской жизни; сказала, что нашла там мало духовности, что монахини поглощены заботами о насущном хлебе, сама матушка всё в суете о постройках и ремонтах; нет настоящих стариц, с которыми можно бы было посоветоваться духовно. Отец Иоанн подтвердил это и сказал: «Правда,

в нынешних монастырях пропадает духовность, что крайне грустно, а все же монастыри нужны». На мой вопрос: «Неужели же матушка Антония, с лишком пятьдесят лет подвизавшаяся, за то, что должна предаваться этой суете, не получит должного воздаяния за все труды и подвиги?» — отец Иоанн отвечал: «О нет, Господь милосерд, и все это Он причтет, а за теперешнее простит при одном искреннем покаянии, — помнишь разбойника, который ничего хорошего не сделал, а только благодаря искреннему покаянию попал в рай¹⁾, — у матушки Антонии много смирения, а ты знаешь, какая это великая добродетель! — и вдруг прибавил: — А ведь ты могла бы быть хорошей игуменией...» На мое заявление, что я этого вовсе не желаю, так как игуменство связано со страшною ответственностью, не только за себя, но за всех сестер перед Страшным Судом, Батюшка сказал: «Каждый грешащий сам за себя ответит, а игуменья должна будет отвечать за всякие упущения, за то, что не досмотрела, могла устранить и не устранила»; я заметила: «А ведь, пожалуй, если бы я была на матушкином месте, пожалуй, тоже захотелось бы улучшать благосостояние монастыря не только духовно, но и материально». Отец Иоанн улыбнулся и весело сказал: «Очень может быть, что это так и будет», — и стал молиться внутренне.

Исповедуя меня, Батюшка так сердечно произнес эти слова: «Прощаются тебе все твои грехи», — что мне стало как-то необыкновенно легко и какое-то особенное, счастливое чувство охватило всю меня. Затем, посадив возле себя, отец Иоанн сказал мне: «Судить чужие поступки — великий грех, так как от нас сокрыто, что в человеке, каков его дух! Судить может только один Господь, а мы своим судом как бы врываемся в область Божию и, конечно, этим прогневаем и оскорбляем Господа; нам необходимее всего судить самих себя, вглядываться в свои проступки, разбирать и проверять свои мысли, а все другие сами за себя отдадут отчет Господу...» Я сказала Батюшке, что стараюсь ловить свои мысли, на что он отвечал: «И прекрасно делаешь, — наружное и внутреннее в человеке бывает совершенно различное». Я спросила, на верном ли пути стоят те, кои на вид вполне благочестивы, молятся усердно, на устах у них постоянно имя Господне, а все дела делают по своей воле? И получила в ответ: «У кого нет послушания, тот не то, за кого он себя выдает,

¹⁾ См.: Лк. 23, 40–43.

и тот не угоден Господу. Послушание — это первое, что должно иметь, вступая на путь исправления»; затем прибавил: «Вот я на себе вижу, как исполняется заповедь Господня, — дающего рука не оскудевает, — вот, только что выдал бедняку двадцать пять рублей, как Господь послал опять двадцать».

В это время поезд остановился у дачной платформы и к Батюшке стали подходить за благословением; какой-то купец, подбежав к окну, закричал: «Ах, дорогой Батюшка, здравствуйте, благословите меня ради Бога, еду к Варнаве³⁸», — отец Иоанн благословил и поцеловал его, а тот подал ему два золотых, и как Батюшка ни отказывался, купец со слезами упросил его взять, говоря: «Ради Христа, возьмите, ведь вы сейчас найдете им должное употребление». Я опять спросила, прикажет Батюшка мне взять предлагаемое место у Троицы или нет, и добавила, что для меня все в его благословении, — как прикажет, так тому и быть. Он выслушал меня и с доброй улыбкой сказал: «Они отлично поняли, кого в тебе приобретут, их выбор действительно хорош; но все же скажу тебе, — живи, как живешь, из тебя может выйти хорошая игуменья». — «Можно ли, — спросила я, — продолжать дружеское знакомство с теми, кои сделались ярыми последователями Толстого?» Отец Иоанн ответил так: «В Послании апостола Иоанна сказано: *Кто приходит к вам и не пребывает в учении Христовом и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его. Ибо приветствующий его участвует в злых делах его*¹⁾, — и я думаю, лучше не иметь никаких сношений с людьми, открыто заявляющими себя толстовцами или другими какими отступниками Христа, и не сообщаться с ними совсем, — и прибавил: — Ты, слава Богу, хорошо понимаешь слова Господни и стой на своем пути, помни слова Иисуса Христа: *иго Мое благо и бремя Мое легко есть*²⁾». Я ответила: «И воистину легко и приятно»; Батюшка радостно посмотрел на меня и поцеловал меня в голову. Потом вдруг лицо его омрачилось грустью, и он сказал: «Как много в высшем интеллигентном обществе отступников Христовых, как жаль, что они погибают». — «Да неужели же Господь не образумит их?» — спросила я. «Господь старается образумить, все делает, чтобы привлечь их к Себе, но, как видишь, не слушают...» — возразил отец Иоанн.

¹⁾ Ср.: 2 Ин. 1, 10, 9, 11.

²⁾ Мф. 11, 30.

В это время мы подъехали к Москве; Батюшка благословил меня и поехал служить обедню в Иверскую общину.

Отец Иоанн, как всегда, служил с большим благоговением и сказал слово, в котором опять коснулся Толстого; он говорил, что Толстой сам отлучил себя от Церкви, и потому весьма удивительна его злоба на Святейший Синод. Заблуждения его так велики, что его можно сравнить с Иудой предателем: тот предал Господа из-за сребролюбия, а граф предает Господа из-за гордости, желая приобрести себе общую, всемирную популярность. Отец Иоанн просил всех избегать учения Толстого как самой страшной язвы, ведущей в неминуемую погибель и вечные мучения; убеждал не верить, чтобы какие бы то ни было учения могли уничтожить Православную Церковь и христианство. «Как сказал Спаситель, что *врата адовы не одолеют ее*¹⁾, так оно и будет, а только идущие против христианского учения и желающие погубить Церковь сами погибнут и подвергнутся вечным мучениям...» — закончил отец Иоанн свое слово.

Когда Батюшка уезжал, к нему подвели какую-то порченную женщину; он, дотронувшись до ее головы, велел ей перекреститься и произнес: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа»; она беспрекословно выполнила это. Тогда он положил ей руки на голову, благословил и сказал: «Не тревожься, Бог милостив, и ты будешь здорова». Затем простился со всеми провожавшими, благословил нас и ушел в вагон.

Я вернулась домой и застала у себя гостя, полковника С., который нарочно остался дожидать меня, чтобы рассказать мне о чуде, которое совершил дорогой Батюшка, будучи 29 августа на освящении Суворовской церкви в селе Кончанском³⁹. Он рассказал следующее. Во время обеда в здании Суворовской школы двое крестьян внесли совсем бесчувственную, разбитую параличом женщину; за ними шли две бабы, которые бросились в ноги отцу Иоанну и стали вопить: «Спаси, Батюшка!» Отец Иоанн живо встал из-за стола и спросил, что с больною; пришедшие объяснили, что это их родственница, которая уже седьмой год лежит недвижима. Узнав, как ее зовут, Батюшка сказал: «Погляди на меня, Авдотья!» Родные ее объяснили, что уже три года она не открывает глаз, но Батюшка еще несколько раз повторил свое приказание, и больная открыла глаза. «Перекрестись», — ска-

¹⁾ Мф. 16, 18.

зал Батюшка; рука больной зашевелилась, но перекреститься она могла только после третьего приказания. «Обними меня», — приказал он; и тоже, после нескольких повторений приказания, больная рукой обняла шею Батюшки и повисла на нем. Он стал гладить ее голову, произнося тихо молитву, и затем приказал ей встать: больная выпрямилась, крестьяне хотели ее поддержать, но Батюшка велел им оставить ее. Принесенная полчаса тому назад полумертвая женщина встала перед отцом Иоанном. Он сказал ей: «Иди и молись», — и больная медленно неровною поступью без посторонней помощи вышла из комнаты. Рассказав это, мой знакомый обратился ко мне со следующими словами: «На всех присутствовавших этот случай произвел потрясающее действие, и я, зная как вы почитаете отца Иоанна, нарочно дождался вас, чтобы сообщить вам, что с этого времени и я делаюсь его почитателем».

31 октября 1901 г.

В течение этого месяца Батюшка четыре раза приезжал в Москву, два раза был у меня, служил оба раза молебны, был добр и ласков ко мне. Так же приветливо отнесся к моему племяннику, промыл его глаза святою водою и дал ему хороший совет, как нужно жить, чтобы выйти хорошим человеком и честным исправным воином (у племянника так сильно болели глаза, что я опасалась полной потери им зрения, после же молитв отца Иоанна боль прошла совсем и зрение у него сохранилось до конца его жизни). Так как мой племянник вышел неудачником в жизни, то это доставляло мне очень много забот. Я просила отца Иоанна помолиться Господу об исправлении моего племянника, чтобы он перестал пить, играть в карты и делать долги. Батюшка обещал молиться и сказал, что тут трудно что-нибудь советовать, а вся надежда только на Господа; мне же советовал не мучиться с ним, оставить его в училище, а самой ехать на время в Орел к матушке Антонии (она прислала отцу Иоанну письмо, в котором просила его благословить меня пожить у нее в Орле).

Батюшка сильно возмущался речью Стаховича о свободе совести, произнесенною им на Орловском миссионерском съезде⁴⁰. Батюшка говорил, что только анархист может требовать свободы совести или воли, ибо это значит требовать полной разнузданности. Сегодня за обедней он сказал слово, все направленное

против речи Стаховича; он говорил так: «Чистая хорошая совесть находит свое удовлетворение в делании добра, в полном повиновении властям, начальству, родителям и наставникам, а злая никого знать не хочет. Толстой проповедует полное неповиновение власти и Церкви. А между тем Церковь — это наше спасение, в ней мы почерпаем силы на борьбу с несчастием и горестями, получаем терпение, научаемся покорности воле Господней. Где найти утешение? А когда его не находят, то и обращаются к своей злой воле, и что она прикажет, то и делают — или других убивают, или себя лишают жизни... Так вот, друзья мои, берегитесь этих людей, Толстого и многих других, не слушайте их речей, а любите Церковь, исполняйте заповеди и все предначертания Церкви и приготовляйтесь к Царству Небесному и вечному блаженству. Не забывайте Господа, и Господь вас не забудет». Сегодня Батюшка вторично советовал мне пожить в орловском монастыре у матушки Антонии, сказал, что благословляет меня на это, и обещал вызвать меня к себе в подворье, как только оно будет готово. Я сердечно поблагодарила отца Иоанна за его решение взять меня к себе и простилась с ним.

15 ноября 1901 г.

По благословению дорогого отца Иоанна выезжала в Клин, чтобы поговорить хорошенько с ним о том, не благословит ли он мне теперь же принять монашество. Батюшка встретил меня очень ласково, посадил возле себя и спросил, что я скажу. «Разве вы не сочувствуете моему желанию вступить в число монашествующих?» — ответила я вопросом. Батюшка сказал: «О нет, вполне сочувствую, только не надо торопиться». — «Вы тоже думаете, что в монастыре можно лучше спастись?» — спросила я. «Без сомнения, — отвечал отец Иоанн, — а для тебя это еще и потому лучше, что ты уже давно приготавливаешься и для тебя в мире нет уже ничего привлекательного, а потому и нечего его жалеть. И я благословляю тебя постричься, но только не теперь. Теперь же я тебе советую поступить так: приезжай 7 декабря в Петербург и хорошенько осмотри все мое подворье, остановись на моем подворье или на Леушинском, уж я это как-нибудь устрою; 17 декабря я думаю освятить маленькую церковь⁴¹. Затем на лето поезжай в Орел, а постригаться еще погоди; приготовляйся к сему... Сегодня причастись у меня, если ты приготовилась».

Я сказала, что очень хочу причаститься и подготовилась к этому. Тогда Батюшка исповедал меня, дал надлежащие советы после исповеди и продолжал беседовать со мной. «Как люди все понимают по-своему, — сказал он, — и все переиначивают: мои советы и разрешение почаше приобщаться сделали то, что мне теперь нередко приходится отказывать в этом, потому что многие вздумали приобщаться чуть не каждый день. Я нахожу, что этого нельзя. Мы — священнослужители — приобщаемся, мы иначе не могли бы и служить. Страшно тяжело становится жить, как-то понятия у всех извратились, по всему видно, что последние времена наступают, — надо готовиться к переходу туда...» — говорил отец Иоанн.

Затем спросил, много ли я читаю священных книг. Я отвечала, что постоянно читаю, стараюсь поучаться из них, все, что особенно меня трогает, выписываю и вообще хорошо себя чувствую, когда сижу одна дома.

«Ты поняла, что весь мир заключается в человеке и все удовлетворение в самом себе, а не во внешнем мире...» — сказал мне Батюшка.

«Я так верю в вашу молитву, дорогой Батюшка, что когда молюсь о вас, то мне иногда чувствуется, что и вы молитесь обо мне, и тогда у меня бывает особенно радостно на душе». Он согласился с этим: «Да, это часто бывает, когда один молится, другому это передается — или сном, или чувством».

Затем разговор опять перешел на монастырь; Батюшка сказал, что там и легче, и удобнее спастись, нужно только с удовольствием и охотно исполнять все послушания. «А какую пользу можно принести, хорошо управляя монастырем и наставляя монахинь...» — прибавил он. Когда же я заговорила об огромной ответственности управления монастырем, отец Иоанн возразил: «Ничего не трудно с твердою верою, благодать Господня будет поддерживать и подкреплять».

Поезд подошел к станции; Батюшка благословил мне в следующий его приезд сопровождать его в Петербург и поехал служить в лицейскую церковь. В этой церкви я причастилась Святых Таин и прослушала слово отца Иоанна, произнесенное на Евангелие о беседе Господа с самарянкой¹⁾. Отец Иоанн, говоря об обещании Господа дать воду живую, обличал новейшие

¹⁾ См.: Ин. 4, 4–26.

книги и газеты, говорил, что они расшатывают умы юношей и взрослых; убеждал думать не только о чтении светских книг, но и духовных, так как без духовной пищи невозможно прожить на свете, не погибнув или не превратившись в животное, просил всех чаще читать Евангелие. После службы Батюшка посетил моего духовника, отца Николая, помолился о всех присутствующих и немного побыл там. Отец Николай выразил сожаление, что стало мало людей, выступающих борцами за Церковь. Батюшка подтвердил это и сказал: «Правда, и это ужасно грустно; и что еще всего обиднее: все точно оглупели, какое-то скудоумие напало». Затем, по обыкновению своему, утешил всех, благословил и уехал.

7 декабря 1901 г.

Отец Иоанн приехал сегодня, как раз в день, назначенный им для моего отъезда в Петербург на освящение церкви при Сурском подворье. Обедню служил Батюшка в Никитском монастыре; сказал небольшое слово о том, что *Церковь и адовы врата не одолеют*¹⁾, и о важности Таинства Святого Причащения. «Как можно сомневаться в истинности учения Христова и в силе значения Его Святых Таинств? — говорил отец Иоанн. — Я думаю, что каждый приобщающийся чувствует себя как бы на небе».

Я причастилась и получила от Батюшки благословение в покоех игуменьи, к которой он зашел от обедни. Поздоровавшись со мной, отец Иоанн сказал: «Если ты собралась ехать сегодня на освящение моей церкви, то поедem со мной». Я обрадовалась и от всего сердца поблагодарила Батюшку. Мне удалось достать место в одном вагоне с ним, и я отлично устроилась там в купе с одной дамой. Как только поезд тронулся, Батюшка прислал за мной своего псаломщика и, хотя выглядел сильно утомленным, все же был в прекрасном расположении духа, ласково встретил меня и спросил: «Ну, как же ты устроилась?» Я отвечала, что меня не знают в Леушинском подворье и вряд ли там будет место. Тогда он сказал: «Да, лучше всего поезжай прямо в мое подворье»; на заявление псаломщика, что там еще не готово и сыро, не обратил внимания и упорно стоял на своем, чтобы остановилась там и пожила до освящения им церкви. Я простилась с Батюшкой, он благословил меня и пожелал мне спокойной ночи.

¹⁾ Ср.: Мф. 16, 18.

Наш вагон во время всего пути отчаянно трясло, и моя соседка очень боялась, что случится несчастье; меня тоже мучила эта тряска, — невозможно было ни сидеть, ни лежать, но я была спокойна, будучи уверена, что при Батюшке ничего не случится. Так мы провели всю ночь не сомкнувши глаз.

В семь часов утра псаломщик позвал меня к отцу Иоанну, который принял меня еще радушнее, чем накануне, написал записку в Леушинское подворье, чтобы приняли меня там, и разговорился со мной о пользе монастырей; особенно хвалил он монастыри западного края, сказал, что он им много помогает, в особенности Теолинскому⁴², которому он передал уже более двадцати тысяч рублей, сказал, что они терпят большую нужду, и при этом назвал монахинь этих монастырей ангелами во плоти. Затем заговорил о тяжелом положении, в каком находится теперь наше общество, отказываясь от веры и поклоняясь только своим силам. Особенно сожалел Батюшка об упадке веры в самом духовенстве и сослался на слова Златоуста о том, что из священников не многие спасутся; выражал большое удивление, как это люди могут отрицать Таинство Причащения, как они сами не испытывают на себе присутствие благодати каждый раз, как только достойно приобщаются? Затем по моей просьбе объяснил мне Евангелие от Луки (16-я глава) о неверном домоправителе, который, будучи отрешен за неправильное управление имением от должности, всем должникам своего хозяина убавил их задолженность, и Господь сказал на это, что *сыны века сего мудрее сынов света*¹⁾.

Отец Иоанн разъяснил, что Господь вовсе не одобряет неправильную наживу, но эту притчею показывает, что мудрее неправильно нажитое богатство употреблять на добрые дела, нежели копить его или прятать, и самому не пользоваться, и другим не давать; сказал, что такие лица, раздавая разумно, все же приобретают себе молельщиков и в этой еще жизни получают некоторое удовлетворение, да и в будущей, хотя небольшое, да получают за молитвы тех, коим помогли. И прибавил: «Господь все простит, только искренно покайся. Даже если и Лев Толстой покается теперь, то и его простит Господь; но только от него нельзя этого ожидать, он не покается, гордость ему помешает». Батюшка выразил сожаление о том, что большинство нынешних писателей, описывая в своих произведениях все противное вере и рели-

¹⁾ См.: Лк. 16, 1–8.

гии, в этом своем занятии сами доходят до того, что теряют веру, и так мнят о себе, что выше себя не считают никого, и указал, как пример — С., который 20 лет уже не был у исповеди. «Вот несчастные-то, и себя губят, и других ведут в ад...» — добавил он. На мой вопрос, что ожидает тех, которые по недостатку умственного развития не понимают, где есть правда, и грешат, отец Иоанн ответил: «Господь вложил в каждого сердце и совесть, и потому каждый грешащий ответствен перед Господом».

Заговорили об орловском предводителе дворянства Стаховиче по поводу его речи о свободе совести, и я сказала, что в Орле распространился слух о том, будто вы, Батюшка, похвалили эту речь. Отец Иоанн взволновался и сказал: «Кажется, я везде порицаю Стаховича и мои проповеди печатаются, как же могут говорить подобную ложь?» Я на это заметила: «Теперь предстоят выборы, он боится быть забаллотированным; большинство мелких дворян, сидя в деревне, не слышали его речи и, узнав, что она одобрена вами, поверят, что она хороша, и будут на стороне Стаховича». Батюшка согласился с моим мнением и сказал: «Да ведь правда удивительно, как мое имя привлекает народ: как бы я ни старался укрыться, всюду проведаят, и везде-то я окружен. Мне приятно, что я могу быть полезен, и не знаю, как и благодарить Господа, что Он помогает мне удовлетворять разные нужды людей».

Я спросила: «А сами-то вы желаете жить? Не надоела вам жизнь?» Батюшка отвечал: «О да! Я хочу жить, видя себя постоянно окруженным; я сознаю, что я им нужен, и это заставляет меня любить жизнь». Так мы доехали до Петербурга. Отец Иоанн велел мне приезжать к 12-ти часам на его подворье, обещал сам туда приехать, благословил меня, и мы пока простились. Я проехала на Леушинское подворье; там мне сказали, что помещения у них нет, но, благодаря Батюшкиной записке, поместили меня в приемной зале, дали мне монашенку, которая и отправилась со мной на Сурское подворье. Так как я не догадалась попросить у Батюшки записку и сюда, то меня долго не пускали, заставляя стоять у ворот, пока моя монашенка не сообщила им обо мне, о моей записке от отца Иоанна и о том, что он сам приедет в 12 часов сюда. Тогда ко мне вышла за ворота настоятельница; с ней вышла и благочинная, уже почтенная и совсем простая; поговорив со мной на улице, они меня отправили к одной монахине, которая повела меня посмотреть церковь и другие постройки; тут мы встретили настоятельница, и она пригласила нас в свою сто-

ловую, но как только мы вошли, она ушла и оставила меня одну. Мне как-то сразу почувствовалось, что я тут нежеланная гостья, и мне стало очень тяжело. Так я просидела одна почти до самого приезда Батюшки. За пять минут до него пришла настоятельница и стала расспрашивать о моей жизни, но нам не много пришлось поговорить, — привезли колокол, собралось несколько почитателей отца Иоанна, затем приехал он сам, не входя в покои, пошел осматривать постройку; затем, войдя в столовую и увидав меня, ласково поздоровался и представил меня настоятельнице, сказав: «Мать Ангелина, рекомендую тебе Е.В. Д., это моя старая знакомая и прекраснейший человек», — хотел еще что-то сказать, но его отозвали в ризницу. Как только он вернулся, сейчас же усадил меня возле себя, налил стакан чаю и, подавая его мне, сказал: «Ведь ты еще ничего не кушала, выпей на здоровье», — и только что хотел и сам выпить чаю, как его отвлекли, все приходили с разными вопросами касательно освящения церкви...

Вдруг он обратился ко мне: «Ну что, нравится тебе, Е.В.?»

Я ничего не могла ответить, до того этот вопрос был для меня неожиданным, и только спросила: «Где благословите мне быть? В Леушинском нет места, а здесь, говорят, сыро». Отец Иоанн горячо возразил: «Что за вздор, что сыро? Топите хорошенько, и будет сухо! Помещайся здесь и живи...» Но, вероятно, на моем лице отразилось недовольство, и он вдруг прибавил: «Впрочем, ведь у тебя есть своя воля, делай, как тебе нравится!»

Я поспешила ответить: «Ведь вы, дорогой Батюшка, давно знаете, что у меня нет своей воли, да я и не хочу ее иметь, пусть будет все так, как вы прикажете».

Ответ мой понравился Батюшке, и он опять очень ласково сказал: «Ну так и оставайся тут, помогай им в трудах, вот тебе и занятие, а то ведь так-то, без дела, скучно».

В это время к нему подошел какой-то священник, приехавший из Сибири, зараженный, как оказалось, толстовским учением, и очень просил Батюшку поговорить с ним; он сказал, что посетил многие монастыри и нигде не мог найти удовлетворения своей мятущейся душе. Отец Иоанн спросил, что с ним и чего он ищет, и, услышав, что он потерял веру, увел его в другую комнату и там довольно долго беседовал с ним.

Когда Батюшка уехал, матушка Ангелина пригласила меня к своему столу и затем предложила поместиться у той монахини, к которой меня провели раньше.

17 декабря 1901 г.

Все это время я пробыла на Сурском подворье, присматривалась, много поговорила со своею монахиною и услышала, что и ее не удовлетворяет монашеская жизнь, хотя уже девять лет, как она живет здесь. Я тоже слышала жалобы, как трудно управлять монастырем, когда господствует фарисейство, лесть, ложь и еще доносы; все это подтверждало мой взгляд, и чем больше я всматривалась, тем сильнее во мне росло чувство нерасположения к монашеской жизни. Отец Иоанн приезжал каждый день и всегда был очень ласков и внимателен ко мне. Целыми днями приезжали разные благотворители и делали различные пожертвования, — массу сервизов, самоваров, холста, превосходные облачения. Меня посетил племянник моего мужа и был очень счастлив, что ему удалось повидать Батюшку и получить благословение; особенно же его тронуло то внимание, с каким Батюшка относился ко мне. Так как в комнате, да и везде, все-таки было довольно сыро, то мой ревматизм дал мне себя знать, — у меня сильно разболелись руки и ноги, и я уже боялась, что, пожалуй, не смогу быть на освящении.

Вчера дорогой отец Иоанн приехал часа в три и, встретившись со мною, внимательно посмотрел на меня и спросил о моем здоровье; я пожаловалась, что от боли всю ночь не спала. Батюшка крайне участливо отнесся к моему горю и крепко потер мои руки. Затем прошел во вновь устроенный и прекрасно омеблированный каким-то жертвователем кабинет и позвал меня, говоря: «Посмотри, как тут хорошо!» — но видя, что я болею, похлопал меня по плечу, еще потер руки и, чтобы утешить меня, дал мне просфору, на которой сам служил; этому я сильно обрадовалась, так как давно желала получить от него просфору, но он мне никогда не давал, сегодня имела в мыслях сама попросить его об этом, и вдруг он угадал мое желание. Я поцеловала его руку и сказала, что он исполнил мое давнишнее желание, угадал мою мысль. Затем Батюшка куда-то съездил, так что всенощную начали служить без него; он вернулся в 7 часов и сам прочел с особенным чувством и воодушевлением Евангелие. По окончании всенощной, которая вышла очень торжественной, народу набралась масса и толкотня была изрядная. Я, слава Богу, выстояла всю всенощную и приложилась к Евангелию. По молитвам отца Иоанна мои боли утихли и не мешали мне молиться.

По окончании службы Батюшка прошел в помещение настоятельницы; там его встретило много народу, а приезжие из Москвы поднесли ему белые розы. Меня как-то толкнули так, что я очутилась около Батюшки и мне пришлось сесть к столу возле него; я испугалась, как бы мне не очутиться не на своем месте, и взглядом спросила об этом Батюшку. Он в ответ налил мне рюмку хересу и, подавая мне первой, сказал: «На тебе, моя дорогая старая знакомая, выпей на здоровье», — и этим, как хозяин, утвердил меня на моем месте; затем подал вино и всему духовенству, сам отпил немного чаю из стакана и подал его мне; угостил всех, простился и ушел к себе в кабинет, где и переночевал. Уходя, подозвал меня к себе, благословил и, пожелав спокойной ночи, подержал свои руки на моей голове. Не знаю, что со мной случилось, только я, вернувшись к себе, расплакалась, мою душу охватило какое-то чувство, о котором я и сама не умею дать себе отчета, только оно было не радостное...

Сегодня я всю ночь не спала от боли в руке и в семь часов пошла вместе с матушкой Ангелиной к отцу Иоанну в кабинет, но, боясь войти, остановилась в дверях; Батюшка увидал и подошел ко мне, поздоровался, выразил большое сожаление, что у меня разболелась рука, и сказал: «Давай я полечу»; похлопал и потер руки, поинтересовался, как я провела ночь, и узнав, что не спала совсем, видимо опечалился и произнес: «Это уже совсем нехорошо». Потом немного прокатился с настоятельницей, вернулся к концу водоосвящения, и служба началась.

Батюшка сказал слово, обращенное к монахиням, о том, как они должны всегда благодарить Господа, что у них уже устроился храм, как они должны служить Ему, избегать фарисейства и всякой лжи и неправды, быть снисходительными друг к другу, любить всех и всем стараться угодить. Затем обратился к архитектору, выразил ему свою благодарность, что так скоро выстроил храм и монастырь⁴³, и, наконец, глубокую благодарность жертвователям. Всех, кто только пожелал, причастил и всем сам дал приложиться ко кресту. Служба совершалась очень торжественно. Когда отец Иоанн пришел из церкви, я подошла к нему, поклонилась в ноги и поблагодарила за доставленное мне счастье быть на освящении; он поднял меня, сказав, что он очень рад моему присутствию при таком радостном событии, и благословил меня по моей просьбе на возвратный путь в Москву. Затем прошел в трапезную, где был приготовлен обед на 150 человек.

Тут его встретили настоятельница и священник монастырский отец Владимир⁴⁴, поднесли икону от монастыря, и последний произнес речь, но очень напыщенную, в которой чувствовалось отсутствие искренности, а отдавало фальшью. Мне указали место против отца Иоанна. Дорогой Батюшка благословил трапезу, налил себе вина в рюмку, неожиданно встал и отлил половину в мою рюмку, сказав: «За твоё здоровье, дорогая Е.В.», — и при этом наградил меня таким ласковым чудным взглядом.

Сидевший рядом протоиерей Филолаев⁴⁵ сказал отцу Иоанну очень сердечное искреннее слово о том, что и теперь чудеса продолжают, чему служит доказательством столь неожиданное и столь быстрое возникновение, по молитвам Батюшки, на пустыре такого чудного здания, как это подворье и церковь. Батюшка всех угостил вином, угощал фруктами, сам раздавал — кому апельсин, кому яблоко, кому ветку винограда; потом, поблагодарив всех жертвователей и участников трапезы, ушел к себе.

Переодевшись, спросил чаю и, увидав меня, подозвал и сказал: «Ну вот, слава Богу, в самом начале ты помолилась с нами» — и, обняв меня при этом, очень участливо спросил, как я себя теперь чувствую. Я отвечала, что, слава Богу, отстояла все службы, но руки и ноги болят. Он пристально поглядел на меня и сказал: «А выглядишь ты, слава Богу, хорошо, вид у тебя совсем хороший». Я на это ответила: «Родной Батюшка, ведь я только вашими молитвами и живу и сама удивляюсь, как это я сегодня все выдержала».

Отец Иоанн радостно сказал: «Ко мне милостив Господь не по заслугам моим», — сказал он, положив руку свою мне на плечо. Узнав, что я собираюсь уезжать домой, Батюшка благословил меня на путь мой, простился и уехал.

По отъезде Батюшки я вернулась к себе с душою, переполненною благодарностью к нему за всю ласку и внимание ко мне, ничем этого не заслужившей; сходила к матушке Ангелине, поблагодарила ее за гостеприимство и стала прощаться, но она уговорила меня пробыть еще до 19-го и причаститься у Батюшки, который приедет и отслужит обедню.

19 декабря 1901 г.

Я приготовилась к Святому Таинству и исповедалась. Отец Иоанн приехал и отслужил обедню; хотя и была большая

толкотня, но мне, слава Богу, удалось приобщиться. Батюшка сказал слово о том, с каким страхом и какою глубокою верою должно приступать ко Святому Причащению, и как страшно грешит тот, кто решается приступать к нему не приготовившись. Говорил с особым дерзновением и указал на Льва Толстого, что он отлучен от Церкви за то, что не признает этого Таинства и что так же отлучатся Господом все последователи Толстого, которые не веруют, что в каждой частице Святых Таин присутствует Сам Господь и через Причащение входит и вселяется в человека, отчего на такового нисходит благодать; но она нисходит только тогда, когда к этому Таинству приступают с младенческою чистотой и твердою верою. По окончании службы я прошла к настоятельнице и там разговорилась с одной весьма симпатичной монахиней, от которой услышала, что все желающие поступить в монашество подвергаются всегда большим искушениям и им все представляется в дурном виде, потому что враг всеми силами старается отвлечь от этого пути.

Отец Иоанн ласково поздоровался со мной и поздравил с принятием Святых Таин. Я прошла за ним в его кабинет, попросив у матушки Ангелины позволения поговорить с Батюшкой. Я поклонилась ему в ноги и со слезами поблагодарила за все его внимание ко мне, но не удержалась и высказала, что мне невыносимо больно было видеть, что его окружают такие несимпатичные люди...

«А вы, дорогой Батюшка, трудитесь, не зная ни отдыха, ни покоя, — у меня вся душа изболелась, глядя на вас...» — добавила я. Он поднял меня с колен, поцеловал в голову и сказал: «Напрасно ты меня жалеешь, — они не мучают меня, они все желают спастись и все по-своему, как умеют, служат Господу; всех, кто только желает поступить в монастырь, я принимаю, не могу я им мешать в этом, — я должен всеми силами содействовать спасению их всех...» Затем еще раз поцеловал меня в голову и благословил. У меня не хватило духу сказать ему, что я отдумала поступать в монастырь; но, должно быть, по выражению моему Батюшка угадал это, потому что в трапезной во время обеда, усадив меня опять против себя, он вдруг обратился ко мне со словами: «А тебе, Е.В., ведь теперь уже не надо вина!» — и как-то особенно посмотрев на меня, прибавил: «Ну да, впрочем, на, выпей», — и подал рюмки... Сам же ничего не кушал, сказал только несколько слов с архитектором, но все время задумывался,

потом прошел по кельям и стал прощаться. Я опять поблагодарила Батюшку за все и поцеловала его руку; он погладил меня по голове, ласково простился и благословил на дорогу. Я вернулась к себе, поблагодарила приютившую меня монашенку, уложилась, сходила к настоятельнице проститься и поблагодарить и ее за приют, собралась и уехала на станцию с твердым намерением оставить мысль о монастыре.

28 декабря 1901 г.

Доехала я до Москвы, и мне так все понравилось дома, стало так весело и хорошо на душе, что я твердо решила оставить всякие мысли не только о монастыре, но даже и о выезде куда-либо из Москвы; меня беспокоило только то, что я не испросила на это благословения у Батюшки. Узнав, что он завтра приезжает, я решила было не видаться с ним, но Господь судил иное... Совсем неожиданно почти никогда за болезнью не посещавшая меня моя больная приятельница вдруг явилась ко мне с неотступной просьбой приехать к ней завтра, чтобы вместе помолиться за службой отца Иоанна, и не оставила меня, пока не взяла слова, что приеду; тут же принесли мне и приглашение на Батюшкину обедню. Я усмотрела в этом волю Божию, чтобы я повидала Батюшку. И слава Богу, несмотря на свое нездоровье, я прекрасно отстояла обедню и вечером посетила свою приятельницу. Как только я увидела карету отца Иоанна, я выбежала на двор встретить его; он радостно поздоровался и с участием спросил, почему я все хвораю. Я поклонилась ему в ноги и сказала: «Дорогой Батюшка, вы меня простите и исцелите...» Он поднял меня, благословил и передал мне, что матушка Антония пишет ему и жалуется на свое нездоровье, а также на меня, что я ее забыла и долго к ней не еду. Поздоровался с хозяйкой, поздравил ее с праздником и опять заговорил со мной. Я сказала, что все хвораю и сегодня только первый раз выехала и отстояла обедню. «А разве ты была у обедни, что же я тебя не видел?» — ласково спросил он, но заметив, что его внимание ко мне вызывает в других зависть, сейчас же прибавил: «Впрочем, я, когда служу и приобщаю, никогда никого не вижу...» — и стал говорить о своем подворье, о церкви, каким она служит утешением для сестер. Потом, обращаясь ко мне, произнес: «А матушка Антония, видимо, приближается к концу... но прекрасно она делает, что

не оставляет игуменства; она заслужила себе награду на небесах в Царстве Небесном». Затем, пристально посмотрев на меня, вдруг спросил: «А ты, Е.В., часто читаешь Евангелие? Помнишь то место, где говорится, — кто, взявшись за *рало*, обращается *назад*, тот ведь *не надежен для Царства Небесного*¹⁾? Ну и что же, ты теперь уже не хочешь попасть в Царствие Небесное?» Я страшно взволновалась и возразила: «Как не хочу? — Хочу!» — «А, а! Если хочешь, так вот тебе мое благословение и совет: продавай и раздавай все лишнее и уезжай в орловский монастырь к матушке Антонии, благодать Господня поддержит тебя...» Я сказала, что насмотрелась на матушку А., — она, как белка в колесе, никогда отдыха не имеет, так что мне как-то и жутко и страшно становится, — вдруг я не вынесу монашеской жизни? Батюшка, отечески радостно посмотрев на меня, сказал: «Господь тебя поддержит, а я благословляю и буду молиться, продавай и уезжай». — «Я дивлюсь, глядя на вас, дорогой Батюшка, как это вы никогда не даете себе ни минутки отдыха, с вами прямо чудеса творятся!» — выразила я свое удивление. Он на это сказал: «А на что же Господь? Он и дает силу». Затем встал, простился со всеми и уехал.

Приказанием Батюшки переменить мне жизнь были поражены решительно все; но всего удивительней то, что я нисколько не чувствую себя огорченной, что все мои планы на жизнь в Москве разрушились, — напротив, стало хорошо и радостно на душе; я почувствовала себя вполне счастливой, вернулась домой и сейчас же написала объявление о распродаже.

29 декабря 1901 г.

По Батюшкиному благословению я все живо распродала и сегодня в последний раз принимала его у себя в Москве. Сегодня отец Иоанн служил в Иверской общине сестер милосердия, после чего, по моей просьбе, навестил больную, мать жены моего воспитанника, очень подбодрил и утешил ее. «Веруйте, и Господь исцелит вас, и вы еще поживете...» — сказал он ей (действительно, так и было, — через несколько дней она выздоровела, а была уже приговорена к смерти). Когда Батюшка приехал и прошел ко мне, я поклонилась ему, поблагодарила его за то, что, по его молитвам, так скоро устроила свои дела, попросила благословения на отъезд и умоляла его, как моего дорогого

¹⁾ Ср.: Лк. 9, 62.

духовного отца и руководителя, дать мне какие-нибудь наставления или приказания. Отец Иоанн ответил: «На отъезд я тебя с радостью благословляю, а приказания и наставления пусть тебе даст игуменья; я же скажу только одно: побольше терпения, смирения и снисходительности к слабостям других; следи строго за собой, чтобы не иметь пристрастия ни к чему мирскому, молись хорошенько и ходи к службам непременно, смотри и следи внимательно за собой, — за своим внутренним миром, и старайся ловить свои мысли и исправлять себя». Затем спросил бумаги и написал матушке Антонии письмо, которое и прочел мне: сначала благодарил ее за внимание и доверие к нему, а затем и обо мне следующие слова: «Е.В. с готовностью едет к вам в обитель, в тихое пристанище, где она уповает найти удовлетворение душе своей, смятенной житейской суетою. Прими эту кроткую, добрую голубицу и утеши. Кланяюсь тебе и сестрам обители». Хотел еще что-то написать, но ему стали напоминать, что пора ехать к другим. Я от всего сердца поблагодарила Батюшку, и он, поцеловав меня в голову, стал служить молебен, все время на коленях со слезами молился, прося у Господа благословения мне на новую жизнь и дорогу. Молился о всех присутствующих, прося послать им утешение и успокоение; обласкал сильно больную старушку, похлопал по ее больной спине и, положив руку на голову, сказал ей: «Бог милостив, веруй, надейся и поправишься». Затем благословил меня полным крестом и с какою-то радостью велел передать поклон матушке Антонии. Я попросила принять от меня складень. Батюшка полюбовался на чудную художественную работу, приложился к иконкам, поблагодарил меня, поцеловал в голову и уехал. Я чувствовала себя совершенно счастливой.

14 мая 1902 г.

Я страшно соскучилась, так долго не видав Батюшку, и потому телеграммой попросила у него благословения выехать в Клин, когда он поедет в Москву, и, получив его согласие, выехала. Когда подошел поезд, меня встретил псаломщик отца Иоанна и провел меня к нему в вагон. Батюшка радостно встретил меня, похристосовался со мной и спросил, довольна ли я настоящей жизнью. Я отвечала, что всем довольна, но только очень тяжело, что так редко приходится видеть Батюшку. Он призадумался, но ничего не сказал на это. Я рассказала про торжественную встре-

чу, какую мне устроила матушка Антония благодаря письму отца Иоанна, за которое она от всей души благодарит Батюшку. Батюшка остался очень доволен, что его письмо было так принято и что мне оказали такое внимание, и спросил: «А что этот монастырь — общежительный?» Узнав, что нет, он заметил, что более сочувствует общежительным. Когда я сказала: «Мне все монашенки говорят, что без денег нельзя постригаться», — он милостиво произнес: «Господь все устраивает Сам и устроит все в свое время; матушка долго не проживет, тогда Господь и устроит, как нужно». Исповедав меня и отпустив мои грехи, Батюшка усадил меня возле себя и спросил, поправилось ли мое здоровье. Я поблагодарила его за то, что он по моей телеграмме помолился обо мне и о заболевшей матушке, утешил нас своим сердечным ответом, исцелил и подбодрил; затем прибавила: «А теперь мое здоровье опять стало не хорошо, частенько все болит». Он посмотрел на меня внимательно и сказал: «Потерпи, Бог милостив». Тут отца Иоанна стали посещать разные лица, подходили за благословением, за советами, так что мне уже больше не пришлось говорить с ним.

Мы приехали в Москву, и я направились в лицейскую церковь, где Батюшка и служил сегодня. Там он произнес слово призывительно такого содержания. «Каждый человек, прежде чем заняться наставлением других, должен хорошенько изучить себя, узнать и испытать свое сердце, чтобы быть в состоянии служить примером для других, и только такой человек имеет право получать воздаяние за свои труды, то есть сделать свою паству такою же чистою, каков он сам, вот объяснение евангельских слов, — *трудящийся достоин награды*¹⁾».

Давая приложиться ко кресту, Батюшка поздравил меня с принятием Святых Таин. Затем, провожая его на станцию, я была свидетельницей того, как отец Иоанн изгнал беса из одной женщины, это произвело на меня такое сильное впечатление, что я и теперь не могу забыть его.

Эта бесноватая имела ужасный вид; она неистово кричала, бросалась на Батюшку с кулаками, хватала его за горло (я тряслась как в лихорадке, боясь, как бы она не задушила его). Он же стоял как вкопанный, ни одна жилка не дрогнула на его лице. Я удивлялась этому спокойствию и тому, как он глубоко верил, что бес

¹⁾ Лк. 10, 7.

должен его послушаться. Она лезет с кулаками, а он гладит ее по голове, целует в голову и только твердит: «Именем Господа нашего Иисуса Христа повелеваю тебе, — выйди из Елизаветы и не смей ее тревожить». Глаза у нее выкатились, налились кровью, руки скрючились, стали похожими на когти у хищной птицы, на нее страшно было смотреть, а он все с тем же спокойствием повторяет все те же слова: «Выходи из нее».

Наконец она закричала еще ужаснее: «Ишь, пучеглазый, чего захотел, я уже 7 лет живу в ней, не выйду! Вот ни за что не выйду!» Отец Иоанн велел ей перекреститься, а она кричит во все горло, что ее зовут «молодчиком Иваном». Батюшка на это сказал: «Иван христианское имя, а ты скажи, как твоего беса зовут?» Она еще хуже стала бесноваться и лезть с кулаками на него. Батюшка строго произнес опять: «Именем Господа нашего Иисуса Христа повелеваю тебе, — выйди из нее». Мало-помалу она стала утихать и наконец, по приказанию отца Иоанна, она перекрестилась. «Как тебе имя?» — спросил он. Она ответила: «Веельзевул, — и стала падать, говоря, — умираю». Тут Батюшка уверенно произнес: «Не умрешь, Елизавета, а будешь свободна от него, — и строго прибавил: — Выходи из нее и не смей более касаться ее». Вторично велел перекреститься ей, что она уже охотно исполнила. Затем благословил ее и поцеловал в голову; она совсем преобразилась, лицо сделалось спокойное, хорошее, глаза стали совершенно нормальные, здоровые и добрые; она бросилась к ногам Батюшки, начала обнимать и целовать их и всячески выражать свою глубокую благодарность отцу Иоанну за исцеление. Он же благословил и всех тут бывших и вошел в вагон, оттуда еще раз благословил меня и пожелал мне счастливого возвращения в Орел. Я вернулась под глубоким впечатлением всего виденного.

22 июля 1902 г.

Получила я из Москвы извещение, что Батюшка этого числа будет там, и так как сильно соскучилась, долго не выдав его, то съездила в Москву, помолилась на его службе, причастилась, а потом в одном доме встретила Батюшку и побеседовала с ним. Мое заявление, что и матушка Антония, и преосвященный Ириней выражают желание, чтобы я поступила в монастырь, Батюшка очень радостно выслушал и сказал: «А что же?

Ведь так и быть должно, Господь тебе поможет; тебе, Е.В., необходимо потрудиться, а иначе ты не попадешь туда, куда бы я желал, чтоб ты попала». Поцеловал меня, разрешил пока ничего не предпринимать, дал благословение матушке и сестрам и сказал: «Прощай и возвращайся с Богом в Орел». Затем положил в стакан очень много сахара, прибавил еще варенья и, хорошенько размешав, выпил глоточек; затем налил на блюдце и, радостно улыбаясь, подал мне со словами: «Выпей на здоровье». Никогда еще в жизни мне чай не казался таким вкусным, как теперь, и я с наслаждением выпила. Угостив еще некоторых, Батюшка простился, благословил всех, пожелал мне счастливого пути и уехал. Я от всего сердца поблагодарила тех, кто дал мне возможность повидать его, и сегодня же отправилась домой.

14 сентября 1902 г.

Написала дорогому Батюшке письмо, в котором чистосердечно созналась, что чем больше вглядываюсь в монастырскую жизнь, тем она мне все меньше и меньше нравится, и что постригаться мне не хочется, но что и мир мне тоже противен и возвращаться в него тоже ни за что не хочу. И получила в ответ, что он молится за меня и шлет мне благословение. Мне опять стало легко и хорошо на душе.

25 октября 1902 г.

Я послала отцу Иоанну поздравление с днем его Ангела и получила в ответ его благословение приехать в Москву повидаться с ним. Батюшка служил в Никитском монастыре; народу набралась такая масса, что с трудом можно было протолкаться туда. Когда Батюшка вышел с Дарами, то остановился в дверях и произнес маленькое слово. Он объяснял значение слова «аминь». Упомянув о том, как велико значение Таинства Причащения, Батюшка сказал, что слово «аминь» подтверждает все сказанное Спасителем о воскресении мертвых, о будущей жизни, о суде и наказаниях, о блаженстве и вечных муках, — все непременно так и будет.

Матушка игуменья пригласила меня к себе, там я и встретила Батюшку. Он радостно повидался со мной, благословил и, внимательно посмотрев на меня, сказал, что я теперь гораздо лучше выгляжу, чем прежде. К нему подвели больного мальчика и про-

сили Батюшку благословить его на операцию, но благословения своего отец Иоанн на это не дал. Затем угостил меня чаем, который показался мне опять необыкновенно вкусным, поблагодарил меня за поздравление и сказал, что день своего Ангела он провел превосходно, все отнеслись к нему необыкновенно сердечно и внимательно. «Я был вполне счастлив», — прибавил он. Из монастыря Батюшка проехал к моей знакомой М., на Малую Дмитровку; там я поднесла ему икону Иоанна Рыльского, вышитую золотом, и попросила его освятить ее. Батюшка поинтересовался узнать, кто шил, и восхищался работой. Узнав, что шила орловская монашенка, спросил, продолжаю ли я сама работать, и похвалил меня за мой утвердительный ответ. «Очень, очень благодарю тебя за икону», — произнес он. Я сказала: «Дорогой Батюшка, я получила анонимное письмо, в котором меня называют бесноватой и просят меня немедленно оставить монастырь, угрожая в противном случае сжечь мою келью и зарезать меня». Отец Иоанн, выслушав меня, так весь и просиял от радости, точно я ему сообщила что-то необыкновенно хорошее, и проговорил: «Так вот как, и тебя уже не оставляют в покое...» — обнял меня и крепко поцеловал в голову. Затем поговорил со всеми, обласкал и утешил хозяйку, благословил меня на обратный путь в Орел, простился и уехал.

8 ноября наша монашенка была в Кронштадте у дорогого отца Иоанна и привезла мне от него маленькое письмо в трех словах:

«Екатерина Васильевна, Божие благословение тебе, дорогая раба Христова. Мой сердечный поклон. Протоиерей Иоанн. 1902 года, 2 ноября».

Нет слов выразить, как я была осчастливлена этим вниманием бесценного Батюшки; от всего сердца я возблагодарила Господа, что Он послал мне такого духовного отца.

9 декабря 1902 г.

Сегодня я была несказанно обрадована телеграммой от дорогого Батюшки с приглашением приехать на освящение церкви.

Вот точное содержание этой телеграммы: «Шлю благословение, уведомляю вас, что освящение церкви будет 17 декабря, прошу пожаловать, билет получите здесь. Протоиерей Иоанн Кронштадтский». Но к крайнему моему сожалению, мне не при-

шлось воспользоваться этим приглашением по разным непредвиденным обстоятельствам.

2 января 1903 г.

27 декабря я получила извещение, что к сегодняшнему дню Батюшка будет в Москве и что он шлет мне благословение встретить его в Клину. Я так и сделала. Отец Иоанн необыкновенно ласково и сердечно сейчас же принял меня в вагон. Он не выразил никакого сожаления о том, что я не попала на освящение церкви, и сказал: «Такая масса набралась разных строителей и жертвователей, что решительно невозможно было водворить настоящего порядка, потому и толкотня была невообразимая». Про себя сказал, что праздники провел хорошо и чувствует себя бодрым и здоровым; затем заговорил о монашестве. Я сообщила Батюшке, что у меня охладело желание поступить в монашество из боязни не выполнить как следует монашеский обет, сказала, что на игуменство смотрю как на самый страшный крест, так как здесь приходится отвечать Господу не только за себя, но за всех.

Он на это возразил: «Да, крест, правда, большой, но ведь Господь пошлет Свою благодать. И ты права, игуменья должна все знать и должна стараться предупреждать все беды. Конечно, за то, чего она не знает, она отвечать не может». Я заметила, что матушка Антония сильно желает, чтобы я постриглась, а я высказала ей, что монашество меня не удовлетворит. Отец Иоанн нашел желание матушки правильным и убедительно прибавил: «Тебе непременно надо принять на себя ангельский чин, и я это тебе советую сделать». Я сказала: «Меня страшит обет, ведь это та же присяга; но та дается на верность царю земному и отечеству, а эта — на верность Самому Господу; я понимаю это так, — если бы я присягнула царю, а потом стала бы недовольна им, я бы уже считала себя связанной присягой и обязанной не разбирать, но беспрекословно повиноваться, оставаясь навсегда верной и преданной царю и отечеству и готовой положить за них жизнь». Он на это отвечал: «Ты совершенно верно понимаешь, и какую бы ты могла быть отличной игуменией, как бы тебе было хорошо заменить матушку Антонию; одно только мешает, — Орловский монастырь своекоштный, а таким тебе нельзя управлять; но общежительным-то уже непременно надо будет поуправлять».

Затем исповедал меня, велел побольше разбирать свои поступки и мысли и стараться исправлять себя. «Вглядываться во все следует и взвешивать все можно и должно; но нужно в то же время быть снисходительной и больше любить ближних...» — говорил Батюшка и отпустил мои грехи; мне стало легко и весело на душе, — точно гора с плеч свалилась. Я попросила его помолиться за некоторых лиц; Батюшка охотно это исполнил и помолился тут же при мне, стоя у окна. Я чувствовала, что он молится и за меня, и мою душу охватило какое-то совсем особенное необыкновенное хорошее чувство, которое не выразить никакими словами.

Окончив молитву, он посадил меня возле и снова сказал: «А все-таки тебе вступить в этот ангельский чин монашества следует». — «Если есть ваше желание, дорогой Батюшка, то устройте так, чтобы меня постригли в вашем присутствии, по вашим святым молитвам мне легче будет дать обет», — попросила я. Он согласился и в таком случае велел еще подождать, обещая сообщить мне, когда это нужно будет сделать. Я попросила его принять от меня бархатные ризы, поклонилась в ноги и передала ему благодарность от уже умиравшей было монахини, выздоровевшей по его святым молитвам. «Слава и благодарение милосердному Господу, — сказал Батюшка, — за то, что Он меня, недостойного раба, услышал».

Поезд подошел к станции. Батюшка благословил меня, и мы вышли. Я направилась в мещанскую богадельню, где служил сегодня отец Иоанн. Толкотня там была невообразимая, я едва смогла причаститься; меня сильно сдавили, и была минута, когда я подумала, что уже пришел мой конец; к счастью, тут попался мой бывший человек, который вытащил меня из толпы и помог мне выбраться из церкви. Я вернулась к своим знакомым, у которых остановилась; к ним же приехал и отец Иоанн, отслужил там молебен, утешил и осчастливил нас всех и уехал.

16 февраля 1903 г.

В ответ на посланное мною письмо дорогому Батюшке я получила от него также письмо такого содержания:

«Дорогая сестра о Господе, Екатерина Васильевна! Шлю тебе сердечное благословение и такое же желание тебе доброго здоровья и душевного мира. Слышал я, что ты нездорова и не покой-

на. Молю Бога о даровании тебе здоровья и благодушия. Матушке игуменье Антонии шлю мой сердечный поклон и выражаю великую благодарность за драгоценные ее ко мне письма. Когда выздоровеешь, Е.В., приезжай в мой монастырь и познакомься с настоятельницей Ангелиной, с образом жизни наших монахинь и решай сама, как тебе поступить в нашу обитель, когда и на каких условиях. Я здоров Божиею милостию. Протоиерей Иоанн Сергиев. 13 февр. 1903 года».

По получении этого письма меня охватила необыкновенная радость и вместе с тем какая-то грусть при сознании, что все прежнее теперь кончено и наступает что-то новое; но мое здоровье стало сразу лучше; я долгое время никуда не выходила из келии; сегодня же посетила матушку и, переговорив с нею и посоветовавшись, как поступить, написала настоятельнице Сурского подворья матушке Ангелине почтительнейшее письмо; в нем я сообщала, что получила от дорогого Батюшки приглашение поехать в ее подворье, и просила ее сделать мне великое одолжение — дать мне какое-нибудь крошечное помещение. 5 марта я получила от нее телеграмму, извещавшую меня, что комната готова и что матушка просит приехать, когда мне будет угодно. Я в тот же день выехала с Полей (служанкой); матушка Антония и сестра очень сердечно проводили меня. Матушка сильно плакала и все просила вернуться назад и совсем водвориться в ее монастыре.

Матушка Ангелина встретила меня очень любезно, назначила мне комнату, но извинилась, что за недостатком помещения должна поместить со мной и игуменью Сурского монастыря, неожиданно приехавшую сюда. Мне комната очень понравилась, с матушкой Порфирией мы сошлись и прекрасно устроились.

9 марта 1903 г.

Весь день я провела в обществе настоятельниц; разговоры шли о монастыре и монастырской жизни; одна жаловалась на недостаток средств и на постоянную суету, мешающую думать о спасении, другая — на трудность управления совершенно не подготовленными монахинями. В 10 часов вечера приехал отец Иоанн, страшно утомленный; тут его окружили монахини так, что он насилу поднялся на лестницу; заметив меня, улыбнулся мне и сказал: «Здравствуй, дорогая Е.В., когда ты приехала?

Очень, очень рад тебя видеть!» Прошел в свой кабинет и выразил желание немного отдохнуть, ссылаясь на сильную усталость. За ним прошли туда же матушка Ангелина и Вера Перцова, которая его сегодня сопровождала⁴⁶. Мы все остались в зале, но не прошло и четверти часа, как он вышел к нам, еще раз благословил меня, поговорил с сурской игуменьей о делах, дал ей некоторые инструкции, переговорил с матушкой Ангелиной и пригласил нас в свой кабинет. Там спросил меня, как я поживаю. Я отвечала, что хорошо, слава Богу, вашими молитвами, передала низкий поклон от матушки Антонии и ее просьбу принять в дар икону «Скоропослушницы», шитую золотом, — работу и труды ее монахинь. Батюшка, узнав, что она освящена, принял ее с удовольствием и приложился к ней; затем хотел прочесть письмо, которое я ему передала от матушки, но его отвлекли по какому-то делу, позвали в ризницу. Когда вернулся, то усадил меня напротив и начал оживленно рассказывать, как он присутствовал сегодня на диспуте в Духовной Академии, который вел ключарь Андреевского собора на степень магистра⁴⁷, и как ему оппонировали более ученые, чем он. «Но, — прибавил Батюшка — мне было довольно скучно, так как я не мог уловить всего как следует, благодаря тому, что плохо слышу. В результате мой ключарь одержал верх, и я за него очень порадовался». На мой вопрос, прошел ли его кашель, отвечал отрицательно. Я заметила, что Батюшка сильно похудел; он согласился со мной и выразил догадку, что это от постной пищи.

В это время приехал какой-то англичанин и пожелал поговорить с Батюшкой; его впустили в кабинет, а мы все вышли. Отец Иоанн недолго беседовал с ним, скоро проводил его, пришел к нам в столовую, помолился, усадил меня рядом и, обращаясь ко всем со своей чудной улыбкой, произнес: «Вот тут я у себя дома и как мне хорошо!» Затем передал, что этот англичанин просит за свой клочок земли сто тысяч. «Я думаю, не надо нам покупать, пока обойдемся тем, что есть, а нужно будет, то Господь не оставит, пошлет все, что нужно; я ему так и сказал», — говорил Батюшка. Я посоветовала ему совсем сюда переехать. Батюшка возразил: «Кронштадт не пустит меня, они все побегут за мной, этого нельзя сделать». Сурская настоятельница сказала, что Батюшка их позабыл, а Сура — его родина, и что ему необходимо поселиться там. Он сделался серьезен и ответил: «Ишь чего ты захотела! Что мне там у тебя делать? С нищими возиться? Их у

меня и тут много, а здесь я нужен всем, во всех слоях общества; так как же я могу уйти в такую даль?» Затем сказал, что страшно устал и еще нужно помолиться, встал, благословил нас и ушел.

10 марта 1903 г.

Мы с настоятельницей сурской пришли пораньше в игуменскую и там ожидали Батюшку. Он вышел к нам из кабинета в подряснике и шитом зóлотом кушаке, ласково поздоровался и спросил, как мы провели ночь. Мы поблагодарили за внимание. Я заговорила было об исповеди, но Батюшка сообщил нам, что на этой неделе не будет здесь служить, так как все время уже распределено: сегодня на Бежецком подворье, завтра едет в Москву, потом в Леушинском⁴⁸.

Как ни упрашивала его матушка Ангелина, он остался при своем решении; затем прошел в церковь и прочел там канон. Когда он уходил, я просила его помолиться обо мне, чтобы меня покинуло уныние, — он обернулся и очень строго сказал: «Уныние гони вон, усерднее молись Господу...» — и уехал.

15 марта 1903 г.

Все эти пять дней я провела в обществе монахинь, в разговорах о монастырской жизни и порядках, наблюдала и вглядывалась во все, что видела и слышала, побывала и в трапезной, и на спевках, много беседовала с настоятельницей Сурского монастыря, и в конце концов вижу, что везде много шума и толкотни, духовной настроенности мало... В силу всех наблюдений у меня не осталось ни малейшего желания поступить в монастырь и принять постриг. Но сильное желание видеть почаще дорогого Батюшку, так как в эти свидания я чувствую, что он полон благодати и эта благодать ощутительно переходит и на меня (иначе чем же объяснить то блаженство души, ту какую-то особенную радость, которую я испытываю почти после каждого свидания с ним, и боли утихают, и тоска отходит), удерживает меня здесь. Чтобы видеть его почаще, я решила поселиться тут, при монастыре, когда выстроится гостиница, и хотела переговорить с матушкой Ангелиной об условиях, но она заявила, что ничего не знает и сказала, чтобы я переговорила об этом с самим Батюшкой.

Отец Иоанн приехал, когда я была у всенощной. Узнав об этом, я сейчас же прошла в игуменскую и застала Батюшку в столо-

вой, — он пил чай. Батюшка очень приветливо встретил меня, сейчас же налил мне чаю и спросил, пригляделась ли я к их порядкам? Сказал: «Я сегодня сам причастил до пяти тысяч человек разных паломников, калек и несчастных у себя в Кронштадте и страшно устал, — с пяти часов утра до часу все на ногах; а затем и здесь уже многих навестил». Тут Вера Перцова заметила: «Батюшка сегодня исцелил бесноватого».

При этих словах отец Иоанн обратился ко мне и сказал: «Да, и представь себе, сколько я с ним провозился, — не может поднять на меня глаз, да и только! Но, слава и благодарение Милосердному Господу, я изгнал беса и исцелил его». Вдруг Батюшка, обращаясь ко всем здесь присутствовавшим и указывая на меня, произнес: «Екатерина Васильевна — это мой старинный, дорогой друг!»

Увидав мою девушку, стоявшую вдали в белом платочке, спросил, кто эта «белая», и узнав, что моя прислуга, сказал: «Ах, так это твоя, надо ей дать чаю...» — налил на блюдечко, подозвал ее и дал; та была на вершине счастья. Зная, что в понедельник Батюшка будет служить у нас, я просила его исповедать меня. Он согласился, велел хорошенько подготовиться и изложить письменно, в чем особенно грешна. Затем, сказав, что ему нужно помолиться, ушел в свою спальню, а все остались ожидать его возвращения; я же прошла в зал и там помолилась перед иконой Спасителя; вдруг Батюшка вышел из кабинета и сказал: «Е.В., иди сюда, что ты там стоишь?» — и посадил меня рядом. К нему подошла матушка Ангелина и подала письмо матушки Антонии, которое ему не удалось прочесть раньше. Он с радостью взялся за чтение и несколько раз выражал свое удовольствие, восклицая: «Вот превосходно пишет! Как логично, хорошо, сколько смирения! Я, читая, получил такое удовольствие, воспрянул духом; за одно это смирение она спасется... Господи, как я доволен, что прочел, — так могут писать только одни святые!» Окончив чтение, ушел к себе, заперся и стал молиться.

Через полчаса Батюшка опять вышел, сел к столу и стал просматривать свой дневник; тут по распоряжению матушки Ангелины ему подали закусить; он долго отказывался, но, наконец, согласился и скушал несколько ложек ухи. В это время помощница матушки Ангелины подвела к нему настоятельницу Сурской обители со словами: «Дорогой Батюшка, она совсем захлопоталась, все бегают, закупает». Он встал, благословил ее и сказал: «Молодец мать Порфирия, я за то ее люблю, что она все

заготавливает и обо всем заботится». Батюшка закусил, поблагодарил Господа и собрался идти спать, как матушке Ангелине доложили о приезде двух девушек, которых он, по их словам, обещал взять в монастырь; Батюшка подтвердил, что это он, действительно, их направил, но оставляет за матушкой Ангелиной полную свободу решить — принять их или нет, и вышел. Матушка Ангелина старалась им доказать, что места нет и она принять их никак не может, как вдруг вернулся Батюшка и сказал: «Прими их, Ангелина, на место тех двух, которые уходят». Разговаривать было больше нечего, и она велела им принести свои паспорта, а Батюшка пожелал нам спокойной ночи и ушел спать. Я вернулась к себе довольная и возблагодарила за все Господа.

16 марта 1903 г.

Я встала пораньше и прошла в игуменскую; Батюшке делали в это время перевязку больной левой ноги, на пальце которой прорвался нарыв, и все мозоли и даже ступня страшно опухли. Услыхав об этом, я удивилась терпению Батюшки, как он с такими больными ногами мог простоять вчера целых 8 часов, приобщив 5 тысяч человек, и еще сегодня ехать в Царское освящать храм с митрополитом в присутствии Государя⁴⁹... какой же он мученик! В это время Батюшка вышел в кабинет, поздоровался, благословил и стал читать канон, но долго стоять не мог, должен был от боли сесть и окончить чтение сидя. В 6 часов он оделся и уехал. Я отстояла раннюю обедню, приготовилась к исповеди и записала все свои грехи. Вечером только я пришла в игуменскую, как приехал отец Иоанн, страшно усталый и измученный; благословил нас, сказал, что хочет отдохнуть, и прошел к себе, но очень скоро вышел обратно, позвал меня в кабинет и стал рассказывать о своей службе в Царском Селе вместе с митрополитом в присутствии Государя и Государыни.

Затем записал что-то в своем дневнике, попросил чаю и ушел к себе помолиться. Чай ему подали туда, но он вышел со стаканом оттуда, совсем усталый, сел на стул, предложил и мне чаю, причем еще спросил, какой я люблю, — с лимоном или без него. Налил полное блюдечко и со своею доброю улыбкой подал мне. Я поцеловала его руку и выпила. Батюшка допил остальное и ушел к себе, а мы все остались ждать.

Действительно, он скоро опять вышел, и, когда сел, игуменья Ангелина подвела к нему действительного статского советника Хлебникова. Последний привез свою дочь, рясофорную монахиню, с просьбой взять ее сюда в монастырь со вкладом в 3 тысячи рублей и с тем, что она будет жить на свою пенсию в одну тысячу рублей. Мы все вышли в зал, а отец Иоанн стал беседовать с ними. Разговор шел так громко, что нам все было слышно. Батюшка велел игуменье Ангелине принять их, а монахине сказал: «А вас прошу во всем слушаться и беспрекословно повиноваться настоятельнице матушке Ангелине». Затем извинился перед ними, сказав, что ему нужно ехать. Они вышли, Батюшка благословил нас, меня обещал исповедать завтра утром и оставил нас.

17 марта 1903 г.

Я приготовилась к исповеди, встала раньше и, идя в игуменскую, встретила Батюшку; он шел погулять в садик и сказал, что исповедует меня, как вернется. За это время зал наполнился массой народа, но Батюшка, возвращаясь, прошел мимо всех и уже в дверях кабинета позвал меня исповедаться. Я во время исповеди заплакала. Он говорил: «Старайся приобрести более доверчивости к людям и менее подозрительности, старайся всеми силами разбирать свои поступки и свои мысли, исправляй себя, а не отыскивай недостатков в других... — и тут прибавил: — Как прожить совсем без разбора людей? Кто это может? И я в этом грешен». На мое заявление, что я раздражаюсь при виде людей, поступающих вполне самовольно, а носящих маску святости, и чувствую к ним отвращение, — отец Иоанн ответил: «Надо к таким относиться снисходительно, постарайся избавиться от чувства отвращения и достигнуть такого спокойствия, чтобы это тебя не возмущало». Затем помолился обо мне и отпустил грехи. Я от всей души поблагодарила Батюшку и поклонилась ему в ноги. Потом я заговорила о доме, который строится для живущих при монастыре, и попросила Батюшку поместить меня там и принять пока от меня вклад две тысячи рублей, а все, что нужно будет еще, привезти потом. Он сказал, что с радостью принимает меня и что об этом у него уже был разговор с матушкой Ангелиной. «Поселяйся пока, очень, очень рад», — добавил Батюшка, благословил меня, вышел в кабинет, передал деньги матушке Ангелине и стал собираться в церковь.

Народу набралась масса, одних заказчиков было более пятидесяти, и толкотня была изрядная. Батюшка говорил слово о значении Таинства Святого Причащения, о той великой милости, которую нам явил Господь Иисус Христос, сойдя на землю, приняв на Себя наши грехи и искупив их Своими Крестными страданиями. Напомнил, что через Причащение нисходит благодать, которая и помогает людям становиться лучше и исправляться; что поэтому необходимо как можно чаще приступать к сему Таинству, так как в нем — великая сила спасения для нас. Мне удалось причаститься сейчас же после обеих настоятельств. По окончании обедни я прошла в Батюшкины покои; скоро пришел и он, сильно утомленный и что-то не в духе. Не пошел в зал, где были накрыты два стола и набралось много народу. У себя в кабинете тоже ничего почти не кушал, простился с нами и вскоре уехал в Кронштадт.

19 марта 1903 г.

Сегодня Батюшка приехал к нам. Я повидалась с ним и просила у него благословения поехать в четверг к себе в Орел. Он очень ласково встретил меня и в ответ на мою просьбу сказал: «Что же это! Ты уже хочешь уезжать! — делай, как знаешь...» Я передала ему, что матушка Антония просит меня встретить светлый праздник с нею. Он выслушал меня и сказал: «Ну и прекрасно, поезжай с Богом; передай ей мое благословение, а сама приезжай сюда, когда захочешь». Я просила благословить меня вернуться сюда, как будет готово здесь помещение. «Делай, как хочешь», — отвечал Батюшка, обнял меня, крепко поцеловал в голову, благословил и пошел в церковь служить обедню.

За обедней произнес слово опять о важности Святого Причащения, о том, как недостойно многие приступают к нему, не покаявшись как следует, и не умеют благодарить Господа, дающего нам Свою Плоть и Кровь для нашего спасения. Рассказал о десяти прокаженных, которых исцелил Господь; указал, что только один из них вернулся поблагодарить Его; не вернувшихся же девятерых Господь не оставил без наказания и строго осудил за неблагодарность¹⁾. «Так и вас, — говорил отец Иоанн, — неблагодарных, превратившихся в каких-то животных, обуреваемых страстями и забывших Бога, не воздающих Ему должного благодарения, и вам, приступающим недостойно к Святым Тайнам,

¹⁾ См.: Лк. 17, 12–19.

Господь этого не простит, а взыщет, и строго взыщет». Затем стал причащать.

По окончании службы я прошла в игуменскую; вся зала была переполнена народом. Батюшка пришел веселый, поздоровался со всеми, помолившись, сел за стол вместе с духовенством и стал всех угощать чаем. Я стояла далеко и наблюдала за всем. А.Я., казначея, подала Батюшке стакан и попросила благословить его для меня, что он с удовольствием и исполнил. Затем он простился со всеми и прошел в кабинет, я последовала за ним. Там к Батюшке подошел какой-то священник и попросил денег на постройку; он сейчас же выдал ему 100 рублей; потом сам вызвал из залы какого-то монаха, дал ему 200 рублей и благословил его. Затем надел другую рясу, благословил всех и уехал.

20 марта 1903 г.

Побывала у митрополита Антония и, вернувшись, пошла к матушке Ангелине и побеседовала с нею, сидя в Батюшкином кабинете. Как только мы заметили в окне карету отца Иоанна, сейчас же все выбежали ему навстречу. Батюшка приехал в чудном расположении духа, очень ласково поздоровался со мною и спросил, как поживаю и как мое здоровье. Я отвечала: «Слава Богу, хорошо, только почки болят». Он пожелал мне доброго здоровья. Достал свою кабинетную карточку со сделанной уже надписью и вручил ее мне для передачи матушке Антонии. А.Я., казначея, подарила мне Батюшкин портрет и попросила отца Иоанна сделать надпись, что он с большим удовольствием исполнил и подал мне, написав: «Искренней христианке, рабе Божией Е.В. Духониной, в благословение на водворение в Иоанновской Петербургской Обители».

Затем, по просьбе матушки Ангелины, подписал мне книжку «Христианская философия»⁵⁰ так: «Е.В. Духониной в знак духовной о Христе дружбы», и сам подал мне ее.

Я до того была тронута вниманием Батюшки, что чуть не расплакалась от радости. Так как на завтра назначен постриг в мантии, то отца Иоанна просили выбрать имена; он это исполнил, затем благословил всех и ушел к себе отдохнуть. Я от всего сердца поблагодарила матушку Ангелину и Анну Яковлевну за их доброе внимание и ушла к себе вполне довольная и счастливая.

21 марта 1903 г.

Сегодня я присутствовала на постриге в мантии двух монахинь, которым Батюшка выбрал имена: Евпраксия и Евлампия. Я пораньше прошла в игуменскую, где уже собралось много народу, и встретила Батюшку. Он приветливо поздоровался со мной и пошел до обедни походить по садику; я же пошла в церковь на хоры и оттуда наблюдала весь обряд пострига. Впереди шли певчие с зажженными свечами и превосходно пели что-то очень трогательное, за ними вели двух постригаемых и поставили их сзади, у свечного ящика; после псалма повели их к алтарю и поставили посреди церкви, — тут они ложились на пол крестом. Архимандрит делал им вопросы, а они давали обет; я слушала внимательно и думала, что на все это и я дала бы ответы не задумываясь. Но самый постриг не произвел на меня глубокого впечатления; напротив, я даже чувствовала большую радость, что Батюшка еще не дал мне приказания постричься.

По окончании обедни Батюшка переоделся и вышел в зал; народу было много, стол накрыли на 50 человек. Он благословил всех, помолился и пригласил к столу. Я стояла вдали и хотела как-нибудь подойти к Батюшке и попросить еще раз благословение на обратный путь, как ко мне подошла мать Ангелина и, взяв меня за руку, посадила к столу против Батюшки; он в это время раздавал стаканы с чаем архимандриту и священникам, и мне передал тоже; я поцеловала его руку за это внимание ко мне. Отец Иоанн посидел за столом весь обед, но сам ничего не кушал; затем сказал, что ему нужно ехать приобщать, благословил всех и ушел в кабинет. За ним прошел С.Г. Раменский (благодетель монастыря)⁵¹, генерал Иванов с дочерьми, за ними и я. Батюшка, проходя, благословил меня, и я ушла к себе. Отдохнув у себя, я в четыре часа опять пришла в игуменскую. Отец Иоанн вскоре вернулся, так как сегодня было назначено заседание строительной комиссии. Как только приехал В.К. Саблер⁵², он вышел, и заседание началось. Мы все вышли в столовую. Там я разговорила с одной почтенной монахиней из Воскресенского монастыря; она высказала мне свои впечатления о том, что хотя здесь все делается как-то не совсем по-монашески, но зато чувствуется, что благодать от Батюшки как-то касается всех и всего и мирит со всею этою суетою и волнениями.

Узнав, что заседание окончилось, мы направились в зал, чтобы еще повидать Батюшку. В это время приехал повидать Батюшку и получить его благословение князь Голицын; отец Иоанн принял его очень радушно, был весел все время, ласкал и целовал князя, угощал его чаем и закусками. Вдруг он быстро встал со своего места, взял стакан с чаем, направился к нам, налил полное блюдечко и подал мне. Я оторопела, упала на колени и поцеловала его руку; Батюшка поднял меня и сказал: «Не кланяйся, а пей»; потом дал и другим. Затем стал прощаться со всеми, так как торопился на поезд. Я попросила благословить меня ехать завтра; Батюшка поцеловал меня в голову и сказал: «Поезжай с Богом и передай мой поклон матушке Антонии и всем сестрам». Я простилась с матушкой Ангелиной, поблагодарила за гостеприимство, передала кое-что на сестер, простилась со всеми и ушла к себе укладываться, чтобы завтра утром выехать.

Я за все благодарна дорогому отцу Иоанну бесконечно, но сюда мне не хочется переезжать жить... Твори, Господи, волю Твою, я Твоя раба, послушная и покорная!..

23 апреля 1903 г.

Видела замечательный сон, который произвел на меня сильное впечатление. Мне приснилось, что я сняла с себя крестильный крест и три образочка вместе с цепочками и отдала их дорогому Батюшке с просьбой их благословить, а он взял их и надел себе на грудь; я, увидя это, огорчилась, подумав, как же это я буду без них жить, а он взял стакан святой воды, которую сам освятил, и напоил меня ею, но крестики так и оставил у себя. С этим я проснулась и была в самом хорошем расположении духа.

10 июля 1903 г.

Чудную проповедь, произнесенную Батюшкой 6 мая, я получила сегодня⁵³ (привожу ее потому, что в ней есть некоторое предсказание о рождении Наследника Цесаревича; она произнесена на слова Господа Вседержителя царю Давиду¹⁾).

«Продолжение царского рода есть знамение милости Божией к царскому роду и России. Господь через пророка Нафана объявил Давиду, что дом его будет непоколебим и царство его во

¹⁾ 2 Цар. 7, 16.

век *перед* лицом Господа Бога и престол его *устоит во век*. То, что изрек Вседержитель о Давиде, Своем помазаннике, да исполнит Он и на нашем царе православном и да умножит мужское семя его, чтобы не оскудевал род его и сидящий на престоле от чресл его. Наше отечество доселе благоденствует и распространяется под скипетром и державою дома Романовых, и Церковь Православная, осеняемая особенным Божественным Промыслом, видит приращение и благобытие чад своих, спасаемых во Христе при державе и исповедании ее царем и царствующим домом. Да будет же непоколебим царский дом и царство царя навеки пред лицом Господним, и престол его да стоит во веки по слову Господа. Аминь».

20 июля 1903 г.

Все это время я очень часто видела отца Иоанна во сне, но вот представилась возможность повидать его и наяву. Я получила извещение, что он возвращается из своего путешествия и к 15 июля будет в Москве. Я поехала в Москву и остановилась у своей приятельницы Е.Я. Б., чтобы иметь возможность повидать Батюшку. 15 июля он служил в общине сестер милосердия «Утоли моя печали». Публики было немного; сама княгиня Шаховская отнеслась ко мне очень внимательно⁵⁴. Я встретила отца Иоанна на лестнице; он очень обрадовался мне; такой чудной встречи я и не ожидала и до того была тронута этим, что подумала, уж не умру ли я скоро, раз дорогой Батюшка меня так приласкал. Я исповедалась у местного священника, а причастилась у дорогого Батюшки. Часа в три он навестил мою приятельницу, где я остановилась, и очень похвалил меня, что приехала к ней. Трогательно молился за молебном, утешил нескольких больных добрым словом, кому потер больное место, кому помочил голову святой водою, не забыл и мои больные руки. С восторгом отозвался о своем путешествии. Затем стал просматривать «Московские ведомости» и вдруг сделался печальным и задумчивым⁵⁵. Я заметила Батюшке, что сегодняшняя газета ничего отрадного не принесла. Он согласился и сказал: «Да! Тяжелое время переживаем ныне». Выпил с нами чаю и вскоре уехал.

16 июля я опять была на Батюшкиной службе. Он сказал слово о необходимости каждому человеку нести свой крест и исправляться, чтобы из ветхого человека сделаться новым, и для этого

отстать от всех пороков, но молиться и хорошо соблюдать пост. «Не исправляющиеся Царства Небесного не наследуют», — горячо и даже как бы сердито добавил отец Иоанн. Я увидела его у знакомой; Батюшка так же ласково отнесся ко мне, как в прошлый раз и сообщил мне, что гостиница при Иоанновском монастыре будет готова через два месяца; и с какою-то особенно доброй улыбкой глядя на меня, сказал: «Прошу пожаловать». Отслужив молебен, угостил нас своим чаем, налил крошечную рюмку вина, половину выпил сам, а другую сам же влил мне в рот. При прощании Батюшка поцеловал меня в голову и крепко прижал ее руками (она у меня болела). По его отъезде боли в плечах у меня уменьшились (Батюшка полечил и их), а голова совсем перестала болеть; я осталась в самом счастливом настроении и возблагодарила Господа, что послал мне такого вселюбящего духовного отца.

Сегодня, 17 июля, Батюшка служил в Никитском монастыре. Во время обедни с одной женщиной сделался припадок; она закричала нечеловеческим голосом, а потом вдруг залаяла собакой, но затем успокоилась; ее подвели к Причастию, и, когда Батюшка ее причастил, она сказала, что теперь чувствует себя совершенно свободной от своего недуга. Матушка игуменья пригласила меня к себе. Для Батюшки там приготовили чай и закуску на балконе. Он скоро приехал, приветливо поздоровался со всеми и, проходя на балкон, положил мне руки на плечи и похлопал их. Помолился, сел, стал угощать духовенство вином и дал опять из своей рюмки выпить и мне; побеседовал с игуменией, благодарил за поднесенную ему икону Никиты мученика, поговорил с присутствовавшими и обласкал всех. Одному разбитому параличом сказал: «Бог милостив, будешь здоров скоро совсем» (этот человек вскоре умер; действительно, его только и могла совсем поправить — смерть). Отец Иоанн стал прощаться; в это время к нему подошла молодая женщина, он благословил ее, она схватила его руку и стала усиленно целовать, а потом вдруг — кусать. Я испугалась и скорее высвободила Батюшкину руку; она уже начала страшно кричать и кривляться, и вообще вела себя, как бесноватая. Батюшка обнял ее и стал успокаивать; лицо у нее сделалось страшное, искаженное. Он же именем Иисуса Христа велел ей открыть глаза; она открыла; тогда он именем Господа велел лукавому выйти из нее, обласкал ее и успокоил совершенно. Сейчас же после этого Батюшка простился и уехал.

Сегодня 18-е. Отец Иоанн, читая перед обедней канон Спасителю, просил Господа, чтобы Он стер с лица земли этого страшного еретика, Льва Толстого, которого заела гордость и который служит орудием диаволу. Обратившись к народу, Батюшка сказал, что нужно бегать, как от огня, страшной толстовской ереси и от самого графа, так как он отступник и безбожник, он отнимает у людей веру и желает разрушить все их душевное спокойствие; отнимает все, чем человек живет, веруя в Спасителя, Божию Матерь, Святую Троицу и загробную жизнь, — а взамен всего этого не дает ничего.

От обедни я поехала в Сокольники к своим знакомым, куда должен был прибыть Батюшка. Меня приняли очень сердечно, показали мне свою дачу и, в ожидании отца Иоанна, провели гулять в сад. Приехав сюда и увидя меня здесь, Батюшка был видимо доволен, благословил и опять положил свои святые руки мне на плечи. Разговор зашел о статье Толстого, изданной за границей⁵⁶, в которой Толстой глумится над всеми догматами, отвергает Божество и человечество Иисуса Христа, Божию Матерь считает обыкновенной нехорошей девушкой и страшно ополчается на духовенство, говоря, что его совсем не нужно, ни высшего, ни низшего, ни православного, ни католического. Батюшка сказал, что, прочитав эту брошюру, он был страшно раздражен, почему и сказал в слове, что Толстому мало плюнуть в глаза. Потом заговорил о своем монастыре, хвалил имение Ваулово, пожертвованное ему Мордвиновым⁵⁷, и очень жалел, что нет у него такой хорошей монахини, которая бы с толком и пользой могла управлять им.

За обедом я сидела по правую руку Батюшки и рассказала ему свой сон, как он снял с меня все кресты и надел на себя. «Ну, слава Богу, этот сон хороший, ты должна быть им очень довольна», — сказал он на это, благословил меня, поцеловал в голову, велел передать матушке Антонии его благословение, пожелал счастливого пути, простился со всеми и уехал. Я вернулась домой довольная и счастливая, поблагодарила свою знакомую за гостеприимство и уехала к себе в Орел.

3 сентября я вернулась в Орел; матушка Антония сердечно приветствовала меня.

7 октября 1903 г.

Сегодня получила от дорогого Батюшки коротенькое письмо такого содержания: «Дорогая Екатерина Васильевна,

милости прошу пожаловать в мой монастырь для водворения в оном или для житья при обители. Духовный отец Иоанн Сергиев». Это письмо примирило дорогую матушку Антонию с мыслью о том, что я должна уехать. Ей страшно этого не хотелось и она до последней минуты надеялась, что мой отъезд не состоится. Прочитав это письмо, она сказала, что теперь ей совесть не позволяет отговаривать меня ехать и упрашивать быть вдали от такого светильника, как отец Иоанн, и как ей ни грустно и ни тяжело расстаться со мною, но ее утешает мысль, что близость к Батюшке будет для меня спасительна. Мы с нею сердечно расстались, обе все время плакали, и я сегодня же уехала в Москву. Все сестры провожали меня со слезами, и я долго не могла успокоиться; тут мне было хорошо, матушка меня искренно любила, сестры тоже, да и келейка у меня была такая симпатичная и уютная! Что-то меня ожидает там? Мил и дорог мне бесценный Батюшка.

16 октября 1903 г.

Устроив все свои дела в Москве, я сегодня приехала в Петербург, в Иоанновскую обитель, и устроилась в отведенном мне помещении. Я очень была рада встрече с преосвященным епископом Омским Михаилом, от которого получила благословение, — как бы на водворение в этой обители. Матушка Ангелина приняла меня любезно, пригласила к себе кушать и дала свое благословение на мое водворение здесь. На душе у меня страшно тоскливо и тяжело...

17 октября 1903 г.

Приехал дорогой Батюшка, я выбежала вместе с другими навстречу ему. Он был в чудном настроении духа и радостно поздоровался со всеми. Я поклонилась ему в ноги, он поцеловал меня в голову, обнял и закидал вопросами: «Ну, что, переехала? Хорошо ли тебе? Не сыро ли? Как твоё здоровье?» Я отвечала, что спина и руки болят всё. Он похлопал по плечу и сказал: «Ну, что делать, старость начинает давать себя чувствовать». Прошел в столовую, усадил рядом и стал угощать кофе и чаем, наливая на блюдечко из своего стакана, как бы делясь со мной; всех других тоже угощал, но не из своего стакана, а из других. Матушка Ангелина передала Батюшке о том, что я предложила ей свои

услуги заведовать домом для живущих при монастыре. Батюшка ласково сказал: «Очень, очень рад, пожалуйста, возьмись за это дело». Затем благословил нас и уехал.

20 октября 1903 г.

Вчера был день Ангела дорогого Батюшки, и я, когда он сегодня приехал, поднесла ему шитый золотом складень и воздухи. Но Батюшка был не в духе. Поздоровался как-то равнодушно, ни на кого не глядя; принял подарки и поздравление как-то холодно и рассеянно поблагодарил, — как будто все это ему неприятно. Улыбнулся только, когда я подала ему поздравительную телеграмму и письмо от матушки Антонии, которые, не читая, положил в карман, а воздухи и складень велел взять в Кронштадт. Хотя матушка Ангелина уговорила его пойти в столовую и выпить чаю, но он ничего не пил, а только угостил находившегося там архитектора и некоторых других из всего громадного там собравшегося общества. Затем простился, благословил только меня и, идя по лестнице, повторил провожавшим его два раза: «Прощайте, прощайте».

22 октября 1903 г.

Сегодня отец Иоанн служил у нас. Я пришла к Батюшке пораньше и просила его исповедать меня. Он, узнав, что я приготовилась, взял записку с моими грехами, позвал меня в свою спальню, надел епитрахиль и положил крест и Евангелие. Я встала на колени. Батюшка внимательно прочитал мою записку и стал говорить о смирении и о том, как необходимо его приобрести. Он сказал мне: «Конечно, ты мучаешься, потому что жила широко, стояла в обществе очень высоко и привыкла ко вниманию, а потеряв мужа, сразу увидела обратную сторону и поняла, что большею частью внимание оказывалось не от чистого сердца, а по необходимости; конечно, для тебя это было сильное испытание; но все во благо и да поможет тебе Господь смириться. Знай, что смиренных Бог любит, а гордым противится, работай хорошенько над собой, вникай побольше в свой внутренний мир, старайся быть снисходительной к поступкам людским и побольше старайся находить недостатков в себе и их исправляй; других же не осуждай, одному Господу открыты сердца всех».

Затем отпустил мне грехи и благословил меня. Несмотря на страшную толкотню мне удалось причаститься как следует. Батюшка произнес проповедь на слова: *смиранным Бог помогает, а гордым противится*¹⁾. Он говорил: «За гордость Денница спал с неба, а с ним спали и другие послушавшие его духи, и им всем назначено вечное мучение. Так и вы, братие и сестры, те из вас, кои гордятся и мнят себя высокими, все будете низложены и спадете с высоты... — и несколько раз повторил: — Все гордящиеся, все будете низвержены...» Затем прибавил: «Лев Толстой возгордился не хуже Денницы и тоже будет низвержен».

Начал причащать; мне Батюшка протянул в своей руке Причастие через головы девочек со словами: «Да благословит тебя Господь мой и Бог мой». По окончании обедни я с большим трудом выбралась из церкви и вздохнула свободнее только тогда, когда очутилась в игуменской, хотя и туда набралась масса народу. Скоро пришел Батюшка, благословил трапезу, помолился, сел за стол и угощал всех. Сам выпил несколько глотков чаю, скушал крошечный кусочек пирога, затем простился со всеми и уехал.

26 октября 1903 г.

Дорогой Батюшка в первый раз посетил меня. Сначала пришла матушка Ангелина, и мы вместе с нею встретили отца Иоанна на лестнице. Он ласково поздоровался, благословил и сказал, что идет ко мне; я поклонилась ему в ноги и поблагодарила. Батюшка прошел в комнату, говоря: «Да как же у тебя хорошо-то! — обратил внимание на портреты и картины и опять повторил: — Очень, очень хорошо у тебя, Е.В.» «Ну, что же, хочешь помолиться?» — спросил он. «Сделайте милость, Батюшка, освятите мое новоселье», — сказала я. Сейчас же принесли епитрахиль, он надел ее, опустился на колени и стал молиться... Батюшка молился так, что невольно всю душу охватывало молитвенное настроение и слезы полились у меня неудержимо. Сначала молил Спасителя, прося у Него милости, укрепления, исцеления и водворения здесь, молился от всего сердца; призывая Царицу Небесную, со слезами просил Ее заступничества и помощи. Затем произнес: «Укрепи и поддержи, спаси и помилуй Екатерину и Ангелину», — освятил воду и дал приложиться

¹⁾ Ср.: Иак. 4, 6.

ко кресту. За неимением кропила своею рукою обильно окропил меня святою водою. «Все равно, рука моя освящена», — сказал Батюшка; зачерпнул стакан святой воды, напоил ею меня и игумену Ангелину и сам dokonчил. Тут принесли кропило; отец Иоанн окропил всю мою комнату. «Да будет благодать Господня на ложе сем», — сказал, окропляя мою кровать; освятил другую мою комнату и кухню, вернулся, сел за стол и разговорился со священником отцом Александром Коротаевым. Потом спросил, болит ли у меня голова? Я отвечала: «Нет, но зато болят плечи и рука, и опухли пальцы», — и выразила догадку, что, может быть, Господь наказывает меня теперь за мои прежние занятия спиритизмом, когда я много писала, беседуя с духами. Батюшка сказал: «А что, пожалуй, и правда! — и прибавил: — А ведь они замечательно говорили с тобой, у меня хранятся твои беседы с митрополитом Филаретом и епископом Смоленским Иоанном; верно и справедливо обрисованы личности того и другого». Затем продолжал: «Оба они были большими умниками и необыкновенными людьми. Епископ Иоанн был со мною в Академии Духовной и был такой умница!⁵⁸ Я перед ним казался совсем простенький; но он возгордился своим умом, — это ему помешало в дальнейшей его карьере, он и умер епископом Смоленским».

Я заметила, что епископ Иоанн говорил чудные проповеди, нас, мирян, громил беспощадно, до слез, и как-то особенно умел затрагивать наши слабые стороны. Батюшка согласился с этим и, обращаясь к матушке Ангелине, сказал: «В нашей здешней библиотеке эти проповеди есть⁵⁹; велика достать мне их». Отец Александр заметил, что теперь в Петербурге очень многие занимаются спиритизмом. Отец Иоанн произнес: «Никто из них не останется безнаказанным, потому что спиритизм есть дьявольское занятие», — простился со всеми и уехал.

30 октября 1903 г.

Батюшка опять служил у нас обедню. Я, по окончании службы, прошла в игуменскую. Там отца Иоанна ожидала фрейлина Озерова со своею больной компаньонкой. Батюшка вошел, сейчас же поговорил с Озеровой и ее больною, велел последней хорошенько молиться и приобщаться Святых Таин. На меня он не обратил никакого внимания, и когда я попросила его благословения, он как бы не слышал, даже не взглянул и как-то неохот-

но протянул мне руку, которую я поцеловала. Прошел в столовую, благословил трапезу, нескольких угостил чаем, а мне и чаю не дал. Я чувствовала себя огорченной и ушла в кабинет, собираясь уйти совсем. В это время Батюшка, сильно теснимый народом, вошел в кабинет, прося дать ему дорогу, так что я совершенно неожиданно попалась ему на глаза. Он как будто только теперь меня увидал, радостно поздоровался, приостановился и спросил, как здоровье и каково расположение духа? Я пожаловалась на боль в спине и на свою хандру. Он ласково посмотрел на меня, похлопал по больной спине и плечам, поцеловал в голову и сказал: «Не надо хворать и не надо хандрить». Затем благословил, дал поцеловать руку, простился и уехал.

2 ноября 1903 г.

Батюшка приехал в монастырь вчера в 4 часа и заночевал, а сегодня служил у нас Литургию. Вчера дорогой Батюшка был в особенно благодушном настроении и весьма порадовал меня, проявив ко мне особенное внимание и участие! «Хорошо ли ты переносишь столичный климат?» — спросил меня Батюшка. «Все прихварываю», — ответила я. Сев к столу в кабинете, Батюшка продолжал: «Дорогая Е.В., ты в своей жизни много поработала, садись возле меня да и отдохни», а сам стал перечитывать разные письма, одно из них было письмо профессора Духовной Академии. Окончив чтение, Батюшка сказал: «Вот какой ловкий! Смотрит на меня, как на миллионера, и ставит мне ультиматум, чтобы я ему для кого-то проигравшегося в карты прислал не менее 1000 рублей; что ста рублями не стоит и пользоваться. Однако же, насколько он бесцеремонен! Вот я ему и пошлю именно эти сто рублей». И, действительно, тут же написал письмо, вложил кредитку в 100 рублей и распорядился отправить их по назначению. Матушка Ангелина порадовала Батюшку накладной на 600 пудов рыбы из Астрахани, говоря, что и за провоз 300 рублей уплачено отправителем. Батюшка очень обрадовался, встал и пригласил нас всех помолиться с ним, говоря: «Возблагодарим Господа за такую Его к нам милость». И мы из глубины души разделили с ним тихую святую молитву. Затем велел мне сесть и сказал: «Вот как хорошо, что я съездил в Астрахань»⁶⁰.

«Жена этого жертвователя задумала было с ним расстаться, а я уговорил ее бросить задуманное и остаться жить с мужем, так

как он ее сильно любит, и вот он благодарит за то, высылая столько рыбы». Батюшка сейчас же написал благодарность от себя и от всей обители. Мне блеснула мысль спросить Батюшку, какую силу имеет молитва об усопших и приносит ли она всегда полное прощение, если даже умерший не успел при жизни раскаяться во грехах своих? Батюшка, ласково и добро посмотрев на меня, сказал: «Был один царь-язычник, который страшно гнал христиан; когда он умер, то тело его так смердело, что невозможно было выносить. Тогда жена, христианка, стала целым собором молиться, чтобы Господь простил и помиловал ее мужа. И вот кто-то увидел сон, что труп царя не истлел и цел. Выкопали труп и нашли его нетронутым и не смердящим. Значит, Господь принимает молитвы за умерших». Тогда я спросила: как понимать слова Священного Писания: *Что посеешь, то пожнешь*¹⁾? И у апостола сказано, что молитва праведника не будет действительна, если тот, за кого он молится, сам не приложит своих стараний²⁾. Он ответил: «Конечно, без собственных трудов трудно спастись, необходимо всякому самому работать». На том и закончилась наша духовная беседа. Приняв дорогое нам от Батюшки благословение и пожелание покойной ночи, мы разошлись. Я проснулась в чудном, невыразимо счастливом настроении; какое-то мирное, покойное и благодатное чувство захватило все мое существо. Батюшка за обеднею сказал глубоко прочувственное слово на тему: *кто не со Мною, тот против Меня*³⁾. И объяснил, что значит быть со Христом; все ли мы с Ним? И доказал, что немногие; со Христом только те, которые избавились от страстей и похотей и приобрели кротость, смирение и любовь к ближним и полную покорность воле Божией; а кто этих качеств не приобрел, хотя бы он находился и в монашестве, в том Христа нет. Тот только носит имя христианина, не будучи им в действительности.

5 ноября 1903 г.

Сегодня тоже мне посчастливилось довольно долго побыть в обществе дорогого Батюшки. Одна почитательница привезла Батюшке из Сарова икону преподобного Серафима. Батюшка, одобрив и похвалив живопись, приложился к святой

¹⁾ Гал. 6, 7.

²⁾ См.: Иак. 5, 16.

³⁾ Мф. 12, 30.

иконе и стал рассматривать альбом с последовательным изображением картин открытия святых мощей преподобного Серафима. Затем дал нам всем по брошюрке, содержащей его ответ на статью графа Льва Толстого против духовенства⁶¹. Это обстоятельство вызвало во мне вопрос к Батюшке: «Может ли Лев Толстой обратиться и оставить свои заблуждения?» — «Им страшно одолела гордость, — ответил Батюшка, — он слишком уже далеко ушел в своих лжемудрствованиях, так и умрет отступником». И тут же добавил: «А как он все хорошо писал, когда занимался обыкновенной литературой и не касался духовной; вот тут-то и стал он сам себе противоречить, и ни одна его статья не выдерживает критики». После заговорила почитательница Батюшки и сказала, что она в Сарове видела какого-то прозорливца Гришу, который очень хвалил Батюшку. «Я его не помню, — ответил Батюшка, — и если его предсказания сбываются, то можно думать, что они от Господа». И продолжал: «Когда я только что начал свое служение, мне одна монашенка (простая душа) предсказала все, что теперь со мною: что я буду много получать и все раздавать, благотворить, и что меня будут почитать. Вот ведь все сбылось». Затем, пожелав нам покойной ночи и напутствуя благословением, Батюшка ушел к себе.

8 ноября 1903 г.

Сегодня я пошла поздравить матушку Ангелину с днем ее Ангела. После обеда приехал дорогой Батюшка и, ласково поздоровавшись со мной, как-то особенно крепко пожал мою руку и сообщил нам, что он сегодня говорил проповедь об Ангелах и Архангелах; потом прибавил, обращаясь ко всем нам, что всем нам необходимо достигнуть их чистоты и сделаться равноангельными; затем прошел в столовую и стал угощать нас чаем. Сам наливал чай на блюдечко и подавал, этого счастья удостоилась и я, причем твердо была уверена, что оно исцелит мою головную боль. И я, действительно, исцелилась. Батюшка недолго побыл и уехал. Прощаясь, ласково посмотрел на меня, и мою душу охватила необыкновенная радость.

13 ноября 1903 г.

Батюшка опять был в монастыре; служил обедню, сказал хорошее слово о великой важности священнического сана:

с каким достоинством его нужно носить и с каким уважением должно к нему относиться и тут же с грустью прибавил: «А как теперь много развелось таких священников, которые пренебрегают своим званием и нисколько не заботятся о том, чтобы поучать народ, а думают только о развлечениях». Затем, обратившись к монахиням, сказал: «Вы, пожалуйста, не думайте, что одели монашеское платье, так уже и спаслись; теперь-то с вас и взыщется вдвое больше, чем с других!»

Этой ночью была страшная буря; Карповка вышла из берегов и залила всю Песочную; в то время как Батюшка кончал обедню, начал причащать, вода пошла на убыль. Я причастилась и в игуменской опять была утешена беседой с дорогим Батюшкой, который сказал мне, что получил письмо от одного толстовца, в котором тот упрекает Батюшку в следующих словах: «Как Вы, такой пигмей, позволили себе пойти против такого колосса, как Толстой! Вам его не сломить». Батюшка тут же прочел мне свой ответ⁶², в котором он резко, но вполне справедливо доказывает, что Толстой — предтеча антихриста и все его учение не имеет ни смысла, ни значения.

24 ноября 1903 г.

Я была осчастливлена посещением меня дорогим Батюшкой, который, войдя в мою комнату, особенно сердечно отнесся ко мне, сказав: «Поздравляю тебя и желаю тебе долго, долго жить и достигнуть в будущем блаженства, — и поцеловал меня в голову, говоря: — Да как же у тебя хорошо-то», — потом Батюшка сел к столу и рассказал, как в свою поездку в Ревель Господь спас его и ехавших с ним от крушения: вагон так и подбрасывало, но кондуктор догадался затормозить вовремя вагон⁶³. Батюшка прибавил: «Я так счастлив, что Господь меня любит; это я вижу из того, что Господь слышит мою молитву, — и с каким-то сияющим лицом прибавил: — А какое счастье иметь Господа в себе». Вздохнув, Батюшка продолжал: «А вместе с тем, как мы недостойны, часто подвергаемся разным грехам. Что Господь слышит молитву меня, недостойного, я замечаю из того, что я особенно молюсь во время пения “Верую” о том, чтобы все отделившиеся от Церкви Православной сошлись с нею, и теперь замечаю, что эти желания сильно охватывают старокатоликов». На мой вопрос, не будем ли мы обязаны сделать какие-нибудь

уступки для этого, — он сказал: «О! нет — разве каким-нибудь неважным маленьким обрядом пожертвуем, но больше ничем. Догматов же мы не изменим ни под каким видом, ни одного». Затем Батюшка похвалил статью Заозерского об учреждении у нас патриаршества⁶⁴, только без допущения на собор мирян, сказав, что при нынешнем заблуждении умов они могут принести только вред, а не пользу. Затем выпил чайку и, угостив всех нас, благословил и уехал. Я так была осчастливлена, что не нахожу слов выразить то, что чувствовала весь день.

В течение декабря месяца мне удалось несколько раз повидать дорогого Батюшку; я исповедалась у него два раза и чудно причастилась. На мою просьбу помолиться о генеральше Б. и дать ей совет, благословлять сына на женитьбу или нет, Батюшка сказал, что советует ей не мешать ему, но просит ее вооружиться терпением и не оставлять его, а стараться всеми силами расшевелить в нем веру, которая, по-видимому, у него несколько оскудела. Духовный мой отец приказал, несмотря на мои частые недомогания, посещать непременно воскресные службы. 13 декабря, прочитав покаянный канон и за обедней сказав чудное слово о горчичном зерне и закваске¹⁾, Батюшка вдруг обратился к народу и произвел общую исповедь, сказав: «Сестры и братья! Вглядитесь хорошенько в ваше сердце и чистосердечно покайтесь!» Поднялся рев, слезы, восклицания: «грешны, помолись за нас, каемся»; такой поднялся рев, что весь храм стонал; Батюшка поднял епитрахиль, как бы над головами всех, всем отпустил грехи, благословил и стал приобщать. Я тоже приобщилась.

Что-то необыкновенное, чудное совершилось с моею душой; я вернулась домой счастливейшая и от всего сердца возблагодарила Господа, что Он удостоил меня быть участницей этой общей исповеди дорогого Батюшки.

9 января 1904 г.

Сегодня мне удалось опять поговорить с Батюшкой. Увидав меня в игуменской, он обласкал меня, спросил о здоровье и, узнав, что все прихварываю, а теперь еще напало уныние, он, так ласково смотря на меня, сказал: «Гони уныние прочь, молись усерднее Господу», — и усадил меня возле себя. На мой

¹⁾ См.: Мф. 13, 31–33.

вопрос, как узнать, что поступаешь не по своей воле, а по воле Божией, — он сказал: «Надо руководствоваться сердцем и совестью, тогда после совершения какого-нибудь хорошего, доброго дела чувствуешь духовное удовлетворение и на душе бывает легко и весело». На мой вопрос, как бороться с помыслами, он сказал: «Молитвой». — «Я молюсь, а молитвенного жару нет, и не помогает». Батюшка, посмотрев на меня чудным своим взглядом, сказал: «Представь, ведь и со мной это бывает; но я сейчас же обращаюсь ко Господу; ведь как враг одолевает, а Господь слышит молитву и удаляет его». За обедней Батюшка говорил слово о том, как Спаситель был искушаем диаволом¹⁾, и затем прибавил: «А мы-то постоянно искушаемся и потому должны строго блюсти себя и всегда быть во всеоружии, чтобы его отражать; в особенности священникам необходимо быть всегда настороже как носящим такой высокий сан, ибо к ним-то диавол больше, чем к кому-либо пристаёт, а они как будто этого и не замечают и не принимают никаких мер для борьбы с ним; потому из священников мало кто спасется вообще; кто ищет власти и домогается ее, тот наверно в руках диавола».

19 февраля 1904 г.

Дорогой Батюшка посетил меня, ласково благословил, отслужил молебен, чудно молился со слезами, потом сел к столу, угостил чаем и много беседовал со мной. Батюшка сказал: «Вот я тебе скажу нечто утешительное. Папа созвал конклав, и на нем будет обсуждаться вопрос об объединении католиков с Восточною Церковью!⁶⁵ Как это будет прекрасно! И как я поражаюсь, если это объединение действительно совершится, я уже давно молю Господа об этом; тогда у нас убавится врагов и наша толстовщина потеряет свою силу». Затем прибавил: «Меня сильно огорчает, что у нас семинарии бунтуют; а происходит все это оттого, что все прощают; а через то, что прощают, гибнут сами виноватые и других губят».

Тут к Батюшке подошли муж с женой и сказали, что они были пашковцами⁶⁶, но по молитвам Батюшки оставили эту секту и теперь просят его вымолить им у Господа прощения. Батюшка сказал: «Пашковцы отстали от истинного учения православной веры, заблудились, и им последовать — большой грех». Когда

¹⁾ См.: Мф. 4,1–11.

я попросила Батюшку благословить меня поступить в сестры милосердия и поехать на войну⁶⁷, так как во мне сильно заговорило чувство патриотизма, он обнял меня и, так отечески ласково смотря, сказал: «Куда тебе с твоим слабым здоровьем брать на себя такой труд; дело тебе и тут найдется; вступила в нашу обитель и подвизайся тут», — и поцеловал меня в голову; потом выпил чайку и дал мне из своего стакана; угостил всех тут находившихся, преподал всем благословение и уехал.

31 марта 1904 г.

За это время несколько раз удалось повидать дорогого Батюшку, исповедаться, причаститься у него и много поговорить с ним. 28 февраля он ночевал у нас в монастыре. Когда он приехал, то, ласково поздоровавшись, усадил меня возле себя и сказал, что он сегодня страшно утомился: причастил более пяти тысяч человек, и что ему что-то не совсем здоровится. Батюшка пришел к себе в спальню, надел шубу и, так стоя, продолжал разговор: «Какое страшное время мы переживаем! Завтра предстоит страшная атака Порт-Артура⁶⁸, помощи, Господи, нашим храбрым воинам! Завтра еще помолимся о них поусерднее. А ведь все виноваты мы, слишком уже прогневали Господа своим неверием, своею дурною безнравственною жизнью. Веришь ли, дорогая Е.В., где я только ни бываю, почти везде царит несогласие, раздор, неверие, ссоры или полный разлад; совсем нет прежней, нравственной, патриархальной жизни, нигде нет ничего отрадного — по всему видно, что близок конец. Ужасно это тяжело, а надо готовиться к скорому концу жизни. Как хорошо написано в Библии: как Господь долго терпел и наконец, выведенный из терпения, Он наказывал израильтян за отступничество¹⁾, — а ведь это все прообраз Нового Завета. А теперь разве не то же самое? Мы забыли Бога, забыли заповеди, вот Господь и попустил язычникам напасть на нас, — и прибавил: — Какая чудная книга Библия: чем больше ее читаю, тем больше она мне нравится». И сейчас же прочел нам, как Моисей одолел Амалика; прочитав то место, где *Моисей поднимал руки* и израильтяне одерживали победу, а *когда опускал*, то победа переходила на сторону врага²⁾, объяснил нам, что простираание рук означало Крест Господень и Его

¹⁾ См.: Чис. 25, 1–9.

²⁾ См.: Исх. 17, 8–16.

страдания за грешный мир. Когда я с грустью сказала, что в обществе существует мнение, что содержание Библии — пустая сказка и что даже Ветхий Завет следует совсем устранить из преподавания, Батюшка, глубоко вздохнув, сказал: «В тяжелые времена мы живем! И все это зло наделал Толстой! Как страшно упала нравственность, что только пишут! Например: “Рай” Мережковского, в котором он христианство называет абсурдом⁶⁹».

В это время приехал какой-то господин из духовного ведомства и заговорил с Батюшкой, что как это он так много трудится и сам читает каноны. Батюшка сказал, что он читает потому, что видит в них духовную красоту и считает себя особенно счастливым, что народ его любит и верит его молитве; он чувствует, что Господь к нему особенно милостив и часто по его молитвам посылает исцеления тем, кто с верою обращается к Нему. Говоря это, Батюшка перекрестился, сказав: «Слава и благодарение милосердному Господу за все Его милости ко мне, грешному».

Я подвела к Батюшке одну даму, приехавшую издалека; дама сказала, что ее прогнал муж и что она просит Батюшку помолиться и дать совет, как ей жить. Батюшка ужасно возмутился, сказав: «Да что это такое творится: только и слышишь, то муж прогнал, то жена ушла». И обратившись к ней, спросил: «Что он, прелюбодействовал?» Когда она ответила, что все вышло из-за денег, он покачал головой и сказал: «Как же! — было и то и другое». Дама, услышав это, так растерялась, не нашла, что и ответить... Он же очень строго сказал, чтобы она отложила всякое самолюбие и непременно возвратилась со своим трехмесячным ребенком к мужу, что тогда Бог пошлет ей здоровья. Обратившись к нам, Батюшка сказал: «Пост приходит к концу, нужно нам хорошенько проверить себя, что мы сделали за это время: исправились ли хотя в чем-нибудь, и крепко пожалеть, если придем к заключению, что не сделали ровно ничего».

Ведь Господь Сам установил пост, постившись 40 дней и победив диавола. Когда я спросила Батюшку: «Что это вы как похудели, вы, верно, ничего не кушаете, — и прибавила: — Вас только одна благодать поддерживает!» Он перекрестился, сказав: «Да, благодарение Господу, действительно, благодать поддерживает меня, — и ласково глядя на меня, сказал: — Я не только все ем, я чревоугодник», — и в подтверждение сказанного из всей поданной закуски — выпил только один глоточек чаю, а весь стакан свой отдал мне и больше ни к чему не прикоснулся; затем вдруг

повернулся ко мне и крепко хлопнул ладонью по больному плечу: я тут же почувствовала, что боль сразу утихла. Я от всего сердца поцеловала ручку. Затем он, пожелав нам спокойной ночи, благословил и ушел к себе. Я вернулась домой счастливейшая.

19 апреля 1904 г.

За это время Батюшка несколько раз служил у нас, а сегодня после службы посетил меня. За обедней сказал слово о том, что «не надо много мудрствовать, а надо чаще ходить в церковь; в ней получается спасение чрез Причащение Святых Таинств. В церкви человек обновляется, получает полное духовное удовлетворение, совсем оживает и делается другим человеком; — и прибавил: — Я сам на себе все это испытываю». Служа у меня молебен, Батюшка чудно, со слезами молился, поговорил с моими воспитанницами, кончающими институт, благословил их на труд, говоря: «Трудитесь, деточки. Господь любит труды, только смотрите, берегите ваши души от всего нехорошего и недоброго», — напоил их чайком и горько пожалел, что потонул «Петропавловск» и на нем погиб такой чудный адмирал и человек, как Макаров⁷⁰.

На мой вопрос, как Батюшка благословит мне провести лето, сначала он сказал: «А как хочешь», — но услышав, что я ничего не делаю без его благословения, ласково посмотрел и похвалил меня, сказав, что отречение от своей воли есть весьма угодное Господу дело, и благословил провести лето в Орловском Введенском монастыре, прибавив при том: «Твоя любимая игуменья Антония становится слаба, ей уже недолго остается жить, навести ее», — благословил меня и всех присутствующих и уехал.

3 мая 1904 г.

Уже несколько дней, как у меня сильно болело плечо, а сегодня боль усилилась до того, что я решила позвать девушку растереть. Но вдруг я заснула и вижу дорогого Батюшку; я подошла к нему и стала просить полечить; он благословил меня, перекрестил, так нежно похлопал по больному плечу, и у меня сразу боль утихла. Я проснулась, — чувствуя себя совсем хорошо. Так как Батюшка сегодня должен был служить у нас и ночевал тут, я от всего сердца возблагодарила Господа за исцеление и пошла в игуменскую; там я попросила Батюшку исповедать и причастить

меня, сказав ему, что я видела его во сне и он исцелил мое плечо, и поклонилась ему в ножки, благодаря.

Он выслушал меня, ласково смотря на меня, и сказал: «Слава Богу, что ты поправилась; по вере твоей Господь и посылает тебе», — и сейчас же стал меня исповедовать и дал мне целое наставление, как надо жить и совершенствоваться, чтобы приблизиться к тому идеалу, как сказал Господь: *будьте вы совершенны, как и Отец ваш Небесный совершен*¹⁾, — и прибавил: «Работай хорошенько над собой, проверяй себя постоянно, кайся почаще, зови и благодари Господа». Затем объяснил мне слова апостола Павла: *Никто не может ко Мне прийти, если не привлечет его Отец, пославший Меня, и Я воскрешу его в последний день*²⁾, — и сказал: «Господь, конечно, вперед знает, кто Его слушает, а кто нет, но Господь-то желает всех спасти и потому дает свободную волю исполнять Его законы или пренебрегать ими; Он же дает и все средства к тому, чтобы все исправились, ну и конечно, кто ничему не захочет внимать, тому приготовлено вечное мучение; но Господь неизреченно милостив и долготерпелив, долго ждет нашего исправления и покаяния и прощает нам». И прибавил: «Тем, которые охотно последуют Господу, Он помогает Своею благодатью, усиливая в них желание спастись и помогая им спастись; от нежелающих же спасения, испробовав все средства, Господь отнимает благодать и оставляет без ее помощи». Я прекрасно отстояла обедню, причастилась и весь день чувствовала себя счастливейшей; вся душа моя была переполнена благодарностью ко Господу.

23 июля 1904 г.

Прекрасно провела лето в Орле и на возвратном пути увидела дорогого Батюшку в Москве, где он меня обласкал и утешил своим вниманием, сегодня мне удалось причаститься Святых Таин; он служил в Общине сестер милосердия княгини Шаховской и после обедни в ее помещении благословил мне сегодня же ехать с ним в одном вагоне в Петербург. Мне посчастливилось достать билеты. Как только поезд тронулся, Батюшка усадил меня рядом с собою, и мне удалось опять поговорить с ним. Я передала ему несколько писем с просьбой помолить-

¹⁾Ср.: Мф. 5, 48.

²⁾Ин. 6, 44.

ся; прочитав одно письмо и узнав, что у писавшей рак, сказал, что ни под каким видом не благословляет ей делать операцию, потому что она ее не выдержит и умрет раньше времени; лучше пусть еще поживет, да хорошенько приготовится, и пусть устроит лучше странноприимницу, а не богадельню: это потребует меньше труда, и пусть переносит болезнь терпеливо, а сам обещал помолиться Господу, чтобы Он послал ей сил и терпения. Затем, прочитав другое письмо, сказал: «Господи! Какое несчастье, — ведь он сумасшедший! И как же можно держать его дома! Ведь он в припадке сумасшествия может их зарезать — я благословляю отвезти его в сумасшедший дом, нечего ожидать исцеления и подвергать себя опасности быть зарезанными или живо сожженными».

В дальнейшей беседе сказал, что он прекрасно путешествовал⁷¹, вполне благополучно. Затем благословил меня, пожелав покойной ночи, и я ушла в свое купе; там я от особы, сопровождавшей Батюшку, узнала, какое чудо сотворилось в Ваулове по молитвам Батюшки. Матушка Ангелина попала под лошадь, и по ней проехали колеса, так что никто не думал, что она останется жива. Батюшка в это время усиленно молился, и она не только осталась жива, но даже не изуродовалась (осталась такой же красивой и цветущей, как была) и имела силы на другой же день вернуться с Батюшкой в свой монастырь в Петербург. Как только дорогой Батюшка встал, сейчас же прислал за мной; я попросила его помолиться обо мне, чтобы Господь избавил меня от тоски и уныния, которое вызвано разными невзгодами, — каковы убийство Бобрикова, Плеве⁷², война, полное извращение понятий и тому подобное: «Все это так меня мучает, что нигде места не нахожу». Батюшка, выслушав меня, сделался очень серьезен, сосредоточился, встал, подошел к окну и стал молиться; и как он молился! В эти 10 минут — мне так было хорошо, хотелось бы, чтобы его молитва не прекращалась. Потом он сел и, посадив меня возле себя, заговорил об общем почти безверии, охватившем большинство образованного общества, — и прибавил: «Все это показывает, что конец близок, предтеча антихриста уже есть, остается только самому ему народиться — и конец. Что делать, — тяжело, а надо терпеть».

Затем я рассказала, как мне жаль дочь моей приятельницы: она потеряла веру и сама призналась мне, что это случилось потому, что она сделалась ярой поклонницей Льва Толстого. Батюшка удивился и спросил: «Да неужели она неверующая? Вот оттого-то она

все и болеет, да, пожалуй, и с ума сойдет. (Она сошла с ума.) Ах, как тяжело не верить, я по опыту знаю, и с каждым днем все больше и больше убеждаюсь, что Господь близ нас, что Он слышит наши молитвы; я сам Его вопрошаю и получаю ответы — это факт. Как же можно сомневаться и не верить? О! несчастные, несчастные эти неверующие!» Так мы проговорили всю дорогу, и я вернулась к себе в самом чудном, счастливом настроении духа.

30 июля Батюшка служил у нас обедню и сказал чудное слово о Втором Пришествии Господа нашего Иисуса Христа и о Страшном Суде. Уезжая, Батюшка вдруг обратился к нам и сказал: «Поздравляю с праздником». Не успел он уехать, как начался колокольный звон, пальба из пушек, и мы с великою радостью узнали, что у Государя родился Наследник. Затем 1 августа опять видала Батюшку и говорила с ним о войне с Японией. Он выразил большую радость, узнав из газет, что наш флот вышел из Порт-Артура в открытое море и что надеются, что теперь победа должна быть наша. Батюшка перекрестился, сказав: «Дай, Господи, чтобы это так было».

Матушка Ангелина это время хворала и просила Батюшку помолиться, говоря, что она сильно страдает. Он ей сказал: «Побольше веруй и перестанешь страдать — страдания приведут в Царствие Небесное».

9 августа 1904 г.

В течение этого времени я несколько раз видела Батюшку. В необыкновенно радостном настроении духа, увидав меня, Батюшка весело поздоровался, так радостно благословил и сказал: «Знаешь, дорогая Е.В., в среду у Государя крестины Наследника, и я приглашен⁷³ вместе с Его Высокопреосвященством митрополитом Антонием. Какая великая честь мне, недостойному! Какая великая милость, что я позван на Крещение Наследника, — и сказал: — Слава и благодарение Тебе, Господи, за все!» Затем встал перед иконой Спасителя и помолился. Когда подали чай, то Батюшка, налив на блюдечко, подал матушке Ангелине, сказав: «Игуменья, выпьем с тобой чайку, только смотри, не облейся!» Затем, подавая мне блюдечко, повторил: «Ну, генеральша, выпьем вместе, да не облейся!» Я взяла да, целуя его ручку, и облилась. Он засмеялся, сказав: «Чай дорогой». Тут моя соседка выразила Батюшке, что она не верит, что будто бы эки-

паж проехал по матушке Ангелине и она осталась жива. Батюшка сам подтвердил ей: «Я сам ведь видел, как по ней переехала коляска и она осталась жива только чудом. Господь оказал мне великую милость: услышал мою молитву и сотворил это чудо».

13 августа 1904 г.

Батюшка приехал вчера вечером в монастырь; увидав меня, радостно поздоровался, благословил, спросил о здоровье и рассказал, как он счастлив, что был на крестинах Наследника. Как все было необыкновенно торжественно! Батюшку поставили возле купели; в ту минуту, когда крестили Наследника, вся церковь озарилась особенным солнечным светом.

Сегодня Батюшка служил у нас обедню и сказал хорошее слово: «Так как человек служит храмом для Духа Святого, то и должен особенно заботиться о том, чтобы этот храм всегда был чист и достоин того, чтобы в нем обитал Святой Дух». Затем Батюшка осчастливил меня своим посещением, отслужил молебен, так хорошо молился, что и у всех явилось молитвенное настроение и слезы; всех обласкал, каждого утешил своим вниманием, многим дал советы, как жить и за все благодарить Господа, всех благословил и уехал, оставив нас счастливейшими.

Дорогой отец Иоанн был у нас 27 августа, так приветливо благословил меня, поговорил с матушкой Ангелиной и со мной. На мой вопрос, почему это на войне с Японией все так неудачно, он сказал, что во всем виновата толстовщина, распространившая неверие: присланной в Порт-Артур иконе Божией Матери не оказали должного почитания⁷⁴, — вот Господь и наказывает. Я спросила, нужно ли поступать так, как советует святой Пимен, — покрывать все и не заботиться об исправлении других. Батюшка отвечал: «Тому, кто не стоит в положении учителя или начальника, а не тому, кому поручено управлять чем-либо; частному человеку, безусловно, следует послушаться этого совета, — и прибавил: — Как много надо терпения, зато в нем великое благо; ничего нет тяжелее, как быть духовно слепым, и как много развелось их за последнее время!»

30 сентября 1904 г.

В течение этого месяца Батюшка несколько раз бывал у нас и служил 6-го числа. В своей проповеди он объяснил значе-

ние слов: *хлеб наш насущный даждь нам днесь*¹⁾. Он говорил, что это есть просьба о допущении всех нас каждодневно к Святым Тайнам, подразумевая под хлебом Тело и Кровь Христову, и убедительно высказал, что необходимо чаще приобщаться, чтобы получить благодать, без помощи которой мы своими силами не можем спастись.

8 сентября. Отец Иоанн приезжал вечером в игуменскую. Я ходила поздравить матушку Ангелину с днем Ангела и попросила дорогого Батюшку освятить складень, который и просила матушку Ангелину принять от меня на память. Он охотно исполнил мою просьбу, освятил, так хорошо помолился, благословил им матушку игуменью и передал складень ей, а меня поблагодарил, как будто я ему сделала подарок. 22-го, служа обедню, Батюшка вдруг велел переменить все ризы; мне объяснили, что это означает перемену в составе духовенства⁷⁵; в игуменской после обедни всех угощал чаем, меня благословил и очень ласково поздравил с принятием Святых Таин. Когда Батюшка уходил, ему спели его любимый канон; он объяснил его содержание и сказал, что оно очень важно, так как подтверждает великое значение Святой Троицы, Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, — и изображает всю великую силу любви Бога к человечеству.

12 октября 1904 г.

Сегодня дорогóй Батюшка исповедал меня в игуменской перед обедней. Я сказала ему, что не могу так часто приобщаться, как другие, потому что считаю себя недостойною, и в то же время вижу, как многие через частое приобщение впадают в гордость и начинают считать себя святыми. Отец Иоанн ответил, что приобщаться нужно часто, но непременно с самым строгим приготовлением, следя за собой и не позволяя себе грешить ни прежде, ни после приобщения; сказал, что нужно быть внимательней к себе, стараться исправлять себя, а не других, что благодать не всегда бывает ощутительна по нашей греховности. Затем благословил и отпустил все мои грехи; мне стало легко и хорошо; я прекрасно отстояла обедню и причастилась одною из первых. Батюшка произнес чудное слово на Евангелие: *кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее*²⁾. Объяснил слова: *есть*

¹⁾ Мф. 6, 11.

²⁾ Мф. 16, 25.

некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Небесное¹⁾.

26 октября 1904 г.

Так как 19-го был день Ангела дорогого Батюшки, и я по нездоровью не ездила к нему сама, а послала поздравительную телеграмму, то только сегодня, когда он приехал, и могла поздравить его лично. Я прошла к отцу Иоанну в игуменскую вместе с приехавшими из Орла монашенками, которые по моему заказу сработали шитую шелками икону Божией Матери, — копию с Порт-Артурской. Батюшка все это время прихварывал, и я нашла его страшно похудевшим. Он очень ласково отнесся ко мне и к моим монахиням; на мое замечание, что он сильно изменился, отвечал: «Я ничего не ем все это время, живу только одними Святыми Тайнами». Очень милостиво принял от меня икону и ряску и, узнав, что икона уже освящена, встал на колени перед ней, помолился и, приложившись к ней, стал расхваливать работу; благословил монахинь и похвалил их, мне же сказал: «Большое тебе спасибо, дорогая моя Е.В.». На мою просьбу эту ряску и епитрахиль непременно сносить до дырочек и никому не отдавать, так весело ответил: «Хорошо, хорошо, с радостью исполню эту твою просьбу, — и, обращаясь ко всем тут находившимся, прибавил: — Вот как Господь милостив ко мне, я все раздаю направо и налево, а мне Господь все посылает и посылает... Здесь, на этом месте, был пустырь, а какая устроилась обитель и милостию Божиею не оскудевает! — так и должно жить...» И опять стал говорить о великом и важном значении Таинства Святого Причащения и о необходимости приступать к нему как можно чаще: «Я это на себе чувствую, я оживаю, воскресаю душою, совсем обновляюсь после того, как приобщусь», — говорил Батюшка. «Что же, и нам, мирянам, вы советуете тоже часто приобщаться?» — спросила генеральша Муяки⁷⁶. Отец Иоанн отвечал: «Непременно, а иначе где же вы возьмете сил бороться с окружающим злом? Нужно только от всего сердца искренно покаяться, — Господь примет покаяние и простит, тогда смело приобщайтесь... Сам Господь, давший нам молитву “Отче наш”, говорит: *хлеб наш насущный даждь нам днесь*, — значит, этими словами Он прямо указывает, что этот хлеб насущный и есть Его

¹⁾ Мк. 9, 1.

Святое Тело и Кровь, которые ежедневно подаются нам, чтобы мы имели силу бороться со злом».

На просьбу монашенки помолиться о ее брате, чтобы тот перестал пить, Батюшка сказал: «Ужасная это страсть; такой человек, если не исцелее, то он погиб и не наследует Царствия Небесного; мало надежды спастись пьянице, ибо смерть может наступить неожиданно, как раз в этом состоянии, тогда уже не придется покаяться...» Затем угостил всех нас чаем и благословил.

9 ноября 1904 г.

Сегодня дорогой Батюшка служил обедню у нас в монастыре и хотя выглядел таким слабым, все же нашел в себе силы и сказал прекрасное слово на Евангелие: *соль есть добрая вещь; но если она обуяет, то чем сделаешь ее соленою?*¹⁾

Солью он назвал преподавание людям евангельского учения, которое истребляет всю нравственную гнилость в них; о просвещении сказал: хорошая вещь, но если и оно обуяет, то к чему оно будет годно? Нужно бросить его...

После обедни Батюшка посетил меня; ласково поздоровавшись, благословил меня, о себе сказал, что несмотря на свое нездоровье, ему удавалось все же каждый день служить обедню и говорить проповеди, и выразил удовольствие, что на это время у него переставал кашель и голос был крепкий. На мое заявление: «Господь с вами чудеса творит!» — он так хорошо улыбнулся и сказал: «Да! Действительно чудеса... хотя я и нездоров, но мне страшно наскучило сидеть дома; положим, я за это время много перечитал... Слава Богу, что в “Московских ведомостях” пишут правду и открывают глаза самому правительству, да и всем, кто заблуждается».

Затем отец Иоанн отслужил молебен, за которым со слезами просил Господа избавить меня от уныния, но послать мне бодрость духа и здоровье, назвал меня умницею и похвалил за то, что я попросила его помолиться о Куропаткине⁷⁷: «Как хорошо, что ты вспомнила о нем, как ему нужна теперь молитва», — сказал он. Когда Батюшка окончил служение, я поблагодарила его и сказала, что сегодня получила большое утешение в произнесенной им проповеди, разъяснившей мне мучающие меня вопросы.

¹⁾ Ср.: Лк. 14, 34; Мф. 5, 13.

Он прижал меня к своей груди и, ласково, добро смотря на меня, сказал: «Слава Богу, что Господь мне помог так тебя утешить»; выпил чаю и угостил им всех; я еще раз поблагодарила Батюшку, что он так много сделал для меня, — исцелил совсем мои головные боли и избавил меня от страха смерти, так мучившего меня раньше. Он опять обнял меня и, смотря тем же милостивым, добрым взглядом, сказал: «Очень, очень рад и благодарю за все это Господа, — протянул мне блюдечко с чаем со словами: — Теперь выпьем с тобою на здоровье», — спросил, где у меня цветы, что так чудно пахнет резедой (у меня цветов нет), напоил всех чаем, благословил и уехал.

14 ноября 1904 г.

Сегодня дорогóй Батюшка угадал мои мысли и исполнил мое желание. Благословив всех и поговорив со мной в игуменской, Батюшка занялся своим дневником; я, отойдя от него, беседовала с матушкой Ангелиной и только что выразила ей свое желание узнать, что теперь Батюшка пишет, как вдруг он повернулся ко мне и заговорил со мной: «Как твоё здоровье, Е.В.? Мне же теперь, слава Богу, получше, только покашливаю, да желудок все не исправляется; впрочем, это мое старчество сказывается, — и тут же прибавил: — А хочешь, я тебе прочту, что я сейчас записал? Я вспомнил свое юношество и грехи, которые творил в это время... Вспомнил своих наставников: Макария и Иоанна, епископа Смоленского⁷⁸»; последнего я хорошо знала и похвалила его. Отец Иоанн сказал: «Да, он был дивный человек, и я ему обязан тем, что получил это великое назначение, — священство; теперь в семинариях преподавание наук совсем другое, да и все пошло не так». Затем стал хвалить Златоуста, сказал, что ничего не может быть лучше его объяснений Евангелий от Матфея и от Иоанна, напоил всех нас чаем, благословил и, пожелав спокойной ночи, ушел к себе.

15 ноября 1904 г.

Отец Иоанн приезжал в монастырь, очень милостиво принял нас, меня и генеральшу Муяки, и разговорился с нами. На приглашение Муяки — приехать к ней на обед — отец Иоанн решительно отказался, да и матушке Ангелине заявил, что и ей не дает благословения поехать: ее положение как игуменьи тако-

во, заметил Батюшка, что ее присутствие постоянно необходимо в монастыре и ей совсем не следует ездить по обедам. Я попросила отца Иоанна объяснить, что это такое бывает с человеком: на душе так хорошо, весело, чувствуется какое-то блаженство, а между тем в это время слезы так и льются. Он сказал: «Это означает, что Господня благодать посетила, — эти слезы чудные, благодатные, за них надо всем сердцем благодарить Господа...» — и при этом как-то особенно радостно благословил меня, поцеловал в голову, простился со всеми и ушел к себе.

23 ноября 1904 г.

Сегодня дорогой Батюшка отслужил у нас всенощную и потом в игуменской поздравил меня с преддверием дня моего Ангела и сказал, что завтра он не может приехать ко мне, так как уже обещал другим. Матушка Ангелина пригласила его пить чай, он же позвал и меня: «Ну, пойдем, дорогая Е.В., сегодня я тебя буду угощать», — обратился он ко мне. Батюшке подали горячие просфоры, он отломил верхушку и подал мне вместе со стаканом чаю; я от всей души поцеловала его руку. Затем он пошел в кабинет, матушка Ангелина пригласила меня пойти туда и подала там отцу Иоанну большую икону Казанской Божией Матери; он взял ее в руки, помолился, приложился к ней, перекрестил меня этой иконою, благословил и, давая приложиться, сказал: «Это тебе благословение Иоанновского монастыря». Я была тронута до глубины души и от всего сердца поблагодарила Батюшку: «Вы меня так осчастливили, что я точно на небо попала», — сказала я. Тут же поблагодарила и матушку Ангелину и пригласила ее завтра к себе кушать; отец Иоанн обратился к ней со словами: «Непременно иди, Ангелина, — Е.В. с нами одной семьи».

Затем благословил меня, пожелал хорошо провести день и утешил, сказав, что если только будет в состоянии, то постарается приехать. Я вернулась домой такою счастливою, что не умею и выразить, и со слезами отблагодарила Господа.

12 декабря 1904 г.

Так как Батюшка все это время хворает, то я решилась поехать в Кронштадт навестить его. И вот вчера мы выехали вместе с А.С. Орнатской⁷⁹; я еще в первый раз в жизни проехала на ледоколе и увидела Кронштадт. По приезде туда мы узнали, что

дорогой наш Батюшка сильно захворал и сегодня так ему было худо, что он даже кричал от боли, и никого к нему не пускают. Нас просили навестить Батюшку на другой день. Мы переночевали в Доме трудолюбия. Я видела Батюшку во сне: он отворил нашу дверь, перекрестил меня и ушел...

Утром нас приняли, и я не успела еще снять шубы, как увидела дорогого отца Иоанна, направляющегося ко мне (А.С. прошла вперед и сообщила ему о моем приезде). Я поспешила к нему; он так весело сказал: «Здравствуй, дорогая Е.В., большое тебе спасибо, что приехала ко мне, очень, очень рад тебя повидать! Мне А.С. сказала, что ты хочешь что-то мне передать от Его Высокопреосвященства митрополита Антония, пойдем ко мне в кабинет и поговорим». Благословил меня, я поцеловала его руку, поклонилась ему в ноги и пошла за ним в его кабинет и спальню вместе. Как только я вошла туда, меня охватило какое-то особенное чувство счастья и радости, я внутренне от всего сердца помолилась, глядя на чудные иконки, и от всего сердца возблагодарила Господа, что Он устроил мою поездку сюда.

Дорогой Батюшка усадил меня и спросил, что же я ему скажу. Я отвечала: «Бесценный Батюшка, я боюсь вас огорчить тем, что имею вам сказать...» Он как-то радостно и благодарно посмотрел на меня и сказал: «Говори, чем ты можешь меня огорчить? — Решительно ничем». Тогда я передала ему просьбу митрополита Антония: если Господу угодно будет взять вас от нас, чтобы вы исполнили его и наше желание и остались у нас в Иоанновском монастыре, а для этого владыка просит вас написать прошение на Высочайшее Имя. Батюшка выслушал меня с веселой улыбкой, подошел к столу, взял большой весь исписанный лист и, показывая его мне, радостно произнес: «Вот посмотри, я уже исполнил его и ваше желание: я написал об этом Его Высокопреосвященству и прошу его похлопотать обо мне; Государь меня любит, и я вполне уверен, что исполнит это мое желание»⁸⁰. На мой вопрос — как вы себя чувствуете, — Батюшка выпрямился и сказал весело: «Я бодр, покоен духом, силы у меня есть, теперь я себя чувствую прекрасно. Вчера я сам был виноват, что мне сделалось худо, — захотел полечить себя сам, вместо доктора, да и повредил себе; но теперь, слава Богу, прошло, и я чувствую себя хорошо. Однако, чтобы успокоить всех вас, я согласился на просьбу моего доктора Казанского и позволил ему привести ко мне специалиста, доктора Сухова». «Слава Богу,

что вы это сделали, — заметила я, — только уже и дайте ему хорошенько осмотреть вас, тогда вы быстро поправитесь». Отец Иоанн сказал на это: «Да, ты права! А только профессоров-то на что?» Тут доложили, что приехали доктора. Батюшка благословил меня и произнес: «От всей души благодарю тебя, что ты посетила меня». Я поклонилась ему в ноги и просила его побережь себя и никуда не ездить. «Охотно исполню твою просьбу и не только не буду выезжать, но и принимать к себе никого не буду...» — обещал мне Батюшка.

Пока были доктора, я познакомилась с супругой дорогого отца Иоанна, очень симпатичной старушкой, Елизаветой Константиновной, и его племянницей. Они очень ласково и сердечно отнеслись ко мне и выразили свое огорчение, что Батюшка никого не слушает: сам себя лечит, не хочет ни лежать, ни сидеть, а пишет и читает, стоя на коленях.

Проводив докторов, Батюшка опять вышел и выразил большое удовольствие, что застал нас еще тут: «Как я рад, что вы дождались меня, видите — я молодцом, ничего у меня не болит, — сказал он, и продолжал: — Я исполнил твое желание, дорогая Е.В., допустил другого доктора; слава Богу, они сошлись во взглядах, — Бог даст, — я скоро поправлюсь». Затем представил меня своей супруге и племяннице: «Это моя старая дорогая знакомая и самая преданная моя духовная дочь», — сказал про меня Батюшка; показал мне всех своих птичек и египетских голубков, заметив, что их он особенно любит; спросил о моем здоровье и, узнав, что плечи болят, похлопал как раз по больному месту, говоря: «Тебе не надо хворать». Поговорил с приезжими купцом и дамой о своем здоровье, высказав им так: «Видите, что ничего нет со мною, — бодр, весел, ничего не болит, только доктор велит больше сидеть дома, потому что я, по своим старческим годам, конечно, стал слабее прежнего; но, слава Богу, чувствую себя хорошо».

Батюшка сам налил мне чаю, угощал и снова благодарил меня, что приехала навестить его. Я сказала Батюшке, что всем сердцем благодарна ему за все: за то, что по его молитвам я перенесла потерю любимого моего мужа, оставила спиритизм, которым так увлекалась, разлюбила совсем мир... «Вы мой спаситель и моей благодарности вам нет пределов», — прибавила я. Он слушал меня, все время смотря на меня своим чудным, дышащим необычайною добротою и сердечностью взглядом, внутренне помолился и произнес отечески ласково: «Тут я ни при чем, — ты

сама достойна была, чтобы тебя Господь спас, — ты обладаешь умом, покорностью воле Божией, послушна, обладаешь твердою верою, — вот потому-то все это и произошло с тобой».

Мы стали прощаться; Батюшка благословил меня, еще поблагодарил за приезд, проводил нас до самого выхода и, уже стоя в дверях, еще раз благословил, пожелав счастливого пути. Я чувствовала себя такой счастливой, что готова была расцеловать весь свет.

25 декабря 1904 г.

На посланную дорогому Батюшке телеграмму получила ответ: «Благодарю за сердечную телеграмму с праздником, радуюсь с вами; сейчас причастился Святых Таин дома, самочувствие хорошее, поклон Ангелине и сестрам, батюшкам и их матушкам. Иоанн Кронштадтский».

4 января 1905 г.

Я опять была в Кронштадте. Ездила с одной большой поклонницей Батюшки, Чельцовой⁸¹. Он принял нас лежа в кровати. Лежит такой слабенький, худенький; я с трудом сдерживала слезы, так мне невыразимо больно было видеть его страдальческое лицо; видно было, что у него что-то страшно болит, и он не в состоянии скрыть этих страданий. Батюшка ласково поздоровался и благословил своею слабою рукою; я встала на колени около кровати и все время целовала его руку. Он произнес: «Довольно уже я настрадался, пора уже мне разрешиться и быть со Христом...» Когда мы сказали, что же может быть лучше этого, — Батюшка даже улыбнулся. Не желая более тревожить отца Иоанна, мы простились с ним. Он перекрестил меня и велел передать всем нашим благословение... Мы вернулись домой очень грустные.

14 января 1905 г.

Так как дорогой Батюшка все хворает, и я страшно боюсь, как бы он не покинул нас, то я написала ему письмо, в котором испрашивала его благословения, как мне жить дальше, чтобы наследовать Царствие Божие: поступать ли в монашество или так жить при монастыре, оставаться здесь или уехать в Орел? И вот сегодня, получив от Батюшки благословение приехать к нему, снова посетила его. Батюшка ездил прокатиться,

меня приняла его супруга; мы недолго посидели, как и он вернулся. Батюшка приехал очень слабый, едва передвигал ноги, еще больше похудел и с трудом говорил. Поздоровался, благословил и прошел к себе со словами: «Простите, страшно устал, отдохну немножко и выйду; а ты, смотри, хорошенько угости дорогих гостей обедом», — добавил он, обращаясь к матушке. Не прошло и десяти минут, как он вышел и направился к нам, ласково посмотрел на меня и сказал: «Письмо твое, дорогая Е.В., я получил; и задала же ты мне задачу! Мне надо много и много подумать, и тогда только я тебе смогу ответить».

Тут подошло несколько лиц с просьбой принять их со вкладом в монастырь, но не как монахинь, а в качестве просто живущих при монастыре. Отец Иоанн изъявил свое согласие и направил их к игуменье Ангелине, сам же, благословив всех, сказал, чтобы обедали без него, и ушел отдохнуть. Только что окончили обедать, как Батюшка прислал мне стакан чаю и велел мне прийти к нему, что я и сделала. Я застала его лежащим на кровати, подошла, поцеловала его ручку и спросила, как он себя чувствует. Он отвечал, что сегодня покатался и первый раз немножко покушал. Затем сказал: «На твои вопросы я решительно не знаю, как мне тебе ответить, так как я знаю, что ты слушаешься меня непременно... Вы, должно быть, с матушкой Антонией очень любите друг друга, и, судя по письмам, она — чуждая личность».

Я отвечала: «Да, бесценный Батюшка; но только, к сожалению, она сильно слабеет и болеет, просит вас помолиться, чтобы поскорей наступил конец ее жизни, которого она ждет с нетерпением». Отец Иоанн положил мне руку на голову и осведомился, сколько ей лет; услышав, что ей 76 лет, глубоко задумался и проговорил: «А какая она чуждая... — посмотрел на меня испытующим взглядом и спросил: — А наша обитель и ее порядки тебе нравятся?»

Я ответила уклончиво: «Дорогой Батюшка, для меня все — вы, я только вами и живу!» Он произнес: «А Бог-то! Он — все, а я что?» — «Бог и вы, и больше никого и ничего в мире...» — отвечала я.

Тогда отец Иоанн сказал: «Положись на Господа, Он Сам тебя устроит, Он близок тебе, Он тебе покровительствует...» Благословил меня, преподал благословение всем, кому я просила, и простился. Я вернулась домой счастливая и успокоенная и возблагодарила за все Господа.

3 февраля 1905 г.

Сегодня я со своею знакомою, госпожой Г., опять посетила Батюшку. Он только что причастился; ласково нас принял, благословил, сходил к себе и вернулся в епитрахили, держа в руке чайную чашку и кусочек антидора; обратившись ко мне, он сказал: «На, Е.В., выпей-ка со мною теплоты», — и дал мне выпить три глотка и кусочек антидора; также дал и моей спутнице и другим тут находившимся. Затем ушел к себе, немножко отдохнул и опять вышел; принес стакан чаю, усадил нас и сказал, что сам приготовил нам чай; налил на блюдечко, подал мне и сообщил, что теперь чувствует себя немного лучше, но тут же прибавил: «А все же очень хотелось бы мне разрешиться и быть со Христом». Затем разговорился о текущих событиях, сказал, что такой страшной войны еще не было. «А все это потому, что мы потеряли веру и перестали совсем молиться, за грехи наши и за неверие Господь так нас наказывает: и войною, и внутренними беспорядками, и отсутствием настоящей власти...» — говорил Батюшка. Затем налил нам еще чаю, сказал, что сильно устал, благословил нас и пошел к себе отдохнуть. Я пожаловалась на сильную боль в ногах и руках. Батюшка на это заметил: «Что делать! Вот и я все болею, и тебе надо поболеть, видно, — так угодно Господу...» Я поцеловала его руку, и он ушел.

Мы простились со всеми и довольные вернулись домой.

15 февраля 1905 г.

Сегодня я была обрадована: дорогóй Батюшка прислал мне письмо в ответ на мое, в котором я просила его дать мне наставление, как мне подготовиться к отходу в будущую жизнь.

Вот его содержание:

«Добрейшая сестра о Господе, Е.В.! Благодать Божия и мир да будут с тобою. Ничего иного столь нужного не нахожу писать тебе, как приучить себя и тебя затвердить христианскую азбуку о любви к Богу и к ближнему. Изучение и восприятие этой азбуки умом и сердцем и всем помышлением спасет меня и тебя и удостоит лицезрения Божия на небе. Это занятие всего лучше подготовит к смерти, которая не за горами, а за плечами, по пословице.

Мое здоровье день ото дня делается лучше, милостию Божией. Аппетит самый здоровый, силы возвращаются и сон хороший.

Приехать ко мне благословляю тебя, с радостию приму твою милость.

Ваш смиренный богомолец, протоиерей Иоанн Сергиев».

16 февраля 1905 г.

Сегодня я опять побывала в Кронштадте. Батюшка встретил меня такой бодрый, веселый, благодатный; радостно поздоровался, благословил полным крестом и выразил удовольствие, что видит меня. Я поцеловала его руку и от всего сердца поблагодарила его за письмо, сказав: «Да как же вы меня осчастливили, дорогой Батюшка, вашим ответом! Я вчера и сегодня как на крыльях летаю, точно нахожусь не на земле, а на небе». Он сначала положил свою руку мне на голову, потом поцеловал меня в голову, усадил рядом с собой и стал угощать чаем. Обещал помолиться за моего племянника. В это время пришел старичок-полковник, Батюшка принял его очень радушно. Он просил Батюшку помолиться о том, чтобы Господь сохранил жизнь Победоносцева, особенно нужную теперь, как человека крепко стоящего за самодержавие и коренные устои России. Батюшка внутренне помолился и сказал: «Я надеюсь, что Господь умилосердится, простит нам наши прегрешения, выведет Государя и Россию из всех бед, как внешних, так и внутренних, и умиротворит». Проводив старичка, отец Иоанн, узнав, что у меня все болят руки, потер их, я же все время целовала его руку. Я передала ему несколько писем от монахинь. Он тут же прочел их и сейчас же вынес мне 100 рублей и велел передать одной из монахинь на лечение больного сына. Я попросила Батюшку дать мне епитрахиль, он сейчас же исполнил мою просьбу, вынес епитрахиль и сказал: «Я помолился, чтобы твоя вера приносила тебе желаемое, — поцеловал меня в голову, благословил и сказал: — Благодарю тебя за посещение, поезжай с Богом домой». Я поговорила немножко с супругой Батюшки и вернулась осчастливленной домой.

3 апреля 1905 г.

Получив от Батюшки благословение приехать к нему, я съездила в Кронштадт. Батюшка принял меня очень ласково, радостно поздоровался со мной, поблагодарил за приезд и сказал: «Я, слава Богу, поправляюсь, каждый день служу и приобща-

юсь Святых Таин. Сегодня сильно устал, — очень многих причастил». Усадил меня и стал угощать чаем. «В какое тяжелое время живем мы, какая земля стала жалкая, переполнилась всякими неправдами, — лукавый хозяйничает крепко... страшно тяжело всем», — говорил отец Иоанн. Я согласилась, что, действительно, так тяжело, что ждешь смерти с нетерпением. Батюшка сказал на это: «Да, смерть это избавление; но желать ее и звать нельзя, потому что один Господь знает, когда нужно ее послать человеку, а мы сами не можем знать, готовы ли мы, очистились ли как следует... а потому ты не проси смерти, а лучше хорошенько изучай себя, просматривай внимательно все свои мысли и хорошенько следи за ними; и что найдешь не так, старайся поскорей исправить и за все постоянно благодари Господа». Затем продолжал так: «Как интеллигенция-то вся испортилась, а власть забыла, что она власть, точно притаилась! Я сейчас прочел и, сознаюсь тебе, искренно порадовался, что в Манчжурии трех сестер за измену приговорили к смерти: это послужит хорошим примером другим и отнимет у многих охоту идти по их следам. По всему видно, что Господь сильно прогневался, да ведь и есть за что! Потеряли веру, смеются над религией и никто даже не осмеливается, из какого-то саможаления, встать открыто на защиту веры; но я не теряю веры, что Господь смилуется и простит нас; думаю, что Рождественский не потерял веру⁸², что он молится и исполнит свято свой долг. И, видимо, Господь пока еще с нами; какие были бури и штормы, и, слава Богу, эскадра наша не пострадала, — пошли ему, Господи, удачу...»

Налил мне чаю: «Кушай на здоровье, — сказал мне Батюшка и весело прибавил: — Я, слава Богу, поправляюсь, каждый день говорю слово и, знаешь, так громко, от всего сердца; слава Богу, моя болезнь не затронула легких, они совершенно здоровы, голос тверд и крепок; я сам чувствую, как у меня силы прибавляются». На мой вопрос, поедет ли Батюшка в Суру, отвечал: «Теперь время такое, что не совсем удобно ездить, везде волнения... — призадумался и, глубоко вздохнув, сказал: — Ох, сколько еще крови прольется на этой земле... — и вдруг, повеселев, прибавил: — А все же Господь смилуется и простит нас». «А как ты поживаешь?» — спросил меня Батюшка. Я отвечала: «Слава Богу, только страшно возмущаюсь всем, что творится, — как прочту газету, так просто в отчаяние впадаю; бездействие правительства просто изводит меня. Хочу бросить чтение газет совсем». Отец Иоанн сказал:

«Этого нельзя делать, необходимо следить за тем, что творится, а только нужно относиться спокойнее, твердо веря, что все делается по попущению Божию, и да будет Его святая воля!»

Я передала Батюшке несколько писем и просила помолиться; он с удовольствием обещал исполнить мою просьбу, попросил меня остаться пообедать с ним и пошел немного отдохнуть, поручив меня пока своей супруге, Елизавете Константиновне, и племяннице. Пока Батюшка отдыхал, к нему приехало несколько лиц, желающих его повидать; в числе их был генерал, заведующий кронштадтской артиллерией⁸³, с супругою, оказавшийся хорошим знакомым моего покойного мужа; мы так хорошо разговорились, вспомнили нашу жизнь в Выборге и не заметили, как прошло время. Дорогой Батюшка уже отдохнул и вышел к нам; приветливо поздоровался со всеми и спросил генерала, почему он желает его видеть. Тот сообщил, что вышел в отставку и уезжает с женой в Псков и потому очень хотел бы, чтоб Батюшка благословил их иконочкой.

Отец Иоанн живо сходил в свою спальню, принес чудную икону Спасителя, благословил их и поговорил немного с ними, и они радостные и довольные уехали. Батюшка велел подавать обед, посадил меня рядом с собой, помолившись, благословил трапезу и стал угощать; мне все накладывал сам и все казалось мне на диво вкусным. Когда я стала благодарить Батюшку, он сказал: «Ну, теперь тебе пора ехать, чтобы поспеть на пароход в половине седьмого». Поблагодарил меня за приезд, благословил, сам проводил в переднюю и велел передать всем, кому я просила, поклон и благословение. Я вернулась домой счастливейшею из смертных и от всего сердца возблагодарила Господа, что Он послал мне такого отца и руководителя.

19 апреля 1905 г.

Сегодня первый еще раз после болезни дорогой Батюшка приехал в наш монастырь и вместе с матушкой Ангелиной навестил и меня. Я прихворнула, и весь день у меня сильно болели руки и ноги. Увидав Батюшку у себя, я так обрадовалась, что забыла всю свою болезнь. Меня зашли навесить мои соседки, и мы сидели за столом и пили чай, как вдруг совсем неожиданно вошел Батюшка. «Христос воскресе, — произнес он, три раза поцеловал меня, сел к столу и сказал: — Вот прекрасно,

и самовар на столе, я с удовольствием выпью чаю». Спросил, что у меня болит, сам предложил полечить, — встал и похлопал меня по больному плечу; мне сейчас же стало лучше. Налил мне на блюдечко чаю и сказал: «Выпьем вместе на здоровье». Я попросила Батюшку помолиться; он сейчас же послал за епитрахилью; как только принесли ее, Батюшка прошел в мою другую комнату и, приступая к молебну, сказал: «Знай и твердо верь, что, *где двое или трое соберутся во имя Господне*, тут уже Он непременно присутствует¹⁾, и потому молись с твердою верою, что Господь услышит тебя». Особенно сильно просил Господа послать мне исцеления и укрепления сил; давая приложиться ко кресту, обильно окропил меня святою водою. Затем посидел немножко, благословил всех нас и, ссылаясь на усталость, простился и ушел. Рука моя совсем перестала болеть, и настроение духа чудесное.

20 апреля 1905 г.

Сегодня дорогóй Батюшка служил у нас обедню и произнес небольшое слово. Он говорил: «Надо бодрствовать и стараться исправлять свои недостатки, избавляться от всех своих грехов, чтобы всегда быть готовым к смертному часу». С благословения Батюшки я сегодня у него причастилась. После обедни, в игуменской, он благословил меня, поздравил с принятием Святых Таин и, несмотря на громадную толпу, теснившую его, все-таки протянул мне стакан чаю, сказал: «Выпьем-ка с тобою чайку», — и напоил меня сам с блюдечка. Я поцеловала его ручку и радостная вернулась домой.

2 мая 1905 г.

Видела дорогого Батюшку в игуменской; он благословил и обласкал меня. Узнав, что все болят руки, крайне сочувственно отнесся ко мне и потер их. Я попросила его принять от меня пелену на аналой моей работы; Батюшка похвалил мое изделие, назвал искусницею и передал пелену матушке Ангелине, чтобы та распорядилась постлать ее завтра на его аналое. Потом разговорился со мною, сказал: «Вот меня все бранят в газетах⁸⁴, но я и не читаю». Я отвечала: «На вас, Батюшка, нападают за то, что вы громите толстовцев, и указывают, что Христос так не поступал». Отец Иоанн сказал: «А как же в Евангелии не раз

¹⁾ Ср.: Мф. 18, 20.

говорится: *имея уши — не слышите, имея очи — не видите*¹⁾; не будьте, как книжники и фарисеи, которые *ходят в овечьей шкуре, а сами суть волки хищные*²⁾? — Это наша святая обязанность — указывать и нападать на грех и хвалить добро... Зато «Московские ведомости» теперь превосходны. Каждый день в них чудные передовые статьи, смелые и вполне справедливые». Когда Батюшка говорил, его лицо так оживилось и просияло. К нему подошла одна дама и сказала ему, что он не бережет себя. Он посмотрел на нее и строго произнес: «Я должен трудиться и тружусь, Господь милостив и дает мне силы». В это время приехала другая дама и просила Батюшку помолиться о том, чтобы ее муж благополучно вынес операцию, которая ему назначена на завтра. Отец Иоанн сейчас же исполнил ее просьбу и отслужил молебен; мы все, тут находящиеся, также помолились о болящем. Проводив эту даму, Батюшка пригласил меня и некоторых других в столовую, там угостил нас чаем, благословил мне завтра приобщиться, простился с нами и пошел отдохнуть.

3 мая 1905 г.

Сегодня отец Иоанн за чтением канона был, видимо, чем-то сильно озабочен, — несколько раз прерывал чтение, уходил в алтарь и прикладывался к иконе. За обедней усиленно и горячо молил Господа даровать нам победу над японцами и избавить нас от крамолы. Его молитвенное настроение сообщилось также мне; я проплакала всю обедню и, приготовившись как следует, прекрасно причастилась.

Батюшка произнес небольшое слово на евангельские слова: *Аз есмь живот вечный*³⁾! Он опять доказывал, что причащение, притом — частое, крайне важно для нас, что через него Христос Сам входит в сердце человека и живет там, и указывал на необходимость надлежащего и длительного приготовления к этому Таинству.

В игуменской Батюшка, ласково поздоровавшись со мной и Марией Александровной Боборыкиной⁸⁵, благословил нас и пригласил к столу покушать с ним; нас он угощал чаем, священников же и дьяконов — вином; поговорив о погоде и похвалив ее,

¹⁾ Мк. 8, 18.

²⁾ Ср.: Мф. 7, 15.

³⁾ Ср.: Ин. 11, 25; 3, 15.

Батюшка обратился ко мне со словами: «А ты сегодня едешь к Его Высокопреосвященству митрополиту Антонию? Передай ему, пожалуйста, что я ему земно кланяюсь и ужасно жалею, что, быв у него, не застал его дома». Затем благословил нас и, ласково простившись, ушел к себе.

6 мая 1905 г.

Опять видела дорогого Батюшку в игуменской; поздравившись со мной и благословив меня, он спросил меня о состоянии моего здоровья и, услышав, что оно не поправляется, очень энергично произнес: «Довольно болеть! — и крепко похлопал меня по плечу и спине со словами: — Пусть болезнь проходит». Я поцеловала его руку. Затем Батюшка прошел в столовую, сел к столу, но ничего не кушал. На мой вопрос, читал ли он, что устроилась монархическая партия, Батюшка так живо и весело ответил: «Как же! Грингмут прислал мне пункты, чего эта партия должна придерживаться⁸⁶, — и прибавил: — Я им сочувствую... надо бороться со злом». Я спросила у Батюшки: «Не благословите ли вы мне взять на себя обет полного молчания и затвора? А то я совсем не могу разговаривать с моими знакомыми хладнокровно, так как большинство из них желает этой противной конституции и ожидает от нее каких-то великих благ».

Отец Иоанн серьезно сказал: «Ни под каким видом! Тебе дан дар справедливо судить о вещах, так и говори, высказывай свои мнения, молчать не следует». Подал мне полное блюдечко чаю, потом подал матушке Ангелине: «На, игуменья, выпей-ка и ты чайку, — сказал он, затем, угостив всех, прибавил: — Должно быть, я на то и создан, чтобы всем служить», — выпил один глоток и прошел в кабинет, где его ожидала какая-то дама. Батюшка поговорил с нею и собрался пойти в библиотеку посмотреть присланные им книги. Я простилась с Батюшкой, получила его благословение и вернулась к себе.

7 мая 1905 г.

Отец Иоанн служил обедню. Сегодня к нему приехали из западного края две монахини; с ними прибыли пять мужичков, которых и провели в алтарь. Там они отстояли всю обедню, потом прошли в игуменскую, где и поговорили с Батюшкой. Обливаясь горькими слезами, жаловались мужички на свою

судьбу. Ложно понимаемый манифест 17 апреля о свободе веры сделал для них то, что им, православным христианами, совсем не стало житья от католиков, которые всеми силами обращают их в католичество, противящихся же всячески оскорбляют.

Отец Иоанн обласкал их, благословил и утешил; сказал им очень убедительно и твердо, чтобы они не верили распускаемым католиками толкам, будто бы Царь переменял веру: «Это ложь — наш Царь-батюшка, как был, так навсегда и останется православным. Его Господь любит и сохранит, а вы оставайтесь в своей православной вере; католическая вера уклонилась от истины и папу нельзя считать непогрешимым...» — отвечал им Батюшка. Затем вынес икону Спасителя и, благословляя их ею, сказал: «Вручаю вас покровительству Самого Господа».

Все это страшно разволновало отца Иоанна, и он уехал от нас сильно озабоченным.

11 мая 1905 г.

Услыхав, что отца Иоанна ожидают вечером, я, чувствуя себя во многом согрешившей, решила попросить его исповедать меня и написала с этою целью всю свою исповедь. Как только я увидала, что Батюшка приехал, то поспешила к нему. Он, выйдя из кареты, поздоровался со мной, благословил и прошел в садик; там Батюшка, обращаясь к исполняющей должность казначеи, заметил ей: «А дерево-то, посаженное Ангелиной, совсем засохло, велите его вынуть и замените новым дубком». Я прошла в игуменскую; там отца Иоанна ожидала целая семья благотворителей, приехавшая из Рыбинска. Батюшка очень радостно их приветствовал и пригласил всех в кабинет, куда вскоре пришла регентша просить его в трапезную послушать пение. Батюшка пригласил туда же всех нас вместе с матушкой Ангелиной. Батюшка с большим вниманием, стоя, слушал пение, похвалил, затем попросил еще спеть, и когда запели антифоны, которые исполняли ему в прошлом году на Пасху, он сказал: «Вот антифоны на погребение, а я, слава Богу, не умер!» Поблагодарил певчих, всех благословил и дал поцеловать свою руку.

Затем его окружили разные лица, и больные, и здоровые; он с каждым поговорил, дал просимые советы, кого полечил, похлопав или потерев больное место своею рукою, кому велел почаще приобщаться, кого же направил к доктору. Согласно их просьбе

исповедал всю приехавшую семью, состоявшую из восьми человек, каждого поодиночке призывая в свою спальню. Окончив исповедь их, вышел в епитрахили в кабинет и спросил, кто еще желает исповедаться. На мою просьбу об этом Батюшка произнес: «С большим удовольствием, пойдем», — запер дверь и спросил, приготовилась ли я к исповеди. Я подала ему записочку, где у меня все было занесено. Он зажег свечку и стал читать; затем сказал: «Спасибо тебе и большое спасибо тебе, что ты так меня любишь и так заботишься обо мне».

Я сообщила Батюшке, что перестала разговаривать с соседкой, чтобы избавиться от ее надоедливости и что зато теперь у нас тишина; спросила, как он прикажет, молчать мне или начать говорить. Батюшка благословил мне молчать и сказал, что Господь меня простит и благословит. Затем он говорил мне так: «Что делать — тяжело жить; теперь такое тяжелое время, какого еще не бывало, но все же надо во всем видеть милость Божию, потому что Господь желает всех спасти, и необходимо все это зло вырвать с корнем... я даже позволяю себе молить Господа, чтобы Он уничтожил всех этих крамольников. А только, душа моя, унывать не надо; Боже тебя сохрани, ты от этого избавься... — положил мне руку свою на голову и продолжал: — Да избавит тебя Господь от этого уныния и простит. Что же делать? Тяжелое время, и страшно тяжелое, а все же и в том видна милость Божия, — Господь кого любит, того и наказует... Я так благодарен Господу за мою болезнь! Я за это время хорошо перечитал Евангелие, все пророчества и Библию. В Ветхом Завете сказано, какое страшное наказание постигает того, кто нарушает закон Божий. И ты молись хорошенько Господу за всех друзей и за всех врагов, пожалей заблуждающихся от всей души и да простит тебя Господь! Старайся побольше вглядываться в себя, лови свои мысли, старайся отыскивать самое зарождение их, лови только что зарождающиеся грехи и вырывай их с корнем; работай над собою усиленно, и да поможет и да помилует тебя Господь... Я же данною мне властью прощаю тебя».

После этого отец Иоанн накрыл меня епитрахилью, помолился и три раза перекрестил. Я приложилась ко кресту и Евангелию со слезами, с душою, облегченною и переполненною благодарностью ко Господу, и поклонилась дорогому Батюшке в ноги, поблагодарив от всего сердца и его. Затем спросила Батюшку, как он благословит мне провести лето, в Орле или здесь. Он отве-

чал мне: «А как тебе самой хочется?» Я сказала на это, что у меня желаний нет никаких и ничто меня не интересует в жизни и что я думаю теперь только о смерти.

Батюшка так весело возразил мне, что готовиться к смерти надо постоянно, и вдруг прибавил: «А ты ведь, кажется, очень дружна с игуменией Антонией? А если хочешь поступить по моему благословению, то лучше оставайся здесь, никуда не езди. Я поезжу немного по Волге и скоро вернусь⁸⁷». Благословил меня, я поклонилась ему в ноги и вышла.

Когда Батюшка пошел в столовую пить чай, то пригласил и нас. Я села против него. Он за чаем достал из кармана просфору, разломил ее и дал мне покушать. Затем угостил всех и простился; проходя мимо меня, благословил еще раз меня и дал поцеловать руку.

Я вернулась домой довольная, покойная и от всего сердца возблагодарила за все Господа.

12 мая 1905 г.

Когда Батюшка пришел читать канон, я подошла к нему; он ласково поздоровался, благословил, сказал: «С добрым утром» и дал поцеловать руку. За обедней отец Иоанн произнес прекрасное слово; он объяснил значение слов: «Твоя от Твоих, Тебе приносяще...»¹⁾ «Твой Сын, Господи, Сам Себя приносит в жертву за Твоих чад, за весь мир», — говорил Батюшка; говорил он это с большим воодушевлением, видимо, всеми силами старался сделать для нас понятным, как велика была эта жертва, принесенная Иисусом Христом для нашего спасения.

Желая выразить неизреченное милосердие Божие, явленное в том, что Господь за искреннее покаяние прощает все самые лютые грехи, как простил разбойника, покаявшегося на кресте²⁾, отец Иоанн указал и на Льва Толстого, причем выразился так: «Если бы и Лев Толстой покался, то Господь его немедленно простил бы, — да только он не покается, гордость ему не позволит. Все, увлекшиеся учением Толстого, пусть только бросят это ложное учение и чистосердечно покаются, и Господь простит их». Затем попросил всех подходить к Чаше благоговейно, не толкаться, и стал приобщать.

¹⁾ Возглас священника после тайной молитвы «Поминающе убо спасительную сию заповедь...», из последования Евхаристического канона.

²⁾ См.: Лк. 23, 39–43.

Причастив матушку Ангелину и заказчиков, Батюшка преподал Причастие и мне со словами: «Приобщается раба Божия Екатерина». Я отстояла обедню, вернулась домой и целый день чувствовала себя превосходно.

17 мая 1905 г.

Хотя Батюшка и приехал вчера вечером, но чувствовал себя настолько слабым и измученным, что никого не принимал. Говорят, что 14-го его помяли и чуть не вывихнули руки; рука была вся в синяках, так что он тотчас вернулся в Кронштадт и должен был лечь.

Сегодня, выйдя читать канон, он выглядел очень слабым; когда я подошла, он благословил меня не глядя, а когда начал читать, вдруг повернулся, живо подошел ко мне и сказал: «Здравствуй, Е.В., желаю тебе быть здоровой», — благословил, перекрестил меня и, вернувшись на свое место, стал читать. Прочитав место, где говорится, что Господь нигде не учился, но вся премудрость была в Нем Самом, Батюшка посмотрел на маленьких монашенок и на детей и сказал им: «А вам, детки, надо учиться и набираться разуму». Затем, прочитав другое место о том, что Господь добротой и чистосердечием заслужил у иудеев зависть, сказал: «Люди, мнящие себя мудрыми, всегда относятся недоброжелательно к людям смиренным и чистым сердцем...» — преподал всем благословение и ушел. Я прошла в игуменскую; в это время в зале раздался страшный крик; я поспешила туда и увидела отца Иоанна, изгонявшего беса из одной, еще не старой, но страшной на вид женщины, глаза у которой были ненормально выпучены и руки скрючены так, как будто она собиралась поколотить Батюшку. Он же спокойно говорил ей: «Именем Господа нашего Иисуса Христа повелеваю тебе, — выйди из нее и впредь не входи». Она же кричала нечеловеческим голосом: «Нет, нет, ни за что не выйду...» Когда Батюшка повторил свое повеление, она стала кричать тише, а после третьего раза совершенно успокоилась; лицо ее приняло вид хороший и добрый. Она упала ему в ноги и благодарила Батюшку, говоря: «Слава Богу, совсем вышел». Батюшка благословил ее и пошел садиться в карету, чтобы ехать куда-то служить обедню, протянул мне руку и сказал: «Ну, прощай, Васильевна».

19 мая 1905 г.

Сегодня я пошла в игуменскую, чтобы проститься с матушкой Ангелиной и дорогим отцом Иоанном, которые завтра уезжают. Не успела я поздороваться с матушкой, как приехал и отец Иоанн; проходя зал, он помолился перед Казанской иконой Божией Матери и, входя в кабинет, обернулся ко мне и сказал: «Здравствуй, дорогая Е.В., как твое здоровье? Плечи-то все болят еще?» С этими словами стал растирать и хлопать обе мои руки; поговорил с одним инженером, который уговаривал отца Иоанна не ездить в Суру, справедливо указывая, что при теперешнем слабом здоровье Батюшке трудно будет сделать 200 верст на лошадях и в тарантасе, указывал на то, что такая поездка обострит болезнь; к просьбе инженера присоединилась и я; но Батюшка на наши просьбы не сдался, а сказал, что ему непременно надо поехать в Суру. Заговорили о Тихоокеанской эскадре. Отец Иоанн отозвался о нашей неудаче так: «Страшно тяжелое поражение... что же делать? — за грехи наши Господь нас наказывает⁸⁸, надобно хорошенько молиться, чтобы Господь помог Линевицу сухопутными войсками одержать победу⁸⁹. Я все-таки надеюсь, что Господь пошлет нам победу, если мы Его еще чем-либо не прогневаем».

Батюшка обещал посетить меня сегодня, поговорил с купцами, приехавшими из Рыбинска и восхищавшимися архитектурой нашего храма, и обласкал их. Каретница Катерина усиленно приставала к Батюшке, чтобы он заехал к ней освятить воду, говоря, что у нее совсем нет святой воды, тогда как она ей необходима, но Батюшка на все ее просьбы отвечал: «Я пойду к Е.В., а к тебе завтра».

Только что я пришла к себе, как пришел и дорогой отец Иоанн; он прошел прямо в мою комнату, которую я за ним заперла, чтобы не пустить свою соседку. Батюшка подошел к окну и сказал: «Какой чудный вид, как хорошо, точно в деревне — все зелено...» Я отвечала: «Да, Батюшка, здесь очень хорошо, а меня все зовут в Москву и в Орел!» Он ласково посмотрел и спросил: «Что это, к игуменье Антонии? — и произнес далее: — Благословляю, поезжай с Богом, побудь понемногу и там, и в Москве. Я к 20 июля непременно вернусь и заеду в Москву».

Смотря на ярко горящие лампадки, Батюшка сказал, что свет огней перед иконами означает горячность чувств возносимых

молитв к Господу, Царице Небесной и всем святым угодникам, молящимся за нас; сказал, что мы должны всегда помнить это и с такими чувствами приступать к ним, велел мне зажечь свечи и стал служить молебен. И как он чудно и долго молился, прося Господа даровать мне исцеление и избавление от всяких бед и напастей. Молил Господа за всех нас и просил помочь нам достигнуть Царствия Небесного.

Во время молебна меня мучила мысль, что я заперла дверь и не пустила соседку, и вот, когда стали прикладываться ко кресту, я всех пустила; Батюшка сказал мне спасибо за то, что я пустила всех помолиться, сел к столу и, глубоко вздохнув, заговорил со мной о матушке Антонии, просил передать ей поклон и благословение, восхищался ее письмами и ее чуждой душой. Я сообщила Батюшке, что я занята теперь выписками из своего дневника, который вела все время, — с тех пор, как он взял меня в духовные дочери, — с 1877 года. Батюшка сказал: «Прекрасно делаешь, что пишешь. У тебя хороший дар изложения. Я благословляю тебя напечатать».

Я встала на колени и сказала Батюшке: «Не нахожу слов, как мне благодарить вас за все, что вы сделали для меня... Из такой гордой, самолюбивой, своевольной, теперь, под вашим руководством, я много изменилась; только делаюсь раздражительной от смущения всем, что творится на свете».

Отец Иоанн на это заметил мне: «Я, кажется, мало тебя наставлял, а раздражителен-то я сам бываю; тут только и помогает твердая вера и любовь к Богу: скоро себя уловляю и потом плачу, что раздражился...» Поцеловал меня в голову, взял стакан чаю, сам положил сахар, размешал, половину налил в чашку и подал мне, а остальное выпил сам.

Затем Батюшка рассказал, как его обрадовал своим посещением в Кронштадте митрополит Владимир⁹⁰; это внимание владыки глубоко тронуло Батюшку.

Похвалил чай, найдя его особенно вкусным, и напоил им всех тут находившихся; заговорил о войне, сказал, что она нам послана за нашу гордость, за то, что мы зазнались, забыли Бога и вообразили, что одним количеством войск, без помощи Божией, одолеем такого врага, как японец. «Но все же я не теряю надежды, что Господь еще смилует...» — прибавил Батюшка.

Затем благословил меня полным крестом и пожелал мне хорошо провести лето. Я крепко поцеловала Батюшке руку и от всего

сердца поблагодарила его за посещение. Он благословил всех и ушел от нас. В 11 часов вечера я видела, как Батюшка ходил по садику и молился.

20 мая 1905 г.

Сегодня отец Иоанн служил последнюю обедню перед своим отъездом. Народу набралось масса. Выйдя читать канон, Батюшка приветливо поздоровался со мною. Во время чтения он несколько раз обращался к народу, разъясняя прочитанное им; так, например, — о том, как нужно спастись и как нетрудно этого достигнуть при том великом милосердии, которое оказывает нам постоянно Милостивый Господь. «Необходимо только искренно от всего сердца покаяться, и Он прощает», — говорил Батюшка и привел в пример самарянку, бывшую блудницу, но искренно покающуюся¹⁾. Служба сегодня была особенно благолепная; с Батюшкой служили девять священников и четыре дьякона. Слово сказал отец Иоанн опять о великом значении Таинства Святого Причащения, о том, что приступать к нему нужно со строгим приготовлением и полным примирением.

По окончании службы Батюшка прошел в столовую, благословил трапезу, дал чаю заказчикам и некоторым другим, в том числе и мне. Госпожа Ч. с дочерью просили его благословения, и он благословил их. Затем просил всех угощаться без него, встал и пошел в кабинет; там он благословил меня и протянул мне руку, которую я несколько раз поцеловала; Батюшка не отнимал своей руки, но крепко сжал мою руку и, глядя на меня своим чудным милосердным взором, произнес: «Ну, прощай, дорогая Е.В.; я часто буду о тебе вспоминать...» — и поехал еще сделать два визита. Когда Батюшка вернулся, то к нему никого из нас не пускали, и матушка уехала с ним другими воротами, так что никто и не заметил. На меня сильное впечатление произвели слова отца Иоанна: «А я буду часто о тебе вспоминать...» — значит, будет молиться за меня, и я прекрасно и благополучно проведу лето... Я тоже собралась и поехала в Орел с вечерним поездом.

1 августа 1905 г.

Я прекрасно провела лето в Орловском женском монастыре и вернулась вчера домой, так как Батюшка известил

¹⁾ См.: Ин. 4, 4–30, 39–42.

меня телеграммой, чтобы я возвращалась ко второму числу августа. Я несколько раз видела Батюшку во сне; сегодня сон произвел на меня сильное впечатление. Я видела, будто я сижу у стола, а передо мной стоит дорогой отец Иоанн, в моей ряске, такой добрый, ласковый, смотрит на меня своим чудным взглядом и говорит: «Итак, тебе приходится все переделывать?» Я же отвечаю: «Да, бесценный Батюшка, решительно все...» — и с этим просыпаюсь.

Я пошла в церковь, и Батюшка, как только показался, сейчас же заметил меня и через всех его окружающих обратился ко мне: «Здравствуй, дорогая Е.В., давно ли приехала? Как провела лето? Жива ли еще твоя любимая игуменья Антония?» — благословил меня и дал поцеловать свою руку. Я отвечала: «Вашими святыми молитвами, дорогой Батюшка, лето я провела прекрасно; матушка жива, хворает, кланяется вам в ножки и просит вашего благословения...» — и передала тут же Батюшке письмо от нее. Отец Иоанн благословил монахинь, затем сказал о значении первого и второго Спаса и о выносе креста и, окончив эти объяснения, приступил к чтению канона. На том месте, где всегда стою я, сегодня села хромая старуха Лукерья, разыгрывающая роль предсказательницы, на самом же деле — большая сплетница и вымогательница. Батюшка, окончив канон, вдруг энергично подошел к ней и, крепко дернув ее за руку, поднял со стула и поставил на ноги, сказав строго: «Что ты все сидишь? Если нога и болит, то стой, держась за спинку стула...» Сам взял ее стул, выдвинул вперед и, показав, как надо за него держаться, еще встряхнул ее хорошенько и спросил: «Чего ты не уезжаешь?» Как только он отошел, старуха упала, как будто в припадке. Стоявшая возле меня бывшая келейная матушки Ангелины Дуня сказала мне, чтобы я не тревожилась, так как она это часто проделывает: полежит — и сама же встанет. Отец Иоанн выходил из алтаря и видел, что она лежит, но не обратил на нее никакого внимания. Когда начались часы, старуха встала сама и села; стоявшая рядом с ней монахиня сказала ей, что она должна считать за счастье, что Батюшка ее потрепал. Я прекрасно исповедалась и все время находилась в молитвенном настроении. Батюшка говорил слово почти все время с закрытыми глазами. Он говорил о том, какую неоцененную великую милость оказал нам Господь Своим снисхождением на землю в образе человека, как Он Своими страданиями спас нас от проклятия и вечных мук и купил нам ими прощение гре-

хов и дарование Царствия Небесного. «Кто любит Господа и покоряется Его святой воле, того и Господь любит, и кто послушлив — с тем и Господь, а кто отворачивается от Господа и грешит, не думая о покаянии и о том, что близок смертный час, от того и Господь отворачивается...» — говорил Батюшка и перечислил все пороки и грехи: вражду, блуд, лихоимство, при этом посмотрел на некоторых. Затем стал причащать; после игуменьи Ангелины сам подозвал меня и сказал: «Приобщается раба Божия Екатерина».

По окончании обедни я прошла в игуменскую и попала в Батюшкину комнату. Когда Батюшка вышел, то благословил и поздравил меня с принятием Святых Таин, протянул мне свою ручку и спросил, хорошо ли я съездила. Я отвечала: «От всего сердца благодарю вас, Батюшка! Вы, верно, молились за меня, что я чувствовала себя все лето так хорошо». Он на это сказал: «А я тебя благодарю, и ты за меня хорошо молилась». Чай был приготовлен в кабинете; Батюшка сначала угостил меня чаем, а потом, выпив немножко вина сам, влил и мне глоток вина, затем дал глоточек на укрепление сил, как он выразился, казначее и игуменье. Угостив всех чаем, заметил, что постное кушанье вкуснее скоромного, и пожелал нам хорошенько попоститься и встретить праздник Успения Пресвятой Богородицы, надлежащим образом подготовившись за пост. Только что Батюшка стал прощаться и благословил меня, как какой-то священник подал ему письмо и просил прочесть его. Оказалось, что он просил у отца Иоанна заимообразно две тысячи рублей. Батюшка сказал, что такой суммы у него нет, дал ему на дорогу и, так как чтение заняло много времени, стал торопиться и уехал. Я спросила, когда он меня посетит; Батюшка отвечал: «В первый же раз, как приеду, буду непременно у тебя».

7 августа 1905 г.

Как только отец Иоанн приехал, я прошла в игуменскую, получила от него благословение и спросила, прочел ли он матушкино письмо. «Как же!» — отвечал Батюшка. «Что же прикажете ей ответить?» — продолжала я. (В этом письме матушка Антония просит Батюшку благословить мне окончить мою жизнь у нее в монастыре, так как она оставляет свою келью, чтобы после ее смерти я пользовалась ею.) Он сказал: «Надо

подумать, я после тебе скажу». Обещал прийти ко мне завтра, прочел «Московские ведомости» и похвалил там передовую статью. Я простилась с отцом Иоанном, получила благословение и вернулась к себе.

8 августа 1905 г.

Батюшка пришел в церковь, очень внимательно отнесся к сестрам, сказал им: «Мир вам, ангельское стадо, святое собрание! Очищайтесь и исправляйтесь!» Благословил их и дал всем поцеловать руку, в том числе и мне со словами: «Я к тебе непременно приду». Во время чтения канона Батюшка несколько раз переворачивал аналой и оборачивался лицом к народу, чтобы дать объяснение прочитанного. За чтением Апостола, когда Батюшка обыкновенно сидит, он вдруг сегодня встал, подошел к жертвеннику и вынул частицу из просфоры. В своем слове отец Иоанн опять коснулся великого значения Таинства Святого Приобщения и выяснил значение праздника Преображения Господня. Он сказал, что Господу Иисусу Христу явились во славе давно умершие Илия и Моисей; Сам же Спаситель *сиял как солнце*¹⁾. Сказал, что, подходя к Причастию, мало подготовиться и исповедаться, а нужно еще и отстать от тех грехов и пороков, в которых сознал себя виновным. «Необходимо отстать от зависти, гордости, тщеславия, лжи, самомнения, самолюбия, сребролюбия и злобы...» — добавил Батюшка. Когда он кончил говорить, к нему подвели старуху с бесноватою дочерью; Батюшка сейчас же взял Чашу и причастил их первыми.

Я от обедни пошла к себе и как только заметила карету, выбежала на лестницу и встретила там дорогого отца Иоанна. Он радостно поздоровался со мной, благословил, и я, взяв его под руку, ввела по лестнице в свою комнату. Батюшка узнал, что у меня болят зубы, и сказал: «Помолимся». Сам зажег свечи, встал на колени и со слезами просил у Господа здоровья и душевного спокойствия. Я хорошо помолилась, и зубная боль у меня утихла. «Да пошлет тебе Господь здоровье и мир душевный...» — сказал мне Батюшка, давая приложиться ко кресту, и обильно окропил святой водой. По окончании молебна отец Иоанн сам попросил чаю, говоря, что ему очень хочется пить; он выпил половину стакана, налил остальное на блюдце мне, а потом угостил и всех

¹⁾ См.: Мф. 17, 1–9.

тут находившихся. Видя, что Батюшка находится в таком чудном благодушном настроении, я встала около него на колени и спросила: «Дорогой Батюшка, скажите, какой сон видел адмирал Ломен⁹¹, что просил вас навестить его и объяснить ему что-то об аде? Все страшно заинтересованы его поступком, потому что мало людей верит в адские муки».

Отец Иоанн сильно взволновался и сказал: «Как не верят? Кто не верит? Разве только толстовцы со своим графом... Да, действительно, Ломен звал меня, потому что сильно испугался сна, и очень много говорил со мной, — он ведь лютеранин...» На мой вопрос, спасутся ли лютеране, Батюшка отвечал: «Думаю, что нет; разве Господь каким-нибудь особенным путем привлечет их к Себе... Вот будет хорошо-то, если Ломен так уверует, что примет Православие!» — «Можно ли спастись по чужим молитвам, без собственных трудов и стараний?» — спросила я. «Ни под каким видом! Каждый должен сам трудиться над своим исправлением и усердною молитвою просить себе помощи у Господа», — убежденно сказал отец Иоанн. «Может ли молитва за умерших исхodataйствовать им прощение?» — продолжала я свои вопросы. Батюшка отвечал отрицательно и сказал, что усиленные молитвы за умерших могут вымолить у Господа только некоторое облегчение страданий.

Затем я, с согласия Батюшки, попросила всех на минутку уйти в другую комнату, чтобы дать мне возможность поговорить с ним наедине. Когда все удалились, я поднесла Батюшке икону, присланную для него игуменьей Антонией; он, узнав, что она уже освящена, приложился к ней, похвалил работу и просил передать матушке глубокую благодарность за внимание. Затем я попросила Батюшку разрешить мне молиться дома, а в церковь ходить только в те дни, когда нужно приобщаться; свою просьбу я мотивировала тем, что дома я всегда молюсь со слезами и вся сосредоточиваюсь в молитве, в церкви же нет такого молитвенного настроения, и я рассеиваюсь. Батюшка строго посмотрел на меня и сказал, что этого он мне разрешить не может, так как в храме совсем другая молитва, нежели дома; и вся служба, пение, каноны — все это весьма поучительно и полезно, говорил он. «А что? Ты на кого-нибудь недовольна?» — вдруг спросил он. «Нет, дорогой Батюшка, — отвечала я, — а только мне думается, что слезная молитва более угодна Господу, нежели рассеянная; все равно я и в церкви молюсь своими молитвами, то есть написан-

ными святыми отцами и выученными мною наизусть». — «Так молиться нужно, — сказал он, — а все же я тебя прошу ходить к церковным службам».

Я спросила, что Батюшка прикажет мне ответить матушке Антонии относительно моего переезда в Орел. «Об этом еще нужно подумать и подумать...» — сказал он. «Не благословите ли мне, Батюшка, идти в затвор?» — спросила я. Отец Иоанн рассмеялся и переспросил: «Тебе в затвор? — и добавил: — Вот еще что выдумала! Нечего и думать об этом». Тут все вошли, и Батюшка стал прощаться, благословил нас и вышел. В дверях какая-то женщина попросила у него благословения сделать операцию, Батюшка дал его и уехал.

16 августа 1905 г.

Отец Иоанн служил у нас обедню; сегодня он выглядел очень утомленным, и голос у него был совсем слабый. Во время пения стихир об успении Божией Матери он сам пел с каким-то особенным воодушевлением. Затем произнес слово на сегодняшнее Евангелие: когда апостолы просили у Господа позволения низвести огонь с неба на людей, не принявших Спасителя, то Господь отвечал им на это: *не знаете, какого вы духа*¹⁾. Тут Батюшка особенно дерзновенно, насколько хватило сил, громко заявил, что не должно и из ревности мстить, нужно же все переносить с кротостию и терпением. Когда стал причащать, поднялась страшная толкотня; Батюшка передал Дары местному священнику, а сам ушел в алтарь.

21 августа 1905 г.

Сегодня, когда приехал дорогой отец Иоанн, нас не хотели пустить в игуменскую и, пропустив в переднюю, сказали, что Батюшка занят монастырскими делами с игуменьей, дверь в кабинет заперта и не велено никого пускать; некоторые послушались и ушли, а мне какой-то внутренний голос говорил: потерпи, но не уходи. Вдруг мы услышали в зале Батюшкин голос; я с соседкой бегом поспешила туда и там увидели отца Иоанна, говорившего игуменье: «Пустите всех, кто только хочет меня видеть». Батюшка прямо направился ко мне, сказал:

¹⁾ См.: Лк. 9, 51–56.

«Здравствуй, дорогая Е.В.», — и так ласково пригласил меня в кабинет.

На мой вопрос, как его здоровье, он отвечал: «Ничего, слава Богу, немного похворал, да и сообщения пароходного не было», — и пригласил меня сесть, после того как я поздоровалась с матушкой Ангелиной; воодушевленно стал беседовать со мной, смотря прямо мне в глаза. «Ну, что же, поздравляю с миром!» — сказал Батюшка. Я отвечала: «Не знаю, радоваться ли этому, Батюшка?» Он возразил: «Если приходится платить около 150 миллионов, то трудно радоваться; но, впрочем, надо во всем усматривать волю Божию; видимое дело, что Господу не угодно было, чтобы мы забрались туда, на северо-восток! Вот все наши затраты и пропадают». — «Кажется, не 150 миллионов, а много меньше...» — сказала я. Отец Иоанн отвечал: «Дай-то Бог, чтобы это так было⁹². Сегодня пишут, что для блага других государств, и в особенности Англии, следует отдать России Константинополь; дай Господи, чтобы это было так. Как бы это хорошо было!» Я заметила отцу Иоанну: «Меня удивляет, дорогой Батюшка, что во время войны наша миссия с преосвященным Николаем не терпела никаких нападков и насмешек⁹³; удивляет, что японцы-христиане старались облегчить участь наших пленных! Не возникнет ли у нас дружба с Японией и не предстоит ли ей стать христианской державой?» Батюшка слушал меня с большим вниманием и наконец, воодушевившись, произнес: «Да! Господь высоко милосерд и правильно воздает людям по делам их. Наша интеллигенция извратилась, отстала от веры; может быть, Промысл Божий так и ведет, что заменит отставших вновь привлеченными и поэтому послал перевес в военном счастье им над нами». И, глубоко вздохнув, продолжал: «Ужасно, что творится! Религия, нравственность — все расшаталось... Как же Господу не проявлять Своего гнева?» Я спросила: «А как вы смотрите на Думу, дорогой Батюшка?»

«Да, может быть, Господь поможет с помощью этого учреждения установить больший контроль, который не даст так эксплуатировать и обирать наше правительство, как теперь. Что, например, у нас делается с нефтяными промыслами? Как посторонние люди наживаются за счет правительства? Ведь это страшно подумывать, что делается!» — отвечал отец Иоанн.

«Выборное начало ведь все основано на подкупе?» — спросила я. Батюшка задумался и произнес: «Ну, не всегда же так; могут попасть и хорошие люди». — «Мне кажется, что гораздо больше

порядка там, где управляет одна умная голова, нежели 20 с различными взглядами...» — сказала я. В этом Батюшка вполне согласился со мною.

Затем я передала отцу Иоанну глубокий поклон от матушки Антонии и попросила у него для нее благословение. «С радостью передай ей, и за что эта добрая чюдная старушка так любит меня?» — произнес он. Я сказала на это: «Да как же вас не любить, дорогой Батюшка, когда вы сами всех нас любите, — так всегда обласкаете и утешите, что потом становится легче жить. А в настоящее время от кого увидишь ласку или даже простое внимание? Каждый из нас любит только себя самого, а вы всех нас любите, и все мы только живем и дышим вами». После этого дорогой Батюшка угостил нас чаем, сказал, что завтра утреню прочтет в 5 часов, так как в 7 назначена в реальном обедня, и стал прощаться. Повернулся ко мне, пожелал спокойной ночи, благословил и дал поцеловать руку. Я вернулась домой вполне удовлетворенною и довольною.

26 августа 1905 г.

Вчера приехал отец Иоанн; я видела его, получила благословение и просила помолиться, чтобы Господь послал исцеление матушке Антонии, которая сильно захворала. Батюшка был очень ласков и добр, угощал всех чаем; со мною он говорил о том, что его сильно возмущают ксендзы, которые всеми мерами стараются обращать православных в католичество и без всякого стеснения лгут для этого; они говорят, что Иоанн Кронштадтский — и тот принял католичество, и путем такой лжи стараются доказать, что, следовательно, Православие никуда не годится. «А сколько еще впереди?» — говорил отец Иоанн.

Сегодня, выйдя перед чтением канона, Батюшка ласково поздоровался со мною и дал поцеловать руку.

В каноне восхвалялась Пресвятая Богородица, и Батюшка читал канон с особенным воодушевлением и даже подпевал. Обратившись к сестрам, он сказал: «Какое великое значение имеет Владычица, что Сам Бог избрал Ее для рождения Спасителя, — и, показывая им на Тихвинскую икону Божией Матери, произнес: — Вот Она, ваша Заступница и Покровительница! Уповайте на Нее и не забывайте, что вы, вступив в монашество, взяли на себя ангельский чин и должны исправить все свои недостатки,

каковы суть: вражда, ненависть, злоба; должны постоянно ловить свои помыслы, какие только явятся, зная, что все дурное от врага. Старайтесь уничтожать их в самом зародыше, приобретайте терпение, упражняйтесь в послушании и отречении своей воли. Любите всей душой вашу настоятельницу — Царицу Небесную, старайтесь брать пример с Ее жизни и не забывайте, что и в вас, как во всех людях, живет Дух Святой, и потому всеми мерами старайтесь исправляться и любить друг друга».

Когда Батюшка окончил канон, я подошла к нему; он посмотрел на меня своим чудным, ласковым взглядом, благословил меня и уехал.

31 августа 1905 г.

Сегодня во время чтения канона Батюшка несколько раз перевернул аналой; за чтением Апостола я наблюдала за Батюшкой: он сидел и выглядел таким старичком, глаза были закрыты; вдруг он открыл их и стал во что-то внимательно всматриваться, — выражение лица совсем изменилось, сделалось такое сияющее и радостное, точно Батюшка вдруг помолодел.

Он сказал сегодня слово на Евангелие о том, что Господь изгоняет бесов силою Божественною¹⁾. Отец Иоанн старался изъяснить ту мысль, что бес не может изгонять себе подобных. Так как сегодня публика держала себя невыносимо — кричали, перелезали через решетку, — то я плохо слышала, как говорил Батюшка. По окончании службы я прошла в игуменскую и передала отцу Иоанну просимый им номер «Московских ведомостей». Он взял газету, благословил, поблагодарил и погладил меня по щеке; я поцеловала его руку, и он прошел с газетой за занавес, где пробыл более получаса; затем вышел оттуда, прошел в столовую и, помолившись, стал угощать чаем сначала духовенство, потом благотворителя, приехавшего из Устюжны. Подозвал меня к себе и дал стакан, сказав: «Выпей, да садись тут к столу». Я поцеловала руку у Батюшки. Он скушал ложечку ухи и стал уже прощаться; подошел ко мне, ласково посмотрел и благословил меня еще раз. Я довольная вернулась домой.

17 сентября 1905 г.

Сегодня отец Иоанн служил обедню. Он приезжал в игуменскую часа в три. Батюшка благословил меня и сказал:

¹⁾ См.: Мф. 2, 22–28.

«А ты, кажется, нездорова?» Я отвечала, что все время хвораю: голова болит и плечи. Он положил мне руки на голову и сказал: «Такая молодая — и вздумала хворать!» Я рассмеялась: «Вот молодая-то в 60 лет!» Батюшка улыбнулся на это; я поцеловала его ручку и спросила, хорошо ли он съездил в Москву и не нашел ли там какой-либо перемены.

Батюшка сказал: «Нет, никакой перемены я не заметил; все так же радушно меня принимали и говорили только о своих горестях и нуждах». Затем он, стоя в дверях, благословил всех собравшихся монахинь и произнес: «Благословение Господне да будет с вами!» Дал всем поцеловать свою ручку, прошел в столовую, сел за стол и сказал: «Насадивший виноградник достоин вкушать плодов из своего виноградника и всякий *трудящийся достоин* есть от своих трудов¹⁾, — вот и я, устроив эту обитель, имею право питаться тут...»

Угостил всех чаем и, прощаясь, крепко пожал мне руку.

Сегодня, приступая к чтению канона, Батюшка обратился к монахиням и ко всем присутствовавшим со словами: «Прошу вас, внимательно слушайте, много поучительного найдете!» Прочитав несколько, он повернул аналой и обратился лицом к народу, потом подошел к аналою, на котором лежал крест, вынесенный в день Воздвиженья, приложился к нему и, взяв его в руки, продолжал чтение о Крестных страданиях Христа. Затем оставил чтение и, держа в руке крест, произнес, обращаясь к народу: «Вот распятый Господь! Как Он страдал, как принес Себя в жертву за нас, умер и воскрес!» Тут богомолки как безумные закричали: «Воистину ты — Христос!» Батюшка, показывая крест, говорил самым убежденным тоном, что Христос один и вот Он, на Кресте, говорил так ясно, что всякий не сумасшедший должен был убедиться в своем заблуждении, принимая Батюшку за Христа. Он старался доказать, как важен Крест для нашего спасения и что только им одним мы и можем спастись.

Затем он говорил: «Все мы так сильно грешны, что Господь уже наказал нас, — не дал нам ни одной победы и попустил заключить далеко не выгодный и не почетный мир». Говорил также о великом значении Таинства Святого Причащения; несмотря на то, что просил всех подходить к Причастию с благоговением, как только Батюшка вышел с Чашею, поднялась страшная давка.

¹⁾ Ср.: Мф. 10, 10; см.: 1 Кор. 9, 7.

Меня так стиснули, что я не надеялась уже и живой остаться, и не могла, конечно, подойти к Причастию. Отец Иоанн был так добр, что по просьбе одной моей любимой монахини причастил меня из боковых дверей, назвав меня по имени, и я, осчастливленная, вернулась к себе домой.

19 сентября 1905 г.

Сегодня дорогой Батюшка обещал посетить меня, что и исполнил, несмотря на сильное недомогание. После сегодняшнего его посещения я, кажется, полюбила его еще более прежнего, так как вполне убедилась, что Батюшка отлично видит мою душу и сердце и свободно читает в них. Что Батюшка святой муж, — в этом невозможно и сомневаться. Читая Златоуста и изучая его, я нахожу, что отец Иоанн идет вполне по его стопам, и, как мне понятен и мил Златоуст, так же, если еще не больше, мил и дорог бесценный Батюшка.

Зная, что он будет у меня, я решилась открыть ему всю мою душу и один грех, которого я еще не открывала; я внутренно исповедалась Господу и записала свои грехи. Хотя Батюшка приехал в игуменскую еще в 6 часов, но чувствовал себя нехорошо и потому прислал мне сказать, что ему нездоровится и он придет, отдохнув немного. Мы прождали его до девяти часов и узнали, что он хотел встать, но не мог, а разделся и лег совсем. Все бывшие у меня разошлись, остались только живущие тут, так как мне казалось, что Батюшка все-таки придет. Действительно, в 11 часов прибежала ко мне келейная и сказала, что он идет. Я выбежала на лестницу, поклонилась ему в ножки и сказала: «Не нахожу слов, как и благодарить вас, Батюшка, что вы, несмотря на свою слабость, все-таки пришли ко мне».

Он обнял меня и так ласково произнес: «О ты, возжеленная моя, здравствуй!» — и, держа меня за руку, поднялся по лестнице; я все время целовала его в плечо. Батюшка благословил всех живущих тут и ожидающих его и прошел в мою комнату.

Я спросила его: «Как вы себя чувствуете, дорогой Батюшка?» Он отвечал: «Ничего, дорогая моя, теперь, слава Богу!» — обнял меня, поцеловал в голову и, подойдя к иконам, так хорошо помолился. Я сказала, что мне нужно покаяться в одном давнишнем грехе. «Хорошо, скажи...» — отвечал Батюшка; я подала записочку, он прочитал ее и сказал: «Ну, что же! Этим грехом многие грешат...»

Я стояла на коленях и горько плакала, положив голову на его колени и целуя их. Батюшка все время, пока читал мою записку, держал свои руки у меня на голове, потом сказал: «Смотри же, оставь и больше не грешь! И да простит тебя Господь и разрешит все твои грехи...» — разорвал записку, поцеловал меня в голову и стал служить молебен; при этом пригласил всех: «Идите-ка, помолимся хорошенько вместе...» — сказал он. Встал на колени и начал с умилением читать чудные молитвы. Когда Батюшка становился на колени, нельзя было не заметить, как это ему трудно было сделать, — видно было, что он сильно чем-то болен.

Он просил Господа, Владычицу и всех святых спасти, защитить и избавить всех нас от всяких бед и печалей. Я уже, стоя сзади Батюшки, со слезами молилась за него, просила у Господа исцелить, подкрепить и продлить его драгоценную жизнь. Освятив воду и давая приложиться ко кресту, Батюшка обильно окропил меня святою водою. От чаю он отказался; затем подписал мне свою карточку: «Моей духовной дочери в благословение». Я поцеловала его ручку, он же положил мне свои руки на голову и подержал их так. Многие тут находившиеся обращались к нему со своими просьбами, и он всех удовлетворил и утешил. Прощаясь с нами, Батюшка сказал: «Как я рад, что так хорошо помолился с вами».

Не успели мы проводить отца Иоанна, как увидели, что едут пожарные мимо нас и останавливаются на нашей улице. Оказалось, что рядом с нами загорелась дача Раменского; ветер дул прямо на нас, но вдруг переменился, и вскоре пожарным удалось победить огонь. Я от всего сердца возблагодарила Господа.

20 сентября 1905 г.

Сегодня, читая канон, отец Иоанн сказал сестрам, что он очень бы желал, чтобы они стали более духовными. В игуменской я поблагодарила Батюшку за вчерашнее посещение и поклонилась ему в ножки. Он поднял меня и так ласково сказал: «Я всегда с большим удовольствием бываю у тебя». Благословил меня, простился со всеми и сказал матушке Ангелине: «Не хворай, Ангелина, а побольше молись! Какое наслаждение доставляет пребывание в церкви! С каким удовольствием я читаю всегда канон! Я вижу и испытываю на себе, как это чтение воодушевляет меня». Уходя, Батюшка дал всем монашенкам поцеловать его руку.

20 сентября¹⁾ 1905 г.

Сегодня Батюшка приехал из Кронштадта и служил обедню; он сегодня выглядел сильно озабоченным. Слово он произнес на Евангелие, как Господь называл учеников солью земли²⁾. «А мы все, грешники, смердящие грехами! Какое невыразимое милосердие оказал Господь тем, что вочеловечился, пришел на землю и пострадал за нас! Взял на Себя все наши грехи и тем спас многих из нас! Но, конечно, не всех...» — говорил отец Иоанн. Указав на евангельского фарисея, сказал, что все молящиеся только наружно, равно как и все сребролюбцы и пьяницы, Царствия Божия не наследуют³⁾.

По окончании обедни я, неприятно взволнованная неповиновением отцу Иоанну со стороны некоторых лиц, прошла в игуменскую и там опять натолкнулась на новое непослушание: Батюшка просил, чтобы избежать тесноты, не всех пускать, а тут как раз одна каретница напустила такую массу народа, что переполнился не только зал, но и кабинет Батюшки; я ей сделала замечание, что она поступает против воли Батюшки. Она наговорила мне дерзостей и сказала, что будет на меня жаловаться отцу Иоанну. Я же в душе решила, что если это Батюшка проводит всех, то он как-нибудь да накажет меня, если я не права... И утешил же меня Господь, как я и не ожидала!

Закуска была приготовлена в кабинете, и тут ожидали Батюшку приезжий архимандрит и игуменья Леушинского монастыря матушка Таисия. Как только отец Иоанн вошел, сейчас же заметил меня, ласково поздоровался и прошел переодеться. Потом вышел, сел к столу, посадил возле себя архимандрита, мать Таисию и некоторых других лиц; я стояла вдали; Батюшка, взяв стакан чаю, обратился ко мне и говорит: «Выпьем с тобою на здоровье, дорогая моя, добрая моя госпожа! Вот только положу сахару, да размешаю... — сделал все это, налил на блюдце и, подавая мне, еще повторил: — Выпьем на здоровье», — и сам выпил из стакана.

Виновница моего огорчения — каретница — и еще одна вдова, видя, как Батюшка обласкал меня, сказали: «Господи, да какая же вы счастливица! Как же вас Батюшка-то любит», — и каретница со слезами попросила у меня прощения, а вдова прибавила: «Вы Батюшке, наверное, нужны, и он вас не отпустит от себя».

¹⁾ Вероятно, день указан ошибочно. Имеется в виду число между 20 и 26 сентября.

²⁾ См.: Мф. 5, 13.

³⁾ См.: Лк. 11, 37–44; Мф. 5, 20.

Отец Иоанн стал прощаться, подошел ко мне, благословил и, протягивая свою руку, сказал: «Прощай, Е.В.», — и вышел. Все мои горести прошли, и я вернулась довольная и счастливая.

26 сентября 1905 г.

Сегодня Батюшка приезжал к своей племяннице Анне Семеновне Орнатской навестить свою хворавшую сестру — Дарью Ильиничну, — там мне и удалось его повидать. Как только он приехал, — прошел к сестре, поздоровался, отслужил молебен и, обратившись к ней, предложил ей исповедаться ему, не как брату, а как священнику, имеющему право отпустить грехи, нас же попросил уйти.

Затем всем нам дал приложиться ко кресту и окропил святою водою. Я пожаловалась Батюшке на зубную боль и попросила его полечить; он похлопал меня по щеке и сказал: «Это пустяки, — потерпи».

Окропил святою водою все помещение и осведомился у племянницы о ее здоровье; узнав, что она «в ожидании», произнес: «Ну и что же! Слава Богу!» Напоил всех чаем и, давая мне блюдце, сказал: «Хотите, выпьем на здоровье».

Затем, глубоко вздохнул и произнес: «Господи, как грустно! Опять забастовки! И что это только делается?» Я сообщила Батюшке, что редактора газеты, в которой нападали на него, разбил паралич. Отец Иоанн заметил на это: «Вот как его Господь наказал! Пишут, а сами не знают даже, что пишут...»

Затем благословил всех и уехал.

8 октября 1905 г.

Услыхав, что Батюшка заболел, я сильно встревожилась и послала телеграмму отцу Иоанну; вскоре же получила ответную такого содержания: «Здоров, как старые бывают здоровы, но не совсем; служу, отчасти выезжаю в Кронштадте. Спасибо; поклон игуменье и сестрам».

11 октября 1905 г.

Батюшка приехал совершенно неожиданно вчера поздно. Он ехал в Кронштадт, но что-то случилось в канале, и пароход вернулся назад. Батюшка весь продрог и промок. Я, направляясь в церковь, зашла к нему; он ласково поздоровался,

благословил, поблагодарил за телеграмму и обещал после обеда зайти ко мне.

Во время канона отец Иоанн повернулся лицом к народу и сказал: «Помолимся хорошенько, чтобы Господь избавил нас от этих крамол, бедствий и забастовок! Я надеюсь на Господа, Он милостив и, верно, скоро все успокоит». Сказал слово на Евангелие об исцелении прокаженного¹⁾. «Господь посылал проказу за грехи, и она съедала тело, — а теперь наши души подвергаются тоже проказе, заключающейся в страшном количестве грехов, охвативших всю нашу душу. Каждому человеку необходимо постоянно следить за собой, хорошенько проглядывать внутрь себя и всеми силами стараться очищать свое сердце, чтобы греховность не лишила нас Царствия Небесного...» — говорил отец Иоанн. Далее опять указывал на великое милосердие Господа, давшего нам Свое Тело и Свою Кровь для избавления нас от грехов. Как мы должны ценить это благо и с каким благоговением всегда приступать к этому Таинству, — с самым искренним покаянием и твердым обещанием вполне исправиться.

Часов в восемь Батюшка зашел ко мне, поздоровался, прошел в мою комнату и, сядя в кресло, сказал: «Я сегодня посетил одну семью по случаю сорока лет со дня их свадьбы; как приятно было видеть, что столько лет люди прожили счастливо, душа в душу, и вырастили и воспитали детей! Я благословил их брак и крестил у них детей...»

Я поздравила Батюшку с наступающим днем его Ангела и попросила принять от меня икону Божией Матери «Утоли моя печали», вышитую золотом. Он обнял меня, поцеловал в голову и сказал: «Благодарю тебя, моя дорогая! Помолимся теперь». Батюшка прекрасно отслужил молебен и, давая приложиться ко кресту и окропляя святою водою, произнес: «Да благословит тебя Христос!» Сел к столу и стал всех угощать чаем; давая мне, поцеловал меня в голову. Сестра дьякона, все время хворающая, пожаловалась на свое нездоровье отцу Иоанну и сказала, что ей хочется выздороветь. Он улыбнулся на это и отвечал ей: «Ишь чего захотела! Ничего, похворай и потерпи...»

Я, все время стоя на коленях, смотрела на чудное, доброе лицо Батюшки и спросила его: «Неужели вы, бесценный Батюшка, взяли наши грехи на себя, и мы все без труда спасемся?»

¹⁾ См.: Мф. 8, 2–4.

Он же серьезно сказал: «Один Господь взял грехи наши! А я! Что же я-то могу? Конечно, я молюсь за всех вас, но каждый должен сам работать над исправлением самого себя и без этого труда нельзя ожидать спасения, и все мои труды и молитвы будут напрасны».

Я просила Батюшку помолиться о том, чтобы я получала радость в церкви. Он опять сказал: «Ишь ты чего захотела! Я и сам ее не всегда ощущаю, — это дается после долгих и больших усилий и трудов, после долгих и усиленных молитв, — хотя я знаю ее, она у меня, слава Богу, бывает, но только после усердной молитвы. Молись! И тебя эта радость посетит...» У Батюшки, когда он все это говорил, было какое-то необыкновенное, сияющее выражение лица. Затем он стал прощаться; я спросила у него: «Дорогой Батюшка, что же вы ответите матушке Антонии на то ее письмо?»

Он сделался серьезен и ничего мне не ответил, а когда я попросила у него позволения передать ей его благословение, он сказал: «С радостью! Передай и поклон; чудная она и как хорошо пишет!» — благословил меня, дал поцеловать руку и уехал.

25 октября 1905 г.

Все это время я видела дорогого Батюшку во сне; сегодня получила от него благословение и поклон через игуменню Свято-Троицкого монастыря, которая ездила к нему в Кронштадт с моим письмом и была осчастливлена ласковым приемом и вниманием Батюшки, получила от него все нужные советы и даже пожертвование на постройку храма. В 7 часов вечера дорогой отец Иоанн приехал в игуменскую, и, когда я пришла в его кабинет, он радостно поздоровался со мной и благословил; узнав, что у меня сильно болит плечо, похлопал по нему и сказал, что в этом погода виновата. Про себя сообщил, что он, слава Богу, чувствует себя очень хорошо и день своего Ангела провел отлично: «Отслужив обедню, я сейчас же с некоторыми хорошими знакомыми отправился на пароход и, катаясь по морю, позавтракал, или, вернее сказать, пообедал; затем уснул, подышав чудным воздухом, а в четыре часа уже вернулся домой. Никаких посетителей, кроме родных, у меня не было. И так прошел весь день...» — рассказывал Батюшка, все время смотря на меня своим чудным взглядом.

Тут к нему начали подходить монашенки: одна жаловалась на сильное удушье, — Батюшка ее приласкал и потер ей горло, другая пожаловалась на боль в боку, — он похлопал ее по больному месту, третья на головную боль, — Батюшка подержал свои руки у нее на голове; все это он делал так охотно, милостиво награждая всех своим добрым, ласковым взглядом и утешая добрым словом. Какая-то женщина поклонилась ему в ноги и со слезами умоляла его взять сапожки, которые она нарочно сшила ему; Батюшка долго отказывался, но видя, что она сильно огорчена, взял, поблагодарил, прошел в спаленку, надел там их и, выйдя, еще раз поблагодарил.

Женщина же эта сама стала благодарить Батюшку, что он осчастливил ее, взяв ее работу, поклонилась ему в ножки и поцеловала его руку.

27 октября 1905 г.

Опять видела Батюшку во сне, — будто он много говорил со мной; у меня осталось в памяти только одно: что-то должно случиться и закончиться...

Вечером неожиданно Батюшка приехал в игуменскую на извозчике; поднялась суета... ко мне прибежала монашенка и сказала, что в Кронштадте бунт и поджигают город. Батюшка пошел в трапезную служить молебен, чтобы Господь избавил Кронштадт от разгромления. Я пошла туда же. Отец Иоанн, стоя на коленях, чудно молился, со слезами, все монахини плакали. Батюшка читал молитвы, в которых просил Господа простить нам все многочисленные наши прегрешения. По окончании молебна он сказал: «Будем надеяться, что Господь смилуется, и все эти возмущения окончатся».

Из трапезной Батюшка прошел в свой кабинет, не обращая ни на кого внимания, видимо сильно взволнованный. Я осталась с монахинями в передней и рассказала им свой сон; тогда они мне сообщили, что, как только Батюшка приехал, он сказал: «Кронштадт горит, и матросы бунтуют⁹⁴, но скоро все кончится...» — и велел послать за извозчиком, чтобы поскорей поехать к тем, которые умолили его во чтобы то ни стало отслужить у них сегодня всенощную. В это время Батюшка вышел в переднюю уже в шубе и сильно разволновался, что извозчика еще нет. Я подошла к нему, он очень ласково поздоровался, благословил,

дал поцеловать ручку и, смотря на меня своим добрым взглядом, сказал: «А какие ужасы творятся в Кронштадте! Поджигают, матросы бунтуют! Брат на брата пошли... Но Бог милостив! Я с трудом выехал на общем пароходе на Лисий Нос, еще две недели назад дал слово, должен был выполнить его...»

3 ноября 1905 г.

Батюшка служил у нас обедню. Сегодня у меня было видение. С правой стороны алтаря на двери изображены два Ангела в виде дьяконов, дверь эта была чуть-чуть приоткрыта, и я ясно видела на ней изображение Спасителя с чудным ликом, в малиновой одежде. Он стоял нагнувшись и благословлял ребенка... Я была сильно поражена, как могли в одну ночь переменить изображение дьяконов и заменить другим таким чудным изображением; я долго любовалась им и только что обратилась к племяннице дорогого отца Иоанна, спрашивая, когда сделали это, — как дверь прикрыли совсем, и на ней явилось прежнее изображение двух дьяконов.

Батюшка пришел читать канон, ласково поздоровался и благословил меня. За обедней он произнес слово на сегодняшнее Евангелие: когда Спаситель шел со Своими учениками в Иерусалим и самаряне Его не приняли, то ученики просили Господа позволить им наказать их, подобно Илии; Господь же запретил это, сказав: «Разве вы не знаете, какого вы духа? — Я пришел не погублять, а спасать грешников...»¹⁾

Отец Иоанн говорил: «На это не надо сердиться, надо все переносить со смирением и не только не мстить никому, но и не судить никого, оставить это Господу, — Он Сам будет судить и Сам воздаст каждому по его заслугам...» Затем, обращаясь к монахиням, сказал: «Не думайте, что вы безгрешны! Вы все переполнены грехами... — перечислил все пороки, страсти, дурные наклонности и продолжал: — поэтому вы должны исправиться, оставить все порочные наклонности, чистосердечно покаяться и дать обет уже больше не грешить, в чем сознались. Только поступая таким образом, можете решиться приступить к Святым Таинам, всем сердцем благодаря Господа за то великое благо, которое Он дал нам, принося Себя за нас в жертву Богу, удостаивая нас принятия Святой Его Плоти и Крови, помогая нам соеди-

¹⁾ См.: Лк. 9, 51–56.

ниться с Ним и доставляя нам благодать, с помощью которой мы легче можем отражать стрелы врага».

В игуменской отец Иоанн ласково приветствовал меня и благословил. Чай был приготовлен в кабинете; народу напустили слишком много. Поздоровавшись со всеми, Батюшка сказал: «Господа, да как же здесь невыносимо душно! Как испорчен воздух!» Матушка игуменья велела перенести чай в зал. Там отец Иоанн благословил чай и стал угощать.

Вдруг вбегает монашенка ко мне и говорит, что меня Батюшка давно ищет, желая дать мне чаю; я поспешила туда и увидела, что он протягивает стакан то направо, то налево, ища меня глазами. Когда я подошла, Батюшка так радостно сказал: «На, дорогая моя Е.В., выпей на здоровье...» Я не успела еще поцеловать его руку, как он уже встал и направился в кабинет; я попросила у него благословения, — Батюшка наградил меня своим чудным милостивым взглядом, благословил и сейчас же уехал куда-то.

Вечером отец Иоанн опять приехал в игуменскую. Когда я постучалась туда, меня сейчас же впустили; он видимо обрадовался моему приходу, весело поздоровался и сказал: «Дорога забастовала, и мне пришлось вернуться сюда! — затем прибавил: — А ты знаешь, ведь меня пробрали в газетах, — сказали, что я бежал из Кронштадта»⁹⁵. Я отвечала Батюшке: «Ныне хоть ничего не читай, Бог знает, что только ни пишут! В одних только «Московских ведомостях» рассуждают правильно и честно...» — и предложила ему прочесть молитву, напечатанную в сегодняшнем номере⁹⁶; он сейчас же прочел, даже поцеловал и произнес: «Действительно, хороша! И следует вполне исполнить преподанный тут совет, — хорошенько молиться и наложить на себя пост». Похвалил воззвание к русским людям встать на защиту отечества; очень понравилось Батюшке, как в Нежине крестьяне заставили крамольных студентов в страшно грязную и дождливую погоду во время крестного хода снять шапки, встать на колени, молиться и петь «Боже, Царя храни» вместо марсельезы и, что всего лучше, заставили публично дать присягу на верность Царю и Отечеству.

Я попросила Батюшку помолиться обо мне, так как меня страшно одолевает уныние. Он так участливо сказал мне: «Боже тебя сохрани, не давай ему места!» Затем пошел в столовую пить чай, там угостил всех и простился, говоря, что теперь займется составлением проповеди на завтра. Мне благословил прича-

ститься у него завтра, я поцеловала его ручку, вернулась домой довольною и стала готовиться к исповеди.

4 ноября 1905 г.

Сегодня во время чтения канона отец Иоанн несколько раз перевернул аналой. Слово было произнесено им сегодня на объяснение Евангелия от Матфея: *если где не примут вас, отряхните и прах от ног ваших*, а тем, которые примут вас, *проповедуйте, что приблизилось к вам Царствие Божие*¹⁾. «Это есть основанная на земле Церковь Божия с ее спасительными Таинствами! — говорил отец Иоанн. — В Таинстве Святого Причащения Господь соединяется с нами и становится один дух с нами; но как теперь многие далеки стали от Бога! Не повинуются Церкви и не пользуются Таинствами, живут по влечению плоти, предаваясь страстям. *Царствие Божие внутри нас есть*, говорит Спаситель!²⁾ Для того, чтобы это было так, с нашей стороны нужна твердая вера, искреннее покаяние и горячая любовь к Богу и ближнему. Всем надо усердно подвизаться для своего спасения; жизнь христианская есть борьба, а для успеха в этой борьбе необходима благодатная помощь Божия, которую Господь подает в Таинствах Покаяния и Причащения Святых Таин всем ищущим».

Когда Батюшка стал причащать, поднялась страшная давка; меня так стиснули, что я искала только возможности уйти, но Батюшка увидал мою муку и, пригласив меня вперед других, произнес: «Приобщается раба Божия Екатерина». Господи! Какой я почувствовала себя счастливой, причастившись и оставшись не задавленной, и возблагодарила от всего сердца Господа. Потом я пошла в игуменскую поблагодарить Батюшку. Он так приветливо поздоровался, поздравил меня с принятием Святых Таин и сказал, что на днях посетит меня.

8 ноября 1905 г.

Сегодня матушка Ангелина праздновала день своего Ангела при постриге и пригласила меня к себе. Вечером приехал дорогой отец Иоанн; к нему пришла его сестра Дарья Ильинична.

¹⁾ Ср.: Мф. 10, 14, 7.

²⁾ Лк. 17, 21.

Он поговорил с нею, очень ласково встретил меня, благословил и стал просматривать «Московские ведомости». Вдруг сестра Батюшки обратилась к нему с вопросом: «Братик, а сколько тебе лет, ты старше меня или нет?» Батюшка засмеялся и сказал: «Мне 76 лет, а тебе?» — «А мне восемь шестьдесят», — отвечала она и, обращаясь ко мне, предложила сосчитать, сколько это будет. Я отвечала ей: «Вы, значит, моложе Батюшки на 8 лет». Дарья Ильинична заметила: «А выгляжу-то я куда старше братика...» Отец Иоанн засмеялся и сказал, что он очень устал и пойдет немножко заснуть.

13 ноября 1905 г.

Я пошла в игуменскую, как только приехал дорогой Батюшка, получила его благословение и просила его помолиться о том, чтобы мне избавиться от болезни моей правой руки и сохранить способность владеть ею до конца жизни. «Чтобы я могла написать дневник о вас, Батюшка...» — добавила я. Отец Иоанн так ласково и весело сказал: «Помолюсь! И благословляю тебя, — хорошее дело задумала...» — и потер мою больную руку.

Я поздравила его с 50-летним юбилеем его супружеской жизни; он поблагодарил и сказал: «Вот скоро будет юбилей моей священнической службы, — хотели отпраздновать его особенно торжественно, но посетивший меня сегодня мой хороший знакомый жандармский полковник просил меня отказаться от торжества ввиду такого смутного времени, когда нельзя поручиться за то, что на него не проберутся злоумышленники; он сказал мне, что власти не в состоянии поручиться за спокойствие и даже за целостность моей жизни, и я праздновать не буду; ограничусь кружком самых близких людей, и мы помолимся в Доме трудолюбия. Ах, какое тяжелое время переживает Россия! Доживем ли мы с тобой, дорогая Е.В., до того времени, когда все успокоится и наступит, наконец, порядок и настоящая жизнь?» Я спросила Батюшку: «Как вы думаете, пройдут все эти заблуждения, и мы образуемся?» Он отвечал: «Я уверен, что еще наступят хорошие времена! Труднее всего будет справиться с молодежью; непременно придется переменить весь учительский персонал...»

Я сказала, что, занимаясь выписками из своего дневника, вижу, как вы много для меня сделали, рассказала бесценному Батюшке про свою выборгскую жизнь и благодарила его за все. Он на это

произнес: «Слава Милосердному Господу, что Он так милостив ко мне! Как часто я, даже по несколько раз на дню, испытываю великую милость ко мне Господа; ведь я человек, и также постоянно подвергаюсь грехам, и как меня Господь всегда поддерживает и хранит! Это прямо удивительно, — все это одна только вера может сделать...» Похвалил статью о старообрядцах, сказав: «Наконец русские люди начинают сплачиваться; я думаю, если Дума будет удачная, то она спасет Россию от анархии⁹⁷». Затем Батюшка пожаловался на усталость, сказал, что нужно еще помолиться, поблагодарил меня за посещение, простился, благословил, пожелал покойной ночи и ушел.

14 ноября 1905 г.

Отец Иоанн посетил меня сегодня. У меня собралось очень много жаждущих повидать его. Одна дама, сама нездоровая, привела с собой припадочную девочку, другая пришла помолиться за умирающую мать и благословить для нее икону Пантелеимона, третья — исцелить глаза. Батюшка, войдя, поздоровался, благословил меня и всех собравшихся тут, припадочную же обласкал и утешил. Освятил иконку, спросил имя болящей и, предложив всем помолиться усердно за болящих, стал служить молебен; встал на колени и все время чудно молился со слезами.

Я же от всего сердца молила Господа продлить столь дорогую и необходимую нам всем жизнь самого бесценного Батюшки и оградить его от всяких случайностей.

Отец Иоанн дал приложиться ко кресту, припадочную девочку окропил святою водою и велел матери почаще приобщать ее Святых Таин, а когда та сама пожаловалась на такую боль у себя в спине, что она не может и разогнуться, то Батюшка полечил ее, похлопав по спине; она сейчас же почувствовала облегчение и с восторгом поклонилась ему в ножки, сказав, что боль прошла, осталась же только слабость. Батюшка сказал ей: «Благовари Господа, да тоже почаще причащайся». Затем просмотрел начало моего дневника и, смотря на меня, со своею милостивою улыбкой сказал: «Прекрасно, — печатай!» Прочитывая далее, произнес: «Да ведь не всем же ты мне обязана, — могла и не послушаться меня». Я отвечала: «Если я послушалась, то и этим обязана вашим святым молитвам». При этих словах Батюшка обнял меня, как самый

любящий отец своего ребенка, поцеловал в голову и, похлопав по плечу, сказал: «Ну, теперь дай-ка чайку». Я, встав на колени, стала просить его отслужить 24-го здесь обедню. Он отвечал, что в Кронштадте у него масса именинниц и они на него обидятся; выпил глоточек вина и дал мне немножко тоже. Я поцеловала ручку и начала просить его еще усиленнее. Батюшка был сегодня такой чудный, веселый, — он посмотрел на меня со своею дивною улыбкой и проговорил: «Ах, какая! Ты вводишь меня в искушение». Сам положил во все стаканы сахар и всех угостил чаем; когда он давал мне, я сказала Батюшке, что у меня решительно все болит. Он сочувственно посмотрел и сказал: «Такая стоит погода, что вряд ли найдется кто-нибудь, кто бы чувствовал себя совершенно здоровым...» — и похлопал меня по больным плечу и руке. Батюшка сам выпил весь тот стакан, из которого давал мне, и все время хвалил чай: «Какой прекрасный у тебя чай! — говорил он и добавил: — И как хорошо мы все у тебя тут собрались свои...» Когда же к нему подошла за чаем игуменская келейница, — он неохотно дал ей, говоря: «Ну, а ты-то зачем сюда попала?!» Прощаясь, Батюшка поцеловал меня в голову и, уже выходя, благословил мне и Чельцовой причаститься у него завтра: «Только смотрите, хорошенько приготовьтесь...» — сказал он.

15 ноября 1905 г.

Сегодня отец Иоанн вышел читать канон через Царские врата и благословил всех общим благословением, не позволив никому подходить к себе. Читая канон, он вдруг повернул аналой и обратился лицом к народу, сказав, что так будет слышнее. Несколько раз обращался к монахиням и давал им советы, как нужно все переносить терпеливо, не раздражаться, не ссориться, а постоянно помнить, как страдали святые, что они выносили, как терпеливо и благодушно все встречали, — не только не роптали, но еще за все благодарили Господа. Окончив чтение, Батюшка опять, обращаясь к сестрам, произнес: «Приготовьтесь хорошенько, покайтесь от всего сердца и проверьте себя, — я хочу сегодня всех вас приобщить». За обедней, стоя все время на коленях, со слезами прочел молитву об избавлении от крамол. Сказал прочувственное слово на Евангелие, как Христос пришел к фарисею и сел за стол, *не умыв рук*, и как фарисей осудил Господа за это¹⁾.

¹⁾ См.: Лк. 11, 37–44.

Батюшка говорил: «Кого осудил-то! самого Господа! Господу нужна не внешняя сторона веры, а внутренняя, то есть не одна обрядная сторона, а сердце, ибо Он сказал: *если око твое светло, то и все тело твое чисто*, а *если око темно, то и все тело темно*¹⁾. Око — это мысль сердечная, которая, если побуждается правильными и честными мыслями, то тогда и поступки выходят правильные; если же поступки снаружи и будут казаться хорошими, а при этом сердце будет не чисто, то все наружное не зачтется ни во что и будет одним только лицемерием».

Я еще вчера хорошо приготовилась и, слава Богу, прекрасно приобщилась: сейчас же вслед за матушкой Ангелиной отец Иоанн сказал: «Приобщается раба Божия Екатерина», — и уже никто меня не толкнул, хотя толкотня вообще была ужасная.

Когда Батюшка вернулся из церкви в игуменскую, он выглядел сильно утомленным и озабоченным, прошел в зал, ни на кого не глядя, помолившись, сел и стал угощать. Я встала сзади него и попросила благословить меня; он очень охотно исполнил мою просьбу и сказал, что он меня и не видел; спросил, пила ли я чай, взял сейчас же стакан, положил сахару, перекрестил и дал мне. Я поцеловала его ручку и спросила: «А как благословите проводить пост? Без рыбы?»

Батюшка, так ласково взглянув, сказал: «Это как ты найдешь нужным и как твое здоровье потребует. Вот я по слабости здоровья позволяю себе есть иногда рыбу. Поступи по своему разуму».

Я поцеловала его ручку, он встал, простился и ушел в кабинет. Я вернулась домой.

24 ноября 1905 г.

Батюшка служил обедню в Кронштадте, а ко мне приехал в 6 часов; я встретила его в дверях. Он выглядел таким бодрым, благодатным, как я люблю его видеть; так весело сказал: «Здравствуй, дорогая моя именинница! Я нарочно приехал поздравить тебя...» Благословил, прошел в мою комнату, сказал, что чувствует себя, слава Богу, хорошо и спросил: «Ну, что же, хочешь, помолимся?» Я отвечала: «Что же может быть лучше молитвы, а только я боюсь, не утомились ли вы, дорогой Батюшка?» — «Нет, как видишь, — не устал! А ты-то что, все

¹⁾ Ср.: Мф. 6, 22.

хвораешь?» — сказал он мне. Я пожаловалась на зубную боль. Батюшка так отечески-ласково заметил: «Что же делать! Надо пострадать; вот и мне тоже часто нездоровится, да ведь и лета такие... — и с каким-то особенно чуждым выражением лица прибавил: — А зато что нас там-то ожидает! Как мы там-то будем блаженствовать!» Сам же в это время легонько приложил свою ручку к больному зубу и слегка потер щеку и похлопал по больному плечу. Затем за молебном чудно молился, прося у Господа исцеления, душевного спокойствия, бодрости духа и долголетия. У меня сердце так и билось от радости. После молебна Батюшка сел к столу, но кушать ничего не захотел, а только попросил чаю; похвалил чай и, давая мне, сказал: «Выпей на здоровье, дорогая моя Е.В.» Я, стоя на коленях, смотрела в его необыкновенно добрые глаза, поблагодарила его и поцеловала ручку.

Батюшка сказал: «Вот и ты мучаешься, как Екатерина великомученица, и получишь достойные венцы; ты должна подражать ей и стать во всем подобной ей!»

Я отвечала, что я не в состоянии переносить такие страшные мучения, как она. Он на это возразил: «Да ведь теперь таких и нет, теперь другие мучения, не меньше тех, пожалуй: нравственные, — и различные болезни...» При этом посмотрел на меня таким в душу проникающим взглядом... Мне было ясно, что Батюшка всю мою душу видит и вполне меня понимает. Я чувствовала себя необычайно счастливой в эту минуту...

Угостил всех чаем и фруктами; благословил меня на прощанье, погладил по больной щеке, поцеловал в голову и пошел, всех благословляя и утешая на пути своим ласковым словом.

Я была так счастлива, как не умею и выразить, и от всего сердца поблагодарила Господа, что так чудно провела день своего Ангела.

25 ноября 1905 г.

Сегодня Батюшка заезжал к старшему дьякону Солярскому⁹⁸ и по просьбе одного приезжего больного служил молебен. На вопрос больного, благословит ли он сделать операцию, Батюшка велел подождать и выразил надежду, что, может быть, Господь поможет, и болезнь пройдет без операции. В то время, как Батюшка благословлял меня, к нему подошла одна старушка и попросила его принять от нее икону Николая Чудотворца,

шитую шелком, прекрасной работы. Батюшка поблагодарил ее, похвалил работу, поцеловал старушку в голову и спросил: «Да за что же это вы мне такой подарок делаете?» Она отвечала, что она католичка и делает подарок потому, что Батюшка такой добрый, всех любит и ласкает. Отец Иоанн передал икону своей племяннице, прося переслать ее в Кронштадт, и уехал.

28 ноября 1905 г.

Во время чтения канона отец Иоанн, обращаясь к народу, сказал: «Господь Бог так велик, что Его никто из людей никогда не видал и увидеть не может, только одни сущие на небесах лицезрят Его, да и то не все». Слово произнес сегодня Батюшка о званых на брачный пир¹⁾: «Господь велит звать на пир нищих, хромых, увечных, и только так поступая, мы можем угодить Господу и наследовать Царствие Небесное; угощая же богатых и знатных, мы утешаем самих себя и заискиваем расположение людей с эгоистичною целью, надеясь получить от них что-либо, и совершенно забываем, что все зависит от Господа и делается только Им, а не людьми. Заботиться о земном — значит — заботиться о том, что есть не больше, как прах, пыль, мыльный пузырь. Забывая же Бога, мы делаемся преступниками...» Затем Батюшка опять указал на великое и спасительное для нас значение Таинства Святого Причащения.

По окончании обедни я вернулась домой, а когда вечером приехал отец Иоанн, пошла в игуменскую. Он ласково встретил меня, благословил и спросил: «А что, читала ты, как меня бранят?» Я отвечала: «Как же, Батюшка, и возмущена до слез». Отец Иоанн сказал: «Что поделаешь, — давно бы пора правительству проявить свою власть! А то до чего мы дойдем? Невозможно обходиться без наказаний; они, как лекарства, оздоравлиюще действуют на забывшихся и предавшихся своим страстям людей... И детей необходимо наказывать и нельзя им во всем поблажать».

На мой вопрос, кончатся ли эти все безобразия, Батюшка отвечал: «Так как всему бывает конец, то, должно быть, и этому будет, но только тогда, когда Господь найдет нужным послать его».

Батюшка сегодня так хорошо выглядел — свежий, розовый, бодрый, — в своем чудном покойном настроении духа; видно, что он весь в Боге и с Богом и всю надежду свою возлагает

¹⁾ См.: Лк. 14, 12–24.

на Господа, вполне подчиняясь Его воле. Я выразила Батюшке свое возмущение и огорчение по поводу того, что меня вызывают в качестве свидетельницы по делу священника Торбаева⁹⁹. Батюшка так добро и сочувственно сказал: «Ничего, дорогая моя Е.В.; потерпи, — это для твоего спасения, — скорей попадешь в Царствие Небесное».

Налил на блюдечко чаю и подал мне; я от всего сердца поцеловала его ручку. Угостив и других, он встал, протянул мне свою руку, поблагодарил за компанию и прошел в кабинет; там он поискал что-то в Библии, затем вышел к нам и сообщил, что Государь уже поздравил его с юбилеем и наградил звездой Александра Невского. Я поздравила Батюшку с монаршей милостью, получила его благословение, простилась и ушла домой.

5 декабря 1905 г.

Сегодня видела дорогого отца Иоанна во сне; мне снилось, будто я ему пожаловалась, что меня напрасно все обижают, — он благословил меня, обнял и сказал: «Не бойся и не тревожься, никто тебя не обидит».

Батюшка сегодня прочел канон, не делая никаких замечаний. Уходя, ласково поздоровался со мной, благословил и спросил о здоровье.

Сегодня отец Иоанн приезжал в игуменскую во второй раз; он выглядел страшно взволнованным; к нему подвели какого-то священника, немного расстроенного психически, и сказали, что он хочет поговорить с Батюшкой; отец Иоанн раздражительно отвернулся и не захотел с ним говорить, а сказал тому, кто привел его: «Как это вы не умеете выбрать время, когда подводить ко мне, ведь и я человек, и бывает время, когда я не могу говорить! Я такой же человек, как и все, и этого не надо забывать...» Немного погодя Батюшка сжалился и подал этому священнику стакан чаю и сказал: «На, батюшка, садись и пей!» Когда же тот не хотел брать, он повелительно сказал: «Я тебе говорю, сядь и пей!» Затем ни с кем больше не говорил, только благословил меня и Чельцову, и как-то торопливо поднялся, тут же надел галоши и почти бегом спустился с лестницы.

Возвратясь домой, я припомнила, что я уже раз видела Батюшку в таком расстроенном состоянии: это было в Москве, в Кремле, накануне Ходынской катастрофы, — во время коронации

ныне царствующего Государя. У меня мелькнула мысль, не почувствует ли Батюшка опять чего-либо подобного?¹⁾

12 декабря 1905 г.

Сегодня день юбилея пятидесятилетнего священства дорогого Батюшки. У нас обедню служил преосвященный Антоний; он произнес хорошее и правдивое слово о Батюшке. Он говорил: «Отец Иоанн за все время своего пятидесятилетнего священства свято выполнял свои обязанности, не оставлял своей паствы никогда, не искал себе высших назначений, всегда думал только о том, как бы ему спасти свое стадо и всех привести ко Христу... — и прибавил: — А из священников очень немногие спасутся, потому что все они должны будут дать отчет, как пасли свое стадо и что сделали для этого. А многие ли думают об этом?»

Юбилей прошел прекрасно, все было очень торжественно и сердечно; всенощную и обедню совершал высокоуважаемый и любимый преосвященный Кирилл¹⁰⁰ с шестьюдесятью священниками и сорока диаконами. Обед был устроен в Думе; все вышло хорошо, торжественно и спокойно.

Батюшка Иоанн Николаевич Орнатский¹⁰¹ был так добр, что передал мое поздравление дорогому отцу Иоанну и привез мне от него поклон и благословение.

14 декабря 1905 г.

Сегодня Батюшка приехал в игуменскую; его ожидали, и певчие приготовили ему концерт. Он выглядел бодрым, но не веселым; к нему стали подходить наши старушки и подносить от себя подарочки. Батюшка благосклонно принимал их и благодарил. Я передала ему присланный матушкой Антонией шитый золотом каждодневный требник; он выразил большое удовольствие, похвалил книжку и сказал: «Это для меня самая нужная вещь; какая же матушка Антония добрая и мудрая! Поблагодари ее за любовь ко мне». От меня Батюшка принял две вышитые пелены моей работы, полюбовался на них и выразил свое удивление, что я так много работаю: «И это ты все

¹⁾ Верно оказалось волнение Батюшки 5 декабря, — 9-го числа началась революция в Москве. — *Авт.*

сама работала? Да какая же ты искусница! Какая же ты рукодельница! Этот твой труд особенно угоден Богу. Большое тебе спасибо!» Я извинилась, что не могла приехать лично поздравить, так как сильно болели зубы и плечи. Батюшка сказал: «Ах, какая же ты стала хворуша! — поцеловал меня в голову и продолжал: — А я вчера так хорошо справил юбилей, так все были сердечны и искренни! Все вышло очень хорошо». Затем вышел в зал, прослушал пение и приветствие, сочиненное нашей монашенкой Евдокией Забелиной. Батюшка похвалил все и очень благодарил.

Когда он вернулся в кабинет, я ему очень серьезно сказала: «Батюшка, я собираюсь умирать...» Он чуждо посмотрел на меня, ласково обнял и, улыбаясь, произнес: «Ну, подожди еще, — рано умирать!»

Его внимание тронуло меня до глубины души, и я поцеловала его в плечо. Я попросила Батюшку написать матушке Антонии письмо; он обещал исполнить это завтра, дал мне благословение, и я вернулась домой.

В конце декабря 1905 года мне удалось повидать дорогого Батюшку несколько раз. 15-го я была свидетельницей, как он исцелил бесноватую. Выходя от дьякона, у которого он служил молебен, и намереваясь сесть в карету, чтобы ехать по больным, он был окружен толпой казаков и солдат; они все поклонились ему в ноги и, сняв свои тельные крестики, просили, чтобы он, благословив их, сам их каждому надел; Батюшка удовлетворил их желание, и они все до единого приложились к его ручке и опять сделали земной поклон. В это время двое мужчин подвели бесноватую, та было бросилась на него с кулаками, крича во все горло, что она не может его видеть. Он же очень спокойно, ласково сказал: «Успокойся, милая, — погладил по голове и, положив руки на голову, сказал: — Именем Господа нашего Иисуса Христа выйди из нее и больше не мучь»; и при повторении этих слов она совсем успокоилась. Батюшка благословил ее и поцеловал в голову; она упала ему в ноги и, обвив их руками, стала целовать и благодарить, говоря, что она чувствует, что исцелилась. Он еще благословил ее, дал ей просфору и уехал.

Видела я Батюшку во сне: он был с крестом и так ласково и вместе с тем повелительно сказал: «Пожалуйста, и не думай уходить от меня, а следуй за мной всегда», — и благословил! Сон этот произвел на меня сильное впечатление. Так как Батюшка сегодня

читал канон, я подумала: если сон от Господа, то Батюшка непременно заметит меня и выкажет мне какое-нибудь внимание. Он, выйдя в Царские врата, благословил всех, говоря, что отдельно не будет благословлять, но, заметив меня, сейчас же подошел ко мне, сказав: «Здравствуй, дорогая моя», — благословил и дал поцеловать ручку.

Читая, Батюшка объяснял прочитанное. Читая про житие Игнатия Богоносца, сказал, что он был одним из тех детей, которого Господь держал на руках, говоря: «Чтобы наследовать Царствие Небесное, нужно быть таким, как это дитя»¹⁾.

За обедней Батюшка говорил слово о великом значении праздника Рождества Христова: как мы должны ценить эту великую милость Господа, что Он для нас пришел на землю и принес Себя в жертву за наши грехи, как мы должны думать о спасении своей души и всегда помнить о великом значении Таинства Покаяния и о великой важности Таинства Святого Приобщения. «Не забывайте, в какое тяжелое время мы живем, в какое страшное заблуждение впали все, потерявшие веру и увлекшиеся учением Толстого, которое и привело к забастовкам, революции и вызвало анархию».

После обедни я зашла в игуменскую, и мне матушка Ангелина, пока Батюшка переодевался у себя, дала прочитать, что он сегодня записал в своем дневнике на слова в Евангелии, где говорится: *где труп, там соберутся и орлы*²⁾. «До чего мы все погрязли во грехах! Все хорошее в нас заглохло, мы сделались подобны трупам смердящим, которые движутся и разносят смрад; нужно надеяться, что скоро прилетят орлы и поклюют все». Затем Батюшка посетил меня; я ему передала письмо от игуменьи Орловского монастыря Антонии, в котором она благодарит его, что по его молитвам она встретила праздник, как никогда: так была осчастливлена его письмом. Он поцеловал письмо и, встав на колени перед иконами и подняв руки, стал молиться; в таком положении он пробыл более получаса. Затем утешил меня, приняв от меня епитрахиль моей собственной работы. Сейчас же освятил ее и в ней отслужил молебен; затем угостил всех нас чайком, сам выпил несколько глоточков, всех утешил и, преподав всем благословение, уехал.

¹⁾ См.: Лк. 18, 17.

²⁾ Мф. 24, 28.

16 января 1906 г.

Соскучившись, что долго не видала Батюшку, я послала ему телеграмму, спрашивая об его здоровье и прося благословения на поездку к нему в Кронштадт. Получила ответ: «Здоров, отдыхаю и, по величине мороза, не выезжаю; благословляю приехать. Иоанн Кронштадтский». Сегодня с Батюшкиной племянницей мы благополучно прибыли в Кронштадт, остановились в Доме трудолюбия и сейчас же отправились к Батюшке; он нас так ласково принял, — он выглядел бодрым, благословил нас, дал мне поцеловать его щечку и сказал, что здоровье его — слава Богу, только опять возвратилась прошлогодняя болезнь и доктора запрещают выезжать и ходить по лестницам. Тут вышла к нам супруга Батюшкина; он велел подать самовар, помолился, усадил меня возле себя и стал говорить, как он благодарен Господу, что может служить обедню, совершать Таинства и приобщать; что во время службы он чувствует себя крепким и бодрым, так, что даже может говорить слово; похвалил «Московские ведомости», сказав, что с наслаждением читает их, потому что они вполне здраво и справедливо разбирают настоящее положение вещей.

На мой вопрос, не отрезвит ли нас хотя немножко московская революция, Батюшка сказал: «Я думаю, что непременно отрезвит, да ведь и эти статьи показывают, что началось понимание!» Я передала ему от одной знакомой письмо, в котором она просит помолиться о благополучном рождении младенца, который после двадцатилетнего супружества впервые должен появиться на свет. Он сказал: «С удовольствием исполню ее просьбу, буду молиться; шлю ей и ее мужу благословение, прошу не тревожиться, а смотреть на это как на великую милость Божию; я надеюсь, что Господь будет милостив и она благополучно разрешится (все это вполне сбылось). Пусть хорошенько молится Господу и за все благодарит». Батюшка угостил нас чаем, сам наливал и затем прибавил: «Я сегодня почти всю ночь не спал, теперь пойду немножко отдохнуть, а вы посидите с моей Елизаветой Константиновной».

Через некоторое время он вышел и позвал меня к себе, сказав: «Мне хочется поговорить с тобой, Е.В.». Когда мы вошли в его спальню, он усадил меня около стола и сам сел возле. Опять стал хвалить газету, спросил: «Как ты поживаешь в монастыре, хорошо ли тебе, часто ли видишься с Ангелиной?» И очень опе-

чалился, услышав, что она редко принимает меня, — то больна, то занята; я прибавила: «Помолитесь, дорогой Батюшка, чтобы я всегда поступала по воле Господа, совершенно отрешившись от своего “я”, и чтобы Господь сохранил мою способность молиться и работать над собой до конца моей жизни». Он, так хорошо, милостиво посмотрев на меня, сказал: «Я всегда молюсь за тебя, а теперь еще удвою свои молитвы; а ты почаще читай Евангелие и старайся вникать в читаемое; слава Богу, что у тебя есть молитвенное настроение, дорожи этим и всем сердцем благодари Господа за эту милость».

Затем мы вышли в гостиную; тут Батюшка простился с нами, пожелав нам счастливого пути; мы, поблагодарив Елизавету Константиновну за ее внимание, вернулись в Дом трудолюбия. Повидав Батюшку, я совсем оживилась, тоска и уныние совсем оставили меня. 17-го числа мы отстояли обедню в Кронштадтском соборе. Мне ужасно понравились и служба, и собор; все выглядит величественно, чувствуется, что тут царит особенная благодать; все шло так чинно, благоговейно, Батюшка выглядел бодрым. От обедни мы прямо направились к нему на квартиру; он, ласково поздоровавшись, благословил нас, поблагодарил, что мы опять пришли к нему, просил нас посидеть и выпить чайку с его супругой, пока он немножко отдохнет, и прибавил особенно сердечно: «Я прошу вас, будьте как дома, не стесняйтесь, я живо вернусь». Мы и не заметили, как быстро прошло время и дорогой наш Батюшка вернулся; он сел к столу, сам стал угощать нас и, обратившись ко мне, с таким чудным, радостным выражением лица, сказал: «Вот ведь в прошлом году в это время я совсем умирал и не думал, что встану, а Господь милосердный воздвиг меня от одра; вот мне уже 76 лет, а Господь дает мне силы, так что я могу совершать Литургию; и как я себя хорошо чувствую, совершая ее! Да и вообще много мне Господь оказал и продолжает оказывать милостей, какую страшную нищету испытывал я, будучи ребенком, какие лишения претерпевал. Как наши крестьяне в Архангельске бедны, как они страшно нуждаются; Господь вырвал меня оттуда и, поместив сюда, дал мне столько средств, что я мог и могу многим помогать, и я от всего сердца благодарю Господа, что Он продлил мою жизнь; мне нужно еще многое окончить». Тут супруга Батюшкина сказала про какую-то даму, что та предложила своей знакомой поговорить с ее умершим мужем!

Батюшка с удивлением спросил: «Да неужели она все продолжает заниматься спиритизмом? — и, глубоко вздохнув, сказал: — А как грешно! — обратившись ко мне, Батюшка прибавил: — А ведь как лестчий¹⁾ дух хитер, как он ловко подделался под Филарета Московского; ведь как хорошо написано в твоих тетрадках, Е.В., которые у меня, и какое счастье, что ты бросила твои занятия спиритизмом». Когда я сказала: «Это вы, дорогой Батюшка, спасли меня, вернули от смерти к жизни, я вечно вам буду благодарна, что вы меня спасли», — он поцеловал меня в голову и, положив руки на голову, сказал: — «Господь оставил тебя жить для того, чтобы сделать тебя угодною Себе, чтобы ты исправилась от всех недостатков и хорошенько приготовилась к Царству Небесному». Затем прибавил: «Сегодня в Дом трудолюбия приехали сестры милосердия, вернувшиеся с войны, просят отслужить благодарственный молебен, что они, получив мое благословение и хорошо помолившись со мною при отправлении на войну, вернулись невредимы и там не хворали. Как я благодарю Господа, что Он услышал мои молитвы; сейчас же поеду к ним и с большою радостью помолюсь с ними». Поблагодарив нас за посещение, Батюшка благословил, пожелал нам счастливого пути, и мы благополучно вернулись домой, счастливые и довольные.

19 февраля 1906 г.

Дорогой Батюшка опять побывал у меня и поздравил меня с днем моего рождения; приступая к молебну, сам зажег свечи, сказав: «Пусть свет этих свечей будет, как свет евангельский, просвещающий всех искренно любящих Господа и приходящих к Нему с глубокою верою и сознанием». Я пожаловалась на боль глаз. Он потер их ручкой, сказав: «Веруй, и по вере твоей дастся тебе». Глаза перестали болеть. Весь молебен Батюшка совершил стоя на коленях и со слезами просил Господа даровать мне исцеление физическое, просвещение духовное, осияние благодатное и долготерпение. Освятив воду и давая приложиться ко кресту, Батюшка спросил: «Сколько тебе минуло лет? — и, услышав, что 60, улыбнулся и как-то особенно убедительно сказал: — Нет, не 60, а 50». А когда я повторила, что 60 и что надо мне готовиться к смерти, он, чудно, милостиво, ласкающим взглядом посмотрев, сказал: «Поживи еще». Затем всех жалую-

¹⁾ Лестчий (церк.-слав.) — обманчивый, обольстительный.

щихся на какие-либо недомогания утешил: кому помочил голову святой водой, одной даме, жаловавшейся на страшное удушье, поколотил грудь, и она, счастливая и довольная, сказала, что твердо верит, что теперь ей будет легче. Потом Батюшка присел к столу и просмотрел «Московские ведомости»; прочитав о том, что Государь явившейся к нему депутации сказал, что все написанное в манифесте 17 октября будет исполнено, но что самодержавие, вполне неограниченное, останется во всей своей силе¹⁰², перекрестился, сказав: «Слава Богу!» На мое заявление, что я до слез возмущаюсь, читая, что священники требуют изменения церковных служб, разрешения носить светское платье и вторично вступать в брак, Батюшка сказал: «Никаких изменений, ни в службе церковной, ни в одеянии, ни браков повторных быть не может, так как это все противно евангельскому учению».

Я сказала: «Дорогой Батюшка, научите меня, как мне расшевелить мою совесть, а то я начинаю думать, что я страшная грешница, потому что она меня совсем не тревожит». Он, ласково, отечески посмотрев на меня, сказал: «Постарайся хорошенько вглядываться в себя, постарайся вспомнить из твоей жизни что-нибудь такое, что бы вызвало раскаяние и слезы; читай святых отцов, припоминай заповеди и, согласуясь с ними, проверяй свои поступки. Постарайся хорошенько изучить себя, и твоя совесть проснется, — и поцеловал меня в голову, налил мне на блюдечко чаю из своего стакана и подал, говоря: — Ну, выпьем за твое здоровье!» Затем всех угостил фруктами и чаем, говоря: «Да тут, кажется, весь монастырь собрался! Подходите, кто не получал, а то некоторые ведь по два раза берут». И, обратившись ко мне, сказал: «Знаешь, когда бывает очень много причащающихся на моем служении, то я заметил, что некоторые подходят по два раза, а ведь это очень грешно». Батюшка подписал мне свою карточку и стал прощаться; благословил меня и, ласково смотря на меня, сказал опять: «А тебе не 60 лет, а 50», — и, поцеловав в голову, уехал. Необыкновенная радость и счастье охватили всю мою душу, и я от всего сердца возблагодарила Господа. То же испытывали и все присутствующие.

27 февраля 1906 г.

За это время Батюшка два раза служил у нас обедню. Я, получив известие, что умирает мой племянник, попросила Батюшку помолиться, чтобы Господь послал ему то, что

ему во благо, и только не лишил бы его Царствия Небесного; Батюшка особенно сердечно отнесся к моей просьбе, сказав: «С радостью исполню твою просьбу». Объясняя слова молитвы *«Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою»*¹⁾, сказал: «Как молитва, подобно дыму кадильному, поднимается к небу, так и душа наша должна быть всегда обращена к Господу и так же должна быть чиста и благоуханна, как дым кадильный; а потому мы и должны особенно заботиться о спасении души, а для этого необходимо как можно чаще прибегать к покаянию, чтобы никогда не оставаться не раскаявшись; нераскаянность дает особую силу врагу, и он овладевает человеком так, что он весь поглощается страстями».

Сегодня, читая канон, Батюшка разъяснял прочитанное; сказал о гонениях на святые иконы и как пострадал преподобный Ираклий Декаполит, защищавший иконопочитание¹⁰³, и тут же объяснил народу, как должно относиться к иконам и почитать их, говоря: «На иконы должно смотреть, как на напоминание тех святых, которые изображены на них, и как на напоминание сотворенных ими дел, но отнюдь не считать самую икону за Божество; а теперь есть такие, которые совсем отвергают почитание икон, — да, впрочем, они и всё отвергают и ничему не верят; вот и привели Россию в такое тяжелое состояние, что почти все живущие в миру представляют из себя взбаламученное море». И, обратившись к сестрам, прибавил: «Радуйтесь и благодарите Господа, что вы в обители, и не стремитесь возвращаться в мир, в котором так извратились все понятия: одни совсем отвергают почитание икон, другие кланяются иконе Божией Матери, считая Ее за Самого Бога, а есть еще и такие, которых можно и должно считать совсем сумасшедшими: они позволяют себе простого священника Ивана считать за Божество и именовать его Христом¹⁰⁴; эти несчастные лишены совсем здравого рассудка». Окончив канон, Батюшка поехал по больным; прощаясь, сказал: «Тебе не нужно хворать», — и сам погладил больную щеку и похлопал по больному плечу (которое после этого перестало болеть).

27 марта 1906 г.

Сегодня дорогой Батюшка утешил меня вдвойне: выйдя читать, он сам подошел ко мне, благословил, спросил о здоровье и

¹⁾ Молитва из последований вечерни и Литургии Преждеосвященных Даров; Пс. 140, 2.

сказал: «Погода такая переменчивая, почти все жалуются на нездоровье. Слава Богу, я пока чувствую себя довольно хорошо!» Читая канон, несколько раз обращался к сестрам, прося их бороться со страстями, не поддаваться им, а всеми мерами стараться достигнуть Царствия Божия, говоря, что Господь есть такая красота, какую никакими словами не выразить. Когда он говорил это, у него лицо было какое-то особенное, восторженное.

За обедней сказал слово на текст псалма: *нет праведного, нет ни одного*¹⁾, и отнес эти слова к настоящему времени, сказав, что и теперь то же самое — увлекаются самолюбием, властью, роскошью, а Бога, все создавшего, совсем забыли и не хотят и признавать. После обедни зашел ко мне, отслужил молебен и чудно, со слезами, помолился о моем болящем племяннике; многим монашенкам, просившим его позволить сделать операцию или обратиться к доктору и хорошенько полечиться, приказал хорошенько подготовиться и в среду приобщиться Святых Таин, запретив делать операцию и идти к доктору. Когда я пожаловалась, что на меня напало уныние, Батюшка положил мне обе ручки на голову и, окропив меня святой водой, сел к чайному столу. Я спросила, читал ли он книжку, которую издал кружок 32-х священников о вопросах, которые нужно провести на церковном Соборе¹⁰⁵, он сказал: «Вряд ли этот кружок может предложить что-нибудь дельное, — взяв у меня книжку и просмотрев ее, страшно возмутился и сказал: — Да они предлагают отделение Церкви от государства, — всплеснул руками и, глубоко вздохнув, сказал: — Господи, да в какое же мы страшное время живем! Что же это будет наконец? Как жаль, что теперь нет Филарета Московского, как бы он много помог. Мне кажется, что все это пройдет и еще настанет мирная христианская жизнь!» Глубоко задумался и потом прибавил: «Да, может быть, оно и будет так!» Напоил нас чаем, благословил и уехал.

12 апреля 1906 г.

Третьего дня Батюшка опять осчастливил меня: зашел ко мне, отслужил молебен; услышав, что на меня напало уныние, сначала строго сказал: «Как можно в такие великие дни поддаваться этому чувству, ведь это ясно, что оно от лукавого! Гони его вон!» — и так, очень усердно, просил Господа избавить меня

¹⁾ Ср.: Пс. 13, 3; 11, 2.

от этого чувства. Но когда я попросила у него благословения уехать в Орел совсем, — он, строго посмотрев на меня, сказал: «Пожалуй, съезди на недельку»; я попросила благословить, если не совсем, то хотя на лето, — он нахмурился и сказал: «Поступай по своему разуму!» А когда я сказала: «По своей воле я ничего не хочу делать, а как вы благословите, так тому и быть», — Батюшка повеселел, похвалил меня, поцеловал в голову и, угостив всех чаем, уехал. Когда я узнала, что дорогой Батюшка сегодня приехал в игуменскую, то прошла туда; но двери в его кабинет оказались закрытыми; я постояла немного и, услышав, что Батюшка говорит кому-то, что он сегодня хорошо спал и больше отдыхать не хочет, а желает спокойно посидеть и поговорить, я постучалась, назвав себя; Батюшка велел открыть дверь и меня впустили. Он сидел с правой стороны у стола в голубом ватном подряснике и выглядел таким спокойным, благодатным. Встав, радостно поздоровался, благословил меня и посадил рядом с собой. Про свое здоровье сказал, что оно — слава Богу, только он сильно устал, положил мне свою ручку на плечо и, так ласково взглянув, спросил: «Ну, а ты как поживаешь?» На мое заявление, что я страшно возмущаюсь всем, что делается, как прочту газету, так и разволнуюсь, он сказал: «А я уповаю на Господа, думаю, что как Дума соберется, то откроются настоящие русские люди, верующие, которым Господь поможет водворить порядок в государстве». В это время вошла моя большая приятельница и большая Батюшкина почитательница Ч. Батюшка обласкал ее, благословил и, услышав, что у нее сильно болит печень, сказал: «Это тяжело, но что же делать, пора приближается, надо терпеть, такие уже наши лета».

На мое заявление, что Ч. слишком всех любит и за всех страдает, оттого у нее и печень разболелась, он сказал: «Любовь превыше всего на свете; вот я, как ни стараюсь приобрести ее, а все же нет-нет, да и рассержусь, — и прибавил: — Я ведь эгоист!» Тогда я заявила: «Что это вы говорите! Вы для нас пример, которому мы всем сердцем желаем следовать; но, увы, это далеко не удастся нам; знаете, бесценный Батюшка, что я надумала: мне так стала противна эта жизнь, эти забастовки, экспроприации, так и хочется куда-нибудь спрятаться, уйти от всего, — благословите мне поступить в монастырь!»

Он весь просиял и только спросил: «А куда?» И на мой ответ: «Все равно куда», — он необыкновенно радостно сказал:

«Благословляю, благословляю, с радостью благословляю, хорошее дело задумала, попадешь прямо в рай! Мы тебя с радостью пострижем, подобно тому, как в прежние времена постригали княгинь и княжон; а под конец твоей жизни оденем тебя и в схиму, подобно Александру Невскому, — и опять прибавил: — Прекрасно задумала, от всей души благословляю». Когда я сказала, что меня измучила привычка все взвешивать и обдумывать, — сказал: «Нам для того и ум дан, чтобы все разбирать и хорошего придерживаться, а дурное изгонять прочь».

На мою просьбу завтра исповедаться и причаститься у него, — сказал: «С удовольствием благословляю, только смотри, хорошенько проверь себя и приготовься!» При этом слегка ударил меня по левой щеке; затем взглянул мне в глаза и опять легонько ударил по правой щеке; потом, сказав: «Мне пора ехать, — уже посильнее ударил по спине и по плечу и при этом спросил: — Почему ты не на всех моих службах приобщаешься?» На мой ответ: «Я исполняю ваше приказание, приобщаюсь каждые две недели и каждый раз исповедуюсь», — он как-то особенно оживленно сказал: «И превосходно делаешь, чаще и не нужно; и я бы чаще не причащался, если бы не должен был это делать, благодаря своему званию. Ты прекрасно поступаешь, совершенно справедливо и правильно, так поступай — и будешь в раю», — и поцеловал меня в щеку. Затем благословил и пошел к выходу. Спускаясь с лестницы, он выглядел таким сияющим, счастливым, никогда еще никто из нас не видал его таким чудным, как сегодня. Весь день все мы находились в чудном, радостном настроении и только и слышалось всюду: «Какой ныне Батюшка благодатствованный, как бы нам всегда его таким видеть!» Всю мою тоску и уныние как рукой сняло и на душе водворился рай.

25 мая 1906 г.

Батюшка заезжал в игуменскую; ласково поздоровавшись и благословив, на мое заявление, что ноги очень болят, совсем отнимаются, — он особенно сердечно сказал: «Ну, уж и отнимаются! Это все от погоды, от этих ветров; погода переменится, и станешь чувствовать себя лучше». Сказал, что сегодня служил в Ораниенбауме — там поднимали колокола в одной церкви¹⁰⁶ — и что он очень устал; что собирается путешествовать два месяца и поедет на большом пароходе чрез Ладожское

озеро¹⁰⁷; чувствует себя не особенно хорошо, старость сказывается; пригласил в столовую; там немножко закусил и выпил чайку; отлил из своего стакана на блюдечко и подал мне, сказав: «Выпьем, дорогая Е.В., вместе», — затем, по просьбе матушки Ангелины, сходил на место для нового дома, освятил и заложил первый камешек; потом прошел к себе, спросил Требник, прочел молитвы об избавлении от червя и хорошо помолился. Затем прошел с матушкой Ангелиной и монахинями на огород, окропил капусту святой водой и все овощи (на которые страшно напал червь, а после окропления все очистилось, и овощи получились превосходные). Потом всех благословил и уехал.

27 мая 1906 г.

Сегодня Батюшка служил последнюю обедню; сказал небольшое слово о том, какое «великое благодеяние сделал Господь всем нам, принесся Себя в жертву за наше спасение и как Он милостив, что каждый день закаляется и отдает Свое Тело и Свою Кровь нам во Святом Причащении, а потому как нам надо быть благодарными и ценить эту неизреченную милость и хорошенько очищаться от своих грехов и страстей, приступая к этому великому Таинству». Когда стал приобщать, то поднялась такая толкотня, что мне едва удалось причаститься. От обедни я вернулась к себе вместе с генеральшей Б., чтобы принять дорогого Батюшку, который, как благословил нас, сейчас же спросил генеральшу, причастилась ли она, и, услышав, что ее затолкали, сердечно пожалев, сказал: «У меня есть запасные Дары, и я вас причащу». Я от всего сердца поблагодарила, и он, поцеловав меня в голову, сказал: «Ну, теперь помолимся». Став на колени, чудно молился со слезами, и нас всех охватило молитвенное настроение. Освятив воду, причастил генеральшу; затем причастил припадочную девочку, поцеловал ее и дал приложиться ко кресту. Я поблагодарила его от всего сердца и предложила что-нибудь покушать; но он отказался и стал угощать чаем. Генеральша Б. спросила: «Дорогой Батюшка, как вы благословите: возобновить мне хлопоты, чтобы мне дали общину сестер милосердия, или оставить на волю Божию?» Он, посмотрев на нее особенно ласково, сказал: «Все, что ни делается, все во благо нам! Не горюйте, что не удалось, да и не особенно жалейте, — и, обратившись ко мне, сказал: — А ты возвращайся из Орла через месяц». Когда М.А. Б.

сказала: «Благословите, Батюшка, Е.В. посетить меня в моем имении», — он, обращаясь ко мне, сказал: «Ведь М.А. тоже духовная». Тут к нему подошла одна женщина и просила благословения полечиться, жалуясь на боль внутренностей, — он, погладив ее по голове, сказал: «Почаще приобщайся, это будет лучше всякого лекарства»; а другую женщину благословил поехать в Париж. Затем всех благословил, а меня поцеловал в голову и уехал. Я чувствовала себя не на земле, а на небе; М.А. Б. вполне сочувствовала мне, так как и сама испытывала то же счастье и радость.

Дорогой Батюшка 2 августа вернулся из своего путешествия и несколько раз побывал у нас в монастыре. Сегодня собралась масса народу на его служение, и при его появлении такой поднялся крик и шум от радости, что его видят, что мне едва удалось хорошенько расслышать слово, которое он говорил. После обедни в игуменской Батюшка меня обласкал, похвалил, что лето провела в монастыре и никуда не ездила, поцеловал в голову и напоил чайком из своего стакана.

Вскоре после этого он немножко прихворнул, я, встревожившись, послала ему телеграмму и была осчастливлена ответом. Он пишет: «Благодарю за тугу обо мне. Благодать и мир да будет с тобой». И сам приехал ко мне. Я была так счастлива, как не умею и выразить; поклонилась ему в ножки, поблагодарила за телеграмму и за его приезд ко мне. Сегодня, когда меня постигло горе — умер мой единственный родственник, любимый племянник, — я попросила Батюшку помолиться о нем и прибавила: «Я от всей души благодарю вас, что вашими молитвами ему удалось на войне послужить, честно и свято исполнить долг Царю и Отечеству». Батюшка, слушая меня, все время смотрел на меня своим чудным милостивым ласковым взглядом и сказал: «Он тебе всем обязан, ты сама о нем хорошо молилась, — поцеловал меня в голову, говоря: — Да, слава Богу, что ему удалось вернуться с войны целым и теперь еще страданиями приготовить к будущей жизни». Встав на колени, превосходно со слезами молился, молча обернулся ко мне и, перекрестив меня, сказал: «Да будет благодать и мир с тобою». Затем сел к столу, вздохнул глубоко и сказал: «Ах, какое тяжелое время переживаем мы! Милосердный Господь желает очистить Россию, потому и допускает эту московскую революцию».

Затем всех утешил, напоил чайком и, благословив, ушел в игуменскую отдохнуть. Я проводила его и от всего сердца поблаго-

дарила. 26 августа Батюшка служил и во время чтения канона дал целое наставление сестрам, отправляемым в Вауловский скит. Он сказал, что им необходимо всеми силами стараться исправлять свои недостатки и терпеливо выносить все невзгоды, ожидая будущих благ в Царстве Небесном, которого они непременно достигнут, если будут так поступать: будут постоянно трудиться и безропотно нести всякое послушание. Вот Богородица Своею святою жизнью достигла какого счастья, что Сам Господь родился от Нее и Она в Царстве Небесном стала выше всех Ангелов, Архангелов и всех святых. Так как сегодня день Владимирской иконы Божией Матери, то Батюшка объяснил, как эта икона спасла Москву от татарского хана Тамерлана, какая Владычица — Милостивая, сколько раз Она спасала Россию от разных бед. Батюшка сказал также слово о великом значении той великой жертвы, которую Господь Иисус Христос принес за нас, облекшись в нашу плоть и осудив Себя на Крестные страдания за наши грехи, и ими вырвал нас из рук дьявола, возвратив нам возможность заслужить Царствие Небесное и блаженство в будущей жизни. Как мы должны быть благодарны Господу и должны об одном только и думать, как бы нам своею жизнью угодить Господу и отблагодарить за Его милость к нам, стараясь жить по заповедям и исправлять свои порочные наклонности и недостатки, и потому «кайтесь искренно, от всего сердца и, хорошо приготовившись, почаще приступайте к Святому Причащению». После обедни мне удалось повидать Батюшку в игуменской. Он, ласково поздоровавшись, благословил меня, сказал, что чувствует себя лучше, напоил меня чайком; сказал, что навестил вдову генерала Мина, что она страшно горюет по мужу¹⁰⁸, он — утешил ее, как умел. Сегодня Батюшка сам наливал чай и, кладя сахар в стаканы, говорил: «Пусть чай будет так же сладок, как нам сладко быть с нашим Спасителем Господом Иисусом Христом». Затем всех благословил и уехал.

12 октября 1906 г.

За это время я видела необыкновенный сон, который и рассказала сегодня дорогому Батюшке, посетившему меня сегодня, по случаю моего недомогания. О своем нездоровье я известила Батюшку телеграммой, прося помолиться и получив ответ: «По вере да даст тебе Господь скорое исцеление, сам

приду к тебе помолиться» (в этот же день мне стало лучше, а сегодня уже совсем хорошо себя чувствовала); Батюшка пришел и причастил меня запасными Дарами, предварительно исповедав. Хотя я была на его обедне, но, благодаря страшной давке, не могла там причаститься, зато с большим вниманием слушала чудную проповедь и почти всю запомнила. Он говорил о значении духовенства: «Все настоящие христиане, все, без различия звания и положения, все суть рабы Божии и должны повиноваться воле Божией. Господь всех призывает в Царство Небесное через Своих пастырей. Пастыри — это все духовенство, начиная с патриарха, митрополитов, епископов; они поставлены пасти рабов Божиих и поучать их; им дана великая власть в преподавании Святых Таин Тела и Крови Христовой, посредством которых Сам Господь входит в Своих рабов и наделяет их благодатью, с помощью которой они могут отражать врага и сами совершенствоваться. Как жестоко ошибаются все те, кто уверен, что со смертью жизнь кончается совсем и за грехи нет наказания. Все, что сказано в Евангелии, все сбудется, и отрицающих веру Христову и хулящих имя Господне — ожидают страшные, невообразимые муки, которым нет конца».

Как только Батюшка вошел ко мне, я ему поклонилась в ножки, поблагодарила за телеграмму и за то, что по его молитвам я поправилась. Он, благословив, спросил: «А что у тебя болело? — и, узнав, что был сильный кашель и так болела грудь, что не давала вздохнуть, он встревожился и спросил: — Да где же ты так простудилась? — положил свои ручки на голову, потер грудь и плечи (я поцеловала его ручки) и сказал: — Ну, теперь помолимся». Я попросила его принять от меня розовую епитрахиль моей работы и белые ризы; он поблагодарил. За молебном все время, стоя на коленях, Батюшка молился со слезами, говоря: «Укрепи, Господи, болящую, пошли ей полное исцеление и награди ее Твоею благодатию». Его молитвенное настроение передалось и мне, и я от всего сердца поблагодарила Господа, что мне стало лучше по молитвам дорогого Батюшки. Батюшка меня чудно исповедал, отпустил мне все грехи и причастил; я почувствовала себя счастливейшей из счастливейших. После того как все приложились ко кресту, Батюшка сел к столу, и я, встав около него, сказала, что видела необыкновенный сон: Царицу Небесную, и другой раз Спасителя, и боюсь, не от лукавого ли это? Он сказал: «Что ты! Да это очень хорошо! Расскажи...» Я видела, что Царица

Небесная вошла в мою комнату и, остановившись в дверях, смотрела на меня большими чудными глазами и что-то много говорила, но я все забыла. Я была преисполнена необыкновенною радостью, упала Ей в ноги, и слышала, как Она сказала: «Я завтра приду к тебе», — и с этим я проснулась в таком радостном и чудном настроении, точно все это было наяву.

Батюшка так весело сказал: «Благодари Господа, что Он тебя так утешает; это чудный сон». Затем сказал: «С каким я удовольствием читаю “Московские ведомости”; какие чудные статьи! Вновь посвященный Орловский викарий, бывший священник Афонский¹⁰⁹, сказал чудное слово». И прибавил: «Должно быть, он хороший человек, что Господь его избрал на такое высокое назначение». Когда я сказала, что он действительно хороший человек, глубоко верующий; только хорошо ли, что его так скоро, в несколько дней, одели в мантию, сделали архимандритом и сейчас же посвятили в епископа, — то Батюшка особенно радостно сказал: «И прекрасно сделали; знали, что человек достойный и полезный, для чего же вся эта процедура долгого приготовления? И прежде случалось, что так же скоро посвящали, не выждав даже известного возраста». Я сказала: «Некоторые из монашествующих отвергают старчество, говоря, что человек должен сам своими силами спастись, прибегая к молитве и труду»; Батюшка даже восторженно весь, сказав: «Да что это они толстовское учение проповедуют! Что может быть выше и полезнее старчества?»

Я просила его скушать что-нибудь, но он сказал, что он теперь пока ничего не кушает, питается только одними Святыми Дарами. Затем, встав, сказал: «Ну, прощай, дорогая Е.В., большое тебе спасибо за все, а за твои работы тебя Господь вознаградит». Уходя, благословил и поцеловал меня в голову.

В октябре Батюшка посетил нас несколько раз. 17-го, приехав вечером, он всех нас обрадовал, обещав день своего Ангела провести с нами, был в чудном настроении и много поговорил с нами о настоящей жизни и о том страшном неверии, которое так усилилось, и, обратившись ко мне, сказал: «Представь себе, Е.В., мне недавно пришлось повидать моего бывшего профессора Академии, который был прекрасным человеком и чудным профессором, и теперь, седой старец, вдруг говорит, что Бога нет, и несет такую ерунду, что слушать невозможно, что это только делается у нас?! Что будет с нашею вконец испорченною молоде-

жью?! Ведь уже это молодое извращенное поколение не вернешь на путь истинный, а, оставаясь такими извращенными, сколько они бед наделают, — глубоко вздохнул и, перекрестившись, сказал: — И дай, Господи, чтобы поскорей, — нам с тобой уже недолго осталось жить — все сбывается, что написано в Святом Евангелии».

Я спросила Батюшку, не может ли он мне объяснить, почему иудеи особенно прогневались на Господа и хотели Его избить камнями, когда Он сказал, что пророк Илия был послан только к одной вдове сарептской¹⁾? «Этим Он обличил их, показав, что все остальные были так худы, что только она одна угодила Господу и еще один человек, к которому был послан пророк Елисей, — сказал Батюшка и прибавил: — А ты понимаешь слова Спасителя: *«Кто хочет быть Моим учеником и последовать Мне, пусть возьмет крест свой и возненавидит отца и мать?»*²⁾ Я сказала: «О, да! Я это понимаю. Отдавшись Господу Иисусу Христу, конечно, все и всех забудешь». Батюшка одобрил меня и продолжал: «Часто случается, что мать или отец оказываются неверующими и совершенно не тем путем идущими, каким заповедал Христос; таковых следует возненавидеть!»

18-го числа Батюшка был приглашен служить на Сенной, куда и поехал, прочитав канон у нас, но только зазвонили к обедне, как он вернулся и стал служить обедню у нас. Оказалось, что настоятель того храма, Никольский, оскорбил Батюшку, и он не стал служить Литургии в Сенновском храме¹¹⁰.

По лицу дорогого Батюшки видно было, что он очень доволен, что Господь избавил его от такой службы. Служил Батюшка с необыкновенным воодушевлением и сказал слово! Хотя Батюшка и выражал желание, чтобы в день его Ангела не было никаких особых приготовлений, но ко всенощной приехал благочинный со своими дьяконами и сам служил. Батюшка выходил читать на солею; всенощная вышла очень торжественная; читая канон, Батюшка выглядел таким бодрым; сердце радовалось, глядя на него: он точно лет на 20 помолодел; сам прочел Евангелие.

После всенощной все прошли в игуменскую поздравить Батюшку. Там в зале были расставлены столы и был приготовлен чай и закуска. Когда Батюшка вышел, такой бодрый, его стали

¹⁾ См.: Лк. 4, 25–30; 3 Цар. 17, 8–24.

²⁾ Ср.: Мф. 16, 24; Лк. 14, 26.

поздравлять и подносить различные подарки, поднесли чудное Евангелие и наперсный крест. Он всех благодарил и все передавал матери Ангелине, мне тоже удалось его поздравить и получить его благословение. Затем он сел к столу, стал всех угощать чаем и старался всех обласкать и всем оказать внимание; затем, сказав, что ему нужно готовиться к завтрашнему служению, всех благословил и ушел к себе.

Обедня вышла необыкновенно торжественная; служили с Батюшкой благочинный, архимандрит, 19 священников и 6 дьяконов; Батюшка был восхитителен, так и сиял, глаза его казались большими и блестящими. Служба вся шла чудно, так хорошо чувствовалось, так и хотелось молиться. Батюшка сказал небольшое слово о значении веры и важности Святого Причащения и затем причастил весьма немногих, в число коих попала и я; приняв Святые Тайны, почувствовала себя такой счастливой. По окончании молебна я прошла в игуменскую, так как имела пригласительный билет от матушки Ангелины; мне пришлось сидеть за одним столом с дорогим Батюшкой и против него, между протоиереем Косухиным¹¹¹ и отцом Александром Гавриловичем Каратаевым¹¹². Батюшка сам всех угощал, сам наливал вина батюшкам и мне и, подавая отцу Александру, сказал: «На, старый мой друг, выпей на здоровье». Затем, когда он стал раздавать фрукты, то поднялась такая толкотня, что архимандрит, сидевший возле Батюшки, встал и вышел, боясь быть задавленным. Мне Батюшка сам положил винограду и яблоко; когда он уходил, то мне удалось протолкнуться, и я получила его благословение; поцеловав ручку, я вернулась домой счастливейшая из счастливейших.

24 октября 1906 г.

Батюшка опять служил у нас обедню и сказал чудное слово о том, как мы должны ценить и быть благодарными Господу Иисусу Христу за то, что Он принес Себя в жертву за нас и этим искупил наши грехи; как мы должны постоянно это помнить и благодарить Господа, стараясь всеми силами исправлять свои недостатки, постоянно прося прощения у Господа, с твердым намерением впредь не грешить. Объяснил, что ветхозаветные жертвы тельцов были прообразом смерти и Воскресения Спасителя. Затем в игуменской Батюшка утешил свою любимую

племянницу Анну Семеновну Орнатскую, которая только что похоронила своего новорожденного младенца и сильно горевала. Он сказал, что горевать не надо, это великий грех: «Ему там хорошо, он там молится за тебя, — и вдруг, обратившись ко мне, спросил: — А у тебя который час? — я посмотрела, оказалось, что часы остановились на пяти, и когда с грустью сказала, что и мои часы стоят, он как-то особенно весело сказал: — Да ты и сама-то стоишь!» — всех угостил чаем, благословил, простился и уехал.

27 октября 1906 г.

Батюшка служил обедню в маленькой церкви Иоанна Рыльского, я встала в коридорчик против Царских врат. Батюшка, читая канон, обратился к народу и сказал: «Смотрите, слушайте внимательно, — и стал объяснять, в чем заключалась ересь Ария и Македония и как многие ею увлекались, признавая Господа Иисуса Христа не Богом, а обыкновенным человеком: — И теперь Толстой проповедует то же самое и уже скольких погубил! Смотрите, знайте и любите одного Господа Иисуса Христа и веруйте, что только Им мы живем; Он Себя принес в жертву Богу и открыл нам двери Царствия Небесного, и мы должны быть Ему вечно благодарными, любить Его всеми силами души, помнить и исполнять все Его заповеди и твердо верить, что Он близ нас и всегда готов нам помочь, лишь бы мы пребывали твердо верующими и постоянно каялись чистосердечно во всех своих прегрешениях».

По окончании канона, когда он вышел с духовенством, помолился и потом, поклонившись народу, он увидел меня и, обратившись ко мне, сказал: «Е.В., если ты приготовилась, подходи, я тебя приобщу». Ко мне подошла келейная матушки игуменьи и провела меня за решетку. Он был сегодня таким же сияющим, как и 19-го. Сказал чудное слово: «Что мы делали бы, если бы Господь не принес Себя в жертву за нас? Как мы должны бы были страдать и здесь, и в будущей жизни, если бы Господь не сделал этого! Конец близок, вера иссякла, никто и не думает ни о чем духовном; священных книг никто не читает, все заняты газетами, а те только распространяют ложь и сеют смуту, и потому необходимо как можно чаще приступать ко Святому Причащению, хорошенько покаявшись». Я прекрасно причастилась и затем прошла в игуменскую; Батюшка пришел такой бодрый, веселый,

благословил и поздравил. Я поблагодарила его, что он причастил меня, он поцеловал меня в голову. Потом прошел в столовую и сел к столу, сказав: «Я чаю не хочу, я сыт Причастием». Все-таки взял стакан чаю, наложил сахару и, сказав: «Е.В., где ты?» — перекрестил его и подал мне; угостив духовенство вином, взял кусочек пирога, только попробовал его и подал мне, сказав: «На, кушай на здоровье; как я рад, что мне сегодня удалось послужить в этой церкви, которая первая была освящена; кажется, и ты была на ее освящении?» Затем прошел в кабинет и стал прощаться; так хорошо благословил, что я весь день чувствовала себя самым счастливым человеком.

24 ноября 1906 г.

Сегодня я видела замечательный сон. Батюшка служил у нас обедню, вдруг раскрылся купол, и я услышала голос с неба: «Господь слышит молитвы отца Иоанна и пошлет ему и сделает все, о чем он просит». Так как сегодня день моего Ангела, то мне очень хотелось, чтобы Батюшка служил обедню у нас и хотелось быть самой заказчицей. Я попросила Перцову передать Батюшке просьбу, чтобы обедня была моя. Батюшка действительно обещал служить, и я была вполне уверена, что обедня будет моя; каково же было разочарование, когда оказалось, что Перцова нашла других заказчиков. Я огорчилась этим обстоятельством; хотя и была приготовившись, но решила не подойти ко Святому Причащению. Когда Батюшка вышел читать канон, я подошла и, получив благословение, просила его зайти ко мне откусать вместе с матушкой Ангелиной и получила полное его согласие. Он сегодня сказал большое слово о грехе, но так как я была взволнована чужими заказчиками, то плохо запомнила.

Помню только, что он говорил о том, как согрешил Адам и как его грех отозвался на всех нас; с того времени мы стали страшными грешниками и совсем бы пропали, если бы Господь Иисус Христос не был так милостив, что принес Себя в жертву за нас, дав Свое Тело и Кровь для избавления от страстей. По окончании службы я ушла домой огорченная, думая, что Батюшка, так хорошо читающий в чужих душах, увидав, что я не причастилась, догадается о причине и накажет меня и не придет ко мне. И как же я обрадовалась, когда он вошел ко мне. Я бросилась ему в ноги, обняла его колени и стала просить прощения. Он под-

нял меня, благословил и, поцеловав меня, сказал: «Хочешь, я тебя здесь приобщу, если ты покаялась?» Я опять упала ему в ноги и сказала: «Со слезами каюсь и прошу прощения». Он, сейчас надев епитрахиль, исповедал меня и так чудно причастил меня запасными Дарами. Затем сел к столу, налил немножко вина в рюмку, выпил глоточек и остальное вылил мне в рот, сказав: «Выпьем за твое здоровье, и поздравляю тебя».

Затем продолжал: «Ко мне являлась депутация русских людей и просила меня приехать завтра в манеж на их собрание¹¹³ — я обещал, слава Богу, русские люди соединяются! Я сам ни к каким партиям не принадлежу, принадлежу всем, кто стоит за Бога, Царя и Россию». Попробовав всего по капельке, сказал: «Теперь мне пора, у меня еще есть именинницы; большое тебе спасибо за угощение», — благословил и поцеловал в голову. Я проводила его до кареты, он еще раз благословил и уехал.

Матушка Ангелина сказала мне содержание речи, сказанной Дубровиным¹¹⁴ Батюшке во время приглашения его в манеж. «Вы, отец Иоанн, единственный настоящий светильник православной веры, который все время горел и светил, и продолжает светить и освещать своим светом не только всю Россию, но и другие государства. Все кроме вас волновались, колебались. Вы же как начали свое служение, так всё 51 год и светите, как неугасимая лампада, и мы просим ваших святых молитв и вашей поддержки нашему Союзу русских людей-монархистов, для того чтобы нам больше сплотиться и одержать победу над внутренним врагом нашей дорогой Родины, подвизаться на благо нашего Царя Самодержца и нашей Православной Церкви!» А Батюшка на это ответил: «Россия подобна громадному паровозу, шедшему с поездом на всех парах и вдруг сошедшему с рельс и разбившемуся на несколько паровозиков; они и стали тащить назад, каждый в свою сторону, благодаря чему весь поезд приостановился и не может двигаться; теперь необходимо во что бы то ни стало все паровозики опять соединить в одну большую машину, дурные совсем выкинув вон и заменив их новыми, чтобы направить поезд вперед по настоящему прямому пути. Настоящим русским людям необходимо теснее соединиться и общими силами вернуть Россию на ее прежнее место первой державы среди всех государств и помочь нашему самодержавному Царю водворить в ней порядок и установить мирное самодержавное православное управление. Да поможет вам Господь!»

27 декабря 1906 г.

За это время Батюшка был несколько раз в монастыре и мне несколько раз удалось присутствовать на его службах и поговорить с ним в игуменской: так, 26 ноября, когда я его благодарила за его посещение, он рассказал мне о собрании русских людей в манеже, говоря: «Все было прекрасно, одушевление — громадное. Меня очень радушно встретили и проводили; я сказал слово, которое приняли с большим энтузиазмом; Дубровин тоже сказал хорошее слово; пели “Спаси, Господи”, кричали “ура”, пели “Боже, Царя храни” и “Коль славен”, вообще все вышло превосходно, — и прибавил: — Как жаль, что ни тебя, ни Ивана Николаевича не было там, он так хорошо записывает мои проповеди¹¹⁵». Обнял мою голову обеими руками, сказав: «Ты умница, у тебя славная головка, ты, кажется, записываешь мои слова, — и на мое заявление, что я записываю все, что он говорит и делает, он, поцеловав меня в голову, сказал: — И прекрасно делаешь, ты умеешь хорошо излагать мысли; пиши с Богом и печатай». Я рассказала ему про мой сон, что я слышала голос с неба, который говорил, что все молитвы отца Иоанна услышаны. Батюшка перекрестился, подошел к иконе Спасителя и со слезами помолился и, обратившись ко мне, прибавил: «Уж как же я и молюсь за каждой Литургией, думаю, что Господь действительно услышит меня», — и опять положил мне обе ручки на голову. Затем благословил и ушел отдохнуть.

У меня сильно разболелась нога, так, что я совсем не могла встать на нее, все время лежала; хотела уже послать Батюшке телеграмму, как вдруг сегодня, 2 декабря, услышала, что приехал Батюшка ночевать и завтра будет служить у нас обедню, я написала ему письмо, прося помолиться, и послала мою девушку, приказав передать письмо в руки и попросить мне благословения. Вскоре получила от него письмо, в котором он пишет: «Дорогая Е.В., сейчас получил ваше письмо и соболезную вам в немощи вашей. Усердно молю Господа о скорейшем вашем исцелении. Он один скорый в заступлении всех с верою прибегающих к Нему. Пожалуйста завтра для слушания канона, а если можно, и Божественной литургии». Я была в восторге, от всего сердца возблагодарила Господа, что Он так меня утешил, и просила дать мне сил завтра исполнить Батюшкино приказание. И — о чудо! — хорошо уснув, я встала совсем здоровой; без посторон-

ней помощи прошла в церковь, поднялась по лестнице, и когда дорогой Батюшка пришел читать канон, я со слезами на глазах поблагодарила его за исцеление: «Я не нахожу слов, как выразить вам всю мою благодарность, что по вашим святым молитвам Господь сделал со мной чудо: вчера не могла встать, а сегодня пришла сама в церковь и чувствую, что могу стоять». Он так весело сказал: «По вере твоей Господь тебе и помог», — положил мне свою ручку на голову и благословил мне причаститься.

Читая канон, он обратился к сестрам и сказал: «Запомните хорошенько то, что вам скажу. Вы должны быть подобны Ангелам и так же беспрекословно послушны, как они. Как в ангельском чине есть Ангелы, Архангелы, Херувимы и Серафимы, и все чины беспрекословно повинуются одни другим и Господу, как Главе всего, и наши Ангелы хранители строго повинуются, никогда не смеют ослушаться, да это им и в голову не приходит, — так и вы, дорогие сестры, приняв ангельский чин, еще на земле должны быть послушливы к старшим, дружны между собой и снисходительны друг к другу, стараясь угождать одна другой, а не ссориться и не делать назло. Вы должны быть смиренными, кроткими, незлобивыми, должны подражать своим Ангелам хранителям. Слушайте внимательно! Вот как учили святые отцы: один монах во время чтения задремал; старший подошел и ударил его по щеке; тот не только не обиделся, но после того случая совсем исправился и сделался весьма ретивым, настоящим послушником, вполне сознавая, что старший имел полное право так поступить, и поблагодарил его за науку, попросив у него прощения. Вот какое послушание должно быть у монаха!»

За обедней сказал слово на Евангелие от Луки: *Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство*¹⁾. «Этимися словами Господь убеждает Своих последователей не бояться последствий, которые бывают уделом людей, не много помышляющих о завтрашнем дне и думающих только об угождении плоти, но все-таки всею душою ищущих Царствия Божия. *Не бойтесь!* — говорит Он таким людям. Господь даст Царство, которое обещал любящим Его. Господь всегда стучит в двери нашего сердца через разные обстоятельства — горестные и радостные, через скорби — и постоянно призывает к покаянию и исправлению или к благодарности. Будьте же вы всегда готовы, в кото-

¹⁾ Лк. 12, 32.

рый бы час ни пришел Господь: работайте, молитесь, кайтесь, не привязывайтесь ни к богатству, ни к славе, ни к чему преходящему и земному, возлюбите Господа всем сердцем и всею душой». Я прекрасно отстояла всю обедню и причастилась; затем прошла в игуменскую, где Батюшка ласково поздравил с принятием Святых Таин, напоил чайком; потом прошел в свой кабинет и там еще поговорил с нами, страшно возмущаясь, что благодаря свободе печати пишут ужасные ложные вещи и затрагивают таких людей, которых не следовало бы трогать. Кто-то из присутствующих заметил, что многие удивляются, что Батюшка каждый день служит. Он сказал на это: «Слава Богу, что Господь дает мне сил, а служение Литургии — это моя жизнь, Святые Таинства меня поддерживают, благодаря им у меня достаёт сил делать то, что я делаю». Затем стал прощаться, всех благословил, меня поцеловал в голову, сказав: «Смотри, не хворай», — и уехал. Нет слов выразить, какая я вернулась домой счастливая.

23 января 1907 г.

Батюшка все это время прихварывал и с 3 января не был у нас, раз заехал ненадолго. Я прошла в его кабинет, он ласково поздоровался, назвав меня дорогой, посадил возле и сказал, что ему очень понравилась речь Грингмута, сказанная в Смоленске¹¹⁶; что в ней все правда — глубокая, искренняя правда. Я сказала: «Какая теперь стала тяжелая жизнь, мне думается, что земная наша жизнь и есть настоящий ад». Он, так ласково, отечески посмотрев на меня, сказал: «Да, теперь это, пожалуй, действительно так: ужасное время переживаем, — а знаешь, я все-таки твердо уверен, что Господь милостив, накажет, но и помилует нас, что все пройдет, и еще наступят светлые дни». В это время к нему подошла молодая девушка и, показывая ему карточку своего жениха, стала просить дать ей совет, выходить или отказать ему, сказав, что он вдовец и имеет двоих детей. Он сначала сказал: «Да как же я дам совет, когда я его не знаю, вы сами его хорошенько узнайте». Она заявила, что решила поступить так, как он скажет. Батюшка, услышав, что жених не пьет и в карты не играет, сказал: «Ну что же, выходите с Богом». Она встала на колени, и он благословил ее; затем всех тут находившихся благословил и уехал.

Сегодня служил обедню, и когда пришел читать канон, то ласково поздоровался и благословил, говоря слово, и объяснил

значение слов пятидесятого псалма: *Окропиши мя иссопом, и очищуся*¹⁾. В Ветхом Завете иссопом назывался пучок растения, который обмакивали в крови жертвенных животных и потом окропляли всех молящихся; пророк Давид провидел под иссопом жертву, которую принесет за нас Господь Иисус Христос, распяв Свою плоть на Кресте, и дает нам окропление Своею Кровию посредством Таинства Святого Причащения.

По окончании обедни я прошла в игуменскую; сказала Батюшке, что я тоже все это время хвораю сильным бронхитом, и просила его помолиться; потом передала ему письмо матушки Антонии из Орла, в котором она жалуется на разные горести и просит меня приехать к ней. Батюшка обласкал меня, сказав: «Я и сам немножко прихворнул, а больше поленился. Знаешь, что я тебе скажу: сидеть так долго не годится, нехорошо. Я себе позволял лишний часок уснуть и заметил, что без деятельности делаешься каким-то слабым и нет той энергии. Я служил Литургию неопустительно, и это только и поддерживало меня. Мороза моя болезнь не выносит». Стал читать письмо и с первых же строк взволновался, говоря: «Вот ведь, и такую старушку не оставляют в покое, — и, повернувшись ко мне, решительно и даже повелительно сказал: — Завтра же поезжай непременно, утешь и успокой матушку Антонию; я тебя благословляю; ты там поправишься, твое нездоровье пройдет, поезжай с Богом, успокой старушку, а я буду за вас молиться. Передай ей мой поклон и благословение, — поцеловал меня в голову и благословил полным крестом. — А как утетишь, возвращайся назад, там не засиживайся». Я проводила его до кареты, он еще раз благословил и, сказав: «До свидания, дорогая Е.В.», — уехал.

18 февраля 1907 г.

Прекрасно совершив свою поездку в Орел, я 12-го числа имела счастье видеть дорогого Батюшку и поблагодарить за его святые молитвы, по которым я выздоровела. Батюшка обрадовался, увидав меня, и сказал: «А! Здравствуй, дорогая моя, как же ты съездила? Я получил твою телеграмму о твоем нездоровье и подумал, что ты, пожалуй, не вернешься». Я поцеловала его ручку, сказав: «Вы, дорогой Батюшка, воскресили меня вашими молитвами; у меня были страшные боли в желудке при температуре

¹⁾ Пс. 50, 9.

39,5 и пульс 94». Он покачал головкой, сказав: «О! О! Серьезно; ну, рассказывай». Я подала ему письмо игуменьи Антонии, в котором она благодарит его за то, что прислал меня к ней. Батюшка, прочитав письмо, сказал: «Слава Богу, что тебе удалось утешить ее и помочь ей в водворении мира», — благословил мне завтра у него приобщиться и ушел отдохнуть.

13-го Батюшка служил обедню и сказал чудное слово о том, что не следует привязываться ни к чему земному и не надо поддаваться страстям, а надо все заботы направить на то, как спасти душу свою и как приготовить ее к будущей жизни. «Необходимо постоянно помнить, что Второе Пришествие Христово близится. Нечего думать об удовольствиях, а нужно быть готовым, чтобы предстать на Страшный Суд». Я причастилась, потом поговорила еще с Батюшкой в игуменской, получила его благословение и вернулась домой счастливая и радостная, и в чудном настроении духа провела весь день, а сегодня, 18-го, совсем неожиданно Батюшка приехал ко мне в 9 часов вечера; входя, так радостно поздоровался, сказал: «Я нарочно приехал к тебе поздравить тебя с наступающим новолетием твоим», — благословил и подал ручку, которую я от всего сердца поцеловала. Он поцеловал меня в голову, прошел в мою комнату и, преклонив колена, помолился, опять благословил, сказав: «Дай тебе Бог здоровья; твоя телеграмма из Орла меня сильно напугала, я боялся, чтобы ты не расхворалась серьезно». Я упала ему в ножки, сказав: «Я не знаю, как мне и благодарить вас за ваши молитвы, по которым я сразу встала». Он сказал: «Благодари Господа, Который по твоей вере и посылает просимое». Сел на диван и, как-то особенно ласково посмотрев на меня, сказал: «Как у тебя тут все чисто, светло, тепло и аккуратно», — и сам помог приготовить все к молебну. Про себя сказал, что он теперь чувствует себя хорошо, конечно, по-старчески. Весь молебен простоял на коленях и так молился, что чувствовалось, что вся его душа и сердце возносились к Господу, с особенным дерзновением просил мне долголетия, здоровья, просвещения, мудрости, сил, терпения и всякого благополучия, так же тепло молился и о всех присутствующих. Сев к столу, стал всех угощать чаем; сказал, что завтра будет служить на Бежецком подворье¹¹⁷, и благословил мне причаститься у него, потом выпил глоток вина за мое здоровье. Я спросила: «А что, дорогой Батюшка, вас не тревожит Государственная Дума?» — он, посмотрев на икону Спасителя, сказал: «Ведь Господь Сам знает,

что делает, да будет Его святая воля — я твердо верю, что Он пошлет нам то, что будет нам во благо, — и вдруг прибавил: — Как ты хорошо сделала, что бросила спиритизм, — и положил мне ручку на голову: — Печатай свой дневник, я благословляю». Я сказала: «Я всем обязана вам, бесценный Батюшка, и всей душой благодарю Господа, что Он послал мне в вас такого духовного отца! По вашим святым молитвам и под вашим руководством так хорошо живется!» Затем, утешив всех ласковым словом, всех нас благословил и уехал. Я проводила его и чувствовала себя на седьмом небе. 19 февраля Батюшка прочитал канон у нас и несколько раз обращался к монахиням, говоря, что нужно бороться со страстями и очищаться от всех плотских вожделений, у Господа обителей много, земля — самая маленькая планета, какая масса Ангелов и какое чудное их житие! Как нам необходимо направить все свои усилия на то, чтобы исправить все свои недостатки, а для этого мы не только не должны допускать худых дел, но должны избегать и всяких помыслов. Окончив канон, проехал на Бежецкое, куда и я проехала и, прекрасно отстояв обедню, причастилась; весь день провела в чудном настроении.

4 марта 1907 г.

Так как я постоянно хвораю и только по Батюшкиным молитвам постоянно излечиваюсь то от одного, то от другого недуга, меня и начала тревожить мысль, правильно ли я живу, не служит ли этому причиной то, что я не вступила в монашество? Я написала Батюшке, подробно изложив все и прося его дать мне совет, как мне вести дальше мою жизнь. И сегодня была очень обрадована, получив его чудное письмо, которое и помещаю тут: «О Христе возлюбленная дочь моя, Е.В. Получил сейчас сердечное длинное письмо Ваше, прочел и считаю долгом немедленно отвечать Вам, чтобы не томить ожиданием. Прежде всего благодарю Вас за истинно родственные, святые ко мне чувства, которые Господь вложил в сердце твое, а затем за то доверие ко мне, как к священнику, коим Вы удостоиваете меня. "Так ли я живу?" — чтобы ответить Вам на этот вопрос, я возьму из Вашего письма слова, которыми докажется, что ты (или вы) живете по воле Божией и для собственного Вашего великого блага — для вечности. Вы сами пишете мне, что Вам в обители нашей благо, мирно, удовлетворенно, что Вы живете как бы на

каком-то оазисе: кругом бури и волнения, но они Вас не касаются, и — слава Богу! Вы, значит, в тихой пристани. Чего же и желать лучше? Где Вы в мире или в другом месте найдете такое неоцененное благо? Не Сам ли Господь указал Вам эту пристань душевную, а если так, то и живите в ней до скончания вашего тихого жительства; по примеру других наших инокинь, княгинь и княжон, или великой княгини нашего времени Александры Петровны¹¹⁸, вручите себя совсем Христу, приняв обет всецелой Ему преданности себя и приняв иноческое пострижение. Имуществом распоряжайтесь по вашему доброму усмотрению; болезни различные великодушно переносите как крест, посланный вам от Бога для очищения грехов и для обучения терпению. Сказано: *терпением вашим спасайте души ваши*¹⁾, — без терпения никто не спасется. Если совет мой примете, то распорядитесь собою, своим достоянием, не откладывая надолго, ибо час воли Божией неизвестен. Не сегодня, завтра, послезавтра раздастся глас: *се, Жених грядет, придите в сретение Его*²⁾. Ваш покорный слуга и смиренный молитвенник, грешный иерей Иоанн Сергиев».

28 февраля³⁾ 1907 г.

Только что прочла это письмо, как получила извещение, что Его Высокопреосвященство митрополит Антоний сегодня в 5 часов примет меня. Я поехала и была осчастливлена его любезным приемом и сердечным отношением к моей просьбе; поклонилась ему в ножки и попросила у него благословения поступить в Иоанновский монастырь и принять постриг. Он так участливо спросил: «А как же вы расстанетесь с пенсией?» Я стала просить его похлопотать, чтобы ее оставили; владыка был так милостив, что обещал похлопотать, но только заявил, что за успех не ручается, и при этом прибавил: «Неужели вы думаете, что монашество больше спасет? Для Господа все равно. Напишите прошение игуменье Ангелине, а она пусть подаст его мне, чтобы вас приуказали послушницей, а потом, к Пасхе, можно будет и постричь». Вернувшись домой, я хотела повидать матушку Ангелину; оказалось, что она нездорова и никого не принимает.

¹⁾ Лк. 21, 19.

²⁾ Ср.: Мф. 25, 6.

³⁾ Вероятно, ошибка; имеется в виду какое-либо число между 4 и 11 марта.

11 марта 1907 г.

Дорогой Батюшка служил у нас в монастыре обедню; выйдя читать канон, он ласково поздоровался, благословил и похлопал по больной щеке; у меня сейчас же прекратилась боль, и я прекрасно отстояла всю обедню. Говоря слово, Батюшка объяснил значение сегодняшнего Воскресенья — Торжества Православия: оно установлено в память восстановления почитания икон, на которые было воздвигнуто гонение, и прибавил: «Необходимо почитать святые иконы; глядя на них, мы вспоминаем всех святых, всех молитвенников наших, которые теперь ходатайствуют за нас пред Престолом Всевышнего. Мы теперь живем в такое время, когда размножились секты — пашковцы, толстовцы и другие, которые отвлекают верующих от Христа, проповедуя ложное сатанинское учение. Боже вас сохрани, сестры и братия, слушать эти учения и верить распространителям его; держитесь православной веры, исполняя все предписания Церкви, почитая святые иконы и часто, но достойно приступая к Святому Причащению, и Милосердный Господь удостоит вас Царствия Небесного».

По окончании службы я прошла в игуменскую; когда Батюшка пришел в кабинет, он ласково поздоровался, усадил меня и сказал: «Какое великое благо сделал нам наш Милосердный Господь, дав нам в Святом Причащении Свою Кровь и Плоть! Какая это нам поддержка. Вот веришь ли, Е.В., я только и живу Причащением и каждый раз после принятия Святых Таин чувствую, что я обновляюсь, укрепляюсь духовно и физически; являются силы и чудное настроение. Какие жалкие лютеране и католики: у них причастие не полное, и потому они наверно лишены этого счастья». Затем сказал, что едет в Устюжну¹¹⁹, стал прощаться, благословил и уехал.

30 марта 1907 г.

Сегодня Батюшка посетил меня; чудно отслужил молебен, со слезами просил Господа и Царицу Небесную наградить меня благодатью, чтобы она оживила и укрепила меня в терпении и перенесении трудов и исцелила бы все мои недуги, и очень обильно окропил меня святою водой. Потом сел к столу и стал угощать чаем; я встала на колени около него, но он поднял и, усадив рядом, обнял меня и, посмотрев на меня особенно

ласково, сказал: «Ведь Москва меня с тобой познакомила, дорогая Е.В.!»

На мое заявление, что вот уже 20 лет, как я отдала ему свою волю, Батюшка сказал: «Ну так теперь я буду тебя ковать, как коуют железо на наковальне!» Я на это сказала: «Я настолько готова исполнить вашу волю, что если бы вы сказали — бросься сейчас в Карповку, — я, не задумываясь, сейчас исполнила бы». Батюшка откинулся к спинке кресла и так весь и просиял; подал мне блюдечко с чаем, весело сказав: «Выпей на здоровье, дорогая моя, — затем подал госпоже Ч., сказав: — Твоего супруга я постоянно вспоминаю». Когда она ответила: «Я только вами и живу, Батюшка», — он сказал: «Не мною, а Господом», всех обласкал, утешил, благословил и уехал.

25 апреля 1907 г.

Узнав, что Батюшка приехал в игуменскую, я прошла в его кабинет и поздравила его с праздником, он похристосовался, милостиво принял от меня вышитые две пелены моей работы и дароносицу и похвалил работу, сказав: «Да ты этими пеленами заработаешь себе Царствие Небесное, — поцеловал в голову и, усадив рядом, сказал: — Знаешь ли, как я 23-го прихворнул; был царский день¹²⁰, и хотя я уже чувствовал себя очень нехорошо, но почел долгом в этот день непременно отслужить обедню и хорошенько помолиться за Царицу и Царя. Я с большим трудом совершил службу, а под конец так страшно ослабел, что упал, уходя из церкви. Теперь я чувствую себя, слава Богу, немного лучше, нужно поменьше кушать; мирские оттого так часто хворают, что обременяют свой желудок, — вот и я скушал лишнее, оттого и стало нехорошо; а как человеку немного надо, чтобы существовать!» Стал жаловаться на сильную жажду и скушал кусочек апельсина и частичку дал и Чельцовой. В это время к нему подошла одна из его почитательниц и поднесла большую корзину фруктов, поздравила с праздником и стала выговаривать ему, что он совсем не бережет себя, никогда не отдыхает, и как только он ведет такую жизнь — это просто удивительно! Батюшка улыбнулся, говоря: «Я превосходно сплю ночью и подкрепляюсь». На ее возражение, что ночью-то он наверно все молится, Батюшка сказал: «Ну, нет, разве только когда не спится, так сидя помолюсь». Она продолжала: «Вот и теперь, ведь

видно, что вы страшно устали, а все-таки допустили нас к себе, конечно, мы видим, что вы утомлены и жаль нам вас страшно, но верите ли, дорогой Батюшка, так и хочется взглянуть на вас и получить ваше благословение, ведь по вашим молитвам мы делаемся совсем другими; исправляемся, начинаем любить Господа, начинаем исполнять как следует заповеди. Даже дети! Как они вас любят: мой больной сын, — о котором ради Христа помолитесь, Батюшка, — все время просит: «Мамочка, почитай мне Батюшкину книжку!»»

Он ласково, добро улыбнувшись, сказал: «Ваше доверие и любовь ко мне — и дают мне силу переносить и утомление. Я вижу, что детки меня любят, так всегда ласково протягивают мне ручки; и как мне приятна эта их искренняя, чистая любовь! Я за все это постоянно благодарю Господа, утешаюсь и подкрепляюсь». Затем, сказав, что ему холодно, прошел в свою спаленку, надел там шубу, потом сел, велел подать чай и стал всех угощать; налив из своего стакана на блюдечко и подавая мне, сказал: «Ну, выпьем, дорогая Е.В., с Божиим благословением!» Всех утешил и, сказав, что он очень устал, благословил и пошел к себе; вдруг вернулся, вынул из кармана чудное яблочко и протянул мне; я поцеловала ручку и, простившись с матушкой Ангелиной и со всеми, вернулась домой счастливая.

26-го, встав пораньше, пошла в церковь. Утренняя уже началась; служба вышла необыкновенно торжественная; Батюшка пел с духовенством, ходил с трехсвечником, говоря: «Христос воскрес». Сказал хорошее слово на беседу Господа с Никодимом. «Когда Никодим-князь пришел побеседовать с Господом, будучи твердо уверен, что он, как кровный еврей и потомок Авраама, непременно должен наследовать Царство Небесное, Господь сказал ему, что он, так думая, жестоко ошибается; для того чтобы наследовать Царствие Небесное, нужно возродиться свыше, то есть оставить совсем ветхого человека и обратиться в нового; избавиться от всех грехов, которые сопровождают человека от утробы матери и от которых мы избавляемся в Крещении, но потом опять начинаем грешить и тут уже должны прибегать к Покаянию»¹⁾. И, обратившись к сестрам, сказал: «А вы не думайте, что вы безгрешны и что вам уже открыты двери Царствия Небесного, а постарайтесь хорошенько покаяться да и прибе-

¹⁾ См.: Ин. 3, 1–21.

гайте к Покаянию почаще; и так поступайте всю жизнь, пока не свергнете с себя совсем ветхого человека и преобразитесь в нового, победив все страсти. — Затем прибавил: — Хорошо показавшись, можно часто приобщаться». Я прекрасно приобщилась и, получив Батюшкино благословение, вернулась довольная и счастливая домой.

1 мая 1907 г.

Батюшка служил у нас обедню и, хотя страшно утомился, но все же зашел ко мне, обласкал меня, прекрасно помолился, служа молебен, благословил мне провести лето в Орле у моей любимой матушки Антонии, сказав: «Она такая славная, чудная, духовная игуменья и тебя так любит, тебе там будет очень хорошо, передай ей мой поклон и благословение». Про свое здоровье сказал, что опять ему было нехорошо, и прибавил: «Самое лучшее — это питаться одними Святыми Тайнами», — и при этом так посмотрел, что можно было по его глазкам увидеть, что Святые Тайны действительно его питают своею благодатью с избытком. Напоил меня чайком. Одному присутствующему тут господину благословил устроить общежитие у слепых, другой, полковник, пожаловался, что ему очень тяжело и хочется поговорить с Батюшкой; Батюшка так живо ответил ему: «Знаю, знаю, голубчик», — вынул какую-то сумму денег и передал ему, тот взял; тогда Батюшка подал ему стакан чаю и сам поднес к его губам, говоря: «Выпейте на здоровье!» — затем протянул мне руку, благословил и ушел в игуменскую.

3 мая 1907 г.

Когда Батюшка вышел читать канон, я подошла к нему, попросила его помолиться за одну болящую и пожаловалась, что на меня напала тоска; он положил обе ручки на голову, погладил, похлопал по больному плечу и, благословив, стал читать канон; дал целое наставление монахиням, говоря, что им необходимо побороть все страсти, совсем переделать себя и сделаться новыми тварями; нужно терпеливо переносить все невзгоды и несправедливости, нужно, откинув ветхого человека, исправить свое сердце. Потом Батюшка благословил всех, дал поцеловать ручку и простился; спускаясь с лестницы, переполненной монахинями, сказал: «Вы — черная сотня, а должны сделаться беленькими».

Вместе с другими и я подошла здесь к Батюшке; он благословил и меня, и уехал.

5 мая 1907 г.

Сегодня до начала обедни я прошла в кабинет дорогого Батюшки и попросила его исповедать меня, что он и исполнил с большим удовольствием; я подала ему лист с написанными грехами; он, читая его, положил мне руку на голову и крепко прижал ее. Я со слезами просила у Господа прощения. Прочитав все, сказал: «Спасибо тебе, что ты созналась и покаялась; побольше вникай в себя и в свое сердце и старайся отыскивать там свои недостатки, и тебе некогда будет заниматься чужими делами. А теперь я прощаю и да простит тебе Господь все твои прегрешения», — встал на колени и со слезами помолился. Я от всей души поблагодарила и пошла в церковь.

Батюшка, выйдя читать канон, сказал: «Христос воскрес», — всех сестер благословил и дал поцеловать ручку. Опять говорил сестрам, что надо победить все страсти и следовать примерам святых: какие они претерпевали мучения и всё с радостью переносили. Великомученицу Варвару строга́ли ножами, а она все терпела и благодарила Господа; нас теперь таким мучениям не подвергают, зато нравственные страдания учат терпению и надо за все встречающееся с нами благодарить Господа. Сказал большое слово о том, как несчастны те люди, которые не верят в Господа и считают, что мир сам собою произошел; какую они готовят себе будущность, живя только настоящею жизнью, не признавая загробной и Царства Небесного. «А вы, сестры и братья, верьте, что *ни одна черта, ни одна йота не останется не исполненной*¹⁾ и все неверующие подвергнутся вечным мучениям». Я, причастившись, почувствовала себя такою счастливой, что от всего сердца возблагодарила Господа и весь день провела в чудном настроении духа.

12 мая 1907 г.

Дорогой Батюшка уехал в Суру¹²¹. Я ездила на станцию проводить его; собралась такая масса народу, что я едва добралась до него; Батюшка ласково поздоровался, благословил, пере-

¹⁾ Ср.: Мф. 5, 18.

крестил полным крестом и поцеловал в голову, пожелав счастливого пути в Орел; поговорить не удалось, но я вернулась домой довольная тем, что получила благословение, твердо веря, что лето проведу благополучно.

27 августа 1907 г.

Вернувшись из Орла, мне страшно хотелось повидать дорогого Батюшку, и сегодня наконец я не только была обрадована его приездом в игуменскую, но и была осчастливлена его отеческим, сердечным вниманием, удивившим всех присутствующих. Не успел Батюшка подняться в игуменскую, как туда собрался весь монастырь и множество мирских; все комнаты были переполнены народом, в кабинете, где он находился, дверь была заперта, и все ожидали его выхода. Я вошла вместе с отцом Иоанном Николаевичем Орнатским и остановилась вдали, в зале, чтобы не толкаться. Вдруг открылась дверь, и появился дорогой Батюшка, такой слабенький, худенький, но розовый и благодатный. Сейчас же увидел меня и направился ко мне, распростер свои ручки и принял меня в свои объятия, крепко прижав к своей груди; поцеловал в голову, говоря: «Да как же я рад, что я тебя вижу, дорогая моя, милая моя доченька»; и несколько раз он обнимал и целовал меня, как самый любящий отец; спросил: «Да как же ты провела лето? Как ты чувствуешь себя?» Я поклонилась ему в ножки, говоря: «Вашими святыми молитвами все лето провела хорошо». Увидав отца Иоанна Николаевича Орнатского, Батюшка также обрадовался ему, обнял его и поцеловал, говоря, что имеет к нему большую просьбу, что только ему одному он может поручить отвезти мощи в Архангельск¹²², и прибавил: «Поезжай поскорей, все расходы я заплачу». Говоря с ним, он все время держал свою руку на моем плече, я же старалась оградить его от натиска толпы; Батюшка еще раз обнял и поцеловал меня и, смотря своими чудными, милостивыми глазками, несколько раз еще повторил, что очень рад меня видеть: я сказала: «По вашим святым молитвам матушка Антония еще не умерла, а стала чувствовать себя немного лучше». Он на это сказал: «Ну и слава Богу, пусть еще немного поживет». Толпа монахинь так напирала, что мне ужасно трудно было ее сдерживать; тогда матушка Ангелина пропустила меня в кабинет, а сама встала на мое место и просила монахинь не толкаться, а подходить спокой-

но и, поцеловав ручку Батюшкину, сейчас же отходить. Певчие запели, но Батюшке не понравился их напев, он сказал, что в нем мало души, и сам запел; они повторяли, и он их похвалил.

Придя в кабинет, я горько плакала, думая, что Батюшка так обласкал меня потому, что слабеет и, пожалуй, больше не приедет, и как бы это свидание наше не было последним. Батюшка, войдя, опять прижал меня к своей груди, поцеловал и ласково, хорошо смотря на меня, сказал: «Да как же ты похудела-то, дорогая моя, любимая». Про себя сказал: «Я сильно слабею, сегодня немножко получше чувствую себя, а третьего дня так ослабел во время службы, что просил, чтобы меня поддерживали: боялся упасть. Только и живу Святыми Таинами». На мой вопрос, отчего он не ответил на мою телеграмму, Батюшка сказал: «Я не получал, — а потом, улыбаясь, прибавил: — Вот видишь, я сам приехал к тебе». Посмотрев в окно на богомолку, он всех их благословил; похвалил живопись нового учителя монахинь, любуясь иконами, разложенными на столе, и потом спросил, скоро ли будет устроен переулок. Матушка Ангелина сказала, что на днях приступят к работе.

Затем Батюшка прошел в столовую пить чай; идя, положил мне ручку на плечо и сказал: «Пойдем со мною, дорогая моя»; по дороге обласкал благодетеля монастырского Елеазара Михеича, поцеловал его, спросил, как идет работа и скоро ли закроют переулок, и за обещание сделать это скоро похвалил и подбодрил его. Помолившись, подошел к окну и стал восхищаться садиком и огородом, подозвал меня и говорит: «Полюбуйся, дорогая моя доченька, какая прелесть, какая роскошь, ведь как тут хорошо, и речка-то Карповка какая красивая, и деревья какие чудные, и монастырь хорош, и средств в нем много, полюбуйся, дорогая моя», — и поцеловал меня. Я, поцеловав его ручку, сказала: «Дай-то, Господи, чтобы вы были здоровы, а без вас всё ничто»; он еще поцеловал меня в голову, еще помолился и сел к столу; скушал несколько ложечек ухи и стал всех угощать чаем, говоря: «Трудящийся да яст от своих трудов»¹⁾. Затем стал прощаться, благословил всех и меня, сказав: «Прощай, дорогая». Мы проводили его до кареты; из кареты он еще раз всех благословил. Все монахини и все живущие при монастыре поражены таким особенным вниманием ко мне дорогого Батюшки и спрашивают друг дружку, что за причина этому.

¹⁾ Ср.: Мф. 10, 10.

3 октября 1907 г.

Весь сентябрь Батюшка не приезжал; на все мои письма с просьбой дать благословение посетить его в Кронштадте я ответа не получала (потому что ему не давали их). Сегодня отец Иоанн Николаевич предложил мне поехать с ним повидать Батюшку. Мы прекрасно совершили дорогу; погода благоприятствовала, солнце светило ярко, и воздух был восхитительный. Приехали прямо к Батюшке, но его не было: он поехал покататься; нас приняла его супруга и стала угощать чаем. В это время вернулся дорогой Батюшка и сейчас же позвал к себе отца Иоанна Николаевича и довольно долго беседовал с ним; потом вышел, радостно поздоровался со мной, благословил, повел меня в свой кабинет и сказал: «А я все время собирался к тебе, а вот наконец-то ты сама приехала, чему я очень рад. Я все хвораю; сегодня, слава Богу, немножко получше, да чего же и ожидать-то в мои лета? Старость берет свое, чувствую, что отхожу от вас, и хочется мне туда, и жаль вас всех оставить; уж очень вы меня жалеете и крепко молитесь за меня; хотел бы я еще послужить вам, но чувствую, что силы слабеют: я ничего не могу кушать, как только съем что-нибудь, сейчас чувствую себя хуже». Мы сидели у его письменного стола перед чудным иконостасом. Я встала, поклонилась ему в ножки и сказала: «Как и чем могу я отблагодарить вас за все, что вы сделали со мной? За то, что вы сделали меня совсем новым человеком?» Батюшка так и просиял и, положив свои ручки мне на голову, так весело сказал: «Я ничего не сделал, все Господь, Его и благодарю!» Я еще больше расплакалась, до того я глубоко чувствовала благодарность к Батюшке; слезы лились, я не могла их сдержать и продолжала: «Из такой гордой, самолюбивой, своевольной — вы сделали то, что я совсем отрешилась от своей воли и совсем разлюбила мир и все его прелести». Батюшка, так же чудно смотря на меня и целуя в голову, сказал: «Благодари Господа — это Он, Милосердный, сделал с тобой за то, что у тебя у самой душа чудная, чистая, как кристалл, послушная и покорная, ты сама достигла всего этого». Встал и со слезами помолился Господу. Я спросила: «Как же вы прикажете мне поступить с моею жизнью? Ведь я все прихварываю». Он, посмотрев на меня внимательно, сказал: «Слава Богу, ты хорошо выглядишь». — «Благословите мне одеться в рясофор!» Он, еще веселей взглянув на меня, сказал: «А ты приготовилась к тому, что тебе

придется много выносить неприятностей? Монашество — великое благо, посредством его легче попасть в Царствие Небесное; если хочешь поступить в монашество, то возьми себе в пример житие преподобных Синклитикии и Евфросинии¹³, и если не боишься трудов, то одевайся!» Я опять поклонилась ему в ножки и поблагодарила за все.

Я подала ему апостольник, который мне подарила игуменья Антония, и попросила его надеть на меня, что он и исполнил; взял его в руки, помолился, перекрестил его, положил свои ручки мне на голову и еще помолился, перекрестил голову, надел и, опять положив ручки на голову, помолился; что-то тихо прочел. Я поклонилась в ножки и от всего сердца поцеловала его ручки. Он благословил меня завтра причаститься у него. Я посидела немного с супругой Батюшкиной и затем прошла в Дом трудолюбия, где мне дали хорошую комнатку; я прекрасно помолилась дома, со слезами благодарила Господа, что Он удостоил меня повидать Батюшку и получить его благословение на вступление в монашество; теперь все равно, оденут меня или нет, я сама себя должна уже считать вышедшей из мира; Господь все видит и знает, и да будет во всем Его святая воля. 4 октября я, прекрасно подготовившись, в 6 часов прошла в собор, мне дали хорошее место недалеко от Царских врат, так что, когда Батюшка вышел говорить слово, то я оказалась почти возле него.

Он говорил слово на Евангелие от Луки, как Господь о Своем небесном посланничестве указывал на свидетельство Иоанна Крестителя и как все иудеи молчали, потому что не могли ничего сказать против, а сами ничему не верили¹⁾, — и прибавил: «Так всегда бывает: что ни говори неверующим и заблуждающимся, как убедительно ни доказывай им истину, они все остаются неверующими. Вот, как толстовцы и пашковцы: их ничем не разубедишь; жалкие, несчастные люди, сами гибнут и других губят, прельщая и развращая своими извращенными толкованиями Евангелия и всего Священного Писания. Дорогие братья и сестры, не слушайте этих отступников, держитесь крепко нашей святой веры и почаще приступайте к Святым Тайнам».

Я прекрасно причастилась и прошла к Батюшке на квартиру, где меня очень любезно приняла супруга Батюшки. Вскоре приехал и сам дорогой Батюшка; ласково поздоровался, благословил и

¹⁾ См.: Лк. 7, 18–35.

поздравил с принятием Святых Таин. Сейчас же причастил запасными Дарами одну больную даму, которую каждый день приносят на руках из Дома трудолюбия, и Батюшка причащает ее на дому, потом дал приложиться ко кресту ей и нам, сказав: «Свет Христов да просветит вас, — дал мне свою книжечку, сделав на ней надпись, причем сказал: — Я исполнил твою просьбу, дорогая Е.В., а если бы ты только знала, как мне трудно писать»; разделил свою просфорочку со мной пополам, сел к столу и сам налил мне чашку чая, сказав: «Кушай на здоровье», — сам же ничего не пил, а сказал: «Я страшно утомился, пойду немного отдохну». Я попросила благословить меня, сказав, что сейчас еду домой. Он благословил, сказав: «Поезжай с Богом». Я преблагополучно вернулась домой и от всей души возблагодарила Господа.

30 октября 1907 г.

Сегодня Батюшка опять служил у нас в монастыре обедню. Читая канон, он обернулся к монахиням и сказал: «Необходимо постоянно каяться, исправляться, очищать свое сердце от всяких грехов; на здешнюю жизнь надо смотреть как на переходную, нельзя ею прельщаться, она есть только подготовка к будущей настоящей жизни, там мы только начнем жить; а для того, чтобы к ней приготовиться как следует, необходимо отстать от всех своих греховных навыков; а чтобы отстать от них, необходимо постоянно каяться и каяться». Батюшка сам исповедал нескольких и сказал чудное большое слово о покаянии, начав словами Спасителя: *покайтесь, ибо приблизилось Царствие Божие*¹⁾.

24 ноября 1907 г.

Получив от дорогого Батюшки разрешение и благословение провести день моего Ангела у него, я вчера с моею большою приятельницей приехала в Кронштадт прямо к Батюшке; мы застали его сидящим, в ватном подряснике с вышитым поясом, у стола за чтением. Я поклонилась ему в ножки и, поцеловав его ручку, едва сдержала слезы, увидав, как он страшно похудел и каким выглядел страдающим и слабым, у меня так и заняло сердце. Он так радостно поздоровался, благословил и

¹⁾ Мф. 3, 2.

сказал: «Вы ведь прямо с дороги, садитесь поскорей, да выпейте со мной кофейку». Сам его приготовил, налил и, подавая, сказал: «Выпей на здоровье». Я поцеловала его ручку, сказав: «Не знаю, как и благодарить вас, что вы благословили день моего Ангела провести с вами». Он, ласково посмотрев на меня своими чудными, добрыми глазками, сказал: «Я очень, очень рад видеть тебя; здоровье же мое ничего не улучшается: старость, слабость, все болит, ничего не поправляюсь. Служу, но с большим трудом». Когда я спросила, читал ли он о чудном спасении генерала Гершельмана¹²⁴, он так оживился и весело сказал: «Как же! Ведь настоящее чудо совершил Господь, — и перекрестился, говоря: — Слава Тебе, Господи, за Твое неизреченное милосердие к нам, грешным. Да, истинно все сбывается, что сказано в Евангелии: *двое будут вместе; одна берется, а другая оставляется*¹⁾». Потом, спросив меня, понравился ли мне кофе, сказал: «И я сегодня выпил кофейку, а то ведь почти ничего не ем: питаюсь только Святыми Тайнами да пью минеральную воду, — сейчас же принес бутылку и дал мне попробовать, сказав: — Вода так вкусна, что хочется выпить всю бутылку». Вдруг он закашлялся и схватился за грудь обеими руками: видно было, что он сильно страдает. Он встал, благословил нас, сказав: «Вы переночуйте в Доме трудолюбия, там вам будет очень хорошо, приготовьтесь и завтра причаститесь, а я страшно устал и пойду отдохнуть». Мы отстояли всенощную в эстонской церкви¹²⁵ и, прекрасно приготовившись, отлично провели ночь в Доме трудолюбия. Сегодня, встав пораньше и прочитав правила, прошли в собор; но, увидав большую толпу за решеткой, мы остались стоять у свечного ящика; моя приятельница чувствовала себя нехорошо, и мы побоялись толкотни и решили попросить Батюшку приобщить нас у него. Отстояв всю обедню и прекрасно помолившись, мы приехали к Батюшке. Когда он вернулся, то выглядел совсем слабеньким, но радостно поздоровался, поздравил с днем Ангела и, узнав, что за толпой нам не удалось причаститься, сказал: «Я сейчас вас приобщу, — прошел к себе и, вернувшись, приобщил и эту убогую больную и все время говорил: — Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных», — дав приложиться ко кресту, он разделил свою просфорочку с нами; несмотря на страшное утомление, он сел к столу и сам стал наливать чай

¹⁾ Ср.: Мф. 24, 40–41.

и, подавая, совсем слабеньким голосом сказал: «На, дорогая моя именинница, выпей на здоровье!» Затем Батюшка подал чай другим и своей супруге Елизавете Константиновне, сам же выпил один только глоточек; все наливал на блюдечко из своего стакана и поил мою больную приятельницу. Он выглядел таким слабым, что я не посмела ничего с ним говорить, а только внутренно молила Господа укрепить дорогого Батюшку и избавить от страданий. Затем Батюшка сказал: «Простите меня, больше не могу, должен пойти отдохнуть», — и благословил, пожелав нам счастливого пути. Мы благополучно вернулись домой.

18 декабря 1907 г.

Сегодня мне опять удалось побывать в Кронштадте; мы приехали с племянницей дорогого Батюшки, Анной Семеновной Орнатской. Как только мы вошли, Батюшка сейчас же вышел к нам, очень ласково улыбался и, обращаясь ко мне, сказал: «Очень большое тебе спасибо, что ты приехала», — благословил и поцеловал племянницу. «Ведь вы с дороги, садитесь поскорей, да покушайте, — затем обратился к супруге своей: — Смотри, хорошенько угощай дорогих гостей», — и ушел к себе. Мы без него пообедали, а Батюшка вышел только к концу обеда и попросил племянницу его супруги налить нам чаю¹²⁶, говоря, что сам слаб и не может, что здоровье его не улучшается; похвалил священника Восторгова, сказав, что это дивный человек, обладающий необыкновенным красноречием, что это Златоуст, что он может великую пользу принести России¹²⁷. Когда я сказала, что пьесу «Черные вороны» сняли со сцены¹²⁸, он перекрестился и сказал: «Господь никого не оставит, всем воздаст по делам, и все жестоко поплатятся за все, что творят дурного».

Поблагодарив меня за приезд, Батюшка благословил и положил мне свои ручки на голову. Я поцеловала его ручку и вернулась домой счастливая и довольная.

12 января 1908 г.

Получив Батюшкино благословение, мы сегодня с Марией Александровной Боборыкиной благополучно съездили в Кронштадт, повидали дорогого Батюшку и удостоились причаститься у него Святых Таин. День выдался чудный, солнечный, мы проехали прямо к Батюшке; нас приняла очень любез-

но супруга Батюшки Елизавета Константиновна и сказала: «Как хорошо вы сделали, что сегодня приехали, вчера Батюшке очень нездоровилось». Он взял ванну по совету доктора и сегодня чувствует себя бодрее. Вскоре пришел и дорогой Батюшка, такой худенький, слабенький, ласково поздоровавшись, благословил нас и сказал: «Очень вас благодарю, что вы приехали, и очень, очень рад вас видеть; но только я так слаб, что больше пяти минут не могу пробыть с вами». Я передала ему несколько писем, говоря: «Все просят вас помолиться». Он, взяв их, хотел идти к себе, — я сказала: «Дорогой Батюшка, утешьте нас, причастите нас, мы приготовились!» Он оживился и так радостно сказал: «Хорошо, только исповедовать вас я по моему нездоровью не могу, сами хорошенько покайтесь», — и пригласил нас в свою спальню-кабинет. Как только я вошла туда, то всю мою душу охватило какое-то чудное настроение; все мне тут сегодня показалось необыкновенно хорошо, так бы, кажется, и не вышла отсюда. Батюшка сейчас же надел епитрахиль, взял крест и, обратившись к нам и смотря на нас своими чудными глазами, сказал: «Кайтесь хорошенько, старайтесь всё припомнить, помните, что когда приблизится смертный час, как будет невыносимо тяжело, если в чем не покаетесь, или не заметили какого греха во время жизни. Страшно тяжело, когда видишь перед своими глазами всю свою прошедшую жизнь, все грехи, все ошибки, которые творил, не замечая их; ах, как-то тяжело! — и в это время на его глазах появились слезы, — кайтесь хорошенько, пока еще есть время!» Каждое его слово проникало прямо в сердце; какое у него в это время было чудное выражение лица! Велел нам прочесть необходимые молитвы и хорошенько от всего сердца помолиться; затем приобщил нас запасными Дарами и все время молился, говоря: «Слава Тебе, Господи, слава и благодарение, что Ты оказал нам такое великое милосердие, давая нам приобщиться Святого Твоего Тела и Святой Твоей Крови». Перед тем, как стал приобщать, он накрыл нас епитрахилью, сказав: «Прощаются и отпускаются вам все грехи». Давая нам приложиться ко кресту, Батюшка радостно поздравил нас с принятием Святых Таин. Мария Александровна, обняв меня, сказала: «Дорогой Батюшка, как я рада, что Е.В. привезла меня к вам; я так счастлива, что удостоилась причаститься!» Он положил мне руку на голову, сказал: «Большое тебе спасибо», — и поцеловал в голову. Марию Александровну поблагодарил за приезд и за ее письма, которые доставили ему большое удовольствие, и тоже

положил ей руку на голову. За наше поздравление его с назначением членом Святейшего Синода Батюшка поблагодарил¹²⁹, сказав: «На что мне теперь это, когда я не могу никуда выехать, не могу ничего говорить, да и еще плохо слышу. Получаю приглашение приехать в заседание Святейшего Синода, но куда же мне! Ну какую я им пользу принесу? Меня теперь уже ничего не занимает». М.А. сказала: «Это назначение вас в Синод порадовало всю Россию, всех настоящих русских людей». Он перекрестился, сказав: «Благодарю Тебя, Господи». На ее вопрос, как он смотрит на предстоящий церковный Собор¹³⁰, какая его задача, сказал, что «прежде всего он должен быть единомыслен и по примеру прежних Соборов преисполнен истинного Духа Божия». Относительно своего здоровья он, грустно посмотрев на меня, сказал: «Нисколько не улучшается; по всему видно, что уже близок конец; ведь мне 78 лет! Силы мои все истощились; вот сегодня мне, слава Богу, немного полегче; вчера взял ванну, и она мне немножко помогла, — приложив руку к груди и к желудку, сказал: — Вот тут все болит. Да и жить-то теперь становится все тяжелей, все извратилось». Вдруг его лицо преобразилось и сделалось такое радостное, когда он произнес: «Ах, как мне хочется поскорей разрешиться и быть со Христом». Я, целуя его ручку, сказала: «Да и что может быть лучше этого!» Затем Батюшка попросил нас остаться у него посидеть с его супругой и выпить чайку. Мы вышли от него счастливые и довольные, а он остался немножко отдохнуть; сегодня мы смело можем сказать, что ощутили в себе Царствие Божие.

В столовой нас уже ожидала Елизавета Константиновна; радостно поздоровавшись и порадовавшись нашей радостью, она стала нас угощать чаем. В это время впустили каких-то мужчину и женщину, и дорогой Батюшка вышел к ним, спросив, что они от него желают. Оказалось, что жена этого господина страдает раком на шее, которая теперь представляла громадную опухоль, и так как она по Батюшкиному благословению 10 лет воздерживалась делать операцию, а теперь доктор требует этого, угрожая смертью, потому что эта опухоль должна ее задушить, то она и приехала спросить, как Батюшка благословит ей поступить. Он потер своей ручкой опухоль и не велел делать операции, сказав, что «уверен, что Господь по Своему великому милосердию и так ее исцелит». (Она совсем выздоровела.) А мужу ее сказал, что пьяница Царствия Небесного не наследует; но все же

обещал помолиться, чтобы Господь избавил его от этого порока. Они уехали; Батюшка сел к столу возле Марии Александровны и поблагодарил ее за внимание и за поклон от ее брата Владимира Александровича Дедюлина. На мой вопрос, нравятся ли ему «Московские ведомости» в новой редакции¹³¹, Батюшка с особенным оживлением сказал, что они очень хороши; дух остался тот же, а передовые статьи стали еще интереснее, и похвалил статью о постановлениях Святейшего Синода о вероисповеданиях¹³². Про статью Богдановича сказал¹³³, что «уже он чересчур много надежд возлагает на духовенство. А где же духовенству одному справиться, да еще таким священникам, какие образовались теперь? Наше духовенство стало не то, что было прежде: семинарии дают плохих учеников; я думаю, что это потому, что в священство стали вступать лица из всех сословий». Потом Батюшка благословил нас и пожелал счастливого пути; мы вернулись домой счастливые и довольные.

15 февраля я опять посетила дорогого Батюшку в Кронштадте вместе с игуменией одного монастыря матушкой Афанасией¹³⁴. Приехали прямо на квартиру; нас приняли очень приветливо, так как мы приехали по благословению Батюшки, Батюшка отдыхал, и мы не велели его тревожить, прошли в столовую, где встретили большую Батюшкину почитательницу; я, ласково с ней поздоровавшись, разговорилась. Вскоре вышел дорогой Батюшка; он выглядел страшно страдающим, благословил нас и совсем слабым голосом сказал: «Уж извините меня, пожалуйста, мне страшно нездоровится, я не могу пока остаться с вами, мне необходимо отдохнуть». А когда я сказала: «Дорогой Батюшка, если только можно, приобщите нас, мы хорошо приготовились», — он сразу оживился и сказал: «Ну, пойдемте со мной», провел нас в свой кабинет, запер дверь, надел епитрахиль и, держа дароносицу, приказал сделать земной поклон Святым Дарам. Мы встали на колени, а он, повернувшись к иконам, стал читать свою чудную молитву Спасителю, говоря: «Ты, Господи Милосердный, безгранично добрый, всех нас любящий, прости им все их прегрешения, утверди и укрепи их всякою добродетелью и сподоби их до конца их жизни неосужденно причащаться Святых Твоих Таин». Затем, обратившись к нам, сказал: «Кайтесь хорошенько внутренне! Вспоминайте все свои согрешения и дайте обещание исправиться»; опять повернулся к иконам и сказал: «Укрепи их, Господи, прости им все их прегрешения и утешь их». Накрыл нас

епитрахилью, отпустил все грехи и опять начал громко молиться, говоря: «Да наградит Господь Милосердный ваши сердца всякою добродетелью и да украсит Он вас всякою красотою, как украсил неизреченною красотою Царицу Небесную». Затем, прочитав молитвы к Причащению, приобщил нас; поздравляя, дал просфору; разломив верхнюю часть, он дал ее мне, а нижнюю матушке Афанасии, сказав: «Это Богородичная». Сам приготовил запивку, сам влил несколько глотков мне в рот, а затем дал матушке точно так же.

Поздравив нас, приказал прислуге приготовить чай и попросил извинения, что пойдет отдохнуть, так как не в силах теперь посидеть с нами. «А вы напейтесь чайку и пообедайте со мной», — мы поцеловали ручку, и он ушел к себе. Нет слов выразить того счастья, той радости, которая охватила всю мою душу; я от всего сердца возблагодарила Господа. Матушка Афанасия прочла последование по Святом Причащении. Как только мы окончили, к нам вышла супруга Батюшки со своею компаньонкой. Ласково поздоровавшись с нами и поздравив, она сказала: «Слава Богу, сегодня Батюшке немного лучше, а вчера у него сильно болели зубы. Вчера, когда И.Н. Орнатский попросил у него благословения вам приехать, он так радостно дал его ему, — и прибавила: — Да ведь как же вас Батюшка любит, кажется, никого другого он так не любит». Это подтвердили и компаньонка, и находившаяся тут Батюшкина почитательница, и наша общая знакомая, сказав: «Ведь для всех видно, что Батюшка их особенно отличает, да ведь он видит, что у них чистое сердце и открытая душа». В это время пришел и дорогой Батюшка. Он выглядел таким довольным, шел с таким сияющим выражением лица; велел накрывать на стол, а сам прошел в переднюю. Слышно было, что кто-то просил у него ряску; он сейчас сходил к себе и принес ватный хороший подрясник и отдал просящему; тот стал еще просить, Батюшка и эту просьбу удовлетворил; обласкав, благословил и отпустил просящего. Возвращаясь, Батюшка сказал: «Теперь скоро лето, мне не нужно будет теплого подрясника», — сел возле матушки Афанасии и стал расспрашивать ее об ее монастыре; посочувствовал ей, что очень тяжело бороться с католиками в западном крае, говоря, что теперь эта борьба стала особенно трудна, потому что с дарованием свобод католики невыносимо дерзки; пожаловался на теолинскую игуменью, что она его измучила своими жалобами на бедность монастыря¹³⁵, затем помолился, благосло-

вил трапезу и стал нас угощать. Усадив нас, сам сходил на кухню и привел супруга своей почитательницы; усадил его между собою и мною и сказал: «Нечего церемониться, садись, дорогой гость, возле меня». Нас стал угощать, а сам же ничего не кушал. По окончании обеда мать Афанасия попросила его помолиться о больной казначее и попросила дать ей епитрахиль; Батюшка сейчас же встал, принес ее и дал ей. Я спросила о его здоровье, он сказал: «Во время обедни, когда совершаю Литургию, в особенности когда приму Святые Тайны, чувствую себя совсем хорошо: ничего не болит и дух бодрый; но под конец уже начинаю утомляться так, что должен уже полежать; вообще к ночи чувствую себя хуже, и боли совсем почти не дают спать; вот и теперь не могу долго разговаривать, уже вы меня извините, а я вас оставляю и немножечко отдохну». Он нас благословил, сказал, что очень нас благодарит, что посетили его, поцеловал меня в голову и пожелал счастливого пути. Мы от всего сердца поблагодарили его и поклонились ему в ножки. Он ушел, а мы еще посидели и поговорили с Елизаветой Константиновной. Довольные и счастливые, мы благополучно вернулись домой.

24 февраля 1908 г.

Дорогой Батюшка прислал матушке Ангелине целое наставление сестрам ее обители, как должно проводить пост: «Честнейшая матушка игуменья Ангелина со всеми о Христе сестрами! Да будет со всеми вами, подвижающимися о Христе ради будущей жизни, — благодать, милость и мир от Господа нашего Иисуса Христа в Духе Святом.

Наступило время Святой Четыредесятницы, данное нам милостью Божией для благодушного подъятия подвига постного. Но — какой пост угоден Богу? Есть пост только приятный врагу нашего спасения, когда мы постимся в ссоре, ябедах, клеветах, в осуждении ближних и подобное! Будем поститься постом, приятным Богу; истинный пост есть избежание всякого зла, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, отчуждение лжи и клятвы преступления. Избежание всех этих грехов есть истинный пост и благоприятный. Запомните это и, главное, — исполните. Жалею, что по болезни не могу быть с вами и лично беседовать о спасении души. А оно первая и главная цель в жизни нашей, особенно монашеской. Не забывайте ни на один час — для

чего вы собрались и живете в обители, для чего носите монашеское одеяние, и непременно черное. Оно означает постоянный траур, постоянную печаль о грехах, коими мы непрестанно прогневаем Всевышнего и Праведного Творца нашего, Которому должны дать отчет в своей жизни.

Итак, со страхом Божиим проводите время, данное вам для спасения, и обителью пользуйтесь как тихим пристанищем Божиим, в котором Господь укрыл вас от бурь и треволнений житейских. В миру каждый день множество людей погибает от прелести грехов; а между вами да не будет ни одной погибающей. Ибо вас осеняет, защищает благодать Божия. Живите в любви взаимной. Дай Бог мне и вам дождаться Страстей Христовых и всерадостной Пасхи.

Протоиерей Иоанн Сергиев».

5 марта 1908 г.

Сегодня получила от дорогого Батюшки письмо в ответ на мое, в котором я просила его помолиться, чтобы я могла достигнуть такого состояния духовного, что могла бы молиться Господу за врагов, как молюсь за друзей.

Вот его содержание:

«Дорогая, высокочтимая Е.В.! Благодарю за ваши сердечные письма, дышащие верою и благодарностью к Богу. (Со своей стороны я не достоин того, что вы мне приписываете.) В вашем последнем письме мне нравится особенно та черта, что вы желаете и молитесь Богу любить врагов, все равно, как друзей. Это чисто по-евангельски, тут и мне урок, ибо я человек с немощами. Желаю вам провести Великий пост в борьбе с ветхим человеком, который крепко сидит и работает. Дай Бог выйти из борьбы победительницей с помощью благодати Христовой. Ваш смиренный богомолец протоиерей Иоанн Сергиев. 4 марта 1908 г.».

28 апреля 1908 г.

Получив через отца Иоанна Николаевича Орнатского благословение дорогого Батюшки, я приехала к нему и сегодня с нашей монахиней Никодимой посетила его. Как только мы приехали, нас любезно приняли и провели в комнаты матушки Елизаветы Константиновны, которая встретила нас очень ласково и внимательно; тут уже сидел какой-то монах в священниче-

ском сани; как только Батюшка показался, он поклонился ему в ножки, что сильно раздражило Батюшку, и он сделал ему выговор, сказав: «Я простой священник, такой же, как и вы, и меня оскорбляет, когда мне кланяются в ноги». Когда мы подошли, то Батюшка очень ласково поздоровался и благословил. На нашу просьбу причастить нас, сказал: «Если хотите, то завтра за обедней приобщитесь. Мне совсем нехорошо, все болит, и я больше не могу быть с вами». Спросил монаха, что ему нужно, и услышав, что его смущают помыслы и он желает поговорить с ним, отошел с ним; но минуты через две извинился своим нездоровьем и направился к себе. Я подошла к нему, подала письмо и икону Спасителя, шитую шелками. Он взял, но сказал: «Благодарю тебя, только зачем? У меня так много икон!» — и прошел к себе. В это время пришел архимандрит, приехавший от преосвященного Никанора¹³⁶. Мы с ним поговорили о владыке, которого я очень хорошо знаю и очень уважаю. Вскоре вышел дорогой Батюшка; выглядел он бодрее, он сел возле архимандрита, ласково поговорил с ним и принес ему свою книжечку. Говорили о Варшаве. Батюшка сказал, что ксендзы и католики много себе позволяют, а наше правительство и духовенство не так энергично действуют, как бы им следовало, оттого православным и приходится много страдать, и многие переходят в католичество.

Проводив архимандрита, Батюшка приказал прислуге приготовить кофе и угостить нас, а сам опять пошел отдохнуть. В это время к нам пришла баронесса Таубе, большая почитательница Батюшки, живущая уже давно в Доме трудолюбия, и рассказала мне, как она узнала Батюшку и как он поставил ее на настоящий путь ко спасению. Вдруг в это время Батюшка вышел, подошел прямо ко мне и, так ласково, чудно смотря на меня, сказал: «Я прочел твое письмо, — прелесть, как хорошо написано, какое счастье, что ты поняла и испытываешь это Царствие Божие внутри себя, благодаря Господа и знай, что в этом все счастье!» Обнял меня, крепко прижал к своему сердцу и поцеловал в голову, говоря: «Большое тебе спасибо за это письмо». Затем пригласил нас в столовую пить кофе и сказал матери Никодиме: «Какое ты несешь послушание?» И на ее ответ, что она находится в алтаре, сказал: «Ну и будь же ты постоянной алтарницей», — и этим очень ее утешил. Затем встал и, извиняясь перед всеми, сказал мне: «А ты завтра приходи к обедне и непременно причастись у

меня», — благословил, дал поцеловать ручку и ушел. Мы с матушкой Никодимой прошли в Дом трудолюбия.

29 апреля 1908 г.

Хорошо приготовившись, мы прошли в собор; староста был так добр, что провел нас на амвон и поставил около певчих. Батюшка вышел из алтаря такой худенький и слабенький и приложился к иконам у Царских врат в правом приделе, но все же сегодня он выглядел бодрее вчерашнего. Хотя и очень слабеньким голосом, сказал слово на сегодняшнее Евангелие, где Господь сказал иудеям: *Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает*¹⁾. Батюшка, показывая рукою на Чашу со Святыми Дарами, говорил: «Вот Тело и Кровь Господа; кто приступает к этому Таинству, тот соединяется со Христом; приступая к этому великому Таинству, необходимо хорошенько себя проверить, покаяться и дать твердое обещание исправиться; так как Господь назвал это Таинство пищею и питием, то этим Он Сам указал нам, что к этому Таинству необходимо приступать как можно чаще. А у нас многие приобщаются только раз в год; попадают, в особенности между интеллигентами, и такие, которые и по 20 лет не приступали к оному (у одного такого я был, и он отказался приобщаться; разумеется, я его оставил, от всей души пожалев)».

Батюшка стал приобщать. Меня провели вперед, и дорогой Батюшка, взглянув на меня, сказал: «Приобщается раба Божия Екатерина». Я, приобщившись, почувствовала себя такой счастливой, как и выразить не умею. Батюшка сам вышел с крестом, но дал приложиться только немногим, а затем передал крест другому священнику. Из собора мы прошли к Батюшке. Он, возвратившись, был так слаб, что едва передвигал ножки. Он поздоровался, благословил и, поздравив, попросил угостить нас чаем (тут был еще знакомый священник из Москвы отец Николай), а сам извинился и пошел отдохнуть.

Через некоторое время Батюшка вышел опять; но выглядел таким же слабым и сказал: «Ну, прощайте и простите меня, я уже больше не могу совсем». Я попросила его помолиться, что у меня большой шум в голове. Он, так отечески, хорошо посмотрев, положил мне ручки на голову, сказав: «Будешь здорова!» —

¹⁾ Ин. 6, 56.

я от всего сердца поблагодарила, поцеловала ручку, и он ушел. Мы сейчас же простились с матушкой и вернулись домой, счастливые и довольные.

17 мая 1908 г.

Хотя совсем слабенький, а все же дорогой Батюшка сегодня служил обедню у нас в монастыре. Как только он вошел, помолившись и приложившись к иконам, обратился к народу и сказал: «Кто приготовился, я всех приобщу, — и, взглянув на меня, прибавил: — А кто и не приготовился, то хорошенько покайтесь от всего сердца и приступите ко Святому Причащению». Сказал небольшое слово о том, как Господь милостив, что сколько бы мы ни грешили, Он нам все прощает, как только мы искренно, от всего сердца покаемся; когда стал причащать, то, увидав меня, назвал по имени и причастил прежде других. Я почувствовала себя необыкновенно счастливой. Затем я прошла в игуменскую, и Батюшка благословил меня; затем, выйдя в зал, он попросил находившихся тут епископов, преосвященных Гермогена и Серафима, благословить трапезу¹³⁷; дал им по стакану чая, взял и себе стакан, выпил глоточек, благословил, перекрестил стакан и, подавая мне, сказал: «На, выпей, Е.В., на здоровье! Я начал, а ты кончай». Я поцеловала протянутую ручку, а он особенно ласково улыбнулся. Потом Батюшка скушал две ложки перлового супу, сказав, что это позволяет себе «для подкрепления сил». Обратившись к преосвященным со словами: «Простите ради Бога, но я уже пойду отдохнуть», — ушел. Я, получив благословение у преосвященных, вернулась домой и от всего сердца возблагодарила Господа, что удалось еще повидать Батюшку.

13 июня 1908 г.

Все это время я сильно скучала, думая, что Батюшка все слабеет, и, видимо, близится его конец; без него мне ужасно не хочется оставаться тут, так как нет ничего тут, что бы привлекало меня, да и Петербург я всегда не любила. Я и попросила одну особу, почитательницу Батюшкину, ехавшую в Кронштадт, попросить у него благословения оставить мне Иоанновский монастырь и переехать в Орел, во Введенский женский монастырь. Та, вернувшись, сообщила, что Батюшка, услышав это, опечалился и со слезами на глазах сказал: «Зачем ей уезжать? Она

умеет хорошо молиться, пусть сидит в своей комнатке; отчего же и ей не потерпеть? Ведь меня гораздо больше мучают, чем ее!» — и прислал мне с нею девятичинную просфору. На днях поехала в Ваулово, где теперь находится Батюшка, его племянница А.С. Орнатская; я попросила ее выпросить у Батюшки мне благословение на отъезд в Орел. Он и ее выслушал с грустью и повторил: «Сколько я терплю, — неужели она не может и немного потерпеть? Пусть делает как знает!» Благословения не дал, а опять прислал мне просфору.

6 августа 1908 г.

Сегодня Батюшка, вернувшись из Ваулова, приехал и служил у нас обедню. Я встретила его, когда он шел в церковь. Батюшка нисколько не поправился, такой же худенький и слабенький, он ласково поздоровался и благословил. Народу набралось видимо-невидимо; трудно было пробраться вперед, и я встала сзади, против Царских врат. Батюшка хотя и говорил маленькое слово, но я плохо слышала, потому что все думала о том, как бы мне его повидать и самой спросить благословение на отъезд. После обедни мне удалось пройти в игуменскую и в Батюшкин кабинет. Батюшка вышел, очень радушно приветствовал всех почитателей, собравшихся повидать его, и сказал матушке Ангелине: «Боже мой, какой сегодня страшный беспорядок устроили! Ведь у вас тут решительно невозможно служить. Я хотел всех приобщить; но, видя эту страшную давку, должен был поневоле уйти». Спросив приезжих из Царского Села, удалось ли им приобщиться, и получив отрицательный ответ, опечалился, сказав: «Как жаль, что у меня нет запасных Даров!» Благословив меня, спросил, как здоровье и как провела лето. Когда я сказала, что все прихварываю, что болят и немеют руки, он сейчас же потер больную руку своею худенькой ручкой, и мне сейчас же стало лучше. Я от всего сердца поблагодарила его, поцеловав ручку. К Батюшке подошел купец и стал говорить, что он молит Господа, чтобы Он продлил его жизнь, что она так всем нужна, а Батюшка ответил: «Нет, теперь уже близок мой конец». Батюшка сильно ослабел; простившись с нами, он благословил меня и ушел отдохнуть. Я не посмела попросить у него благословения на отъезд и вернулась домой с той мыслию, что верно нет воли Божией на мой отъезд.

9 сентября 1908 года была последняя обедня, совершенная дорогим Батюшкой у нас в монастыре. Канона Батюшка не читал, а вышел с духовенством, приложился к иконам и начались часы. Служба была торжественная, принимали участие в ней несколько чужих священников и митрофорный протоиерей Дернов¹³⁸. Толкотня была большая. Меня так сдавили, что я хотела уйти, но монашенки приняли во мне участие, провели к Царским вратам и поставили так хорошо, что Батюшка, выйдя говорить слово, все время смотрел мне в глаза своим чудным, милостивым взором, точно хотел утешить меня за претерпенные мною несправедливости. Я чувствовала себя счастливой от его взглядов и внутренне говорила: «Читай в моей душе, бесценный Батюшка, там нет фальши, и совесть моя чиста». Он, смотря как-то особенно весело, улыбался, говоря о великой милости и любви к нам Господа, что Он во Святом Причащении Сам всего Себя отдает нам для нашего спасения. Окончив слово, Батюшка стал причащать; первым причастил ребенка, которого вчера окрестил, а затем меня. Я после причастия почувствовала себя так хорошо. Все, что болело, прошло, а на душе разлилось блаженство. Я от всей души, со слезами поблагодарила Господа за все Его милости ко мне, грешной. Затем я прошла в игуменскую; в кабинет к Батюшке не пустили, а когда он вышел в зал, то подошел ко мне и, так ласково посмотрев, сказал: «Здравствуй, дорогая Е.В., поздравляю тебя с принятием Святых Таин!» — благословил, помолился и, сев к столу, угостил только одно духовенство. Сам ничего не кушал; вид у него был страшно удрученный и болезненный. Батюшка попросил извинения, сказав: «Я страшно устал, а вы, пожалуйста, угощайтесь сами», — и ушел к себе. Сегодня матушка праздновала день своего Ангела, и Батюшка подарил ей свой наперсный крест, и еще подарил святую икону.

8 октября 1908 г.

Так как все наши надежды на выздоровление дорогого Батюшки не оправдываются, то я, услышав, что сегодня едет в Кронштадт отец И.Н. Орнатский, попросила его отвезти Батюшке мое письмо, в котором я прошу его, чтобы он мне окончательно выразил свою волю, как мне поступить с собою: принять ли монашество или окончить жизнь свою в миру, и если есть его воля на то, то пусть пришлет благословение для вступления в Орловский Введенский монастырь, так как сюда, в Иоанновский, матушка

игуменя не желает меня принять. Сегодня была осчастливлена, получив ответное письмо от дорогого Батюшки следующего содержания:

«Достопочитаемая и возлюбленная о Христе сестра Е.В.! Письмо твое от отца Иоанна Николаевича Орнатского получил и сейчас же прочел. Благодарю тебя за дорогие, дышащие любовью, слова. Ты просишь меня выразить решительную волю мою касательно твоей духовной участи, то есть пострижения в рясу и в схиму; но я здесь не имею своей воли, тут воля монастырского устава и воля митрополита, а не моя. Я не изучал монастырского устава и невежда в нем, а потому и тебя учить не могу. Прошу тебя, дорогая Е.В., поговори о своем монашестве поподробнее с владыкой митрополитом. Что же касается до моего здоровья, то оно колеблется: то лучше, то хуже, смотря по погоде. И после причащения Святых Таин я всегда делаюсь иным человеком, — и здоровым и голосистым, и хорошо настроенным, и причащаю охотно народ.

Благодарю Господа за все это. Старик я семидесяти девяти лет, а милостию Божиею еще живу и пою Господу, хотя слабо. Твой богомолец и духовный отец, протоиерей Иоанн Сергиев».

Получив благословение Его Высокопреосвященства глубоко-чтимого митрополита Антония, я сегодня посетила его в 5 часов и была осчастливлена его милостивым вниманием. Прочитав Батюшкино письмо, он сказал: «Мое вам решение — живите, как живете! Зачем вам монашество? Ведь вы понимаете, что ряса Царствия Небесного не откроет. Кто убежден, что только одни монахи и могут спастись, ну, тем и надо поступать, а вам на что? Вот вам мое мнение. Мое вам благословение — живите, как живете!» — так хорошо благословил меня, положив обе руки на голову. Я вернулась домой успокоенная: значит, я не престопаю воли Божией; я уже более не хлопочу о поступлении в монашество; ведь все делается по воле Божией и посылается нам Господом именно то, что нам во благо и служит к нашему исправлению и нашему спасению.

24 ноября 1908 г.

Последнее свидание с дорогим Батюшкой. Получила от него благословение приехать к нему сегодня. Взяв мою девушку, я в 7 часов утра выехала в Кронштадт. Приехали прямо к Батюшке. Нас очень любезно встретила компаньонка матушки

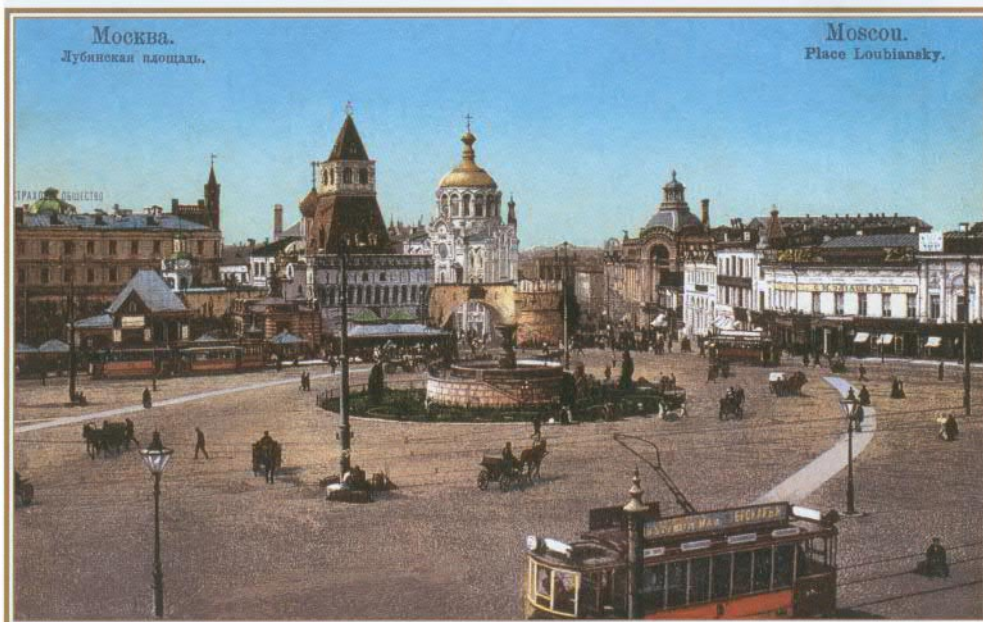
Московская улица в г. Орле. Фото 1900 года

Свято-Введенский женский монастырь в г. Орле.
Открытка начала XX века

Москва. Николаевский вокзал. *Открытка конца XIX века*

Москва. Кузнецкий мост. *Открытка конца XIX века*

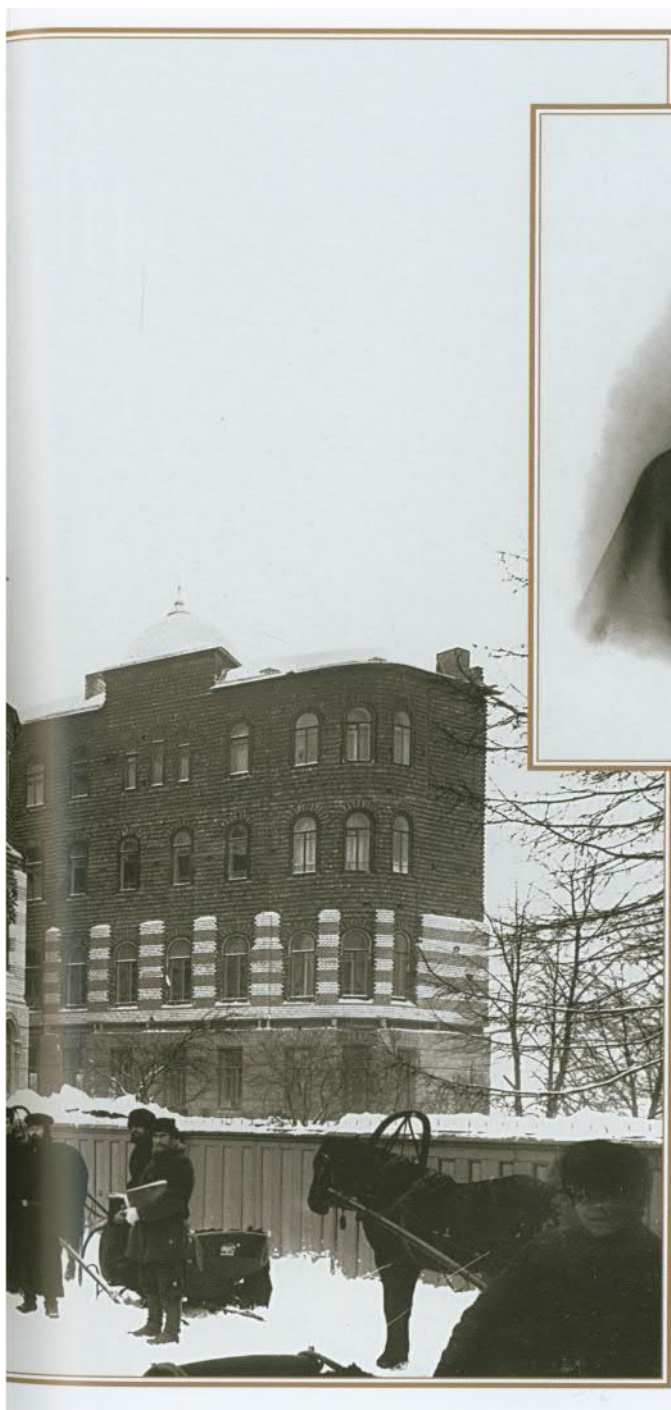

Вид на Москву от Кремля. Открытка 1890-х годов

Москва. Лубянская площадь. Открытка конца XIX века

Строительство подворья Сурского монастыря в Санкт-Петербурге (позднее Иоанновский монастырь). Фото 1900 года

Игуменья Ангелина
(Сергеева),
первая настоятельница
Санкт-Петербургского
Иоанновского
монастыря

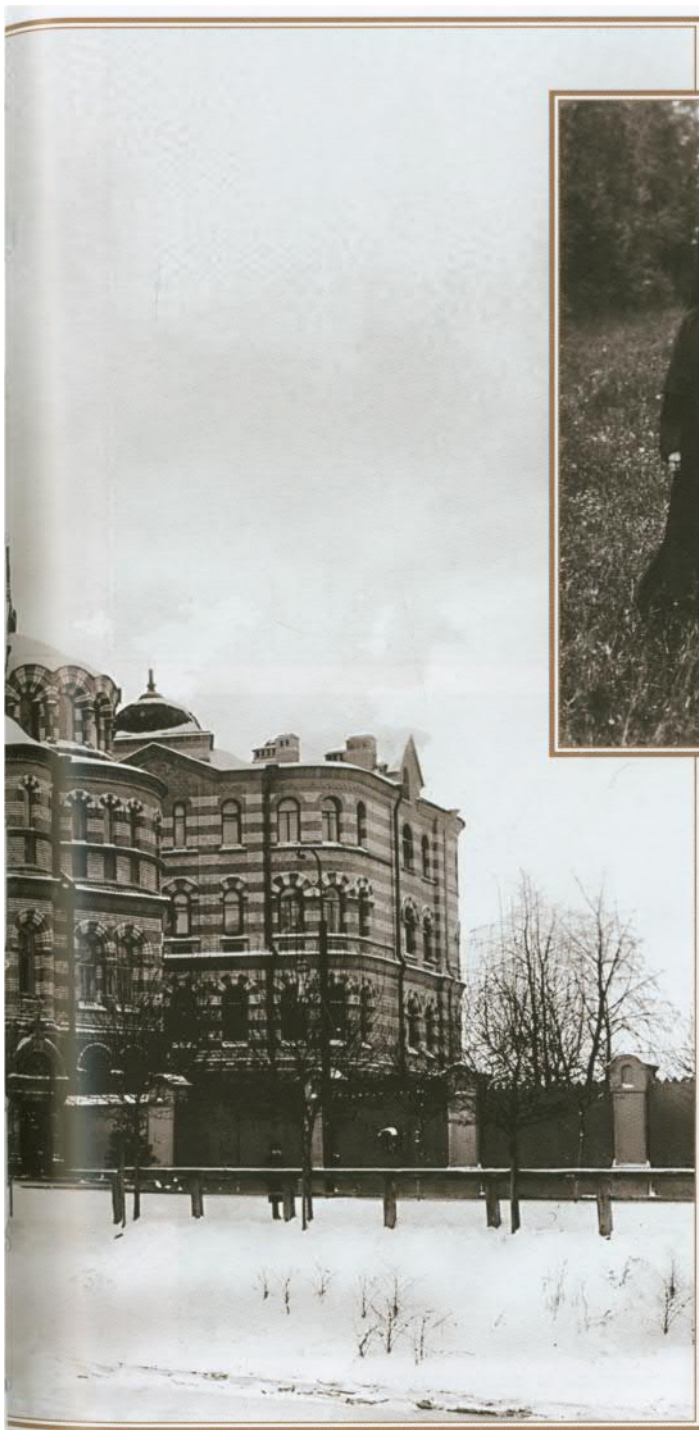
Интерьер
соборного храма
во имя
Двенадцати
апостолов
Иоанновского
монастыря.
Фото К. Буллы
1914 года

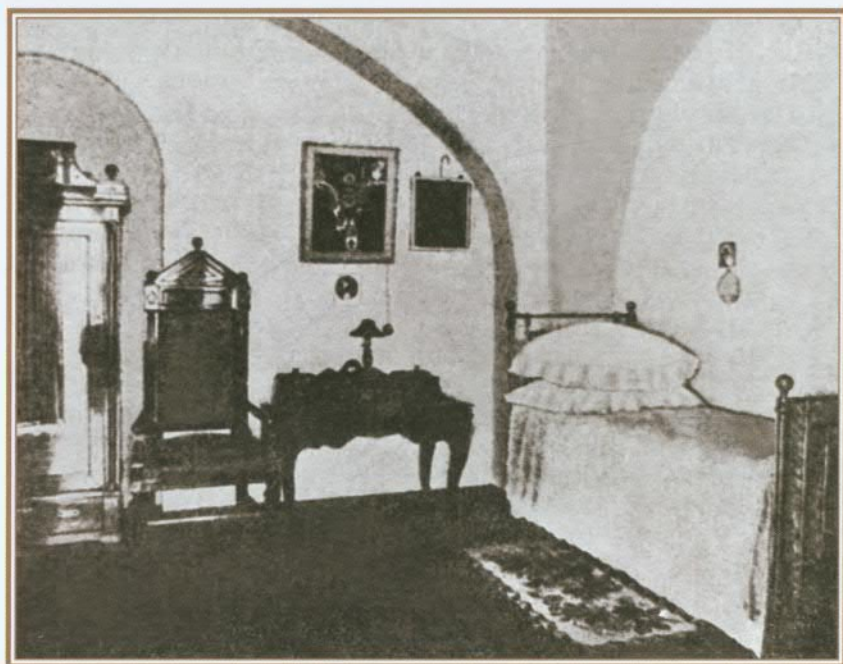

Иоанновский монастырь в Санкт-Петербурге. Фото 1900-х годов

Отец Иоанн
Кронштадтский
и игумения Ангелина
в окрестностях
Вауловского скита.
Фото не ранее 1903 года

Иоанновский монастырь и прилегающий к нему огород: вид с запада.
Фото 1900-х годов

Спальня отца Иоанна в Иоанновском монастыре

Молельная комната отца Иоанна в Иоанновском монастыре

Кабинет отца Иоанна в Иоанновском монастыре

Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский на смертном одре

Траурная процессия на улицах Кронштадта

Прощание жителей Кронштадта с усопшим пастырем

Траурная процессия на льду Финского залива по пути из Кронштадта
в Ораниенбаум

Место упокоения святого праведного Иоанна Кронштадтского –
усыпальница в нижнем храме во имя пророка Илии и святой царицы
Феодоры Иоанновского монастыря в Санкт-Петербурге. Фото 1910-х годов

† Достопочтенный Гр. и Т. И. О. С. Г.
 монаху Кирику-архимандриту Монастыря
 иереев — Кронштадтский Протоиерей Иван Архиеп.
 14 Марта 1888

Портрет отца Иоанна Кронштадтского с дарственной надписью художнику Сергею Животовскому

Елизаветы Константиновны, провела в гостиную и сказала: «Вы, пожалуйста, останьтесь у нас обедать. Батюшка сам вчера заказал для вас обед, сказав, что он желает в день вашего Ангела угостить вас. Он приготовил запасные Дары, чтобы причастить вас». Вскоре вышел дорогой Батюшка из своей комнаты, и еще я не успела подойти к нему, как он уже ласково поздоровался, говоря: «Здравствуй, дорогая Е.В.! Поздравляю тебя с днем твоего Ангела!» Я поклонилась ему в ножки, а он сказал: «Этого совсем не надо». Когда я попросила его причастить меня и мою девушку, он спросил: «А ты приготовилась? — и на мой утвердительный ответ, ласково посмотрев, сказал: — С удовольствием приобщу, — и так живо прибавил: — Ну, пойдем со мной», и провел меня в спальню. Взял Дары запасные, велел сделать поклон и, причастив меня, позвал мою девушку и причастил ее. Дал запивки, потом дал приложиться ко кресту. Батюшка выглядел страшно слабым; видно было, что ему тяжело держать крест. Затем он прошел с нами в столовую, моя девушка, поцеловав его ручку и поблагодарив, убежала на кухню. В столовой он сказал мне: «Дорогая Е.В., пообедай сегодня со мной»; я, поблагодарив его, попросила помолиться о болящем нашем протоиерее отце Д. Федорове¹³⁹; Батюшка сказал: «Помолюсь; передай ему и его матушке мой поклон и сожаление о его нездоровье». Велел прислуге накрывать на стол, а сам ушел к себе. Пока прислуга накрывала, компаньонка привезла на кресле супругу Батюшкину, которая тоже последнее время все прихварывает. Она ласково поздоровалась и поздравила меня с днем Ангела, сказав, что она так рада, что я день Ангела провожу с Батюшкой. Тут пришел и Батюшка и, так приветливо смотря на меня, сказал: «Ну садись, дорогая моя Е.В., покушай со мной», — и посадил рядом с собой. Тут еще было несколько лиц, которых матушка пригласила к столу. Батюшка повернулся ко мне и с неописанною радостью сказал мне тихо на ухо: «Знаешь, дорогая моя, через три недели у вас наступит Рождество и торжество». Я с удивлением посмотрела на него, не зная, как понять, и видела, что его лицо как-то необыкновенно сияет. Затем Батюшка прибавил, смотря на меня все тем же сияющим взглядом: «Поверишь ли, дорогая моя, что я ведь только и живу одними Святыми Тайнами, если бы их не было, то я, наверно, уже давно не существовал бы». Сам налил мне тарелку ухи и подал мне. Затем налили шампанского. Батюшка поздравил меня и, пожелав здоровья, и сам выпил. Затем, скушав несколько

ложечек ухи, встал и, обратившись ко всем, сказал: «Вы, пожалуйста, кушайте, а я уже больше не могу», — благословил меня и, так ласково посмотрев, ушел к себе. Мы окончили обед, все ушли, а я осталась с Елизаветой Константиновной и ее компаньонкой. Вскоре Батюшка опять вышел к одной больной и спросил, что ей нужно. Она стала что-то объяснять непонятное. Батюшка сказал: «Я ничего не слышу, говорите громче!» Тогда она сказала, что у нее болит нога и ей нужно с ним поговорить. Он ответил: «Вы видите, я и сам еле живой, ничего не могу с вами говорить, простите и прощайте». Она ушла, а я подошла к нему и попросила благословения на обратный путь. Он ласково благословил, положил ручку на голову и сказал: «Поезжай с Богом, желаю счастливого пути; передай мое благословение отцу протоиерею, его супруге, скажи, что буду молиться, чтобы Господь послал ему здоровья; всем монахиням, моей племяннице и отцу Иоанну Николаевичу и всем живущим кланяйся, большое тебе спасибо, что ты посетила меня», — поцеловал в голову и смотрел на меня чудным, ласкающим взглядом. Наконец, когда уже я совсем выходила на лестницу, он сказал опять: «Прощай, поезжайте с Богом», — и пошел к себе. Хотя я и чувствовала себя счастливой и довольной, что в день моего Ангела мне удалось повидать Батюшку и причаститься у него, но сердце мое щемило какое-то грустное чувство, и думалось, уж не последнее ли это свидание?

20 декабря 1908 г.

Сегодня сбылось Батюшкино предсказание. Батюшка скончался. Все были удручены сильным горем, мы теперь остались как сироты без отца. Я, грешная, при всей грусти, что уже больше не увижу его, внутренне благодарила Господа, что Он послал Батюшке желаемое успокоение и избавил его от всех страшных мучений, каким он подвергался в особенности за последнее время своей жизни. Похороны его были такие необыкновенные, что вышло не печальное событие, а чрезвычайное небывалое торжество. Сам Батюшка лежал в гробу как живой, только страшно худенький, ручки были мягкие. Мне удалось проститься с ним и поцеловать в последний раз его бесценную святую ручку.

*Екатерина Духонина*¹⁾

¹⁾ Печатается по изданию: *Духонина Екатерина*. Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский. СПб., 1911.

Биография Екатерины Васильевны Духониной

Екатерина Васильевна Духонина (урожд. Кушина) родилась 19 февраля 1846 года в дворянской семье. Фамилия Кушины присутствует в списках дворянских родов Подольской и Калужской губерний. В 1865 г. Екатерина Кушина вышла замуж за офицера русской армии Михаила Лаврентьевича Духонина. Род Духониных принадлежал к дворянским родам Смоленской губернии. Молодая семья, вероятно, какое-то время жила в Смоленске. В одном из разговоров с отцом Иоанном Кронштадтским Духонина вспоминала о проповедях епископа Смоленского Иоанна (Соколова), который занимал Смоленскую кафедру в 1866–1869 гг.

В течение более чем тридцати лет совместной жизни Екатерина Васильевна была верной помощницей своего мужа. 27 марта 1866 г. Михаил Лаврентьевич Духонин был произведен в подполковники и вскоре назначен начальником штаба 1-й пехотной дивизии. С 10 июня 1872 г. Духонин — начальник штаба 15-й пехотной дивизии, а с 10 декабря 1873 г. — командир 55-го пехотного Подольского полка¹⁾. Именно на этом посту он прославил себя как один из героев Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., защитник Шипки. Екатерина Васильевна решилась разделить с мужем тяготы военной жизни и, приложив неимоверные усилия, добилась разрешения участвовать в военной кампании 1877–1878 гг. в качестве сестры милосердия. Свои впечатления от участия в военных действиях она описала в книге-дневнике «Мирная деятельность на войне. Записки сестры милосердия, находившейся при дивизионном лазарете 14-й пехотной дивизии в войну 1877–1878 годов», впервые опубликованной в 1882 г. в журнале «Русский вестник»²⁾.

О мотивах, побудивших ее к участию в трудном и опасном предприятии, Екатерина Васильевна писала: «Я твердо решилась

¹⁾ Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1893 г. СПб., 1893. С. 203.

²⁾ Русский вестник. 1882. Т. 159. № 6; Т. 161. № 9. Отд. изд.: Варшава, 1885.

перенести все невзгоды и быть действительно полезною нашей дивизии при подвижном лазарете в качестве сестры милосердия. Много мне было труда выпросить согласие на это у мужа, а затем позволение у начальства, но теперь всем этим запаслась; только бы здоровье мое выдержало, оно не приучено к разного рода невзгодам, да я надеюсь, что на святое дело служения страждущим Бог подаст мне и необходимую силу воли, дабы побороть все препятствия и исполнить честно свое служение»¹⁾.

Решимость молодой женщины была вызвана не личным упрямством и не особой привязанностью к мужу, а принесенным ей Богом обетом — помогать страждущим, который она стремилась исполнять при любой возможности. В качестве «своекоштной сестры милосердия» при дивизионном лазарете 14-й пехотной дивизии Е.В. Духонина прошла всю войну и оказалась свидетельницей и участницей всех главных событий Русско-турецкой кампании 1877–1878 гг. Ее имя вместе с именами других сестер милосердия оказалось вписано в историю этой войны: «За время невероятно жестоких боев и героического “Шипкинского сидения” через руки четырех сестер милосердия: Софьи Александровны Энгельгард, Ольги Николаевны Юханцевой, Александры Александровны Тепляковой и Екатерины Васильевны Духониной — прошло более трех тысяч раненых и обмороженных русских солдат и болгарских ополченцев <...> Позднее все участницы Русско-турецкой войны получили памятную медаль, а сестры милосердия Духонина, Ольхина, Полозова, Юханцева, Энгельгард были награждены особыми серебряными медалями “За храбрость”»²⁾.

Еще одна награда, которой удостоилась Екатерина Васильевна Духонина, — личная благодарность императора Александра II. 16 июня 1877 г., на следующий день после героической переправы через Дунай и ранения полковника М.Л. Духонина, супруги были представлены находившемуся при армии Государю. Побеседовав с Екатериной Васильевной, Император сказал прослезившись: «Благодарю вас от души, надеюсь, вы до конца не оставите этого святого дела, за которым вижу вас здесь». Удивление Александра II вызвал тот факт, что Екатерина Васильевна была замужем уже 12 лет. В разговоре с М.Л. Духониным император добавил: «Спасибо, спасибо вам обоим, тебе и жене. Я в вас встретил

¹⁾ Русский вестник. 1882. Т. 159. № 6. С. 762–763.

²⁾ Костин Б.А. Милосердие и отвара // <http://gosudarstvo.voskres.ru/army/kostin6.htm>

вполне преданных русских людей, благодарю, не забуду вас»¹⁾. Вечером того же дня Государь прислал в награду Духонину Георгиевский крест.

В своих записках Екатерина Васильевна предстает человеком решительным, деятельным, самоотверженным, при этом не теряющим среди ужасов войны ни способности видеть красоту окружающего мира, ни чувства юмора. Опыт войны стал для Е.В. Духониной опытом углубления и укрепления веры: «Вблизи моего мужа сегодня опять упала граната, но, к счастью, она не разорвалась, а зарылась в землю; вскоре затем к ногам его упал осколок гранаты, но и он опять не задел его. После всего этого, видя на каждом шагу проявление милосердия Божия, как не сделаться глубоко верующей. Да поддержит Господь бодрость духа в рядах...»²⁾

Особый драматизм служению Екатерины Васильевны Духониной придавало то, что она находилась в непосредственной близости от своего мужа, участвовавшего в самых горячих сражениях, снова и снова провожала его в бой, переживая непрестанную «душевную пытку» расставания, неизвестности, страха за жизнь своего «неизменного друга и мужа».

Михаил Лаврентьевич Духонин и его «подольцы» прославили себя при переправе через Дунай в районе Зимницы, во время пятимесячного «Шипкинского сидения», при решительном штурме турецких позиций русскими войсками 28 декабря 1877 г.: «Через полчаса подольцы двинулись на штурм с генералом Духониным во главе, прямо по шоссе шириной около семи шагов, вправо от которого круто поднимались обледенелые скалы, а слева ниспадал чрезвычайно глубокий овраг, занесенный сугробом. Этот замечательный штурм был произведен настолько решительно и энергично, что небольшая штурмовавшая колонна удержала против себя половину турецкой армии, не дав ей возможности обрушиться на наши обходные колонны, перешедшие в это время также в энергичное наступление. Таким образом, окруженная со всех сторон турецкая армия должна была сдаться. В Подольском полку после этого штурма уцелели всего лишь 3 офицера и 235 нижних чинов»³⁾. М.Л. Духонин был ранен в голову.

¹⁾ Русский вестник. 1882. Т. 159. № 6. С. 785.

²⁾ Русский вестник. 1882. Т. 161. № 9. С. 205.

³⁾ Московские ведомости. 1895. N 350, 20 декабря.

За свои военные подвиги Духонин был награжден золотой саблей за храбрость, чином генерал-майора (5 сентября 1877 г.), орденом Св. Станислава I степени с мечами и орденом Св. Анны I степени с мечами. Екатерина Васильевна узнала о том, что стала «генеральшей» только 14 декабря 1877 г., спустя три месяца после выхода приказа о назначении.

По окончании войны, 7 апреля 1878 г., генерал М.Л. Духонин был назначен начальником штаба 4-го армейского корпуса, которым командовал генерал М.Д. Скобелев. У супругов Духониных сложились близкие и теплые отношения со знаменитым «белым генералом». Михаил Лаврентьевич был одним из ближайших соратников Михаила Дмитриевича Скобелева и помогал ему, в частности, тем, что писал письма и рассылал пособия «отставным солдатам, и мещанам, и крестьянам, и священникам», которые обращались к Скобелеву со всех концов России «с просьбами то о пособии, то о покровительстве, то о заступничестве»¹⁾. Екатерина Васильевна, вероятно, прекрасно знала, что непосредственный начальник ее мужа никогда не брал своего жалования корпусного командира — «оно сплошь шло на добрые дела»²⁾. Возможно, та же черта бескорыстной щедрости, готовности прийти на помощь всем нуждающимся привлекла ее позднее в отца Иоанне Кронштадтском.

В одном из разговоров Скобелев признался Духонину: «Я вам очень и очень завидую. Вы вернетесь домой, вас встретит семья, и вы забудетесь от волнующих вас мыслей, мало того, испытаете много радости, видя возле себя жену, не оставлявшую вас даже на Шипке, а я?...» А во время последнего служебного доклада М.Л. Духонина генерал-адъютанту Скобелеву 21 июня 1882 г. последний приглашал своего собеседника и сослуживца приехать погостить к нему в Спасское с женой³⁾. Видимо, далеко не случайно в 1887 году, когда подруга уговорила Е.В. Духонину принять участие в спиритическом сеансе, с ней «заговорил» именно дух Скобелева: «...сообщил мне то, что никому на свете не было известно, кроме моего мужа» (см. с. 256 наст. изд.).

У супругов Духониных не было своих детей, но Екатерина Васильевна все время находила тех, кому могла бы подарить

¹⁾ *Немирович-Данченко*. В.И. Скобелев: Личные воспоминания и впечатления: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1903. С. 46.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же. С.19.

свою любящую заботу. Во время Русско-турецкой кампании к ней в палатку «зашел маленький мальчик болгарин девяти лет и просил взять его к себе, чтоб увезти в Россию учиться». Духонина с радостью согласилась и стала хлопотать об оформлении документов: «У меня нет своих детей, и, верно, Господь посылает мне этого сироту...»¹⁾ 12 января 1878 г. солдат лейб-гвардии Кексгольмского полка Михаил Саенко спас четырехлетнюю турчанку Айше, удочеренную полком и 13 мая 1879 г. крещенную в Православие с именем Мария Константиновна Кексгольмская. Существует информация, что именно Е.В. Духонина стала крестной матерью этой девочки и помогала ей в течение всей жизни. В публикуемом дневнике Екатерины Васильевны постоянно упоминается ее племянник Вася Кушин, которого Духонины взяли на воспитание: «После смерти моей мамы у нас остался внук ее, мой племянник, сын умершей сестры, которого мы взяли к себе, когда ему еще не было и двух месяцев; мы приложили все старания и заботы, чтобы вырастить его и воспитать» (с. 257).

Е.В. Духониной довелось жить в разных губерниях Российской Империи. Штаб 4-го армейского корпуса располагался в Минске. 10 августа 1882 г. М.Л. Духонин был назначен помощником начальника штаба Варшавского военного округа, и семья переехала в Варшаву. Весной 1885 г. последовал переезд в Выборг, куда генерал Духонин был назначен на должность военного коменданта города. Следующие четыре года с 15 февраля 1889 г. по 16 марта 1893 г. Духонины жили в Орле, где Михаил Лаврентьевич занимал должность начальника 36-й пехотной дивизии. Затем короткое пребывание в Москве, где Духонин был начальником штаба Московского военного округа, и возвращение в Минск, куда генерал летом 1895 г. получил высшее назначение на должность командира 4-го армейского корпуса.

В Выборге Екатерина Васильевна Духонина, по собственному свидетельству, предалась чтению книг Ренана и Шопенгауэра, увлеклась модным в то время спиритизмом. Генералу Духонину, глубоко и серьезно верующему человеку, близкому к кругу славянофилов, хорошо знакомому с И.С. Аксаковым²⁾, не могли быть

¹⁾ Русский вестник. 1882. Т. 159. № 6. С. 804.

²⁾ В личном фонде И.С. Аксакова в РО РНБ хранится статья М.Л. Духонина «Греко-болгарский церковный вопрос» и его же рисунок «На Шипке. Зима 1877» с пометой Аксакова: «19 янв<аря> 80 г. начертано генер<алом> Духониным, в разговорах со мной. Духонин — бывший командир Подольского Полка, теперь начальник штаба 4 корпуса (Скобелева)» (РО РНБ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 634, л. 1–19 об.; ед. хр. 580, л. 1).

близки увлечения, возникшие у его супруги, возможно, в результате длительного проживания в западных губерниях Российской Империи. Чтобы «как-нибудь развлечь и отвлечь» жену от этих занятий, Духонин «стал просить, чтобы ему дали другое служебное назначение и перевели из Выборга» (с. 256). Предложенное ему назначение возглавить одну из расстроенных дивизий могло повредить его служебной карьере. В этот трудный для семьи момент Е.В. Духонина впервые решила обратиться за помощью к отцу Иоанну Кронштадтскому.

Молитва и ответная телеграмма отца Иоанна помогли разрешению ситуации. М.Л. Духонин стал начальником 36-й пехотной дивизии, которую ему вскоре удалось привести в «блестящее состояние» (с. 257); семья переехала в Орел, где Екатерина Васильевна сблизилась и подружилась с матушкой Антонией (Соколовой), настоятельницей Орловского Введенского монастыря; и самое главное — возникло глубокое доверие супругов Духониных к отцу Иоанну, которое сыграло решающую роль в их духовной жизни.

23 июля 1895 г. на кладбище города Орла была освящена деревянная церковь в честь Воскресения Христова, построенная на средства благотворителей — генерал-лейтенанта М.Л. Духонина с супругой и купца Каверина. Церковь была сооружена в память об императоре Александре III, предварительно собрана в Москве и затем привезена в Орел. Возможно, Духонины осуществили этот проект уже по благословению отца Иоанна, личное знакомство с которым произошло в 1893 г., когда семья переехала в Москву на новое место службы мужа. 17 декабря 1895 г. Михаил Лаврентьевич Духонин скоропостижно скончался.

С 1903 г., по благословению отца Иоанна, Е.В. Духонина проживала при Иоанновском женском монастыре в Петербурге, хотя и не принимала монашеский постриг. В личном архиве отца Иоанна сохранилось несколько писем от его духовной дочери, в которых она просит молитв за себя и своих близких, беспокоится о здоровье отца Иоанна, приглашает его приехать в монастырь и навестить ее. Екатерина Васильевна неустанно благодарила своего духовного отца за тот спасительный путь, на который он ее поставил: «На русском языке нет слов, которыми бы можно было выразить Вам, бесценный Батюшка, мою благодарность за все Ваши милости ко мне, недостойной, и за Вашу поддержку меня грешной в самые трудные минуты моей жизни и в настоящее

время, что Вы избавили меня от страшного заблуждения и поставили на путь истинный»¹⁾.

После кончины отца Иоанна, в 1909–1917 гг., Екатерина Васильевна в основном проживала в Москве и в Орловском Введенском монастыре, но после революционных событий 1917 г. все-таки стала послушницей Иоанновского монастыря, где, по некоторым сведениям, была вскоре пострижена в рясофор. Интересные данные о пребывании сестры Екатерины в стенах монастыря на Карповке содержатся в следственном деле служившего в храмах обители протоиерея Иоанна Давидовича, арестованного 11 сентября 1919 г. за «ведение контрреволюционного разговора» в поезде. На допросе 12 сентября И. Давидович показал, что 7 сентября ему исповедовалась «генеральша» Духонина — автор известных духовных произведений. Ранее она жила на пенсию, выплачиваемую за мужа, но после революции не получала ее. Сын Екатерины Васильевны был убит²⁾, а сама она, став послушницей монастыря, судя по всему, продолжала писать личные записки-воспоминания. Сестра Екатерина подарила И. Давидовичу как почитателю отца Иоанна Кронштадтского свой дневник о встречах с Батюшкой³⁾. Имя Духониной присутствует в списках насельниц Иоанновского монастыря за 1918–1920 гг. и далее исчезает. Вероятно, она скончалась в стенах обители во второй половине 1920 — начале 1921 г.⁴⁾.

¹⁾ ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 14В, л. 334–335 об.

²⁾ Имеется в виду, вероятно, племянник Духониной Василий.

³⁾ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ф. арх.-след. дел, д. П-34027, л. 12.

⁴⁾ Шкаровский М.В. Сестры Иоанновского монастыря — духовные дочери отца Иоанна Кронштадтского // Кронштадтский пастырь. Вып. 2. М., 2010. С. 454–455.

¹ *Начинаю свой дневник с 1887 года, когда я жила с мужем и своею матерью в городе Выборге, где муж мой занимал должность выборгского коменданта...* — Генерал-лейтенант Михаил Лаврентьевич Духонин занимал должность военного коменданта Выборга с 23 апреля 1885 г. по 15 февраля 1889 г.

² *...благодаря чтению Ренана и Шопенгауэра...* — Ренан Жозеф Эрнест (1823–1892) — французский писатель, историк и филолог. Автор популярной в XIX в. книги «Жизнь Иисуса», в которой отрицается Божественное начало Господа Иисуса Христа. В книге Ренана Иисус Христос представлен идеальным, совершенным человеком.

Шопенгауэр Артур (1788–1860) — немецкий философ, пытавшийся в своих трудах соединить философские идеи Запада и Востока.

³ *...со мной заговорил дух Скобелева и сообщил мне то, что никому на свете не было известно, кроме моего мужа.* — Талантливый русский полководец генерал Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882) был знаком с семьей Духониных со времен Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. По окончании войны, 7 апреля 1878 г., генерал М.Л. Духонин был назначен начальником штаба IV армейского корпуса, которым командовал генерал М.Д. Скобелев.

⁴ *Долго военный министр не соглашался...* — С 1 января 1882 г. по 1 января 1898 г. военным министром России был генерал от инфантерии Петр Семенович Ванновский (1822–1904).

⁵ *...но наконец предложил ему принять дивизию в г. Орле, дивизию страшно расстроенную...* — Речь идет о 36-й пехотной дивизии, штаб которой находился в городе Орле. Генерал-лейтенант М.Л. Духонин был назначен начальником этой дивизии 15 февраля 1889 г.

⁶ *В 1890 году, когда мой муж был назначен начальником штаба Московского округа...* — Е.В. Духонина ошибочно указывает год назначения своего мужа на должность начальника штаба Московского военного округа. Согласно послужному списку генерала М.Л. Духонина, это назначение состоялось 16 марта 1893 г. (*Список генералам по старшинству*. Составлен по 1-е сентября 1893 г. СПб., 1893. С. 203.)

⁷ *...я познакомилась с С.Я. Бурхгард, которая всегда ездит с Батюшкой в Москве...* — Софья Яковлевна Бурхгард, духовная дочь отца Иоанна, его корреспондент с конца 1890-х гг., проживала в Москве на Мясницкой улице в собственном доме.

⁸ *...моего мужа назначают корпусным командиром в Минск...* — Летом 1895 г. генерал-лейтенант М.Л. Духонин был назначен на должность командира IV армейского корпуса, штаб которого находился в Минске. Этим пере-

водом по службе было вызвано приглашение в дом Духониных отца Иоанна: «Последний раз он видел мужа моего в 1895 году, когда мы попросили к себе Батюшку, чтобы посоветоваться с ним и получить его благословение на новую жизнь и на переезд в Минск для командования IV армейским, бывшим Скобелевским, корпусом...» (Духонина Е. Из моих воспоминаний об отце Иоанне Кронштадском. СПб., 1907. С. 5).

⁹ Отец Иоанн ответил, что приехать никак не может раньше 22-го... — О посещении отцом Иоанном Москвы 22 декабря 1895 г. сообщала газета «Московские ведомости» (№ 353, 23 декабря).

¹⁰ Мужа моего отпел и хоронил преосвященный Тихон... — Епископ Можайский Тихон, викарий Московской епархии (в миру — Никаноров Василий Варсонофьевич; †1919); впоследствии архиепископ Воронежский. В 2000 г. был канонизирован в чине священномученика; день памяти — 27 декабря / 9 января.

¹¹ ...прочел бы беседы с митрополитом Московским Филаретом и епископом Смоленским Иоанном... — Свт. Филарет, митрополит Московский (в миру — Дроздов Василий Михайлович; † 1867; память совершается 19 ноября / 2 декабря). Епископ Смоленский Иоанн (в миру — Соколов Владимир Сергеевич; 1818–1869) — известный проповедник и духовный писатель.

¹² ...сказал, что недавно был в Орле... — Отец Иоанн посетил Орел 15 сентября 1897 г. для освящения храма во имя св. мученицы царицы Александры, сооруженного при орловском Доме трудолюбия (Орловские ЕВ. 1897. № 39. Ч. неоф. С. 1452–1461).

¹³ Сегодня Батюшка служил у слепых... — Речь идет о богадельне для слепых женщин имени князя В.А. Долгорукова, располагавшейся в Москве в Денежном переулке. Попечительницей богадельни была хорошая знакомая отца Иоанна и Е.В. Духониной кавалерственная дама Варвара Евгеньевна Чертова (см. наст. изд. с. 263), заведующим — А.П. Кадников, надзирательницей — В.Д. Бычинская.

¹⁴ Затем Батюшка 30 апреля был в Москве и служил обедню в Филаретовском училище. — Отец Иоанн служил Литургию в церкви св. прав. Филарета Милостивого при Филаретовском епархиальном женском училище. Училище было открыто в 1832 г. как воспитательное отделение при Горихвостовском доме призрения. В 1865 г. переведено в специально выстроенное здание в бывшем владении Чудова монастыря (так называемом Заборовском подворье) в Харитоньевском переулке. О посещении отцом Иоанном Филаретовского училища газета «Московские ведомости» сообщила: «30 апреля отец Иоанн Сергиев (Кронштадтский) совершал Божественную литургию в Московском Филаретовском женском епархиальном училище, в сослужении инспектора классов священника М.И. Хитрова и другого духовенства. По совершении Литургии отец Иоанн в теплых словах пожелал детям-воспитанницам училища добрых успехов и Божьей помощи в предстоящих трудах на экзаменах. Храм был полон молящимися. Несколько человек удостоилось Святого Причащения. В половине первого часа отец Иоанн отбыл из училища» (1898. № 118, 1 марта).

¹⁵ Он служил раннюю обедню у слепых и сказал там хорошее слово на сегодняшнее Евангелие — об исцелении бесноватого. — «Слово, произнесен-

ное в Московском приюте слепых, 2-го августа» было опубликовано в книге «Слова и поучения, произнесенные в 1898 г.» (СПб., 1899. С. 41–44) и вошло в 7-й том Полного собрания сочинений отца Иоанна (СПб., 1993 (репр.).

¹⁶ *...ехать в Петербург и хлопотать там у военного министра о продолжении мне аренды...* — Аренда земли — одна из форм наград по службе для офицеров русской армии; практиковалась в отношении генералитета, в некоторых случаях аренда могла назначаться вдовам генералов. «Положением 1859 г. награждать арендами (или продолжать их) могли по Высочайшему усмотрению или ходатайствам главнокомандующих, министров и главноуправляющих. Обыкновенный срок аренды составлял от 4 до 12 лет» (Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 235–236).

¹⁷ *Сегодня Батюшка служил в Лепехинской лечебнице...* — Лечебница в память статского советника Сергея Васильевича Лепехина была основана Е.П. Милюковой в Тупом переулке (ныне Лепехинский тупик) по улице Покровка в 1868 г. В 1878 г., после смерти основательницы, пожизненной попечительницей лечебницы стала ее племянница Н.И. Карпачева. Стараниями Карпачевой при лечебнице был построен храм и испрошено «соизволение Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Феодоровны на принятие лечебницы под Свое Августейшее покровительство». В 1893 г. «число приходящих больных, получающих бесплатно совет и лекарство», было около десяти тысяч в год; «число лежащих — до 150 человек в год» (*Краткий очерк возникновения и деятельности лечебницы Лепехина*. М., 1890. С. 3–4).

¹⁸ *Совершая обедню в лицейской церкви...* — О посещениях отцом Иоанном храма во имя свт. Николая при Московском Императорском лицее в память цесаревича Николая (неофициально — Катковский лицей) законоучитель и настоятель храма лица прот. Иоанн Соловьев писал: «Каждый раз о. Иоанн прибывал в лицей при колокольном звоне на звоннице лицея, около 10 час. утра, и проходил прямо в храм, который к этому времени обычно всегда был не только наполнен, а и переполнен молящимися; кроме всех учащихся, учащихся, служащих и живущих в лицее в храм лицея всегда по этому поводу собираются очень многие из родителей и родственников их и других почитателей о. Иоанна. По окончании Литургии о. Иоанн всякий раз произносил высоко поучительное, осиянное благодатью Св<ятого> Духа, слово, благословлял присутствующих и потом в рекреационном зале каждого из воспитанников, напутствуя их при этом своими ласками и благопожеланиями; не раз посещал при этом о. Иоанн и больницу лицея, если в ней были больные, которых он всегда благословлял и утешал» (*Соловьев Иоанн, прот.* Храм во имя свт. Николая при Московском Императорском лицее в память Цесаревича Николая. М., 1904. С.56).

¹⁹ *...на принятие должности начальницы Александро-Мариинского института...* — Речь идет об Александро-Мариинском институте благородных девиц для обучения дочерей офицеров, военных чиновников и врачей, служивших в Московском военном округе, имени кавалерственной дамы В.Е.Чертовой, располагавшемся в особняке князей Долгоруковых на улице Пречистенка.

²⁰ *...владыка митрополит Петербургский Антоний...* — Митрополит Антоний (в миру — Александр Васильевич Вадковский; 1846–1912) был назначен на Петербургскую кафедру 25 декабря 1898 г.

²¹ *Сегодня же дорогой отец Иоанн, отслужив обедню в Вознесенском женском монастыре...* — Вознесенский женский монастырь, основанный великой княгиней Евдокией в конце XIV века в память о Куликовской битве, располагался на территории Московского Кремля и был разрушен в 1929 г.

²² *...все по его благословению удалось и аренду мне оставили...* — См. примеч. № 16 к настоящей части.

²³ *После этого Батюшка прочел поданное мною письмо от орловской игумении, в котором она жаловалась на нездоровье и просила у него благословения оставить игуменство...* — В личном архиве отца Иоанна сохранилось несколько писем от игумении Орловского Введенского монастыря Антонии (Соколовой). Так, в письме от 14 февраля 1900 г. она писала, что «со скорбью» приняла пожелание отца Иоанна «дожить до 50-летия монашества»: «...еще осталось полтора года, а физических сил быть настоящей настоятельницей не осталось» (ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 7а, л. 41–42).

²⁴ *Отец Иоанн сказал, что отказываться от игуменства он не благословляет: «Незачем, ведь уже теперь недолго, пусть потерпит до конца»...* — Игумения Антония скончалась в сентябре 1907 г. Должность настоятельницы Орловского Введенского монастыря она исполняла с 15 сентября 1874 г. и была уволена от должности за несколько месяцев до смерти по причине преклонного возраста и болезненного состояния.

²⁵ *...22 марта он служил в Никитском монастыре...* — Необщезительная Никитская женская обитель находилась на Большой Никитской улице. Монастырь был основан в 1582 г. дедом царя Михаила Федоровича, сильно пострадал в 1812 г. и был возобновлен к середине XIX века. К началу XX века обитель имела три храма: во имя св. вмч. Никиты (XVI в.), во имя св. вмч. Димитрия Солунского и церковь над колокольней. В начале 1920-х гг. монастырь был закрыт, в 1930-х гг. — разрушен.

²⁶ *Про себя Батюшка сообщил, что поболел, так как, поскользнувшись, расшиб себе колено и не мог служить обедню...* — Речь идет о случае, имевшем место в Кронштадтском Андреевском соборе 10 марта 1900 г. Отец Иоанн сообщал в письме в редакцию газеты «Котлин»: «Я немного запоздал с молебнами, чтобы в свое время прийти к общей исповеди, и, по призыву в алтарь, спешно пошел к народу, и тут, в алтаре, а не на солее, запнулся за ковер, потерял равновесие и упал на правое колено, пришибив коленную чашечку» (Вед. 1900. № 61, 17 марта). В народе распространился слух, что отца Иоанна во время общей исповеди укусила за колено безумная женщина.

²⁷ *...кому Батюшка сочувствует, — бурям или англичанам...* — 22 апреля 1900 г. в газете «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства» было опубликовано обращение отца Иоанна к русским добровольцам, отправляющимся на англо-бурскую войну в Трансвааль (ныне — провинция ЮАР). В обращении говорилось: «От всей души напутствую великодушных добровольцев благословением Божиим и св^ятою» иконой Архангела Михаила. Идите с Богом и защищайте вашу грудь злополучных, гонимых несправедно буров. Дай Бог вам или возвратиться с честью и радостью, или пасть доблестно и получить нетленный венец от Господа славы» (Вед. 1900. № 87, 22 апреля).

²⁸ *...в Кронштадте во время сильной толкотни и давки одну женщину задавили насмерть...* — 17 мая 1900 г. в Кронштадтском Андреевском собо-

ре во время служения отца Иоанна была задавлена толпою богомольцев Александра Степановна Баслык, 21 года. При вскрытии оказалось, что смерть последовала от сдавливания дыхательных органов. Это был единственный смертельный случай во время служения отца Иоанна (*Краткий исторический очерк кронштадтской городской полиции*. Кронштадт, 1912. С. 106).

²⁹ *...у него на родине в Суре устроился общежительный монастырь, а теперь строится для него подворье в Петербурге, которое тоже скоро будет готово.* — Иоанно-Богословская женская община была учреждена в селе Суре Пинежского уезда Архангельской губернии указом Святейшего Синода от 13 октября 1899 г. Открытие и освящение новой женской обители состоялось 18–20 июня 1900 г. 1 января 1901 г. община была переименована в Иоанно-Богословский женский монастырь. В конце 1899 г. началось также строительство подворья Сурского монастыря в Петербурге, землю для которого пожертвовал С.Г. Раменский (см. о нем примеч. N 51 к настоящей части). 2 декабря 1899 г. отец Иоанн сообщал настоятельнице Пюхтицкого монастыря игумении Алексии: «Я теперь сам собираюсь строить (и строю) на родине женскую обитель и в Питере — подворье с церковью — каменные» (*Пюхтицкая обитель и ее покровитель святой праведный Иоанн Кронштадтский*. Пюхтицкий Успенский ставропигиальный женский монастырь, 2009. С. 107).

³⁰ *...рассказал о своей поездке в Гродненскую губернию, в Сувалки, и о том, какое чудное впечатление произвело на него посещение им женской обители...* — Отец Иоанн посетил Теолинский женский монастырь близ посада Сопочкина Сувальской губернии 21 сентября 1900 г. «Теолинская обитель, открытая в 1894 г. <...>, с первых дней своего существования устроилась и содержалась почти исключительно щедрыми пожертвованиями отца Иоанна. В течение шестилетнего своего существования названная обитель получила от о. Иоанна около 50000 руб. На эти средства выстроено помещение для сестер и куплено имение Юзефатово, лежащее в шести верстах от монастыря» (*МВ*. 1900. № 283, 13 октября). Во время посещения обители отец Иоанн совершил утреню и Литургию в трапезной монастырской церкви, осмотрел монастырский корпус, больницу, школу-приют, купленное на его пожертвование имение, навестил настоятеля Сопочкой церкви, побеседовал с настоятельницей Людмилой и сестрами обители. Службы, кирпичный и известковый заводы, находящиеся в купленном имении, отец Иоанн нашел в образцовом порядке.

³¹ *...и здесь, в Москве, нередко является ученый, образованный писатель, извративший все христианские понятия и толкующий Евангелие на свой лад.* — Речь идет о Л.Н. Толстом, который с начала 1880-х годов проводил в Москве зимы, чтобы дать образование подраставшим детям. В результате религиозного кризиса, пережитого в конце 1870-х годов, Толстой создал религиозное учение, получившее позднее название «толстовства». Свои религиозно-философские взгляды писатель выразил в трактатах «Исследование догматического богословия» (1879–1880), «Соединение и перевод четырех Евангелий» (1880–1881), «В чем моя вера» (1884), «Царство Божие внутри вас» (1893) и др.

³² *Я поинтересовалась узнать, какое впечатление произвела на Батюшку проповедь архиепископа Харьковского Амвросия, в которой он нас, христиан, живущих ныне, называет язычниками.* — Речь преосвященного Амвросия (Ключарева), архиепископа Харьковского, о причинах чрезвычайного распро-

странения пороков и преступлений в современном мире была произнесена на актовом дне в зале Харьковской духовной семинарии 19 ноября 1900 г. и опубликована в газете «Московские ведомости» в ноябре–декабре 1900 г. (№№ 325–333). В ней, в частности, говорилось, что в «современном христианском мире утрачивается вера в Истинного Бога и распространяется неверие; отрицается богоучрежденная религия и заменяется новым идолопоклонством» (МВ. 1900. № 333, 2 декабря). Этот «новый, невиданный в истории род идолопоклонства» только «по внешнему виду отличается от идолопоклонства древнего образованного языческого мира», но «в сущности, оказывает то же развращающее влияние на жизнь современного общества» (МВ. 1900. № 325, 24 ноября). Новыми идолами архиепископ Амвросий называл идеи материализма, социализма, «огульного прогресса», а новым полем борьбы — «необозримое поле свободного, ничем не ограниченного мышления и знания» (№ 326, 25 ноября).

³³ ...и сегодня пошла в Ермоловское училище, где служил обедню дорогой отец Иоанн. — Мариинское, или Мариинско-Ермоловское, женское училище было открыто в 1851 г., с 1880-х годов располагалось на Софийской набережной и имело церковь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. В училище были открыты словесное и педагогическое отделения, специальный музыкальный класс, в котором преподавал С.В. Рахманинов.

³⁴ Я показала Батюшке книжку священника Петрова «Евангелие как основа жизни»... — Книга петербургского священника, известного проповедника, законоучителя, настоятеля церкви в Михайловском артиллерийском училище отца Григория Петрова (1867–1925) «Евангелие как основа жизни» впервые была издана в 1898 г. В 1905 г. появилось уже 20-е издание книги.

³⁵ ...страшно возмущаюсь студенческими беспорядками... — 25 февраля 1901 г. в Москве состоялась студенческая демонстрация. Студенты выступили с протестом против введенных правительством «Временных правил», позволявших за участие в беспорядках отдавать студентов в солдаты.

³⁶ ...отлучение Святейшим Синодом Льва Толстого от Церкви. — Л.Н. Толстой был отлучен от Церкви Определением Св. Синода от 20–23 февраля 1901 г. № 557. В определении, в частности, говорилось: «В своих сочинениях и письмах <...> он проповедует с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской <...> Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею» (Л.Н. Толстой: *pro et contra*. СПб., 2000. С.346).

³⁷ ...один самозванный проповедник. — Имеется в виду Л.Н. Толстой.

³⁸ ...благословите меня, ради Бога, еду к Варнаве... — Речь, вероятно, идет о прп. Варнаве (Меркулове; † 1906), подвизавшемся в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры.

³⁹ ...о чуде, которое совершил дорогой Батюшка, будучи 29 августа на освящении Суворовской церкви в селе Кончанском. — 30 августа, во время обеда после торжественного освящения церкви на родине А.В. Суворова в с. Кончанском, отец Иоанн исцелил женщину, которая семь лет страдала параличом и не могла двигать руками и ногами. Случай исцеления получил широкую огласку благодаря большому стечению людей и освящению в газетах (см.:

Котлин. 1901. № 199, 4 сентября; № 201, 6 сентября; № 203, 8 сентября). В том же году вышла брошюра «Чудесное исцеление больной женщины в селе Кончанском по молитве отца Иоанна Ильича Сергиева (Кронштадтского)» (СПб., 1901).

⁴⁰ *Батюшка сильно возмущался речью Стаховича о свободе совести, произнесенною им на Орловском миссионерском съезде.* — Орловский предводитель дворянства М.А. Стахович (1861–1923) в сентябре 1901 г. на миссионерском съезде в Орле произнес речь, вызвавшую бурную дискуссию и сделавшую его имя известным на всю Россию. В речи Стаховича прозвучало требование свободы совести: «Меня спросят: чего же вы хотите? Разрешения не только безнаказанного отпадения от православия, но и права безнаказанного исповедания своей веры, т. е. соращения других? Это подразумевается под свободой совести? Особенно уверенно среди вас, миссионеров, я отвечаю: да, только это и называется свободой совести. Только при этом может жить и действовать, спасать и спасаться вера истинная и неистинная, обращающаяся. Запретным пусть будет не вера, а дела; не чувство, а поступки, ушерб, изуверство, все то, что уголовный закон карает во всех, не спросясь Церкви, независимо от вероисповедания, за что уходит в тюрьму и ссылку всякий православный» (*Миссионерское обозрение*. 1901. №11. С. 535).

⁴¹ *...17 декабря я думаю освятить маленькую церковь.* — Речь идет об освящении храма во имя прп. Иоанна Рыльского, расположенного в нижнем этаже здания Сурского подворья в Петербурге. Отец Иоанн принял решение об устройстве этого храма осенью 1901 г., когда стало ясно, что задуманный большой храм на третьем этаже здания не может быть закончен в этом году (*Свято-Иоанновский ставропигиальный женский монастырь. История обители* / Автор-составитель Шкаровский М.В. СПб., 1998. С. 41). Освящение храма было намечено на 12 декабря, но перенесено на 17-е число того же месяца.

⁴² *...особенно хвалил он монастыри западного края, сказал, что он им много помогает, в особенности Теолинскому...* — См. примеч. № 30 к настоящей части.

⁴³ *Затем обратился к архитектору, выразил ему свою благодарность, что так скоро выстроил храм и монастырь...* — Подворье Сурского монастыря в Петербурге строилось по проекту и под руководством епархиального архитектора Н.Н. Никонова (1849 – ок. 1918). 14 апреля 1900 г. архитектор Н.Н. Никонов предоставил отцу Иоанну список лиц для строительных работ и доставки материалов при постройке подворья на Карповке (*ЦГИА СПб.*, ф. 2219, оп. 1, д. 2, л. 272–72 об.), а в декабре 1901 г. уже была освящена первая подворская церковь. Однако отец Иоанн не всегда был удовлетворен темпами строительных работ. Так, 7 августа 1902 г. он писал игумении Таисии: «Из-за архитектора и наше подворье недалеко ушло в два месяца моего путешествия — на дожди ссылаются» (*Письма о. протоиерея Иоанна к настоятельнице Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игумении Таисии*. СПб., 1909. С. 56–57).

⁴⁴ *...священник монастырский отец Владимир...* — Имеется в виду священник подворья Сурского Иоанно-Богословского женского монастыря в Петербурге Владимир Сергеевич Торбаев (ок. 1877–?). В 1905 г. он был снят с должности в связи с участием в судебных разбирательствах.

⁴⁵ *...протоиерей Философ Николаевич Орнатский...* — Сщмч. Философ Орнатский (†1918; память — 31 мая / 13 июня). Родился в 1860 г. в Череповецком уезде Новгородской губернии в семье сельского священника о. Николая Платоновича Орнатского. Окончил Новгородскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую Духовную Академию (1885). В 1885 г. был определен на вакансию священника и законоучителя Детского приюта принца Петра Георгиевича Ольденбургского. В 1892–1912 гг. — настоятель церкви св. Андрея Критского. С 1913 г. — настоятель Казанского собора. Протоиерей, председатель Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, родной брат отца Иоанна Орнатского, зятя отца Иоанна Кронштадтского. В августе 1918 г. был арестован, через два месяца — расстрелян в Петрограде.

⁴⁶ *...Вера Перцова, которая его сегодня сопровождала.* — Перцова Вера Ивановна (ок. 1880 – после 1909), секретарь отца Иоанна. Дочь подполковника; окончила гимназию; с начала 1900-х гг. состояла письмоводительницей у отца Иоанна. С этого же времени сопровождала его во многих поездках. После его смерти была определена в Московский Новодевичий монастырь и пострижена в мантию с именем Иоанны. Умерла от чахотки после 1909 г.

⁴⁷ *...начал оживленно рассказывать, как он присутствовал сегодня на диспуте в Духовной Академии, который вел ключарь Андреевского собора на степень магистра...* — Ключарь Кронштадтского Андреевского собора отец Александр Попов защищал магистерскую диссертацию на тему «Латинская Иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев» (СПб., 1903). Официальными оппонентами от Санкт-Петербургской Духовной Академии были назначены профессор Н.В. Покровский и доцент А.И. Бриллиантов. Диспут состоялся в час дня 9 марта в актовом зале СПбДА. «Совет Академии признал защиту диссертации удовлетворительною и постановил просить Высокопреосвященнейшего митрополита Антония ходатайствовать перед Св. Синодом об утверждении свящ. А. Попова в степени магистра богословия» (Котлин. 1903. № 52, 5 марта; № 57, 11 марта).

⁴⁸ *...Батюшка сообщил нам, что на этой неделе не будет здесь служить <...> сегодня на Бежецком подворье, завтра едет в Москву, потом в Леушинском.* — 11 марта отец Иоанн вернулся из Москвы в Петербург и совершил Литургию Преждеосвященных Даров в церкви Леушинского подворья. Произнесенное им поучение было опубликовано в газете «Котлин» (1903. № 65, 20 марта).

⁴⁹ *...ехать в Царское освящать храм с митрополитом в присутствии Государя...* — 16 марта 1903 г. в Царском Селе было назначено освящение церкви и здания нового реального училища (Котлин. 1903. № 62, 16 марта). Однако в ближайших номерах газеты информация о торжестве не появилась. Отец Иоанн не мог попасть в Царское Село, так как регулярное пароходное сообщение между Кронштадтом и Ораниенбаумом в 1903 г. было установлено только 17 марта (Котлин. 1903. № 63, 18 марта).

⁵⁰ *...подписал мне книжку «Христианская философия»...* — Книга отца Иоанна «Христианская философия» была издана в 1902 г. Обществом распространения религиозно-нравственного просвещения и представляла собой рас-

положенные по определенному плану выписки из дневников отца Иоанна за 1899–1901 гг.

⁵¹ ...С.Г. Раменский (благотворитель монастыря)... — петербургский купец, потомственный почетный гражданин, пожертвовавший участок земли на реке Карповке в Петербурге для устройства подворья Сурской обители. 4 декабря 1899 г. С.Г. Раменский обратился к отцу Иоанну с письмом, в котором говорилось: «Известная мне Ваша всесторонняя заботливость о религиозно-нравственном просвещении Вашей родины, села Суры Пинежского уезда Архангельской губернии, подвигла Вас создать там женское монашеское общежитие с училищами, приютами и другими полезными учреждениями, а ввиду материального обеспечения сего общежития на будущее время Вы имеете намерение устроить для него в С.-Петербурге подворье с церковью, часовнею и другими приспособлениями и желаете приобрести для сего участок земли. Вполне сочувствуя такому доброму и святому начинанию, я имею усердие принести в дар для означенной цели — устройства Сурского подворья Иоанно-Богословской общины с домовою церковью и часовнею — участок земли, принадлежащий мне, состоящий в С.-Петербурге, Петербургской части, 3 участка, на углу р. Карповки и Силина переулках...» (РГИА, ф. 796, оп. 181, д. 1531, л. 5–5 об.).

⁵² Как только приехал В.К. Саблер... — Саблер (Десятовский) Владимир Карлович (1847–1929), с 1892 г. помощник (товарищ) обер-прокурора Святейшего Синода; в 1911–1915 гг. обер-прокурор Синода.

⁵³ Чудную проповедь, произнесенную Батюшкой 6 мая, я получила сегодня... — Слово на день рождения Благодетельнейшего Государя Императора Николая Александровича 6 мая 1903 г. было опубликовано в газете «Котлин» (1903. № 102, 6 мая).

⁵⁴ 15 июля он служил в общине сестер милосердия «Утоли моя печали». Публики было немного; сама княгиня Шаховская отнеслась ко мне очень внимательно. — Александровская община сестер милосердия «Утоли моя печали» состояла под непосредственным покровительством Его Императорского Величества государя императора Николая II. Пожизненной начальницей общины была княгиня Наталья Борисовна Шаховская (1825–1906). Община была организована в 1871 г. на личные средства Шаховской. В 1874 г. в Лефортово Шаховской было выстроено трехэтажное здание, в котором размещались больница и храм в честь иконы Божьей Матери «Утоли моя печали». 10 октября 1903 г. был освящен отдельно стоящий каменный храм Воскресения Словущего. В конце XIX – начале XX веков община «Утоли моя печали» была самой большой общиной в России и включала 400 сестер (см.: Максимова Л.Б. Княгиня Наталья Борисовна Шаховская и основанная ею община «Утоли моя печали» // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С.237–240). Отец Иоанн, бывая в Москве, часто посещал храм общины. Слово, сказанное 22 июля 1900 г. в храме общины «Утоли моя печали» в Москве, было опубликовано в сборнике «Слова и поучения, произнесенные в 1900 г.» (СПб., 1901. С.51–53).

⁵⁵ Затем стал просматривать «Московские ведомости» и вдруг сделался печальным и задумчивым. — 14 июля 1903 г. в газете «Московские ведомости» (№ 191) были помещены заметки «Итоги самоуправления» о «крайне прискорбных результатах» деятельности земств; «Урожай — пожары» о начав-

шихся вследствие «страшной суши» в районе Ряжска пожарах; «Отголоски Волжской катастрофы» о последствиях пожара на пароходе «Петр Великий», а также полемика о необходимости смертной казни по отношению к «тяжким политическим преступлениям».

⁵⁶ *Разговор зашел о статье Толстого, изданной за границей...* — Речь идет о статье Л.Н. Толстого «Обращение к духовенству», написанной 1 ноября 1902 г. и опубликованной в Германии в 1903 г. Ответ отца Иоанна на статью Толстого был издан отдельной брошюрой «Ответ пастыря Церкви Льву Толстому на его "Обращение к духовенству"» (СПб., 1903).

⁵⁷ *Потом заговорил о своем монастыре, хвалил имение Ваулово, пожертвованное ему Мордвиновым...* — В феврале 1903 г. сенатор В.П. Мордвинов пожертвовал Иоанновскому женскому монастырю свое поместье в селе Ваулове Ярославской губернии, недалеко от города Романова-Борисоглебска. Имение состояло из 890 десятин со всеми земельными угодьями, двумя каменными бесприходскими церквями, разными постройками и инвентарем. В качестве обязательных условий сенатор настаивал на устройстве в имении убежища для престарелых и больных сестер и на предоставлении ему права пожизненного пользования старым помещичьим домом.

⁵⁸ *Епископ Иоанн был со мною в Академии Духовной и был такой умница!* — 30 октября 1844 г. будущий епископ Иоанн (Соколов) был назначен бакалавром кафедры канонического права Санкт-Петербургской Духовной Академии. 8 сентября 1848 г. он был возведен в сан архимандрита; 23 декабря 1850 г. назначен инспектором, а с 10 января 1855 — ректором той же Академии. Знакомство Ивана Сергиева с архимандритом Иоанном (Соколовым) началось летом 1851 г. во время инспектирования последним Архангельской духовной семинарии (см.: *Кронштадтский пастырь*. Вып. 2. М., 2010. С. 82–83). В годы учебы в Духовной Академии Иван Сергиев слушал курс церковного законоведения, прочитанный архимандритом Иоанном (Соколовым). 8 октября 1853 г. за сочинение «Опыт курса церковного законоведения» архимандрит Иоанн (Соколов) был удостоен степени доктора богословия. 17 марта 1857 г. он был назначен ректором Казанской ДА, 17 января 1865 г. хиротонисан во епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии; 13 ноября 1866 г. назначен на Смоленскую кафедру. Был широко известен как проповедник (см.: *Барсов Н.И.* Иоанн (Соколов), епископ Смоленский, как проповедник // *Христианское чтение*. 1872. № 11. С. 420–440). В дневнике в 1906 г. отец Иоанн писал: «Чту почтенную память вашу, мои бывшие начальники и наставники (Владыка Макарий, инспектор архимандрит Иоанн (Соколов), лектор богословия и профессор архимандрит Кирилл), что вы снизошли ко мне и не наказали меня соответственно вине моей и дали мне возможность окончить счастливо и получить академическую степень кандидата богословия и сан священника» (*Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. М., 1995. С. 173).

⁵⁹ *«В нашей здешней библиотеке эти проповеди есть...»* — Возможно, речь идет о книге «Беседы, поучения и речи Иоанна, епископа Смоленского, сказанные Смоленской пастве» (Смоленск, 1877).

⁶⁰ *Затем велел мне сесть и сказал: «Вот как хорошо, что я съездил в Астрахань».* — Отец Иоанн был в Астрахани с 27 сентября по 3 октября 1903 г., где он принял участие в освящении придела во имя свт. Николая Чудотворца

в храме св. равноапостольного Владимира. «Затем освящался также местным архиереем, в сослужении с о. Иоанном, новый храм во имя Знамения Божией Матери» (Котлин. 1903. № 226, 5 октября).

⁶¹ *Затем дал нам всем по брошюрке, содержащей его ответ на статью графа Льва Толстого против духовенства.* — См. примеч. № 56 к настоящей части.

⁶² *...сказал мне, что получил письмо от одного толстовца, в котором тот упрекает Батюшку в следующих словах: «Как Вы, такой пигмей, позволили себе пойти против такого колосса, как Толстой! Вам его не сломить». Батюшка тут же прочел мне свой ответ...* — Ответ отца Иоанна на письмо толстовца был опубликован в журнале «Миссионерское обозрение» (1904. № 1. С. 165). В нем, в частности, говорилось: «И то правда, что Толстой — колосс, но в своей сфере, в области литературы романической и драматической, а в области религиозной он — настоящий пигмей, ничего не смыслящий. И если я и еще скажу в обличение Толстого и его товарищей, прошу их не прогневаться за голую и резкую правду. Я не хотел более отвечать на безумные глаголы Толстого, но если меня резко вызывают на это, то, по долгу пред Истиной и Церковью, отвечаю, отдавая в печать выдержки из моего дневника, заключающие мои мысли и чувства по поводу душегубного толстовского еретичества...».

⁶³ *...рассказал, как в свою поездку в Ревель Господь спас его и ехавших с ним от крушения: вагон так и подбрасывало, но кондуктор догадался затормозить вовремя вагон.* — Имеется в виду поездка отца Иоанна в Пюхтицкий женский монастырь, куда он прибыл 18 ноября 1903 г. в 5 часов 30 минут утра. О «неприятном происшествии» на железной дороге газета «Ревельские известия» сообщала: «Не доезжая до станции Волосово, три задних вагона поезда, в котором находился отец Иоанн, сошли с рельсов. Так как поезд был одновременно остановлен, то несчастий с ехавшими не случилось, и все дело ограничилось тем, что сошедшие с рельсов вагоны были отцеплены, а ехавшие в них пассажиры, в том числе и отец Иоанн, пересежены в передние вагоны» (Ревельские известия. 1903. № 265. 25 ноября). Возможно, происшествие было вызвано снежными заносами на Балтийской и Псково-Рижской железных дорогах: «Высота снежных сугробов достигает во многих местах более аршина. Особенно много снега скопилось между станциями Волосово, Гатчина, Тапс и Тиббифер» (Там же. 1903. № 262, 20 ноября).

⁶⁴ *Затем Батюшка похвалил статью Заозерского об учреждении у нас патриаршества...* — Возможно, речь идет о статье профессора Московской Духовной Академии по кафедре церковного права Н.А. Заозерского «О средствах усиления власти нашего высшего церковного управления» (Рец. на: Тихомиров Л.А. Запросы жизни и наше церковное управление // Московские Ведомости. 1902. № 343–345). Статья была опубликована в журнале «Богословский Вестник» (1903. Т. 1. № 4. С. 687–715; Т. 3. № 9. С. 1–18).

⁶⁵ *«...Папа созвал конклав, и на нем будет обсуждаться вопрос об объединении католиков с Восточной Церковью!..»* — Конклав (от лат. conclave — «запертые на ключ») — собрание кардиналов Католической церкви, избирающее нового римского папу. Проходит в изолированном от внешнего мира помещении. 4 августа 1903 г. конклавом Католической церкви был избран

новый папа Пий X. Надежды отца Иоанна, возможно, были связаны с программой консервативного реформаторского папства, изложенной в энциклике Пия X и опубликованной 4 октября 1903 г. в связи с его вступлением на престол.

⁶⁶ *Тут к Батюшке подошли муж с женой и сказали, что они были пашковцами...* — Пашковцы — последователи религиозного учения лорда Редстока. Получили свое название по имени отставного гвардии полковник Василия Александровича Пашкова, главного последователя Редстока в России. Секта была широко распространена в великосветском обществе.

⁶⁷ *...попросила Батюшку благословить меня поступить в сестры милосердия и поехать на войну...* — 28 января 1904 г. началась русско-японская война, вызвавшая в народе подъем патриотических чувств.

⁶⁸ *«Завтра предстоит страшная атака Порт-Артура...»* — Вероятно, речь идет о той атаке Порт-Артура, следствием которой стала гибель броненосца «Петропавловск» и С.О. Макарова. В телеграмме генерал-адъютанта Алексева на имя Его Императорского Величества от 31 марта сообщалось: «По донесению командира Порт-Артура броненосцы и крейсера под флагом командующего флотом с появлением неприятеля вышли в море преследовать неприятельские силы и, вследствие увеличения последних до 30 выпелов, возвратились на рейд, причем броненосец «Петропавловск» коснулся мины, следствием чего была гибель броненосца» (Котлин. 1904. № 72, 1 апреля).

⁶⁹ *«Рай» Мережковского, в котором он христианство называет абсурдом.* — Речь, вероятно, идет о фантастическом романе-утопии Константина Сергеевича Мережковского, ученого-биолога, брата прозаика и поэта Дмитрия Мережковского, «Рай земной, или Сон в зимнюю ночь», опубликованном в Берлине в 1903 г.

⁷⁰ *...горько пожалел, что потонул «Петропавловск» и на нем погиб такой чудный адмирал и человек, как Макаров.* — Флагманский корабль Тихоокеанского русского флота броненосец «Петропавловск» подорвался на минах 31 марта 1904 г. при выходе с порт-артурского рейда в открытое море. При взрыве погибли 680 матросов и офицеров, среди них — главнокомандующий Тихоокеанского флота адмирал С.О. Макаров, художник-баталист В.В. Верещагин.

⁷¹ *В дальнейшей беседе сказал, что он прекрасно путешествовал...* — Речь идет о ежегодном летнем путешествии отца Иоанна на свою родину в с. Сура Пинежского уезда Архангельской губернии. В 1904 г. отец Иоанн был в Сура 4–6 июня, а затем посетил также Вятку, Пермь и Сарапул.

⁷² *...убийство Бобрикова, Плеве...* — Николай Иванович Бобриков, генерал-губернатор Финляндии, был смертельно ранен в здании финляндского Сената 3 июня 1904 г. террористом Эйгеном Шауманом. Вячеслав Константинович фон Плеве, министр внутренних дел Российской Империи, был взорван в карете 15 июля 1904 г. боевиком Егором Созоновым.

⁷³ *...в среду у Государя крестины Наследника, и я приглашен...* — Цесаревич Алексей Николаевич родился 30 июля 1904 г. в Петергофе. Отец Иоанн поздравил царскую семью с рождением наследника телеграммой: «Всерадостнейше со святым восторгом приношу Вашим Величествам поздравления с

Богодарованным Наследником Всероссийского престола. Кронштадтский протоиерей Иоанн Сергиев» (РП. 1904. № 34, 21 августа. С. 589). В ответной телеграмме император Николай II пригласил отца Иоанна на крестины: «Ее Величество и Я сердечно благодарим Вас и надеемся, что Вы придете на крестины Нашего Сына. Николай» (там же). Таинство Святого Крещения состоялось 11 августа в Большом Петергофском дворце.

⁷⁴ ...присланной в Порт-Артур иконе Божией Матери не оказали должного почтения... — Икона «Торжество Пресвятой Богородицы» была написана специально для Порт-Артура и летом 1904 г. привезена на Дальний Восток. Однако в течение нескольких месяцев не было предпринято попыток доставить ее по назначению. Доставить икону в осажденный Порт-Артур вызвался Н.Н. Федоров, 50-летний отставной ротмистр лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка, участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов, в 1904 году — делопроизводитель императорской охоты. В первых числах октября 1904 г., испросив благословение отца Иоанна (см.: ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 50, л. 64), Федоров покинул Петербург. 21 ноября 1904 года, в день праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, после Литургии и молебна перед иконой «Торжество Пресвятой Богородицы», образ был заключен в специально приготовленный для нее футляр и отправлен из Владивостока. Однако икона в Порт-Артур доставлена так и не была — город к тому времени был уже сдан. «Неудачу своей попытки, — говорил Федоров, — могу приписать только тому обстоятельству, что Царице Небесной неугодно было больше, чтобы святая икона Ея прибыла в Порт-Артур после того, как в течение семи с лишним месяцев не позаботились доставить ее по назначению» (*Отвергнутая победа: Порт-Артурская икона «Торжество Пресвятой Богородицы» в русско-японской войне*. СПб., 2003. С. 175).

⁷⁵ 22-го, служа обедню, Батюшка вдруг велел переменить все ризы; мне объяснили, что это означает перемену в составе духовенства... — Священник Иоанновского монастыря Александр Коротаев в июле 1904 г. был перемещен на должность священника-законоучителя женской рукодельной школы императрицы Марии Александровны. На его место отец Иоанн принял священника Иоанна Орнатского, мужа своей племянницы Анны (см. о ней примеч. N 79 к настоящей части). Последнюю Литургию в церкви Леушинского подворья отец Иоанн Орнатский совершил 29 августа 1904 г.

⁷⁶ ...генеральша Муяки. — Муяки (урожд. Трушинская) Екатерина Федоровна, жена полковника В.Д. Муяки (1833–1895), попечительница санкт-петербургского Громовского приюта святого Сергия с сиротским отделением для мальчиков. Вместе с сыном штабс-капитаном С.В. Муяки была компаньонкой в Верхнеамурской золотопромышленной компании. Скончалась в 1906 г. Семейству Муяки принадлежал доходный дом на углу Знаменской ул. и Ковенского пер., построенный в 1902–1903 гг. архитектором С.А. Хреновым в стиле модерн.

⁷⁷ ...я попросила его помолиться о Куропаткине... — Алексей Николаевич Куропаткин — главнокомандующий русской армией во время Русско-японской войны, военный министр России.

⁷⁸ Вспомнил своих наставников: Макария и Иоанна, епископа Смоленского... — См. примеч. N 58 к настоящей части.

⁷⁹ *...мы выехали вместе с А.С. Орнатской...* — Орнатская (урожд. Малкина) Анна Семеновна (1875–1951), дочь сестры отца Иоанна Д.И. Малкиной. С 1891 г. взята на воспитание отцом Иоанном; выдана замуж за священника Леушинского монастыря о. Иоанна Орнатского, впоследствии ставшего священником Иоанновского женского монастыря (см. о нем примеч. N 101 к настоящей части).

⁸⁰ *...я написал об этом Его Высокопреосвященству и прошу его похлопотать обо мне; Государь меня любит, и я вполне уверен, что исполнит это мое желание...* — На просьбу митрополита Антония (Вадковского) отец Иоанн ответил следующим письмом: «За последние месяцы моей жизни, чувствуя в себе недомогание и старческие болезни и приближаясь к концу земного моего поприща, я обращаюсь к Вам, милостивейший мой архипастырь, с покорнейшей моей просьбой — разрешить в случае моей смерти проводить меня в вечность и отпеть меня, при Вашем предстоятельстве, в основанном женском Иоанновском монастыре, а тело мое погребсти под нижним храмом преподобного Иоанна Рыльского» (*Вениамин (Федченков)*, митр. Отец Иоанн Кронштадтский. СПб., Кронштадт, 2000. С. 521).

⁸¹ *Ездил с одной большой поклонницей Батюшки, Чельцовой.* — Возможно, Александра Григорьевна Чельцова, вдова действительного статского советника, жительница Петербурга.

⁸² *...думаю, что Рождественский не потерял веру...* — Речь идет о вице-адмирале русского флота Зиновии Петровиче Рождественском, который возглавлял Вторую тихоокеанскую эскадру, созданную из кораблей Балтийского флота. 2 октября 1904 г. вновь образованная эскадра вышла из Либавы, а в середине мая 1905 г. корабли Рождественского достигли траверза Порт-Артура, уже полгода занятого японцами.

⁸³ *...в числе их был генерал, заведующий кронштадтской артиллерией...* — В 1904 г. командиром Кронштадтской крепостной артиллерии был генерал-майор Николай Александрович Чижиков.

⁸⁴ *«Вот меня все бранят в газетах...»* — В марте 1905 г. в газете Н.А. Скроботова «Петербургский листок» (№ 72) появилась статья И. Духовцева «Богородица в Кронштадте не покаялась», посвященная «деятельности» Порфирии Киселевой, прозванной в Кронштадте «богородицей». Духовцев обвинял Киселеву в спекуляции именем отца Иоанна, а его самого — в потакании ее действиям. Отец Иоанн пытался отвечать на обвинения, но вскоре прекратил газетную полемику. 17 мая 1905 г. он записал в дневнике: «Благодарю Господа, умирившего сердце мое, смущенное клеветой писак “Санкт-Петербургского листка”. Слава, Господи, всегдашнему благопослушеству Твоему к моим молитвам» (*Арсений (Жадановский)*, еп. Отец Иоанн Кронштадтский: Воспоминания. М., 1995. С. 174). В № 100 «Петербургского листка» появилась статья под названием «Богослужение в честь отца Иоанна». Статья описывала состоявшуюся якобы во дворе храма подворья Леушинского монастыря службу иоанниток с возгласами «Христос, Батюшка наш дорогой, спаси нас» (*Величко М.С.* Отец Иоанн Кронштадтский и его судьи. СПб., 1906. С. 14–16).

⁸⁵ *...Марией Александровной Боборыкиной...* — Боборыкина Мария Александровна — вдова генерал-майора Федора Боборыкина, сестра генера-

ла В.А. Дедюлина, жительница Санкт-Петербурга, почитательница и духовная дочь отца Иоанна.

⁸⁶ ...устроилась монархическая партия. Батюшка так живо и весело ответил: «Как же! Гринмут прислал мне пункты, чего эта партия должна придерживаться...» — В марте — начале апреля 1905 г. Владимир Андреевич Гринмут (1851–1907), один из основателей черносотенного движения, опубликовал в газете «Московские ведомости» ряд статей о необходимости создания монархической партии в России. 24 апреля 1905 г. состоялось первое собрание кружка единомышленников, по результатам которого при редакции «Московских ведомостей» было создано Центральное бюро партии.

⁸⁷ Я поезжу немного по Волге и скоро вернусь. — Поездка по Волге в 1905 г. не состоялась. 21 мая 1905 г. отец Иоанн прибыл в Вауловский скит Иоанновского женского монастыря. В первой половине июня он совершил поездку на родину, в село Сура Архангельской губернии. В июле он гостил в Леушинском женском монастыре и г. Устюжна.

⁸⁸ Заговорили о Тихоокеанской эскадре. Отец Иоанн отозвался о нашей неудаче так: «Страшно тяжелое поражение... что же делать? — за грехи наши Господь нас наказывает...» — Речь идет о Цусимском морском сражении 14–15 мая 1905 г. в Корейском проливе. Поражение русской эскадры было обусловлено подавляющим превосходством противника в силах и неподготовленностью русского флота к сражению.

⁸⁹ ...молиться, чтобы Господь помог Линевицу сухопутными войсками одержать победу. — Генерал-адъютант Н.П. Линевиц занял место главнокомандующего вооруженными силами Дальнего Востока 3 марта 1905 г., после поражения генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина в сражении при Мукдене. Линевиц сохранил те позиции, до которых были оттеснены русские войска после Мукденского сражения, но не решился перейти в наступление.

⁹⁰ Затем Батюшка рассказал, как его обрадовал своим посещением в Кронштадте митрополит Владимир... — Вероятно, речь идет о сщмч. Владимире (Богоявленском; †1918; память — 25 января / 7 февраля), который с 1898 по 1912 г. был митрополитом Московским и Коломенским, священноархимандритом Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Визит, о котором упоминает Е.В. Духонина, не нашел отражения в газетах. Но известно, что митрополит Владимир посетил отца Иоанна в его доме также 5 декабря 1907 г. (Котлин. 1907. № 277, 8 декабря).

⁹¹ ...какой сон видел адмирал Ломен... — Речь идет об известном деятеле русского флота вице-адмирале Николае Николаевиче Ломене (1843– ?). После окончания Морского корпуса Н.Н. Ломен был последовательно капитаном клиппера «Плостун», фрегата «Адмирал-генерал», фрегата «Память Азова». В 1892–1893 гг. заведовал Военно-морским ученым советом Главного морского штаба. С 1893 по 1905 гг. — флаг-капитан Его Императорского Величества. В 1905 г. был прикомандирован к Гвардейскому экипажу (Российские адмиралы: Биографический словарь / Автор-составитель Чертопруд С.В. М., 2004. С. 181–182).

⁹² ...поздравляю с миром <...> если приходится платить около 150 миллионов, то трудно радоваться <...> «Кажется, не 150 миллионов, а много

меньше...» — сказала я. Отец Иоанн отвечал: «Дай-то Бог, чтобы это так было...» — Русско-японские мирные переговоры начались 27 июля 1905 г. в американском городе Портсмуте. Мирный договор между сторонами был подписан 23 августа. Общая стоимость прямых материальных потерь России, не считая отторжения территорий, превышала 100 млн. золотых рублей. К этому следует добавить денежную компенсацию за содержание военнопленных, сумма которой не была зафиксирована в самом договоре, а позднее определена в 46 млн. рублей.

⁹³ Я заметила отцу Иоанну: «Меня удивляет, дорогой Батюшка, что во время войны наша миссия с преосвященным Николаем не терпела никаких нападков и насмешек...» — Равноапостольный Николай, архиепископ Японский (в миру — Иван Дмитриевич Касаткин; †1912; память — 3/16 февраля). С 1861 г. — настоятель русской посольской церкви в городе Хакодате (Япония); с 1870 г. — глава русской православной духовной миссии в Токио. Во время Русско-японской войны оставался со своей паствой в Японии.

⁹⁴ «Кронштадт горит, и матросы бунтуют...» — Беспорядки в Кронштадте начались 23 октября с митингов матросов, погромов домов терпимости и торговых лавок. 25 октября выступления артиллеристов и матросов приняли массовый характер, повсеместно раздавалась беспорядочная стрельба, а матросы предприняли попытку освободить заключенных из гражданской тюрьмы. В ночь с 26 на 27 октября вооруженные толпы устроили погром в центре города, стрельба шла в районе Павловской и Михайловской улиц, в разных частях Кронштадта вспыхнули пожары. «Утром, 27-го, населению Кронштадта представили ужасные картины разрушения <...>. Охранных частей войск почти нигде не было видно <...>. Началось бегство обывателей из Кронштадта в Петергоф и Ораниенбаум. Пароходы уходили переполненные публикой. Вероятно, не одна тысяча жителей Кронштадта в течение дня покинула город» (Котлин. 1905. № 241, 29 октября). Порядок в городе был восстановлен к 30 октября.

⁹⁵ «А ты знаешь, ведь меня пробрали в газетах, — сказали, что я бежал из Кронштадта?» — Так, например, в № 13 газеты «Русь» (от 8 ноября 1905 г.) появилась заметка «О. Иоанн и кронштадтские беспорядки» за подписью «Баян», в которой отец Иоанн обвинялся в «постыдном бегстве» из города.

⁹⁶ ...и предложила ему прочесть молитву, напечатанную в сегодняшнем номере... — В газете «Московские ведомости» (№ 291, 2 ноября) была напечатана «Молитва во дни нестроений и смуты в родной земле», в которой, в частности, говорилось: «О Господи, Боже Милосердный, Боже Премудрый, Боже Всемогущий! Паки и паки припадаем Тебе и слезно в покаянии и умилении сердца вопием: Помилуй землю Русскую; утоли вся крамолы, раздоры и нестроения, умири сердца, страстями буруема; сохрани возлюбленного раба Твоего Царя нашего; огради престол его правдою и миром; возглаголи в сердце его благая о Церкви Твоей и о людях Твоих, последи ему советников, мудростию исполненных и волю его свято исполняющих; вдохни мужество в сердца стоящих на страже благоустройства государственного и всех нас озари светом закона Твоего евангельского; возгрей сердца наши теплотою благодати Твоея; утверди волю нашу в воли Твоей, да якоже древле, тако и ныне, на земле нашей и в нас, и через нас прославится всесвятое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». В редакционной заметке сообщалось, что молитва отпеча-

тана на гектографе, но «было бы желательно, чтобы Синодальная типография, с разрешения Высшей Власти, напечатала ее хотя бы для домашней молитвы православных». Молитву предлагалась «прочитывать каждый день с коленопреклонением», сопровождая ее постом и милостынею.

⁹⁷ «...если Дума будет удачная, то она спасет Россию от анархии». — Государственная Дума была учреждена в России 6 августа 1905 г. манифестом императора Николая II. Согласно этому документу, Дума должна была созываться Царем «по мере необходимости» для помощи в решении важных вопросов, а после этого распускаться. Права участия в выборах не имели рабочие, учащиеся, военнослужащие, батраки и некоторые другие категории населения. Согласно манифесту «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г., Дума получила законодательную компетенцию, без ее одобрения «никакой закон не мог воспринять силу». Было обещано «привлечь теперь же» к участию в выборах в Государственную Думу «те классы населения, которые совсем лишены избирательных прав». Выборы в I Государственную Думу состоялись в марте – апреле 1906 г.

⁹⁸ *Сегодня Батюшка заезжал к старшему дьякону Солярскому...* — Солярский Дмитрий Иванович, старший диакон Иоанновского женского монастыря.

⁹⁹ *...меня вызывают в качестве свидетельницы по делу священника Торбаева.* — Следствие по делу священника Иоанновского монастыря Владимира Торбаева началось в 1905 г. 27 января 1906 г. отец Иоанн сообщал в письме игумении Таисии: «Священство, как соль, обуюло, и само развратилось. Вот и наш монастырский священник В<ладимир> судится на грязном деле. Больно мне это и стыдно за священство; Бог ему судья» (*Письма к игумении Таисии*. С. 80–81).

¹⁰⁰ *...всенощную и обедню совершал высокоуважаемый и любимый преосвященный Кирилл...* — Сщмч. Кирилл, митрополит Казанский и Свияжский (в миру — Смирнов Константин Илларионович; †1937; память — 7/20 ноября). Родился в 1863 г. в Санкт-Петербургской епархии. В 1887 г. по окончании Санкт-Петербургской Духовной Академии со степенью кандидата богословия назначен законоучителем Елизаветпольской гимназии. В том же году рукоположен во священника. С 1894 г. — законоучитель 2-й С.-Петербургской гимназии, с 1900 г. — настоятель кронштадтской Троицкой церкви. В 1902 г. овдовел, 10 мая 1902 г. пострижен в монашество и назначен начальником Духовной миссии в Урмии в сане архимандрита. В 1904 г. хиротонисан в епископа Гдовского, викария С.-Петербургской епархии. С 1909 г. — епископ Тамбовский и Шацкий. В 1918 г. назначен митрополитом Тифлиским и Бакинским, экзархом Кавказским. К месту назначения прибыть не удалось ввиду военных действий. С апреля 1920 г. — митрополит Казанский и Свияжский. С апреля 1922 г. — в ссылке в Красноярской обл. В завещании Патриарха Тихона митр. Кирилл был поставлен первым кандидатом на Местоблюстительство, но принять эти обязанности не имел возможности. Расстрелян в 1937 г.

¹⁰¹ *Батюшка Иоанн Николаевич Орнатский...* — Протоиерей Иоанн Николаевич Орнатский (1870–1937) родился в семье священника. По окончании Новгородской духовной семинарии служил псаломщиком Благовещенской церкви в Череповце, где был замечен отцом Иоанном Кронштадтским, посе-

тившим Череповец 9 июля 1893 г. В 1894 г. Иоанн Орнатский женился на племяннице отца Иоанна Кронштадтского А.С. Малкиной, которая ранее воспитывалась игуменией Таисией в Леушинском монастыре. В том же году рукоположен в сан священника и определен в Иоанно-Богословскую церковь при петербургском подворье Леушинского монастыря. В 1904 г. переведен в Иоанновский монастырь, в котором служил вплоть до его закрытия. Еще при жизни отца Иоанна Кронштадтского выпустил книгу записанных им проповедей, впоследствии напечатал несколько книг об отце Иоанне. С 1909 г. стал деятельным членом Общества в память Батюшки и явился одним из инициаторов и бессменным редактором журнала «Кронштадтский пастырь» (1912–1917 гг.). После закрытия Иоанновского монастыря служил в Серафимовской церкви поселка Графская (ныне Песочный) и в петербургской Симеоновской церкви на Моховой. В 1936 г. арестован; погиб в лагере в апреле 1937 г.

¹⁰² *...Государь явившейся к нему депутации сказал, что все написанное в манифесте 17 октября будет исполнено, но что самодержавие, вполне неограниченное, останется во всей своей силе...* — 16 февраля 1906 г. император Николай II принял в Царском Селе депутацию иваново-вознесенской Самодержавно-монархической партии. В ответ на выступления и преподнесенный ему адрес Государь обратился к депутации со следующими словами: «Знаю и ценю ваши чувства, от души благодарю вас и в вашем лице всю Самодержавно-монархическую партию. Передайте всем уполномочившим вас, что реформы, которые Мною возвещены Манифестом 17 октября, будут осуществлены неизменно, и права, которые Мною даны одинаково всему населению, неотъемлемы. Самодержавие же Мое останется таким, каким оно было встарь. Спасибо вам за вашу преданность» (МВ. 1906. № 48, 21 февраля).

¹⁰³ *...как пострадал преподобный Ираклий Декаполит, защищавший иконопочитание...* — Вероятно, имеется в виду прп. Григорий Декаполит (память 20 ноября / 3 декабря), юность которого пришлась на период реставрации иконоборчества при императоре Льве V. Приняв монашество, Григорий в начале 30-х гг. IX в., во время правления императора Феофила, покинул монастырь и отправился в Константинополь сражаться с иконоборческой ересью.

¹⁰⁴ *«...а есть еще и такие, которых можно и должно считать совсем сумасшедшими: они позволяют себе простого священника Ивана считать за Божество и именовать его Христом...»* — Речь идет о секте «иоаннитов» — религиозном движении православных христиан, считавших, что скоро наступит конец света и что спасется всякий, кто придет к Богу, воплотившемуся в отце Иоанне. Первые ростки движения появились в начале 1890-х гг. Широкое распространение секта получила в первое десятилетие XX века. В 1908 г. на Всероссийском миссионерском съезде в Киеве движение «иоаннитов» большинством голосов (112 против 14) было названо сектой. Отец Иоанн всегда резко отрицательно высказывался о любых проявлениях «иоаннитства».

¹⁰⁵ *Я спросила, читал ли он книжку, которую издал кружок 32-х священников о вопросах, которые нужно провести на церковном Соборе...* — Речь идет о сборнике «К церковному Собору», выпущенном в 1906 г. группой петербургских священников, заявивших о необходимости неотложных перемен в русском церковном управлении и призывавших к отделению Церкви от государства, созыву Поместного Собора и восстановлению патриаршества.

¹⁰⁶ ...сегодня служил в Ораниенбауме — там поднимали колокола в одной церкви... — 25 мая 1906 г. отец Иоанн присутствовал в Ораниенбауме на Литургии в городском соборе св. Архистратига Михаила. Божественную литургию совершал архиепископ Житомирский и Волынский Антоний (Храповицкий). Отец Иоанн прибыл в собор во время Литургии и вскоре уехал на квартиру болеющего городского головы М.В. Волкова (Котлин. 1906. № 116, 26 мая).

¹⁰⁷ ...что собирается путешествовать два месяца и поедет на большом пароходе чрез Ладожское озеро... — Отец Иоанн покинул Кронштадт 28 мая 1906 г. и отправился на родину в с. Сура на пароходе «Любезный». В Горицах он пересел на пароход «Св. Николай Чудотворец», подаренный им Сурскому женскому монастырю. В Петербург отец Иоанн вернулся 4 августа.

¹⁰⁸ ...сказал, что навестил вдову генерала Мина, что она страшно горюет по мужу... — Командир лейб-гвардии Семеновского полка свиты Его Императорского Величества генерал-майор Георгий Александрович Мин был убит 13 августа 1906 г. на перроне вокзала в Новом Петергофе пятью выстрелами в спину социалисткой-революционеркой З.В. Коноплянниковой. Преступницу схватила за руку и задержала жена генерала.

¹⁰⁹ Вновь посвященный Орловский викарий, бывший священник Афонский... — Епископ Митрофан (в миру — Афонский Митрофан Васильевич; 1861–1920), духовный писатель. В 1906 г. в Успенском соборе города Москвы хиротонисан во епископа Елецкого, викария Орловской епархии. С 1910 г. — епископ Екатеринбургский и Ирбитский, с марта 1914 г. — епископ Подольский и Брацлавский, с конца 1917 г. на покое.

¹¹⁰ Оказалось, что настоятель того храма, Никольский, оскорбил Батюшку, и он не стал служить Литургии в Сенновском храме. — 18 октября 1906 г. отец Иоанн был приглашен петербургскими купцами-вологжанами отслужить Литургию в Спасо-Сенновской церкви Петербурга в память избавления Вологды от моровой язвы в царствование Алексея Михайловича. Отец Иоанн прибыл в храм ранее 9 часов, когда настоятеля, протоиерея Константина Никольского (1824–1910), еще не было в церкви. Недовольство о. Константина Никольского, автора ряда книг по уставу православного богослужения, вызвало начало чтения часов до его прихода. По свидетельству очевидцев, «Никольский, придя в церковь и услышав чтение часов, стремительно вошел в алтарь с криком: «Святой человек! Святой человек! А устраивает беспорядки <...> Я — настоятель, как вы смели начать без меня? Вот нарушитель церковных уставов!» Попытки отца Иоанна принести извинения не имели успеха. Тогда отец Иоанн обратился к одному из служащих иереев с просьбой примирить его с настоятелем, поскольку иначе он «не сможет служить Литургии». На это о. Константин Никольский ответил: «Ну, и уходите, без вас отслужим!» (Русское знамя. 1906. № 280, 12 ноября).

¹¹¹ ...протоиереем Косухиным... — Протоиерей Александр Михайлович Косухин (1857–1912), служил в петербургской Симеоновской церкви на Моховой улице. Был одним из духовных друзей и постоянных корреспондентов отца Иоанна. Оставил дневниковые записи о встречах и беседах с Батюшкой (см.: Памяти отца Александра Косухина. СПб.: Издание Общества в память отца Иоанна Кронштадтского., 1913).

¹¹² *...отцом Александром Гавриловичем Каратаевым.* — Возможно, имеется в виду Иоанн Гаврилович Коротаев, священник церкви 99-го пехотного Ивангородского полка в г. Двинске.

¹¹³ *«Ко мне являлась депутация русских людей и просила меня приехать завтра в манеж на их собрание...»* — В состав депутации от Союза русского народа входили лидеры правых сил Александр Иванович Дубровин (1855–1921), барон Михаил Фердинандович Таубе (1855–1924) и др. лица. Отец Иоанн дал согласие принять участие в освящении хоругви и стяга союза. Освящение состоялось 26 ноября 1906 г. в Петербурге, в Михайловском манеже. Слово, произнесенное на торжествах отцом Иоанном, было опубликовано в газете «Колокол» (1906. № 256, 29 ноября).

¹¹⁴ *...речи, сказанной Дубровиным...* — См. о нем примеч. № 113 к настоящей части.

¹¹⁵ *Как жаль, что ни тебя, ни Ивана Николаевича не было там, он так хорошо записывает мои проповеди.* — Проповеди отца Иоанна записывал его зять, священник Иоанновского монастыря о. Иоанн Орнатский. Предваряя сборник проповедей, произнесенных в Иоанновском женском монастыре и изложенных И.Н. Орнатским, отец Иоанн 14 ноября 1906 г. писал: «Издаваемые отцом Иоанном Орнатским слова мои, говоренные без приготовления во время Литургии в созданной мною женской обители в Санкт-Петербурге и в некоторых других церквях столицы, воспроизведены им совершенно согласно с тем, что я говорил, хотя в некоторых местах отец Иоанн искусно и метко дополнял своими словами некоторые места речи для большей полноты и связи текста, — за что остаюсь ему благодарен» (*Иоанн Орнатский, прот.* Воспоминания о Кронштадтском пастыре. М., 2008. С. 134).

¹¹⁶ *...ему очень понравилась речь Грингмута, сказанная в Смоленске...* — В январе 1907 г. в газете «Московские ведомости» были опубликованы две речи В.А. Грингмута: «Апостолы и ученики нашего национального евангелия» (№ 12, 16 января) и «Наши "храмы науки"» (№ 17, 21 января).

¹¹⁷ *...завтра будет служить на Бежецком подворье...* — Подворье Бежецкого Благовещенского женского монастыря, находившееся по адресу: 10-я рота Измайловского полка, д. 21, располагалось в каменном доме, который по благословению отца Иоанна пожертвовала в пользу монастыря петербургская купчиха Ф.А. Аристова.

¹¹⁸ *...великой княгини нашего времени Александры Петровны...* — Великая княгиня Александра Петровна (в иночестве — Анастасия; †1900) — супруга великого князя Николай Николаевича Старшего, сына императора Николая I. Основала Покровский монастырь в Киеве. Украинской Православной Церковью прославлена в лике местночтимых святых Киевской епархии.

¹¹⁹ *Затем сказал, что едет в Устюжну...* — В городе Устюжне Новгородской губернии отец Иоанн навещал семейство купцов Поздеевых. Об отношении отца Иоанна с Яковом Михайловичем Поздеевым см.: *Отец Иоанн Кронштадтский и устюжане Поздеевы // Кронштадтский пастырь.* Вып. 2. С. 462–469.

¹²⁰ *...я 23-го прихворнул; был царский день...* — 23 апреля — день тезоименитства императрицы Александры Феодоровны, супруги императора Николая II.

¹²¹ *Дорогой Батюшка уехал в Суру.* — 12 мая 1907 г. отец Иоанн отправился в ежегодное путешествие на родину на поезде. Утром 13 мая он был уже в Вологде, о чем сообщал в письме к игумении Таисии: «Шлю вам мой сердечный привет с далекого Севера Архангельского. Благодарю Господа, давшего мне благополучный путь на суше и по воде. В Вологду прибыли мы 13 мая утром в 8 с половиной часов, и был встречен любезно добрыми друзьями, вологодскими купцами» (ГМИР, ф. 38, оп. 1, д. 10, л. 34). Далее от Вологды отец Иоанн путешествовал на своем пароходе «Святой Николай Чудотворец».

¹²² *...только ему одному он может поручить отвезти мощи в Архангельск...* — Речь идет о драгоценном ковчежце с частицами мощей 29 святых и частицей древа Креста Христова, который отец Иоанн прислал в Архангельск на освящение нового каменного здания Сурского подворья с храмом в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница». Освящение состоялось 19 октября 1907 г. «Ковчег этот был привезен накануне освящения храма — 18 октября — священником из С.-Петербурга о. Иоанном Орнатским, родственником о. протоиерея Иоанна <...>. Чин освящения, с благословения Его Преосвященства и по личному желанию о. Иоанна, поручено было совершить настоятелю Архангельского кафедрального собора протоиерею М.И. Сибирцеву, наставнику о. Иоанна по Архангельской семинарии» (Архангельские ЕВ. 1907. № 20, 30 октября. Ч. оф. С. 685).

¹²³ *...возьми себе в пример житие преподобных Синклитикии и Евфросинии...* — Вероятно, отец Иоанн имеет в виду двух святых жен из Александрии, подвизавшихся на монашеском поприще и достигших духовного совершенства. Память прп. Синклитикии Александрийской (ок. 350) празднуется 5/18 января; прп. Евфросинии Александрийской (V), подвизавшейся в мужском образе, — 15/28 февраля и 25 сентября / 8 октября.

¹²⁴ *...о чудном спасении генерала Гершельмана...* — 21 ноября 1907 г. на московского генерал-губернатор Сергея Константиновича Гершельмана совершила покушение эсерка Александра Севастьянова. Сверток с бомбой она бросила в сани, в которых Гершельман со своим адъютантом князем Оболенским ехал в Лефортовский военный госпиталь. Взрывом разломало сани, убило лошадей и тяжело ранило саму террористку. Генерал и его адъютант не пострадали.

¹²⁵ *Мы отстояли всенощную в эстонской церкви...* — Православная эстонская церковь в честь Воздвижения Креста Господня в Кронштадте была освящена отцом Иоанном 1 декабря 1902 г. Она располагалась в здании упраздненной Англиканской церкви, выкупленном и пожертвованном кронштадтскому эстонскому обществу Н.А. Туркиным. Заинициатором строительства был священник эстонской общины Кронштадта и Петергофа сщмч. Николай Симо.

¹²⁶ *...попросил племянницу его супруги налить нам чаю...* — У супруги отца Иоанна Елизаветы Константиновны Несвицкой было две племянницы, дочери ее младшей сестры Анны: Руфина (в замужестве Шемякина) и Елизавета (в замужестве Родионова). После смерти их отца свящ. Григория Цветкова девочки воспитывались в доме отца Иоанна.

¹²⁷ *...похвалил священника Восторгова, сказав, что это дивный человек, обладающий необыкновенным красноречием, что это Златоуст, что он может великую пользу принести России.* — Сщмч. Иоанн Восторгов

(†1918). Родился в 1864 г., окончил Ставропольскую духовную семинарию (1887). В 1889 г. возведен в сан иерея. С 1897 г. служил в Тифлисе. С 1906 г. — проповедник-миссионер Московской епархии. За неутомимость и особый дар миссионерской проповеди о. Иоанна называли «Златоустом Русской Православной Церкви». Участвовал во многих миссионерских съездах; возглавлял пастырские и псаломщицкие курсы в Москве. В 1908 г. стал одним из инициаторов организации Союза русского народа. С 1909 г. служил настоятелем Князь-Владимирской церкви при Московском епархиальном доме; с 1913 по 1918 г. — настоятелем Покровского собора в Москве; в эти же годы издавал газету «Церковность». В 1918 г. расстрелян.

¹²⁸ ...пьесу «Черные вороны» сняли со сцены... — Имеется в виду пьеса В.В. Протопопова «Черные вороны», рисующая закулисную сторону секты «иоаннитов». 25 октября 1907 г. епископ Саратовский и Царицынский Гермоген (Долганёв) послал обер-прокурору Св. Синода телеграмму, в которой просил походатайствовать о запрещении исполнения в саратовских театрах пьесы «Черные вороны», так как она «в карикатурной и крайне оскорбительной для религиозного чувства форме осмеивает монашество, отца Иоанна Кронштадтского, его почитателей» (*Колокол*. 1907. № 514, 30 октября). Автор Протопопов ответил, что «написал свою пьесу для того, чтобы показать русскому народу ту грязь и тот ужас, в который превращается православное учение, как только он забывает великую заповедь: “не сотвори себе кумира!”» (*Там же*. № 520, 6 ноября). 16 декабря 1907 г. распоряжением председателя Совета министров П.А. Столыпина пьеса «Черные вороны» была снята с репертуара театров.

¹²⁹ За наше поздравление его с назначением членом Святейшего Синода Батюшка поблагодарил... — 9 января 1908 г. открылась новогодняя сессия Святейшего Синода в обновленном и усиленном составе. К присутствию в Синоде были вызваны епископы Макарий (Невский), Никон (Рождественский), Алексий (Молчанов), Гермоген (Долганёв), Серафим (Чичагов), Митрофан (Симашкевич), а также «настоятель Андреевского собора в г. Кронштадте митрофорный прот. Иоанн Ильич Сергиев». Газета «Московские ведомости» по этому поводу писала: «Особенно знаменательно и радует его почитателей призвание к присутствию в Св. Синоде прот. о. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского. Назначение его является как бы увенчанием с высоты Престола сего доблестного чрезвычайного служения <...>. И хотя отцу Иоанну по немощам плоти едва ли Бог приведет много потрудиться на высоком поприще <...>, но он своим духом горящим и славным именем украсит скрижали истории Св. Синода» (*МВ*. 1908. № 3, 4 января).

¹³⁰ ...как он смотрит на предстоящий церковный Собор... — Вопрос о созыве Поместного Собора Российской Православной Церкви активно обсуждался в церковных и общественных кругах в марте 1905 г. Однако на доклад Святейшего Синода от 31 марта 1905 г. о «созвании собора епархиальных епископов для учреждения патриаршества и для обсуждения перемен в церковном управлении» император Николай II наложил следующую резолюцию: «Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия, и обдуманности, каково созвание поместного собора. Предоставляю Себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам православных Императоров, дать сему

великому делу движение и созвать собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления» (Русь. 1905. № 85, 3 апреля). Поместный собор Российской Православной Церкви состоялся только в августе 1917 – сентябре 1918 гг.

¹³¹ *...нравятся ли ему «Московские ведомости» в новой редакции...* — После кончины В.А. Грингмута в 1907 г. редакцию газеты «Московские ведомости» возглавляли барон А.Э. Нольде и известный ученый-славист профессор А.С. Будилович.

¹³² *...похвалил статью о постановлениях Святейшего Синода о вероисповеданиях.* — На первой страницы газеты «Московские ведомости» 9 января 1908 г. (№ 7) была помещена редакторская статья «Законопроекты о веротерпимости», поддерживавшая решение Святейшего Синода от 5 января 1908 г.: «Св. Синод, ссылаясь на историю Русской Церкви, в ее соотношениях к русской народности и к русскому государству, на исконные взгляды русских людей, а равно на действующие ныне законы — основные и частные — находит, что в России только Православной Церкви присвоено право пропаганды, прочим же она запрещена, особенно в среде православных, под угрозой уголовной репрессии, — что, по мнению Св. Синода, должно быть сохранено и на будущее время».

¹³³ *Про статью Богдановича сказал...* — Речь идет о статье Е.В. Богдановича «Союз Св. Креста», опубликованной в № 7 газеты «Московские ведомости» от 9 января 1908 г.

¹³⁴ *...вместе с игуменией одного монастыря матушкой Афанасией.* — Вероятно, имеется в виду настоятельница Радочницкого Свято-Антониевского монастыря Холмской епархии монахиня Афанасия (Громеко). По воспоминаниям епископа Холмского Евлогия (Георгиевского), это была «умнейшая, образованнейшая монахиня с литературными способностями»; «ее брат был близок Страхову и известен как один из первых серьезных критиков Толстого» (Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 107).

¹³⁵ *...пожаловался на теолинскую игуменью, что она его измучила своими жалобами на бедность монастыря...* — В личном архиве отца Иоанна сохранилось несколько писем от настоятельницы Теолинского Спасо-Преображенского монастыря игуменнии Людмилы. Так, 1 сентября 1908 г. она благодарила отца Иоанна за полученные 200 руб. и сообщала, что «эти деньги все пойдут на хлеб насущный, т. к. в обители нашей большой неурожай», а 29 сентября того же года снова писала об отчаянном положении Теолинской обители: «полный неурожай, поляки злорадствуют»; «буду просить прибавку на содержание»; «уже нет сил бороться с вечною нуждою» (ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 16а, л. 266–267; д. 56, л. 11–12 об.).

¹³⁶ *В это время пришел архимандрит, приехавший от преосвященного Никанора.* — Архиепископ Никанор (в миру — Никифор Тимофеевич Каменский; 1847–1910). С 1905 по 1908 г. — архиепископ Варшавский и Привисленский.

¹³⁷ *...он попросил находившихся тут епископов, преосвященных Гермогена и Серафима, благословить трапезу...* — Епископы Саратовский и Царицынский Гермоген (Долганёв) и Орловский и Севский Серафим (Чичагов) находились

в столице как временно присутствующие члены Святейшего Синода. На Страстную и Светлую седмицы они уезжали в свои епархии, но в 20-х числах апреля снова возвратились в Санкт-Петербург (*Вед.* 1908, № 90, 25 апреля).

¹³⁸ *...митрофорный протоиерей Дернов.* — Дернов Александр Александрович (1857–1923), протоиерей, ключарь; с 1899 по 1915 г. — настоятель Петропавловского собора в Петропавловской крепости, с 1915 г. — протопресвитер, заведующий придворным духовенством.

¹³⁹ *...попросила помолиться о болящем нашем протоиерее отце Д. Федорове...* — Протоиерей Дмитрий Андреевич Федоров (1856–1921) — настоятель церкви Иоанновского женского монастыря с 1907 г. до своей кончины. Член Общества в память отца Иоанна Кронштадтского, один из инициаторов обустройства гробницы.

архим. — архимандрит
в. — век
вв. — века
Вед. — Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и полиции
вмц. — великомученица
вмч. — великомученик
г. — год; город
гг. — года
ГААО — Государственный архив Архангельской области
ГАЯО — Государственный архив Ярославской области
ГВ — губернские ведомости
ГМИР — Государственный музей истории религии (С.-Петербург)
губ. — губерния
д. — дело
доп. — дополнительное
др. — другие
ЕВ — епархиальные ведомости
еп. — епископ
игум. — игумения
изд. — издание
л. — лист
МВ — Московские ведомости
митр. — митрополит
наст. — настоящее
неоф. — неофициальная
о. — отец
об. — оборот
оп. — опись
отд. — отдельное
полн. собр. соч. — полное собрание сочинений
прав. — праведный
примеч. — примечание
прот. — протоиерей

- прп. — преподобный
РГИА — Российский государственный исторический архив
(С.-Петербург)
РО РНБ — Рукописный отдел Российской национальной
библиотеки (С.-Петербург)
репр. — репринт
св. — святой
свт. — святитель
свящ. — священник
см. — смотри
ср. — сравни
сщмч. — священномученик
т. — том
т. д. — так далее
указ. соч. — указанное сочинение
урожд. — урожденная
ф. — фонд
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив
Санкт-Петербурга
ч. — часть

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ	5

Часть I

ВОСПОМИНАНИЯ ИГУМЕНИИ ТАИСИИ

Отец протоиерей Иоанн Ильич Сергиев как пастырь	9
Пребывание отца протоиерея Иоанна Сергиева в Леушинской обители в 1899 году	33
Светлой памяти отца Иоанна Кронштадтского	48
Беседы с отцом Иоанном Кронштадтским	50
Светлой памяти доброго Кронштадтского пастыря	84
Малый скит «Пустынька», или «Крестик», с церковью во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова	87

Приложения

Собственноручные заметки отца Иоанна Кронштадтского на отдельных листках, хранящиеся у игумении Таисии	91
Биография игумении Таисии	94
Примечания	102

Часть II

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ АЛЕКСАНДРЫ НАРЦИЗОВОЙ

Письма о путешествиях с отцом Иоанном Кронштадтским на его родину и в другие места	117
От автора	117
Из письма к редактору «Русского паломника»	118
Поездка в Горицкие киновии в 1892 году	124
Петербургские воспоминания	135
Путешествие с отцом Иоанном Кронштадтским на его родину в 1893 году	151
Поездка в Суру и возвращение оттуда с отцом Иоанном Кронштадтским	173
Путешествие отца протоиерея Иоанна Ильича Сергиева, пастыря Кронштадтского, на свою родину в село Сура Архангельской губернии Пинежского уезда в 1897 году	197

Приложение

Биография Александры Флегонтовны Нарцизовой 234

Примечания 240

Часть III

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ ЕКАТЕРИНЫ ДУХОНИНОЙ

Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский
(Дневник духовной дочери)..... 255

Приложение

Биография Екатерины Васильевны Духониной 451

Примечания 458

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 482

РЯДОМ С БАТЮШКОЙ

*Воспоминания духовных чад
о святом праведном отце
Иоанне Кронштадтском*

Редактор М.Ф. Земцова

Корректоры О.Г. Подобедова, А.А. Воронков, Е.А. Алешина

Технический редактор А.Л. Гулина

Компьютерная верстка Е.Г. Платонов

Дизайн обложки С.Л. Белокуров

Выпускающий редактор Л.В. Бутримова

Подписано в печать 18.11.12. Формат 70х100 1/16

Бумага офс. Печать офс. Физ. п.л. 30,5

Тираж 6000 экз. Заказ 9093.

ООО Издательство «Отчий дом»

119017, Москва, Старомонетный пер., д. 9, стр. 1

тел: 8 (499) 261-18-87

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в ОАО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14